ОТЪ

ЧНАЯ
НА
1856

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

1853-1856

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ 2й

ОПИСАНІЕ

ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЫ.

1853 — 1856.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ

АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Уваженіе къ доблестнымъ заслугамъ воинства, стяжавшаго безсмертную славу при защитѣ Севастополя, и желаніе Вашего Высочества увѣковѣчить замѣчательные его подвиги, на память и въ назиданіе грядущихъ поколѣній, — были причиною глубоко-патріотическихъ мыслей и чувствъ, высказанныхъ Вашимъ Высочествомъ въ возваніи къ севастопольцамъ—сообщить, что могутъ, о прошедшей достославной защитѣ. Ожиданія Вашего Высочества не могли не оправдаться на дѣлѣ, и первый томъ замѣчательныхъ рукописей бывшихъ защитниковъ Севастополя уже отпечатанъ роскошнымъ изданіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что каждый Русскій—дѣти и внуки наши, читая и перечитывая все относящееся до безпримѣрной защиты Севастополя, знакомясь съ великими подвигами военной доблести, будутъ поучаться, какъ слѣдуетъ каждому доброму, честному сыну Отечества, исполняя свой священный долгъ, отстаивать, когда приведется, грудью,—пользу, честь и славу своихъ Государей и Отечества.

Сочувствуя вполнѣ глубокимъ мыслямъ, руководившимъ Ваше Императорское Высочество, при изданіи въ свѣтъ рукописей севастопольцевъ, я полагалъ, въ тѣхъ же видахъ, не безполезнымъ издать въ послѣдовательномъ цѣломъ, хотя краткій очеркъ всей „Восточной Войны", такъ какъ подвиги, мужества и самоотверженія, достойные остаться въ памяти народа, совершались въ 1853--1856 гг., одновременно почти на всѣхъ окраинахъ обширнаго государства Русскаго.

Трудъ мой, при всѣхъ его несовершенствахъ, осмѣливаюсь повергнуть на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Вашего Высочества.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

ВѢРНОПОДДАННЫЙ

Александръ Гейротъ.

20 Мая, 1872 г.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ 1ꙵ
1825–1855 г.

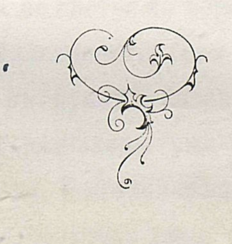
ОПИСАНІЕ

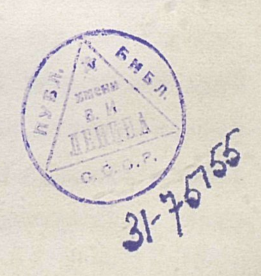
ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЫ.

1853 — 1856 гг.

Въ «Описаніи» помѣщено шестьдесятъ два рисунка.

А. Ө. ГЕЙРОТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій проспектъ, д. № 53.
1872.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 мая 1872 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ лѣтописяхъ другихъ народовъ не встрѣчается столь славныхъ страницъ, какими украсилась въ недавнее еще время наша исторія. Восточная война 1853—1856 годовъ, предпринятая для защиты угнетенныхъ единовѣрцевъ нашихъ, обнаружила рядъ необыкновенныхъ доблестей русскаго народа и такихъ примѣровъ самоотверженія, которые безспорно возбудятъ справедливое удивленіе и послѣдующихъ поколѣній.

О нравственномъ могуществѣ великаго народа, обнаружившемся въ эту войну, потомству можно будетъ судить изъ того, что не смотря на борьбу въ теченіи трехъ почти лѣтъ съ соединенными силами почти всей Европы, русскіе оставили въ рукахъ своихъ непріятелей однѣ только дымящіяся развалины уже не существовавшей приморской крѣпости. Безсильная злоба нашихъ враговъ должна была удовлетвориться лишь разрушеніемъ этихъ окровавленныхъ развалинъ.

Подробности этой неправедной вражды противъ Россіи, столь великодушно возставшей на защиту бѣдствующихъ

собратій своихъ по вѣрѣ, конечно извѣстны, въ общихъ чертахъ, всѣмъ современнымъ, въ особенности тѣмъ, которые стяжали славу при геройской оборонѣ Севастополя. Но ряды этихъ мужественныхъ сподвижниковъ славы и независимости русской земли уже рѣдѣютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ угаснуть и многія замѣчательныя частности этой безпримѣрной войны. Чтобы по возможности содѣйствовать сохраненію въ народной памяти и въ особенности въ рядахъ русской арміи драгоцѣнныхъ преданій о подвигахъ мужества и самоотверженія нашихъ воиновъ,—преданій столь питающихъ умъ и возвышающихъ душу,—я предположилъ, все наиболѣе замѣчательное, относящееся до восточной войны 1853—1856 г., изложить въ одной книгѣ въ послѣдовательномъ порядкѣ, отдѣльно по каждой мѣстности бывшихъ военныхъ дѣйствій.

Съ этою цѣлью, все относящееся до восточной войны, изложенное во многихъ статьяхъ въ издаваемомъ мною журналѣ «Чтеніе для Солдатъ» было мною вновь пересмотрѣно, многое измѣнено и значительно добавлено, согласно предположенному мною плану сего изданія, которое предназначено для войска и народа вообще, и для тѣхъ, кто желая ознакомиться съ замѣчательными подвигами, совершонными въ Восточную Войну 1853—1856 гг., не имѣютъ возможности пользоваться другими источниками. Матеріаломъ при составленіи описанія Восточной войны мнѣ служили: «Описаніе обороны г. Севастополя», генералъ-адъютанта Тотлебена. «Матеріалы при описаніи обо-

роны Севастополя», Жандра. «Военно-историческіе очерки крымской экспедиціи», Аничкова. «Описаніе экспедиціи англо-французовъ въ Крымѣ». «Походныя записки», Алабина. «Сборникъ извѣстій относящихся до войны 1853 — 1855 г.», Путилова. «Матеріалы для исторіи крымской войны и обороны Севастополя», (два первыхъ выпуска) Н. Дубровина.

На сколько удовлетворительно удалось мнѣ выполнить предпринятую мною цѣль предоставляю судить другимъ. Сознавая несовершенство моего труда, я однако питаю надежду, что можетъ быть въ уваженіе благой цѣли сего изданія, мнѣ извинятъ вкравшіеся недостатки настоящаго моего труда.

А. Ѳ. Гейротъ.

ГЛАВА I.

Причины войны Россіи съ Турціей 1853—1856 г.

Нарушеніе Турціею трактата 1829 г. — Бѣдствія христіанъ, православнаго исповѣданія—подданныхъ Турціи.

Всероссійскіе государи издревле покровительствовали православнымъ не только въ предѣлахъ Россіи, но и въ другихъ странахъ. По договору заключенному съ турками въ Адріанополѣ въ 1829 году, это покровительство утверждено было особою статьею и была обезпечена полная свобода богослуженія для всѣхъ православныхъ христіанъ, живущихъ въ турецкихъ владѣніяхъ.

Но съ теченіемъ времени, по проискамъ бывшаго императора французовъ, Наполеона III, турецкое правительство стало постепенно стѣснять права и преимущества греко-восточной церкви,—права которыми церковь сія пользовалась съ незапамятныхъ временъ. Притѣсненія эти были тѣмъ прискорбнѣе, что въ то же время подданные Турціи, протестанты и латиняне, благодаря вліянію Францію, Англіи, Пруссіи и Австріи получили для себя такія преимущества, какихъ не имѣло православное населеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ начались въ 1852 г., столь извѣстныя притѣсненія православныхъ въ Босніи и Герцеговинѣ, гдѣ мирные жители были подвергаемы неслыханнымъ истязаніямъ, ограблены и преданы смерти, такъ что многіе, цѣлыми деревнями должны были покинуть свое отечество.

Въ слѣдующемъ году сердарь турецкій, Омеръ-паша съ 40,000 войска вторгнулся въ православную Черногорію, съ намѣреніемъ уничтожить и обезоружить христіанъ и искоренить въ нихъ духъ независимости. Расположившись лагеремъ, Омеръ-паша потребовалъ къ себѣ изъ Босніи и Грецеговины, отъ христіанскаго населенія, подводы и провіантъ. Христіане исполнили требованіе и явились на мѣсто. Ихъ заставили работать, дѣлать окопы и проч., не выдавая имъ ничего для пропитанія; это было въ самую дождливую зиму. Бѣдные христіане, неимѣвшіе ни крова, ни пріюта, терпѣли отъ изнуренія и голода; Омеръ-паша велѣлъ, наконецъ, отпустить ихъ, но прежде отобралъ у нихъ воловъ для пищи солдатамъ, которые, въ свою очередь, отняли у христіанъ послѣднюю одежду. Христіане отправились домой пѣшкомъ, полунагіе, и едва-ли десятый изъ нихъ вернулся.

При этомъ нельзя не припомнить и того обстоятельства, что дѣйствіями турокъ руководили тогда поляки, избѣгнувшіе наказанія за возмущеніе противъ Россіи въ 1831 году. Нельзя безъ ужаса не вспомнить также и о вѣроломствѣ, съ которымъ дѣйствовали въ то печальное время турецкія власти въ Болгаріи. По опредѣленію этихъ властей, предположено было выслать въ австрійскія владѣнія нѣсколькихъ безпокойныхъ болгаръ. Подъ видомъ прощенія и только изгнанія изъ родины, ихъ стали перевозить на другой берегъ Дуная. Но въ лодкахъ заранѣе были приготовлены пробоины; на срединѣ рѣки ихъ открыли и несчастные болгары вмѣстѣ съ лодками пошли ко дну; бывшіе же съ ними турки спаслись въ особой лодкѣ.

Въ оградѣ храма Святаго Гроба, первой святыни хри-

стіанства, турецкая стража у дверей курила трубки, и нетолько стража, всякій Турокъ, приходящій въ храмъ по какому нибудь дѣлу, закуривалъ трубку. Къ куполу прислонены были комнаты турецкаго гарема и окна ихъ выдавались въ самый храмъ.

Кромѣ того, Турки неоднократно казнили патріарховъ православной вѣры, сожигали монастыри, истязали монахинь въ Ѳессаліи и повсюду притѣсняли православныхъ.

Послѣ того, какъ всѣ главнѣйшія державы Европы исторгли отъ Турціи права покровительства своихъ единовѣрцевъ, могла ли Россія оставаться равнодушною зрительницею такихъ бѣдствій христіанъ православнаго исповѣданія. — Россія, которая пріобрѣла право заступничества надъ ними, цѣною крови и рядомъ побѣдъ, Россія, — которая, такъ сказать, обязалась трактатами съ Турціей защищать и охранять православную церковь въ ея владѣніяхъ, — не могла долѣе оставлять беззащитными православныхъ христіанъ, подданныхъ Турціи.

Императоръ Николай I, истощивъ, чрезъ своихъ представителей при Оттоманской Портѣ всѣ убѣжденія и доводы, желая избѣгнуть совершеннаго разрыва, рѣшился послать въ Константинополь чрезвычайнаго уполномоченнаго съ письмомъ своимъ къ Султану, облегчая тѣмъ для министровъ Турціи, пути къ переговорамъ и примиренію съ Русскимъ дворомъ.

Посланный для этого въ Турцію, князь Меншиковъ предъявилъ требованіе Россіи о точномъ исполненіи заключенныхъ трактатовъ и объявилъ, что Государь Императоръ желаетъ достигнуть цѣли путемъ мирныхъ переговоровъ, а не силою оружія. Но Порта, поддерживаемая Наполеономъ III и Англіею, на всѣ миролюбивыя предло-

женія русскаго правительства, отвѣчала грубымъ отказомъ. Тогда Императоръ Николай повелѣлъ объявить Портѣ, что если она будетъ упорствовать, то Онъ вынужденъ будетъ, временно, занять своими войсками Молдавію и Валахію, въ видѣ залога.

Получивъ такое предложеніе, Порта не давала рѣшительнаго отвѣта, а старалась продлить время въ переговорахъ. Тѣмъ временемъ англо-французская эскадра заняла Дарданеллы.

Могла ли Россія, такъ грубо оскорбленная въ своемъ достоинствѣ и чести, оставаться при своихъ миролюбивыхъ мѣрахъ? Занятіе княжествъ Молдавіи и Валахіи оказалось необходимымъ, не только какъ понудительное средство, чтобы заставить Порту войти въ прямыя сношенія съ Россіею, но и какъ должное возмездіе противъ морскихъ державъ, явившихся съ своими эскадрами къ Дарданелламъ въ угрозу Россіи.

Чуждый помысловъ завоеванія, Императоръ Николай I объявилъ, въ изданномъ манифестѣ, свои виды народу, и, чрезъ государственнаго канцлера, свою политику иностраннымъ державамъ.

Вотъ этотъ, памятный для всѣхъ русскихъ, манифестъ:

«Извѣстно любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ, что защита Православія была искони обѣтомъ блаженныхъ предковъ Нашихъ.

«Съ того самаго времени, когда Всевышнему промыслу угодно было вручить Намъ наслѣдственный престолъ, охраненіе сихъ святыхъ обязанностей, съ нимъ неразлучныхъ, было предметомъ заботливости и попеченій Нашихъ, и они, имѣя основаніемъ достославный Кайнарджійскій договоръ, подтвержденный послѣдующими торже-

ственными трактатами съ Оттоманскою Портою, всегда направлены были къ обезпеченію правъ Церкви Православной.

«Но къ крайнему прискорбію, въ послѣднее время, вопреки всѣхъ усилій Нашихъ защитить неприкосновенность правъ и преимуществъ Нашей православной церкви, многія самопроизвольныя дѣйствія Порты нарушали сіи права и грозили, наконецъ, совершеннымъ ниспроверженіемъ всего увѣковѣченнаго порядка, столь православію драгоцѣннаго.

«Старанія Наши удержать Порту отъ подобныхъ дѣйствій остались тщетными и даже торжественно данное Намъ самимъ султаномъ слово, было вскорѣ вѣроломно нарушено.

«Истощивъ всѣ убѣжденія и съ ними мѣры миролюбиваго удовлетворенія справедливыхъ Нашихъ требованій, признали Мы необходимымъ двинуть войска Наши въ Придунайскія Княжества, дабы доказать Портѣ, къ чему можетъ вести ея упорство. Но и теперь не намѣрены Мы начинать войны; занятіемъ Княжествъ Мы хотимъ имѣть въ рукахъ Нашихъ такой залогъ, который бы во всякомъ случаѣ ручался Намъ въ возстановленіи Нашихъ правъ.

«Не завоеваній ищемъ Мы: въ нихъ Россія не нуждается, Мы ищемъ удовлетворенія справедливаго права, столь явно нарушеннаго. Мы и теперь готовы остановить движеніе Нашихъ войскъ, если Оттоманская Порта обяжется свято наблюдать неприкосновенность православной церкви. Но если упорство и ослѣпленіе хотятъ противнаго, тогда, призвавъ Бога на помощь, Ему предоставимъ рѣшить споръ Нашъ и съ полной надеждой на Всемогущую Десницу, пойдемъ впередъ за Вѣру Православную.»

Данъ въ Петергофѣ въ 14 день Іюня 1853 года.

ГЛАВА II.

Начало военныхъ дѣйствій Турокъ въ 1853 г.

Нападеніе Турокъ на постъ св. Николая.—Геройская защита его.—Манифестъ Императора Николая I-го, объ объявленіи войны Турціи.

Война съ Турціею въ 1853 году началась неожиданнымъ вторженіемъ Турокъ въ предѣлы Россіи, безъ объявленія войны, даже безъ предувѣдомленія главнокомандующаго о началѣ военныхъ дѣйствій. Турки 15 Октября ночью напали на небольшой пограничный русскій постъ св. Николая.

Постъ св. Николая построенъ былъ въ 1810 году, когда Гурія вступила въ подданство Россіи. Въ то время на правый берегъ рѣки Чолоки высаженъ былъ Бѣлевскій пѣхотный полкъ, для обороны Гуріи отъ вторженій турецкихъ шаекъ. Солдаты Бѣлевскаго полка поставили на песчаномъ, приморскомъ холмѣ свою походную церковь, во имя св. Николая, выстроили нѣсколько деревянныхъ домиковъ и казармы, и окружили ихъ землянымъ валомъ. Мѣсто получило названіе укрѣпленія св. Николая, и съ того времени сохранило его навсегда, хотя полкъ и выступилъ черезъ годъ, по возведеніи укрѣпленія, а земляной валъ и построенный на немъ большой редутъ мало по малу совершенно разрушились. Съ 1831 года постъ св. Николая былъ обращенъ въ таможенную заставу; кромѣ того, тутъ же былъ помѣщенъ складъ провіанта, назначеннаго для продовольствія находящихся по близости войскъ.

Въ 1853 году строеній или хатъ въ фортѣ св. Ни-

колая считалось до 50. Всѣ они были весьма ветхія, деревянныя. Домъ воинскаго начальника, двѣ небольшія казармы, провіантскій магазинъ и семь зданій окружали небольшую деревянную церковь. Пять избъ нижнихъ чиновъ и нѣсколько лавокъ, духановъ и лачужекъ, сколоченныхъ изъ досокъ, были расположены неподалеку. Постоянныхъ или коренныхъ жителей въ постѣ св. Николая вовсе не было; въ немъ жили только временно: служитель церкви іеромонахъ Серафимъ, нѣсколько семействъ женатыхъ нижнихъ чиновъ, да 20 человѣкъ мелкихъ турецкихъ торговцевъ и духанщиковъ изъ окрестностей.

Въ началѣ 1853 года, для отраженія безпрерывныхъ разбоевъ пограничныхъ Кабулетцевъ (*), присланы были къ Николаевскому посту двѣ неполныя роты Черноморскаго линейнаго №12 баталіона, въ числѣ 255 человѣкъ, 2 орудія съ прислугою, нѣсколько казаковъ и двѣ сотни гурійской милиціи, подъ начальствомъ князя Георгія Гуріеля, племянника послѣдняго гурійскаго владѣтеля. Воинскимъ начальникомъ надъ всей командой назначенъ былъ Черноморскаго линейнаго № 12 баталіона капитанъ Щербаковъ.

Тѣмъ временемъ, на турецкомъ берегу замѣчалось особенное оживленіе. Къ берегу приставали тщательно прикрытыя кочермы (турецкія суда), перевозившія, какъ оказалось впослѣдствіи, орудія; надъ рѣкою строилась батарея. Вечеромъ 15 октября передвиженія войскъ на турецкомъ берегу были еще болѣе замѣтны, а въ 11 часовъ по полуночи прибѣжалъ въ домъ къ воинскому начальнику фельдфебель первой роты и объявилъ, что на косѣ,

(*) Жители Кабулетскаго санджака, сосѣдней турецкой области.

между моремъ и рѣкою, замѣчена партія Кабулетцевъ, которые причалили на судахъ къ берегу, высадились безъ шума и осторожно пробирались по дорогѣ къ Поти. Одинъ изъ находившихся въ секретѣ рядовыхъ выстрѣлилъ изъ ружья. По этому сигналу ударили въ барабанъ, сдѣлалась тревога.... Ночь была темная и шелъ сильный дождь, такъ что въ двухъ шагахъ едва было видно. Секретъ, состоявшій изъ 25 солдатъ и изъ нѣсколькихъ милиціонеровъ, началъ перестрѣлку, а вслѣдъ затѣмъ выдвинуты были къ берегу оба орудія и открыли артиллерійскій огонь.

Еще въ началѣ перестрѣлки принесли къ провіантскому магазину, гдѣ собранъ былъ гарнизонъ укрѣпленія, раненаго гурійскаго князя Накашидзе и нѣсколькихъ солдатъ, убитыхъ и раненыхъ. Черезъ часъ однако же непріятель скрылся по дорогѣ къ Поти, и перестрѣлка прекратилась. Воинскій начальникъ капитанъ Щербачевъ ободрилъ солдатъ и поставилъ къ воротамъ, со стороны Поти, 100 человѣкъ лучшихъ стрѣлковъ съ штабсъ-капитаномъ Гуричевымъ и поручикомъ Хитрово; самъ же Щербачевъ остался при резервѣ, у магазина.

Между тѣмъ погода нѣсколько прояснилась, взошелъ мѣсяцъ и освѣтилъ окрестности. Такъ какъ Турки не показывались болѣе у поста, то капитанъ Щербачевъ и князь Гуріель полагали, что замѣченная партія Кабулетцевъ отправилась къ р. Супсѣ, для грабежа. Чтобы узнать о движеніи непріятеля, посланы были двое конныхъ казаковъ по дорогѣ къ Поти; но казаки, проѣхавъ версты двѣ, замѣтили идущія къ нимъ на встрѣчу многочисленныя толпы Турокъ и поспѣшно возвратились въ укрѣпленіе. Другой разъѣздъ, посланный за 30 верстъ въ

Озургеты, къ кутаисскому военному губернатору, съ извѣстіемъ о нападеніи Турокъ, былъ окруженъ на дорогѣ, и послѣ продолжительной, упорной схватки, всѣ казаки были убиты.

Въ это время, какъ партія Кабулетцевъ отвлекала вниманіе гарнизона, болѣе 80 турецкихъ судовъ подплыли въ ночной темнотѣ къ берегу, и высадили нѣсколько баталіоновъ турецкихъ регулярныхъ войскъ въ трехъ верстахъ отъ поста св. Николая. Затѣмъ суда снова отчалили отъ берега, чтобы пересѣчь нападающимъ всякую возможность къ отступленію. Хотя турецкія силы и превышали числительность русскаго гарнизона болѣе чѣмъ въ 20 разъ, но Турки шли на штурмъ слабаго таможеннаго поста, какъ на отчаянный подвигъ, и по распоряженію своихъ начальниковъ, должны были: или погибнуть всѣ до одного, или пересилить русскій гарнизонъ.

Вскорѣ нахлынула на укрѣпленія толпа осаждающихъ. Солдаты встрѣтили Турокъ бѣглымъ огнемъ. Въ тоже время, съ противоположной стороны рѣки, загудѣли пушечные выстрѣлы. Гранаты разрывались между строеніями и одною изъ нихъ зажженъ былъ навѣсъ, подъ которымъ было сложено до 1,800 четвертей хлѣба.

Схватка у воротъ укрѣпленія не могла продолжаться долго. Солдаты, отстрѣливаясь, отступили къ магазину, и Турки со всѣхъ сторонъ ворвались за ними въ укрѣпленіе. Чтобы хотя нѣсколько удержать нападающихъ, солдаты на рукахъ перенесли одно орудіе съ берега на площадку поста къ дому воинскаго начальника, и встрѣтили непріятеля картечью; но изъ орудія успѣли выстрѣлить только одинъ разъ. Турки занимали уже почти всѣ зданія, но не смѣли подойти ближе, чѣмъ на 30 шаговъ къ горсти

русскихъ храбрецовъ, которые упорно отстрѣливались отъ непріятеля. Число обороняющихся однако же уменьшалось ежеминутно. Уже штабсъ-капитанъ Гуричевъ и подпоручикъ Хитрово были смертельно ранены; начальникъ Гурійской пѣшей дружины, князь Георгій Гуріель, получилъ двѣ раны, но еще оставался въ бою. Когда вновь онъ былъ смертельно раненъ въ грудь пулею, то передалъ начальство надъ гурійской милиціей своему 16-ти лѣтнему сыну князю Іосифу. Храбрый юноша оставался въ битвѣ до послѣдней возможности. Охранявшіе его двое гурійскихъ дворянъ, Гиней-швили и Цитлизде были убиты возлѣ него. Только къ концу битвы Гурійцы съ трудомъ прорубились шашками сквозь турецкія толпы, и вынесли изъ боя своего раненаго молодаго князя.

Въ числѣ храбрыхъ защитниковъ поста особенно отличился въ эту ночь унтеръ офицеръ 12 линейнаго баталіона, Шиховцевъ; находясь постоянно впереди своихъ товарищей, онъ ободрялъ ихъ словами и примѣромъ. Штыкъ его скрутился какъ винтъ; онъ всю ночь сражался безъ устали, безпрерывно кидаясь на наступающихъ и увлекая своимъ примѣромъ товарищей; наконецъ Шиховцевъ, обезсиленный, палъ подъ ударами враговъ. Турки съ уваженіемъ смотрѣли на трупъ храбреца, и впослѣдствіи похоронили его съ военною почестью, отдѣльно отъ прочихъ убитыхъ.

Когда строй защитниковъ уже замѣтно порѣдѣлъ, Турки подступили ближе, и наконецъ кинулись въ шашки и кинжалы. Все смѣшалось въ одну разъяренную толпу. Въ тоже время другія толпы Турокъ бросились грабить лавки и духаны. Изъ оконъ и дверей домовъ разда-

вались крики и выстрѣлы. Священнослужитель Николаевскаго поста, іеромонахъ Серафимъ во время битвы, въ полномъ облаченіи, находился въ храмѣ и служилъ молебенъ. Церковное пѣніе молящихся, заглушаемо было стукомъ оружія и воплями отчаянной борьбы.

Часовой, охранявшій провіантскій магазинъ, видя, что все потеряно, и что гибель русскаго отряда неизбѣжна, зажегъ пукъ сухой рогожи и бросилъ его въ магазинъ. Строеніе мгновенно запылало! Часовой чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того былъ убитъ тутъ же, на мѣстѣ, но провіантъ не достался въ руки непріятеля!

Сопротивленіе становилось уже невозможнымъ. Тогда остатокъ отряда бросился въ штыки, и проложилъ себѣ путь сквозь густую толпу торжествующихъ непріятелей. Сдаваться никто не хотѣлъ. Послѣдними вышли изъ боя 24 рядовыхъ съ тремя офицерами, почти всѣ израненные, и одинъ артиллеристъ. Защищаться было не кому, и непріятель торжествовалъ побѣду надъ грудою труповъ!

Но эта побѣда досталась врагамъ не дешево. Во время приступа къ посту св. Николая, убиты были лучшіе изъ кабулетскихъ предводителей, давно извѣстные въ краѣ своей хищнической отвагой, и раненъ пулею самъ главный начальникъ Али-Бекъ-Тавдиритзе. Во время битвы онъ находился у берега рѣки, откуда наблюдалъ за ходомъ сраженія; впослѣдствіи узнали, что тамъ же находилось еще въ резервѣ, около батареи, нѣсколько баталіоновъ регулярной турецкой пѣхоты.

Чиновникъ таможеннаго вѣдомства Сосницкій, захваченный Турками въ схваткѣ и впослѣдствіи вернувшійся изъ плѣна, показалъ, что онъ замѣтилъ на батареѣ до 150 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Спустя три часа изъ

бывшаго поста св. Николая привезено было туда же еще до 300 человѣкъ раненныхъ Турокъ, которыхъ положили на приготовленныя арбы, и отвезли къ мѣстечку Кабулетъ или Чурукъ-су.

Сосницкій, отправленный въ числѣ плѣнныхъ въ Кабулетъ, встрѣтилъ на пути три турецкіе батаціона, 8 полевыхъ орудій, большія толпы баши-бузуковъ (милиціи), которые подъ предводительствомъ самаго турецкаго главнокомандующаго Селимъ-паши, спѣшили на мѣсто битвы.

Кромѣ Сосницкаго, взяты были въ плѣнъ лекарь Мадзилевскій, участковый засѣдатель князь Антонъ Накашидзе, человѣкъ шесть рядовыхъ и столько же женщинъ.

Турки, занявъ постъ св. Николая, предавались всякимъ жестокостямъ: они пригвоздили къ кресту захваченнаго въ плѣнъ таможеннаго чиновника, и долгое время стрѣляли въ него, для потѣхи, какъ въ цѣль. Изверги отпилили голову священнику, и подвергли пыткѣ врача, чтобъ принудить его признаться, куда спряталъ онъ свои деньги. Они зарѣзали многихъ женщинъ и беззащитныхъ дѣтей. Армяне, населявшіе деревню Баяндуръ, окруженные со всѣхъ сторонъ, также сдѣлались жертвами жестокости Турокъ. Курды бросились на нихъ, зарѣзали женщинъ, дѣтей и священниковъ, мужчины же большею частью погибли съ оружіемъ въ рукахъ, при защитѣ домовъ своихъ. Такъ ознаменовалось начало войны Турціи съ Россіею!

По представленнымъ впослѣдствіи свѣдѣніямъ, оказалось, что защитниковъ поста св. Николая, кромѣ милиціи, было только 339 человѣкъ, включая въ то число и 28 объѣздчиковъ каратинно-таможеннаго вѣдомства.

Изъ числа этихъ 28 объѣздчиковъ, 26 было убито. Въ 12-мъ линейномъ баталіонѣ изъ 20 унтеръ-офицеровъ, товарищей Шиховцева, пятнадцать пали въ битвѣ. Пробились штыками сквозь толпы Турокъ 24 человѣка.

Намѣстникъ Кавказа, князь Воронцовъ немедленно донесъ Государю Императору о гибели поста св. Николая, и заключилъ всеподданнѣйшій рапортъ слѣдующими словами:

«Прискорбно для меня начать донесеніе о военныхъ дѣйствіяхъ съ Турками непріятнымъ для насъ событіемъ; но намъ остается надѣяться на будущее и сказать, какъ въ 1812 году: на начинающаго Богъ.»

Находившійся въ Озургетахъ кутаисскій военный губернаторъ, князь Гагаринъ, только на другой день послѣ битвы получилъ извѣстіе о вторженіи Турокъ. Опасность угрожала краю и съ моря, и съ сухаго пути. Въ Озургетахъ находилось въ то время только пять ротъ, и князь Гагаринъ, для усиленія войска, поспѣшилъ собрать мѣстное ополченіе. Три роты Литовскаго полка, взводъ Черноморскаго линейнаго № 12 баталіона, 2 полевыхъ орудія и одну сотню милиціи направилъ онъ къ посту св. Николая, чтобы, если можно, помочь геройскимъ защитникамъ; самъ же князь Гагаринъ остался въ Озургетахъ только съ 2-мя ротами.

Отрядъ, составлявшій менѣе одного баталіона, подъ командой полковника Карганова, спѣшилъ, не отдыхая, на помощь осажденному гарнизону. Но уже было поздно! Постъ св. Николая былъ взятъ Турками, и остатокъ гарнизона, отбиваясь отъ преслѣдующихъ враговъ, отступилъ къ Озургетамъ.

Храбрецы, почернѣвшіе отъ пороховаго дыма, были из-

нурены семичасовою битвою; они едва могли идти и многіе изъ нихъ падали отъ изнеможенія. Отрядъ Карганова встрѣтилъ отступающихъ на половинѣ ихъ пути къ Озургетамъ. Узнавъ о гибели поста, Каргановъ рѣшился отмстить врагамъ за вѣроломное нападеніе; онъ быстро двинулся впередъ, перешелъ въ бродъ двѣ горныя рѣчки и осторожно подошелъ къ посту, уже занятому Турками.

Въ двухъ верстахъ отъ поста св. Николая, наступающіе встрѣтили непріятеля, засѣвшаго въ густомъ лѣсу, въ крѣпкихъ завалахъ. 4-я егерская рота и милиціонеры разсыпались по лѣсу. Турки встрѣтили ихъ сильнымъ огнемъ, но егеря безстрашно подошли къ самому завалу; тутъ только они дали залпъ и бросились въ штыки и шашки

Завалъ былъ взятъ, и толпы непріятеля, числомъ до 4 тысячъ, отступили къ неразрушеннымъ еще строеніямъ поста. За ними двинулся и полковникъ Каргановъ, но болотистая мѣстность воспрепятствовала ему провезти далѣе орудія, и мостъ былъ уже разобранъ Турками. Въ тоже время съ турецкой батареи, изъ за рѣки, началась пушечная пальба.

Перестрѣлка и артиллерійскій огонь продолжались 6 часовъ. Когда уже начало смеркаться, Турки съ музыкой и криками двинулись, наступая на отрядъ Карганова, перешли по перекладинамъ чрезъ рѣчку и бросились къ завалу, за которымъ засѣли егеря. Нападеніе было стремительное, но егеря и милиція штыками и шашками встрѣтили Турокъ; непріятель былъ отбитъ, оставивъ предъ завалами до 300 тѣлъ. Едва наступила ночь, какъ съ непріятельскаго берега безпрерывно начали переправляться новыя войска: толпы непріятельскія наступали со всѣхъ

сторонъ. Тогда полковникъ Каргановъ, не видя возможности сопротивляться долѣе непріятелю, рѣшился возвратиться въ Озургеты; но и отступить было трудно, при такомъ превосходствѣ силъ непріятеля. Чтобы скрыть свое отступленіе; начальникъ отряда приказалъ открыть сильный артиллерійскій огонь, какъ бы готовясь къ атакѣ. Турки, желая предупредить атаку, въ третій разъ кинулись на егерей, и еще разъ были отброшены штыками. Тогда полковникъ Каргановъ, пользуясь удобной минутой отступилъ на позицію къ Гехатскому мосту, къ счастію, не разрушенному турками; иначе отрядъ Карганова могъ бы быть отрѣзанъ отъ Озургетъ. 17 числа, утромъ полковникъ Каргановъ возвратился въ Озургеты, вмѣстѣ съ пробившимися защитниками поста св. Николая.

Потеря съ нашей стороны въ этомъ, истинно отважномъ дѣлѣ, заключалась: убитыми въ 1 оберъ-офицерѣ, 48 рядовыхъ и 14 милиціонерахъ; ранеными оберъ-офицеровъ 2, рядовыхъ 79 милиціонеровъ 50 человѣкъ; а всего выбыло изъ строя 194 человѣкъ.

Императоръ Николай Павловичъ Высочайшимъ манифестомъ объявилъ о вѣроломномъ поступкѣ турокъ. Въ манифестѣ 20 октября 1853 г. было сказано:

«Россія вызвана на брань; ей остается, возложивъ упованіе на Бога, прибѣгнуть къ силѣ оружія, чтобы понудить Порту къ соблюденію трактатовъ (международныхъ договоровъ) и къ удовлетворенію за тѣ оскорбленія, которыми отвѣчала она на самыя умѣренныя Наши требованія и на законную заботливость Нашу о защитѣ на Востокѣ, Православной Вѣры, исповѣдуемой и народомъ русскимъ».

ГЛАВА III.

Военныя дѣйствія на Чорномъ морѣ.

Движеніе парохода «Колхида» къ посту св. Николая. — Примѣрная защита парохода во время стоянки его на мели противъ поста.

Въ то время, какъ гарнизонъ поста св. Николая геройски погибалъ, окруженный сильнѣйшимъ непріятелемъ, начальникъ 3-го отдѣленія Черноморской береговой линіи, генералъ-маіоръ Мироновъ, отправился на пароходѣ «Колхида» къ турецкой границѣ, для удостовѣренія въ дѣйствительности вторженія непріятеля. Чтобы можно было въ случаѣ надобности оказать помощь гарнизону, генералъ-маіоръ Мироновъ взялъ съ собою, на пароходъ одну роту Черноморскаго линейнаго № 11-го баталіона, въ числѣ 224 нижнихъ чиновъ и 2 офицеровъ.

Пароходъ «Колхида» снялся съ якоря 18-го октября; а на другой день, въ сумерки подплылъ къ посту св. Николая. На берегу мелькали огни и обозначался лагерь, но по темнотѣ, не было возможности различить, чей онъ: турецкій или русскій?

На сигнальный выстрѣлъ съ парохода отвѣчали съ берега двумя холостыми выстрѣлами, и тремя боевыми выстрѣлами изъ лагеря. Горнисты на пароходѣ подали сигналъ; имъ отвѣчали съ берега какими-то непонятными сигналами на горнѣ. Опасаясь въ темнотѣ приближаться къ берегу, генералъ Мироновъ приказалъ пароходу выйти въ море. «Колхида» всю ночь держалась въ виду поста св. Николая.

Когда стало свѣтать и разсѣялся утренній туманъ, то пароходъ «Колхида» снова приблизился къ берегу; крас-

ные и желтые значки, виднѣвшіеся въ лагерѣ, убѣдили, что берегъ дѣйствительно занятъ Турками.

Генералъ-маіоръ Мироновъ приказалъ капитану парохода Кузминскому держаться внѣ выстрѣла, чтобы не подвергать понапрасну людей опасности; но въ эту минуту пароходъ неожиданно остановился на мели, въ разстояніи отъ турецкаго лагеря не болѣе какъ на 80 саженъ. Съ берега явственно послышались слова на русскомъ ломаномъ языкѣ: «вотъ это хорошо!» Въ то же время болѣе 3000 ружей загремѣли противъ «Колхиды.» Первые выстрѣлы однако же не принесли командѣ парохода никакого вреда, хотя озабоченные матросы толпились на палубѣ, не обращая вниманія на выстрѣлы непріятеля.

Капитанъ парохода приказалъ тотчасъ же подать на казацкій баркасъ малый якорь и завести его по направленію къ открытому морю, чтобы, притягиваясь при помощи якоря, сняться съ мели. Къ несчастію, главный запасный якорь (стопъ-анкеръ), оставленъ былъ въ Сухумѣ, и можно было завести только находившійся на пароходѣ малый якорь. Экипажъ началъ тянуть завозъ. Сперва все шло удачно, но вдругъ канатъ лопнулъ—и надежда на спасеніе исчезла!

Чтобы укрыться отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, генералъ-маіоръ Мироновъ приказалъ солдатамъ лечь на палубу, или—по морскому выраженію—«лечь по сѣткамъ.» Только стрѣлкамъ и штуцернымъ приказано было держаться у борта и стрѣлять въ непріятеля. Вслѣдъ за ружейными выстрѣлами началась съ берега также и пальба изъ орудій, сперва безъ успѣха, но скоро ядра стали врѣзываться и въ пароходъ.

Изъ 5 непріятельскихъ орудій, два были размѣщены

на правомъ флангѣ турецкаго лагеря, расположеннаго фронтомъ къ морю. Эти орудія дѣйствовали хуже прочихъ: устремляя огонь свой на лѣвый бортъ они весьма мало повредили его, тогда какъ правый бортъ парохода былъ весь пронизанъ ядрами.

Гибель парохода казалась неминуемою, но о сдачѣ никто и не думалъ.

Четыре 12-ти фунтовыхъ орудія и кормовая бомбическая пушка обращены были противъ непріятеля. Первое ядро изъ бомбическаго орудія должно было разбить сначала правый бортъ парохода, чтобы проложить дорогу для слѣдующихъ. Второй выстрѣлъ изъ орудія, заряженнаго картечью, попалъ въ непріятельскій развернутый фронтъ и вырвалъ изъ рядовъ нѣсколько человѣкъ. Турки тотчасъ же перешли влѣво, гдѣ выстрѣлы съ парохода не могли имъ вредить. Пальба не умолкала. Дымовая труба была уже вся избита; кожухъ, кухня, всѣ верхнія надстройки, двѣ шлюпки были также пробиты пулями и ядрами. Пароходъ уже два раза загорался отъ непріятельскихъ гранатъ, но пожаръ немедленно тушили, причемъ горящую трубку съ первой упавшей на палубу гранаты безстрашно сорвалъ матросъ 30-го экипажа Яковъ Барабашъ.

Наконецъ, предложено было послѣднее средство для облегченія парохода, а именно: срубить переднюю, главную мачту, что лишало пароходъ возможности спастись на парусахъ, въ случаѣ если бы машина, поврежденная ядрами, не въ состояніи была дѣйствовать. Лейтенантъ Степановъ, взявъ топоръ, самъ началъ рубить мачту, но въ это мгновеніе былъ раненъ и долженъ былъ спус-

титься въ каюту. Мѣсто его занялъ лейтенантъ баронъ Дистерло, до того времени стоявшій на вахтѣ.

Команда парохода попыталась еще разъ завести 7-ми пудовой якорь, и по немъ стянуться. Уже приступлено было къ работѣ, когда капитанъ парохода, капитанъ-лейтенантъ Кузминскій получилъ контузію въ голову и упалъ безъ чувствъ; но минутъ черезъ пять онъ приподнялся и спокойно сказалъ: «ничего, ребята, палите!» Вслѣдъ за тѣмъ, капитанъ Кузминскій былъ смертельно раненъ осколкомъ гранаты въ спину, и отнесенъ въ свою каюту.

Начальство надъ пароходомъ принялъ баронъ Дистерло. Онъ тотчасъ приказалъ дорубить фокъ-мачту, а когда непріятельское ядро сбило кормовой флагъ, немедленно же самъ замѣнилъ его другимъ. Солдаты, лежа, тянули канатъ (завозъ). Силы ихъ уже видимо ослабѣвали, но пароходъ все еще не трогался съ мели. Наступала послѣдняя, отчаянная минута—гибели и смерти. Солдаты, снявъ папахи, молились усердно, какъ вдругъ пароходъ неожиданно тронулся съ мели. Съ громкимъ крикомъ: ура! бросились всѣ къ канату, но голосъ начальника раздался громче всѣхъ: «ребята,« сказалъ онъ, «это Богъ помогъ намъ; не забывайте!» Всѣ набожно перекрестились еще разъ. Пароходъ быстро пошелъ назадъ (заднимъ ходомъ). Дѣйствію завезеннаго якоря, какъ оказалось послѣ, содѣйствовало потрясеніе парохода отъ пальбы изъ огромнаго бомбическаго орудія.

Когда пароходъ повернулся кормовою частію къ берегу, то матросы обратили бомбическое орудіе чрезъ корму и сдѣлали нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ въ ту-

рецкій лагерь, какъ бы прощальнымъ наставленіемъ о томъ, что каждому Русскому дорога честь его флага!

Когда пароходъ вышелъ въ море, первою общею мыслію было благодареніе Творцу Небесному, даровавшему спасеніе. Унтеръ-офицеръ началъ вслухъ читать молитву; присутствующіе въ благоговѣйномъ умиленіи тихо повторяли ее.

Черезъ четверть часа послѣ того, турецкій лагерь совсѣмъ скрылся изъ вида.

Пароходъ «Колхида» получилъ болѣе 120 пробоинъ, изъ которыхъ двѣ въ подводной части; въ дымовой трубѣ оказалось 34 пробоины.

21-го октября, уже во виду Сухума, часу въ первомъ, по полудни, черный флагъ, поднятый до половины высоты гротъ-мачты, возвѣстилъ экипажу о кончинѣ храбраго командира парохода, капитанъ-лейтенанта Кузминскаго.

Такъ начало военныхъ дѣйствій съ Турками въ 1853 году ознаменовалось двумя доблестными дѣлами: геройскою защитою поста св. Николая, и храброю, доблестною защитою парохода «Колхида.» Въ обѣихъ битвахъ Русскіе боролись противъ въ-десятеро сильнѣйшаго непріятеля; но и въ самую тяжелую минуту не вымолвлено было ни одного слова о сдачѣ. И на сушѣ, и на морѣ русскій воинъ показалъ себя достойнымъ своего славнаго призванія!

Битва парохода «Владиміръ» съ турецко-египетскимъ пароходомъ «Первазъ Бахре». — Взятіе парохода «Первазъ-Бахре,» названнаго «Корниловъ».

Вскорѣ послѣ нападенія Турокъ на постъ св. Николая, русскій флотъ отмстилъ Туркамъ за ихъ вѣроломный по-

ступокъ и за гибель своихъ храбрыхъ сотоварищей парохода «Колхида,» погибшихъ въ неравной битвѣ, при этой первой, кровавой схваткѣ.

Въ началѣ ноября, русская эскадра вступила въ Черное море и не смотря на безпрерывный, порывистый вѣтеръ, начальникъ русской эскадры, вице-адмиралъ Нахимовъ держался въ открытомъ морѣ, намѣреваясь встрѣтить турецкій флотъ, который, какъ извѣстно было, вышелъ также въ море.

Въ тоже время генералъ-адъютантъ Корниловъ, съ двумя судами: «Владиміръ» и «Одесса» розыскивалъ непріятельскій флотъ въ гаваняхъ, по восточному берегу Чернаго моря. 5-го ноября, рано по утру съ парохода «Владиміръ,» на которомъ находился самъ генералъ-адъютантъ Корниловъ, замѣченъ былъ вдали дымъ парохода;—это былъ, какъ оказалось впослѣдствіи, турецко-египетскій (*) 10-ти пушечный пароходъ «Первазъ-Бахре» въ 220 силъ. Когда оба судна приблизились одно къ другому, на разстояніе пушечнаго выстрѣла, генералъ-адъютантъ Корниловъ приказалъ поднять на пароходѣ своемъ русскій военный флагъ. Непріятель отвѣчалъ поднятіемъ своего національнаго, турецко-египетскаго флага. Видя, что непріятель не сдается, пароходъ «Владиміръ» началъ дѣйствовать по немъ ядрами. Первыми выстрѣлами сбитъ былъ флагъ съ мачты египетскаго парохода, тогда непріятель немедленно поднялъ флагъ на другой мачтѣ, и продолжалъ упорно защищаться. Но силы противниковъ были неравны, и сопротив-

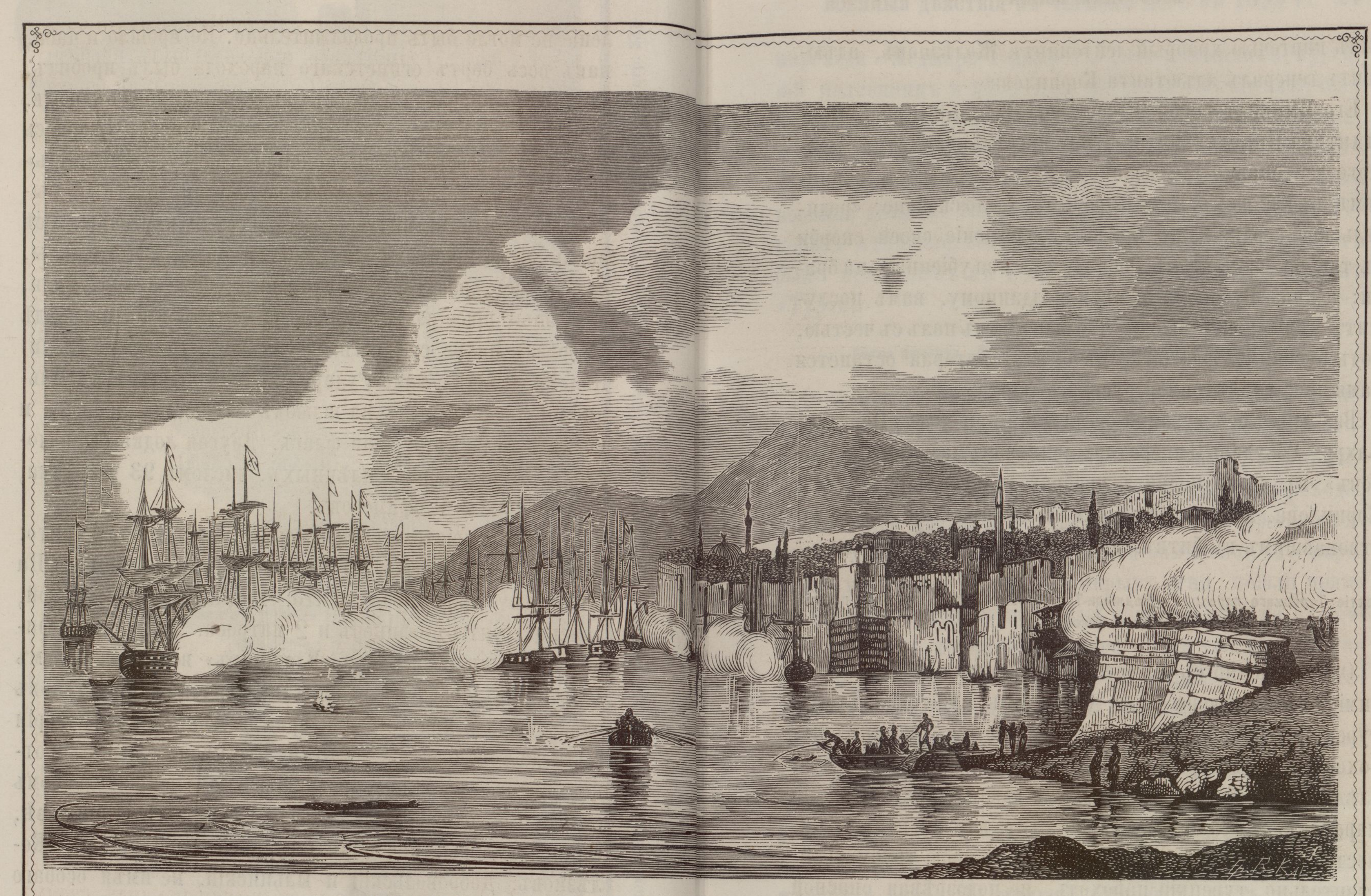
(*) Египетъ, хотя и составляетъ отдѣльное государство, управляемое вице-королемъ, но считается подвластнымъ Турціи; потому и Египтяне дѣйствовали во время этой войны вмѣстѣ съ Турками.

Сраженіе парохода «Владиміръ» съ Турецко-Египетскимъ пароходомъ «Первазъ-Бахре» 5 октября 1858 г. (къ стр. 23)-

леніе не могло быть продолжительно. Не прошло и часа, какъ весь бортъ египетскаго парохода былъ пробитъ. Командиръ парохода, черкесъ Саидъ-паша, убитъ ядромъ, но «Первазъ-Бахре» все еще отстрѣливался, стараясь достигнуть берега. Чтобы покончить битву, «Владимiръ» подошелъ къ своему непрiятелю на пистолетный выстрѣлъ, и сталъ дѣйствовать ядрами и картечью. Всѣ наши ядра пронизывали корпусъ парохода; гранаты, разрываясь, разрушали внутреннiя части судна. Видя, что дальнѣйшее сопротивленiе невозможно, на пароходѣ «Первазъ-Бахре спущенъ былъ флагъ, въ знакъ сдачи. На «Владимiрѣ» также ударили отбой и капитанъ Ильинскiй посланъ былъ на шлюбкѣ завладѣть призомъ и поднять на немъ русскiй флагъ. Другая лодка была послана, чтобы забрать плѣнныхъ, числомъ 93 человѣка, въ томъ числѣ 9 офицеровъ.

Потеря непрiятеля была весьма значительна; убито: офицеровъ 3, матросовъ 19, ранено 18 человѣкъ. На пароходѣ «Владимiръ» убито: 1 офицеръ и 1 рядовой, ранено 1 унтеръ-офицеръ и 2 матроса. Капитанъ, офицеры и команда парохода «Владимiръ» вели себя самымъ достойнымъ образомъ. Капитанъ-лейтенантъ Бутаковъ распоряжался какъ на маневрахъ. Дѣйствiя артиллерiи были до того быстры и мѣтки, что произвели въ короткое время — страшное разрушенiе на непрiятельскомъ суднѣ. Состоявшiе при генералъ-адъютантѣ Корниловѣ, флагъ-офицеры, лейтенанты: князь Барятинскiй, Желѣзновъ, Добровольскiй и Ильинскiй, не имѣя особаго дѣла по флагманской части, поощряли команду своимъ примѣромъ и указанiями. Къ общему прискорбiю всего экипажа парохода «Владимiръ», во время битвы убитъ

ИСТРЕБЛЕНІЕ ТУРЕЦКОЙ ЭСКАДРЫ ПРИ СИНОПѢ 18-го Ноября 1853 г.

(къ стр. 29.)

былъ картечью храбрый лейтенантъ Желѣзновъ, адъютантъ генералъ-адъютанта Корнилова.

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ почтилъ престарѣлаго отца, павшаго лейтенанта Желѣзнова, сочувственнымъ рескриптомъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «родительское сердце ваше найдетъ облегченіе своей скорби въ теплой молитвѣ къ Господу силъ за убіеннаго на брани; а какъ Русскому и вѣрноподданному, вамъ послужитъ утѣшеніемъ мысль, что сынъ вашъ палъ съ честью, подъ русскимъ флагомъ, въ битвѣ, которая останется памятною въ лѣтописи русскаго флота».

Взятый съ боя турецко-египетскій пароходъ «Первазъ-Бахре» Государь Императоръ приказалъ назвать «Корниловъ» въ честь подвига храбраго генералъ-адъютанта Корнилова, а всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ битвѣ, даны были щедрыя награды.

Взятіе Турецкаго парохода «Меджари-Теджаретъ» Императорскимъ пароходомъ Бессарабія.

Одновременно съ молодецкимъ дѣломъ парохода «Владиміръ», захваченъ былъ у береговъ Азіатской Турціи турецкій пароходъ «Меджари-Теджаретъ», русскимъ пароходомъ «Бессарабія». 4-го ноября этотъ пароходъ, слѣдуя близь береговъ, замѣтилъ вдали идущій турецкій пароходъ, и желая ближе подпустить къ себѣ непріятеля, поставилъ всѣ паруса и закрылъ ими свою трубу. Дѣйствительно, турецкій пароходъ, не подозрѣвая опасной для себя встрѣчи съ русскимъ военнымъ судномъ, продолжалъ идти вдоль берега, а когда пароходъ «Бессарабія» открылъ по немъ огонь, то командиръ турецкаго

парохода «Меджари-Теджаретъ», его помощникъ, турецкій полковникъ и нѣсколько матросовъ почли за лучшее не вступать въ бой; они поспѣшно спустили шлюбки, и съѣхали на берегъ. Оставленный пароходъ былъ взятъ безъ сопротивленія, и отведенъ въ Севастополь, какъ военная добыча. По распоряженію Его Высочества, Генералъ-Адмирала, взятый пароходъ «Меджари-Теджаретъ былъ причисленъ къ 4-му ластовому экипажу и названъ «Турокъ».

Битва фрегата «Флора» съ тремя Турецкими пароходами.

9-го ноября фрегатъ «Флора», подъ командою капитанъ-лейтенанта Скоробогатова, на пути изъ Севастополя въ Сухумъ-Кале, находясь на высотѣ укрѣпленія Пицунди, замѣтилъ впереди на вѣтрѣ три парохода, державшіеся соединенно. На сдѣланный съ фрегата сигналъ отвѣта получено не было и замѣчено, что пароходы, выстроясь въ линію и скрывъ огни, пошли прямо къ фрегату; когда же пароходы приблизились на пушечный выстрѣлъ, то фрегатъ «Флора» былъ уже совершенно готовъ къ бою. Въ 2 часа ночи, пароходы идучи малымъ ходомъ по направленію къ носовой части фрегата, остановились, открыли порты и начали дѣйствовать по фрегату ядрами. Капитанъ-лейтенантъ Скоробогатовъ, не допуская бить себя продольными выстрѣлами, уклонивъ фрегатъ подъ вѣтеръ, открылъ съ лѣваго борта по пароходамъ батальный огонь, продолжавшійся около 20 минутъ. Маневръ этотъ и меткіе выстрѣлы съ парохода «Флора», заставилъ турецкіе пароходы замолчать и выйдти изъ подъ выстрѣловъ фрегата. Послѣ этого, пароходы, сойдясь на близкое

разстояніе между собою, какъ бы для совѣщаній, чрезъ 10 минутъ снова приблизились къ фрегату и вторично открыли огонь. Фрегатъ отражалъ нападеніе, дѣйствуя съ того же лѣваго борта батальнымъ огнемъ, продолжавшимся 30 минутъ, что и заставило пароходы, съ поврежденіями въ корпусѣ, опять удалиться отъ фрегата. Повторяя свои нападенія такимъ образомъ, пароходы дѣйствовали съ 2 до 6 часовъ; послѣ чего, удалившись, оставались внѣ нашихъ выстрѣловъ до разсвѣта. Фрегатъ же, находясь отъ берега въ 10 миляхъ, на срединѣ разстоянія между укрѣпленіями Пицунди и Бомборы, поворотилъ на правый галсъ къ берегу.

Съ разсвѣтомъ, пароходы подняли турецкіе флаги, и тогда замѣчено, что пароходъ, дѣлавшій ночью сигналъ фонарями, былъ турецкій адмиральскій и выкрашенъ былъ черною краскою; два другіе имѣли по борту бѣлыя полосы и по 16-ти пушечныхъ портовъ; всѣ пароходы были 3-хъ мачтовые, съ батареями. Въ половинѣ 7-го часа, по сигналу съ адмиральскаго парохода, два другіе парохода взяли направленіе къ фрегату, на на-вѣтренную сторону; адмиральскій же пароходъ слѣдовалъ за кормою фрегата. Въ это время съ фрегата увидѣли на вѣтрѣ, въ 4 миляхъ къ берегу, шхуну «Дротикъ» съ выкинутыми веслами; заключая по направленію, взятому двумя пароходами, о намѣреніи ихъ напасть на шхуну, и чтобъ сколько нибудь воспрепятствовать этому, командиръ фрегата Скоробогатовъ, приказалъ открыть по адмиральскому пароходу сильный огонь. Дѣйствія эти заставили пароходы оставить покушеніе на шхуну и идти на помощь къ адмиральскому пароходу, спѣшившему соединиться съ ними и старавшемуся избѣгать выстрѣловъ

фрегата. Такимъ образомъ фрегатъ «Флора», заставляя три турецкіе парахода держаться соединенно, наносилъ имъ сильный вредъ, такъ что къ 9-ти часамъ утра, пароходы рѣшительно были не въ состояніи выдерживать долѣе огня артиллеріи фрегата «Флора» и постыдно бѣжали, оставивъ поле сраженія парусному фрегату, получившему отъ нихъ только двѣ надводныя пробоины.

Такъ какъ фрегатъ «Флора» дѣйствовалъ огнемъ преимущественно противъ адмиральскаго парохода, то онъ поврежденъ былъ гораздо болѣе прочихъ и взятъ былъ другими пароходами на буксиръ.

Движенія адмиральскаго парохода были гораздо правильнѣе остальныхъ и замѣчено было, что люди на немъ были одѣты по европейски. Экипажъ фрегата «Флора» во все время сраженія оказалъ самоотверженіе, мужество и храбрость. Убитыхъ и раненыхъ не было.

Государь Императоръ, получивъ донесеніе о семъ отличномъ дѣлѣ, Высочайше повелѣть соизволилъ: произвести командира фрегата «Флора» капитанъ-лейтенанта Скоробогатова въ слѣдующій чинъ; офицеровъ къ наградѣ, всѣмъ благоволеніе, а нижнимъ чинамъ шесть Георгіевскихъ крестовъ и 1 руб. серебромъ.

Синопская битва.

Приготовленія къ бою и распоряженія вице-адмирала Нахимова.— Вступленіе въ Синопскій заливъ.— Дѣйствія русской эскадры и совершенное истребленіе турецкаго флота.—Взятіе въ плѣнъ вице-адмирала турецкой эскадры Османъ-Паши.— Отплытіе русской эскадры къ Севастополю.— Высочайшая грамота Императора Николая I на имя Нахимова.

Русская эскадра подъ начальствомъ вице-адмирала Нахимова усмотрѣла турецкій флотъ въ заливѣ, близь турецкаго города Синопа, подъ защитою 6 береговыхъ

батарей. Городъ Синопъ—весьма древній, и населенъ нынѣ Турками и Греками-христіанами. Въ древнія времена Синопъ былъ столицею могущественнаго Понтійскаго царства, которое владѣло всѣми берегами Чернаго моря. Впослѣдствіи Синопъ былъ покоренъ Римлянами, а отъ нихъ перешелъ подъ власть Грековъ, и наконецъ—завоеванъ былъ Турками. (*) Гавань Синопа избрана была турецкимъ адмираломъ для стоянки турецкаго флота въ позднюю осень, когда Черное море весьма бурливо и опасно. Вице-адмиралъ Нахимовъ, усмотрѣвъ непріятельскій флотъ въ синопской гавани, рѣшился заслонить турецкому флоту выходъ изъ залива, для чего эскадра его и держалась въ виду синопскаго берега. 16-го ноября къ Нахимову присоединилась эскадра контръ-адмирала Новосильскаго, состоявшая изъ 6 судовъ, и тогда Нахимовъ, увѣренный въ побѣдѣ, рѣшился атаковать Турокъ.

На слѣдующій день приглашены были къ начальнику эскадры на фрегатъ всѣ командиры судовъ, для сообщенія плана атаки. Нахимовъ напомнилъ эскадрѣ, что Государь Императоръ и Россія ожидаютъ славныхъ подвиговъ отъ Черноморскаго флота».—«Я предоставляю каждому командиру судна дѣйствовать по своему усмотрѣнію», говорилъ Нахимовъ; «помните только одно, что мы должны исполнить свой долгъ». Эти слова Нахимова были упомянуты и въ приказѣ по эскадрѣ, отданномъ наканунѣ битвы.

Утро слѣдующаго дня, 18-го ноября, было ненастное

(*) Св. апостолъ Андрей Первозванный, проповѣдывавшій слово Божіе на берегахъ Днѣпра, гдѣ нынѣ Кіевъ, прибылъ сюда изъ Синопа.

и туманное; шелъ мелкій дождь и дулъ порывистый вѣтеръ. Но Нахимовъ твердо рѣшился вступить въ этотъ день въ рѣшительную битву съ непріятелемъ, и не отмѣнялъ отданныхъ имъ приказаній. Ровно въ полдень русская эскадра, распустивъ паруса, двинулась въ Синопскій заливъ двумя колоннами. Во главѣ первой колонны шелъ Нахимовъ на кораблѣ «Императрица Марія»; вторую колонну велъ контръ-адмиралъ Новосильскій. Непріятельскій флотъ вначалѣ не былъ видѣнъ изъ за тумана; но когда русская эскадра приблизилась на полупушечный выстрѣлъ, то турецкій флотъ, расположенный полукругомъ въ глубинѣ залива, сдѣлался ясно видимъ, тогда турецкая эскадра замѣтила приближеніе русскаго флота, и также приготовилась къ битвѣ. За боевою линіею стояли два транспорта и два парохода, а у самаго берега, подъ прикрытіемъ береговыхъ батарей, виднѣлось нѣсколько купеческихъ судовъ. Турки встрѣтили русскую эскадру сильнымъ огнемъ со всѣхъ своихъ судовъ и батарей.

Корабль «Императрица Марія», бывшій ближе всѣхъ къ непріятелю, былъ осыпанъ ядрами, которыя перебили большую часть мачтъ и снастей. Но корабль, не обращая вниманія на непріятельскій огонь, смѣло шелъ впередъ, отвѣчая только батальнымъ огнемъ по турецкимъ судамъ, мимо которыхъ онъ проходилъ, и бросилъ якорь противъ адмиральскаго турецкаго судна «Ауни-Аллахъ». Остальныя суда также стройно заняли свои мѣста, согласно сдѣланной диспозиціи.

Ауни-Аллахъ» не выдержалъ и полчаса борьбы съ своимъ смѣлымъ и сильнымъ противникомъ, отклепалъ якорную цѣпь и выбросился на берегъ подъ защиту

своихъ батарей. Тогда корабль «Императрица Марія» направилъ огонь своихъ орудій на 44-хъ пушечный фрегатъ «Фазли-Аллахъ», который также вскорѣ былъ затопленъ. Нахимовъ, не имѣя предъ собою противниковъ, поспѣшилъ на помощь второй колоннѣ, ближайшей къ нему. Но эта помощь оказалась излишнею: вторая колонна также дѣйствовала съ полнымъ успѣхомъ. Корабль «Великій Князь Константинъ» взорвалъ на воздухъ 60-пушечный фрегатъ «Навекъ-Бахри», потомъ уничтожилъ совершенно другой фрегатъ, также въ 60 орудій, и 20-пушечный корветъ.

Корабль «Чесма» дѣйствовалъ сначала вмѣстѣ съ кораблемъ «Великій Князь Константинъ», а потомъ обративъ огонь на двѣ батареи, уничтожилъ ихъ.

Корабль «Парижъ», на которомъ находился контръ-адмиралъ Новосильскій, взорвалъ 22-пушечный корветъ, разгромилъ и отбросилъ къ берегу два фрегата, и заставилъ замолчать ближнюю батарею. Экипажъ корабля «Парижъ» дѣйствовалъ съ такою примѣрною отвагою и искусствомъ, что Нахимовъ во время самой битвы хотѣлъ изъявить ему свою благодарность, но не на чемъ было поднять сигнала, потому что всѣ снасти были перебиты.

Въ пятомъ часу вечера битва была уже кончена. Непріятельскія суда, брошенныя на берегъ, были въ самомъ бѣдственномъ положеніи, а потому эскадрѣ приказано было прекратить по нимъ огонь. Транспорты и купеческія суда затонули отъ случайно попавшихъ въ нихъ ядеръ. Фрегаты: «Фазли-Аллахъ», «Низаміе», «Каиди-Зеферъ», «Неджми» и пароходъ «Эрекли» зажженные, повидимому, своимъ экипажемъ, взлетали на воздухъ, одинъ за другимъ, покрывая горящими обломками турец-

кую часть города Синопа, обнесенную старинной зубчатой стѣною. Черезъ нѣсколько минутъ въ той части города вспыхнулъ сильный пожаръ, что еще болѣе увеличило общій ужасъ и смятеніе. Греческая часть города, расположенная нѣсколько далѣе, на горѣ, къ счастію, уцѣлѣла отъ огня. Пожаръ продолжался въ Синопѣ нѣсколько дней, и испуганные жители, удалившіеся изъ города, не приходили тушить свои жилища объятыя пламенемъ. Вѣтеръ свободно переносилъ огонь съ одного дома на другой. Парламентеръ (переговорщикъ), посланный Нахимовымъ въ городъ успокоить жителей, нашелъ Синопъ совершенно опустѣлымъ.

Въ славной Синопской битвѣ, прославившей имя вице-адмирала Нахимова, совершенно уничтожено было 13 непріятельскихъ судовъ; потеря непріятеля простиралась до 3000 человѣкъ. Въ числѣ плѣнныхъ находился начальникъ турецкой эскадры, вице-адмиралъ Османъ-паша и два командира фрегатовъ. Османъ-паша взятъ былъ на разрушенномъ и уже полузатопленномъ суднѣ, ставшемъ на мель у берега; онъ лежалъ на палубѣ своего корабля, тяжело раненый въ ногу. Османъ-паша разсказалъ, что когда фрегатъ, на которомъ онъ сражался, сталъ тонуть, турецкіе матросы въ страхѣ, поспѣшили отплыть въ шлюбкахъ на берегъ, оставивъ своего командира одного, подъ непріятельскими выстрѣлами съ перебитою ногою, по поясъ въ водѣ. Удерживаясь руками за пушечный лафетъ, несчастный Османъ-Паша погибъ бы, если бы Русскіе не подоспѣли во время и не перевезли его къ себѣ, на эскадру.

Потеря съ нашей стороны также была довольно значительна: убито 1 офицеръ и 37 нижнихъ чиновъ; ра-

нено: 7 офицеровъ и 229 нижнихъ чиновъ. Изъ судовъ русской эскадры ни одно не было затоплено или взорвано на воздухъ.

Тотчасъ по окончаніи битвы, русскія суда, наиболѣе потерпѣвшія отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, начали исправлять свои поврежденія, и на третій день уже были готовы предпринять обратное плаваніе черезъ все Черное море. 20-го ноября утромъ корабли снялись съ якоря, и при помощи пароходовъ, которые вели на буксирѣ суда съ перебитыми мачтами, направились къ Севастополю.

Въ награду за славную Синопскую битву, Государь Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ начальнику русской эскадры орденъ св. Георгія 2-й степени, при Высочайшей грамотѣ, гдѣ между прочимъ было сказано: «истребленіемъ турецкаго флота при Синопѣ вы украсили лѣтопись русскаго флота новою побѣдою, которая останется навсегда памятна въ русской исторіи». Замѣчательны также милостивыя слова, которыя Его Величество изволилъ высказать въ рескриптѣ на имя начальника главнаго морскаго штаба, адмирала князя Меньшикова: «побѣда при Синопѣ являетъ вновь, что Черноморскій флотъ достойно выполняетъ свое назначеніе. Съ искреннею, сердечною радостью поручаю вамъ сказать храбрымъ морякамъ, что я благодарю ихъ за подвигъ, совершенный для славы Россіи и для чести русскаго флага. Я съ удовольствіемъ вижу, что Чесма не забывается въ русскомъ флотѣ, *) и что правнуки достойны своихъ прадѣдовъ».

---

*) Въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой, турецкій флотъ былъ совершенно истребленъ при Чесмѣ русскою эскадрою, подъ начальствомъ графа Орлова.

Замѣчательно успѣшная перевозка 16-ти тысячнаго войска изъ Севастополя на восточный (кавказскій) берегъ Чернаго моря.

Всю осень и зиму англійскій и французскій флотъ простоялъ въ гавани, близъ Константинополя, не рѣшаясь пуститься въ море въ бурное и опасное время года. Между тѣмъ все это время русскія суда безстрашно оставались въ открытомъ морѣ, исполняя свою обязанность: имъ предстояло трудное дѣло: — необходимо было перевезти въ теченіе одной недѣли 16,000 войска изъ Севастополя на восточный (кавказскій) берегъ Чернаго моря. Войска эти назначались для военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи и для защиты Закавказья. Перевозка такого значительнаго числа войскъ была сама по себѣ весьма затруднительна, но русскимъ судамъ надобно было, кромѣ войска, перевезти въ тоже время 2 батареи со всѣми снарядами, 827 лошадей, десятидневное продовольствіе для шестнадцати-тысячной арміи, и запасы провіанта на 20 дней. Все это было исполнено съ полнымъ успѣхомъ, безъ малѣйшаго замедленія. Только что окончилась перевозка войскъ на кавказскій берегъ Чернаго моря, какъ приказано было судамъ перевезти 8,000 войска изъ Одессы въ Севастополь. Быстрая и безостановочная перевозка войскъ, въ виду сильнаго непріятельскаго флота, заслужила особое благоволеніе Государя Императора.

Бомбардированіе Одессы. — Щеголевская батарея.

Съ марта 1854 года англійскіе и французскіе военные корабли начали впервые показываться на Черномъ морѣ, въ виду русскихъ береговъ. Но непріятель не предпринималъ еще нападенія, и только производилъ промѣры въ

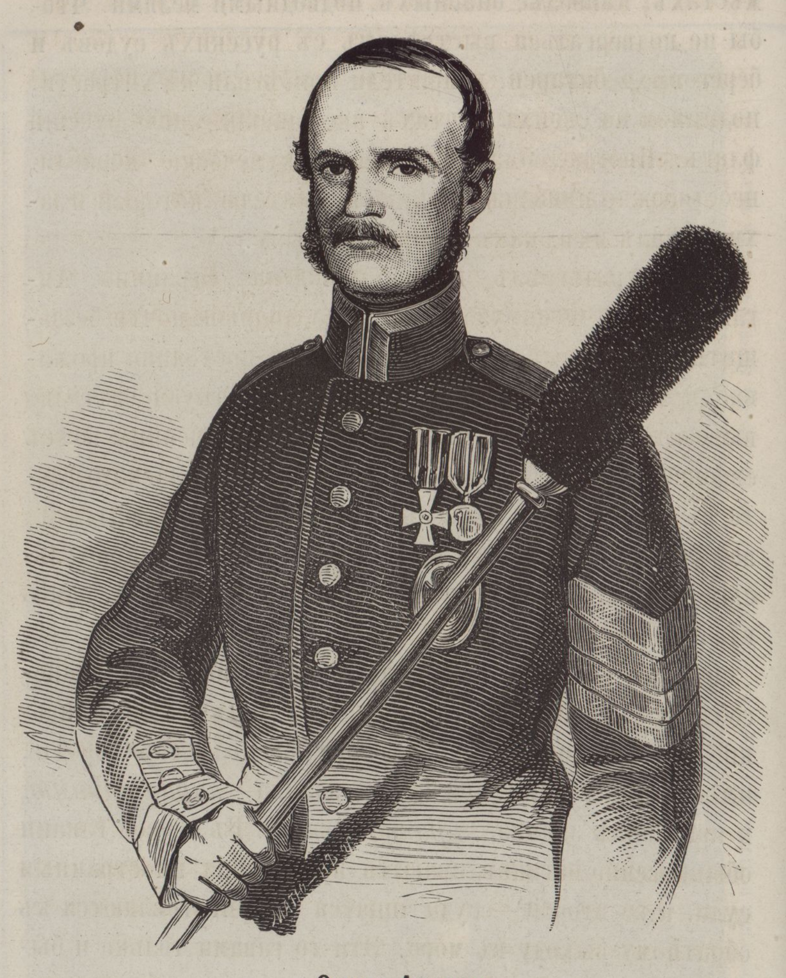
Геройскій подвигъ прапорщика ЩЕГОЛЕВА на Одесскомъ практическомъ молѣ,
въ страстную субботу 1854 г.

мѣстахъ, наиболѣе опасныхъ, подводными мелями. Чтобы не подвергаться выстрѣламъ съ русскихъ судовъ и береговыхъ батарей, непріятели прибѣгали къ хитрости, поднимая на своихъ мачтахъ австрійскій, либо русскій флагъ. Иногда, обманутые этимъ, купеческіе корабли, неосторожно приближались къ непріятелю, который и захватывалъ ихъ, какъ военную добычу.

Первый выстрѣлъ, первое нападеніе, сдѣланное Англичанами и Французами, было на мирный, почти беззащитный торговый городъ Одессу, гдѣ постоянно проживаетъ много иноземныхъ купцовъ, и откуда ежегодно вывозится нѣсколько милліоновъ пудовъ пшеницы во всѣ европейскія государства. Появленіе непріятельскаго флота въ виду Одессы нисколько не встревожило жителей; всѣ спѣшили на берегъ моря, чтобы видѣть непріятельскій флотъ, распущенныя паруса котораго бѣлѣлись вдали.

Одесса, какъ торговый городъ, вовсе не была приспособлена къ защитѣ со стороны моря. Открытый, широкій заливъ, на берегу котораго расположенъ городъ, имѣетъ двѣ гавани: при началѣ залива—*карантинную*, и при концѣ залива—*практическую*. Въ первой гавани обыкновенно останавливаются приходящія иностранныя суда, а во второй—суда чинятся и приготовляются къ обратному выходу въ море. Эти-то гавани только и были защищены наскоро устроенными шестью батареями. По расположенію береговыхъ батарей, всѣ полагали, что непріятель прежде всего атакуетъ батарею №1, устроенную при началѣ залива, а потому близъ нея преимущественно и сосредоточены были войска.

27-го марта французскій пароходъ «Фюри» отправилъ

Осипъ Ахлупинъ.

Отставной фейерверкеръ.

Былъ въ числѣ прислуги батареи №6 въ Одессѣ (нынѣ Щеголевской), дѣйствовавшей съ примѣрною храбростію, стойкостію и мужествомъ въ теченіи шести часовъ, съ начала четырьмя, а потомъ двумя орудіями, противу болѣе трехъ сотъ пятидесяти орудій Англо-Французскаго флота, произведшаго въ Великую Субботу, 10-го апрѣля 1854 г., нападеніе на г. Одессу.

къ берегу шлюбку, подъ бѣлымъ флагомъ, (*) для опроса: выѣхалъ ли изъ города Одессы англійскій консулъ? Пока продолжались переговоры, непріятельскій пароходъ намѣревался сдѣлать у береговъ необходимые промѣры, и незамѣтно сталъ приближаться къ берегу. Такъ какъ, не смотря на всѣ сигналы и предостереженія съ берега, пароходъ продолжалъ приближаться, то съ береговой батареи сдѣланъ былъ по немъ выстрѣлъ. Пароходъ остановился, и чрезъ нѣсколько минутъ, дождавшись возвращенія шлюбки, удалился въ море.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того (2-го апрѣля) два англійскихъ и одинъ французскій пароходъ снова показались въ виду Одессы, и препроводили къ находившемуся въ Одессѣ, командиру 3-го пѣхотнаго корпуса, барону И. Е. Остенъ-Сакену запросъ: почему одесская батарея стрѣляла по шлюбкѣ, находившейся подъ бѣлымъ (парламентерскимъ или переговорнымъ) флагомъ. Баронъ Остенъ-Сакенъ письмомъ на имя командира непріятельскаго флота удостовѣрилъ, что выстрѣлъ былъ сдѣланъ не по шлюбкѣ, а по пароходу, который приближался къ берегу, не смотря на всѣ предостереженія. Но французскій адмиралъ не удовольствовался этимъ отвѣтомъ, и объявилъ, что въ отмщеніе за выстрѣлъ, сдѣланный по французскому пароходу, союзный флотъ будетъ бомбардировать (обстрѣливать) Одессу.

Нѣсколько дней прошло спокойно, но въ пятницу Страстной недѣли, въ 4 часа по полудни, снова разнесся

(*) На войнѣ принято поднимать *бѣлый флагъ*, если враждующія стороны желаютъ вступить въ какіе либо переговоры. Лице посланное для переговоровъ, называется *парламентеромъ*, и считается неприкосновеннымъ.

Андрей Панѣевъ. **Войцехъ Станишевскій.**

Рядовой Житомірскаго егерск. полка. | Бомбардиръ Хотинскаго гарнизона.

Были въ числѣ прислуги батареи №6 въ Одессѣ (нынѣ Щеголевской), дѣйствовавшей съ примѣрною храбростію, стойкостію и мужествомъ въ теченіи шести часовъ, съ начала четырьмя, а потомъ двумя орудіями, противу болѣе трехъ сотъ пятидесяти орудій Англо-Французскаго флота, произведшаго въ Великую Субботу, 10-го апрѣля 1854 г., нападеніе на г. Одессу.

слухъ, что непріятель показался въ виду Одессы. Народъ, услыхавъ это извѣстіе, не упалъ духомъ, не пришелъ въ уныніе, но осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, покорно предалъ себя и судьбу свою въ руки Всевышняго.

Жители Одессы густыми толпами собирались на берегу моря, посмотрѣть на непріятельскій флотъ, убѣдиться, что враги дѣйствительно готовятся привести въ исполненіе свою угрозу. Вечеръ былъ тихій и теплый; заходящее солнце ярко освѣщало городъ и спокойное, синее море. Вдали явственно видны были 45 непріятельскихъ судовъ, (*) разныхъ размѣровъ, которыя встали на якорь полукругомъ, противъ батареи № 1.

Толпа народа на берегу увеличивалась ежеминутно. «Да что жъ они такъ далеко выстроились? Али боятся подойти ближе?» толковали нѣкоторые.

— «Подожди, подойдутъ и ближе,» отвѣчали имъ другіе: «теперь, чай приснаравливаются, да готовятся къ бою.»

Дѣйствительно, спустя нѣсколько времени, отъ непріятельской эскадры отдѣлились девять пароходовъ и начали медленно приближаться къ берегу. Шумный говоръ толпы умолкъ; всѣ внимательно слѣдили за движеніями непріятельскихъ судовъ. По мѣрѣ приближенія эскадры, яснѣе можно было различить очертаніе пароходовъ, ихъ снасти и паруса; до берега доносились даже вѣтромъ съ судовъ, звуки музыки.

— «Вишь богоотступники! Веселятся въ Страстную пятницу,» говорили въ толпѣ. «Да и то сказать: рѣ-

(*) 36 линейныхъ, парусныхъ судовъ и 9 пароходовъ.

Матвей Шевелевъ **Иванъ Пальниковъ**

Рядовые Житомірскаго Егерскаго полка.

Были въ числѣ прислуги батареи № 6 въ Одессѣ (нынѣ Щеголевской), дѣйствовавшей съ примѣрною храбростію, стойкостію и мужествомъ въ теченіи шести часовъ, съ начала четырьмя, а потомъ двумя орудіями, противу болѣе трехъ сотъ пятидесяти орудій Англо-Французскаго флота, произведшаго въ Великую Субботу, 10-го апрѣля 1854 г., нападеніе на г. Одессу.

шится ли истинный христіанинъ начинать сраженіе, губить народъ въ такіе священные дни.»

Въ три часа по полуночи (съ пятницы на субботу) раздался громкій благовѣстъ соборнаго колокола; всѣ храмы наполнились молящимися, которые, какъ въ обыкновенное мирное время, съ благоговѣніемъ присутствовали при божественномъ служеніи. При возгласѣ священника: «свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ,» на краю неба показалось восходящее солнце, и озарило весь городъ яркими, розовыми лучами.

Пока храмы оглашались пѣніемъ великаго славословія: «слава въ вышнихъ Богу,» непріятельскіе корабли быстро приближались къ городу. Береговыя батареи приготовились встрѣтить враговъ ядрами. Въ это утро народъ не толпился на берегу моря, какъ было наканунѣ; православные христіане присутствовали при торжественной, церковной службѣ погребенія Пречистаго Тѣла Господня. Молящіеся съ благоговѣніемъ сопровождали крестный ходъ, съ которымъ обносили плащаницу кругомъ храмовъ, при умилительномъ пѣніи молитвы: «святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный помилуй насъ!»

Въ это самое мгновеніе на непріятельской эскадрѣ заклубилось густое облако дыма, грянулъ выстрѣлъ, и ядро съ визгомъ ударилось въ стѣну одного изъ городскихъ домовъ. Чрезъ нѣсколько минутъ послышался другой выстрѣлъ, третій—и началась канонада. Но непріятельскіе выстрѣлы не смутили православныхъ, не остановили Божественнаго служенія. Народъ по прежнему оставался въ храмахъ, до окончанія заутрени, и только по окончаніи Богослуженія, молящіеся, укрѣплен-

Дорофей Кондоуровъ

Рядовой Житомірскаго егерскаго полка.

Былъ въ числѣ прислуги батареи № 6 въ Одессѣ (нынѣ Щеголевской), дѣйствовавшей съ примѣрною храбростію, стойкостію и мужествомъ въ теченіи шести часовъ, съ начала четырьмя, а потомъ двумя орудіями, противу болѣе трехъ сотъ пятидесяти орудій Англо-Французскаго флота, произведшаго въ Великую Субботу, 10-го апрѣля 1854 г., нападеніе на г. Одессу.

ные молитвою и живою вѣрою въ Бога, отправились къ морскому берегу. Никто непомышлялъ объ опасности; каждому хотѣлось полюбоваться храбростью хладнокровіемъ и стойкостью нашего славнаго воинства. Непріятельскіе пароходы, пройдя мимо правой батареи, поочередно обстрѣливали остальныя пять батарей, стрѣляя также по временамъ и въ городъ. Наконецъ всѣ пароходы обратили свой огонь на шестую или лѣвую батарею, у практической гавани. Къ пароходамъ присоединился вскорѣ линейный 84-пушечный корабль. Въ зрительную трубу можно было разсмотрѣть не только орудія, наведенныя на городъ и движеніе людей на палубахъ судовъ, но даже видѣть сигналы, подаваемые эскадрѣ съ флагманскаго корабля. Болѣе трехсотъ пятидесяти орудій громили батарею и городъ; бомбы разрывались на улицахъ, но отъ гула кононады не слышно было этихъ отдѣльныхъ взрывовъ. Нѣкоторые изъ жителей были уже ранены или контужены упавшими непріятельскими снарядами. Одинъ изъ первыхъ, павшихъ въ этотъ день, былъ Стремецкій, молодой юноша, 17 лѣтъ, смертельно раненый въ грудь осколкомъ разорвавшейся бомбы. Многія зданія были повреждены ядрами. Нѣкоторые пароходы стрѣляли залпами, всѣмъ бортомъ. По временамъ пальба усиливалась, сливаясь въ грозный гулъ, такъ что даже не слышно было отдѣльныхъ выстрѣловъ. Впереди пароходовъ, на недалекомъ разстояніи, находились канонерскія лодки, съ которыхъ пускали въ городъ боевыя ракеты. Полетъ этихъ ракетъ можно было хорошо различить; подымаясь на воздухъ онѣ быстро вращались, оставляя за собою густую полосу дыма. Сначала ракеты летѣли довольно медленно, но потомъ скорость ихъ

Алексѣй Москаленко

Бомбардиръ 5-й арт. див. №14 арт. бриг. рез. № 14 бат.

Денисъ Юниковъ

Рядовой Житомірскаго егерскаго полка.

Были въ числѣ прислуги батареи № 6 въ Одессѣ (нынѣ Щеголевской), дѣйствовавшей съ примѣрною храбростію, стойкостію и мужествомъ въ теченіи шести часовъ, съ начала четырьмя, а потомъ двумя орудіями, противу болѣе трехъ сотъ пятидесяти орудій Англо-Французскаго флота, произведшаго въ Великую Субботу, 10-го апрѣля 1854 г., нападеніе на г. Одессу.

полета постепенно увеличивалась. Ракеты сильно ударяли въ стѣны домовъ и повредили нѣсколько зданій города. Иногда въ воздухѣ, надъ городомъ появлялось небольшое, бѣловатое облачко: это бомба разрывалась въ воздухѣ, и вслѣдъ затѣмъ нѣсколько осколковъ разлетались по улицѣ. Непріятель, пользуясь дальностію выстрѣловъ изъ своихъ орудій, не подходилъ близко къ берегу, такъ что 4-я и 5-я наши батареи, наиболѣе удаленныя, мало принимали участія въ битвѣ, хотя и находились подъ выстрѣлами. Только 6-я батарея могла дѣйствовать непрерывно. Ожидали, что непріятель попытается также сдѣлать высадку на берегъ, а потому на Соборной площади и по нѣкоторымъ улицамъ разставлены были отряды пѣхоты, уланы и артиллерія, чтобы отразить непріятеля, въ случаѣ, если онъ предприметъ высадку на берегъ. Солдатамъ готовили обѣдъ въ котелкахъ, тутъ же, на улицѣ.

Непріятель, замѣтивъ толпу народа на берегу, сталъ направлять туда свои выстрѣлы. Одна бомба разорвалась въ воздухѣ, надъ самымъ берегомъ; другая ударила въ сосѣдній магазинъ и пробила насквозь обѣ стѣны, третья ударила въ домъ преосвященнаго архіепископа Инокентія, отшибла уголъ у церкви и разорвалась во дворѣ. Вслѣдъ затѣмъ нѣсколько ядеръ съ визгомъ пронеслись надъ самыми головами собравшейся толпы, такъ что многіе невольно нагнулись, а другіе прилегли на землю. Толпа, мало по малу, начала расходиться въ другія, болѣе безопасныя мѣста. Не расходился только народъ съ тѣхъ мѣстъ, откуда видно было дѣйствіе нашей батареи, отвѣчавшей своими выстрѣлами на ожесточенную канонаду враговъ. Съ радостнымъ чувствомъ и съ живѣйшею благодар-

Өедоръ Рыбаковъ

Кондукторъ парохода «Андіи».

Былъ въ числѣ прислуги батареи № 6 въ Одессѣ (нынѣ Щеголевской), дѣйствовавшей съ примѣрною храбростію, стойкостію и мужествомъ въ теченіи шести часовъ, съ начала четырьмя, а потомъ двумя орудіями, противу болѣе трехъ сотъ пятидесяти орудій Англо-Французскаго флота, производшаго въ Великую Субботу, 10-го апрѣля 1854 г., нападеніе на г. Одессу.

ностью къ своимъ защитникамъ, видѣли всѣ, что выстрѣлы шестой батареи, на которую устремлены всѣ усилія непріятеля, не пропадаютъ даромъ, и что почти каждое ея ядро врѣзывается въ непріятельскія суда. Эта батарея, которая такъ удачно дѣйствовала во все время бомбардированія, находилась подъ начальствомъ прапорщика Щеголева (*). Съ четырьмя орудіями небольшаго калибра, онъ, въ продолженіи девяти часовъ, выдерживалъ огонь всей непріятельской эскадры, не дозволяя ей приближаться къ городу. Когда три орудія его батареи были подбиты, онъ продолжалъ стрѣлять изъ одного уцѣлѣвшаго орудія. Тысячи ядеръ падали на батарею; бомбы, разрываясь, засыпали землей, поражали осколками храбрыхъ защитниковъ города—прислугу батареи, но Господь хранилъ командира батареи и онъ остался живъ и невредимъ. Когда уже все кругомъ его было разрушено, магазины и суда въ гавани объяты были пламенемъ отъ разорвавшихся бомбъ, и на батареѣ невозможно было оставаться долѣе, тогда храбрый Щеголевъ построивъ прислугу своихъ орудій въ колонну, скомандовалъ: «барабанщикъ впередъ»! и въ порядкѣ прошелъ съ своею командою чрезъ всю гавань, подъ неумолкаемымъ огнемъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Два раза непріятели пытались сдѣлать высадку, подходили и на гребныхъ судахъ къ гавани, пуская боевыя ракеты и зажигая ими купеческія суда и небольшія, крытыя соломой, избушки въ предмѣстьи города—Пересыпь. Но четыре полевыя орудія резервной №14 батареи 5-й артиллерійской дивизіи, встрѣтили враговъ мѣткими картечными выстрѣлами и пото-

(*) Другія батареи, построенныя для защиты города, по расположенію своему, не могли принять участія въ битвѣ.

Емельянъ Морозка | **Никифоръ Максимовъ**

Хотинскаго артиллерійскаго гарнизона бомбардиръ. | Житомірскаго егерскаго полка рядовой.

Были въ числѣ прислуги батареи № 6 въ Одессѣ (нынѣ Щеголевской), дѣйствовавшей съ примѣрною храбростію, стойкостію и мужествомъ въ теченіи шести часовъ, съ начала четырьмя, а потомъ двумя орудіями, противу болѣе трехъ сотъ пятидесяти орудій Англо-Французскаго флота, произведшаго въ Великую Субботу, 10-го апрѣля 1854 г., нападеніе на г. Одессу.

пили нѣсколько гребныхъ судовъ. У берега, близь того мѣста, гдѣ непріятели намѣревались сдѣлать высадку, поставлены были въ засадѣ 6 ротъ Томскаго и 6 ротъ Колыванскаго егерскихъ полковъ, чтобы встрѣтить штыками непріятеля, еслибъ онъ вышелъ на берегъ.

Битва продолжалась 12 часовъ сряду, и только въ седьмомъ часу вечера непріятельскій линейный корабль и пароходы стали медленно отступать къ своей эскадрѣ, а линейный корабль, стоявшій противъ 1-й, 2-й и 3-й батарей, отошелъ изъ подъ выстрѣловъ.

Наступившая темнота окончательно прекратила канонаду. Православные готовились встрѣтить величайшій и торжественнѣйшій праздникъ: Свѣтлое Воскресеніе Христово, и ровно въ полночь раздался въ храмахъ Одессы обычный, призывный благовѣстъ къ великой заутрени. Опять храмы наполнились молящимися, и съ радостнымъ чувствомъ умиленія и благодарности къ Творцу встрѣтили жители Одессы свѣтлый праздникъ, радостно возгласили они: «Христосъ воскресе»!

Поутру, въ Свѣтлое Воскресенье Христово приблизился къ городу одинъ только французскій пароходъ на пушечный выстрѣлъ, и началъ пальбу, которая однакоже черезъ часъ прекратилась; нѣсколько выстрѣловъ съ береговыхъ батарей заставили пароходъ поспѣшно удалиться и присоединиться къ флоту, который въ это время стоялъ въ 5-ти верстахъ отъ города, внѣ выстрѣловъ. Впослѣдствіи въ Одессѣ узнали, что на французскомъ пароходѣ, подошедшемъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье на пушечный выстрѣлъ, были убиты три офицера.

Дни понедѣльника и вторника Свѣтлой недѣли прошли спокойно, а во вторникъ, опущенные до полумачтъ

Ларіонъ Ильинъ	**Никита Гацанъ**
Рядовой Житомірскаго егерск. полка.	Бомбардиръ рез. № 14 бат. 14 арт. бриг. 5 арт. див.

Были въ числѣ прислуги батареи № 6 въ Одессѣ (нынѣ Щеголевской), дѣйствовавшей съ примѣрною храбростію, стойкостію и мужествомъ въ теченіи шести часовъ, съ начала четырьмя, а потомъ двумя орудіями, противу болѣе трехъ сотъ пятидесяти орудій Англо-Французскаго флота, произведшаго въ Великую Субботу, 10-го апрѣля 1854 г., нападеніе на г. Одессу.

флаги показали, что на непріятельской эскадрѣ происходитъ погребеніе убитыхъ офицеровъ.

Наконецъ въ среду утромъ начальникъ непріятельской эскадры, адмиралъ Дундасъ прислалъ въ Одессу, на австрійскомъ суднѣ 49 плѣнныхъ шкиперовъ и матросовъ, захваченныхъ съ купеческихъ судовъ въ разныхъ прибрежныхъ мѣстахъ. Въ тоже время непріятельскій флотъ снялся съ якоря, и удалился къ Севастополю. Грозная туча, тяготѣвшая надъ городомъ, разсѣялась, и жители вздохнули спокойнѣе. Мало по малу, все въ Одессѣ стало принимать свой обычный видъ, и только разрушенная стѣна гавани, изрытая бомбами и покрытая осколками Щеголевская батарея, поврежденныя зданія и полуобгорѣвшіе, деревянные, прибрежные дома показывали, что еще недавно непріятель угрожалъ Одессѣ гибелью и разрушеніемъ.

Во все время бомбардированія, порядокъ ни разу не былъ нарушенъ въ городѣ, за что жителямъ Одессы объявлена была Высочайшая благодарность Государя Императора. Не было ни одного случая воровства, хотя многія квартиры оставались незапертыми, и даже на лѣстницахъ и во дворѣ лежали узлы съ разнымъ цѣннымъ имуществомъ, а на улицахъ стояли нагруженныя повозки безъ всякаго присмотра. Многія женщины носили воду и квасъ солдатамъ, распредѣленнымъ по батареямъ и въ разныхъ частяхъ города. Ребята, не обращая вниманія на падающіе и разрывающіеся на улицахъ снаряды, собирали пули, осколки бомбъ и ядра, еще теплыя и закопченныя пороховымъ дымомъ. Одинъ мальчикъ катилъ по улицѣ къ своему дому огромную, неразорвавшуюся бомбу. «Что ты дѣлаешь!... Оставь, разорветъ и убьетъ тебя!» замѣ-

Василій Хорошиловъ
5 арт. дивизіи 14 арт. бригады резер.
№ 14 батареи фейерверкеръ.

Андрей Шульга
Житомірскаго егерскаго полка
унт.-офиц.

Были въ числѣ прислуги батареи № 6 въ Одессѣ (нынѣ Щеголевской), дѣйствовавшей съ примѣрною храбростію, стойкостію и мужествомъ въ теченіи шести часовъ, съ начала четырьмя, а потомъ двумя орудіями, противу болѣе трехъ сотъ пятидесяти орудій Англо-Французскаго флота, произведшаго въ Великую Субботу, 10-го апрѣля 1854 г., нападеніе на г. Одессу.

тилъ ему одинъ изъ прохожихъ. — «Небось, не разорветъ! смѣло отвѣчалъ мальчикъ; «она у меня теперь въ полону!»

Многіе жители, вооружась ружьями, составили небольшіе отряды и всю ночь оставались на берегу, чтобы въ случаѣ ночной высадки, отразить непріятеля. Италіанскій подданный Жижи-Моки, тридцать лѣтъ служившій боцманомъ въ карантинѣ, уважаемый и любимый всѣми сослуживцами, выстроилъ на свой счетъ батарею, вооружилъ ее шестью 24-фунтовыми пушками, (служившими вмѣсто столбовъ и купленными имъ у города) и принялъ присягу на подданство Россіи. Во все время бомбардированія, онъ находился съ прислугою на своей батареѣ, готовясь, въ случаѣ надобности, принять дѣятельное участіе въ битвѣ. По представленію барона Остенъ-Сакена, храбрый Жижи-Моки былъ награжденъ золотою медалью, для ношенія на шеѣ, на владимірской лентѣ.

Незадолго до бомбардированія Одессы, всѣ остальные унтеръ-офицеры и рядовые Одесской таможенной стражи, въ числѣ 93 человѣкъ, изъявили желаніе возвратиться въ ряды сослуживцевъ. Одинъ изъ нихъ, отставной фейерверкеръ Осипъ Ахлупинъ, объявилъ при этомъ, что въ случаѣ нападенія непріятелей на Одессу, онъ будетъ защищать городъ до послѣдней капли крови. Дѣйствительно, во время бомбардированія Одессы, 10 апрѣля, Ахлупинъ явился на батарею, которой командовалъ Щеголевъ и оставался на ней во все время нападенія. Храбрый фейерверкеръ Ахлупинъ удостоенъ былъ награды знакомъ отличія военнаго ордена.

Въ то время, когда батарея прапорщика Щеголева геройски отражала нападеніе всей непріятельской эскадры,

студенты Ришельевскаго одесскаго лицея: (*) Деминистръ и Скоробогатовъ неоднократно, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ передавали на батарею приказанія барона Остенъ-Сакена, и доставляли необходимыя извѣстія о дѣйствіяхъ батареи и ея храбрыхъ защитниковъ.

Во время бомбардированія, когда ядра отовсюду осыпали батарею Щеголева, крестьянинъ, который везъ заряды на эту батарею, испуганный разрывомъ бомбы, бросилъ повозку и бѣжалъ. Увидя это, студентъ Одесскаго лицея, Пуль, вскочилъ въ повозку, и не обращая вниманія на выстрѣлы, привезъ заряды на батарею.

Государь Императоръ, въ награду похвальныхъ подвиговъ студентовъ: Скоробогатова, Деминистра и Пуля, Всемилостивѣйше пожаловалъ имъ знаки отличія военнаго ордена, и соизволилъ записать ихъ на службу портупей-прапорщиками.

Щедро награжденъ былъ прапорщикъ Щеголевъ, стойко выдерживавшій, въ продолженіи цѣлаго дня, борьбу со всею непріятельскою эскадрою. Храбрый прапорщикъ Щеголевъ произведенъ былъ въ штабсъ-капитаны (слѣдовательно получилъ три чина), и награжденъ знакомъ военнаго ордена св. Георгія 4-й степени. Батарея, которою онъ начальствовалъ въ достопамятный день 10-го апрѣля, наименована *Щеголевскою*.

Но самою лестною наградою храброму Щеголеву былъ рескриптъ, которымъ почтилъ его Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ (нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ). Его Высочество писалъ храброму защитнику Одессы:

(*) Учебное заведеніе, нынѣ преобразованное въ Новороссійскій университетъ.

«Любезный Щеголевъ! Поздравляю тебя съ славнымъ твоимъ подвигомъ и съ царскою за него наградою. Посылаю тебѣ Высочайшій приказъ о производствѣ тебя въ подпоручики, поручики и штабсъ-капитаны, грамоту со статутомъ на Всемилостивѣйше пожалованный тебѣ орденъ и самый орденъ».

«Прилагаю при семъ же и георгіевскій крестъ съ моей груди; прими его, какъ подарокъ признательнаго отца почтенному сыну».

«Благодарю тебя за твою мужественную, стойко-уставную заслугу; благодарю тебя отъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, въ которыхъ отнынѣ имя твое будетъ произноситься съ уваженіемъ, и подвигъ твой будетъ служить примѣромъ воинской доблести».

«Запечатываю еще въ мой конвертъ два письма на твое имя, оба тебѣ поздравительныя и оба тебѣ благодарственныя: одно — отъ всего дворянскаго полка, (*) другое — отъ оставшихся еще въ этомъ полку однолѣтнихъ твоихъ ротныхъ совоспитанниковъ».

«Спасибо, голубчикъ Щеголевъ; наградилъ тебя Государь — наградитъ тебя и Богъ. Обнимаю тебя».

Прислуга Щеголевской батареи была также щедро награждена. Государь Императоръ приказалъ выдать всей прислугѣ этой батареи не въ зачетъ годовой окладъ жалованья и 10 знаковъ отличія военнаго ордена, кромѣ тѣхъ, которые уже были розданы барономъ Остенъ-Сакеномъ наиболѣе отличившимся нижнимъ чинамъ Щеголевской батареи. Прислугѣ всѣхъ прочихъ батарей пожало-

---

(*) Военно-учебное заведеніе, въ которомъ воспитывался А. П. Щеголевъ.

вано по 2 руб. сер. на человѣка и по 2 знака отличія военнаго ордена на батарею. Дивизіону артиллеріи, отбившему дессантъ (т. е. войско, предназначенное къ высадкѣ на берегъ), пожалованъ окладъ годоваго жалованья и по два знака отличія военнаго ордена на орудіе. Всѣмъ прочимъ войскамъ, бывшимъ въ строю, пожаловано по 1 р. с. на человѣка.

Уронъ, причиненный городу и его защитникамъ непріятельскимъ бомбардированіемъ, былъ незначителенъ; убито: городскихъ обывателей 3 и ранено 8 человѣкъ. Нижнихъ чиновъ убито 4, ранены: артиллеріи подполковникъ Мещерскій и нижнихъ чиновъ 45; контужено нижнихъ чиновъ 12. Сожжено бомбами и ракетами 14 небольшихъ обывательскихъ строеній на берегу моря, и въ самомъ городѣ повреждено ядрами 52 дома. Уронъ непріятеля, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ весьма значителенъ. Почти всѣ пароходы получили нѣсколько пробоинъ, а число убитыхъ и раненыхъ было болѣе 35 человѣкъ; въ числѣ убитыхъ былъ командиръ французскаго пароходо-фрегата, стрѣлявшаго по Одессѣ въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія. Изъ пяти лодокъ, направившихся къ берегу, съ цѣлью произвести высадку, двѣ были потоплены картечными выстрѣлами, вмѣстѣ съ находившимися на нихъ людьми.

Такъ отражено было покушеніе враговъ на мирный, торговый городъ. Господь не попустилъ исполниться умыслу враговъ!

Гибель англійскаго парохода „Тигръ.“

Чрезъ нѣсколько дней послѣ бомбардированія Одессы, рука Господня, видимо, наказала враговъ, такъ дерзко по-

сягнувшихъ на спокойствіе и безопасность мирныхъ жителей города, въ священные дни страстной седмицы.

30 апрѣля англійскій пароходо-фрегатъ «Тигръ,» (*) шедшій изъ окрестностей Севастополя, гдѣ въ то время находился весь англо-французскій флотъ, при густомъ, непроницаемомъ туманѣ, сѣлъ на мель въ шести верстахъ отъ Одессы, неподалеку отъ крутаго берега. Два другихъ непріятельскихъ парохода поспѣшили на помощь «Тигру;» но опасаясь также наткнуться на мель, они подвигались осторожно, измѣряя безпрерывно глубину. Между тѣмъ по тревогѣ, изъ ближней колоніи Люстдорфъ прибыли на берегъ моря два орудія 2-й батарейной батареи 16-й арт. бригады, а подъ начальствомъ поручика Абакумова, двѣ роты резервнаго баталіона Днѣпровскаго пѣх. полка, и взводъ уланскаго графа Никитина полка. Орудія мѣткими выстрѣлами вскорѣ повредили пароходъ во многихъ мѣстахъ и первыми выстрѣлами береговой батареи, оторвало ногу командиру парохода, капитану Гиффорду, ранило и убило нѣсколько офицеровъ и матросовъ. Пароходъ «Тигръ,» громимый орудіями съ берега, не имѣя возможности сняться съ мели, рѣшился сдаться военно-плѣннымъ. По приказанію барона Остенъ-Сакена, экипажъ сдавшагося судна переѣхалъ въ шлюбкахъ на берегъ, со всѣмъ оружіемъ и корабельнымъ флагомъ. Едва только успѣли перевести на берегъ раненыхъ съ полуразрушеннаго парохода «Тигръ,» какъ вдали, въ туманѣ, показались два другіе непріятельскіе парохода. Въ тоже время къ двумъ орудіямъ, принудившимъ пароходъ «Тигръ» къ сдачѣ, подоспѣли 26 орудій 16-й и 10-й

(*) Пароходо-фрегатами называются военные пароходы, имѣющіе орудія въ закрытой батареѣ и на палубѣ.

артиллерійской бригады, отправленныя изъ Одессы, дивизіонъ уланскаго Эрцъ-Герцога Австрійскаго полка, баталіонъ Суздальскаго пѣх. полка и резервный баталіонъ Украинскаго егерскаго полка. Чтобы воспрепятствовать подошедшимъ англійскимъ судамъ снять съ мели сдавшійся пароходъ «Тигръ», приказано зажечь его съ берега калеными ядрами. Дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ выстрѣловъ, на пароходѣ показался огонь, а въ 8 часовъ вечера пароходъ былъ взорванъ на воздухъ.

Два непріятельскихъ парохода, неуспѣвшіе во-время подать помощь погибающему «Тигру,» открыли огонь по берегу, гдѣ были сосредоточены русскія войска и орудія, также отвѣчавшія непріятелю мѣткими выстрѣлами. Перестрѣлка продолжалась два часа; наконецъ англійскіе пароходы, значительно поврежденные русскими ядрами, отступили и встали внѣ выстрѣла.

Во время этой перестрѣлки съ нашей стороны убиты: двое рядовыхъ резервной батареи 10-й арт. бригады и 3 лошади. Контужены: артиллеріи полковникъ Ильинскій и поручикъ Смирновъ. Потеря непріятеля была гораздо значительнѣе; раненые и взятые въ плѣнъ капитанъ парохода и мичманъ вскорѣ скончались въ Одессѣ отъ ранъ.

Уничтоженный англійскій пароходъ «Тигръ» былъ въ 560 силъ и вооруженъ 19 орудіями; на немъ находилось 25 офицеровъ и 200 матросовъ, которые и были препровождены въ Одессу военноплѣнными.

По представленію бар. Остенъ-Сакена, всѣ, учавствовавшіе въ битвѣ, получили Всемилостивѣйшія награды; флагъ англійскаго парохода «Тигръ» Государь Императоръ приказалъ передать въ Морской кадетскій корпусъ,

на храненіе вмѣстѣ съ другими, имѣющимися въ немъ непріятельскими флагами.

Черезъ нѣсколько дней по истребленіи парохода «Тигръ», снято съ него и поднято изъ воды 19 орудій, совершенно годныхъ въ дѣло.

Плѣнные офицеры и матросы сдавшагося парохода «Тигръ» были весьма радушно приняты жителями Одессы. Больнымъ и раненымъ оказывалось всевозможное попеченіе. Умершіе отъ ранъ: капитанъ Гиффордъ и мичманъ (племянникъ и однофамилецъ капитана) были погребены съ воинскими почестями. Супруга генер.-адъют. барона Остенъ-Сакена, особенно заботившаяся объ облегченіи участи раненыхъ, препроводила въ Англію, къ роднымъ умершаго мичмана, прядь его волосъ, на память о погибшемъ въ битвѣ молодомъ офицерѣ.

Старшій офицеръ сдавшагося парохода «Тигръ,» лейтенантъ Ройеръ, принявшій начальство послѣ раненаго капитана Гиффорда былъ отправленъ въ Петербургъ и имѣлъ счастіе представиться Государю Императору въ Петергофѣ, лѣтомъ 1854 года. Его Величество милостиво принялъ лейтенанта Ройера, изволилъ возвратить ему шпагу и дозволилъ ему возвратиться въ Англію, вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его деньщикомъ, англійскимъ матросомъ. Остальные плѣнные съ парохода «Тигръ,» на время войны препровождены были въ Москву и Рязань.

Послѣ бомбардированія 10 апрѣля и перестрѣлки, бывшей 30 апрѣля между береговою артиллеріею и ставшимъ на мель пароходомъ «Тигръ», непріятельскій флотъ не предпринималъ болѣе никакихъ непріязненныхъ дѣйствій противъ города. Нѣсколько разъ показывались въ виду Одессы французскія и англійскія суда, но они подходили

къ берегу, поднявъ на мачтахъ бѣлый флагъ, для размѣна плѣнныхъ, передачи къ нимъ писемъ отъ родственниковъ и проч. На одномъ изъ пароходовъ прибыла супруга умершаго капитана Гиффорда, и, не зная о его смерти, просила дозволенія остаться въ плѣну, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ. Когда ей объявлено было о смерти кап. Гиффорда, мужественная женщина съ твердостью и покорностью волѣ Божіей приняла эту, горестную для нея вѣсть, и просила только дозволить ей съѣздить на берегъ, чтобы помолиться на могилѣ мужа. Благоговѣйно поклонясь праху павшаго въ бою мужа, г-жа Гиффордъ возвратилась обратно, въ Англію.

Наступило лѣто 1854 года; военныя дѣйствія въ Черномъ морѣ прекратились, но на Дунаѣ, въ предѣлахъ Турціи, началась кровопролитная, ожесточенная борьба русскихъ войскъ съ Турками, виновниками войны 1853—1856 годовъ.

ГЛАВА IV.

Военныя дѣйствія на Дунаѣ.

Начало непріязненныхъ дѣйствій Турокъ на Дунаѣ.

Во II-й главѣ сего описанія мы говорили о неожиданномъ, вѣроломномъ нападеніи Турокъ на таможенный постъ св. Николая, (близъ границы Россіи съ Азіатскою Турціею) и о тѣхъ жестокостяхъ, которыми Турки ознаменовали начало своихъ военныхъ дѣйствій въ 1853 году. Военныя дѣйствія на Дунаѣ въ 1853 году начались также неожиданнымъ, разбойническимъ нападеніемъ. Еще не истекъ срокъ, предложенный самою Турціею для начатія военныхъ дѣйствій,

какъ уже Турки, темною ночью переправились на нашъ берегъ, насупротивъ крѣпости Туртукая, оттѣснили стоявшій тамъ пикетъ, и убили часоваго казака.

Блистательный подвигъ пароходовъ »Прутъ» и «Ординарецъ» при Исакчи.

Послѣ этого ночнаго нападенія, на Дунаѣ временно все затихло; но такъ затихаетъ буря, чтобъ чрезъ мгновеніе подняться съ удвоенною силою. Молодецкое дѣло русскихъ пароходовъ: «Ординарецъ» и «Прутъ», стройно и безъ замѣшательства проплывшихъ мимо турецкихъ батарей при Исакчи, подъ перекрестнымъ непріятельскимъ огнемъ, доказало Туркамъ хладнокровное мужество Русскихъ.

11-го октября, двумъ пароходамъ дунайской флотиліи: «Пруту» и «Ординарцу» и восьми канонерскимъ лодкамъ, по распоряженію генералъ-адъютанта Лидерса, приказано было подняться по Дунаю изъ Измаила къ Браилову въ Галацъ, для охраненія нашихъ границъ въ верховьѣ Дуная. Флотиліи предстояло пройти вверхъ по Дунаю, мимо вновь возведенныхъ турецкихъ укрѣпленій Исакчи. Для избѣжанія напрасной потери, приказано было флотиліи пройти мимо непріятельскихъ батарей ночью. Но храбрые моряки просили у своего начальства, какъ милости, дозволенія пройти днемъ мимо турецкихъ укрѣпленій. Отрядъ былъ порученъ командиру 2-го баталіона гребной флотиліи капитану 2-го ранга Варпаховскому. Пароходомъ «Прутъ» командовалъ лейтенантъ Языковъ, а пароходомъ «Ординарецъ»—лейтенантъ Барковскій.

Вмѣстѣ съ отрядомъ, по лѣвому берегу Дуная, и на одной съ нимъ высотѣ, шелъ баталіонъ пѣхоты съ нѣсколькими полевыми орудіями, для поданія помощи, въ случаѣ надобности, пароходамъ, которые непріятельскими

выстрѣлами могли быть поставлены въ невозможность продолжать плаванiе подъ парами вверхъ по Дунаю.

Въ 5 часовъ утра, пароходы расположивъ канонерскiя лодки вдоль своихъ бортовъ, для защиты машины отъ выстрѣловъ,—«Прутъ» по двѣ на каждой сторонѣ, а «Ординарецъ» по одной, и имѣя каждый по одной лодкѣ за кормой на буксирѣ, снялись съ якоря и пошли вверхъ противъ теченiя.

Въ 8 часовъ утра, когда пароходы съ лодками стали подходить къ турецкимъ укрѣпленiямъ Исакчи (расположеннымъ противъ бывшей въ 1828 году переправы у Сатунова), съ этихъ укрѣпленiй было брошено нѣсколько бомбъ, а въ слѣдъ затѣмъ, съ верхняго укрѣпленiя сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ ядрами по передовому пароходу «Прутъ».

Принявъ это за начало непрiязненныхъ дѣйствiй со стороны Турокъ, капитанъ Варпаховскiй приказалъ отвѣчать изъ всѣхъ могущихъ дѣйствовать орудiй канонерскихъ лодокъ и пароходовъ. Вскорѣ турецкимъ ядромъ убитъ храбрый начальникъ отряда, стоявшiй въ это время впереди кожуха.—Дѣйствiе турецкихъ батарей по большей части было ядрами и картечью. Бомбы, хотя ихъ было брошено много, не причиняли большаго вреда. Граната упавъ на пароходъ «Ординарецъ», взорвалась надъ крюйтъ-камерой; двѣ другiя попали въ канонерскую лодку, находившуюся у борта того же парохода, для закрытiя его машины. Взорванныя бомбы въ носовой части лодки, разрушили палубу подъ орудiями, чѣмъ прекратилось дѣйствiе послѣднихъ.

Турки направляли свои выстрѣлы преимущественно противъ пароходныхъ машинъ, и потому среднiя части

пароходовъ, какъ то: кожухи, кожуховыя каютки, трубы дымовыя и паровыя были во многихъ мѣстахъ пробиты ядрами и картечью.

Калибръ турецкихъ орудій, по найденнымъ снарядамъ, состоялъ изъ пушекъ 12-ти, 6-ти и 3-хъ фунтоваго калибра. Мортиры были 2-хъ пудовыя. Всѣхъ орудій въ турецкихъ укрѣпленіяхъ насчитано до 25-ти и 3 мортиры.

Подходя къ траверзу укрѣпленій, дымъ отъ нашихъ выстрѣловъ несло вѣтромъ прямо на нихъ, что затрудняло мѣткость прицѣливанія. Не смотря на то, однакоже, въ верхнемъ укрѣпленіи нашими выстрѣлами сбиты три орудія, которыя вскорѣ замѣнены другими.

Желая наказать Турокъ за непріязненныя дѣйствія, отрядъ сталъ стрѣлять картечью и ядрами по лагерю, расположившемуся по скату горы, ниже верхняго укрѣпленія, и бросалъ гранаты въ городъ Исакчи. Въ скоромъ времени въ городѣ показался пожаръ, который такъ усилился, что, къ концу дѣла, большая часть города была объята пламенемъ. Лагерь почти истребленъ и войска изъ него разбѣжались толпами.

Дѣйствіе нашей артиллеріи продолжалось почти до города Ренни, сбивая на пути турецкіе пикеты и кордоны. Отрядъ находился подъ непрерывнымъ огнемъ турецкихъ батарей около полутора часа, и прибылъ въ Галацъ съ незначительными поврежденіями.

Морякамъ соревновали въ неустрашимости и бывшіе на судахъ нижніе чины Модлинскаго пѣхотнаго полка. Потеря наша убитыми заключается въ храбромъ капитанѣ 2-го ранга Варпаховскомъ и 6 нижнихъ чинахъ; раненыхъ нижнихъ чиновъ 46 человѣкъ. Потеря Турокъ при Исакчи была болѣе 150 убитыхъ и болѣе 300 раненыхъ.

Государь Императоръ, получивъ объ этомъ дѣлѣ донесеніе князя Меньшикова, пожаловалъ привезшаго оное, лейтенанта Повало-Швыйковскаго, въ капитанъ-лейтенанты, а нижнимъ чинамъ, въ этомъ дѣлѣ находившимся, 12 знаковъ отличія военнаго ордена и по 1 руб. серебромъ на человѣка.

Расположеніе войскъ на Дунаѣ въ началѣ войны.

Послѣ блистательнаго дѣла при Исакчи, русскія войска оставались на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и до объявленія войны. Ни передвиженіями войскъ, ни особыми приготовленіями, русскія войска не показывали, что Турки могутъ быть для нихъ опасны.

Штабъ лѣваго отряда, находившагося подъ начальствомъ генералъ-маіора Павлова, стоялъ въ селѣ Будешти; тамъ же находился Селенгинскій пѣхотный полкъ, съ батарейной № 3 батареею, и легкой № 5 батареею 11-й артиллерійской бригады, занимаясь обычными ученьями и постройкою землянокъ. Въ Будешти расположены были: шесть эскадроновъ Ольвіопольскаго уланскаго полка, съ двумя орудіями Донской казачьей № 9-го батареи; въ 20 верст. отъ Будешти, по проселочной дорогѣ на Бухарестъ, стоялъ Якутскій пѣхотный полкъ, съ остальною артиллеріею. Лицемъ къ лицу съ Турками были поставлены, въ селѣ Ольтеницѣ три сотни Донскаго казачьяго № 34-го полка, подъ начальствомъ подполковника Власова. Они занимали цѣпью пространство болѣе чѣмъ на шестьдесятъ верстъ, по берегу Дуная. На пунктахъ, наиболѣе угрожаемыхъ непріятелемъ, какъ напримѣръ, въ селѣ Кирноджи, стояли *заставы* въ пятьдесятъ казаковъ, такъ что при полковомъ штабѣ, и въ резервѣ при Ольтеницѣ остава-

лось не болѣе сотни казаковъ. Русскія войска, не начиная военныхъ дѣйствій, выжидали только, когда Турки дерзнутъ перейти Дунай, на пунктѣ нами оберегаемомъ. Время для ночныхъ нападеній было самое благопріятное. Дунай и его ближайшія окрестности почти постоянно были покрыты непроницаемымъ туманомъ; днемъ иногда туманъ разсѣевался, но зато еще болѣе сгущался ночью.

Переправа Турокъ на островъ противъ крѣпости Туртукая. — Занятіе Турками лѣваго берега Дуная. — Геройское дѣло казаковъ № 34 полка. — Движеніе русскихъ войскъ къ Ольтеницѣ.

Въ одну изъ такихъ туманныхъ ночей, 19-го октября, Турки безпрепятственно заняли островъ, лежащій насупротивъ города Туртукая. Наши войска слышали на островѣ стукъ топоровъ, но полагали, что Турки производятъ рубку дровъ, а потому и не обращали на то особаго вниманія.

Въ ночь съ 19-го на 20-е октября, стукъ топоровъ былъ слышенъ еще сильнѣе, но, за непроницаемымъ туманомъ, невозможно было видѣть, что происходитъ даже и въ десяти шагахъ, не только что на острову. Пользуясь туманомъ, Турки, на нѣсколькихъ лодкахъ, пробрались въ рукавъ Дуная, и начали обстрѣливать лѣвый берегъ, занятый русскими отрядами; но турецкія пули, направляемыя на удачу, не причиняли часовымъ и разставленнымъ пикетамъ ни малѣйшаго вреда. Вскорѣ выстрѣлы затихли, а когда, къ полудню, туманъ разсѣялся, то казаки съ удивленіемъ увидѣли, что на островѣ, противъ лѣваго берега, возведено земляное укрѣпленіе, вооруженное шестью орудіями, а вдоль по всему берегу острова, обращенному къ намъ, были устроены засѣки, завалы и ложементы для ружейной обороны.

5*

Когда сторожевой казакъ прискакалъ въ штабъ-квартиру, съ донесеніемъ о начавшейся переправѣ Турокъ, то никто сначала не хотѣлъ этому вѣрить; трудно было ожидать, что Турки осмѣлятся перейти чрезъ Дунай, въ виду всего русскаго отряда.

Начальникъ отряда тотчасъ же послалъ осмотрѣть расположеніе непріятельскихъ войскъ, насупротивъ Ольтеницкаго карантина, и немедленно донесъ главнокомандующему о всемъ происшедшемъ. Къ вечеру турецкіе выстрѣлы затихли, и окрестности снова покрылись густымъ туманомъ. Русскія войска, въ ожиданіи новаго нападенія со стороны Турокъ, провели цѣлую ночь, не смыкая глазъ, посылая разъѣзды для строжайшаго наблюденія за Дунаемъ и всѣмъ окрестнымъ пространствомъ. Наконецъ прошла эта томительная ночь; на Дунаѣ все было тихо, только турецкіе штуцерные съ острова не допускали нашихъ приближаться къ берегу Дуная, для наблюденій.

Вотъ разсказъ офицера, которому, при первомъ извѣстіи о переправѣ Турокъ, поручено было осмотрѣть расположеніе непріятельскихъ войскъ.

«Моросилъ мелкій, осенній дождь; болотистая мѣстность, отъ Ольтеницы до карантина, была почти непроходима, и когда я, съ отрядомъ добрался до Дуная, то былъ уже одиннадцатый часъ утра.

— «Что новаго, ребята?» спросилъ я казаковъ, стоявшихъ на пикетѣ.

— «Все благополучно, ваше благородіе!»

— «Поѣдемъ-ка со мною, человѣкъ пять, на тотъ берегъ Аржиса, (рукавъ Дуная); поближе осмотримъ островъ, да возьмите исправное ружье и на мою долю».

«Пока спустили лодку, да собрались казаки въ недальній

походъ, туманъ сталъ подниматься, а когда мы дошли до берега Дуная, туманъ уже разрѣдился до того, что островъ сталъ совершенно видѣнъ, и легко можно было различить, что на немъ происходитъ. Ближайшая батарея, на песчаномъ мысу острова, казалось, не была еще вооружена; все было тихо кругомъ; одинъ только часовой, держа ружье подъ курокъ, мѣрно расхаживалъ по батареѣ, въ своемъ бѣломъ, косматомъ пальто, съ башлыкомъ, нахлобученнымъ на глаза. Съ острова, никто, казалось не обращалъ на насъ ни малѣйшаго вниманія, но едва только казаки пододвинулись къ берегу, какъ послышались выстрѣлы съ острова, и Турки осыпали насъ градомъ пуль. Что тутъ было дѣлать? «Ложись, ребята!» въ полголоса передалъ я имъ приказаніе, и, ползкомъ добрались мы, кустами, до берега Дуная; оттуда казаки открыли уже частый огонь по острову.

Съ четверть часа продолжалась перестрѣлка. Раненыхъ у насъ, благодаря Бога, еще не было, хотя число стрѣлявшихъ по насъ видимо возрастало; Турки дѣйствовали изъ за заваловъ и ложементовъ, тогда какъ казаки едва были прикрыты рѣдкимъ кустарникомъ. Высмотрѣвъ расположеніе непріятеля на островѣ, возвратился я съ казаками обратно, въ Ольтеницѣ.

Едва успѣлъ я доложить полковнику Власову о всемъ, что я замѣтилъ на островѣ, какъ послышалась канонада со стороны Туртукая. Казачья сторожевая сотня мигомъ вскочила на коней, и приготовилась встрѣтить Турокъ. Для наблюденія за движеніями непріятеля, я, съ пятью казаками, былъ отправленъ полковникомъ Власовымъ къ карантину, на берегъ Дуная. При выѣздѣ изъ деревни, встрѣтили мы валахскихъ мѣстныхъ жителей, которые

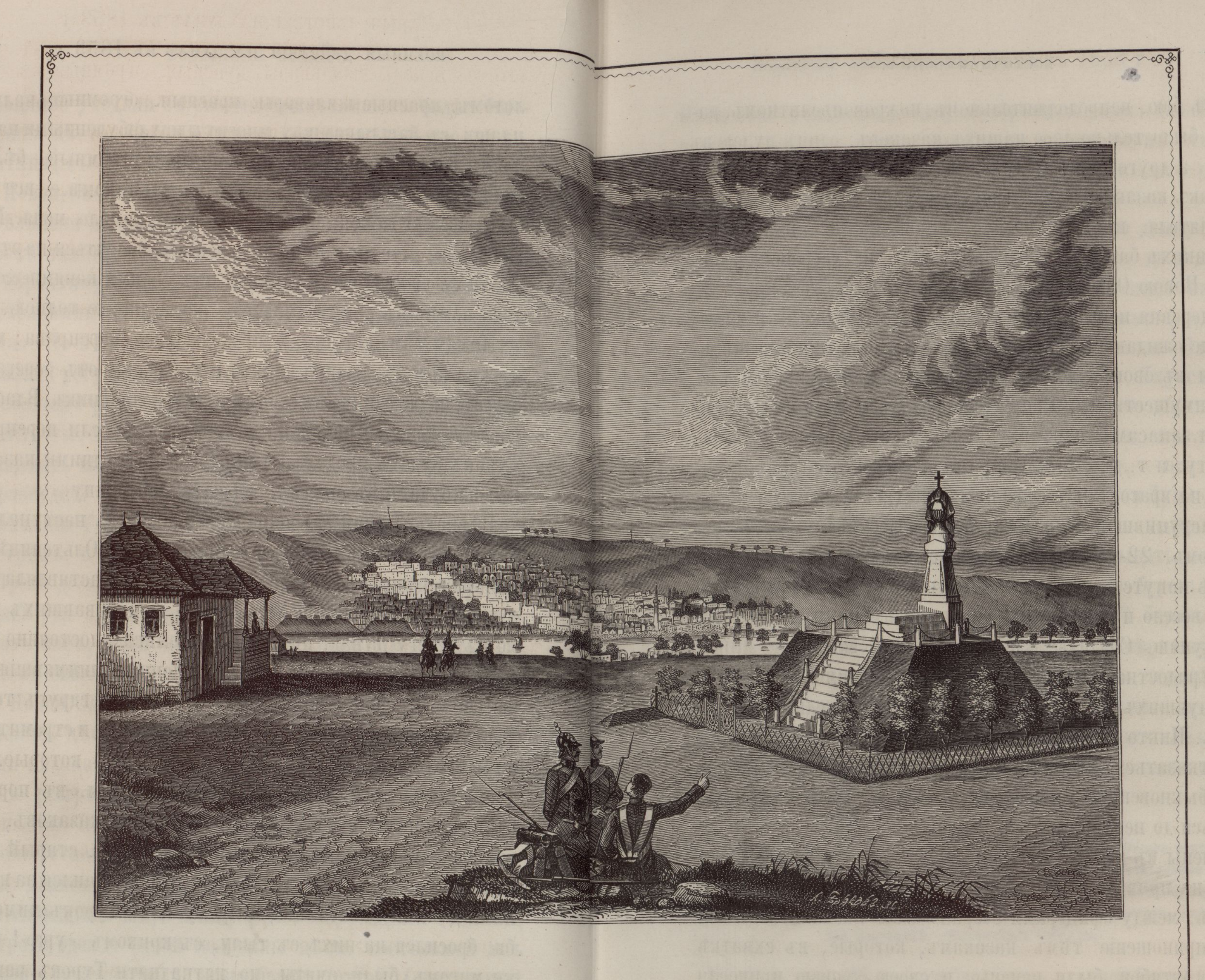
торопливо уходили съ своими пожитками въ болѣе безопасныя мѣста. Казачій пикетъ, отступившій уже отъ карантина, стоялъ, поддерживая разсыпанную цѣпь, между Новой Ольтеницей и карантиномъ, который Турки обстрѣливали ядрами и гранатами съ острова. Собравъ казаковъ пикета, усиленныхъ моимъ конвоемъ, я бросился къ карантину со стороны Аржиса, а есаулъ Воиновъ, съ нѣсколькими казаками, поскакалъ къ нему со стороны Дуная. Но въ эту минуту на правомъ берегу Аржиса показалась регулярная турецкая кавалерія, стройно идущая на полныхъ рысяхъ, а лодка, съ пятидесятью человѣками пѣхоты, также приставала уже къ карантину. Предпринимать на нихъ нападеніе съ десятью казаками было безразсудно, а по этому, увѣдомивъ полковника Власова о движеніи Турокъ, я отошелъ съ казаками на ружейный выстрѣлъ, и сталъ цѣпью.

Чрезъ десять минутъ, вся турецкая кавалерія переправилась уже вплавь чрезъ рѣку Аржисъ, и готовилась атаковать насъ, какъ показался невдалекѣ полковникъ Власовъ съ своей сотнею казаковъ, на рысяхъ спѣшившій изъ Новой Ольтеницы. Турки, выскакавъ толпою, разсыпались цѣпью, и завязали живую перестрѣлку съ нашими казаками. Полковникъ Власовъ, замѣтивъ, что турецкіе резервы усиливаются, потребовалъ также подкрѣпленія. Перестрѣлка становилась живѣе и чаще. Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на непріятельскихъ всадниковъ: длинный фронтъ непріятельской конницы, то развертывающійся шире и шире, то собирающійся толпами, пестрота одеждъ одной половины цѣпи, состоявшей изъ редифа (ополченіе), и разнообразіе другой (состоявшей изъ регулярной кавалеріи), красные чепраки, шитые зо-

лотомъ, красные шальвары, красныя, огромныя чалмы, плащи съ башлыками, у многихъ нахлобученными на голову, азіятская посадка на лошади и огромный, бѣлый значекъ, возимый по фронту за начальникомъ,—все это было весьма живописно и невольно занимало меня. Мнѣ хотѣлось, спустивъ пики на перевѣсъ, броситься на этихъ удалыхъ джигитовъ, стоптать ихъ своими конями; хотѣлось помѣрять оружіе съ этою, почти дикою толпою.

Между тѣмъ на Дунаѣ продолжалась переправа; множество лодокъ, словно чайки, переѣзжали отъ берега къ берегу, перевозя войска, такъ что полковникъ Власовъ послалъ донести начальнику отряда, что если переправа Турокъ будетъ продолжаться, то онъ, съ одними казаками, не будетъ въ силахъ удержать Ольтеницу.

Нѣсколько разъ, то непріятельская цѣпь наступала на нашу, которая при этомъ отодвигалась къ Ольтеницѣ,—то наша цѣпь наступала на Турокъ, и заставляла ихъ отходить къ карантину. Съ лодокъ, пристававшихъ прямо къ берегу Дуная, ниже устья Аржиса, постоянно высаживались сильныя пѣхотныя колонны, занимавшія карантинъ. Прошло уже болѣе трехъ часовъ; вдругъ толпа Турокъ рысью выѣхала изъ за карантина, и стремительно понеслась на лѣвый флангъ казаковъ, которые, отстрѣливаясь, отступили къ деревнѣ. Турки, въ порывѣ атаки, забыли осторожность и, преслѣдуя казаковъ, ворвались въ деревню. Но казачій полковникъ, старый служивый, съ двумя взводами казаковъ, притаился за крайними домами Ольтеницы, и пропустивъ Турокъ мимо себя, бросился на нихъ съ тылу, съ крикомъ «ура»! Турки мигомъ были смяты, до пятнадцати Турокъ ранены были пулями, шашками и пиками и четверо убито. Въ

Памятникъ на Ольтеницкомъ полѣ.

этомъ бою, непродолжительномъ, но кровопролитномъ, ранено было только двое нашихъ казаковъ: одинъ пулею въ бокъ, а другой—въ руку.

Такъ казаки удержали своею грудью натискъ сильнаго непріятеля, въ виду всей турецкой арміи, подъ огнемъ турецкихъ батарей. Если бы казаки, не удержались передъ Новою Ольтеницею, и рѣшились бы отступить, то эта деревня неминуемо была бы занята Турками и жители, не ожидавшіе непріятеля, и потому спокойно остававшіеся въ своихъ домахъ, были бы захвачены со всѣмъ ихъ имуществомъ. Непріятель овладѣлъ бы тогда огромными запасами соли, ячменя, кукурузы, пшеницы, вина, спирту, и т. п. Но казаки съ русскою отвагою, бросились на враговъ и удержали ихъ натискъ.

Наступившая ночь прекратила перестрѣлку, а съ разсвѣтомъ, 22-го октября, войска, стоявшія въ Будешти, послѣ напутственнаго молебна, окропленныя святою водою, весело и стройно, съ громкими пѣснями потянулись къ Дунаю. Солдаты ждали боя, какъ желаннаго пира, какъ радостнаго праздника; старики, своими разсказами о минувшихъ подвигахъ, воодушевляли молодыхъ служивыхъ. Никто и не думалъ объ усталости, всѣ были готовы отказаться даже отъ привала, столь желаннаго во время обыкновенныхъ переходовъ, только бы поскорѣе добраться до непріятеля. Но ударилъ барабанъ, ружья составлены въ козлы, ранцы сброшены!... Отрядъ остановленъ на привалъ бивуакомъ. Тотчасъ же, на этомъ бивуакѣ, между офицерами собрано было посильное денежное приношеніе тѣмъ казакамъ, которые, въ схваткѣ 21-го октября, были ранены, и своею кровью принесли первую жертву въ бою съ Турками на берегахъ Дуная.

Нѣсколько десятковъ рублей серебромъ собралось для обезпеченія первыхъ нуждъ храбрыхъ защитниковъ отечества, и эти деньги немедленно отданы были въ ихъ распоряженіе, при ихъ товарищахъ.

Послѣ непродолжительнаго привала, войска двинулись далѣе. Переходъ до избранной нами позиціи, не доходя села Старой Ольтеницы, былъ не великъ. Позиція наша упиралась правымъ флангомъ въ рѣчку Аржисъ, а лѣвымъ—примыкала къ степи, покрытой болотами. Здѣсь мы стали бивуакомъ, въ ожиданіи прибытія Якутскаго пѣхотнаго полка, съ артиллеріею, назначенною дѣйствовать вмѣстѣ съ нами. Громкій говоръ, смѣхъ, веселые, одушевленные крики, родныя, удалыя пѣсни, — все это слилось въ общій гулъ, вѣроятно, слышный и за Дунаемъ. Отдыхавшіе воины были озарены свѣтомъ отъ костровъ, которыхъ не хотѣли первоначально раскладывать, опасаясь, что Турки, увидѣвъ ихъ съ нагорнаго берега Дуная, отступятъ обратно на противуположный берегъ, и тѣмъ лишатъ русскія войска возможности помѣряться съ ними оружіемъ; но ночь была до того холодная, и дождливая, что приказано было развесть огни. Шумно, весело прошелъ этотъ вечеръ у привѣтливыхъ костровъ. Не смотря на позднее время, бивачная бесѣда не умолкала и во всю ночь.

Битва при Ольтеницкомъ карантинѣ 23 октября 1853 года.—Общее наступленіе всей линіи русскихъ войскъ. — Отступленіе Турокъ. — Замѣчательные подвиги храбрости въ битвѣ при Ольтеницѣ. — Заботливость жителей Бухареста объ участи раненыхъ.—Сооруженіе памятника на могилѣ воиновъ, павшихъ при Ольтеницѣ.—Высочайшія награды.

Настало утро 23-го октября—день славной битвы Ольтеницкой!...

Рано утромъ, произведена была рекогносцировка позиціи, занятой Турками. Съ разсвѣта все уже было готово къ битвѣ, а въ девять часовъ проѣхалъ по линіи войскъ корпусный командиръ съ свитою, и поздоровавшись съ войсками, отправился на передовые посты.

Въ крайнемъ домѣ Старой Ольтеницы, — откуда въ зрительную трубу было видно все происходившее въ карантинѣ,—собрались начальники отряда, и оттуда выслана была письменная диспозиція предстоящаго боя.

Въ одно мгновеніе ранцы были надѣты, ружья разобраны; войска пошли съ такимъ желаніемъ встрѣтить скорѣе непріятеля, что начальники нѣсколько разъ вынуждены были приказывать солдатамъ уменьшить шагъ, чтобы безполезно не утомить полки. Войска проходили село Старую Ольтеницу, жители которой, не смотря на наши увѣщанія, покидали свои жилища, нагружая огромныя арбы своими пожитками. Женщины кричали, дѣти плакали, видя что-то необычайное, хотя и не понимая причинъ суматохи, собаки выли, чуя кровь... Проходя мимо Ольтеницкой церкви, во имя св. Николая Чудотворца, солдаты набожно крестились, предавая свою судьбу въ руцѣ Господни, и моля заступничества Великаго Святителя, поборника воинства русскаго.

Вскорѣ колонны молодцами прошли мимо корпуснаго командира, стоявшаго со свитою у выхода изъ деревни.

Миновавъ Новую Ольтеницу, вышли мы на поле битвы. Это поле стелется отъ Новой Ольтеницы до самаго берега Дуная, примыкая вправо къ рѣкѣ Аржису. Все поле поросло небольшимъ, но весьма густымъ кустарникомъ, и только на срединѣ пространства виднѣлся довольно крупный лѣсъ, гдѣ и остановился Якутскій пѣхотный полкъ.

Влѣво Ольтеницкое поле незамѣтно сливалось съ прибрежьями Дуная, поросшими густымъ камышемъ и при разливѣ Дуная весною, все это пространство—Ольтеницкое поле,—покрывается водою, а потому почва здѣсь весьма болотистая. Поле это перерѣзано во многихъ мѣстахъ высохшими руслами ручьевъ, въ которыхъ вода остается и послѣ того, какъ Дунай уже вступитъ въ свои берега. Правый берегъ Дуная противуположный занятому нами, низменному лѣвому берегу рѣки, возвышался громадною стѣною, прорѣзанный оврагомъ и дорогою, поднимавшеюся отъ Дуная на крутизну берега. Дорога эта называется *русскою*, по ней, какъ говоритъ преданіе, поднялся Суворовъ съ войскомъ на гребень берега. Въ началѣ этой дороги, у рѣки, было возведено земляное укрѣпленіе, съ шестью орудіями.

Насупротивъ карантина, подъ берегомъ, въ небольшомъ разстояніи отъ рѣки, ясно была видна батарея; на ней, на высокомъ шестѣ, развѣвался красный турецкій флагъ, а на возвышенности берега было другое укрѣпленіе, тоже съ поднятымъ флагомъ. На право отъ этихъ укрѣпленій расположенъ городъ Туртукай.

Надъ самымъ городомъ, въ земляномъ укрѣпленіи и еще правѣе его, въ двухъ мѣстахъ, было видно множество палатокъ; кромѣ того, палатки были раскинуты въ различныхъ мѣстахъ по берегу рѣки. У большаго, землянаго укрѣпленія, насупротивъ карантина, расположенъ былъ, по видимому, главный лагерь, и здѣсь виднѣлось пять огромныхъ палатокъ, въ родѣ нашихъ церковныхъ наметовъ: это были палатки пашей.

Съ возвышеннаго, праваго берега Дуная, Турки могли видѣть каждое наше движеніе, и безопасно для себя могли

направить выстрѣлы своихъ орудій. Но и подъ выстрѣлами турецкихъ укрѣпленій, русскіе полки стройно выдвигались изъ за Новой Ольтеницы и выстраивались на равнинѣ, а артиллерія скорою рысью понеслась на свою первую позицію, за 250 сажень передъ Новую Ольтеницу, т. е. не болѣе, какъ въ двухъ стахъ саженяхъ отъ турецкой передовой цѣпи.

Съ замѣчательнымъ спокойствіемъ и увѣренностію шли наши войска въ бой, противу столь сильной позиціи, какую представлялъ карантинъ. Съ каждымъ нашимъ шагомъ впередъ, опасность представлялась очевиднѣе, грознѣе.

Битва еще не начиналась, но уже непріятельскіе артиллеристы держали наготовѣ свои дымящіеся фитили. Ни на Дунаѣ, ни впереди насъ въ укрѣпленіи, незамѣтно было однако же особой дѣятельности. Только направо, въ кустахъ, виднѣлась турецкая цѣпь, а за ней, вдали мелькали красныя фески пѣшей цѣпи.

— «Казаки впередъ! Открыть непріятеля»! скомандовалъ генералъ, и въ ту же минуту передовая казачья цѣпь, кто съ ружьемъ на готовѣ, кто съ пикою на перевѣсъ, быстро двинулась по частому кустарнику, и вдругъ увидѣла впереди себя знакомый уже бѣлый турецкій значекъ. «На знамя»! крикнули удальцы — казаки, и быстро понеслись отбивать трофей... Но турецкая кавалерія скрылась въ укрѣпленіи и казаки были отведены назадъ. Въ то же время загудѣла наша артиллерія; ей отвѣчали изъ тридцати пяти орудій праваго берега Дуная, и изъ нѣсколькихъ мортиръ, поставленныхъ у самой рѣки, на правомъ берегу.

Канонада, гремѣвшая уже съ четверть часа, вырвала

изъ нашихъ рядовъ двухъ или трехъ солдатъ. Русскій воинъ встрѣчаетъ, не содрогаясь, смерть грудью, и охотно идетъ въ бой. Такъ было и въ этомъ дѣлѣ. Стройно, дружно двинулись впередъ грозныя колонны. Батареи, обѣ введенныя въ дѣло, понеслись на позицію, и чрезъ нѣсколько мгновеній еще живѣе загрохотала пальба. Наши выстрѣлы были весьма удачны: вскорѣ взлетѣлъ на воздухъ непріятельскій зарядный ящикъ, за нимъ—другой; замолчало турецкое орудіе, въ жерло котораго вбилось наше ядро, замолчало и другое орудіе на острову, подбитое нашей гранатою... Еще впередъ!... и артиллерія уже снова несется маршъ-маршъ. Орудія подскакали на сто двадцать саженъ къ непріятельскому укрѣпленію, и стали осыпать его картечью!...

Въ эту минуту приказано было вступить въ битву двумъ баталіонамъ Селингинскаго полка, стоявшимъ съ четырьмя орудіями легкой № 5-го батареи, подъ начальствомъ генералъ маіора Охтерлоне. Полкамъ приказано было идти на штурмъ укрѣпленія, со стороны Аржиса. Идя въ дѣло, каждый солдатъ перекрестился, и послѣ того, съ полною беззаботностію, какъ бы послѣ ученья, грянула знакомая пѣсенка солдатская:

«Эхъ зачѣмъ было городъ городить»!

Когда войска выдвинулись изъ лѣса, вся линія была уже въ общемъ наступленіи. Губительный батальный и картечный огонь продолжался непрерывно. Много славныхъ подвиговъ совершено было при этомъ геройскомъ наступленіи...

Когда русскіе полки ворвались въ турецкіе окопы, Турки поспѣшно отступили, и такъ какъ карантинъ былъ уже весь избитъ ядрами, то русскимъ полкамъ приказано было

выбивъ Турокъ изъ окоповъ, возвратиться на прежнюю свою позицію. Наше дѣло было дать Туркамъ урокъ, напомнить имъ, что русскій штыкъ также грозенъ, по прежнему, и мы лихо сдѣлали свое дѣло.

Полки отходили медленно, поднимая раненыхъ, и оставивъ на ближайшей къ непріятелю позиціи батарейную батарею и два баталіона пѣхоты. Турки не вѣрили сначала, что русскіе полки отступаютъ: они прекратили огонь, чтобъ разъяснить наше движеніе, и приготовиться встрѣтить картечью атаку, которую они ожидали. Нѣсколько всадниковъ выѣхали даже густою толпою впередъ, но наши артиллеристы не допустили ихъ близко къ цѣпи; раздался выстрѣлъ, и картечь осыпала джигитовъ; всѣ они бросились обратно, оставивъ своихъ убитыхъ и раненыхъ.

Этотъ выстрѣлъ былъ послѣднимъ, заключившимъ Ольтеницкую битву. У Турокъ уже не было орудій въ карантинѣ и на лѣвомъ берегу Дуная. Они не отвѣчали даже на нашъ картечный выстрѣлъ, и баталіоны наши спокойно отодвигались къ Ольтеницѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ славной битвы при Ольтеницѣ, 23-го октября, Турки зажгли карантинъ, который они занимали на лѣвомъ берегу Дуная, разрушили мостъ на Аржисѣ, и удалились на правый дунайскій берегъ. Тогда и русскій авангардъ отошелъ за линію выстрѣловъ, а казачья цѣпь заняла свое прежнее мѣсто. Почти все приняло свой прежній видъ, какъ наканунѣ; только на полѣ битвы лежали убитыя лошади, избитое оружіе, аммуниція; неподалеку слышалось тихое пѣніе молитвъ: тамъ предавали землѣ тѣла усопшихъ, стяжавшихъ въ этотъ день вѣнцы мученическіе!...

Разскажемъ о нѣкоторыхъ славныхъ подвигахъ совершенныхъ въ Ольтеницкой битвѣ:

Генеральнаго штаба капитанъ Батезатулъ 1-й, исполнявшій должность дивизіоннаго квартирмейстера 11-й пѣхотной дивизіи, былъ контуженъ ядромъ и опрокинутъ вмѣстѣ съ лошадью. Не смотря на сильную боль отъ контузіи и ушиба, онъ оставался на конѣ въ продолженіе всего дѣла, передъ 1-мъ баталіономъ Якутскаго пѣхотнаго полка, который, ударивъ въ штыки на непріятеля, опередилъ всѣ прочія войска, наступавшей русской линіи.

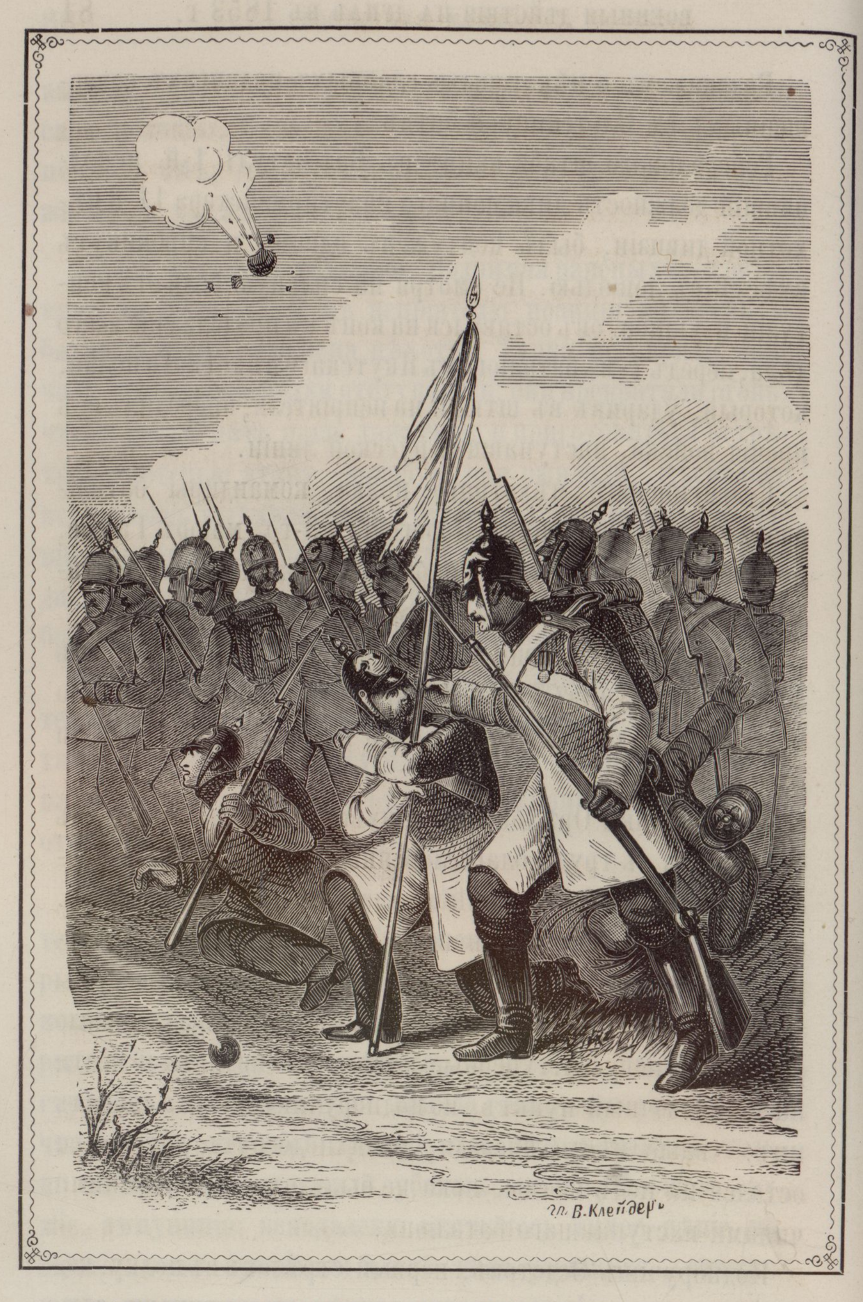
Селенгинскаго пѣхотнаго полка, командиры баталіоновъ: 1-го, полковникъ Порогскій и 3-го, маіоръ Галліе, получивъ тяжелыя раны, продолжали командовать баталіонами, до совершеннаго изнеможенія своихъ силъ.

Командиръ 8-й мушкетерской роты, штабсъ-капитанъ Конюкъ, получивъ четыре раны, шелъ бодро и весело передъ ротой до тѣхъ поръ, пока не упалъ отъ контузіи ядромъ въ бокъ.

Подпоручикъ Орѣховъ, предчувствуя свою смерть въ бою, снялъ съ груди благословенный образъ свой, и просилъ одного изъ товарищей отослать этотъ образъ матери, а между тѣмъ, ни на мгновеніе не колеблясь, шелъ впередъ, пока вражье ядро не снесло ему черепъ.

Подпоручикъ Путята, находясь въ цѣпи, былъ тяжело раненъ въ ногу. Штуцерные хотѣли его поднять и нести на перевязочный пунктъ, но подпоручикъ Путята сказалъ имъ: «ваше мѣсто впереди, меня подберутъ другіе», и остался на полѣ битвы, пока не былъ отнесенъ нижними чинами наступавшаго баталіона.

Подпоручикъ Ѳедотовъ, первый стрѣлокъ въ полку, командуя штуцерными, самъ, со штуцеромъ въ рукахъ, слу-

ПОДВИГЪ СЕЛЕНГИНСКАГО ПѢХОТНАГО ПОЛКА УНТ. ОФИЦ.
АНДРЕЯ СНОЗИКА.

жилъ примѣромъ храбрости для подчиненныхъ. Когда штуцерныхъ отозвали, онъ постоянно оставался впереди своего баталіона, продолжая стрѣлять безъ промаха, и по особенному счастію, остался невредимъ, не смотря на то, что шинель его въ восьми мѣстахъ прострѣлена была пулями. Впослѣдствіи однако же оказалось, что онъ былъ контуженъ въ ногу, но скрылъ это, желая оставаться при полку.

Во время самаго разгара битвы, поручикъ Селенгинскаго пѣхотнаго полка Зиненко былъ прострѣленъ пулею въ спину, на вылетъ, въ ту минуту, когда взбѣжавъ первымъ на турецкое укрѣпленіе, повернулся онъ къ своимъ солдатамъ, призывая ихъ слѣдовать за собою. Четыре гренадера понесли его на перевязочный пунктъ. «Оставьте меня! Положите меня здѣсь», говорилъ Зиненко солдатамъ; «я вамъ приказываю, оставьте меня здѣсь; на этомъ полѣ хочу я умереть: я не для того прошелъ его, чтобъ возвращаться назадъ»!

3-й гренадерской роты фельдфебель, Осипъ Щепановскій, повѣрялъ во время сраженія, по приказанію командира полка, полковника Собашинскаго, расчетъ своей роты; въ это время разрывомъ гранаты убило вблизи его нѣсколько солдатъ. Щепановскій, желая ободрить солдатъ, смѣясь сказалъ: «постойте, басурманы, дайте хоть разсчетъ-то кончить».

2-й гренадерской роты унтеръ-офицеръ Андрей Снозикъ (знаменщикъ 2-го баталіона), получилъ сильную контузію, и упалъ со знаменемъ. Товарищи его хотѣли взять у него знамя, но Снозикъ, поднявшись, сказалъ: «пока живъ, никому знамени не отдамъ»!

Унтеръ-офицеру Селенгинскаго пѣхотнаго полка Магди-

ку, врачи хотѣли сдѣлать перевязку, но онъ остановилъ ихъ, говоря: «подожду еще, ваше благородіе; извольте прежде перевязать другихъ, сильно раненыхъ»!

Ялутскаго пѣхотнаго полка, командиръ 1-го баталіона, полковникъ Скюдери, получивъ три тяжелыя раны и контузію, продолжалъ вести баталіонъ, съ примѣрною твердостью духа, до совершеннаго ослабленія силъ, отъ истеченія крови.

Командующій 4-мъ баталіономъ, маіоръ Салогубъ шелъ все время впереди баталіона; когда знаменщикъ былъ смертельно раненъ, онъ взялъ отъ умирающаго знамя, и, не смотря на полученную въ это время рану въ ногу, съ знаменемъ въ рукахъ, продолжалъ вести баталіонъ.

Командиръ 2-й мушкетерской роты, штабсъ-капитанъ Скородумовъ, получивъ рану въ шею, самъ вынулъ пулю и продолжалъ вести свою роту до тѣхъ-поръ, пока снова былъ раненъ въ руку. Перевязавъ рану, и не желая оставить свою роту, штабсъ-капитанъ Скородумовъ на другой же день прибылъ къ полку.

Штабсъ-капитанъ Якутскаго пѣхотнаго полка Лютеръ, раненый пулею въ ногу, шелъ впередъ, и показывая солдатамъ кровь, лившуюся изъ сапога его, повторялъ: «за мной, ребята!.. Видите, кровь моя течетъ, за мной впередъ! пока не вытечетъ вся моя кровь»!.. Близъ самыхъ стѣнъ карантина, турецкіе стрѣлки поразили храбреца Лютера двумя штуцерными пулями въ плечо; онъ скрестилъ руки, и въ тоже мгновеніе осколокъ гранаты, ударивъ его въ грудь, прекратилъ страданія героя!... Четверо солдатъ его роты бросились поднимать любимаго капитана; между ними разорвалась граната и всѣ четверо упали мертвыми на трупъ своего командира.

Прапорщикъ Попандопуло 2-й находился въ цѣпи застрѣльщиковъ; пуля перешибла ему кость въ нижней части ноги, но онъ продолжалъ идти впередъ, опираясь на ружье, пока, окончательно переломилась кость ноги, и онъ упалъ безъ чувствъ.

Унтеръ-офицеръ изъ вольноопредѣляющихся, Хлѣбовскій, находясь со знаменемъ, былъ раненъ, и истекая кровью, долгое время не оставлялъ своего мѣста, пока, по усиленной просьбѣ товарищей, не передалъ знамя другому.

Исправляющій должность дивизіоннаго гевальдигера 11-й пѣхотной дивизіи, Камчатскаго егерскаго полка подпоручикъ Фонъ-Витте, увидя, что знаменщикъ 1-го баталіона Якутскаго пѣхотнаго полка убитъ, соскочилъ съ лошади, взялъ знамя и несъ его передъ баталіономъ до конца боя.

Полковой священникъ Якутскаго пѣхотнаго полка, отецъ Андрей, находясь на перевязочномъ пунктѣ, отпѣвалъ убитыхъ, исповѣдывалъ умирающихъ, перевязывалъ легкія раны и носилъ воду для утоленія жажды раненыхъ воиновъ.

11-й полевой артиллерійской бригады батарейной № 3 батареи фейерверкеръ Максимъ Максимовъ оставленъ былъ при подбитомъ орудіи, для перемѣны поврежденнаго колеса; удачно исполнивъ это подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, фейерверкеръ Максимовъ быстро присоединился къ батареѣ.

Бомбардиръ Аѳанасій Прокофьевъ, раненый пулею въ плечо, оставался во фронтѣ и исполнялъ обязанности перваго нумера при орудіи, до полученія второй раны въ ногу картечью, послѣ чего уже былъ отправленъ на перевязку.

Легкой № 5 батареи фейерверкеръ 2-го класса Шнадышекъ командовалъ, по недостатку офицеровъ, 3-мъ взводомъ; когда непріятельскимъ выстрѣломъ подбило передокъ, а другимъ—убило коренную лошадь, Шнадышекъ, не обращая вниманія на мѣткій перекрестный огонь непріятеля, вынулъ заряды изъ передка, уложилъ ихъ въ пустыя гнѣзда заряднаго ящика, а подбитый передокъ, оставшійся при отступленіи за дивизіономъ, приказалъ отвезти за фронтъ русской арміи.

Старшій канониръ Тимоѳей Чиликинъ, находясь съ банникомъ во 2-мъ взводѣ, при 3-мъ орудіи, былъ раненъ пулею въ голову, во время заряженія орудія. Товарищъ хотѣлъ встать на его мѣсто, но Чиликинъ остановилъ его, говоря: «дай дослать послѣдній зарядъ,» и только послѣ выстрѣла былъ отведенъ на перевязочный пунктъ.

Младшій канониръ Николай Бойко, раненый въ плечо, оставался при орудіи, и только вторая рана заставила его оставить поле сраженія.

По окончаніи битвы, въ числѣ раненыхъ пришелъ на перевязочный пунктъ одинъ солдатъ, которому пуля ударила въ ротъ, прошла подъ языкомъ, и засѣла въ лѣвой сторонѣ шеи. «Какъ это залетѣла тебѣ пуля въ ротъ?» смѣясь, спросилъ докторъ.—«Да онъ вѣдь пѣсенникъ,» отвѣчалъ съ усмѣшкою его товарищъ, выдержавшій только что передъ тѣмъ трудную операцію.

Другой, раненый солдатъ, съ окровавленнымъ лицомъ, нѣсколько разъ заглядывалъ въ двери госпиталя, и опять отходилъ. Когда же всѣ раненые были перевязаны, то врачи, до того времени не обращавшіе на него вниманія, подозвали его. «Что у тебя?» Солдатъ показалъ пальцемъ на свой ротъ: оказалось, что пуля, пробивъ щеку,

засѣла въ языкѣ. Пулю вырѣзали и солдатъ радостно перекрестился. «Что же ты, братъ, раньше не приходилъ на перевязку,» спросилъ его докторъ. — «Да были, ваше благородіе, раненые сильнѣе моего, имъ прежде надобно было помочь; я же боялся только, какъ бы не проглотить турецкую пулю,» простодушно отвѣчалъ раненый.

Чрезъ три дня послѣ битвы, раненыхъ подъ Ольтеницею привезли въ Бухарестъ, гдѣ жители встрѣтили ихъ съ полнымъ сочувствіемъ и братскою любовію; каждый желалъ облегчить страданія раненыхъ храбрецовъ. Валахи приносили въ госпитали корпію, холстъ для перевязокъ, вино, хлѣбъ и другіе припасы. Всѣ эти приношенія были приняты съ искреннею признательностью русскимъ начальствомъ, и жителямъ Бухареста объявлена была Высочайшая благодарность Государя Императора за ихъ человѣколюбивую заботливость объ участи раненыхъ. Командующій войсками въ княжествахъ, генералъ-адъютантъ князь М. Д. Горчаковъ, въ полной парадной формѣ, посѣтилъ раненыхъ, благодарилъ ихъ, именемъ Государя Императора, за доблестную солдатскую службу, за вѣрность и преданность царю и отечеству, запечатлѣнную ихъ кровію. Въ одной палатѣ князь засталъ врача, который отрѣзывалъ руку раненому гренадеру. Храбрый солдатъ ни однимъ стономъ не обнаруживалъ страданія.

— «Молодецъ!» сказалъ князь, желая еще болѣе ободрить гренадера.

— «Что же, ваше сіятельство, я за молодецъ съ одною-то рукою! Чѣмъ же Турокъ-то мнѣ бить?»

— «Ты богатырь!» продолжалъ князь, и со слезами на глазахъ, обнялъ и поцѣловалъ мужественнаго солдата.

По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что въ битвѣ при Ольтеницѣ, 23 октября, нижнихъ чиновъ убито 204 человѣка, ранено 700 человѣкъ.

Убитые въ этомъ сраженіи, преданы были землѣ съ воинской почестью у перевязочнаго пункта, въ Новой Ольтеницѣ. Окрестные жители не забудутъ этой солдатской могилы, и въ отдаленныя времена будутъ указывать мѣсто, гдѣ почіетъ прахъ храбрыхъ. На могилѣ павшихъ воиновъ насыпанъ добровольными трудами солдатъ огромный курганъ, и обсаженъ деревьями. Послѣ того по подпискѣ, между офицерами и нижними чинами отряда, поставленъ на этомъ курганѣ надгробный памятникъ. Кромѣ того, въ мѣстную церковь внесенъ значительный вкладъ, съ тѣмъ, чтобы священнослужители на вѣчныя времена, ежегодно, въ день 23 октября, совершали панихиду на могилѣ павшихъ воиновъ.

Изъ разсказовъ лазутчиковъ и изъ показаній одиннадцати человѣкъ, взятыхъ казаками въ плѣнъ, во время сраженія, извѣстно, что въ битвѣ при Ольтеницѣ турецкихъ войскъ было болѣе 18,000; резервъ Турокъ, состоявшій изъ 50,000 человѣкъ, находился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Туртукая. Омеръ-Паша лично предводительствовалъ всѣми этими войсками, и находился въ Туртукаѣ. Во время сраженія, онъ три раза собирался переправиться на лѣвый берегъ Дуная, три раза входилъ уже со свитой на лодку, и каждый разъ, въ нерѣшимости, возвращался въ городъ.

Главнокомандующій турецкою арміею, Омеръ-Паша, начиная битву, намѣревался: пользуясь отвлеченіемъ нашей второй бригады къ Калараш у, разбить Русскихъ у Ольтеницы, оттѣснить ихъ къ Бухаресту, а если можно,

то и вовсе вытѣснить изъ Валахіи. Самонадѣянность Омеръ-Паши была такъ велика, что онъ далъ уже знать своимъ бухарестскимъ знакомымъ, чтобъ они его ждали къ себѣ на кофе. Но Богъ не попустилъ врагамъ восторжествовать надъ нами! Замыслы Омеръ-Паши рушились! Съ отвагою устремились русскіе полки на сильнаго непріятеля, окопавшагося на позиціи, неприступной съ двухъ сторонъ, и обстрѣливаемой батареями съ высотъ противоположнаго берега Дуная. Съ мужествомъ шли они впередъ, нанося смерть врагу, умирали, но не отступали, пока то небыло необходимо!...

Дѣло 23 октября вразумило Омеръ-Пашу. Онъ понялъ, что если мы одни не пустили его впередъ, то уже нѣтъ для него надежды разбить насъ, на другой или на третій день, когда соединятся войска, спѣшившія къ намъ на помощь изъ Калараша и Бухареста.

Государь Императоръ обратилъ милостивое вниманіе на свои вѣрныя войска. Его царственныя щедроты обильно излились на храбрыхъ: онъ соизволилъ пожаловать всѣмъ нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ битвѣ, по рублю серебромъ; раненымъ нижнимъ чинамъ назначено было каждому отъ 5 до 100 руб. серебромъ. Кромѣ того, Государь соизволилъ произвесть въ офицеры двадцать четыре человѣка, двумъ пожаловалъ старшинство въ чинѣ прапорщика, съ 23 октября 1853 года. Большая часть раненыхъ офицеровъ принята была подъ покровительство комитета, Высочайше учрежденнаго 18 августа 1814 года.

Отеческая заботливость Монарха простерлась даже о семействахъ убитыхъ или раненыхъ. Сдѣланъ былъ подробный докладъ, и каждому семейству оказана была возможная помощь.

Битва при Четати 25 Декабря 1853 года.—Наступленіе турецкихъ войскъ. — Дѣйствія отряда полковника Баумгардтена. — Примѣрное мужество Тобольскаго пѣхотнаго полка. — Дѣйствія отряда генерала Бельгардта для выручки Тобольцевъ. — Мужество Одесскаго егерскаго полка.—Отступленіе Баумгардтена къ мѣстечку Добридворъ. — Подвиги храбрости и самоотверженія въ битвѣ при Четати.

Послѣ славной битвы при Ольтеницкомъ карантинѣ, удалые Донцы, на всемъ пространствѣ, отъ сильной крѣпости Виддина, до устья Дуная, не давали покоя Туркамъ. Безпрерывно подкрадывались они малыми партіями, переплывали Дунай на лодкахъ, и нападали на непріятельскіе пикеты. Всполошатся испуганные Турки, раздастся тревога по всей линіи аванпостовъ праваго берега Дуная, а въ это время удалые Донцы уже далеко, и только подсмѣиваются надъ обманутымъ, испуганнымъ непріятелемъ.

Молодецкое дѣло при Четати (25-го декабря 1853 года) вновь доказало Туркамъ, что русскій штыкъ такъ же грозенъ, какъ и въ былыя времена, когда Русскіе, подъ предводительствомъ Суворова, Румянцова, Кутузова и Дибича, громили несмѣтныя турецкія силы.

Чтобы воспрепятствовать турецкимъ войскамъ, занимавшимъ Калафатъ и близъ-лежащія деревни, получать по Дунаю запасы продовольствія, приказано было начальникомъ Мало-Волахскаго отряда графомъ Анрепомъ, полковнику Баумгартену—съ 3-мя баталіонами Тобольскаго полка, эскадрономъ гусарскаго генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго полка, сотнею казаковъ и 6-ю орудіями легкой № 1-й батареи 10-й артиллерійской бригады, — занять село Четати и расположить войска на гребнѣ высотъ, образующихъ лѣвый, нагорный берегъ Дуная.

На разсвѣтѣ 25-го декабря, въ самый праздникъ Рождества Христова, въ виду Четати, занятаго отрядомъ полковника Баумгартена, показались огромныя массы турецкой кавалеріи, съ 10-ти конными орудіями. Вдали сверкали штыки наступавшихъ пѣхотныхъ колоннъ. Не смѣшался храбрый полковникъ Баумгартенъ въ трудную минуту; не дрогнули и Тобольцы при видѣ тучи враговъ.

Вѣсть о наступленіи непріятеля, какъ электрическая искра, пробѣжала по всему малочисленному, но храброму отряду Тобольскаго полка; всѣ рѣшились побѣдить или умереть; старые воины воодушевляли молодыхъ и учили ихъ, какъ лучше посадить Турка на штыкъ. Ни торопливости, ни суматохи, ничего подобнаго не было видно въ отрядѣ, всѣ съ увѣренностію приготовлялись къ встрѣчѣ лицемъ къ лицу съ басурманами. Полковникъ Баумгартенъ вывелъ отрядъ изъ Четати на позицію впереди селенія Фантына Бунулай (примыкающаго къ Четати). Около 8 часовъ утра, показались Турки; сначала кавалерія, а за ней пѣхота, всего было ихъ приблизительно около 18,000 человѣкъ. Турки построились въ боевой порядокъ, около кургана, находившагося тутъ же на дорогѣ, а на курганѣ поставили батарею и въ слѣдъ затѣмъ направили противъ насъ, одну за другой, послѣдовательно, три атаки; загремѣла живая перестрѣлка; и всѣ три атаки отбиты были штыками храбрыхъ Тобольцевъ. Турки, не смотря на уронъ, все таки посылали свѣжія войска и снова лѣзли, какъ угорѣлые, надѣясь, вѣроятно, уничтожить отрядъ своею многочисленностію, но Тобольцы держались крѣпко на своей позиціи и наносили непріятелю большой уронъ. Раненые, какъ офицеры, такъ

и нижніе чины, не оставляли своихъ мѣстъ въ строю и дрались какъ львы. Дѣйствительно силенъ былъ непріятель, и храбрые Тобольцы съ большимъ усиліемъ должны были отстаивать свою позицію отъ враговъ, которые толпами врывались въ селеніе съ южной стороны. Два часа сряду на правомъ нашемъ флангѣ отрядъ выдерживалъ кровопролитный бой. Чтобъ поддержать утомленныя и обезсиленныя потерею 4-ю и 11-ю роты, полковникъ Баумгартенъ отправилъ къ нимъ на помощь 3-ю гренадерскую и 9-ю мушкетерскую роты того же полка. Живо бросились Тобольцы на выручку своихъ товарищей-однополчанъ, и подоспѣли въ ту самую минуту, когда роты готовились встрѣтить штыками атакующихъ Турокъ. Въ ожесточенной схваткѣ палъ и командиръ 3-й гренадерской роты, капитанъ Грицай 2-й.

Храбрый Баумгартенъ, видя, что силы непріятелей ростутъ и они уже обложили Тобольцевъ со всѣхъ сторонъ, рѣшился перейти на другую позицію, у того же села. Мѣстность, на которой командиръ Тобольскаго полка готовился снова встрѣтить непріятеля, была хорошо извѣстна ему. Здѣсь, за недѣлю передъ тѣмъ, 19-го декабря, полковникъ Баумгартенъ съ баталіономъ своихъ Тобольцевъ отбилъ сильную атаку турецкой кавалеріи.

Медленно и стройно отступили Тобольцы на свою новую позицію. Безъ малѣйшаго замѣшательства, все исполнялось, словно какъ на ученьѣ. Когда 12-ю мушкетерскую роту атаковали три турецкіе баталіона, храбрая рота, по командѣ своего командира, поручика Калакуцкаго, немедленно остановилась и встрѣтила непріятеля батальнымъ огнемъ. Первый взводъ ротной колонны, сдѣлавъ залпъ, бросился бѣгомъ на право и на лѣво, и выстро-

ился позади 3-го взвода. Тоже самое исполнено было вторымъ и третьимъ взводами. Послѣ того рота ударила въ штыки, и опрокинула непріятеля, значительно разстроеннаго тремя неожиданными залпами.

Новая позиція, на которой хотѣлъ защищаться полковникъ Баумгартенъ, была уже занята непріятелемъ, такъ что приходилось брать ее приступомъ. Тобольцы храбро двинулись впередъ, подъ картечными выстрѣлами сбили непріятелей съ высотъ, и захватили два орудія; но Турки, видя малочисленность русскаго отряда, все еще надѣялись разбить его. Они безпрерывно бросались въ атаку, и каждый разъ встрѣчали ихъ штыки Тобольцевъ. Ряды храбрецовъ замѣтно стали рѣдѣть; оказался недостатокъ въ зарядахъ, и изъ нашихъ орудій стрѣляли уже картечью, найденною въ отбитомъ у Турокъ зарядномъ ящикѣ. Непріятель готовился произвести съ фронта послѣднее и рѣшительное наступленіе, какъ вдругъ, въ тылу Турокъ, послышались пушечные выстрѣлы: это генералъ-маіоръ Бельгардтъ велъ Одессцевъ на помощь своимъ храбрымъ, ратнымъ сотоварищамъ, Тобольцамъ.

Турки, изумленные неожиданнымъ нападеніемъ съ тыла, пріостановили атаку. Непріятельская кавалерія, готовая уже ринуться въ битву, начала поспѣшно отходить; вслѣдъ за нею снялись батареи на лѣвомъ флангѣ и съ фронта, а наконецъ отступила и пѣхота. Все вниманіе непріятеля сосредочилось на отрядѣ генерала Бельгардта.

Отрядъ, спѣшившій на помощь Тобольцамъ, былъ почти равенъ числительностью своею атакованному отряду полковника Баумгартена. Подъ начальствомъ генерала Бельгардта находились: Одесскій егерскій полкъ, 2 эскадрона

генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго полка, сотня казаковъ и 6 орудій легкой № 1-й батареи.

Турки, еще издали примѣтившіе движеніе отряда генерала Бельгардта, ждали его въ боевомъ порядкѣ. Впереди, на возвышеніи, за рвами съ насыпью, лежали на землѣ развернутые баталіоны. Во второй линіи находилась турецкая пѣхота въ густыхъ колоннахъ, съ кавалеріею на флангахъ. Впереди размѣщены были орудія. Кромѣ того, изъ Четати спѣшили еще два баталіона стрѣлковъ, которые вскорѣ разсыпались по рвамъ и канавамъ, и открыли мѣткій огонь по наступающимъ. Въ тоже время и орудія грянули картечью въ русскіе ряды.

Но Одесскій полкъ, подъ губительнымъ, перекрестнымъ огнемъ продолжалъ наступать стройно, спокойно и мужественно. Третій баталіонъ полка, подъ личною командою своего полковаго командира, генералъ-маіора Жигмонта, ударилъ въ штыки, выбилъ Турокъ изъ первыхъ рвовъ, и зашелъ во флангъ непріятелю. Во время этой стремительной атаки былъ раненъ генералъ Жигмонтъ, а баталіонный командиръ полковникъ Борщевъ и многіе офицеры—убиты. Въ это же время резервъ отряда (3-я карабинерная рота) былъ атакованъ турецкою кавалеріею, но удачно отразилъ всѣ атаки огнемъ штуцерныхъ и картечью.

Пока колонна генерала Жигмонта удачно дѣйствовала на правомъ флангѣ, самъ генералъ Бельгардтъ, съ 1-мъ и 4-мъ баталіонами Одесскаго полка, стремительно повелъ атаку на центръ непріятельской боевой линіи. Много храбрыхъ пало при этой геройской атакѣ. Наступающія колонны встрѣчены были сильнымъ батальнымъ огнемъ съ фронта, но ничто не могло остановить храбрецовъ!

Два орудія, подъ начальствомъ полковника Костанды, выдвинувшись значительно впередъ на возвышеніе, обстрѣливали продольными выстрѣлами непріятельскую позицію, и много содѣйствовали успѣху атаки.

Цѣль движенія, которое предпринялъ генералъ Бельгардтъ съ своимъ отрядомъ, была вполнѣ достигнута: отрядъ полковника Баумгартена, изнуренный неравною битвою, успѣлъ безпрепятственно отступить къ селенію Добридворъ, гдѣ ночью соединился съ нимъ и отрядъ генерала Бельгардта. Радостно обнялись боевые сотоварищи, и долго, при свѣтѣ бивачныхъ костровъ, шла дружеская бесѣда о славной битвѣ, которою ознаменовался великій праздникъ Рождества Христова.

«Вѣковѣчное вамъ спасибо! братцы егеря», говорили Тобольцы: «ужъ истинно по-братски удружили: вѣкъ не забудемъ вашей службы!»

Объятьямъ и поцѣлуямъ усатыхъ храбрецовъ не было конца. Отъ начальника до послѣдняго солдата порѣшили всѣ: приди Одессцы получасомъ позже—Тобольскаго пѣхотнаго полка не существовало бы...

Въ кровопролитной битвѣ при Четати шесть съ половиною баталіоновъ пѣхоты, три эскадрона и двѣ сотни казаковъ мужественно бились противъ въ десятеро-сильнѣйшаго непріятеля. По собраннымъ свѣдѣніямъ, турецкаго войска было: пѣхоты—до 15 тысячъ, кавалеріи—до 3 тысячъ, и 30 орудій. При столь огромной несоразмѣрности въ силахъ, потеря наша не могла быть незначительною. Въ обоихъ отрядахъ (полковника Баумгартена и генерала Бельгардта) было убито: штабъ-офицеровъ 3, оберъ-офицеровъ 17, нижнихъ чиновъ 813; ранены: генералъ-маіоръ Жигмонтъ, штабъ-офицеровъ 29 и ниж-

нихъ чиновъ 1,158. Въ обоихъ отрядахъ, легко раненые все время остались во фронтѣ, даже не перевязывая ранъ своихъ, и ни на минуту не отставали отъ товарищей. Уронъ непріятеля былъ огромный; на мѣстѣ битвы осталось до 3,000 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Все поле битвы до такой степени покрыто было трупами, что въ двое сутокъ едва успѣли предать ихъ землѣ. Взято у непріятеля, кромѣ 6 орудій, множество оружія и два сотенныхъ значка.

Въ геройскомъ дѣлѣ при Четати, всѣ офицеры, и солдаты, въ одинаковой мѣрѣ воодушевлены были мужествомъ, самоотверженіемъ и готовностью положить жизнь свою на полѣ ратномъ. Но ни одной изъ ротъ Одесскаго егерскаго полка, дѣйствовавшихъ при Четати, непришлось быть въ такомъ жаркомъ и кровопролитномъ бою, какъ двумъ ротамъ 7-й и 8-й. Нижнихъ чиновъ въ этихъ ротахъ убито 146, ранено 94. Весь Одесскій полкъ глядѣлъ на эти роты съ уваженіемъ и гордился ихъ товариществомъ. Изъ отдѣльныхъ, наиболѣе замѣчательныхъ подвиговъ храбрости, въ донесеніи главнокомандующаго, генералъ-адъютанта князя Горчакова, упомянуты были слѣдующіе:

Находившійся въ прикрытіи артиллеріи, штабсъ-капитанъ Тобольскаго пѣхотнаго полка Столбинъ, видя, что у одного орудія убиты всѣ лошади и прислуга, впрягъ въ орудіе собственныхъ лошадей, и во все время битвы, съ банникомъ въ рукѣ, заряжалъ и стрѣлялъ изъ орудія.

Прапорщикъ Кудрявцевъ, уже раненый картечью въ ногу, два раза ходилъ съ охотниками впередъ, выбивать Турокъ, засѣвшихъ за плетнемъ и въ землянкахъ. Когда въ третій разъ были вызваны охотники, то они сами уже

просили назначить къ нимъ прапорщиковъ: Кудрявцева, Судзиловскаго, фонъ-Раабена и Грома, которые въ этотъ день своимъ мужествомъ и отвагою заслужили удивленіе всего отряда.

Прапорщикъ Доманскій, раненый въ голову, безстрашно продолжалъ передавать приказанія полковника Баумгартена подъ градомъ пуль и картечи.

Штабсъ-капитанъ Грицай 1-й, наканунѣ битвы 25-го декабря, разсказывалъ своему младшему брату, капитану Грицаю 2-му, о дѣлѣ 19-го декабря, въ которомъ отличилась его рота, выбивъ штыками непріятеля изъ оврага. Капитанъ Грицай сказалъ при этомъ: «я увѣренъ, что въ первомъ дѣлѣ, въ которомъ будутъ участвовать мои гренадеры, они также покажутъ себя молодцами.» Въ сраженіи 25-го декабря обоимъ братьямъ пришлось стоять съ своими ротами рядомъ, и отбивать стремительныя атаки непріятельской пѣхоты. Храбро сражались обѣ роты: 3-я и 4-я гренадерскія, воодушевленныя примѣромъ своихъ доблестныхъ начальниковъ, и почти въ одно время младшій братъ (капитанъ Грицай) палъ пораженный пулею въ голову, а старшій братъ (штабсъ-капитанъ Грицай) былъ смертельно раненъ, также въ голову.

Когда 3-й баталіонъ Тобольцевъ опрокинулъ турецкую кавалерію, занявшую позицію въ тылу отряда полковника Баумгартена, два непріятельскія конно-артиллерійскія орудія вмѣстѣ съ прикрытіемъ, неосторожно отдѣлились отъ отступавшей кавалеріи. Замѣтивъ это, прапорщикъ Косачь, съ рядовыми: Яковомъ Толстоноженкою, Мартыномъ Молчановымъ и фельдфебелемъ Иваномъ Успенскимъ, бросились на орудія. На помощь смѣльчакамъ по-

доспѣли: хорунжій Нечаевъ, урядникъ Петръ Карповъ, приказный Михаилъ Молтыновъ, и казаки: Кирѣй Матлахинъ и Леонъ Бурцаливый. Храбрецы положили на мѣстѣ прикрытіе и прислугу при орудіяхъ, а захваченныя орудія подтащили къ самому валу, за которымъ стояла наша пѣхота. Непріятель бросился отбивать свои орудія, но уже было поздно! Подпоручикъ Марченко картечью отбилъ атаку Турокъ, а казаки и гусары довершили пораженіе непріятеля, и успѣли отбить еще 4 орудія и 3 зарядные ящика.

При упорной оборонѣ отряда полковника Баумгартена, командиръ 1-й мушкетерской роты, капитанъ фонъ-Вригтъ былъ тяжело раненъ пулями въ обѣ ноги. Его подняли четыре солдата его роты, но чрезъ нѣсколько минутъ двое изъ нихъ были убиты ядромъ. Оставшіеся въ живыхъ: унтеръ-офицеръ Иванъ Ананьевъ и рядовой Родіонъ Васильевъ, унося съ поля битвы своего раненаго начальника, были настигнуты непріятелемъ. Видя неминуемую гибель самоотверженныхъ храбрецовъ, капитанъ фонъ-Вригтъ началъ уговаривать оставить его, а самимъ поспѣшно искать спасенія; но Ананьевъ и Васильевъ ни за что не хотѣли оставить въ опасности раненаго командира своего, и только, когда новая пуля поразила на смерть капитана фонъ-Вригтъ, доблестные воины, скрывъ въ снѣгу бездыханный трупъ капитана, отступили къ своимъ частямъ.

Рядовой Юрченко, деньщикъ командира 2-й мушкетерской роты, капитана Бантыша, все время находился въ рядахъ своей роты, раздѣляя съ нею всѣ боевые труды и опасности. Большая часть фурштатовъ и нестроевыхъ изъ обоза, съ турецкими ружьями, также дѣйство-

вали вмѣстѣ съ сотоварищами своими, Тобольцами, разсыпаны были застрѣльщиками, и ходили въ штыки на непріятеля.

10-й артиллерійской бригады штабсъ-капитанъ Хиршхендъ и поручикъ Липарскій, въ то время, когда перебита была вся прислуга при орудіяхъ, сами заряжали и дѣйствовали при орудіяхъ, подъ смертоноснымъ непріятельскимъ огнемъ.

Той же бригады фейерверкеръ Егоръ Денисовъ, старшій канониръ Игнатій Кузминъ и младшій канониръ Никифоръ Михайловъ, не смотря на значительную убыль артиллерійской прислуги, продолжали успѣшно дѣйствовать при своихъ орудіяхъ, исполняя въ одно и тоже время обязанности нѣсколькихъ нумеровъ прислуги.

При рукопашной схваткѣ гусаръ и казаковъ съ турецкою кавалеріею, гусарскаго князя Варшавскаго полка юнкеръ Булгаровъ 2-й, лишившись лошади, взялъ ружье у раненаго солдата, и съ охотниками Тобольскаго полка, пошелъ выбивать Турокъ, засѣвшихъ въ оврагѣ.

Того же полка рядовой Никифоръ Стигній, слѣдуя пѣшкомъ за отступавшимъ отрядомъ, увидѣлъ на дорогѣ раненаго артиллериста. Чтобы избавить своего сотоварища отъ смерти или плѣна, рядовой Стигній два часа оставался при немъ, въ виду непріятеля, пока на поле битвы прибыли повозки для раненыхъ. Тогда, уложивъ своего товарища на повозку, онъ доставилъ его на перевязочный пунктъ, а самъ возвратился къ полку.

Въ концѣ битвы, когда Турки уже начали отступать изъ Четати, полковникъ Баумгартенъ вызвалъ изъ своего отряда охотниковъ для очищенія деревни и двинулъ ихъ двумя колоннами. Одна изъ нихъ подъ начальствомъ пра-

ПОДВИГЪ ПРАПОРЩИКА КУДРЯВЦЕВА И РЯДОВЫХЪ: ИВАНА КУЦЫ И ДАНИЛЫ БЕНЬ, ВО ВРЕМЯ БИТВЫ ПРИ ЧЕТАТИ.

порщиковъ: Судзиловскаго и фонъ-Раабена, направилась въ Нижнее Четати и вытѣснила оттуда враговъ, а другая колонна, подъ начальствомъ отважнаго прапорщика Кудрявцева, уже опасно раненаго въ ногу, и прапорщика Грома 2-го, бросилась по грудамъ непріятельскихъ труповъ въ Верхнее Четати, и выбила непріятеля изъ землянокъ. При этомъ прапорщикъ Кудрявцовъ и рядовые: Иванъ Куцы и Данило Бень, войдя въ церковь, увидѣли, что нѣсколько Турокъ, убивъ священника, обрываютъ ризы съ иконъ. Храбрые охотники, въ негодованіи, бросились на басурманъ, дерзнувшихъ обагрить неповинною кровью храмъ Божій, и всѣхъ перекололи штыками.

Битва при Четати была второю изъ значительныхъ битвъ русскихъ войскъ съ Турками въ Валахіи.

Битва при Каларашѣ 20 февраля 1854 г. — Дѣйствія генералъ-лейтенанта Хрулева. — Затопленіе турецкихъ судовъ. — Замѣчательные подвиги мужества и храбрости въ битвѣ при Каларашѣ.

Послѣ битвы при с. Четати, командующій войсками, для развлеченія непріятеля и съ цѣлію нанести возможный вредъ судамъ турецкимъ, находившимся у Ситова и Никополя, поручилъ генералъ-лейтенанту Хрулеву устроить противъ помянутыхъ пунктовъ нѣсколько батарей.

Генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, по осмотрѣ лѣваго берега и расположенія непріятельской флотиліи, на самомъ прибрежьѣ Дуная, возвелъ семь батарей, устройство коихъ, продолжавшееся четыре дня, было окончено 19-го февраля, но самыя батареи еще вооружены не были.

На разсвѣтѣ, 20-го февраля, Турки, съ цѣлію уничтожить наши работы, переправились въ числѣ до 6,000 человѣкъ на лѣвый берегъ Дуная, къ Каларашу, и оттѣснили наши казачьи посты.

При первомъ извѣстіи о нападеніи непріятеля, отрядъ расположенный въ Каларашѣ, быстро сосредоточился къ сборному пункту и двинулся впередъ къ мѣсту высадки Турокъ, отстоявшему въ 8 или 10 верстахъ отъ Калараша. Весь отрядъ нашъ состоялъ изъ егерскаго Князя Варшавскаго полка, четырехъ орудій № 3-го батареи 8-й артиллерійской бригады, конно-легкой № 7-го батареи, дивизіона Вознесенскаго уланскаго полка и нѣсколькихъ казаковъ.

Генералъ-лейтенантъ Хрулевъ принялъ начальство надъ правымъ флангомъ, а генералъ-маіоръ Богушевскій надъ лѣвымъ флангомъ и центромъ отряда.

Турки, замѣтивъ съ праваго берега приближеніе нашихъ войскъ къ Дунаю, открыли сильный огонь изъ крѣпости Силистріи; въ то же время непріятель, находившійся на нашемъ берегу, прекративъ срытіе нашихъ батарей, выслалъ на встрѣчу нашей кавалеріи полкъ Египетской пѣхоты, съ густою цѣпью застрѣльщиковъ. Тогда наши три конныя орудія выскакали впередъ и картечью осыпали непріятельскую пѣхоту, которая смѣшавшись, начала отступать къ Дунаю; уланы и казаки кололи бѣгущихъ застрѣльщиковъ. Штабсъ-капитанъ Абхауръ, по приказанію генералъ-лейтенанта Хрулева, подвелъ орудія къ самому берегу и открылъ дѣйствіе по лодкамъ. Турки, въ безпорядкѣ, бѣжали къ своимъ судамъ; около пятисотъ человѣкъ, не успѣвшихъ сѣсть на лодки, толпились на узкой полосѣ, за крутизною берега Дуная. (*) Замѣтивъ это, Хрулевъ приказалъ: всѣмъ офицерамъ,

(*) Между прибрежною дорогою и Дунаемъ, берегъ рѣки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, оканчивается обрывами.

уланамъ, казакамъ, прислугѣ при орудіяхъ, коноводамъ и ѣздовымъ спѣшиться, и повелъ ихъ на непріятеля.— Казаки и уланы ударили въ пики, артиллеристы—въ шашки.

При этой отважной атакѣ, непріятель потерялъ убитыми (оставленными на мѣстѣ) 198 человѣкъ; въ плѣнъ взято 38 человѣкъ; нѣсколько сотъ человѣкъ, не попавшихъ въ лодки, потонули, въ числѣ коихъ замѣченъ былъ одинъ офицеръ и мулла. Часть непріятеля, успѣвшая сѣсть на суда, стрѣляла съ оныхъ. Артиллерія наша снова открыла огонь по отплывающимъ судамъ и потопила одно изъ нихъ съ пѣхотою, повредивъ два другія.

Между тѣмъ командиръ 2-го баталіона Князя Варшавскаго полка, маіоръ Симонтовскій, замѣтивъ, что непріятельская пѣхота занималась срытіемъ редута нашего № 4, вытѣснилъ непріятельскихъ стрѣлковъ изъ камышей и ударилъ въ штыки на редутъ. Турки встрѣтили нашу колонну ружейнымъ огнемъ, но были сбиты и, подъ прикрытіемъ огня изъ крѣпости Силистріи, бросились къ судамъ. Егеря преслѣдовали бѣгущихъ до самыхъ лодокъ.

Четыре орудія легкой № 8-го батареи 9-й артиллерійской бригады, выдвинутыя къ самому берегу, снялись съ передковъ и открыли живой огонь по лодкамъ. Дѣйствіе сихъ орудій окончательно разстроило бѣгущихъ.

Потеря Турокъ была на семъ пунктѣ весьма значительна: 50 тѣлъ оставлены въ редутѣ №4, и сверхъ того большое число людей, не успѣвъ попасть на суда, искали спасенія вплавь, но всѣ перетонули.

Командовавшій лѣвою колонною отряда, генералъ-маіоръ Богушевскій, получивъ извѣстіе, что кромѣ высадившагося уже на берегъ непріятеля, приближаются къ бе-

регу еще три большія турецкія судна, наполненныя пѣхотою, выстроилъ противъ нихъ четыре батарейныя орудія 8-й артиллерійской бригады и роту пѣхоты; мѣткими выстрѣлами нашей батареи непріятельскія суда были потоплены, а находившіеся на нихъ люди бросились вплавь къ острову Гопы, но большая часть ихъ утонули, не достигнувъ берега. Потеря наша въ славной битвѣ при Каларашѣ была весьма незначительна: всего раненыхъ девять человѣкъ. Убитыхъ не было ни одного.

Причину столь малой потери съ нашей стороны должно отнести къ тому, что атака была произведена съ такою стремительностью и быстротою, что непріятель помышлялъ только о собственномъ спасеніи.

Наиболѣе отличились: есаулъ Кунаковъ и казакъ Бекардовъ. Есаулъ Кунаковъ, во время пѣшей атаки генералъ-лейтенанта Хрулева на берегу Дуная, съ казаками 4-й сотни, овладѣлъ съ боя одною непріятельскою лодкою.

Казакъ Бекардовъ, посланный генералъ-лейтенантомъ Хрулевымъ указать путь для слѣдованія баталіона Симонтовскаго къ редуту № 4, первый бросился на штурмъ укрѣпленія, за что и награжденъ знакомъ отличія ордена Св. Георгія.

Переправа войскъ черезъ Дунай (11-го марта 1854 г.).

Сочувствіе Болгаръ къ Русскимъ. — Подвигъ казака Петра Медвѣдева. — Приготовленія къ переходу русской арміи черезъ Дунай. — Переправа отряда ген. Лидерса у Галаца. — Дѣйствія отряда кн. Горчакова у Браилова. — Переправа отряда ген. Ушакова- — Атака Могилевскаго и Смоленскаго полка. — Штурмъ цитадели. — Подвигъ подполковника Вознесенскаго. — Храбрость и самоотверженіе войска. —Взятіе Мачина. — Торжественная встрѣча войска Болгарами. — Водруженіе креста на мачинской церкви. — Пожертвованіе жителей Одессы.

Послѣ кровопролитной битвы при Четати и пораженія турецкихъ войскъ при Каларашѣ, до весны 1854 го-

да не происходило никакихъ столкновеній русскихъ войскъ съ врагами. Широкій Дунай раздѣлялъ двѣ враждующія арміи. Лѣвый берегъ этой многоводной рѣки, заросшій камышами, былъ покрытъ непрерывною цѣпью русскихъ постовъ, которые зорко наблюдали за всѣми движеніями непріятеля. На правомъ, турецкомъ берегу грозно чернѣлись сильныя укрѣпленія. Многочисленные турецкіе корпуса оберегали переправу черезъ Дунай, но не смотря на всю бдительность турецкихъ часовыхъ, удалые Донцы не разъ прорывались на противоположный вражескій берегъ. Но всѣ эти отдѣльные подвиги храбрецовъ служили только какъ бы преддверіемъ общаго движенія всей русской арміи на турецкій берегъ Дуная.

Въ теченіе февраля и первыхъ дней марта 1854 года, дунайская армія наша дѣятельно готовилась къ вступленію въ предѣлы Турціи, въ единоплеменную намъ, славянскую область Болгарію, столь долгое время и столь жестоко утѣсняемую мусульманами. Болгары ждали Русскихъ, какъ своихъ избавителей. Усердно молили они Господа объ успѣхѣ русскаго оружія надъ *невѣрными*; съ тайнымъ замираніемъ сердца смотрѣли издали на бѣлѣющіеся шатры русскихъ лагерей, прислушивались къ отдаленному гулу канонады. Многіе смѣльчаки Болгары, несмотря на то, что турецкіе пикеты и разъѣзды строго слѣдили, чтобы никто не смѣлъ переѣзжать черезъ Дунай, успѣвали однако же обмануть бдительность турецкихъ часовыхъ, и пробирались въ русскій лагерь и доставляли необходимыя для него свѣдѣнія о непріятелѣ.

Съ самаго начала весны подготовительныя работы, для переправы черезъ быстрый и широкій Дунай, стали

производиться съ усиленною дѣятельностью. При Галацѣ и Браиловѣ строились понтоны, т. е. суда, по которымъ можно настлать мостъ (*), измѣрялись броды, и т. п. Донцы, удальствомъ своимъ, и въ этомъ случаѣ не разъ приносили большую пользу.

1-го марта 1854 года командиръ 2-й бригады 11-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ Заливкинъ, занимавшій съ своимъ отрядомъ островъ Малую Кичу, пожелалъ узнать: точно ли существуетъ бродъ между островомъ, на которомъ находилась его бригада, и другимъ сосѣднимъ островомъ, занятымъ Турками, и какъ велика глубина рѣки въ этомъ мѣстѣ. Турки, опасаясь неожиданнаго нападенія русскаго отряда, построили на самомъ берегу, противъ брода, нѣсколько ложементовъ (закрытій для стрѣлковъ) и производили по острову безпрерывный ружейный огонь, такъ что невозможно было вымѣрять бродъ, не подвергаясь явной опасности отъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Но едва сдѣланъ былъ вызовъ, тотчасъ же нашелся смѣльчакъ, который взялся вымѣрить бродъ: это былъ казакъ Донскаго № 25 полка, Петръ Медвѣдевъ.

Отважный Донецъ кинулся въ волны Дуная; загрохотали выстрѣлы изъ турецкихъ ложементовъ, но Господь видимо хранилъ смѣльчака Медвѣдева: онъ невредимо дошелъ въ бродъ до непріятельскаго берега, два раза выстрѣлилъ изъ своего ружья въ турецкіе ложементы и, возвратясь благополучно на свой берегъ, доложилъ гене-

(*) Понтоны—безпалубныя суда (безъ мачтъ), ставятся поперегъ теченія рѣки, при чемъ каждое понтонное судно удерживается на мѣстѣ 4 якорями; послѣ того на суда набрасываютъ настилку моста.

ралу Заливкину, что бродъ черезъ Дунай до занятаго Турками острова удобо проходимъ, а глубиною немного выше колѣнъ. За этотъ смѣлый подвигъ, казакъ Петръ Медвѣдевъ удостоенъ награды знакомъ отличія военнаго ордена.

Въ продолженіи всего февраля и въ началѣ марта мѣсяца, погода стояла бурная и дождливая. Сильный вѣтеръ волновалъ Дунай и препятствовалъ наводить мосты. Только къ 10-му марта непогода утихла, небо прояснилось и главнокомандующій, князь Горчаковъ, рѣшился немедленно воспользоваться благопріятнымъ временемъ для переправы. 10-го марта вечеромъ открыта была сильная канонада съ батарей, возведенныхъ на лѣвомъ берегу Дуная, а на разсвѣтѣ 11-го марта 1854 года начата была переправа русской арміи черезъ Дунай. Войска переправились черезъ эту рѣку одновременно въ трехъ мѣстахъ: у Галаца, подъ начальствомъ командира 5-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-адъютанта Лидерса; у Браилова, подъ предводительствомъ самого главнокомандующаго, князя Горчакова, и у мыса Четала, подъ командою начальника 7-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанта Ушакова. Силы русской арміи состояли: изъ 40½ баталіоновъ, 31 эскадрона, 17 сотенъ казаковъ и 160 орудій. Кромѣ того, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля отъ мѣста переправы, предписано было полковнику Зурову, съ отрядомъ изъ 2 баталіоновъ пѣхоты, 2 батарейныхъ орудій, 6 орудій валахской артиллеріи (*), дивизіона Ольвіопольскаго уланскаго полка

(*) Валахскія войска присоединились къ русской арміи тотчасъ же, по вступленіи Русскихъ въ княжество Валахію.

и двухъ легко-конныхъ орудій, двинуться къ Гирсову, и, по возможности, задержать непріятеля въ этомъ пунктѣ.

Генералъ-адъютантъ Лидерсъ началъ переправу у Галаца. Турки не ожидали перехода русскихъ войскъ у этого пункта, и потому переправа передовыхъ войскъ была исполнена совершенно безпрепятственно. Турецкій конный постъ, находившійся на правомъ берегу близъ этого пункта, тотчасъ же скрылся.

Также успѣшно совершена была переправа русскихъ войскъ у Браилова. Три баталіона Замосцскаго егерскаго полка, 2 роты 3-го сапернаго баталіона, 4 орудія легкой № 8 батареи, и 50 казаковъ Донскаго № 25 полка, заблаговременно разсаженные въ лодки (кирлаши и чамы), съ пѣсенниками и крикомъ «ура» спустились отъ пристани близъ карантина, внизъ по Дунаю, и благополучно пристали къ правому берегу. Во все время переправы, непріятеля вовсе не было замѣтно ни на батареяхъ, ни въ ложементахъ, и многіе предполагали даже, что Турки вовсе оставили свои укрѣпленія. Переправившіяся войска разсыпались цѣпью по берегу Дуная, и, подъ ихъ прикрытіемъ остальныя, переправившіяся войска, начали строиться въ ротныя колонны. Но какъ только цѣпь двинулась впередъ, а греческіе волонтеры взобрались на оставленную батарею, чтобъ осмотрѣть мѣстность, Турки открыли сильный огонь изъ штуцеровъ. Оказалось, что непріятель скрывался въ ложбинѣ за батареею и въ углубленныхъ траншеяхъ (*) Въ тоже

(*) Траншеями называются углубленные рвы, въ полъ-роста человѣка, прикрытые со стороны непріятеля насыпью также въ полъ-роста. Траншеи вырываются въ виду укрѣпленной непріятельской позиціи для болѣе скрытаго и возможно безопаснаго подступа къ непріятелю.

время загремѣли турецкія батареи на берегу Дуная. Турки выстрѣлами своими старались не допустить мостовые понтоны къ мѣсту переправы. Ядра, бомбы и гранаты сыпались градомъ на рабочихъ, поспѣшно наводившихъ мостъ и воздвигавшихъ предмостное укрѣпленіе. Но войска продолжали свою работу весело, смѣло, живо, не обращая вниманія на непріятельскую канонаду. Два баталіона Люблинскаго егерскаго полка и 2 орудія были отправлены съ лѣваго берега на правый, на подкрѣпленіе егерямъ, уже начавшимъ живую перестрѣлку съ непріятелемъ. Остальные два баталіона Люблинцевъ были переправлены на правый берегъ на разсвѣтѣ, 12-го марта.

Храбрые егеря и саперы, первыми переправившіеся на непріятельскій берегъ, всю ночь провели подъ ружьемъ, въ ложбинахъ, ежеминутно ожидая, что Турки окружатъ ихъ со всѣхъ сторонъ и, можетъ быть, одолѣютъ въ неравномъ, кровавомъ бою. Каждый мысленно предавалъ себя и свою судьбу волѣ Божіей, каждый готовился честно сложить голову въ бою. Но къ удивленію всѣхъ, Турки не потревожили переправившійся отрядъ ни однимъ нападеніемъ. Въ ночь съ 11-го на 12-е марта непріятель окончательно оставилъ свои батареи и отступилъ къ Мачину. Передовые посты русскаго отряда выдвинулись впередъ, вслѣдъ за непріятелемъ; оставленныя же турецкія батареи были заняты нашими войсками.

Въ 8 часовъ утра мостъ былъ оконченъ; первымъ перешелъ по немъ Донской казачій № 9 полкъ, за нимъ уланы Эрцгерцога Альберта Австрійскаго полка, а вслѣдъ затѣмъ двинулся и весь остальной отрядъ съ орудіями и обозами. Мѣстное духовенство съ крестами и старшины селъ, съ хлѣбомъ и солью, встрѣтили русскія войска.

При переправѣ отряда генералъ-адъютанта князя Горчакова у Браилова потеря была весьма незначительна; убито: 6 нижнихъ чиновъ, ранены: генералъ-маіоръ Дубенскій, которому оторвало ядромъ правую ногу ниже колѣна и нижнихъ чиновъ 30. Контужены: генералъ-маіоръ Веселитскій, артиллеріи штабсъ-капитанъ Полубенскій и 6 нижнихъ чиновъ.

Самое сильное сопротивленіе при переправѣ своей встрѣтили войска генералъ-лейтенанта Ушакова. Турецкій берегъ у мыса Четала былъ сильно укрѣпленъ батареями, съ глубокими болотистами рвами. Турки считали свои укрѣпленія неприступными и спокойно ожидали приближенія русскихъ войскъ.

Въ полночь, съ 10 на 11-е марта, приказано было дунайской гребной флотиліи встать на разстояніи прицѣльнаго выстрѣла предъ турецкими батареями и, какъ только разсвѣтетъ, открыть огонь по батареямъ, чтобы, по возможности, ослабить ихъ. Артиллерія была скрыта на берегу между деревьями и кустарниками, а штуцерные отъ всѣхъ полковъ разсыпаны въ интервалахъ (промежуткахъ) между орудіями. Пѣхота укрывалась въ камышахъ, позади артиллеріи.

Около полудня, 2-й баталіонъ Могилевскаго пѣхотнаго и 2-й баталіонъ Полоцкаго егерскаго полка, безъ выстрѣла, заняли часть непріятельскаго берега. За ними, постепенно, переправились: Полоцкій егерскій полкъ, Витебскій и остальные баталіоны Могилевскаго полка.

Переправившіеся войска быстро начали наступленіе; генералъ-маіоръ Копьевъ, съ Полоцкимъ егерскимъ полкомъ и 4 легкими орудіями, прикрываясь цѣпью стрѣлковъ, наступалъ къ Сомову-Гирлу (рукавъ Дуная). Тур-

ки встрѣтили егерей учащенными выстрѣлами съ батареи, поставленной неподалеку, на возвышеніи. Застрѣльщики подавались впередъ подъ непрерывнымъ огнемъ, отвѣчая ружейными выстрѣлами на сильный непріятельскій огонь. Турки не выдержали столь дружнаго натиска и отступили за Сомово-Гирло, не успѣвъ даже разрушить моста. Застрѣльщики быстро овладѣли имъ и залегли въ кустахъ, на противоположномъ берегу Гирла.

Непріятель готовился однако же къ упорному сопротивленію; часа въ 4 вечера, на высотахъ старой Тульчи показались значительныя турецкія силы; въ тоже время получено было свѣдѣніе о движеніи непріятельскихъ войскъ изъ крѣпости Исакчи. Чтобы предупредить непріятеля и обезпечить свой флангъ, генералъ-лейтенантъ Ушаковъ приказалъ войскамъ своимъ взять штурмомъ береговыя батареи, которыя казались уже совершенно ослабленными дѣйствіемъ нашей артиллеріи.

Два баталіона Могилевскаго полка пошли на приступъ. Ближайшій турецкій редутъ (*), обороняемый одною пѣхотою, былъ тотчасъ же взятъ Могилевцами (2-мъ баталіономъ); но лишь только войска двинулись далѣе, для штурма другой батареи, какъ были встрѣчены сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. При первомъ же залпѣ непріятеля, пали тяжело ранеными начальники штурмующей колонны: командиръ Могилевскаго полка полковникъ Тяжельниковъ, командиръ 1-го баталіона того же полка подполковникъ Амантовъ и капитанъ Вагнеръ. Храбрые Могилевцы, съ крикомъ «ура», перебѣжали ровъ и уже взобрались на валъ укрѣпленія.

(*) Редутъ—четырехъ стороннее, сомкнутое укрѣпленіе.

Начался кровопролитный бой; непріятель упорно сопротивлялся и, послѣ долгихъ усилій, успѣлъ оттѣснить штурмующихъ. Могилевцы залегли во рву укрѣпленія и за деревьями, и оттуда продолжали сильную перестрѣлку, а дивизіонъ легкой № 2-й батареи, подскакавъ на 100 сажень къ укрѣпленію, осыпалъ непріятеля картечью.

Чтобы усилить Могилевцевъ, выдержавшихъ неравный бой съ непріятелемъ, генералъ-лейтенантъ Ушаковъ послалъ въ подкрѣпленіе три баталіона Смоленскаго полка. 3-й и 4-й баталіоны, находившіеся впереди, бросились бѣгомъ на помощь своимъ сотоварищамъ. Соединившись, Могилевцы и Смоленцы, съ громкимъ «ура», пошли на приступъ, овладѣли главнымъ валомъ и оттѣснили Турокъ внутрь укрѣпленія къ цитадели; но здѣсь непріятель еще разъ остановилъ атаку сильнымъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ. Уже совершенно стемнѣло и войска, не видя съ какой стороны удобнѣе направить атаку, осыпаемыя картечью, вынуждены были пріостановиться и открыть живую перестрѣлку съ непріятелемъ. Впереди грозно возвышался брустверъ (насыпь) цитадели, освѣщаемый огнемъ ружейныхъ и пушечныхъ выстрѣловъ. Турки, видимо, ждали штурмующихъ, которые наскоро устроивались въ темнотѣ.

Въ эту минуту внутри укрѣпленія вспыхнулъ пожаръ; пламя быстро охватило деревянныя казармы, и яркое зарево освѣтило утомленныя и закопченныя порохомъ лица сражающихся. Пока Смоленцы и Могилевцы приготовлялись къ приступу, подоспѣлъ на мѣсто битвы 2-й баталіонъ Смоленскаго полка. Командиръ этого баталіона, подполковникъ Вознесенскій, со знаменемъ въ рукѣ,

бросился впереди всѣхъ на брустверъ цитадели. Его примѣръ воодушевилъ и увлекъ всѣхъ штурмующихъ. Съ крикомъ: «братцы, не выдавать знамя!» бросились всѣ на приступъ и ворвались въ укрѣпленіе. Храбрый подполковникъ Вознесенскій заплатилъ кровью за совершенный подвигъ; онъ палъ, прострѣленный пулею на вылетъ въ плечо, но войска отомстили врагамъ за своего начальника. Весь гарнизонъ цитадели былъ переколотъ штыками.

Въ 10 часовъ вечера бой прекратился; Турки, претерпѣвъ пораженіе, бѣжали къ Бабадагу, гдѣ собраны были главныя силы ихъ арміи. Даже сильно укрѣпленныя позиціи у города Тульчи и у Исакчи въ ту же ночь, безъ боя, были оставлены непріятелемъ. Въ цитадели взято: 9 орудій, множество разныхъ снарядовъ (бомбъ, гранатъ, картечи), и огромные запасы пороха. Кромѣ того, много пороха и снарядовъ было потоплено, изъ опасенія взрыва отъ горѣвшихъ внутри цитадели строеній. Въ плѣнъ взяты: начальникъ укрѣпленія, Али-Назимъ-бей, 3 офицера и 90 рядовыхъ. Убито у непріятеля болѣе 1000 человѣкъ, и только раненые при началѣ штурма успѣли въ темнотѣ спастись по дорогѣ къ Исакчи.

Потеря русскихъ войскъ въ этой упорной и кровопролитной битвѣ также весьма значительна: убито 5 офицеровъ и 196 нижнихъ чиновъ; ранено 19 офицеровъ и 491 нижнихъ чиновъ.

Генералъ-лейтенантъ Ушаковъ, въ донесеніи своемъ главнокомандующему о кровопролитной битвѣ при Четати, говоритъ: «всѣ чины ввѣреннаго мнѣ отряда, съ начала канонады и до окончанія послѣдняго штурма, старались превзойти другъ друга храбростію и отвагою сво-

ею. Солдаты рвались въ бой. Смоленскаго пѣхотнаго полка унтеръ-офицеръ Игнатъ Горѣлый, получивъ рану въ шею и наскоро перевязавъ свою рану, поспѣшно вернулся къ ротѣ, чтобъ ни на шагъ не отстать отъ своихъ товарищей; и таковое рвеніе усматривалось во всѣхъ».

Подполковникъ Вознесенскій, получившій тяжелую рану въ плечо, послѣ перевязки возвратился къ своему баталіону, который онъ повелъ на приступъ къ цитадели. Только по окончаніи битвы, когда разбитый непріятель поспѣшно отступилъ къ Бабадагу, подполковникъ Вознесенскій согласился отправиться въ госпиталь, для излеченія своей тяжелой раны.

Прапорщикъ Протопоповъ, получивъ рану пулею въ лѣвый глазъ, на вылетъ, обратился къ товарищамъ, съ словами: «поздравьте меня, господа; рана вѣдь кутузовская» (*). Когда храбрый Протопоповъ пришелъ на перевязочный пунктъ, то настоятельно требовалъ, чтобы сначала подали помощь другимъ, по его мнѣнію, сильнѣе раненымъ.

Такъ доблестныя войска русской арміи, совершили одновременно въ трехъ пунктахъ, переправу черезъ Дунай, поразивъ на голову сильнаго непріятеля, укрывавшагося въ неприступной позиціи. Предъ Мачиномъ, оставленнымъ Турками, войска пріостановились на нѣкоторое время, поджидая отрядъ генерала Лидерса, который переправился чрезъ Дунай при Галацѣ. 13-го марта князь Горчаковъ вступилъ съ войсками въ Мачинъ, и былъ встрѣ-

---

(*) Михаилъ Илларіоновичъ Кутузовъ, въ послѣдствіи свѣтлѣйшій князь и освободитель Россіи отъ нашествія Наполеона, былъ также раненъ, въ турецкую войну 1774 года, пулею въ лѣвый глазъ на вылетъ.

ченъ предъ воротами болгарскимъ духовенствомъ въ облаченіи, съ крестомъ и святою водою. Почетнѣйшіе граждане Мачина поднесли при этомъ князю Горчакову, по русскому обычаю, хлѣбъ-соль. Болгары въ восторгѣ, не зная, чѣмъ выразить свою радость и благодарность Русскимъ, хотѣли было цѣловать руку русскаго вождя, который, во имя Бога и великаго Монарха Россіи, шелъ избавить турецкихъ христіанъ отъ мусульманскаго ига и угнетенія. Но князь Горчаковъ, съ христіанскимъ смиреніемъ, отклонилъ отъ себя этотъ знакъ почтенія и, съ благоговѣніемъ приложась ко святому кресту, обѣщалъ прислать колоколъ для церкви мачинской. Этотъ даръ, драгоцѣнный для болгарскихъ христіанъ, былъ на другой же день доставленъ изъ Браилова.

Во всѣхъ христіанскихъ государствахъ колокольный благовѣстъ служитъ отраднымъ, призывнымъ звукомъ къ общественному моленію. Но въ Турціи христіане лишены этой отрады: мусульмане не дозволяютъ имъ имѣть колокола при церквахъ. Болѣе 400 лѣтъ, со времени завоеванія Турками Болгарской земли, не раздавался въ болгарскихъ городахъ и селахъ, звукъ церковнаго колокола, и вотъ, съ приходомъ Русскихъ, снова услышали угнетенные христіане *благовѣстъ* въ своихъ убогихъ храмахъ. То была дѣйствительно, *благая вѣсть* о близкомъ, но, къ несчастію, только временномъ избавленіи ихъ отъ угнетенія и страданій.

Турки, запрещая колокольный звонъ въ болгарскихъ храмахъ, не дозволяли также осѣнять христіанскіе храмы крестомъ, символомъ избавленія. Болгарскую церковь, съ виду похожую на простой домъ и притомъ весьма бѣдный, можно было узнать только по окружающимъ ее мо-

гиламъ. И вотъ войска, занявшія Мачинъ, отслуживъ благодарственный молебенъ въ убогомъ болгарскомъ храмѣ, положили немедленно устроить крестъ для мачинской церкви. Къ работѣ приступили полковые мастеровые въ Браиловѣ, а Болгары, узнавъ о томъ, просили дозволить имъ перенести этотъ новый даръ на своихъ плечахъ изъ Браилова въ родной городъ свой Мачинъ.

19-го марта, въ достопамятный день взятія русскими войсками Парижа (*), торжественно водруженъ былъ освященный крестъ надъ крышею мачинскаго храма. Величественна была минута, когда крестъ несенъ былъ изъ храма главными вождями доблестнаго русскаго воинства и поставленъ, въ виду всего народа, на церковной паперти. Многочисленная толпа Болгаръ, собравшихся изъ всѣхъ окрестностей на давно невиданное, неожиданное никѣмъ торжество,—вся эта радостная, ликующая толпа народа въ умиленіи повергласъ ницъ предъ знаменіемъ спасенія. Въ глубокой, благоговѣйной тишинѣ, слышалось только стройное пѣніе молитвы: «спаси, Господи, люди Твоя,» да звуки полковой музыки, игравшей гимнъ: «Боже, Царя храни!» Когда же освященный крестъ водруженъ былъ на крышѣ болгарскаго храма, въ рядахъ войскъ раздалось громкое русское «ура!» Этотъ, радостный и знаменательный день 19-го марта останется надолго въ памяти Болгаръ, и навѣрно вспоминаютъ его и по нынѣ жители Мачина, которымъ, по окончаніи войны, пришлось снова подчиниться своимъ жестокимъ утѣснителямъ, Туркамъ.

И еще болѣе были обрадованы Болгары, когда къ празд-

(*) Въ 1813 году.

нику Свѣтлаго Воскресенія Христова доставлены были изъ Одессы, для раздачи въ болгарскіе храмы, 25 церковныхъ колоколовъ. Когда въ Одессѣ обнародованъ былъ призывъ генералъ-адъютанта Лидерса о пособіи единовѣрнымъ, угнетеннымъ и бѣдствующимъ церквамъ болгарскимъ, то на другой же день одесскія церкви пожертвовали нѣсколько колоколовъ, а купцы закупили всѣ, бывшіе въ продажѣ колокола, и представили ихъ въ распоряженіе генерала Лидерса, съ просьбою о пересылкѣ этого посильнаго дара въ Болгарію.

Такъ первымъ дѣйствіемъ, первою заботою русскихъ войскъ, вступившихъ въ предѣлы Турціи, было возстановленіе святыни, униженной мусульманами, и братская помощь угнетеннымъ единовѣрцамъ нашимъ. Не даромъ же Болгары съ нетерпѣніемъ ждали прибытія русскихъ войскъ, не даромъ тайно молились они въ своихъ убогихъ хижинахъ объ успѣхѣ русскаго оружія. Насталъ желанный часъ, и храброе войско русское, вступивъ въ болгарскую землю, возстановило то, что всего дороже для христіанина,—его святыню.

Осада Силистріи въ 1854 году.

Движеніе къ Силистріи отряда генералъ-адъютанта Шильдера и занятіе острововъ по Дунаю.— Открытіе огня по непріятельскимъ укрѣпленіямъ и движеніе отряда генералъ-адъютанта Лидерса.—Расположеніе отряда Лидерса лагеремъ противъ Силистріи.—Начатіе осадныхъ работъ.— Рекогносцировки 6-го и 9-го мая. — Расположеніе крѣпости Силистріи и вооруженіе ея.— Осадныя работы съ 15-го по 28-е мая.— Вылазка Турокъ съ 16-го на 17-е мая и движеніе отряда генерала Сельвана на приступъ къ Арабскому укрѣпленію.—Вылазка Турокъ 22-го мая.—Осадныя работы съ 28-го мая.—Генералъ-фельдмаршалъ контуженъ.—Генералъ Шильдеръ тяжело раненъ.—Приготовленіе войскъ къ штурму непріятельскихъ укрѣпленій.— Внезапное снятіе осады.—Обратное движеніе нашихъ войскъ отъ Силистріи за Дунай.

Послѣ переправы русскихъ войскъ на правый берегъ

Дуная, отрядъ генералъ-адъютанта Лидерса, сосредоточился въ Мачинѣ, а отсюда двинулся къ Гирсову; въ это время передовой отрядъ дунайской гребной флотиліи, бывшій въ распоряженіи генералъ-адъютанта Шильдера, получилъ приказаніе плыть по Дунаю до Гирсова, а оттуда притокомъ Борчь къ Силистріи.

Марта 24-го отрядъ этотъ, состоявшій изъ 11-ти канонерскихъ лодокъ, двинулся вверхъ по Дунаю, имѣя на судахъ провизію, порохъ и снаряды, и сверхъ того подвижной запасъ на каботажныхъ судахъ, долженствующихъ слѣдовать за отрядомъ. Пять лодокъ, снявшись съ якорей у Гирсова нѣсколькими днями раньше остальныхъ, плывя по Борчу попутнымъ вѣтромъ, подошли къ деревнѣ Сатуноу 1-го апрѣля, а за мелководіемъ вошли въ Дунай притокомъ Бале и стали на якорь въ виду Силистріи 6-го апрѣля; еще четыре лодки прошли тѣмъ же путемъ къ Силистріи 11-го апрѣля, а двѣ оставлены въ Гирсовѣ при отрядѣ генералъ-адъютанта Лидерса.—Генералъ-адъютантъ Шильдеръ, имѣя въ виду осаду крѣпости Силистріи, приказалъ части войскъ Каларашинскаго отряда занять острова, лежащіе по Дунаю, ниже Силистріи, съ цѣлью построенія на нихъ батарей, и открытія огня противъ крѣпости и ея внѣшнихъ укрѣпленій.

Исполняя это приказаніе, заняты были безъ боя острова: Лѣсистый, Большой Голый и Изобильный. Но такъ какъ войска на нихъ переправленныя не имѣли у себя въ тылу другихъ способовъ переправы, кромѣ небольшаго числа пантоновъ, обращенныхъ въ гребныя суда и мѣстныя рыбачьи лодки, то канонерскимъ лодкамъ назначено было, какъ прикрывать эти переправы, такъ и содѣйствовать имъ гребными судами. Согласно съ этимъ назначе-

ніемъ, за островомъ Лѣсистымъ поставлено было 7-мь канонерскихъ лодокъ, а за Большимъ Голымъ и Изобильнымъ по одной.

По значительному разстоянію батарей нашихъ на Лѣсистомъ островѣ отъ непріятеля, надобно было вооружить ихъ орудіями большаго калибра; но въ это время не было еще въ Калarашѣ осаднаго парка, да притомъ и перевозъ осадныхъ орудій на островъ, по недостатку судовъ, былъ невозможенъ, а потому генералъ-адъютантъ Шильдеръ приказалъ вооружить двѣ батареи на островѣ пушками съ канонерскихъ лодокъ. Одна изъ этихъ батарей, на сѣверо-западной оконечности острова, была вооружена четырьмя морскими орудіями, для дѣйствія противъ крѣпостныхъ верковъ и укрѣпленій; другая двумя орудіями, на юго-восточной оконечности острова, для обстрѣливанія непріятельской батареи, на правомъ берегу Дуная, противъ острова Большаго Голаго.

Одновременно съ занятіемъ острововъ значительно увеличено было число батарей нашихъ, на лѣвомъ берегу Дуная противъ самой крѣпости.

Апрѣля 24-го, для удобнѣйшей переправы на Большой Голый островъ, чрезъ который назначено было открыть сообщеніе съ отрядомъ генералъ-адъютанта Лидерса, начали наводить мостъ съ лѣваго берега Дуная; мостъ этотъ совсѣмъ оконченъ былъ 26-го апрѣля.

Построивъ на Большомъ Голомъ островѣ батареи и окончивъ батареи на островѣ Лѣсистомъ, генералъ-фельдмаршалъ Князь Варшавскій Графъ Паскевичъ-Эриванскій, приказалъ 29-го апрѣля открыть артиллерійскій огонь съ батарей лѣваго берега, острововъ Большаго Голаго и Лѣсистаго и трехъ канонерскихъ лодокъ, поставленныхъ

у сѣверо-восточной оконечности онаго. Непріятель отвѣчалъ сильнымъ огнемъ съ крѣпости, направляя большую часть выстрѣловъ на канонерскія лодки и батарею, вооруженную морскими орудіями. Батарея на Большомъ Голомъ, вооруженная Валахскою артиллеріею, нѣсколькими мѣткими выстрѣлами заставила непріятельскій лагерь, расположенный на покатости къ Дунаю, сняться и отойти въ горы. Въ ночь съ 29-го на 30-е апрѣля занятъ нашими войсками островъ Малый Голый, приступлено къ работамъ для возведенія на немъ батарей, а отряду Лидерса, имѣвшему тогда авангардъ въ Черноводахъ, послано приказаніе двинуться къ Силистріи.

Между тѣмъ къ Калярашскому отряду нашему присоединились 30-го апрѣля: 20 баталіоновъ пѣхоты, 16 эскадроновъ кавалеріи, три роты саперъ, 64 орудія, три сотни казаковъ, сотня Валахской милиціи, понтонные и осадные-артиллерійскіе и инженерные парки.

Мая 4-го, съ разсвѣтомъ, показался на Силистрійскихъ высотахъ авангардъ отряда Лидерса. Чтобы облегчить его движеніе, съ батарей нашихъ, на островахъ, открытъ былъ сильный огонь, заставившій непріятеля оставить свою береговую батарею и снять лагерь между передовыми фортами. Въ часъ по полудни, на высотахъ Силистрійскихъ сосредоточился отрядъ генералъ-адъютанта Лидерса, состоявшій изъ 38 баталіоновъ пѣхоты, 16-ти эскадроновъ кавалеріи, 104-хъ орудій и двухъ казачьихъ полковъ. Силы эти расположились лагеремъ въ двухъ верстахъ выше селенія Островъ.

5-го мая, въ одиннадцать часовъ утра, непріятель, занимавшій высоты, лежащія ниже форта Абдулъ-Меджидъ, двинулся къ нашему лагерю, но встрѣченный нашими

войсками отступилъ съ поспѣшностью къ своимъ укрѣпленіямъ.

Въ два часа по полудни окончено было наведеніе моста и открыто сообщеніе между обоими берегами Дуная.

Въ ночь съ 5-го на 6-е мая начата осада крѣпости Силистріи: приступлено было къ открытію траншей, и по окончательной отдѣлкѣ батарей на островѣ Маломъ Голомъ, перевезены были на одну изъ нихъ два морскія орудія.

Для обзора Турецкихъ укрѣпленій и осмотра окружающей ихъ мѣстности, произведены были 6-го и 9-го мая, генералъ-адъютантомъ княземъ Горчаковымъ усиленныя рекогносцировки.

Рокогносцировки эти и имѣвшіяся у насъ свѣдѣнія, какъ о цитадели, такъ и о другихъ окружающихъ городъ укрѣпленіяхъ и о вооруженіи ихъ, заставили предполагать, что у непріятеля на укрѣпленіяхъ болѣе 300 орудій.

Генералъ-адъютантъ Шильдеръ предложилъ вести траншеи такимъ образомъ, чтобы лѣвымъ флангомъ—подступать къ Арабскому укрѣпленію, а правымъ, опираясь на Дунай, подвигаться къ восточнымъ веркамъ крѣпости.

Съ этою цѣлью, къ 15-му мая, траншеи лѣваго фланга доведены на разстояніе около трехъ сотъ саженъ отъ Арабскаго укрѣпленія, траншеи же праваго фланга, доведенныя берегомъ Дуная до той же высоты, соединены съ траншеями лѣваго фланга, и на всей линіи возведены батареи для дѣйствія по передовымъ непріятельскимъ укрѣпленіямъ.

Для отвлеченія вниманія непріятеля, отъ осадныхъ работъ нашихъ былъ выдвинутъ, 14-го мая, по направленію къ цитадели Абдулъ-Меджидъ, отрядъ изъ четырехъ

баталіоновъ пѣхоты, двухъ эскадроновъ и шести орудій; разъѣзды, посланные отъ этого отряда по дорогѣ въ Шумлу, нигдѣ не открыли непріятеля, и, по разсказамъ жителей, Турки изъ Шумлы не показывались.

Генералъ-фельдмаршалъ, находя нужнымъ укрѣпить нашъ лагерь, лично избралъ и указалъ мѣсто для возведенія редутовъ и полевыхъ укрѣпленій, которые служили бы опорными пунктами расположенія осаднаго корпуса и могли защищать подступы къ мосту, по прибрежью со стороны Силистріи. Сверхъ того, генералъ-фельдмаршалъ, признавая необходимымъ имѣть два моста для сообщенія между обоими берегами, приказалъ Гирсовскій мостъ поднять вверхъ къ Силистріи, для постановки котораго избралъ мѣсто верстахъ въ семи ниже селенія Островъ. На мѣстѣ же разведеннаго моста приказано было капитану 1-го ранга Бернардъ-де-Граве стоять съ канонерскими лодками и на гребныхъ судахъ содержать переправу между правымъ берегомъ Дуная и островомъ Малымъ Голымъ для всѣхъ чиновъ артиллерійскаго вѣдомства.

Осадныя работы продолжались весьма успѣшно посредствомъ тихой сапы.

Для наблюденія за непріятелемъ, по дорогѣ къ Шумлѣ, посылались Греческіе волонтеры и небольшіе конные отряды, но они непріятеля нигдѣ не встрѣчали и о движеніи Турокъ со стороны Шумлы извѣстій не было.

Во все время осадныхъ работъ непріятель постоянно, при смѣнѣ нашихъ рабочихъ и траншейныхъ карауловъ, открывалъ пушечную пальбу и ружейный огонь, и не однократно дѣлалъ вылазки противъ нашихъ траншей, но всегда былъ отражаемъ съ успѣхомъ нашими храбрыми войсками.

Подобная попытка сдѣлана была Турками въ ночь съ 15-го на 17-е мая на лѣвый флангъ нашихъ работъ. Начальствовавшій, наибольшею частью, находившихся тогда въ траншеяхъ войскъ, генералъ-лейтенантъ Сельванъ, предполагая, что непріятель обратилъ главныя силы свои на правый флангъ и оставилъ Арабское укрѣпленіе занятымъ весьма слабо, почелъ полезнымъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы овладѣть укрѣпленіемъ открытою силою.

Двинутыя на приступъ войска шли съ отличнымъ мужествомъ, спустились въ ровъ и начали взбираться на валъ, но и то только часть съ неимовѣрными усиліями успѣла взойти на непріятельскій брустверъ. Непріятель, занимавшій укрѣпленіе, встрѣтилъ войска наши столь сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, что г.-л. Сельванъ приказалъ ударить отбой и въ это самое время былъ смертельно раненъ—пулею.

Атака эта, при всемъ порывѣ войскъ не имѣла успѣха. Въ семъ дѣлѣ убитъ генералъ-лейтенантъ Сельванъ и раненъ флигель-адъютантъ полковникъ графъ Орловъ, вошедшій въ числѣ первыхъ на непріятельскій брустверъ.

Изъ восьми вылазокъ, сдѣланныхъ Турками по 28 мая, замѣчательна предпринятая ими 22-го мая около 7-ми часовъ по полудни.

Непріятель подъ защитою огня своихъ батарей смѣло подошелъ къ редуту, находившемуся на лѣвомъ флангѣ нашихъ работъ. Не смотря на сильный картечный огонь, непріятельскія колонны двигались впередъ; Турки, достигнувъ рва и вскочивъ чрезъ амбразуру въ укрѣпленіе, вступили въ рукопашный бой съ прикрытіемъ батареи и артиллерійскою прислугою. Два баталіона Елецкаго пѣхотнаго полка, подъ командою генералъ-маіора Веселитскаго,

опрокинули непріятеля, понесшаго при семъ значительную потерю.

Съ 28-го мая осадныя работы продолжались преимущественно на лѣвомъ флангѣ.

По имѣвшимся тогда извѣстіямъ, въ Шумлѣ сосредоточено было Турецкаго войска около 100 тысячъ. Такъ какъ, по близости такихъ силъ, совершенное обложеніе Силистріи было невозможно, то дабы воспрепятствовать непріятелю доставлять въ крѣпость запасы и приводить гарнизону подкрѣпленія, высылаемы были на пути сообщеній непріятеля, самостоятельные отряды подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Павлова и генералъ-маіора князя Бебутова.

Мая 28-го, подъ личнымъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала, произведено было въ большихъ силахъ наступательное движеніе противъ Силистріи, съ цѣлью обозрѣнія непріятельскихъ укрѣпленій, расположенія Турецкихъ войскъ и съ намѣреніемъ показать непріятелю значительность нашихъ силъ.

Войска въ трехъ колоннахъ, въ числѣ 32 баталіоновъ пѣхоты, 32 эскадроновъ кавалеріи, 8-ми пѣшихъ и 3-хъ конныхъ батарей, при 8-ми сотняхъ казаковъ, двинулись по направленію къ селенію Калопетра. Въ то время, какъ генералъ-фельдмаршалъ обозрѣвалъ мѣстность, по западную сторону цитадели Абдулъ-Меджидъ, непріятельское ядро пролетѣло близъ Его Свѣтлости. Не почувствовавъ сперва большой боли, онъ полагалъ возможнымъ оставаться на лошади, но потомъ вскорѣ вынужденъ былъ возвратиться въ экипажѣ въ Каларашъ, гдѣ усилившаяся боль въ боку потребовала пособія врачей. Мая 31-го генералъ-фельдмаршалъ, почувствовавъ облегченіе отъ полученной

контузіи, отправился въ Яссы, предоставивъ продолженіе осады Князю Горчакову.

Осадныя работы, со времени открытія траншей, производились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ генералъ-адъютанта Шильдера, но 1-го іюня генералъ-адъютантъ Шильдеръ, обозрѣвая выведенныя ночью траншеи, былъ раненъ осколкомъ гранаты въ ногу, и съ тѣхъ поръ работы ввѣрены были генералъ-лейтенанту Бухмейеру. Къ 7-му іюня заряжены были мины подъ валомъ Арабскаго укрѣпленія и въ 7 часовъ по полудни произведенъ взрывъ съ полнымъ успѣхомъ. Въ ночь съ 8-го на 9-е назначенъ былъ штурмъ, какъ этого укрѣпленія, такъ и песочнаго, которое успѣшнымъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи было сильно повреждено и огонь прекратило.

Назначенныя на приступъ войска, предводимыя неустрашимыми начальниками, хорошо обученныя къ употребленію штурмовыхъ лѣстницъ, вошли въ траншеи для занятія назначенныхъ имъ мѣстъ. Канонерскимъ лодкамъ приказано было, по наступленіи темноты, занять въ обоихъ рукавахъ позиціи, наивыгоднѣйшія для дѣйствія противу крѣпости. По пущенной съ одной изъ нашихъ батарей ракетѣ, всѣ наши орудія должны были открыть огонь, а войска идти на приступъ. Но штурмъ былъ отмѣненъ.

Въ полуночь прибылъ въ траншеи адъютантъ генералъ-фельдмаршала съ приказаніемъ, къ крайнему изумленію осаждающихъ войскъ, снять немедленно осаду, и перейти со всѣми силами на лѣвый берегъ Дуная. Распоряженіе это послѣдовало вслѣдствіе полученнаго свѣдѣнія о намѣреніи Англіи и Франціи предпринять военныя дѣйствія противу Севастополя.

Войска возвратились къ разсвѣту въ лагерь, а кано-

нерскія лодки, извѣщенныя объ отмѣнѣ приступа, отошли на занимаемыя ими обыкновенно мѣста.

Число войскъ непріятельскаго гарнизона въ Силистріи и расположеннаго лагеремъ корпуса, по показаніямъ плѣнныхъ, простиралось, со всѣми полученными подкрѣпленіями, до 20,000 человѣкъ.

Отъ частой и мѣткой пальбы нашихъ батарей, устроенныхъ на лѣвомъ берегу Дуная и на островахъ, городъ Силистрія много пострадалъ: истреблена пожаромъ казарма и взорванъ пороховой погребъ. Одно изъ предмѣстій, внѣ крѣпостнаго вала, было сожжено Турками еще до начала осады.

Потеря наша со дня открытія траншей до снятія осады, состояла убитыми: генераловъ 1, штабъ и оберъ-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 77; раненыхъ и контуженыхъ: генераловъ 3, штабъ и оберъ-офицеровъ 30, нижнихъ чиновъ 336.

Потеря же непріятеля значительно превышаетъ нашу.

Снятіе осады началось съ 9-го, окончилось 14-го іюня. Желая скрыть отъ непріятеля дѣйствительныя наши намѣренія, 9-го и 10-го числа іюня мѣсяца, въ траншеяхъ продолжались ложныя работы, а въ ночи сняты съ батарей осадныя орудія и переправлены на лѣвый берегъ Дуная.

10-го числа до поздней ночи дѣйствовали изъ всѣхъ какъ легкихъ орудій, оставленныхъ въ траншеяхъ, такъ и изъ морскихъ, коими вооружены были острова; потомъ, около полуночи, съ островов и изъ траншей какъ всѣ орудія, такъ и войска были перевезены на лѣвый берегъ Дуная. Только 11-го числа непріятель, не получая отвѣта изъ нашихъ траншей на свои выстрѣлы, вышелъ изъ окоповъ, но наши рабочіе были уже въ лагерѣ.

Въ продолженіи времени съ 12 по 15-е число іюня успѣшно совершена была переправа всѣхъ нашихъ войскъ на лѣвый берегъ Дуная и мосты сняты. Непріятель, замѣтивъ отступленіе нашихъ войскъ, двинулся было къ мостамъ, но было уже поздно, такъ какъ всѣ мосты были разведены; канонерскія лодки послѣ первыхъ выстрѣловъ, направленныхъ на непріятельскія амбразуры, обратили непріятеля въ бѣгство, послѣ чего онъ уже и не преслѣдовалъ нашихъ войскъ.

Дѣло при Журжѣ 23-го и 25-го іюня 1854 г.—Переправа Турокъ черезъ Дунай и распоряженія о движеніи нашихъ войскъ къ Журжѣ.—Сочувствіе Болгаръ къ Русскимъ.—Кровопролитное дѣло на островѣ Радоманѣ.—Движеніе генералъ-лейтенанта Соймонова къ Фратешти.—Замѣчательные подвиги воинскихъ чиновъ въ дѣлѣ при Журжѣ.—Прибытіе къ Журжѣ генералъ-адъютанта князя Горчакова.—Обратное движеніе Дунайской арміи къ границамъ Россіи.

Едва войска наши успѣли оставить свой лагерь близъ Силистріи и переправиться черезъ Дунай, какъ Турки начали стягиваться къ правому его берегу и особенно усиливались въ Рущукѣ, въ которомъ къ 20-му іюня было уже до 40,000 непріятельскаго войска. Командовавшій турецкою арміею Омеръ-паша выказывалъ намѣреніе форсировать переправу близъ Журжи. Генералъ-лейтенантъ Соймоновъ, стоявшій съ своимъ отрядомъ противъ Рущука, для наблюденія за нимъ, немедленно донесъ о непріятельскомъ движеніи генералу-отъ-инфантеріи Данненбергу, находившемуся въ Бухарестѣ. Генералъ Данненбергъ, по полученіи донесенія, тотчасъ командировалъ изъ Бухареста къ Журжѣ Тобольскій пѣхотный полкъ съ одной батареей и Бугскій уланскій полкъ. Командующій же войсками князь Горчаковъ приказалъ направить изъ окрестностей Урзичени и Радулешти къ Бухаресту 10-ю

пѣхотную дивизію съ ея артиллеріей, 1-ю бригаду 4-й легкой кавалерійской дивизіи съ двумя конными батареями и одинъ казачій полкъ.

Еще войска, двинутыя генераломъ Данненбергомъ и княземъ Горчаковымъ, шедшія форсированнымъ маршемъ, не пришли на мѣста ихъ назначенія, какъ Турки, въ числѣ одного баталіона штуцерныхъ, переправились на островъ Маканъ, перевезли туда орудія и стали усиливаться и укрѣпляться.

Островъ Маканъ не былъ занятъ нашими войсками, потому что широкій и быстрый рукавъ, отдѣляющій его отъ лѣваго берега, не дозволялъ устроить съ нимъ сообщеніе посредствомъ моста.

Замѣтивъ движеніе Турокъ, немедленно поставлены были съ нашей стороны у самаго берега Дуная 6 орудій, которыя и открыли огонь по непріятелю; Турки отвѣчали и канонада продолжалась цѣлый день 23-го іюня.

Въ этотъ день аванпосты наши замѣтили человѣка, который съ трудомъ переплывалъ къ лѣвому берегу Дуная; Турки также увидѣли его и открыли по немъ ружейный огонь, но Провидѣніе хранило этого человѣка, и онъ, изнеможенный, едва живой, проплывъ пространство въ 500 саженей, вышелъ, шатаясь, на берегъ. Каково же было общее удивленіе, когда увидѣли, что этотъ смѣльчакъ 13-ти лѣтній мальчикъ—болгаринъ. Онъ явился къ намъ затѣмъ, чтобы предупредить о намѣреніи Турокъ на другой или на третій день напасть на нашъ малочисленный Журжинскій отрядъ, что и подтвердилось вполнѣ. Мальчика этого по имени Райко Николовъ, переплывшаго изъ Рущука, Государь Императоръ наградилъ за смѣлый

подвигъ медалью и повелѣлъ принять его для образованія въ одно изъ нашихъ учебныхъ заведеній.

24-го іюня канонада усилилась еще болѣе прежняго.

25-го іюня прибылъ на мѣсто Тобольскій пѣхотный полкъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Баумгартена. Начальникъ Журжинскаго отряда, генералъ-лейтенантъ Соймоновъ, усиливъ свой лѣвый флангъ, а также увеличивъ отрядъ, охранявшій пути отступленія, поручилъ его генералу Баумгартену: у него находилось 4 баталіона пѣхоты, 8 орудій, эскадронъ гусаръ и сотня казаковъ.

Въ тотъ же день, непріятель, подъ покровительствомъ сильнаго артиллерійскаго огня, сталъ садиться на суда съ 6 часовъ утра и направился къ острову Радоману. Турки, усиливаемые безпрестанно прибывающими войсками, быстро распространялись на островѣ, имѣющемъ около 7 верстъ въ окружности.

Сотня волонтеровъ и два баталіона Томскаго егерскаго полка, поддерживаемые однимъ баталіономъ того же полка, смѣло пошли на встрѣчу непріятелю, подъ начальствомъ храбраго генералъ-лейтенанта Хрулева; не смотря на числительность непріятеля и сильный огонь изъ крѣпости, егеря, выбивая Турокъ изъ одной позиціи на другую, оттѣснили ихъ къ самой оконечности острова. Тутъ раненъ былъ въ руку командовавшій войсками генералъ-лейтенантъ Хрулевъ.

Одновременно съ высадкой войскъ на Радоманѣ, Турки, въ большихъ силахъ, стали переправляться на островъ Маканъ, уже прежде занятый ими, и оттуда высаживаться противъ Журжи; но Колыванскій егерскій полкъ, встрѣтивъ непріятеля сильнымъ натискомъ, преслѣдовалъ его и втопталъ въ Дунай. Непріятель, отбитый въ этомъ мѣ-

стѣ, опять обратился противъ острова Радомана. Пользуясь обширностью его, скрываясь за извилистыми берегами и въ камышахъ, непріятель высаживался въ одно время во многихъ мѣстахъ, стараясь охватить отовсюду нашъ малочисленный отрядъ, который вездѣ встрѣчалъ Турокъ съ необыкновенною стойкостію, противопоставляя мужество числительности. Наши дрались—одинъ противъ четырехъ и болѣе. Для поддержанія егерей на острову, введены были по частямъ еще два баталіона Тобольскаго пѣхотнаго полка. Съ ранняго утра и до заката солнца, на всѣхъ концахъ острова, кипѣлъ кровавый бой, переходившій безпрестанно въ рукопашный. Нѣсколько разъ непріятель, опрокидываемый и тѣснимый штыками, кидался на свои суда, но встрѣченный съ парохода и канонерскихъ лодокъ сильнымъ залпомъ картечи своихъ, возвращался на островъ. Ожесточеніе было страшное съ обѣихъ сторонъ. Единства дѣйствія не было; едва посылалась какая либо часть войска на подкрѣпленіе нашихъ, какъ немедленно сталкивалась или охватывалась со всѣхъ сторонъ Турками; опрокидывая Турокъ въ противоположный конецъ острова, часто увлекалась за ними и теряла изъ виду своихъ. Команды начальниковъ не было слышно; дрались частями, и къ вечеру положеніе дѣлъ на островѣ было почти въ томъ же видѣ, какъ и въ началѣ боя. Въ продолженіи 14 часовъ, 12 баталіоновъ нашего Журжинскаго отряда удерживали всѣ покушенія непріятеля, числительность котораго простиралась уже до 45,000. Турецкими войсками распоряжался самъ Омеръ-паша, прибывшій съ огромною свитою въ Рущукъ; онъ-то и приказалъ не щадить своихъ и бить ихъ картечью, когда они обращались въ бѣгство. Много потеряли они также отъ дѣйствія на-

шей артиллеріи, которая, выдвинувшись на край острова, не смотря на сильный огонь съ крѣпости и флотиліи, мѣткимъ огнемъ своимъ, потопила большую часть судовъ съ переправлявшимися на нихъ людьми и подбила пароходъ. По этому не удивительно, что потеря Турокъ въ этотъ страшный день простиралась до 6,000 человѣкъ. Наша потеря состояла изъ 342 человѣкъ убитыхъ; раненыхъ, — кромѣ генералъ-лейтенанта Хрулева, — штабъ-офицеровъ 5, оберъ-офицеровъ 17, нижнихъ чиновъ 450 и контуженыхъ 203.

Войска наши до того были изнеможены, что отказывались отъ пищи. Генералъ Соймоновъ, не желая подвергать ихъ новымъ потерямъ и случайностямъ, рѣшился очистить въ теченіи ночи островъ Радоманъ.

Дождавшись ночи, генералъ-лейтенантъ Соймоновъ, согласно сдѣланному предварительно распоряженію, приказалъ войскамъ перейти съ острова на лѣвый берегъ Дуная; переправа была исполнена въ совершенномъ порядкѣ и мосты сняты. Затѣмъ отрядъ нашъ расположился внѣ Журжи на высотахъ у Фратешти, и оставался тамъ въ наблюдательномъ положеніи.

Въ дѣлѣ при Журжѣ изъ отдѣльныхъ подвиговъ наиболѣе замѣчательны слѣдующіе:

Когда во время общей атаки, барабанщикъ 2-й гренадерской роты Тобольскаго пѣхотнаго полка былъ убитъ, то прапорщикъ Ширмо-Щербинскій, находясь предъ фронтомъ своего взвода, поднялъ барабанъ и продолжалъ бить наступленіе. Когда же вслѣдъ затѣмъ осколкомъ гранаты разбило ему плечо, то прапорщикъ Щербинскій, не падая духомъ, бросилъ барабанъ, взялъ у горниста горнъ и, оставаясь впереди роты, трубилъ наступленіе. Тобольцы стре-

мительно ударили въ штыки и въ мигъ опрокинули непріятеля. Послѣ молодецкой атаки, прапорщика Щербинскаго совершенно изнеможеннаго отъ раны, отнесли на перевязочный пунктъ: «Только отомстите за меня братцы!» просилъ онъ Тобольцевъ. «Какъ Богъ святъ, отомстимъ, ваше благородіе.» И они сдержали слово: съ необычайною отвагою кидались они въ атаки и лоскомъ клали враговъ.

Подпоручикъ Самойловъ, находясь въ цѣпи, замѣтилъ одного Турка, рѣзко отличавшагося огромнымъ ростомъ и силою, онъ удачно отбивался штуцеромъ отъ трехъ нашихъ егерей.—Видя, что Турокъ не дается и боясь, чтобы онъ не ушелъ побѣдителемъ, подпоручикъ Самойловъ, въ глазахъ всей цѣпи, схватилъ съ земли ружье, кинулся на великана и ловкимъ ударомъ сбилъ его съ ногъ. Послѣ чего Турокъ взятъ былъ въ плѣнъ.

Тотъ же подпоручикъ раненъ былъ въ ногу пулею, во время атаки Турокъ въ камышахъ. Пуля осталась въ ногѣ. Докторъ нашелъ возможнымъ вырѣзать пулю и, приступая къ операціи, совѣтовалъ подпоручику Самойлову понюхать хлороформъ. Раненый отказался отъ этого и съ полнымъ хладнокровіемъ выдержавъ операцію, возвратился къ ротѣ и оставался до конца дѣла.

Томскаго егерскаго полка Архипъ Черниковъ, деньщикъ подпоручика Самойлова, неся что-то въ рукахъ, весьма спокойно, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, пробирался по цѣпи егерей.

«Куда тебя несетъ!» кричали солдаты деньщику; «пока живъ, убирайся-ка отсюда по добру по здорову, пропадешь за даромъ.»

«Аль страшенъ Турокъ-то вашъ?» отвѣчалъ Архипъ Черниковъ.» Скажите-ка лучше, гдѣ баринъ? онъ, серде-

чный, съ самого утра ничего не ѣлъ; несу ему кое-что закусить.»

«Его благородіе на батареѣ!» отвѣчалъ одинъ изъ егерей, да тамъ не до закуски, — слышь какъ жарятъ!..» «Спасибо землякъ!» отвѣтилъ Черниковъ, и съ полнымъ хладнокровіемъ отправился на батарею, гдѣ и нашелъ подпоручика раненаго.

Во время атаки пуля пробила правую ногу егеря 8 роты Евстигнѣева.—«Нѣтъ!» вскричалъ Евстигнѣевъ: не пойду на перевязку, пока не помѣряюсь штыкомъ!» и хромой продолжалъ идти впередъ. Рота ударила въ штыки—храбрый Евстигнѣевъ не могъ участвовать въ атакѣ: новая пуля пробила лѣвую ногу егеря.—Не имѣя возможности слѣдовать впередъ, Евстигнѣевъ облокотился на ружье и, забывъ свои раны, жадно слѣдилъ за ходомъ схватки; крики одобренія часто вырывались изъ груди его: «хорошо, братцы, загнали басурмана въ Дунай; спасибо вамъ друзья, другой разъ такой потѣхи не дождешься!» говорилъ Евстигнѣевъ. — Ослабѣвшій отъ потери крови, онъ былъ отнесенъ на перевязочный пунктъ.

При отступленіи Турокъ, унтеръ-офицеръ 4--й карабинерной роты Тобольскаго пѣхотнаго полка Трофимъ Козыренко, находясь въ головѣ преслѣдующихъ, кинулся на Турка, остановившагося для выстрѣла. Турокъ спустилъ курокъ—пуля не задѣла Козыренко; мусульманинъ хотѣлъ защищаться штыкомъ, но Козыренко отбилъ направленный на него ударъ и закололъ Турка, приговаривая: «Совокъ да неловокъ, братъ.» Взявъ ружье убитаго, онъ показалъ его ротѣ: «Смотрите-ка, братцы, и этимъ штыкомъ онъ хотѣлъ пробить грудь Русскую!» Рота за-

смѣялась: штыкъ на непріятельскомъ ружьѣ былъ спаянъ въ трехъ мѣстахъ.

Въ кровавой схваткѣ близъ нашей батареи, противъ острова Макана, унтеръ-офицеръ Тобольскаго же полка Абрамъ Ефимовъ былъ окруженъ 4-мя Турками. Не смутился Ефимовъ: приколовъ штыкомъ одного изъ противниковъ, онъ быстро обратился къ другимъ и, не смотря на полученную имъ рану въ ногу, посадилъ на штыкъ еще одного; остальные двое затѣмъ были поражены пулями. Уговаривали Абрама Ефимова идти на перевязку. «Далеко, братцы!» отвѣчалъ онъ: «я и самъ себя перевяжу,» и сѣвъ на землю, вытащилъ изъ-за обшлага шинели тряпицу, перевязалъ рану, и вставъ на ноги, объявилъ, что ничего не чувствуетъ, кромѣ охоты драться. Отъ присужденнаго ему ротой, чрезъ нѣсколько дней ордена св. Георгія, Ефимовъ отказался, изъявивъ желаніе, чтобы онъ данъ былъ болѣе достойному фельдфебелю.

Того же полка 4-й карабинерной роты рядовой Архипъ Касьяновъ, раненый въ ногу, былъ схваченъ Турками, отведенъ въ лодку и оставленъ подъ надзоромъ гребцовъ. Архипъ Касьяновъ, предпочитая явную смерть плѣну, уловивъ минуту, бросился въ Дунай и, не смотря на рану, благополучно переплылъ на островъ Чорой.

3-й баталіонъ Колыванскаго егерскаго полка посланъ былъ овладѣть окопами, занятыми Турками, которые засѣвъ во рву, амбразурахъ и на брустверѣ, производили сильный огонь. Командиръ 3-й карабинерной роты, прибѣжавъ съ егерями къ батареѣ, хотѣлъ взглянуть въ амбразуру; замѣтивъ это движеніе, карабинеръ Никифоръ Андреевъ, схвативъ командира за руку, вскричалъ: «Повремените не много, ваше благородіе, дайте мнѣ сперва

прочистить окно, а то ничего не видать, красноголовые закрываютъ.» Никифоръ Андреевъ бросился въ амбразуру, выстрѣломъ положилъ одного и закололъ штыкомъ другаго Турка, но въ это время былъ раненъ въ ногу и упалъ въ ровъ. Когда раненаго несли на перевязку, онъ смѣялся надъ Турками: «Хороши красноголовые—въ 3-хъ шагахъ цѣлилъ мнѣ въ грудь, а попалъ въ ногу—куда имъ воевать, и стрѣлять-то не умѣютъ».

Послѣ дѣла при Журжѣ, Турки не предпринимали ничего противъ нашихъ войскъ, расположенныхъ при Фратешти. Командующій войсками, генералъ-адъютантъ, князь Горчаковъ, узнавъ, что Турки стягиваютъ всѣ свои силы съ нижняго Дуная къ Рущуку, приказалъ двинуть тудаже три пѣхотныя полка и кавалерійскую бригаду съ ихъ артиллеріей. 1-го іюля князь Горчаковъ прибылъ самъ въ Фратешти. Произведенная 4-го числа рекогносцировка убѣдила князя, что турки возвели сильныя укрѣпленія на пространствѣ между Журжею и Слободзеей и стягивали сюда войска свои. По показанію плѣнныхъ, въ Рущукѣ, въ это время было до 100,000 войска и, не смотря на такую огромную числительность турецкихъ войскъ, Омеръ-паша не рѣшился дать сраженіе на обширныхъ равнинахъ придунайскихъ, а считалъ болѣе благоразумнымъ продолжать укрѣплять позицію. Генералъ-адъютантъ князь Горчаковъ, послѣ напрасныхъ ожиданій, видя, что турки неоставляютъ своихъ укрѣпленій и ничего не предпринимаютъ противъ нашихъ войскъ, призналъ необходимымъ продолжать начатое общее движеніе арміи къ сѣверу, съ цѣлью сосредоточить войска свои на болѣе выгоднѣйшей позиціи. 15-го іюля войска двинулись по направленію на Бухарестъ и Бузео; вслѣдъ затѣмъ тронулись и другіе

отряды съ занимаемыхъ ими мѣстъ. Только отрядъ генералъ-лейтенанта Ушакова оставался за Дунаемъ и послѣ отступленія нашего отъ Журжи. Съ 11-го на 12-е число авангардъ его, подъ командою подполковника князя Любомирскаго, имѣлъ удачное дѣло съ Турками. Пользуясь темнотою ночи и безпечностью непріятеля, князь Любомирскій, съ тремя сотнями казаковъ, ворвался въ Черноводы, гдѣ расположены были лагеремъ на площади до 800 баши-бузуковъ подъ командою Канъ-Мурзы и нанесъ имъ совершенное пораженіе: болѣе 150 труповъ осталось на мѣстѣ; взято нѣсколько плѣнныхъ, много оружія и лошадей. Съ нашей стороны убитъ 1 казакъ и 2 ранены.

1-го августа главныя силы расположились на высотѣ г. Рымника, главная квартира прибыла въ Фокшаны.

Войска подвигались медленно, съ остановками для отдыха. Турки не рѣшались преслѣдовать ихъ; они не тревожили даже нашъ арріергардъ. Ни одна повозка изъ огромнаго обоза, слѣдовавшаго къ границамъ Россіи, не осталась въ рукахъ непріятеля. Войска шли въ совершенномъ порядкѣ, принимая на пути нѣкоторыя мѣры предосторожности въ отношеніи неприкосновенности имущества и правъ мѣстныхъ жителей.

ГЛАВА V.

Военныя дѣйствія на Балтійскомъ морѣ и Финскомъ заливѣ.

въ 1854 и 1855 годахъ.

Появленіе Англо-французскаго флота въ Балтійскомъ морѣ.— Захватъ непріятелемъ Русскихъ купеческихъ судовъ.— Подвиги Финляндцевъ, Эстляндцевъ и Лифляндцевъ.—Подвигъ лоцмана Седерлинга.— Числительность союзнаго флота.— Нападенія непріятеля на прибрежные города. — Мужественное отраженіе непріятеля при Гамле-Карлебю.— Пребываніе Англо-французскаго флота предъ Кронштадтомъ.— Бомбардированіе Аландскихъ укрѣпленій и овладѣніе ими съ 27-го іюля по 4-е августа 1854 года.— Бомбардированіе Свеаборга съ 28 — 30 іюля 1855 г.—Отплытіе Англо-французскаго флота изъ Балтійскаго моря.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1854 года въ портахъ Балтійскаго моря и въ Финскомъ заливѣ начали появляться Англійскія и Французскія военныя суда. Вступленіе этихъ судовъ въ Балтійское море, безъ предварительнаго объявленія войны Россіи, удивило прибрежныхъ нашихъ жителей и они не знали сначала, считать-ли союзный флотъ непріязненнымъ Россіи, тѣмъ болѣе, что Англо-французскій флотъ не предпринималъ въ началѣ никакихъ военныхъ дѣйствій, а только крейсеровалъ около береговъ, дѣлая въ различныхъ мѣстахъ промѣры моря. Поэтому Русскія купеческія суда, нагруженныя товарами, отправлялись безъ опасенія, изъ гаваней къ мѣстамъ своего назначенія. Но вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что Англійскія военныя суда, встрѣчая Русскія купеческія, захватывали ихъ и отводили, какъ военную добычу, въ Кіоге-бухту или въ Англію. Англійскіе крейсеры, для бо-

лѣе легкаго захвата купеческихъ судовъ, употребляли обманъ, выставляя на своихъ судахъ или Русскій флагъ, или флагъ нейтральной державы. Такимъ способомъ число захваченныхъ Англійскими крейсерами Русскихъ купеческихъ судовъ, къ 8 мая простиралось уже до 50. Кромѣ того, захвачено было такимъ же способомъ нѣсколько Финскихъ крестьянскихъ лодокъ съ солью, рыбою и другими товарами, при чемъ у Финновъ отнимали всѣ деньги, какія у нихъ были съ собой. Захватывая въ плѣнъ, увозили Финновъ съ собою на весьма дальнее разстояніе отъ родины, высаживали на какой-либо островъ или въ Балтійскихъ гаваняхъ, такъ что нѣкоторые Финны, для того, чтобы попасть домой, должны были дѣлать по тысячѣ верстъ, возвращаясь берегомъ моря, чрезъ Петербургъ.

Такія дѣйствія Англичанъ, естественно, возбудили неріязненныя чувства въ прибрежныхъ нашихъ жителяхъ и вызвали ихъ на подвиги противъ Англійскихъ крейсеровъ. Англичане, крейсеруя отъ Гельсингфорса до Ревеля, тщательно обозначали значками опасныя мѣста Балтійскаго моря. Это подало поводъ хитрымъ и мужественнымъ Финлядцамъ, а также Эстляндцамъ и Лифляндцамъ, употреблять противъ такихъ средствъ все свое усердіе, изобрѣтательность и ловкость. Они неутомимо истребляли или увозили каждую ночь всѣ бакены, съ большимъ трудомъ поставленные наканунѣ Англійскими моряками. Англичане, утомясь безполезными усиліями, придумали, наконецъ, покрывать красною краскою самые камни и подводныя скалы, которыхъ опасались. Этотъ новый способъ оказался также безполезнымъ для Англичанъ, какъ и предъидущіе; Финляндцы тщательно слѣдили за дѣй-

ствіями Англичанъ и всѣ камни и скалы, окрашенныя ими красною краскою перекрывали, вслѣдъ за тѣмъ, темно-сѣрою, совершенно подходящею подъ цвѣтъ камня. Финляндцы употребляли также и другія хитрости: они переставляли непріятельскіе бакены совершенно на новыя мѣста, такъ что непріятель, обманутый этимъ, наталкивался на мели и подводные камни и разбивалъ свои суда.

Нѣкоторые изъ жителей Финляндіи, уничтожая непріятельскіе бакены, нерѣдко и сами подвергались большимъ опасностямъ со стороны непріятеля и даже преслѣдованію, но это только вызывало храбрыхъ на новые подвиги. Такъ лоцманъ Седерлингъ, замѣтивъ, что непріятельскій флотъ, крейсеровавшій около мыса Порколауда и ставившій бакены, удалился отъ мыса въ море, 19-го іюня 1854 г. взялъ съ собою одного ученика и крестьянина и отправился на маякъ Порколаудскій, чтобы разсмотрѣть, въ какихъ мѣстахъ непріятель поставилъ бакены и, если нужно, то переставить ихъ. Не успѣлъ онъ дойти до фонаря, какъ увидѣлъ, что одинъ пароходъ возвращается на рейдъ подъ всѣми парами. Время нельзя было терять, и Седерлингъ бросился въ лодку, поставилъ паруса, начавъ грести и, чтобъ непріятель незамѣтилъ его, взялъ курсъ южнѣе острова Сальмена. Но все было тщетно, пароходъ, замѣтивъ Седерлинга, уже настигалъ его и, подойдя на пушечный выстрѣлъ, началъ въ него стрѣлять. Изъ 9-ти выстрѣловъ, сдѣланныхъ по лодкѣ, одно ядро упало такъ близко отъ борта, что брызгами отъ воды замочило весь парусъ, а другое ядро пролетѣло возлѣ носовой части шлюпки, такъ что если бы лоцманъ не привелъ лодку въ ту же минуту къ вѣтру, то лодка была бы потоплена. Товарищи Седерлинга, не видя никакого спасе-

нія, умоляли, чтобы онъ сдался, но онъ одушевлялъ ихъ своимъ примѣромъ, увѣщевалъ приложить послѣднія усилія, говоря, что онъ, когда окажется нужнымъ, будетъ защищаться до послѣдней капли крови, и Англичане никогда не возьмутъ его живаго. Между тѣмъ, пароходъ, ставшій на мель, послалъ двѣ шлюпки преслѣдовать лоцмана. На этихъ шлюпкахъ былъ двойной комплектъ гребцовъ, изъ которыхъ одни гребли, а другіе стрѣляли изъ ружей. Пули летали кругомъ лодки, но никого не ранили, и какъ лодка весьма ловко лавировала, то она скоро и вышла у Англичанъ на вѣтеръ. Тутъ Седерлингъ радостно вздохнулъ и, переставъ гресть, схватилъ винтовку и сдѣлалъ по непріятелю два выстрѣла, Англичане отвѣчали ему двумя залпами изъ ружей и прекратили погоню.

Многіе изъ жителей были свидѣтелями этой неравной борьбы и удивлялись хладнокровію и искусству, съ которыми лоцманъ, управляя своею утлою ладьею, могъ спастись отъ парохода и двухъ военныхъ шлюпокъ, преслѣдовавшихъ его на разстояніи 7-ми верстъ. Пароходъ, простоявъ нѣсколько часовъ на мели снялся, и на другой день, какъ бы изъ мщенія, стрѣлялъ ядрами въ телеграфъ, таможенный домъ и въ строенія Кюркогородс-э.

Нѣсколько дней спустя, не смотря на то, что вблизи стояли непріятельскіе корабли, лоцманъ Седерлингъ, разсчитывая, что изъ-за тумана не будетъ его видно, снялъ въ разстояніи 10-ти верстъ отъ берега, огромный бакенъ съ фарватера Лергрунсъ и представилъ его въ Гельсингфорсъ, въ совершенной исправности, съ цѣпью и замками.

Англо-французскій флотъ, не смотря на всѣ препятствія, представляемыя ему усердными побережными жи-

телями, продолжалъ крейсеровать въ Балтійскомъ морѣ, и захватывалъ по прежнему Русскія купеческія суда. Въ половинѣ мая 1854 года Англійская эскадра въ Балтійскомъ морѣ состояла изъ 45-ти судовъ, считая въ томъ числѣ 5-ть французскихъ линейныхъ кораблей, 4 фрегата и 4 парохода; 2,250-ти пушекъ и 23,400 человѣкъ.

Непріятель, располагая столь значительнымъ флотомъ, появлялся во всѣхъ моряхъ, въ портахъ и гаваняхъ, обозрѣвалъ наши укрѣпленія въ береговыхъ портахъ и на островахъ, сожигалъ цѣлыя селенія и города, такъ напр. г. Ловизу; взрывалъ наши незащищенные еще форты, уводилъ торговыя суда и лодки, разрушалъ церкви и грабилъ беззащитныхъ жителей. Жители раззоренныхъ городовъ тысячами бѣжали отъ непріятеля при его появленіи и, возвращаясь домой, находили часто однѣ только развалины своихъ жилищъ, еще дымящихся отъ огня. Непріятель, опустошая селенія и грабя жителей, не довольствовался этимъ, онъ подвергалъ преслѣдованію и самихъ жителей, даже женщинамъ не было пощады отъ него. Такъ, 30-го іюня 1855 года, два паровыхъ фрегата и одна канонерская лодка стали на якорь въ портѣ Кунда (въ Эстляндіи) и спустили гребныя суда, изъ числа коихъ одно, четырехвесельное, подъѣхавъ къ берегу, остановилось близъ сѣнокоса, гдѣ работали девять крестьянскихъ женщинъ. Увидя приближающагося непріятеля, женщины побѣжали къ ближайшему лѣсу. Тогда бывшіе на лодкѣ люди начали кричать имъ по-шведски, чтобы онѣ ничего не боялись, и махали шапками, желая остановить ихъ. Видя же, что женщины продолжаютъ бѣжать, передовая лодка пустила двѣ конгреговы ракеты, вслѣдъ бѣгущимъ

женщинамъ. Одна изъ сихъ несчастныхъ была ранена ракетою въ ногу выше колѣна, а другой раздробило пятку.

Непріятель дѣлалъ нападенія свои, по преимуществу, на беззащитные города, гдѣ не было ни войскъ ни укрѣпленій. Подходилъ онъ обыкновенно къ такимъ городамъ подъ переговорнымъ флагомъ и затѣмъ, приблизившись на близкое разстояніе, открывалъ съ судовъ своихъ пальбу; такимъ образомъ Ништадтъ и Раумо были бомбардированы съ судовъ, подошедшихъ подъ переговорнымъ флагомъ, а Ловиза подверглась сильной канонадѣ и пожару. Иногда же непріятель, подойдя къ беззащитному городу, посылалъ парламентера и требовалъ выдачи купеческихъ судовъ, стоявшихъ въ гаваняхъ, угрожая въ противномъ случаѣ бомбардировать городъ. Такимъ образомъ г. Либава не имѣя никакихъ средствъ къ защитѣ, 5 мая 1854 г. принуждена была уступить требованію непріятеля, — и непріятель, войдя въ гавань съ горящими фитилями и зажигательными ракетами на 10-ти военныхъ судахъ, изъ которыхъ шесть были съ пушками и десантнымъ войскомъ, увелъ на буксирѣ 8 купеческихъ кораблей; при этомъ капитанъ непріятельскихъ судовъ объявилъ городу, что онъ уведетъ и остальные 10-ть судовъ, оставшихся въ гавани.

Городъ Улеоборгъ (въ Финляндіи), узнавъ о прибытіи непріятельской эскадры въ улеоборгскій рейдъ, выслалъ къ непріятелю депутацію, которая объяснила, что какъ въ городѣ нѣтъ никакого войска, то жители надѣются на великодушіе Англичанъ. Этой депутаціи Англичане отвѣчали, что они намѣрены истребить только крѣпости, военные снаряды, и собственность Императора Россіи; жители же будутъ покровительствуемы, если не станутъ по-

могать русскимъ войскамъ; при этомъ было присовокуплено, что на всякій случай адмиралъ англійской эскадры желаетъ, чтобы женщины и дѣти были удалены изъ города.

Въ полночь 20 мая 1854 года пристали къ берегу 13 непріятельскихъ шлюпокъ, вооруженныхъ пушками. Эта лодочная флотилія подходила медленно, въ грозномъ порядкѣ. Толпы народа покрывали берегъ; нужно было много усилія мѣстныхъ властей, чтобы успокоить безполезное ожесточеніе жителей, горѣвшихъ желаніемъ вступить въ бой съ Англичанами. 250 англійскихъ морскихъ солдатъ съ крикомъ бросились въ городъ. По осмотрѣ города, удостовѣрясь, что въ немъ нѣтъ никакой вооруженной силы, ни казаковъ, англійскія суда подвинулись ближе къ городу и бросаніемъ зажигательныхъ ракетъ зажжены были: Францефова верфь и 2 корабля, потомъ зажжена другая верфь и 11 кораблей, кромѣ того подожжены были до 20,000 бочекъ дегтя, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, смоловарня, огромные запасы лѣса, досокъ, бревенъ и т. п., купеческіе магазины и кладовыя съ товарами. Скоро всѣ верфи, корабли, строевой лѣсъ и деготь пылали яркимъ пламенемъ. Жители Улеоборга плакали, смотря на это опустошеніе, и едва спасли городъ отъ пожара. Англичане зажегши все, что имъ нужно было, потребовали, чтобы къ 6-ти часамъ утра слѣдующаго дня было доставлено имъ жителями столько-то говядины, свинины, картофеля, яицъ и т. п., грозя, въ случаѣ отказа, сжечь и городъ. Все требуемое было представлено жителями къ сроку; тогда адмиралъ объявилъ, что ему нужно еще 8 лодокъ дровъ, и столько же огородныхъ овощей. Получивъ и это, эскадра непріятельская оставила Улеоборгскій рейдъ, сжегши тамъ

частнаго имущества жителей болѣе чѣмъ на полмильона рублей серебромъ.

Почти такая же участь постигла и городъ Брагестадтъ. Здѣсь 18-го мая 1854 года также сожжены были 9 кораблей, изъ которыхъ одинъ, еще не совсѣмъ оснащенный, составлялъ собственность шведскаго купца. Зажегши суда, Англичане вышли на берегъ у корабельной верфи, прогнали оттуда всѣхъ работниковъ, окружили верфь цѣпью солдатъ, чтобы кто-нибудь не вздумалъ придти гасить огонь, и принялись жечь верфь и склады корабельнаго лѣса; объявляя жителямъ, что все это военная контрабанда, потому-де, что изъ этихъ матеріаловъ, какъ разъ, можно настроить канонерскихъ лодокъ. Вмѣстѣ съ верфью сгорѣли четыре строющіеся купеческіе корабля, пять домовъ частныхъ владѣльцевъ, 400 бочекъ ржи въ хлѣбномъ магазинѣ, 1000 бочекъ соли, 2000 саж. дровъ, всего на 216,000 рублей серебромъ. Кромѣ того, сожжено дегтя и смолы на 43,000 рублей серебромъ.

По удаленіи непріятеля, жители хотѣли потушить пожаръ, но всѣ старанія ихъ были напрасны. Огонь погасъ только черезъ сутки, тогда, когда нечему было болѣе горѣть.

И такъ, вотъ какъ непріятель дѣйствовалъ въ отношеніи къ мирнымъ, беззащитнымъ нашимъ береговымъ жителямъ Балтійскаго моря и Финскаго залива.

Когда же союзный англо-французскій флотъ подходилъ къ укрѣпленнымъ и занятымъ нашими войсками пунктамъ, то, по большей части, онъ ограничивался только однимъ осмотромъ издали мѣстности, разузнавая о силѣ нашихъ береговыхъ укрѣпленій и о числительности войскъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ.

Во все продолженіе времени, отъ апрѣля мѣсяца 1854 года по ноябрь 1855 года, когда непріятельскій флотъ крейсеровалъ въ Балтійскомъ морѣ и въ Финскомъ заливѣ, значительныхъ стычекъ съ непріятелемъ на морѣ не происходило, кромѣ защиты нашими войсками тѣхъ городовъ и укрѣпленій, которыя имѣли войско и были бомбардированы непріятелемъ. Защищая наши города и укрѣпленія, русскія войска вездѣ выказали себя вполнѣ достойными своего званія; они мужественно отражали враговъ, и почти всегда съ большимъ урономъ для непріятеля, принуждали его удаляться въ море.

Такъ отражено было покушеніе непріятеля противъ г. Экнеса (въ Финляндіи), 7-го мая 1854 г., гдѣ мѣткими выстрѣлами береговой нашей батареи, находившейся подъ градомъ непріятельскихъ пуль и бомбъ, непріятельскія суда, значительно поврежденныя, не отважились атаковать городъ и отступили.

Съ такимъ же успѣхомъ, 10-го мая того же года отражено было нашими войсками, послѣ пятичасоваго боя, покушеніе союзнаго флота противъ Гангеудскихъ укрѣпленій (*); а черезъ два дня уничтожена непріятельская батарея на островѣ Мошеръ 30-ю охотниками, вызванными изъ гренадерскаго принца Фридриха Нидерландскаго полка.

Всѣ попытки непріятеля въ эту войну противъ вооруженныхъ городовъ и острововъ Балтійскаго моря и Фин-

(*) Въ 1714 году близъ мыса Гангеудъ было славное морское сраженіе нашего флота съ шведскимъ, когда Петръ I-й съ своей галерой взялъ шведскій фрегатъ «Елефантъ». Въ память этой первой побѣды русскаго флота на морѣ, на мысѣ Гангеудъ поставленъ памятникъ надъ могилами воиновъ, павшихъ въ Гангеудскомъ сраженіи.

скаго залива, какъ-то: Ораніенбаума, Фридрихсгама, Раумо, Виндавы, острововъ: Эзеля, Транзунда, мыса Домеспесъ и проч., а также у береговъ Рижскихъ и Кронштадтскихъ, и на Кронштадтскомъ рейдѣ, были отражаемы нашими войсками, и непріятель каждый разъ отступалъ въ море и чинилъ, значительно поврежденные отъ нашихъ выстрѣловъ, свои суда.

Изъ числа военныхъ дѣйствій на Балтійскомъ морѣ наибольшаго вниманія заслуживаютъ: битва при Гамле-Корлебю, взятіе Аландскихъ острововъ и бомбардированіе Свеаборга; а потому и разскажемъ о нихъ читателямъ.

Мужественное отраженіе непріятеля при г. Гамле-Карлебю 26-го мая 1854 года.

Для защиты г. Вазы отъ непріятелей, крейсеровавшихъ близъ финляндскихъ береговъ, расположенъ былъ въ г. Вазѣ подъ командою генералъ-маіора Вендта небольшой отрядъ нашихъ войскъ, состоявшій изъ 2-хъ ротъ Финляндскаго линейнаго № 12-го баталіона. Въ это время, около 24 мая, къ губернатору города Вазы явились посланные отъ г. Гамле-Карлебю и, сообщивъ о намѣреніи непріятеля сдѣлать нападеніе на ихъ городъ, просили о присылкѣ къ нимъ войска, и о выдачѣ ружей, потому-де, что у нихъ больше хорошихъ стрѣлковъ нежели ружей, а биться съ непріятелемъ желаютъ всѣ. Жители изъ усердія предлагали продовольствовать солдатъ на свой счетъ. Нѣсколько ротъ тотчасъ были отправлены къ Гамле-Карлебю, которыя форсированнымъ маршемъ въ двое сутокъ сдѣлали 146 верстъ, изъ коихъ 96 верстъ пѣшкомъ и 50 на подводахъ. Во время слѣдованія

ротъ, жители радостно встрѣчали своихъ защитниковъ, и на привалахъ угощали ихъ, кто чѣмъ могъ.

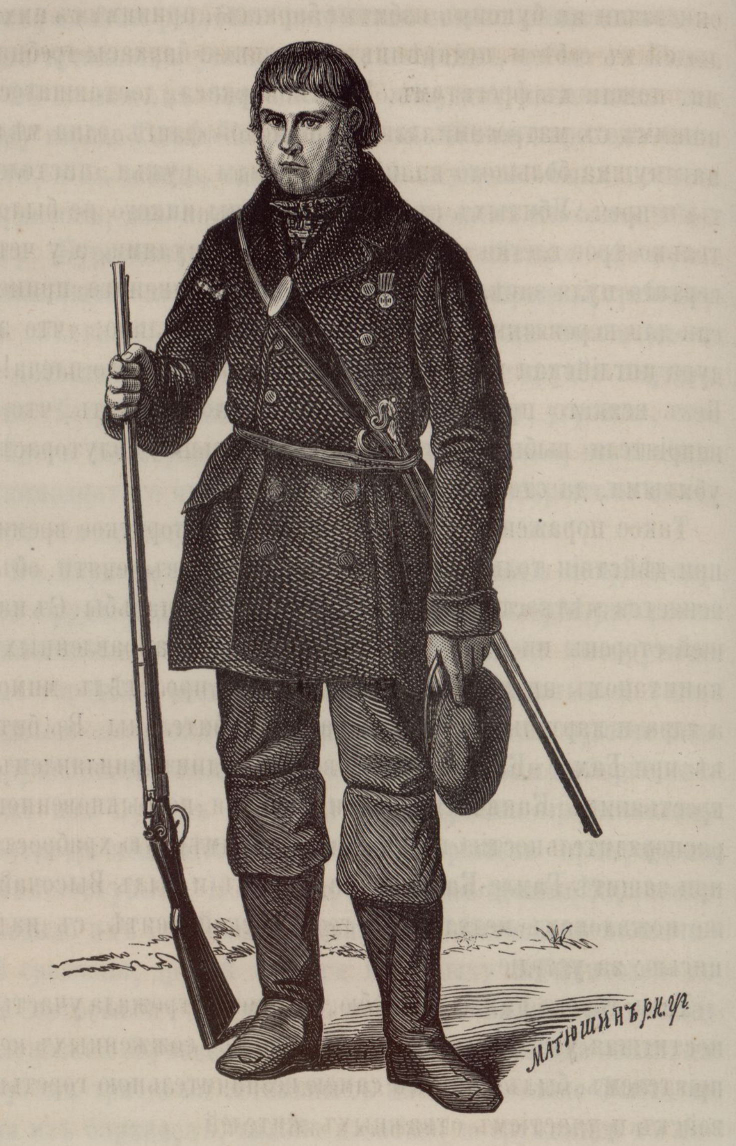
26-го мая, въ три часа по полудни, показались въ виду города Гамле-Карлебю два англійскіе пароходо-фрегата, а въ девять часовъ вечера спущены были девять баркасовъ, изъ которыхъ одинъ подошелъ къ самому берегу. Бургомистръ, встрѣтившій англійскаго офицера, прибывшаго на баркасѣ, на всѣ его распросы и требованія объявилъ, что не допуститъ непріятеля въ городъ и не дозволитъ истреблять суда, или какое другое имущество. Тогда англійскій офицеръ удалился, угрожая, что войдетъ въ городъ силою. И дѣйствительно, въ исходѣ одиннадцатаго часа того же дня, девять непріятельскихъ баркасовъ двинулись къ берегу.

Въ Карлебю приготовились для отраженія непріятеля. Два орудія подвижной гарнизонной артиллеріи, двѣ роты Финляндскаго линейнаго № 12-го баталіона и вооруженные городскіе жители, прикрытые мѣстностью и загородными постройками, встрѣтили непріятеля пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, на который отвѣчали съ баркасовъ тоже изъ пушекъ и ружей. Перестрѣлка продолжалась почти до полуночи. Наконецъ непріятель принужденъ былъ отступить. Но вмѣсто прежнихъ девяти баркасовъ уходило ихъ всего семь, одинъ былъ потопленъ въ началѣ сраженія, другой остался въ добычу побѣдителей съ 22 матросами, которые и взяты въ плѣнъ. Изъ семи ушедшихъ баркасовъ на одномъ было всего два весла, на другомъ три, а на остальныхъ пяти нѣсколько болѣе, но два изъ баркасовъ, сильно избитые, погружались въ воду. Тутъ подоспѣли на помощь бѣгущимъ три баркаса, высланные съ фрегатовъ при самомъ началѣ сраженія;

они взяли на буксиръ избитые баркасы, принявъ съ нихъ людей къ себѣ и, подкрѣпивъ остальные баркасы гребцами, пошли къ фрегатамъ. Кромѣ баркаса, доставшагося нашимъ съ матросами, взяты: кормовой флагъ, одна мѣдная пушка большого калибра, снаряды, ружья, пистолеты и проч. Убитыхъ съ нашей стороны никого не было; только трое слегка задѣты ружейными пулями, а у четвертаго пуля засѣла въ плечѣ; и когда раненаго принесли для перевязки, то онъ сказалъ насмѣшливо: «что за дура англійская пуля, не могла пробить русскаго плеча!» Безъ всякаго преувеличенія можно было полагать, что у непріятеля выбыло изъ строя не меньше полутораста убитыми, да столько же ранеными.

Такое пораженіе, нанесенное въ столь короткое время, при дѣйствіи только двухъ пушекъ противъ девяти, объясняется мѣткостью ружейной и пушечной пальбы. Съ нашей стороны ни одинъ изъ выстрѣловъ, направленныхъ капитаномъ артиллеріи Еркушенко, не пролетѣлъ мимо, а ядра и картечь его были страшно губительны. Въ битвѣ при Гамле-Карлебю участвовалъ одинъ финляндецъ, крестьянинъ Канконенъ, отличившійся необыкновенною распорядительностію и выказавшій примѣрную храбрость при защитѣ Гамле-Карлебю, за что онъ и былъ Высочайше пожалованъ медалью на георгіевской лентѣ, съ надписью: за усердіе.

Такъ городъ Гамле-Карлебю, которому угрожала участь, постигшая уже Брагестадтъ, Улеоборгъ, сожженныхъ непріятелемъ, былъ спасенъ самою незначительною горстью войскъ и участіемъ отважныхъ жителей.

Крестьянинъ **Канконенъ**, Высочайше пожалованный за храбрость, при отраженіи Англичанъ у Гамле-Карлебю, 26-го мая 1854 г., медалью «за усердіе» на георгіевской лентѣ.

Дѣйствія англо-французскаго флота у Кронштадта въ іюнѣ мѣсяцѣ 1854 года.

Долго хозяйничалъ англійскій адмиралъ Непиръ съ флотомъ своимъ въ Балтійскомъ морѣ и въ Финскомъ заливѣ, но въ виду Кронштадта не показывался. Наконецъ 12-го іюня получена была телеграфическая депеша съ Сойкиной горы, (*) что непріятельскій флотъ, въ числѣ 10-ти кораблей, шелъ по направленію къ Кронштадту и сталъ на якорь у острова Сескара. Число судовъ непріятельскаго флота стало увеличиваться, и 14-го іюня непріятельскій флотъ шелъ уже къ Кронштадту въ числѣ 31 судна: винтовыхъ кораблей 13, парусныхъ 5, фрегатовъ винтовыхъ 3, пароходовъ 8, шкунъ 2; въ томъ числѣ французскихъ кораблей 5, пароходовъ 2.

Въ 9 часовъ утра, того же дня, показалось огромное облако дыма,—это былъ флотъ Непира съ своими сподвижниками, шедшій покорить Кронштадтъ. Въ исходѣ 10-го часа непріятель сталъ на якорь между Толбухинымъ маякомъ и Красною Горкой. Въ тоже время, по сигналу съ адмиральскаго корабля «Императоръ Петръ I,» флотъ нашъ сталъ въ боевую диспозицію. Въ половинѣ 5-го часа 6 непріятельскихъ судовъ снялись съ якоря, прошли Толбухинъ маякъ и стали на якорь на большомъ Кронштадтскомъ рейдѣ, внѣ выстрѣловъ съ нашихъ фортовъ. Непріятель тотчасъ же спустилъ гребныя суда, и, въ 9 часовъ вечера, 3 баркаса пристали къ Толбухину маяку. На дру-

---

(*) Сойкинская гора находится въ С.-Петербургской губерніи къ западу отъ Ораніенбаума, въ разстояніи 40 миль (70 верстъ).

гое утро, 15-го іюня, въ четверть 6-го часа, 4 непріятельскія судна снялись съ якоря и подошли на полтора выстрѣла отъ форта «Императоръ Александръ», но вскорѣ ушли и стали на прежнее свое мѣсто. Въ 10 часовъ утра 6 пароходовъ снялись съ якоря и, обогнувъ косу, стали на якорь на сѣверномъ фарватерѣ. Около полудня непріятельскій пароходъ овладѣлъ соймою (родъ маленькой барки) и взялъ ее на буксиръ, но скоро бросилъ ее, и сойма подошла къ намъ. По опросѣ оказалось, что на ней было 3 крестьянина Тверской губерніи, что они шли изъ Розенсальма; грузу у нихъ было 8 пудовъ лососины и соленая салакушка. Мужичекъ хозяинъ разсказалъ, что когда его взяли, Англичане бросились тотчасъ искать, что у него есть; найдя два ржаные хлѣба, они ихъ тотчасъ разломили и съѣли, лососину взяли съ собой, не заплативъ денегъ, а салакушку ему оставили. Потомъ повезли его на пароходъ, гдѣ онъ видѣлъ низенькаго, сѣдаго старика, котораго онъ принялъ за адмирала. Съ хозяиномъ соймы заговаривали по фински, но онъ ничего не понималъ, и потому его вскорѣ отпустили.

Вечеромъ того же дня, по сигналу, пароходъ «Владиміръ» пошелъ на большой рейдъ, осмотрѣть, не поставили-ли Англичане вѣхъ или буйковъ; когда онъ подошелъ къ Лондонской мели, одинъ винтовой фрегатъ и пароходо-фрегатъ отдѣлились, пошли къ нему на встрѣчу, и пустили въ него ядро, которое упало отъ «Владиміра» въ 300 саженяхъ. Осмотрѣвъ рейдъ, пароходъ «Владиміръ» возвратился на свое мѣсто и бросилъ якорь. 16-го іюня, у Англичанъ, повидимому, былъ праздникъ; они разцвѣтились флагами и производили салютъ. Вечеромъ отрядъ ушелъ съ сѣвернаго фарватера и присоединился къ флоту.

17-го, 18-го и 19-го іюня непріятельскій флотъ стоялъ на якорѣ; нѣсколько пароходовъ ходили на сѣверный фарватеръ; 2 подходили къ нашимъ фортамъ, и шлюпки сообщались съ Толбухинымъ маякомъ. 20-го іюня въ 9 часовъ, англо-французскій флотъ снялся съ якоря и, подъ парусами и парами, пошелъ въ море; въ 12-мъ часу онъ скрылся изъ виду; но сдѣлалось извѣстно, что онъ сталъ на якорь у острова Сескара.

На Толбухиномъ маякѣ Англичане оставили по себѣ память: на стѣнахъ сдѣлали надписи, а на мачтѣ повѣсили корзинку и рогожу; тѣмъ и ограничились подвиги непріятеля у Кронштадта въ 1854 году въ виду грозныхъ укрѣпленій его. Послѣ чего непріятель обратилъ свои дѣйствія на менѣе укрѣпленныя мѣста и города, каковы напр. Аландскіе острова, г. Гамле-Карлебю и проч.

Бомбардированіе Аландскихъ укрѣпленій и занятіе ихъ непріятелемъ.

Съ 12-го іюля 1854 года въ Лумпарскій заливъ противъ аландскихъ укрѣпленій, расположенныхъ на Аландскихъ островахъ, у пролива Бомарзунда, начали входить непріятельскія суда, число которыхъ постепенно увеличивалось и въ теченіи нѣсколькихъ дней дошло до 30 и болѣе судовъ. Подойдя ближе къ Аландскимъ островамъ, непріятель обложилъ укрѣпленія наши со всѣхъ сторонъ. Суда стояли спокойно на якорѣ, занимаясь только промѣрами до 26-го іюля. Въ этотъ день съ нашихъ укрѣпленій усмотрѣно было, что въ заливы: Лумпаръ и Вартога втягиваются непріятельскія суда съ десантными англійскими и французскими войсками, которыя съ 26-го на 27-е и были высажены на берегъ, въ двухъ пунктахъ,

въ разстояніи 5-ти верстъ отъ укрѣпленій. Тотчасъ по высадкѣ, войска эти, пройдя густою цѣпью, соединились на одномъ пунктѣ, въ деревнѣ Финбю, въ 3-хъ верстахъ отъ укрѣпленій, гдѣ и расположились бивуакомъ.

Гарнизонъ, находившійся здѣсь исключительно для наблюденія за порядкомъ въ Аландскомъ архипелагѣ, не былъ предназначенъ для битвъ, и состоялъ изъ одного финляндскаго линейнаго № 10-го баталіона съ командою гарнизонной артиллеріи, подъ начальствомъ коменданта укрѣпленій генералъ-маіора Бодиско; къ нему присоединились двѣ роты гренадерскаго стрѣлковаго баталіона подъ начальствомъ полковника Фуругельма, такъ, что весь гарнизонъ состоялъ изъ 1,700 человѣкъ. Несмотря на такую малочисленность, гарнизонъ рѣшился защищаться въ укрѣпленіи до послѣдней крайности.

27-го числа непріятель, сдѣлалъ приступъ къ западной башнѣ № 1-го, но былъ отбитъ съ урономъ; послѣ чего непріятели начали устроивать свои батареи и подвозить осадныя орудія, и къ ночи на 28-е число начали бомбардировать упомянутую башню, стараясь тѣмъ временемъ возвести другую батарею, поближе къ башнѣ; но все, что они успѣвали устроить въ продолженіе ночи, съ разсвѣтомъ было опять разрушаемо нашими выстрѣлами. Потомъ непріятели, избравъ болѣе удобное и безопасное для себя мѣсто, выстроили тамъ батарею и, по окончаніи работъ, съ 1-го августа, бомбардировали башню, уже съ двухъ сторонъ, день и ночь такъ, что она во всѣхъ частяхъ сильно была повреждена.

Послѣ полудня на башнѣ былъ поднятъ переговорный флагъ, вслѣдствіе чего канонада была прекращена часа на два. Но какъ храбрый начальникъ башни, капитанъ

Теше, отвергнулъ требованіе непріятеля — прекратить отчаянное сопротивленіе, то послѣ двухъ часовъ бой былъ возобновленъ съ удвоенною силою. Башня держалась однакоже до 2 августа.

Въ этотъ день, на разсвѣтѣ, англійскій адмиралъ Непиръ произвелъ рекогносцировку внѣшнихъ крѣпостныхъ верковъ и потомъ, для поддержанія французскихъ егерей со стороны суши, заставилъ дѣйствовать шлюпки, вооруженныя многочисленною артиллеріею. Началась страшная канонада, среди которой ружейные выстрѣлы, не смотря на ихъ учащенность, едва были слышны. Французы устремились на приступъ, приставили къ стѣнамъ западной башни штурмовыя лѣстницы, и въ тоже время, со шлюпокъ, осыпали башню страшнымъ градомъ бомбъ и ядеръ. Русскія войска мужественно и удачно отразили этотъ первый приступъ и много Французовъ, сброшенные съ вала въ ровъ, нашли тамъ смерть. Второй приступъ войска наши также отразили. Французы, раздраженные этими неудачами, съ ожесточеннымъ крикомъ устремились въ третій разъ на стѣны, тогда храбрые защитники башни, подвергаясь въ тоже время убійственному артиллерійскому огню со шлюпокъ, были вынуждены, уступая числительному превосходству непріятеля,— отступить. Вслѣдъ затѣмъ, башня, взорванная на воздухъ, взлетѣла съ трескомъ и большая часть Французовъ, ворвавшихся въ нее, погибли подъ ея развалинами.

Еще до взятія башни № 1-го устроены были батареи противъ сѣверной башни № 2-го, которую и бомбардировали съ 31-го іюля, въ продолженіе трехъ дней безпрерывно, но безуспѣшно. Вслѣдствіе чего, 3-го августа, утромъ, англичане возвели противъ этой башни новую

батарею, на которую поставили 32-хъ фунтовыя орудія, и начали обстрѣливать башню № 2-го. Огонь непріятельской батареи былъ убійственный, и хотя осажденные наши храбрецы отвѣчали съ своей стороны также не менѣе убійственнымъ огнемъ, но въ 6 часовъ пополудни, во время усиленнаго бомбардированія, башня № 2 такъ была разбита, что гарнизонъ принужденъ былъ сдаться.

Овладѣвъ двумя башнями, непріятель всѣ свои главныя силы устремилъ на оборонительную казарму, противъ которой дѣйствовали 8 линейныхъ кораблей, 4 англійскихъ и 4 французскихъ, 3 парохода французскіе и 6 англійскихъ; на всѣхъ судахъ было 492 пушки. Страшный градъ ядеръ и бомбъ сыпался на оборонительную казарму безпрерывно; несмотря на это, она держалась два дня, 3-е и 4-е августа, съ истиннымъ геройствомъ. Такъ какъ наиболѣе сильный вредъ наносила казармѣ, возведенная на берегу, англійская мортирная батарея, то наши храбрые войска направляли всѣ свои усилія противъ этой батареи и наконецъ поставили ее въ столь невыгодное положеніе, что англійскій адмиралъ Непиръ былъ принужденъ отрядить туда, для поддержанія батареи, 7 судовъ. Когда всякое дальнѣйшее сопротивленіе сдѣлалось невозможнымъ, то надъ оборонительною казармою поднятъ былъ переговорный флагъ. Французы, вступили въ оборонительную казарму 4-го августа въ 2 часа пополудни.

Между тѣмъ главный фортъ, подвергаясь страшному огню съ 6-ти трехдечныхъ кораблей англійскихъ и французскихъ, не считая множества судовъ меньшаго размѣра, долженъ былъ въ то же время выдерживать съ суши огонь 2-хъ батарей, одной французской и другой англійской, составленной изъ 100 фунтовыхъ орудій. Хотя этотъ

фортъ и защищался успѣшно, но съ тѣхъ поръ, какъ отдѣльные форты достались въ руки непріятеля, дальнѣйшее сопротивленіе его становилось безполезно, оно только увеличило-бы напрасное кровопролитіе и потерю въ малочисленномъ гарнизонѣ. Комендантъ форта, генералъ-маіоръ Бодиско, вполнѣ сознавая лежащую на немъ отвѣтственность, при всемъ томъ находилъ невозможнымъ продолжать бой, такъ какъ гарнизонъ форта, отъ постояннаго бодрствованія и тревогъ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, до того былъ истомленъ, что люди сдѣлались совершенно неспособными къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ и сопротивленію, а потому комендантъ вынужденъ былъ, 4-го августа въ 10 часовъ утра, сдаться военноплѣннымъ совсѣмъ гарнизономъ.

Число убитыхъ съ нашей стороны простиралось до 53 человѣкъ и раненыхъ до 86-ти человѣкъ. Непріятель потерялъ до 600 человѣкъ.

Мужественною защитою, въ теченіи 8-ми дней, небольшаго и недоконченнаго форта, противъ 58-ми судовъ союзнаго флота и 12,000 сухопутнаго войска, гарнизонъ Аландскій, въ 1,700 человѣкъ, привелъ въ удивленіе даже непріятелей.

Бомбардированіе Свеаборга (въ Финляндіи) 28—30-го іюля 1855 года.

Непріятельскій флотъ, сосредоточенный въ виду Гельсингфорса и Свеаборга и состоявшій изъ 10-ти кораблей, 7-ми фрегатовъ, 7-ми пароходовъ, 2-хъ корветовъ, 1-го брига, 4-хъ судовъ особой конструкціи, 16-ти бомбардъ, 25-ти канонерскихъ лодокъ, 2-хъ яхтъ и 3-хъ транспортовъ, 28-го числа іюля занялъ позицію между островами Грохара и Реншеромъ, напротивъ крѣпости Свеаборга,

имѣя отдѣльно на правомъ флангѣ, у острова Стура-Міель-Э два 80-ти пушечныхъ винтовыхъ линейныхъ корабля и одинъ 31 пушечный фрегатъ.

Боевая линія всѣхъ сихъ судовъ находилась въ разстояніи отъ 3-хъ до 4-хъ верстъ отъ внѣшней линіи Свеаборгскихъ укрѣпленій; нѣсколько впереди прочихъ стояли суда особой конструкціи, за ними бомбарды и канонерскія лодки, построенныя въ двѣ линіи, а позади ихъ, внѣ самыхъ дальныхъ выстрѣловъ съ крѣпости, большія суда.

Съ этого, столь дальняго разстоянія открытъ былъ 28-го іюля, въ $7^1/_4$ часовъ утра, непріятелемъ огонь, направленный первоначально довольно равномѣрно на всѣ противулежащія батареи крѣпости.

Во время канонады, непріятель нѣсколько разъ посылалъ гребныя суда съ дессантомъ для занятія острова Друмсъ-Э, но встрѣчаемый мѣткимъ штуцернымъ и ружейнымъ огнемъ изъ-за ложементовъ, устроенныхъ по берегу, принужденъ былъ съ потерею возвратиться. Въ 2 часа пополудни непріятельскія суда, прекративъ огонь по острову, удалились за островъ Міелькъ-Э.

Съ 10-ти часовъ утра послѣ перваго вспыхнувшаго на островѣ Лилла-Остеръ-Свартъ-Э пожара, центръ нашей оборонительной линіи, т. е. крѣпость Свеаборгъ, сдѣлался преимущественною цѣлью непріятельскихъ выстрѣловъ. Не имѣя возможности одержать рѣшительно никакого успѣха противъ нашихъ укрѣпленій и батарей, непріятель, пользуясь дальностію полета своихъ снарядовъ, старался разгромить и сжечь деревянныя зданія, которыя находились внутри крѣпости.

Командовавшій, войсками расположенными въ Финлян-

діи, генералъ-адъютантъ Бергъ, съ начала боя приказалъ отвѣчать съ нашихъ батарей только лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда непріятельскія суда приблизятся на такое разстояніе, съ котораго дѣйствіе нашихъ выстрѣловъ можетъ нанести имъ рѣшительный вредъ.

Приказаніе это было исполнено, и суда, которыя рѣшались подходить на близкое разстояніе, подвергались мѣткимъ выстрѣламъ съ нашихъ укрѣпленій. Вредъ, наносимый нашими выстрѣлами былъ довольно значителенъ; на поврежденныхъ судахъ непріятельскихъ, подымались черные флаги, и пароходы выводили ихъ изъ боевой линіи на буксирѣ. Множество обломковъ, плававшихъ въ различныхъ мѣстахъ, свидѣтельствовали о томъ, что каждое приближеніе къ крѣпости обходилось противнику не безъ потерь и поврежденій.

Вскорѣ послѣ открытія непріятелемъ огня, значительный пожаръ распространился въ крѣпости и, не смотря на усиленное дѣйствіе пожарныхъ командъ, не прекращался, поддерживаемый безпрерывнымъ бомбардированіемъ въ продолженіе дня и метаніемъ зажигательныхъ ракетъ во время ночи.

Едва только загоралось гдѣ-либо зданіе, непріятель тотчасъ-же усиливалъ огонь по этому направленію, но при всемъ томъ, по распорядительности Свеаборгскаго коменданта, генералъ-лейтенанта Сорокина и помощника его генералъ-маіора Алексѣева, отстояны были наши провіантскіе запасы сухопутнаго вѣдомства, куртинный и четырехъ-этажный офицерскій флигеля.

Пороховые погреба, не смотря на значительное число падавшихъ на нихъ бомбъ, выдержали до конца, за исключеніемъ четырехъ небольшихъ запасовъ чиненыхъ бомбъ,

помѣщенныхъ въ старинныхъ складахъ, которые почти всѣ одновременно взлетѣли на воздухъ. По особой милости Божіей, вредъ, причиненный этими взрывами, состоялъ только въ одномъ убитомъ и трехъ раненыхъ нижнихъ чинахъ.

Жестокое бомбардированіе крѣпости продолжалось безпрерывно въ теченіе цѣлыхъ сутокъ; къ ночи 28-го оно нѣсколько ослабѣло, но потомъ возобновилось съ новою силою,—причемъ непріятель, въ промежуткахъ между бомбами, пускалъ зажигательныя ракеты.

Во время сего бомбардированія противникъ старался приблизиться къ прилежащимъ къ крѣпости островамъ Скансланду и Кунгсгольменъ, а также къ укрѣпленію Лонгернъ, Николаевской батареѣ и кораблю «Іезекіиль», но постоянно былъ удерживаемъ мѣткими выстрѣлами означенныхъ батарей и корабля; причемъ укрѣпленіе на остр. Скансландѣ дѣйствовало въ особенности успѣшно, не допуская канонерскія лодки приблизиться для обстрѣливанія праваго фланга Цистернской батареи.

Корабль «Россія», поставленъ былъ противъ Густавъ-Вердскаго пролива, для продольнаго его обстрѣливанія. По положенію своему онъ участвовалъ только небольшою частію своихъ орудій, и при всемъ томъ, находясь на продолженіи выстрѣловъ, направляемыхъ съ различныхъ сторонъ на крѣпость, корабль «Россія» получилъ много пробоинъ. Навѣсными непріятельскими снарядами самаго большого калибра (7-ми пудовыя бомбы), пробивались его деки; бомбы разрывало внутри корабля и одна изъ нихъ проникла даже до крюйтъ-камеры. Спасеніемъ своимъ отъ взрыва корабль исключительно обязанъ распорядительности командира своего, капитана 1-го рангѣ

Полонскаго и присутствію духа корпуса морской артиллеріи подпоручика Попова, загасившаго огонь, съ помощію находившейся тамъ прислуги, тотчасъ же послѣ взрыва бомбы.

На лѣвомъ флангѣ, одновременно съ открытіемъ дѣйствія по крѣпости, стоявшіе противъ острова Сандгама, два винтовые корабля и фрегатъ приблизились къ южнымъ батареямъ сего острова, на разстояніи 2-хъ верстъ и открыли по нимъ, равно какъ и по стоявшимъ по близости пяти канонерскимъ лодкамъ 1-го баталіона, самую усиленную пальбу. Батарея № 3-го, какъ находившаяся въ срединѣ атакованнаго пространства, была осыпаема непріятельскими снарядами, но отвѣчала столь дѣятельно и мѣтко, что непріятельскія суда, 28-го іюля около полудня, должны были прекратить канонаду и стать внѣ нашихъ выстрѣловъ. Послѣ того одинъ изъ винтовыхъ кораблей взялъ на буксиръ другой, и оба эти корабля, во все время бомбардированія, не принимали уже никакого участія; обломки отъ этихъ судовъ приплывали даже къ нашимъ батареямъ.

Наступившая ночь не прекратила дѣйствій, напротивъ того, непріятель, пользуясь темнотою, вооружилъ построенную имъ заранѣе, на небольшомъ скалистомъ островѣ Лонгерѣ (находившемся въ его позиціи), мортирную батарею, и ночью на 29-е число открылъ съ нея пальбу, усиливъ въ тоже время бомбардированіе съ своихъ судовъ. Отъ дѣйствія огня загорѣлись на укрѣпленіи Стура-Остеръ-Свартъ-Э портовыя зданія со всѣми принадлежащими къ нимъ мастерскими и складами.

29-го числа, въ 10-мъ часу утра, загорѣлась крыша на капонирѣ въ Густавъ-Вердѣ, гдѣ хранились бомбы и

заряды. Видя близкую опасность для Цистернской батареи и всего Густавъ-Вердскаго укрѣпленія, генералъ-лейтенантъ Сорокинъ вызвалъ охотниковъ для тушенія пожара. Всѣ офицеры, находившіеся въ это время у Цистернской батареи, первые подали примѣръ готовности; за ними послѣдовали нижніе чины и не смотря на огонь, направленный въ это время преимущественно на капониръ, пожаръ скоро былъ потушенъ. Первый вскочившій на крышу для тушенія огня, былъ фейерверкеръ артиллерійскаго гарнизона Михѣевъ.

Во весь день 29-го іюля усиленное бомбардированіе не прекращалось ни на минуту, и лишь къ ночи, ослабѣвая постепенно, затихло совершенно къ 5-ти часамъ утра.

Въ теченіе ночи, съ 29-го на 30-е число, пускаемы были съ непріятельскаго флота конгреговыя ракеты въ крѣпость и прилегающія къ ней укрѣпленія, но безъ успѣха.

30-го іюля, днемъ, непріятель занимался увеличеніемъ своей мортирной батареи на скалѣ Лонгерѣ, и въ ночь бросалъ ракеты на острова Кунгсгольменъ и Скансландъ, но не причинилъ никакого вреда.

31-го іюля непріятель поднималъ свои гребныя суда, а 1-го августа, въ 8 часовъ утра, снялся съ якоря и отступилъ по направленію къ югу. Большія непріятельскія суда: корабли, фрегаты и пароходы, по значительности представляемой ими цѣли, не дѣйствовали противъ крѣпости, избѣгая тщательно поврежденій; канонерскія лодки, участвовавшія въ бою, старались безпрестанно перемѣнять мѣста, при помощи своего винтоваго двигателя.

Все это и было причиною, что кромѣ нѣкоторыхъ пожаровъ, вредъ, нанесенный Свеаборгу крѣпостнымъ вер-

камъ и батареямъ, двухъ-суточнымъ усиленнымъ бомбардированіемъ, оказался вообще ничтожнымъ.

По приблизительному разсчету, непріятель, при бомбардированіи Свеаборга, выпустилъ около 20 тысячъ снарядовъ; потеря же наша въ людяхъ была весьма незначительна, убито: нижнихъ чиновъ 44; ранено: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 110.

И такъ, вотъ тѣ главныя военныя дѣйствія союзнаго флота на Балтійскомъ морѣ и Финскомъ заливѣ. Въ одномъ изъ нихъ (при взятіи Аландскихъ укрѣпленій), непріятельскій флотъ, въ теченіи 8-ми дней, бомбардировалъ столь незначительныя укрѣпленія, какъ на Аландскихъ островахъ, и имѣя десантнаго войска 12,000, едва управился съ такимъ малочисленнымъ гарнизономъ нашихъ храбрыхъ воиновъ, въ 1.700 человѣкъ, — а въ другихъ (въ битвѣ при Гамле-Карлебю и бомбардированіи Свеаборга), потерпѣлъ пораженіе и отступилъ со стыдомъ и значительнымъ урономъ.

Потерпѣвъ окончательную неудачу при бомбардированіи Свеаборга, непріятель не отважился уже болѣе нападать на хорошо защищенные города и крѣпости наши въ Балтійскомъ морѣ и Финскомъ заливѣ, а предпочелъ безнаказанно нападать на беззащитные или мало защищенные города и селенія. Съ этою цѣлью, раздѣлясь на отдѣльныя эскадры, непріятель появлялся въ различныхъ мѣстахъ, для грабежа беззащитныхъ жителей и сожженія ихъ имущества. Не будемъ описывать всѣхъ подобныхъ случаевъ, но укажемъ только на нѣкоторые.

Непріятель, съ цѣлью грабежа, насилія и опустошенія, подходилъ къ нѣкоторымъ мѣстамъ близъ г. Либавы, къ селеніямъ Газенпотскаго уѣзда, Курляндской губерніи,

къ острову Эзелю, къ Біоркэ-Зунду, къ островамъ Мендукари, Гангеуду, Монзунду, острову Гогланду, къ Рижскимъ берегамъ, къ г. Экнесу и многимъ другимъ. Вездѣ, гдѣ только появлялся непріятель, беззащитные жители бѣжали изъ своихъ жилищъ, и тогда Англо-Французы грабили крестьянскіе дворы, забирали все, что попадалось подъ руку, куръ, яйца, поросятъ, коровъ, барановъ, телятъ, картофель, масло, наличныя деньги, если таковыя находили, и всякаго рода имущество и съѣстные припасы; въ гаваняхъ и пристаняхъ, по прежнему, захватывали торговые суда и крестьянскія лодки; выгрузивъ имущество на свои суда, сожигали захваченные корабли и лодки. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣлись какія-либо средства къ сопротивленію, наши отряды, съ содѣйствіемъ жителей, повсюду, съ успѣхомъ отражали непріятеля.

Непріятельскій флотъ, появившійся на Балтійскомъ морѣ 5-го апрѣля 1855 года хотя, и появлялся въ этомъ году на Кронштадтскомъ рейдѣ, но непріязненныхъ дѣйствій противу Кронштадта никакихъ не предпринималъ. Онъ ограбилъ и захватилъ, какъ и въ 1854 году, только нѣсколько мелкихъ крестьянскихъ соймъ и лайбъ, случайно ему попадавшихся. Въ ноябрѣ 1855 года Англо-французскій флотъ окончательно удалился и тогда береговые жители вздохнули свободнѣе.

ГЛАВА VI.

Военныя дѣйствія на Бѣломъ морѣ.

въ 1854 и 1855 годахъ.

Появленіе Англо-французской эскадры на Бѣломъ морѣ 5-го іюня 1854 года.— Грабежи Англичанами прибрежныхъ жителей и захваты судовъ.—Подвигъ крестьянина Чухчина.— Подвигъ государственныхъ крестьянъ села Пушлахты.— Давность основанія Соловецкаго монастыря.— Бомбардированіе Соловецкаго монастыря.— Колокольня и часовня, построенныя въ память бомбардированія св. обители.— Бомбардированіе г. Колы.—Дѣйствія Англо-французской эскадры въ Бѣломъ морѣ въ 1855 г.

Во время восточной войны, Англичане и Французы посылая свои эскадры въ плаваніе и въ отдаленныя моря для нанесенія прибрежнымъ жителямъ, подданнымъ Россіи, наивозможно-большаго вреда, приказывали эскадрамъ разрушать и сжигать наши военныя и морскія, торговыя и промышленныя учрежденія.

Съ таковою же цѣлью послана была эскадра Англо-французскаго флота и въ Бѣлое море, которая появилась тамъ 5-го іюня 1854 года. Эскадра состояла изъ десяти судовъ, изъ нихъ фрегатовъ и корветовъ было: парусныхъ три, винтовыхъ три; одинъ бригъ, одна шкуна и два тендера.

Какъ на Балтійскомъ, такъ и на Бѣломъ морѣ, непріятель, тотчасъ по прибытіи къ берегамъ, началъ, по принятому имъ обычаю, опустошать селенія, лежащія на островахъ и близъ береговъ моря, грабить жителей, захватывать крестьянскія рыбачьи лодки, торговыя шкуны съ мукою и другія русскія купеческія суда. Такъ 11-го іюня 1854 года Англичане захватили на Бѣломъ морѣ четыре русскія купеческія судна съ мукою.

Подобныя дѣйствія свои и грабежи въ деревняхъ и селеніяхъ Англичане повторяли вездѣ, гдѣ только представлялась имъ къ тому возможность, а потому жители были ожесточены противъ непріятеля и гдѣ была возможность, всюду мужественно отражали враговъ, и даже нѣкоторые изъ крестьянъ охотно вызывались на подвиги. Такъ, крестьянинъ Чухчинъ вызвался привезти въ Архангельскъ, находившуюся въ опасности отъ непріятеля на Моржовскомъ маякѣ команду. 17-го іюня, крестьянинъ Чухчинъ, смѣло пройдя на небольшомъ суднѣ, подъ непріятельскими ядрами, причалилъ къ Моржовскому маяку, принялъ съ него офицера и команду съ освѣтительными припасами и благополучно доставилъ въ Архангельскъ.

При нападеніи на село Пушлахту, Онежскаго уѣзда, непріятели требовали отъ жителей провизіи; получивъ отказъ, они высадили на берегъ команду болѣе ста человѣкъ, которая открыла ружейную стрѣльбу противъ вооруженныхъ двадцати трехъ человѣкъ государственныхъ крестьянъ и двухъ нижнихъ чиновъ, находившихся на вторичной службѣ. Команду надъ всѣми 25-ю человѣками принялъ на себя помощникъ Холмогорскаго окружнаго начальника, губернскій секретарь Волковъ. Во время перестрѣлки, съ непріятельскихъ гребныхъ судовъ производили противъ команды пушечную пальбу изъ восьми орудій.

Небольшой отрядъ нашъ, не имѣя возможности сопротивляться высадкѣ, отстрѣливаясь, отступалъ, шагъ за шагомъ, къ лѣсу, выбивъ у непріятеля изъ строя пять человѣкъ убитыми и нѣсколько ранеными, не потерявъ съ своей стороны ни одного человѣка. Крестьяне дѣйствовали съ свойственнымъ русскому народу мужествомъ, ру-

ководствуясь примѣрами какъ нижнихъ чиновъ, такъ и въ особенности губернскаго секретаря Волкова, который убилъ одного англійскаго матроса, изъ числа двухъ, напавшихъ на него. Въ отмщеніе за сопротивленіе, Англичане сожгли село Пушлахту, состоявшее изъ сорока дворовъ, и церковь, со всѣмъ крестьянскимъ и церковнымъ имуществомъ; причемъ поселяне понесли убытка на 8,000 руб. сер., губернскій секретарь Волковъ на 100, нижніе чины на 38 руб. По повелѣнію Государя Императора, строенія и церковь были возобновлены на счетъ казны и отличившіеся вознаграждены.

Непріятели, кромѣ опустошеній и грабежа, причиненныхъ береговымъ жителямъ Бѣлаго моря, рѣшились на святотатственный поступокъ: бомбардировали Соловецкій монастырь,—христіанскую святыню,— обитель иноковъ, посвятившихъ себя на служеніе Господу Богу.

Соловецкій монастырь находится среди Бѣлаго моря, на островѣ, именуемомъ «Соловки,» въ предѣлахъ Архангельской губерніи. Обитель Соловецкая ежегодно посѣщается жителями отдаленныхъ мѣстностей Русской земли, приходящими помолиться, подъ сѣнію Соловецкихъ храмовъ, св. подвижникамъ, основателямъ славной обители Соловецкой. Отъ города Архангельска до Соловецкой обители считается водянымъ путемъ,—по рѣкѣ Двинѣ и моремъ—болѣе 350 верстъ, а отъ ближайшаго берега (отъ Орлова-носа) считается 50 верстъ. Островъ Соловки не великъ: въ длину онъ имѣетъ 25 верстъ, въ ширину 16, а въ окружности до 100 верстъ. Кругомъ Соловецкаго острова находятся пять другихъ, меньшихъ островковъ.

Въ 1429 году на «Соловкахъ» поселились первые жители: преподобные Савватій и Германъ, Соловецкіе чудо-

творцы, а около 1440 года здѣсь уже возникла обитель иноковъ. При третьемъ игуменѣ Соловецкой обители Іонѣ, по прошенію всей братіи, исходатайствована была отъ преосвященнаго архіепископа новгородскаго Іоны и отъ правителей Новгорода—грамота, доставившая монастырю исключительное право на вѣчное владѣніе островами Соловецкими. Это право владѣнія подтверждено было впослѣдствіи Царями Россійскими.

Преподобные Савватій и Германъ, первые обитатели Соловецкаго острова, прожили на немъ шесть лѣтъ и возвратились по обстоятельствамъ на берегъ, оставивъ водруженный деревянный крестъ, на память о своемъ пребываніи, и въ благодарность Господу, сохранившему ихъ невредимо въ пустынной и суровой странѣ. Крестъ этотъ былъ водруженъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ жили св. отшельники, близъ горы Сѣкирной. Св. Савватій и Германъ были не только первыми жителями Соловецкаго острова, но и основателями иноческаго житія на этомъ безлюдномъ островѣ.

Въ 1436 году на Соловецкій островъ прибылъ новый обитатель—преподобный Зосима, а съ нимъ снова прибылъ и преподобный Германъ. Проживъ на Соловецкомъ островѣ нѣсколько времени, преподобные Зосима и Германъ, вслѣдствіе чудеснаго видѣнія, указавшаго преподобному Зосимѣ будущее величіе Соловецкой обители,—рѣшились приступить къ возведенію небольшой деревянной церкви, и при ней нѣсколькихъ келій, для жительства прибывшихъ къ нимъ съ берега благочестивыхъ отшельниковъ. Такъ уже болѣе 400 лѣтъ тому назадъ положено было основаніе Соловецкой обители.

Преподобный Зосима и Савватій, погребенные въ ос-

нованной ими обители, почили въ своихъ могилахъ болѣе восьмидесяти лѣтъ. Въ теченіи этого времени ихъ святость засвидѣтельствовалась многими чудотвореніями, почему въ 1566 году 8 августа святыя мощи ихъ и были перенесены изъ усыпальницъ въ новый придѣлъ, посвященный въ честь имени преподобныхъ Зосимы и Савватія, (нынѣ соборный храмъ), гдѣ они и нынѣ покоятся подъ сѣнью, въ древнихъ деревянныхъ ракахъ, украшенныхъ серебромъ.

Кромѣ святыхъ подвижниковъ и многихъ другихъ святыхъ мужей, подвизавшихся въ Соловецкой обители, приняли здѣсь монашескій чинъ:

Патріархи всероссійскіе: Іоасафъ I и Никонъ; митрополиты: святый Филиппъ московскій, Исидоръ новгородскій, Іларіонъ псковскій, Игнатій тобольскій, Рафаилъ астраханскій, Іовъ новгородскій; архіепископы: Маркелъ вологодскій и Варсонофій архангелогородскій.

Защитникъ Троицко-Сергіевской Лавры инокъ-герой, келарь Авраамій Палицынъ, былъ также постриженникъ Соловецкой обители, гдѣ послѣ великихъ подвиговъ своихъ онъ почилъ мирно въ трудахъ иноческихъ.

Бывшій царь казанскій Эдигеръ, принявшій православную вѣру съ именемъ Симеона, и при Лжедимитріѣ подвизавшійся противъ латинства, также былъ здѣсь постриженъ въ иночество и нареченъ Стефаномъ.

Великій мужъ въ исторіи русской церкви, патріархъ Никонъ, прибывъ въ санѣ священника въ Соловецкую обитель, принялъ иночество въ скитѣ на Анзерскомъ островѣ отъ строителя скита преподобнаго Елеазара, и нѣсколько лѣтъ проводилъ тамъ жизнь въ самыхъ строгихъ подвигахъ.

Много достопамятныхъ происшествій довелось испытать св. обители Соловецкой; два раза обитель была истреблена почти до основанія пожаромъ отъ молніи, а именно въ 1485 и 1538 годахъ. Въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣковъ шведскія войска нѣсколько разъ нападали на Соловецкую обитель. Но Господь всегда спасалъ свою обитель святымъ заступленіемъ Своимъ.

Въ 1666 году Соловецкая обитель сдѣлалась невольнымъ притономъ расколо-учителей, которые оказали свое неповиновеніе соборному постановленію въ исправленіи церковныхъ книгъ. И царское увѣщаніе не подѣйствовало на возмутителей; они заперлись въ монастырѣ на-крѣпко, и рѣшились сопротивляться оружіемъ. Послѣ многихъ кроткихъ мѣръ, предпринятыхъ къ вразумленію непокорныхъ, по повѣленію царя Алексѣя Михайловича, было прислано къ Соловецкому монастырю войско, которое долго содержало въ осадѣ монастырь, не предпринимая никакихъ наступательныхъ дѣйствій, и ожидая отъ мятежниковъ покорности, но наконецъ вынуждено было въ январѣ мѣсяцѣ 1676 года взять монастырь приступомъ.

Въ 1854 году во время плаванія эскадры англо-французскаго флота, Соловецкая обитель подвергалась нападенію англійскихъ войскъ. Два непріятельскихъ парохода, подойдя къ Соловецкому монастырю, 6-го іюля, въ четвертомъ часу по полудни, открыли по немъ канонаду ядрами и бомбами. Въ пятомъ часу канонада замолкла, и къ монастырю явился парламентеръ съ требованіемъ безусловной сдачи, какъ монастыря, такъ и команды въ немъ находившейся. Настоятель монастыря, архимандритъ Александръ отказался исполнить требованіе непріятеля. Англи-

чане, получивъ таковой отказъ, тотчасъ же открыли огонь. Два дня (въ послѣдній день—десять часовъ сряду) бомбардировали враги св. обитель бомбами, ядрами и картечью, но не причинили тѣмъ ни малѣйшаго вреда ея защитникамъ. Бомбы, наполненныя порохомъ, падали на обитель какъ градъ, и къ общему удивленію всей братіи, большею частью не разрывались; нѣкоторыя же, хотя и разрывались, но еще на лету, и падали, не причиняя никому вреда. Только двѣ бомбы пробили икону Знаменія Божіей Матери. Такъ св. Заступница небесная благоволила принять рану, спасая св. обитель Свою.

Въ память нападенія враговъ на св. Соловецкую обитель, построена въ 1862—63 годахъ, на пути отъ святыхъ вратъ къ Преображенскому собору каменная одноярусная колокольня «Царская.» Въ ней помѣщается только одинъ 72 пудовой колоколъ «Благовѣстникъ», пожалованный обители Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ въ 1860 году, въ память войны 1854 года. Колоколъ этотъ вылитъ по Высочайшему заказу на имя Соловецкой обители изъ тѣхъ украшеній, которыя были при погребеніи въ Бозѣ почившаго Императора Николая 1-го. Подъ колоколомъ находятся уложенными чугунныя бомбы, ядра и гранаты, собранныя въ обители и кругомъ ея въ 1854 году, по удаленіи англійскихъ войскъ, а по сторонамъ колокольни поставлены двѣ небольшія мѣдныя пушки, которыми иноки защищались противъ враговъ во время осады.

На правой сторонѣ той же дороги къ Преображенскому собору, построена деревянная часовня, въ которой поставленъ, для поклоненія богомольцевъ, списокъ съ иконы Знаменія Божіей Матери, пробитой бомбами въ войну 1854

года, самая же икона Знаменія Божіей Матери находится надъ западнымъ входомъ въ Преображенскій соборъ, и какъ бы непрестанно осѣняетъ и благословляетъ входящихъ богомольцевъ. Мы уже сказали, что матерь Божія, спасая обитель ,благоволила претерпѣть двѣ раны отъ непріятельскихъ бомбъ. Первую рану надъ главою Пресвятыя Богородицы причинила 96 фунтовая бомба, пробившая послѣ того еще каменную стѣну на вылетъ, въ паперть къ собору. Вторую рану, по ниже лѣвой руки Божіей Матери, причинила 26 фунтовая бомба, которая была найдена только чрезъ годъ послѣ войны, за иконою; уцѣлѣлъ даже порохъ, которымъ она была наполнена. Такъ непріязненныя дѣйствія эскадры англо-французскаго флота противу святыни Соловецкой не увѣнчались успѣхомъ, не смотря на усиленныя дѣйствія.

Бомбардированіе Англичанами города Колы 11 и 12-го августа 1854 года.

Англійскій паровой фрегатъ «Миранда», 9-го августа, въ 10-ть часовъ утра, подошедъ къ г. Кола, (Архангельской губерніи), остановился отъ него въ $1^1/_2$ версты, потомъ производя промѣръ на своихъ шлюпкахъ, разставилъ въ Кольской губѣ баканы и вѣхи. Въ 8-мъ часу вечера слѣдующаго дня, окончивъ промѣръ, фрегатъ «Миранда» приблизился подъ переговорнымъ флагомъ къ городу и сталъ на якорь въ 200 саженяхъ, противъ солянаго магазина. Между тѣмъ, посланная съ фрегата подъ такимъ же флагомъ, шлюпка привезла письменное требованіе безусловной, немедленной сдачи укрѣпленій, гарнизона и г. Колы; въ противномъ случаѣ непріятель грозилъ начать черезъ часъ бомбардированіе.

Адъютантъ военнаго Архангельскаго губернатора, лей-

тенантъ Бруннеръ, посланный въ Колу для приведенія города въ оборонительное положеніе, рѣшительно отвергнулъ предложеніе англійскаго капитана и началъ приготовляться къ отраженію непріятеля. Изъ нѣсколькихъ жителей города Колы и изъ одной части Кольской инвалидной команды, которая вся состояла изъ 53-хъ нижнихъ чиновъ, онъ сформировалъ стрѣлковъ и помѣстилъ ихъ за землянымъ брустверомъ, близъ солянаго магазина; другую часть команды отправилъ на берегъ рѣки Туломы, а третью—на монастырскій къ хлѣбному и винному магазинамъ. Всѣ жители города изъявили готовность жертвовать всѣмъ своимъ имуществомъ, но не сдаваться непріятелю подъ какими бы то ни было условіями. Когда же наступили сумерки, то Кольскій мѣщанинъ Нѣмчиновъ и отставные канцеляристы: Мижуровъ и Васильевъ вызвались снять баканы, поставленные непріятелемъ во время промѣра. Дѣйствительно, ночью они сняли десять бакановъ, а раншину, захваченную непріятелемъ, стащили съ фарватера и поставили на мель.

Рано утромъ 11-го августа непріятельскій фрегатъ началъ осыпать городъ: бомбами, гранатами, картечью, калеными ядрами и коническими ружейными пулями, съ горючимъ составомъ. Съ нашей стороны изъ-за бруствера сдѣлано нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ и надо полагать, что пули долетали до матросовъ фрегата, потому что люди на немъ находившіеся сошли внизъ. Неравный бой, а главное — загорѣвшійся соляной магазинъ близъ бруствера, заставили лейтенанта Бруннера со всѣми стрѣлками удалиться на берегъ рѣки Туломы; въ то же время приказано командѣ, находившейся на монастырскомъ островѣ, ѣхать въ городъ.

Непріятельскіе снаряды произвели губительное дѣйствіе: въ городѣ открылся пожаръ; при тѣсномъ расположеніи строеній и улицъ, вымощенныхъ деревомъ, всѣ усилія къ потушенію пожара оказались безуспѣшными и отъ того сгорѣли: 92 дома, 2 церкви—каменная и деревянная, соляной, винный и хлѣбный магазины. Въ 11-мъ часу вечера непріятель прекратилъ канонаду.

На другой день, 12 августа, съ разсвѣтомъ, бомбардированіе возобновилось, но продолжалось не долго; въ седьмомъ часу утра непріятель, занявшись вторичнымъ промѣромъ, прекратилъ пальбу и поднялъ завезенные верпы, а въ 11-ть часовъ утра ушелъ въ море. Всѣ усилія его зажечь верхнюю часть города остались тщетными, такъ что тамъ уцѣлѣли всѣ дома, Верховская слобода, Уѣздное казначейство и другія присутственныя мѣста.

При бомбардированіи Колы съ нашей стороны убитыхъ и раненыхъ не было.

Архангельскій военный губернаторъ, вице-адмиралъ Бойль немедленно отправилъ къ пострадавшимъ жителямъ 500 руб. сер., и предложилъ Архангельскому гражданскому губернатору перевезть оставшихся безъ пристанища въ мѣста не пострадавшія отъ непріятеля.

Бомбардированіемъ г. Колы закончились въ 1854 году военныя дѣйствія на Бѣломъ морѣ.

Въ 1855 году эскадра англо-французскаго флота снова подходила два раза къ Соловецкой обители, 16-го и 21-го іюня. Въ первый разъ англичане выходили на близлежащій къ обители островъ Заяцкій и, подстрѣливъ 12-ть барановъ, отправили ихъ на свой пароходъ. Во время осмотра церкви, находившійся тутъ старецъ, по имени Мемнонъ сказалъ англичанамъ (въ числѣ ихъ одинъ былъ

говорившій по русски): «Какъ вамъ не грѣхъ нападать на святыню! Вамъ слава будетъ, когда вы города будете брать, а не монастырь; я и самъ солдатомъ былъ, и въ Парижѣ былъ, и города бралъ, а церквей мы не касались». Англичанинъ, говорившій по русски, передалъ своимъ замѣчаніе старца, они всѣ молчали, только говорившій по русски сказалъ старцу: «Мнѣ жаль васъ; Россія добрая, я у васъ по городамъ многимъ бывалъ и въ Кіевѣ и въ пещерахъ былъ; что-жъ намъ дѣлать!... Мы дѣйствуемъ, какъ намъ приказано».

Во второй разъ, 21-го іюня, англичане выходили на тотъ же островъ и требовали, чтобы архимандритъ монастыря прислалъ имъ воловъ, но получивъ отказъ они удалились.

Союзная эскадра, ограбивъ нѣсколько судовъ и крестьянскихъ лодокъ, слѣдовавшихъ моремъ въ разное время, и сдѣлавъ нѣсколько неудачныхъ нападеній на села и деревни, 18-го сентября 1855 года совсѣмъ оставила воды Бѣлаго моря и послѣ того болѣе не появлялась.

ГЛАВА VII.

Военныя дѣйствія на Восточномъ или Тихомъ океанѣ въ 1854 и 1855 гг.

Дѣйствія эскадры Англо-французскаго флота у береговъ Камчатки.—Нападеніе на Петропавловскій портъ 20-го и 24-го августа 1854 года, и замѣчательное пораженіе непріятеля.— Дѣйствія эскадры у береговъ Сибири въ 1855 г.

Непріязненныя дѣйствія Англо-французскаго флота противъ Россіи начаты были одновременно какъ на Бал-

тійскомъ и Бѣломъ моряхъ, такъ и въ Восточномъ океанѣ, у береговъ Камчатки.

Эскадра Англо-французскаго флота, находившаяся въ 1854 году въ плаваніи въ Восточномъ океанѣ, усилясь, прибывшимъ на помощь къ ней 5-го іюля, Англійскимъ 44-хъ пушечнымъ фрегатомъ, первоначально опустошала и раззоряла только берега Камчатки, а съ 17-го по 24-е августа произвела нападеніе на Петропавловскій портъ.

Августа 17-го въ Авачинскую губу вошелъ трехъ-мачтовый пароходъ подъ американскимъ флагомъ; людей на пароходѣ было мало; пароходъ остановился, не доходя мили три до Сигнальнаго мыса; на встрѣчу ему высланъ былъ на вельботѣ штурманскій офицеръ, прапорщикъ Самохваловъ для осмотра; но пароходъ, завидя шлюпку, тотчасъ-же удалился въ море; въ это время на пароходѣ видно было много народу. — Эскадра крейсеровавшая у входа была непріятельская. Американцы, проживающіе въ Петропавловскомъ портѣ, изъявили сильное негодованіе за то, что пароходъ появился подъ флагомъ ихъ націи.

Августа 18-го въ Авачинскую губу вошла вся непріятельская эскадра изъ слѣдующихъ судовъ: трехъ-мачтовый Англійскій пароходъ, одинъ 18-ти пушечный Французскій бригъ, 4 фрегата, два Англійскіе и два Французскіе, всѣ о 188-ми пушкахъ.

При приближеніи непріятеля сдѣлано было съ нашихъ батарей нѣсколько выстрѣловъ, послѣ чего эскадра вышла изъ подъ нашихъ выстрѣловъ и стала на якорь въ отдаленіи, бросивъ нѣсколько ядеръ и бомбъ, которыя, впрочемъ не причинили намъ никакого вреда.

Ночь прошла спокойно. — 19-го августа эскадра стояла въ томъ же положеніи, только три шлюпки дѣлали про-

мѣры и осмотрѣвъ городъ, не приставая къ берегу, воротились къ эскадрѣ.

Вскорѣ пароходъ снялся съ якоря, отправился къ выходу въ море для рекогносцировки, и скрылся за Раковымъ мысомъ. Чрезъ нѣсколько минутъ слышны были 7-мь выстрѣловъ; чрезъ полчаса пароходъ показался на рейдѣ, сталъ на сѣверномъ концѣ эскадры и началъ бросать изъ мортиръ бомбы чрезъ перешеекъ, Сигнальную и Никольскую горы; фрегаты также бросили нѣсколько бомбъ и ядеръ черезъ батарею № 1. Наши батареи молчали, потому что непріятель находился внѣ нашихъ выстрѣловъ; но вскорѣ онъ убѣдился, что, по дальности разстоянія, не можетъ сдѣлать никакого вреда и потому прекратилъ канонаду.

20-го августа, на разсвѣтѣ, замѣчено было, что десантные боты и нѣсколько шлюпокъ наполнялись десантомъ и приставали къ пароходу. Общее движеніе на эскадрѣ, частые сигналы и приготовленія къ снятію съ якоря, показывали, что непріятель намѣренъ сдѣлать рѣшительное нападеніе.

Ожидая нападенія десанта на батарею № 4, Камчатскій военный губернаторъ, контръ-адміралъ Завойко поставилъ первый отрядъ стрѣлковъ и отрядъ волонтеровъ, между батареями № 2 и 4-й, на высотѣ, въ кустахъ. Второй отрядъ расположенъ былъ у Сигнальной горы; а третій — назначенъ былъ на случай тушенія пожаровъ въ городѣ. Отрядамъ приказано не тратить времени на стрѣльбу, а принять непріятеля штыками. Командирамъ фрегата «Аврора» и транспорта «Двина» приказано было защищаться до послѣдней крайности, но если уже нельзя

будетъ дѣйствовать орудіями, то суда зажечь, свезти команду на берегъ и присоединиться къ отрядамъ.

Въ половинѣ 8-го часа, контръ-адмиралъ Завойко пригласилъ на батарею № 1 священника Георгія Логинова отслужить молебенъ. Непріятель, во время чтенія Св. Евангелія, началъ стрѣлять въ батарею бомбами и ядрами, которыя пролетали надъ головами бывшихъ на батареѣ, падали вблизи берега въ малую губу, не причиняя никому вреда. Достойный пастырь не смутился опасностію и продолжалъ служеніе.

Тѣмъ временемъ непріятельскій пароходъ взялъ на буксиръ три фрегата и повелъ ихъ къ Сигнальному мысу. Непріятель медленно приближался. Губернаторъ отдалъ приказаніе стрѣлять, не ранѣе, какъ когда суда подойдутъ на пушечный выстрѣлъ. Вскорѣ непріятель открылъ пальбу, бросая на наши батареи бомбы. Нашъ фрегатъ «Аврора» и транспортъ «Двина», также какъ и батарея № 3, не могли дѣйствовать по непріятелю, по причинѣ дальности разстоянія. Батареи же № 1 и № 4-й были совершенно открыты, и имѣя только 8 орудій, дѣйствовали противу 80-ти орудій трехъ фрегатовъ и парохода, вооруженнаго бомбическими орудіями и мортирами.

Въ исходѣ 10-го часа, командиръ батареи, лейтенантъ Гавриловъ былъ раненъ, почему контръ-адмиралъ Завойко послалъ въ помощь ему подпоручика Губарева. Вскорѣ дано знать, что въ командѣ, кромѣ убитыхъ, есть много раненыхъ каменьями, у орудій повреждены станки, на платформы навалило ядрами каменья и землю, такъ что дѣйствовать орудіями невозможно. Удостовѣрившись лично въ справедливости донесеній, губернаторъ приказалъ заклепать орудія, а остальныя картузы отправить на батарею № 2;

офицерамъ и командѣ, вмѣстѣ съ первою партіею стрѣлковъ, приказано идти къ батареѣ № 4, такъ какъ въ это время отъ фрегатовъ отвалили 13-ть гребныхъ судовъ и два десантные бота съ десантомъ не менѣе 600 человѣкъ. Десантныя суда направились къ мысу южнѣе батареи № 4-го. Съ фрегата «Аврора» сдѣлали по нимъ нѣсколько выстрѣловъ, но ядра не достигали.

Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлали распоряженіе, чтобы батарейные командиры батарей № 3, 6 и 7, не участвовавшіе въ то время въ дѣлѣ, оставивъ у пушекъ по два человѣка, шли съ своими командами для отраженія непріятеля, если онъ устремится съ Краснаго яра, на батарею № 2-й или въ городъ; самъ губернаторъ отправился къ третьему стрѣлковому отряду и повелъ его къ батареѣ № 2, гдѣ присоединился къ нему съ фрегата «Аврора» мичманъ Фесунъ съ командою изъ 32-хъ человѣкъ.

Командиръ батареи № 4, мичманъ Поповъ дѣйствовалъ все время по непріятельскимъ судамъ съ отличнымъ успѣхомъ и не потерялъ ни одного человѣка, не смотря на градъ ядеръ, сыпавшихся на батарею. Когда непріятель, быстро сталъ подвигаться къ берегу, то съ батареи сдѣлано было еще по выстрѣлу изъ каждаго орудія, и потомъ, въ виду десанта, орудія заклепали, а команда, отстрѣливаясь, отступила къ первому отряду стрѣлковъ, спѣшившихъ съ волонтерами на помощь.

Непріятель, занявъ батарею, поднялъ французскій флагъ, но въ это время фрегатъ «Аврора» и транспортъ «Двина» открыли столь удачную пальбу по десанту, что непріятель, не дожидаясь нападенія нашихъ отрядовъ, побѣжалъ къ шлюпкамъ и отвалилъ отъ берега.

Непріятель, принудивъ умолкнуть наши батареи № 1

и № 4-й, направилъ всѣ орудія трехъ фрегатовъ и парохода на батарею № 2-й. Командиръ этой батареи, князь Дмитрій Максутовъ 3-й, хладнокровіемъ своимъ и мужествомъ, оказалъ въ этотъ день неоцѣненную заслугу. Сберегая людей за брустверомъ, въ то время, когда батарею осыпало ядрами, бомбами и гранатами, онъ самъ подавалъ примѣръ неустрашимости, ходилъ по батареѣ и ободрялъ команду. Когда непріятельскій фрегатъ «Президентъ», приближался къ батареѣ, то князь Максутовъ посылалъ мѣткіе выстрѣлы, распоряжался, какъ на ученьи: батарея стрѣляла съ разстановками, но мѣтко, не тратя даромъ пороха; всѣ усилія трехъ фрегатовъ и парохода, заставить замолчать батарею, остались тщетными. Дѣло это продолжалось около шести часовъ; въ это время, съ фрегата «Аврора», мичманъ Фесунъ перевезъ на катерѣ порохъ на батарею князя Максутова.

Въ продолженіе бомбардированія батареи № 2, непріятельскій фрегатъ «Еврдика» и бригъ направлялись два раза, имѣя десантъ въ шлюпкахъ, къ батареи № 3 и были каждый разъ прогнаны ядрами, причемъ одна шлюпка съ десантомъ потоплена. Въ это время на батареѣ распоряжались: лейтенантъ Анкундиновъ и корпуса морской артиллеріи прапорщикъ Можайскій.

Въ половинѣ 7-го часа, фрегаты отступили, и въ этотъ день не возобновляли пальбы.

Въ дѣлѣ 20-го августа съ нашей стороны убитыхъ было нижнихъ чиновъ 6, раненыхъ: 1 оберъ-офицеръ и 12 нижнихъ чиновъ. Потеря непріятеля въ точности неизвѣстна, кромѣ потопленныхъ 50-ти человѣкъ со шлюпкой; поврежденіе на судахъ были значительны, ибо наши ядра долетали большею частію рикошетами и били въ кор-

пусъ судовъ; въ зрительную трубку видны были во многихъ мѣстахъ пробоины. Непріятель, отойдя на позицію, тотчасъ же приступилъ къ исправленіямъ; ночью слышны были плотничьи работы.

Съ 21-го по 23-е августа непріятель продолжалъ исправлять поврежденія. Въ это же время и у насъ исправили поврежденія на нашихъ батареяхъ № 1 и № 4-й; такимъ образомъ непріятель могъ ожидать, со стороны нашей, почти такого же отпора, какъ и 20-го числа.

24-го числа, въ 4 часа пополуночи, замѣчено было движеніе на пароходѣ: непріятель приготовлялъ десантные боты, барказы и шлюпки для своза десанта. Въ это время губернаторъ обошелъ всѣ наши батареи, стрѣлковые отряды и суда; на ободрительныя слова всегда слышалъ единогласный отвѣтъ: «умремъ, а не сдадимся.»

Въ половинѣ 6-го часа утра того же дня, непріятельскіе пароходы съ двумя фрегатами пошли по направленію къ перешейку; непріятель рѣшился попытать счастья съ другой стороны Петропавловскаго порта.

По приближеніи непріятеля, первый огонь открыла наша батарея на перешейкѣ.—56-ть орудій, съ двухъ непріятельскихъ фрегатовъ, отвѣчали батальнымъ огнемъ противу 5-ти орудій и 3-хъ 24-хъ-фунтоваго калибра полупушекъ нашей батареи. Но наша батарея дѣйствовала весьма успѣшно: первыми ядрами сбитъ на непріятельскомъ фрегатѣ «Президентъ», гафель и Англійскій флагъ упали. Англичане поторопились поднять его. Въ это же время, наша команда, осыпаемая ядрами съ другаго непріятельскаго фрегата, состоя на половину изъ молодыхъ солдатъ присланныхъ въ Камчатку изъ Якутска, еще едва привыкшихъ управляться съ орудіями,—дрогнула.

Командиръ батареи князь Александръ Максутовъ 2-й, бросился тогда къ орудію и началъ самъ заряжать его; это подѣйствовало на команду: батарея, во время поддержанная мужествомъ командира, продолжала губительный для непріятельскаго фрегата огонь, и потопила одну шлюпку съ десантомъ. Князь Максутовъ самъ наводилъ орудія до тѣхъ поръ, пока не палъ съ оторванной рукой. Батарея, лишась командира, замолкла. Съ нашего фрегата посланъ былъ, для поддержанія батареи мичманъ Фесунъ, но пока онъ съѣзжалъ на берегъ, непріятель продолжалъ бить въ батарею изо всѣхъ своихъ орудій и привелъ ее въ невозможность дѣйствовать.

Батарея № 7-й, защищенная землянымъ валомъ, держалась нѣсколько долѣе и вредила сколько могла непріятельскимъ фрегату и пароходу. Командиръ ея, капитанъ-лейтенантъ Кораллов, оставался на батареѣ даже послѣ того, когда орудія были сбиты, завалены землею и фашинникомъ, и тогда только раненый онъ былъ увезенъ съ батареи.

Когда оказалось, что батарея не можетъ болѣе дѣйствовать, губернаторъ приказалъ командѣ присоединиться къ отрядамъ.

Сбивъ батареи, непріятель отправилъ десантъ на двухъ десантныхъ ботахъ и 23-хъ гребныхъ судахъ, по направленію къ батареѣ № 7. За десантомъ слѣдовалъ на шлюпкѣ Французскій контръ-адмиралъ, съ обнаженною саблею, отдавая приказанія. Десантъ подходилъ по направленію къ Никольской горѣ и выказывалъ намѣреніе занять гору.

Дѣйствительно часть непріятельскаго авангарда, высадившись на берегъ, обошла Никольскую гору и показалась противъ озерной батареи. Здѣсь непріятель, встрѣ-

ченный картечью, батарейныхъ и полеваго орудій, отступилъ, унося убитыхъ и раненыхъ; вторая попытка непріятеля броситься на батарею была столь же гибельна для него. Командиръ 2-й стрѣлковой партіи, которому приказано было стягивать цѣпь къ тому мѣсту, къ которому устремятся наибольшія силы непріятеля, слѣдя за движеніемъ его къ батареѣ, спустился ниже и открылъ бѣглый огонь. Десантныя войска, не смотря на утесъ, взошли на гору.

Тѣмъ временемъ, другой десантъ направился къ перешейку горы. Чтобъ сбить оттуда непріятеля, губернаторъ Завойко приказалъ отрядить сколько возможно болѣе команды на Никольскую гору. Вслѣдствіе чего съ фрегата «Аврора» посланы были слѣдующіе отряды: 22 человѣка съ батареи № 3-й, подъ командою прапорщика Жилкина, 33 человѣка подъ командою лейтенанта Пилкина, 31 человѣкъ подъ командою мичмана Фесуна. Съ батареи № 2-й посланы было 22 человѣка подъ командою гардемарина Давыдова, между двумя отдѣленіями 3-го стрѣлковаго отряда. Туда же направлены отряды лейтенанта Анкудинова и мичмана Михайлова.

Едва отряды наши стали входить на гору, какъ непріятель былъ уже на гребнѣ и занялъ высоты, почти до самаго перешейка. Самое большое скопленіе десанта было на сѣверной оконечности Никольской горы, откуда непріятель и открылъ жестокій ружейный огонь по нашимъ отрядамъ. Но малочисленные отряды наши, воодушевленные храбрыми командирами, стрѣляя въ непріятеля, дружно бросились впередъ и съ крикомъ «ура» почти въ одно время всѣ ударили въ штыки. Непріятель держался не долго, и, не смотря на свою многочисленность и на храбрость офице-

ровъ, которые умирали, но не отступали, побѣжалъ въ безпорядкѣ, стараясь добраться до гребня; но здѣсь гибель ихъ была неизбѣжна: одни сброшены были съ утеса штыками, другіе сами бросились внизъ, надѣясь спастись и добраться до лодокъ. Утесы Никольской горы крутые сверху, далѣе спускаются почти отвѣсно, а потому искавшіе спасенія, бросаясь, гибли обезображенные. Отступленіе непріятеля съ сѣверной оконечности горы и около перешейка, совершалось въ безпорядкѣ; спустившись съ горы, непріятель съ обѣихъ сторонъ бѣжалъ къ шлюпкамъ, унося трупы товарищей. Отступленіе на гребныхъ судахъ было еще бѣдственнѣе для врага: отряды наши, занявъ высоты, стрѣляли по сплоченной массѣ людей, убитые и раненые падали въ воду или въ шлюпки, откуда раздавались стоны. Одинъ фрегатскій барказъ ушелъ только подъ 8-ми веслами, на другомъ—люди подымали руки, какъ бы прося пощады; нѣсколько человѣкъ брели по горло въ водѣ, стараясь догнать удалявшіяся гребныя суда, и пускались вплавь, но не многіе находили спасеніе. По приближеніи шлюпокъ къ пароходу, онъ взялъ большую часть ихъ на буксиръ, остальныя шлюпки дошли на гребнѣ. Вскорѣ послѣ того фрегаты снялись съ якоря и спустились по направленію къ Торьѣ.

Сраженіе кончилось въ половинѣ 12-го часа. Отряды наши, убравъ раненыхъ, построены были въ каре и принесли благодарственное молебствіе Господу силъ, за дарованіе побѣды надъ врагомъ втрое сильнѣйшимъ.

Въ сраженіи 24-го августа, съ нашей стороны убито: нижнихъ чиновъ 31; ранено: оберъ-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 63. Потеря непріятеля въ сраженіи 24-го числа была не менѣе 300 человѣкъ, а всего, во время напа-

енія на Петропавловскій портъ, до 350 человѣкъ. 38 труповъ оставилъ непріятель въ портѣ. Въ плѣнъ взято 4 человѣка; кромѣ того взяты: Англійское знамя, семь офицерскихъ сабель и 56 ружей.

Непріятель съ 25-го по 27-е августа исправлялъ поврежденія на судахъ, 27-го августа, въ половинѣ 8-го часа по полуночи, непріятельская эскадра снялась съ якоря, вышла въ море и скрылась изъ виду.

Послѣ таковаго рѣшительнаго пораженія, понесеннаго непріятелемъ при Петропавловскомъ портѣ, онъ въ 1854 году болѣе уже не показывался у береговъ Камчатки.

Въ 1855 году эскадра англо-французская хотя также крейсеровала въ Восточномъ океанѣ, но непріязненныхъ дѣйствій, кромѣ мелкихъ грабежей и захватовъ судовъ и крестьянскихъ лодокъ, не предпринимала. Только въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ продолженіе времени отъ 3-го до 17-го числа, непріятель пытался дѣлать нападенія на восточной берегъ Сибири, но безуспѣшно; десантъ англо-французовъ до 400 человѣкъ, подходившій на судахъ къ берегу, мужественно былъ отраженъ вооружившимися жителями и казаками въ числѣ не болѣе 130-ти человѣкъ, подъ командою есаула Пузино, при 2-хъ горныхъ 10-ти фунтовыхъ единорогахъ. Послѣ чего военныхъ дѣйствій на Восточномъ океанѣ не происходило.

ГЛАВА VIII.

Военныя дѣйствія на Закавказской границѣ съ Турціею.

въ 1853, 1854 и 1855 гг.

Война съ Турціею, какъ объяснено въ II-й главѣ, (*) началась неожиданнымъ, разбойническимъ, нападеніемъ и взятіемъ незначительнаго поста нашего св. Николая, 15-го октября 1853 года, послѣ чего и послѣдовалъ Высочайшій манифестъ объ объявленіи войны Россіи съ Турціею. Турки, ободренные первою удачею, продолжали свои нападенія на пограничныя наши владѣнія.

Пограничная открытая мѣстность Закавказья особенно удобна была неожиданнымъ вторженіямъ непріятеля. Между Александрополемъ и сильною турецкою крѣпостью Карсомъ, простирается на 70 верстъ волнистая, безлѣсная равнина. Отъ пограничной рѣки Арпа-чая до подошвы высокаго Саганлугскаго хребта встрѣчаются только два мѣста, гдѣ можно удобно укрѣпиться и отразить непріятеля, а именно: на рѣчкѣ Карсъ-чай и въ 20-ти верстахъ отъ нея, на вершинахъ невысокой цѣпи горъ. Эти двѣ мѣстныя преграды окружены холмистою степью, поросшею ковылемъ, и покрытою мѣстами вспаханными полями. Изрѣдка встрѣчаются здѣсь незначительныя селенія, жители которыхъ укрываются въ землянкахъ, обложенныхъ бу-

(*) Страница 15-я.

лыжникомъ, и кромѣ того, почти въ каждомъ селеніи находится мрачная четырехъ-угольная башня, изъ чернаго тесанаго камня, украшеннаго иногда красными или бѣлыми узорами. Въ закавказскихъ христіанскихъ селеніяхъ въ такихъ башняхъ не рѣдко устроиваются также и храмы; въ нихъ укрываются жители, въ случаѣ неожиданныхъ вторженій мусульманъ изъ Турціи или Персіи.

На покатости горъ и на равнинѣ кочуютъ Курды,—народъ, привыкшій къ грабежамъ и набѣгамъ. Турки, зная воинственность Курдовъ, формируютъ изъ нихъ свою иррегулярную кавалерію, или баши-бузуковъ. Еще за два мѣсяца до начала войны Россіи съ Турціею въ 1853 году, Курды, по наущенію Турокъ, начали грабить пограничныя русскія деревни, населенныя Армянами.

БИТВА ПРИ БАЯНДУРѢ 2 НОЯБРЯ 1853 Г.—Выступленіе Турецкихъ войскъ изъ Карса.—Нападеніе Курдовъ и Турокъ на с. Баяндуръ и отраженіе ихъ.—Прибытіе генералъ-лейтенанта князя Бебутова въ Александрополь и принятіе имъ главнаго начальства надъ войскомъ.—Движеніе отряда князя Орбеліана и открытіе Турецкихъ войскъ.—Упорная артиллерійская битва при с. Баяндурѣ.—Движеніе князя Бебутова къ мѣсту битвы.—Отступленіе Турокъ за Арпа-чай.—Подвигъ драгунскаго дивизіона.—Подвиги безстрашія нижнихъ чиновъ.

30-го октября, вечеромъ, князь Барятинскій, командовавшій русскою арміею, за болѣзнію главнокомандующаго князя Бебутова, получилъ извѣстіе, что сильный турецкій корпусъ выступилъ изъ Карса и расположился для ночлега между Баяндуромъ и развалинами Ани, древней столицы Армянскаго царства. Лазутчики утверждали, что всѣхъ непріятельскихъ войскъ до 40,000, и что Турки намѣреваются ночью предпринять рѣшительное нападеніе на Александрополь. Русскій отрядъ, защищавшій Александрополь, состоялъ въ то время только изъ 6-ти бата-

ліоновъ. Чтобы не допустить непріятеля до вторженія въ Русскую землю, князь Барятинскій рѣшился со всѣмъ отрядомъ выступить на встрѣчу непріятелю. Боевая позиція занята была въ 4-хъ верстахъ отъ Александрополя.

Около полудня казаки встрѣтили курдскіе разъѣзды близъ села Баяндуръ. Мало по малу стали показываться и регулярные турецкіе полки. Видя многочисленность непріятеля, казаки, перестрѣливаясь, отступили къ позиціи, гдѣ уже всѣ войска русскаго отряда заняли назначенныя имъ мѣста. Армяне, жители села Баяндуръ, не оставляли своихъ жилищъ до самаго начала битвы, и потому болѣе всѣхъ пострадали отъ хищниковъ. Курды, мгновенно, ворвались въ селеніе и начали убивать беззащитныхъ женъ и дѣтей. Чтобы защитить несчастныхъ жителей Баяндура, казаки снова заняли селеніе, прогнавъ оттуда хищниковъ Курдовъ; но въ это время непріятельская кавалерія, числомъ до 2,000, окружила казачій отрядъ со всѣхъ сторонъ.

Полковникъ Камковъ, посланный княземъ Барятинскимъ съ одною сотнею линейцевъ на помощь казакамъ, лихою атакою своею остановилъ натискъ Курдовъ. Непріятель поспѣшно бросился изъ селенія къ главнымъ силамъ, а жители Баяндура, пользуясь смятеніемъ непріятеля, поспѣшили оставить свои раззоренныя жилища и укрылись въ Александрополь, и въ близлежащія селенія. Грабежи и пожары продолжались всю ночь и весь слѣдующій день.

Это была первая схватка русскаго войска съ турецкою арміею, вторгнувшеюся въ русскія владѣнія. 1-го ноября пріѣхалъ въ Александрополь генералъ-лейтенантъ князь Бебутовъ и принялъ главное начальство надъ русскимъ

войскомъ. Князь Бебутовъ зналъ храбрость и стойкость кавказской арміи и былъ твердо убѣжденъ, что съ такимъ войскомъ нечего опасаться многочисленной турецкой арміи, угрожающей Закавказскому краю. Привѣтствуя баталіоны князя Паскевича полка, прославившагося еще подъ прежнимъ названіемъ пѣхотнаго Ширванскаго,— князь Бебутовъ замѣтилъ, что въ строю уже нѣтъ болѣе прежнихъ его сподвижниковъ, защищавшихъ нѣкогда вмѣстѣ съ нимъ Ахалцыхскую крѣпость. Въ отвѣтъ на слова князя, въ рядахъ послышался крикъ: «постараемся замѣнить ихъ, ваше сіятельство.»

На другой день, 2 ноября, князь Бебутовъ приказалъ г. м. князю Орбеліану выступить изъ Александрополя, съ 9-ю баталіонами пѣхоты, $3^1/_2$ батареями артиллеріи, двумя дивизіонами драгунъ, сотнею донскихъ казаковъ и 1000 милиціонеровъ. Князю Орбеліану было приказано, слѣдуя внизъ по Арпачаю, прикрыть переселеніе жителей армянскихъ деревѣнь, ближайшихъ къ Александрополю. Кромѣ того, князю Орбеліану приказано было удостовѣриться въ числѣ и расположеніи непріятельскихъ войскъ, и, въ случаѣ возможности, оттѣснить ихъ за пограничную рѣчку Арпа-чай.

Едва только колонна князя Орбеліана прошла нѣсколько верстъ отъ Александрополя, какъ вдали показались уже непріятельскія партіи. Русскія войска построились въ боевой порядокъ. Первая линія, перейдя глубокій оврагъ, заняла небольшую высоту, гдѣ вскорѣ была аттакована непріятельскою кавалеріею; нѣсколько мѣткихъ выстрѣловъ картечью разсѣяли непріятеля, такъ что вторая линія боевого расположенія русскихъ войскъ могла безпрепятственно переправиться черезъ оврагъ. Уже русскіе

полки готовились снова начать наступленіе, какъ непріятельская кавалерія раздалась въ обѣ стороны, и отрядъ, совершенно неожиданно, былъ встрѣченъ сильнымъ залпомъ непріятельской батареи въ 40 орудій. За батареею виднѣлся тридцати-тысячный турецкій корпусъ, расположенный впереди села Баяндуръ.

Такъ русскому отряду пришлось сражаться не съ шайками баши-бузуковъ, а съ турецкими регулярными войсками, превосходящими русскій отрядъ болѣе чѣмъ въ шесть разъ. Въ дыму выстрѣловъ уже сверкали штыки турецкой пѣхоты (низама).

Съ обѣихъ сторонъ началась сильная канонада. Много храбрецовъ уже выбыло изъ строя; много артиллерійскихъ лошадей было убито и ранено. Продолжать наступленіе было невозможно; толпы кавалеріи окружали русскій отрядъ и легко могли захватить раненыхъ или завладѣть обозомъ. Князь Орбеліанъ приказалъ тогда остановить наступленіе и продолжать сильный артиллерійскій огонь, выжидая непріятельской атаки.

Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени, на лѣвый флангъ русскаго отряда двинулись густые ряды пѣхоты и шесть эскадроновъ кавалеріи. Въ то же время противъ праваго фланга отряда показались также большія массы непріятельской пѣхоты. Князь Орбеліанъ, подкрѣпивъ средину 1-й линіи двумя ротами сапернаго баталіона, открылъ по непріятельской пѣхотѣ огонь изъ всѣхъ орудій. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ выстрѣловъ, непріятельская пѣхота отступила въ лощину и болѣе не показывалась.

Пока продолжалась канонада, курдская кавалерія, незамѣтно выѣхавъ изъ лощины къ правому флангу отря-

да, стремительно бросилась на обозъ; часть ея успѣла прорвать 2-ю Елисаветпольскую дружину, прикрывавшую обозъ, и начала грабить вьюки. Но на подкрѣпленіе милиціонерамъ подоспѣлъ во-время полковникъ Тихоцкій съ пикинернымъ дивизіономъ драгунъ и стремительно атаковалъ Курдовъ. Смятые ударомъ драгунъ, Курды обратились въ бѣгство. Драгуны преслѣдовали ихъ до рѣчки Арпа-чая.

Между тѣмъ, непріятельскія батареи продолжали сильный огонь по колоннамъ русскаго отряда, стрѣляя большею частью залпами. Ожесточенный артиллерійскій бой, начавшійся съ половины втораго часа по полудни, продолжался, не прекращаясь ни на минуту, до половины седьмаго часа вечера, т. е. до наступленія совершенной темноты.

Услыхавъ сильную канонаду, князь Бебутовъ тотчасъ же приказалъ остававшимся въ крѣпости войскамъ поспѣшить на помощь товарищамъ. Три баталіона, прибывшіе только наканунѣ, три дивизіона драгунъ, сотня донскихъ казаковъ, двѣ сотни линейцевъ и 12 орудій, составили особую колонну, подъ начальствомъ генералъ-маіора Кишинскаго. При этой колоннѣ находился и самъ князь Бебутовъ.

Въ 3½ часа по полудни, колонна бѣглымъ шагомъ направилась къ мѣсту битвы, кратчайшимъ путемъ, по лѣвому берегу р. Арпа-чая. Но колонна прибыла на поле сраженія только часъ спустя послѣ заката солнца. Въ это время огонь по всей линіи уже почти затихъ; князь Бебутовъ, не рѣшаясь атаковать ночью непріятеля, расположеннаго на сильной позиціи, приказалъ войскамъ отдохнуть. На разсвѣтѣ князь Бебутовъ намѣренъ былъ дви-

нуться впередъ всѣми силами и заставить непріятеля очистить лѣвый, т. е. русскій, берегъ пограничной рѣки Арпа-чая; но Турки, узнавъ объ усиленіи русскаго отряда, не дождались утра и ночью отступили за Арпачай.

Князь Бебутовъ, видя, что цѣль его движенія достигнута, возвратился въ Александрополь, потому что войска, утомленныя ночнымъ переходомъ, нуждались въ отдыхѣ. Къ тому же, надобно было, съ минуты на минуту, ожидать новаго вторженія Турокъ и приготовиться дать имъ сильный отпоръ.

Въ донесеніи своемъ князю Воронцову, князь Бебутовъ писалъ, что дѣйствія артиллеріи, бывшей въ бою при Баяндурѣ, выше всякихъ похвалъ; артиллеристы исполняли долгъ свой съ полнымъ хладнокровіемъ и знаніемъ дѣла; выстрѣлы изъ русскихъ орудій были такъ мѣтки, что безпрерывно приводили въ замѣшательство прислугу непріятельскихъ орудій.

Драгунскій пикинерный дивизіонъ, отразившій стремительную атаку Курдовъ, лихо кинулся на враговъ, и только мужеству драгунъ войска обязаны сохраненіемъ обоза своего. Пѣхота всего отряда простояла 5 часовъ подъ сильнымъ огнемъ 40 турецкихъ орудій, и все это время сохраняла полный порядокъ, какъ будто войска были на ученьи. Пѣсенники 3-й роты Эриванскаго карабинернаго полка затянули лихую боевую пѣсню, не обращая вниманія на ядра, которыя безпрерывно падали кругомъ ихъ. Пѣсня не прервалась и въ то время, когда непріятельскимъ ядромъ вырвало двухъ пѣсенниковъ изъ кружка. Въ рядахъ солдатъ шутки не умолкали; видя падающую гранату, солдаты весело кричали: «ребята, ле-

титъ чиненка,—берегите патроны, а то загорятся!» Если граната проносилась мимо, слышался снова голосъ какого нибудь балагура: «это, должно быть, не наша; прощай, голубушка, счастливый тебѣ путь! А теперь смотри, ребята, не зѣвай, летитъ прямо въ насъ круглякъ 12-ти фунтовый. Стой крѣпче, дороги не давай, онъ вѣдь турецкій, почтенія не стоитъ!»

Въ дѣлѣ подъ Баяндуромъ такими шутками особенно отличался Эриванскаго полка унтеръ-офицеръ Литвиненко. Онъ исправлялъ должность фельдфебеля, и на мѣста убитыхъ и раненыхъ, въ первой шеренгѣ, ставилъ достойныхъ, по его мнѣнію, солдатъ, приговаривая: «встань, братецъ, сюда, ты больше прослужилъ, тебѣ и почету надо побольше!»

Въ 3-й стрѣлковой ротѣ также раздавалась лихая солдатская пѣсня. Одинъ изъ пѣсенниковъ, рядовой Магалинъ, указывая на упавшее вблизи ядро, замѣтилъ: «это Турокъ прислалъ къ намъ охотника, послушать нашихъ пѣсень!»

Подъ старшимъ канониромъ батарейной № 1 батареи, Григоріемъ Желущенко, во время дѣла, убито было четыре лошади. Каждый разъ онъ хладнокровно и молча замѣнялъ убитую лошадь другою. Только когда четвертая лошадь подъ нимъ упала, онъ съ досадою замѣтилъ: «эхъ, бѣсъ ихъ возьми, что же они, въ самомъ дѣлѣ, ко мнѣ привязались!»

Фейерверкеръ 2-го класса Егоръ Селиверстовъ, находясь уноснымъ фейерверкеромъ втораго орудія, былъ сильно контуженъ ядромъ въ лѣвую руку. Взводный офицеръ отослалъ его въ перевязочный пунктъ; но Селиверстовъ, видя, что на это время у № 4 оторвало обѣ ноги, отвѣ-

чалъ: «у меня правая рука цѣла, я могу подвинчивать клинъ и наводить орудіе; позвольте мнѣ встать 4-мъ нумеромъ!» Товарищи повязали ему платкомъ руку и онъ до конца битвы былъ при орудіи.

Въ Баяндурскомъ дѣлѣ съ нашей стороны было убито: офицеровъ 9, нижнихъ чиновъ 308; ранено: офицеровъ 42, нижнихъ чиновъ 728.

Потеря непріятеля простиралась до 1000 человѣкъ убитыми; но, кромѣ того, много раненыхъ Турокъ размѣщено было во всѣхъ окрестныхъ деревняхъ. Турецкая кавалерія въ особенности пострадала во время баяндурской канонады. Главнокомандующій турецкою арміею, видя, что Курды разсѣеваются отъ выстрѣловъ русской артиллеріи и производятъ только смятеніе и безпорядокъ, почелъ за лучшее отдѣлить ихъ отъ войска и разослалъ небольшими отрядами по всей турецко-русской границѣ.

Сраженіи при с. Али-Кисили и подъ Ахцуромъ, 4-го и 6-го декабря 1853 года.

Послѣ блистательнаго дѣла 2-го ноября при Баяндурѣ, непріятель пытался произвести вторженіе въ предѣлы Гуріи, а также къ сѣверу отъ Алаксандрополя и въ Армянскую область, но всѣ его попытки были отражены съ значительнымъ для него урономъ.

Такъ, 4-го ноября, шедшая изъ Александрополя милиція подъ командою полковника князя Орбеліана, застигла непріятеля, перешедшаго рѣку Арап-чай и вторгнувшагося въ селеніе Али-Кисили. Полковникъ князь Обреліанъ, для аттаки Турокъ, раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ части, и съ одною ударилъ на непріятеля, бывшаго въ деревнѣ, а другою старался отрѣзать ему путь отступленія отъ Арап-чая.

Смятые и опрокинутые Турки, бросивъ добычу, искали спасенія по одиночкѣ, оставивъ въ нашихъ рукахъ до 20 тѣлъ своихъ убитыхъ и до 24-хъ плѣнныхъ; съ нашей же стороны потери не было.

6-го ноября, Турки въ значительныхъ силахъ атаковали малочисленный отрядъ нашъ, состоявшій изъ двухъ ротъ Бѣлостокскаго и двухъ Брестскаго пѣхотныхъ полковъ, которыя охраняли Ахцуръ, прикрывавшій сообщеніе Ахалцыха чрезъ Боржомское ущелье въ Гори. Начальствовавшій ротами, командиръ Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка, полковникъ Толубѣевъ, узнавъ о приближеніи Турокъ, занялъ позицію, совершенно закрывавшую ущелье, по которому пролегаетъ единственная дорога въ Гори. Турки, рѣшившись во-что бы то ни-стало прорваться по этому пути, цѣлую ночь производили нападенія на горсть мужественныхъ русскихъ войскъ. Нѣсколько разъ пѣхота наша ходила въ штыки на непріятеля, лишь только онъ отваживался приближаться къ позиціи. Ночью Ахцурскій отрядъ получилъ въ подкрѣпленіе еще одну роту Бѣлостокскаго полка и пять сотень Грузинской пѣшей милиціи.

Между тѣмъ командиръ Брестскаго пѣхотнаго полка г. м. Бруннеръ, узнавъ о наступленіи непріятеля, спѣшилъ изъ Боржома съ тремя ротами ввѣреннаго ему полка на подкрѣпленіе отряда.

Въ семь часовъ утра г. м. Бруннеръ прибылъ на мѣсто дѣйствія и, построивъ свой отрядъ въ двѣ линіи, двинулъ его въ штыки на непріятеля, котораго регулярныя войска также тронулись съ своей позиціи для нападенія. Ударъ нашъ былъ силенъ; Турки не выдержали его и бросились назадъ. Тогда г. м. Бруннеръ устремился на

разстроеннаго непріятеля своею второю линіею, и преслѣдуя непріятеля по пятамъ, гналъ болѣе семи верстъ.

Непріятель оставилъ въ нашихъ рукахъ 90 человѣкъ одними убитыми, одно орудіе, четыре знамя, три значка, множество ружей, снарядовъ и аммуниціи. Съ нашей стороны убито: нижнихъ чиновъ 4; ранено: оберъ-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 26, милиціонеровъ убито 2, ранено 4.

БИТВА ПОДЪ АХАЛЦЫХОМЪ 14 НОЯБРЯ 1853 Г.—Прибытіе генералъ-лейтенанта князя Андронникова въ Ахалцыхъ.—Расположеніе непріятеля.—Наступленіе нашихъ войскъ.—Взятіе Верхняго Суплиса, занятіе Суплисскихъ садовъ и аула и преслѣдованіе непріятеля.—Кавалерійское дѣло на высотахъ Посховъ-чай и прекращеніе боя.—Подвиги храбрости и мужества нашихъ войскъ.

Командовавшій отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, генералъ-лейтенантъ князь Андронниковъ, 12-го ноября прибылъ въ Ахалцыхъ съ войсками, занимавшими Боржомское ущелье. По соединеніи съ Ахалцыхскимъ гарнизономъ, отрядъ князя Андронникова состоялъ изъ семи съ половиною баталіоновъ, семнадцати орудій, девяти сотенъ казаковъ и болѣе полуторы тысячи милиціи.

Турецкій корпусъ, подъ начальствомъ Ферила-Али-Паши (генералъ-лейтенанта) и двухъ Ливовъ (генералъ-маіоровъ), въ числѣ 18-ти тысячъ съ 13-ю орудіями стоялъ близъ Ахалцыха, занимая чрезвычайно сильныя позиціи въ с. Суплисъ за рѣкою Посховъ-чай и въ с. Абъ и Сизень, на горахъ къ югозападу отъ новаго города. Сверхъ того высокій хребетъ, идущій по правую сторону Посховъ-чая отъ Ахалцыха къ Суплису, былъ также занятъ и укрѣпленъ Турками. Непріятель, какъ видно, намѣревался выждать нападенія Русскихъ войскъ въ своей неприступной позиціи, и потомъ, отразивъ атаку, перейти въ наступленіе и броситься на городъ.

13-го ноября князь Андронниковъ произвелъ рекогносцировку, пригласивъ съ собою начальниковъ отдѣльныхъ частей и офицеровъ генеральнаго штаба. Убѣдясь въ совершенной невозможности атаковать непріятеля со стороны с. Абъ, онъ рѣшилъ идти 14-го ноября, со всѣми силами на с. Суплисъ.

14-го ноября, въ 4 часа утра, войска были направлены къ выходу изъ стараго города. Легкій туманъ, носившійся въ долинѣ Посховъ-чая, сталъ разсѣеваться.

Не было надобности воодушевлять войска, напоминать имъ о долгѣ и храбрости: каждый горѣлъ желаніемъ вступить въ бой.

При первомъ мерцаніи утренней зари, князь Андронниковъ повелъ войска двумя колоннами; лѣвая подъ начальствомъ генералъ-маіора Ковалевскаго: изъ 4-хъ баталіоновъ, 14-ти легкихъ орудій, двинулась по дорогѣ въ Суплисъ. По переходѣ лощины за с. Ивлитъ, войска поднялись съ своей батареей на высоту лѣваго берега Посховъ-чая, въ разстояніи пушечнаго выстрѣла. Тогда 14-ть нашихъ орудій стали на позицію; сзади ихъ, на скатѣ лощины, расположилъ свои баталіоны генералъ-маіоръ Фрейтагъ. Спустя нѣсколько минутъ, частая канонада загорѣлась съ обѣихъ сторонъ и вскорѣ Суплисъ и высоты, занятыя русскою батареею, покрылись облаками дыма.

Правая колонна, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бруннера, состоящая всего изъ 2-хъ баталіоновъ, 6-ти ротъ и 4-хъ горныхъ орудій,—направилась вправо и, скрытая за высотами отъ непріятеля, быстро двигалась впередъ, чтобы успѣть отрѣзать Туркамъ путь отступленія на г. Вале. Милиція и кавалерія, прикрывавшая фланъ колонны, шла еще правѣе.

Между тѣмъ пальба болѣе и болѣе усиливалась, и князь Андронниковъ, прибывъ съ колонной генерала Бруннера на высоты противъ Суплисскихъ садовъ, приказалъ открыть огонь изъ горныхъ орудій. Милиція и казаки стали на оконечности праваго нашего крыла.

Слишкомъ три часа продолжалась оглушительная канонада: съ обѣихъ сторонъ, на пространствѣ квадратной версты, гремѣло болѣе 30-ти орудій. Князь Андронниковъ, выждавъ удобное время для атаки непріятеля, послалъ генералу Фрейтагъ приказаніе идти на Суплисъ съ егерями и въ тоже время направилъ къ рѣкѣ колонну генерала Бруннера, чтобы аттаковать ею сады Суплисскіе по первому «ура», которое загремитъ въ колоннѣ генерала Ковалевскаго.

Густой дымъ, разстилаясь всюду, закрылъ предметы такъ, что въ пятидесяти шагахъ ничего не было видно. Турецкая артиллерія усиливала огонь своихъ орудій, не жалѣя снарядовъ.

Войска наши двинулись: генералъ Фрейтагъ съ двумя баталіонами Виленскаго полка, спустясь съ высотъ на дно долины Посховъ-чая, бросился на аулъ; 6-ть ротъ посланы были прямо чрезъ долину, а двѣ роты переведены по мосту, влѣво, подвигались по узкой дорогѣ, пролегавшей у подошвы скалъ. Градомъ сыпались непріятельскія пули и картечь. У рѣки, вблизи непріятельской батареи, генералъ Фрейтагъ, направляя колонны, былъ раненъ въ руку и контуженъ въ животъ. Послѣ него команду принялъ генеральнаго штаба подполковникъ Циммерманъ, который повелъ впередъ баталіоны и взялъ штурмомъ аулъ.

Ни глубина рѣки и стремительное ея теченіе, ни высокій, обрывистый берегъ, ни смертоносный артиллерійскій

и ружейный огонь непріятеля, производимый въ 50 и 70-ти саженяхъ, не могли остановить геройскаго наступленія Русскихъ. Перейдя Посховъ-чай на глубинѣ выше пояса, егеря стали взбираться на обрывистый берегъ, помогая другъ другу и подавая ружья. Штабсъ-капитанъ Посольскій и прапорщикъ Шестериковъ подавали собою примѣръ солдатамъ. Цѣпь отъ шести ротъ, поддержанная двумя ротами, поднявшись на скалы, выстроилась на верху обрывистаго берега, въ сорока саженяхъ отъ вершины, гдѣ были расположены завалы и стояли 7 непріятельскихъ орудій. Регулярная пѣхота турецкая скрывалась нѣсколько позади орудій, въ оградѣ аула, и стрѣляла оттуда батальнымъ огнемъ. Егеря крикнули «ура», и не обращая вниманія на пальбу, пошли впередъ. Въ одно мгновеніе они взбѣжали на высоту, взяли завалы, захватили орудія, и откинули непріятельскую пѣхоту. Здѣсь Виленскаго полка подпоручикъ Даниловъ первый вскочилъ на непріятельскую батарею и палъ на ней. Не останавливаясь на батареѣ, егеря ворвались въ аулъ. Турецкая пѣхота сначала отступала, медленно отстрѣливаясь, и при сильномъ напорѣ отбиваясь штыками, будучи выбита изъ аула, она пыталась держаться въ садахъ. Часть турецкихъ войскъ засѣла въ сакляхъ, и стрѣляла изъ оконъ и дверей; жаркая ружейная перестрѣлка загорѣлась и въ аулѣ.

Одновременно съ нападеніемъ Виленскаго егерскаго полка на фронтъ непріятельской позиціи, генералъ Бруннеръ напалъ на Турокъ, засѣвшихъ въ садахъ. Ведшій колонну генеральнаго штаба полковникъ Дрейеръ, былъ контуженъ въ голову, но не оставилъ фронта. И здѣсь баталіоны Брестскаго и Бѣлостокскаго пѣхотныхъ полковъ пере-

шливъ бродъ быструю Посховъ-чай, и съ крикомъ «ура» кинулись впередъ, не смотря на картечь и батальный огонь непріятеля. Находившійся при этой же колоннѣ генеральнаго штаба подполковникъ Фрейтангъ былъ здѣсь также раненъ, но оставался въ войскахъ до окончанія дѣла.

Въ центрѣ, егеря, подкрѣпленные своими резервами, заняли наружную ограду селенія и завязали перестрѣлку съ турецкою пѣхотою, стоявшею въ садахъ. Въ аулѣ бой еще продолжался; многія сакли приходилось брать штурмомъ. Засѣвшіе въ нихъ Турки отчаянно защищались, какъ люди добровольно обрекшіе себя на вѣрную погибель. У минарета человѣкъ тридцать мусульманъ, изъ Суплисскихъ жителей, бросились, безъ оружія и съ четками въ рукахъ на встрѣчу нападающимъ, умоляя о пощадѣ. Ни одинъ изъ нихъ не былъ тронутъ, ибо и въ пылу боя, солдаты русскіе не нападали на безоружныхъ. Видя упорство обороняющихся, генералъ Ковалевскій двинулся съ 4-мъ баталіономъ Виленскаго егерскаго полка и поддержалъ атакующихъ.

Въ это время пришло донесеніе о появленіи на нашемъ правомъ флангѣ большихъ массъ турецкой кавалеріи и пѣшей милиціи. Для встрѣчи ихъ, князь Андронниковъ отправилъ казаковъ, пославъ съ ними и находившійся при немъ конвой,—Горійскую дворянскую сотню, подъ начальствомъ предводителя Горійскаго дворянства, поручика князя Эристова.

Тѣмъ временемъ, послѣ упорнаго боя, непріятель былъ выбитъ изъ садовъ и строеній Верхняго Суплиса, и занялъ позицію на высотахъ и скалахъ, въ близкомъ разстояніи отъ селенія, но и тутъ Турки не могли удержаться: егеря

и остальные баталіоны взобрались на высоты и выбили непріятеля изъ его крѣпкой позиціи.

Аулъ и сады были наконецъ заняты. Тогда войска наши пріостановились, ибо надобно было сдѣлать распоряженіе для преслѣдованія: стянуть колонны и подкрѣпить передовую цѣпь, которая, увлеченная успѣхомъ, стремилась впередъ. Генералъ Бруннеръ, принявъ начальство надъ передовыми войсками, сомкнулъ колонны и стройно двинулся далѣе. Мѣстность шла постепенно возвышаясь. Передовая цѣпь наша изъ застрѣльщиковъ всѣхъ трехъ бывшихъ въ бою полковъ, подъ командою подполковника Циммермана, быстро двигалась впередъ, производя при каждой остановкѣ безпрерывный огонь. Часть пѣшей милиціи, подъ начальствомъ маіора князя Кабулова, шла вмѣстѣ съ цѣпью. Турки безостановочно отступали на разстояніи пяти верстъ, до с. Малый Памачъ, гдѣ полагали соединиться съ бѣжавшими войсками идя со стороны Сизеля. Восточнѣе с. Памачъ, три баталіона регулярной пѣхоты, съ тремя орудіями и два эскадрона регулярной кавалеріи, заняли позицію и открыли сильный пушечный и ружейный огонь по наступающимъ нашимъ войскамъ, но ничто не могло остановить побѣдоносныя войска наши.

Цѣпь подъ начальствомъ подполковника Циммермана, пошла въ штыки и непріятель, выбитый изъ своей позиціи, поспѣшно отступилъ бросивъ три орудія. Все поле за Памачемъ покрылось бѣгущими Турками; порядокъ въ рядахъ ихъ совершенно изчезъ — все обратилось въ смѣшанную толпу.

Здѣсь остановлено было преслѣдованіе, утомленнымъ солдатамъ надобно было дать отдыхъ; князь Андронни-

ковъ, обходя войска, благодарилъ за труды и мужество, и поздравлялъ съ побѣдой.

Во время взятія съ боя с. Суплисъ, на высотахъ лѣваго берега Посховъ-чая происходило кавалерійское дѣло. Здѣсь, какъ уже сказано, значительный непріятельскій отрядъ изъ кавалеріи и пѣшей милиціи, быстро спустился съ высотъ Абасъ-Туманскихъ, и атаковалъ нашу конницу. Князь Андронниковъ приказалъ обратить противъ нихъ, изъ большой батареи, два горныя орудія и двѣ изъ отбитыхъ у непріятеля пушекъ. Казаки же, подъ начальствомъ подполковника Бирюкова и Есаула Борисова и дворянская сотня стремительно ударили на непріятеля, обративъ въ бѣгство его конницу, и нагнавъ пѣшихъ Аджарцевъ, положили на мѣстѣ болѣе двухъ сотъ человѣкъ; уцѣлѣвшіе бѣжали и при всемъ своемъ стараніи, не могли присоединиться къ главному отряду. Съ закатомъ солнца бой прекратился.

Храбрыми нашими войсками отбито у непріятеля: 12-ть орудій, изъ которыхъ 9-ть полевыхъ, съ передками и лафетами и 2 горныя; 9-ть зарядныхъ ящиковъ и 2 зарядныя фуры; 5-ть большихъ и 12-ть ротныхъ знаменъ, 6-ть значковъ, 2 артиллерійскіе парка, въ которыхъ найдено девяносто вьюковъ съ артиллерійскими зарядами и патронами, 42 боченка пороха и 160,000 патроновъ. Сверхъ того взяты: канцелярія командовавшаго турецкимъ корпусомъ, Али-Паши, лагерь непріятельскій, множество оружія, аммуниціи, лошадей; огромные запасы муки, ячменя, и проч

Первымъ слѣдствіемъ нашей побѣды было то, что жители Посховскаго Санджака прибѣгли къ князю Андронникову съ письменнымъ изъявленіемъ покорности Россіи.

Потеря наша въ этой кровопролитной битвѣ не столь значительна, какъ можно было ожидать, судя по сильной канонадѣ и упорному бою во время атаки, преслѣдованія и кавалерійскаго дѣла. Съ нашей стороны убито: 1 оберъ-офицеръ, 48 человѣкъ нижнихъ чиновъ и 9-ть милиціонеровъ; ранено: генераловъ 1, штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 193 человѣка и 23 милиціонера; контужено: штабъ-офицеровъ 1, оберъ-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 49 человѣкъ и 31 милиціонеръ.

Уронъ понесенный непріятелемъ весьма значителенъ; онъ потерялъ болѣе 1500 человѣкъ убитыми, число раненыхъ простирается до 2,000 человѣкъ и сверхъ того вовсе не досчитано непріятелемъ 2½ баталіоновъ. Въ плѣнъ взято только 120 человѣкъ.

Славное дѣло это подъ Ахалцыхомъ, начальствующія лица относятъ преимущественно къ мужеству и неутомимости Русскихъ солдатъ, геройски выдерживавшихъ сильную артиллерійскую канонаду въ продолженіе пяти часовъ, двухъ-часовой сильный картечный и ружейный огонь и, наконецъ, рукопашный бой въ продолженіе четырехъ часовъ, при движеніи по горамъ и пересѣченной мѣстности. Русскіе солдаты доказали этимъ боемъ, что для православнаго воинства, поднявшаго оружіе, по мановенію Державнаго Повелителя, за Вѣру, Царя и Отечество—нѣтъ преграды!

Въ числѣ подвиговъ, совершенныхъ въ битвѣ подъ Ахалцыхомъ, замѣчательны слѣдующіе:

Подпоручикъ Виленскаго полка Даниловъ бросился на орудія (послѣ перехода въ бродъ черезъ Посховъ-чай) съ цѣпью стрѣлковъ 6-й егерской роты; получивъ раны пулями въ лицо, въ грудь на вылетъ и въ правый бокъ меж-

ду реберъ, храбрый офицеръ этотъ не переставалъ биться, и шашкой изрубилъ двухъ турецкихъ солдатъ, но, наконецъ, обезсиленный упалъ на непріятельское орудіе и померъ.

Рядовой 1-й карабинерной роты Антонъ Сабайда, находясь въ цѣпи, былъ раненъ въ ногу, но не смотря на сильную рану, продолжалъ, прихрамывая, идти впередъ и заряжать ружье. Замѣтивъ это, ротный командиръ спросилъ его: «ты раненъ?»—«Никакъ нѣтъ, ваше благородіе,» отвѣчалъ храбрый Сабайда: «это я не много оступился.» Но ротный командиръ, видя его раненымъ, хотѣлъ отправить на перевязочный пунктъ, тогда Сабайда отвѣчалъ: «ваше благородіе, еще рано, Турки впереди, у нихъ еще есть пушки, не слѣдуетъ бусурманамъ дарить ихъ;» съ этими словами крикнулъ: «ура!» и бросился впередъ.

На штурмѣ аула Суплисъ, рядовой 2-й егерской роты Иванъ Рогозинъ въ числѣ первыхъ шелъ на непріятельскую батарею. Замѣтивъ, что въ одно орудіе былъ уже посланъ зарядъ, Рогозинъ, въ одно мгновеніе, пробѣжалъ пространство, отдѣлявшее его отъ завала, вскочилъ на батарею и видя, что турецкій бомбардиръ готовъ былъ прибить зарядъ, вырвалъ изъ рукъ Турка банникъ и съ словами: «Поучись, бусурманъ, заряжать у Русскихъ,»—ударилъ его по головѣ банникомъ.

БИТВА ПРИ БАШЪ-КАДЫКЪ-ЛАРѢ, 19-го НОЯБРЯ 1853 ГОДА. Извѣстіе о движеніи непріятеля. — Одушевленіе русскаго отряда, приготовленіе къ бою. — Переходъ нашего отряда чрезъ р. Карсъ-чай. — Самонадѣянность турецкаго главнокомандующаго.— Построеніе нашего отряда въ боевую позицію и кровопролитный бой.—Мужество Куринскаго полка.—Князь Мурханскій воодушевляетъ отрядъ Эриванцевъ.— Мужество Эриванцевъ и семи ротъ гренадеръ.— Подвигъ подпрапорщика князя Андронникова. — Движеніе князя Бебутова и генерала Багговута.—Смятеніе и бѣгство Турокъ.

Непріятельскіе полки, бывшіе въ дѣлѣ 2-го ноября близъ Баяндура, отступили по направленію къ Карсу. 18-го числа князь Бебутовъ получилъ свѣдѣніе, что турецкій корпусъ, не дойдя до Карса, сталъ стягиваться и, собравшись въ окрестностяхъ Суботана, расположился лагеремъ около с. Башъ-Кадыкъ-Лара.

По извѣстіямъ, доставленнымъ лазутчиками, число непріятельскаго войска доходило до 30 тысячъ человѣкъ. Но князь Бебутовъ, не смотря на многочисленность непріятеля, рѣшился напасть на него и нанести окончательное ему пораженіе. Для этого князь Бебутовъ сдѣлалъ распоряженіе—собрать отрядъ въ полномъ составѣ.

Къ 11-му ноября собрались всѣ войска, предназначенныя въ составъ Александропольскаго отряда, т. е. 12½ баталіоновъ, 40 орудій, 16 сотенъ иррегулярной кавалеріи и 1 полкъ драгунъ. Начальство надъ отрядомъ принялъ самъ командующій корпусомъ, князь Бебутовъ.

Солдаты съ нетерпѣніемъ ожидали случая, въ рукопашномъ бою помѣряться силами съ врагомъ. Въ рядахъ солдатъ съ радостью пересказывались слова князя Бебутова: «придетъ часъ, не пожалѣю ни себя, ни войска». Извѣстіе о славной побѣдѣ князя Андронникова подъ Ахалцыхомъ еще болѣе одушевило войска, и солдаты съ радостью

услышали наконецъ приказаніе готовиться къ наступленію. Въ ночь съ 18-го на 19-е ноября сняты были палатки и отобраны лишнія тяжести, для отправленія ихъ въ Александрополь. Приготовленія къ бою совершались тихо, безъ сигналовъ. Полки строились молча, въ ночной темнотѣ и только огоньки бивуаковъ, мелькавшіе еще кое гдѣ, обозначали прежнее расположеніе русскаго лагеря.

Начало свѣтать. Погода до того времени стояла довольно ненастная, но 19-го ноября небо совершенно прояснилось. Вершины горъ рѣзко обозначались на ясномъ небосклонѣ; небольшой морозъ оживлялъ солдатъ, напоминая имъ про далекую родину. Отрядъ бодро и весело двинулся впередъ.

Корпусный командиръ князь Бебутовъ объѣхалъ ряды войска и поздравилъ солдатъ съ извѣстіемъ о славной побѣдѣ, одержанной княземъ Андронниковымъ. Громкое ура было привѣтомъ солдатъ на поздравленіе любимаго начальника.

Отрядъ перешелъ черезъ рѣку Карсъ-чай; впереди, на обширной равнинѣ, съ трехъ сторонъ окруженной горами, виднѣлись турецкіе полки. Князь Бебутовъ остановилъ отрядъ и осмотрѣлъ мѣстность. Турецкая армія еще не была выстроена въ боевой порядокъ и даже не была занята небольшая деревня Огузлы, лежавшая прямо на пути наступленія русскихъ войскъ. Турки знали о наступленіи отряда князя Бебутова, но, надѣясь на свою силу, не принимали никакихъ мѣръ предосторожности. Главнокомандующій турецкою арміею надѣялся безъ труда разбить малочисленный русскій отрядъ и даже приказалъ солдатамъ запастись веревками, чтобы вязать плѣнныхъ Рус-

скихъ. Турки забыли, что Русскіе умираютъ героями на полѣ брани, но не сдаются въ плѣнъ!

Когда передовые разъѣзды непріятеля извѣстили о приближеніи Русскихъ, командовавшій арміею, Рейсъ-Ахметъ-паша хладнокровно отвѣчалъ, что Русскіе идутъ на свою погибель. Только когда русскій отрядъ былъ уже въ виду непріятеля, главнокомандующій Рейсъ-Ахметъ приказалъ ударить тревогу. Турецкія войска построились на лѣвомъ берегу рѣчки Карсъ-чая въ двѣ боевыя линія, по 6-ти баталіоновъ пѣхоты въ каждой.

Князь Бебутовъ, видя малочисленность своего отряда, сравнительно съ Турецкимъ, поставилъ всю пѣхоту и артиллерію въ центрѣ отряда, прикрывая фланги кавалеріей. Въ такомъ боевомъ порядкѣ отрядъ двинулся къ деревнѣ Огузлы и занялъ въ ней боевую позицію.

Какъ только русскій отрядъ началъ спускаться съ высоты и строиться въ боевой порядокъ, турецкій главнокомандующій также перестроилъ свои войска, размѣстивъ ихъ по обрывистому берегу ручья Мавракъ-чай; надъ самымъ обрывомъ поставлена была сильная батарея, въ 32 орудія.

Турецкій главнокомандующій хотѣлъ воспользоваться превосходствомъ своихъ силъ и окружить Русскихъ со всѣхъ сторонъ. По мѣрѣ того, какъ русскій отрядъ подвигался впередъ, обходныя колонны ихъ направлялись на наши фланги; непріятельскіе баталіоны уже приближались къ селенію, занятому Русскими: они шли стройно, съ развернутыми знаменами и музыкой.

Боевыя линіи русскаго отряда также подвигались впередъ стройно, какъ на ученьи. Разстояніе между русскимъ и непріятельскимъ войскомъ уже было менѣе пушечнаго

выстрѣла, а на боевомъ полѣ слышалась одна только военная музыка русскихъ и турецкихъ полковъ. Вдругъ раздался выстрѣлъ, другой, третій—и вслѣдъ затѣмъ 30 орудій турецкаго праваго фланга грянули оглушительнымъ залпомъ. Началась сильная канонада. Артиллерія русскихъ дѣйствовала такъ удачно, что вскорѣ взорванъ былъ непріятельскій зарядный ящикъ. Но безпрерывные выстрѣлы залпами изъ 30 турецкихъ орудій наносили русскому отряду сильный уронъ. Ядра выбивали людей изъ строя, а гранаты безпрерывно разрывались въ срединѣ баталіоновъ. Маіоръ Дьяконовъ, извѣстный храбростью своею на Кавказѣ, и капитанъ князь Аргутинскій-Долгоруковъ, заступившій его мѣсто, были оба смертельно ранены. Убитые подъ знаменами унтеръ-офицеры тотчасъ же замѣнены были другими. Солдаты стояли твердо, молча, и въ рядахъ безпрерывно слышались только слова: «сомкнись на право».

Въ это время сильныя непріятельскія колонны двинулись на оба фланга русскаго отряда, а толпы Курдовъ стали заходить въ тылъ; но русскія войска мужественно встрѣтили врага и отразили его натискъ. Лихая атака драгунъ обратила Курдовъ въ бѣгство.

Такъ, не болѣе какъ черезъ часъ послѣ перваго выстрѣла—битва кипѣла уже на протяженіи трехъ верстъ и вездѣ непріятель испытывалъ стойкость и силу Русскихъ. Бебутовъ, увѣренный въ побѣдѣ, приказалъ генералъ-маіору князю Багратіону-Мухранскому атаковать непріятельскія батареи одновременно четырьмя баталіонами.

Колонна князя Мухранскаго стройно двинулась къ небольшому холму, находившемуся передъ турецкими ору-

діями. Князь Мухранскій, на бѣломъ конѣ, ѣхалъ шагомъ впереди двухъ баталіоновъ Эриванцевъ; за Эриванцами генералъ-маіоръ князь Орбеліанъ велъ 7 ротъ своихъ гренадеръ. Ядра и гранаты осыпали храбрецовъ. Сраженіе ежеминутно становилось упорнѣе и кровопролитнѣе, а на флангахъ кипѣлъ уже рукопашный бой; вправо князь Чавчавадзе съ 6 эскадронами драгунъ бился съ цѣлымъ отрядомъ Турокъ; влѣво генералъ Багговутъ тѣснилъ турецкую конницу.

Пока князь Мухранскій готовился начать атаку на главную турецкую батарею, три турецкіе баталіона снова двинулись въ атаку на правый флангъ. Полковникъ Журавскій, уже раненый въ грудь, встрѣтилъ Турокъ картечью, но турецкіе баталіоны стойко выдержали огонь и продолжали наступленіе. Тогда 1-й баталіонъ егерскаго князя Воронцова полка, извѣстный на Кавказѣ подъ прежнимъ своимъ именемъ *Куринскаго полка*, ударилъ на Турокъ въ штыки. Турки не выдержали атаки, смѣшались и отступили за оврагъ. Тамъ, оправясь и усилясь еще двумя баталіонами, они снова пошли въ атаку; но и къ храбрымъ Куринцамъ подоспѣли на подкрѣпленіе: 1-й баталіонъ князя Варшавскаго полка, 2 роты саперъ и 4 орудія. Кровопролитная схватка продолжалась не долго. Турки съ большимъ урономъ опрокинуты были въ оврагъ.

Пока храбрые Куринцы и ихъ достойные сотоварищи отражали атаки Турокъ, князь Мухранскій подвелъ свою колонну на ружейный выстрѣлъ къ батареѣ. Желая высмотрѣть мѣстность, на которую удобнѣе было бы направить атаку, князь Мухранскій одинъ взошелъ на холмъ. Турецкіе стрѣлки, засѣвшіе въ каменистой лощинѣ по ту сторону холма, увидя князя, открыли по немъ огонь;

Подвигъ подпрапорщика князя **Андронникова** въ сраженіи подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ 19 ноября 1853 г.

вслѣдъ за тѣмъ и на батареѣ раздались выстрѣлы, но князь Мухранскій остался невредимъ, хотя и былъ слегка контуженъ и отброшенъ назадъ. Однако это не помѣшало князю вѣрно опредѣлить мѣсто, куда направить атаку. Онъ вызвалъ штуцерныхъ отъ двухъ Эриванскихъ баталіоновъ и приказалъ имъ вытѣснить турецкихъ штуцерниковъ изъ лощины, черезъ которую должна была пройти штурмующая колонна.

Приказаніе это было въ точности исполнено. Тогда князь Мухранскій обратился къ солдатамъ: «Эриванцы!» сказалъ онъ, «полкъ вашъ существуетъ уже болѣе 200 лѣтъ, но до сего времени у васъ нѣтъ еще георгіевскихъ знаменъ. Эти знамена, ребята, на турецкой батареѣ. Дастъ Богъ, вы при мнѣ заслужите и это новое отличіе! Снимите шапки, братцы, перекреститесь!»

Солдаты осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ, и, по командѣ князя, двинулись впередъ. Раздался залпъ съ батареи и картечь врѣзалась въ ряды атакующихъ. Многіе пали, но оставшіеся въ живыхъ Эриванцы мгновенно были на батареѣ! Начался кровопролитный рукопашный бой. Турецкія орудія въ послѣдній разъ дали залпъ въ упоръ. Четыре баталіона низама тщетно старались защитить ихъ, но были оттѣснены штыками; всѣ артиллеристы пали на орудіяхъ. Турки храбро защищались, но ничто не могло противостоять быстрой, дружной атакѣ Эриванцевъ. Орудія взяты были съ боя, и на батареѣ развилось Русское знамя, прострѣленное въ 9-ти мѣстахъ.

Но битва не была еще кончена. Вправо была видна батарея изъ 18 орудій, а за ними 4 баталіона низама, которые сильнымъ ружейнымъ огнемъ поражали Эриванцевъ, овладѣвшихъ батареею. Тогда два баталіона Эри-

ванцевъ, подъ начальствомъ маіора Турчановскаго и маіора барона Врангеля, бросились на Турокъ. Началась кровопролитная схватка; въ пылу битвы маіоръ Турчановскій палъ, тяжело раненый, у маіора Врангеля также пробита рука и прострѣлена грудь. Мѣсто его занялъ маіоръ князь Шаликовъ, но чрезъ нѣсколько минутъ и онъ палъ, тяжело раненый пулею въ бедро. Наконецъ, послѣ долгой, кровавой битвы, баталіонный адъютантъ поручикъ Мендѣлеевъ и ротный командиръ штабсъ-капитанъ Кавтарадзе, оба уже раненые, внесли знамя своего полка на батарею.

Не отстали въ этой битвѣ отъ Эриванцевъ и гренадеры, съ храбрымъ командиромъ, княземъ Орбеліаномъ. Онъ уже былъ раненъ пулею въ руку, но перевязавъ наскоро рану платкомъ, оставался впереди полка, громко ободряя своихъ солдатъ. Гренадеры съ крикомъ «ура», кинулись вслѣдъ за Эриванцами на батарею. Въ этой кровопролитной схваткѣ князь Орбеліанъ былъ снова тяжело раненъ пулею въ грудь на вылетъ и за мертво вынесенъ былъ изъ боя. Гренадеры, утомленные битвой, лишившись своего полковаго командира и многихъ офицеровъ, остановились и, отбиваясь штыками, начали мало по малу отступать. При этомъ отступленіи, молодой подпрапорщикъ князь Андронниковъ вынесъ изъ битвы на своихъ плечахъ, раненаго товарища, юнкера Гогніева.

Нѣсколько разъ Турки окружали храбреца, но онъ отбивался отъ враговъ и самъ раненый, отважно защищалъ своего товарища. Юнкеръ Гогніевъ нѣсколько разъ уговаривалъ молодаго храбреца, оставить его на произволъ судьбы и самому спасаться отъ очевидной опасности; но князь Андронниковъ не хотѣлъ оставить своего товарища

на гибель, и наконецъ благополучно донесъ его до линіи расположенія русскихъ войскъ (*).

Князь Бебутовъ, видя, что гренадеры не могутъ оттѣснить непріятеля, поспѣшно двинулъ къ нимъ на помощь изъ резерва три роты Эриванцевъ и взводъ артиллеріи. Самъ Бебутовъ поспѣшилъ также ободрить отступающихъ гренадеровъ. «Такъ, такъ, братцы», сказалъ онъ, подъѣзжая къ нимъ, «заманивайте ихъ, братцы, заманивайте!... А теперь впередъ, ура!» Гренадеры построились и снова бросились на батарею.

Но трудно было малочисленному русскому отряду, уже утомленному битвою, одолѣть враговъ; удачная атака генерала Багговута во флангъ и въ тылъ непріятеля рѣшила участь сраженія!

Въ то время, когда гренадеры и Эриванцы бились на турецкихъ батареяхъ, раздался за рѣчкою знакомый, побѣдный крикъ «ура!» и сквозь дымъ выстрѣловъ атакующіе увидѣли черный значекъ генерала Багговута. Драгуны и казаки, обогнувъ оврагъ, ударили на непріятеля, который вовсе не ожидалъ атаки съ этой стороны. Турки смѣшались, разстроились, и вскорѣ все поле покрылось бѣгущимъ непріятелемъ. Къ $2^1/_2$ часамъ по полудни, бой прекратился на всѣхъ пунктахъ.

Для преслѣдованія разбитаго непріятеля была выдвинута впередъ кавалерія генерала Багговута, а за нею направилась и пѣхота, двумя отрядами.

Турки безпорядочными толпами разсѣялись по дорогѣ

(*) Въ награду за этотъ подвигъ мужества и самоотверженія, Государь Императоръ Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: произвести юнкера князя Андронникова въ подпоручики.

къ крѣпости Карсу, стараясь опередить другъ друга. Уже поздно вечеромъ, прекративъ преслѣдованіе, русскія войска расположились на ночлегъ близъ источниковъ рѣки Маракъ-чай. Войска, выступая наканунѣ противъ непріятеля, не взяли съ собою палатокъ, но они нашли удобный пріютъ подъ турецкими шатрами двухъ отбитыхъ лагерей.

Трофеями побѣды были: 24 орудія, 68 упряжныхъ артиллерійскихъ лошадей, 13 зарядныхъ ящиковъ, одно полковое знамя, 13 значковъ, два лагеря съ палатками и военнымъ багажемъ, порохомъ, зарядами и проч. Вещей этихъ было оставлено непріятелемъ такъ много, что колонны наши 20, 21 и 22 ноября едва могли небольшую только часть доставить въ русскій лагерь: все остальное было сожжено.

Въ числѣ отбитыхъ орудій находилась и, такъ называемая, *красная пушка,* т. е. мѣдное, 3-хъ фунтовое орудіе, на красномъ лафетѣ. Это орудіе было отлито въ 1853 году, по повелѣнію турецкаго султана, съ особенными надписями, и дано было главнокомандующему войсками въ Азіатской Турціи, какъ залогъ будущихъ побѣдъ.

Сраженіе 19-го ноября при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ продолжалось только $2^1/_2$ часа, но вслѣдствіе многочисленности непріятеля, потеря наша была весьма значительна. Въ отрядѣ князя Бебутова выбыло изъ строя убитыми: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 8, нижнихъ чиновъ 308; ранеными: генералъ 1, оберъ-офицеровъ 24, нижнихъ чиновъ 762; контуженными: штабъ-офицеровъ 3, оберъ-офицеровъ 12, нижнихъ чиновъ 166.

Непріятель оставилъ на полѣ сраженія болѣе 1500

тѣлъ. Вся же потеря Турокъ, убитыми, ранеными и разбѣжавшимися, простиралась до 8000 человѣкъ.

Непріятель, въ страхѣ, бѣжалъ до самаго Карса. Милиція, опередившая въ бѣгствѣ регулярныя войска, первая прибыла въ Карсъ и начала грабить на базарѣ безъ разбора, какъ Турокъ, такъ и христіанъ. Курды также долго грабили по дорогѣ своихъ соплеменниковъ, мусульманъ, а потомъ разсѣялись по своимъ ауламъ.

Такъ, битвами подъ Ахалцыхомъ и при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ, совершенно разстроена и частью уничтожена была сильная непріятельская армія, угрожавшая вторженіемъ въ русскіе закавказскіе предѣлы. Послѣ этихъ битвъ, блистательно одержанныхъ русскими войсками, мирные жители пограничныхъ селеній могли спокойно возвратиться въ свои дома, не опасаясь болѣе вторженій непріятеля.

Битва при с. Нигоити 27-го мая 1854 г. — Движеніе Турокъ къ русскимъ границамъ и распоряженія князя Андронникова. — Наступленіе Турокъ къ с. Нигоити и пораженіе ихъ отрядомъ подполковника князя Эристова. — Мужество двухъ ротъ Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка и преслѣдованіе Турокъ.

Прошло болѣе пяти мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ турецкая армія была разбита на голову на Кадыкларскихъ высотахъ, 19-го ноября 1853 года, и Турки со стыдомъ должны были укрываться въ сильной своей крѣпости Карсѣ, не смѣя предпринять ничего болѣе противъ нашего войска. Но подстрекаемые своими союзниками, Англо-Французами, они снова начали готовиться къ войнѣ, и войска ихъ безпорядочно стекались къ нашимъ границамъ.

Въ концѣ мая мѣсяца 1854 г. командовавшій отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, генералъ-лейтенантъ князь

Андронниковъ, извѣщенъ былъ о намѣреніи непріятеля наступать отъ Озургетъ по лѣвому берегу Ріона, съ тою цѣлію, чтобы отрѣзать сообщеніе между войсками нашими, расположенными при Усть-Цхени-Цхале и другимъ отрядомъ, выдвинутымъ за Ріонъ къ Чехатауру. Вслѣдствіе чего князь Андронниковъ приказалъ командующему послѣднимъ отрядомъ, генералъ-маіору Бруннеру, занять Нигоитскія высоты. Къ нему отряжены были: 1-й баталіонъ егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка и 4-й баталіонъ Брестскаго пѣхотнаго, съ 2-мя горными орудіями, подъ начальствомъ подполковника князя Эристова. Отрядъ сей подкрѣпленъ былъ изъ Усть-Цхени-Цхале еще 6-ю сотнями Имеретинской пѣшей милиціи и 4-мя сотнями конной.

Въ ночь съ 26-го на 27-е мая 1854 г., подполковникъ кн. Эристовъ получилъ свѣдѣніе, что въ недальномъ разстояніи отъ его позиціи, у деревни Лѣсы, скопилось до 12-ти тысячъ непріятельскихъ регулярныхъ войскъ и баши-бузуковъ, подъ начальствомъ Ремидъ-Паши-Думбадзе, съ намѣреніемъ напасть на нашъ отрядъ при деревнѣ Нигоити. Тогда князь Эристовъ немедленно придвинулъ къ себѣ, изъ урочища Квіанъ, 4-й баталіонъ Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка, съ 2-мя орудіями легкой №1-го батареи 13-й артиллерійской бригады.

На разсвѣтѣ, 27-го числа, по сигнальному выстрѣлу, турецкія войска спустились съ горъ и двинулись прямо къ дер. Нигоити, между тѣмъ какъ многочисленныя толпы баши-бузуковъ намѣревались обхватить нашъ отрядъ съ обоихъ фланговъ. Князь Эристовъ, дабы не дать времени непріятелю успѣть въ своихъ замыслахъ, рѣшился самъ предупредить нападеніе, не смотря на несоразмѣр-

ность силъ и крайне затруднительную мѣстность, а чтобы свободнѣе быть въ своихъ движеніяхъ, оставилъ всѣ тяжести и вьюки на позиціи, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка; для обезпеченія же тыла своего при движеніи впередъ, занялъ горную дорогу отъ рѣки Супсы четырьмя сотнями милиціи, подъ начальствомъ поручика князя Тавтхеридзе.

Въ 11-мъ часу утра, когда Турки начали наступленіе, подполковникъ князь Эристовъ пошелъ имъ на встрѣчу. Войска наши, скрываемыя густымъ лѣсомъ и садами, подвигались въ совершенной тишинѣ и порядкѣ. При выходѣ на небольшую поляну у дер. Лапчхута, не взирая на сильный ружейный и пушечный огонь на нихъ направленный, они, по данной заблаговременно диспозиціи, построились въ боевой порядокъ. За симъ, не теряя времени въ напрасной перестрѣлкѣ, первый баталіонъ Егерскаго главно-командующаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка, подъ командою маіора Момбелли, ударилъ въ штыки и сбилъ непріятеля съ позиціи, при чемъ капитанъ Вильяминовъ, съ первою карабинерною ротою, захватилъ у непріятеля два орудія. Турки, атакованные въ тоже время справа 4-мъ баталіономъ Брестскаго полка, подъ начальствомъ маіора Шафирова, пришли въ совершенное разстройство и обратились въ бѣгство. Наша храбрая пѣхота, штыками начавшая дѣло, штыками же его и кончила.

Для преслѣдованія разбитаго на голову непріятеля, послана была милиція, къ которой присоединились и жители. Все поле сраженія было усѣяно непріятельскими трупами, которыхъ насчитали до тысячи. Во время боя взяты нами два орудія, съ зарядными ящиками, пять знач-

ковъ и весь паркъ; Турки побросали въ бѣгствѣ много ружей азіатскихъ и съ французскими клеймами, а также всякаго другаго оружія и аммуниціи. Плѣнныхъ взято милиціею болѣе ста человѣкъ, въ томъ числѣ три офицера; но жители продолжали еще ловить Турокъ по лѣсамъ и приводить ихъ къ начальнику отряда. Между оставшимися тѣлами найденъ убитымъ Хассанъ-Паша.

Съ нашей стороны убито: офицеровъ 1, нижнихъ чиновъ 28; ранено: офицеровъ 7, нижнихъ чиновъ 175 и контужено: офицеровъ 6 и нижнихъ чиновъ 29.

Пораженіе Турокъ при рѣкѣ Чолокѣ 4-го іюня 1854 года. — Движеніе нашихъ войскъ къ Озургетамъ.— Рекогносцировка князя Андронникова. — Приготовленіе къ бою и атаки непріятеля. — Мужество конной дружины охотниковъ. — Дѣйствія русскаго отряда на Кокутскихъ высотахъ. — Пораженіе и бѣгство Турокъ.

Съ 31-го мая 1854 года войска наши подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Андронникова начали стягиваться съ двухъ пунктовъ къ урочищу Нагомари. Слѣдованію ихъ много препятствовали начавшіеся сильные проливные дожди, затруднительныя переправы и до того испортившіяся дороги, что лошади не могли вывозить полевыя орудія и зарядные ящики. Артиллерію нужно было тащить на рукахъ, при чемъ солдаты и состоявшіе въ конвоѣ князя Андронникова Имеретинскіе дворяне оказали самое похвальное усердіе.

При сближеніи нашихъ войскъ къ г. Озургетамъ погода прояснилась и, какъ бы въ предзнаменованіе побѣды, солнце, скрывавшееся нѣсколько дней за тучами, озарило шедшія войска.

2-го іюня отрядъ князя Андронникова былъ въ полномъ сборѣ на урочищѣ Нагомари. Онъ состоялъ: изъ 11½ ба-

таліоновъ пѣхоты, 8-ми полевыхъ и 10-ти горныхъ орудій, 4-хъ сотенъ Донскихъ казаковъ, Грузинской конной дружины охотниковъ и 5-ти сотень Имеретинской конницы. Кромѣ того при отрядѣ находилось 6-ть сотень Имеретинской конницы. Кромѣ того при отрядѣ находилось 6-ть сотень Имеретинской и 6-ть дружинъ Грузинскихъ пѣшихъ милицій.

3-го іюня отрядъ прибылъ въ Озургеты. Послѣ произведенной княземъ Андронниковымъ того же дня рекогносцировки Турецкихъ войскъ и укрѣпленій оказалось, что главный Турецкій лагерь, расположенный на крутомъ обрывѣ, прикрывался съ фронта брустверомъ, со рвомъ впереди и земляными батареями. Правый флангъ былъ обезпеченъ крутымъ и почти недоступнымъ оврагомъ, а лѣвый упирался въ густой лѣсъ, въ которомъ находились, не замѣтные издали, поросшіе густымъ лѣсомъ, глубокіе овраги.

Такимъ образомъ сильная отъ природы позиція, была еще искуственно укрѣплена непріятелемъ и предвѣщала отчаянную оборону. Въ ночь съ 3-го на 4-е іюня была составлена диспозиція къ предполагаемому штурму на лѣвый флангъ непріятельскій, какъ слабѣйшій, и на разсвѣтѣ весь нашъ отрядъ двинулся общею колонною по единственной, существовавшей тамъ дорогѣ, окаймленной съ обѣихъ сторонъ дремучимъ лѣсомъ, по выходѣ изъ коего предполагалось выстроить войска въ боевой порядокъ.

Дабы отвлечь вниманіе непріятеля отъ главнаго пункта атаки, сдѣлано было распоряженіе, чтобъ артиллерія наша занимала непріятельскія батареи съ фронта, а Гурійская милиція и часть Имеретинской, направлены къ пра-

вому флангу непріятеля, гдѣ, завязавъ перестрѣлку, тревожили его и съ этой стороны.

Такое предварительное распоряженіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Милиція опрокинула передовые турецкіе пикеты и дѣйствовала съ примѣрною храбростью.

Въ то время, когда вниманіе турокъ было обращено на ихъ правый флангъ, съ противоположной стороны выдвигалась изъ лѣсистаго дефиле колонна генералъ-маіора Майделя съ 4-мя горными орудіями и строилась въ боевой порядокъ по сю сторону р. Чолокъ, на полянѣ, отстоявшей отъ лагеря не болѣе какъ на 300 сажень.

Непріятель, смущенный этимъ неожиданнымъ появленіемъ нашихъ войскъ, поспѣшно выстраивался въ боевой порядокъ предъ своимъ лагеремъ. Огонь непріятельской артиллеріи, а равно и батальный огонь были выдержаны съ хладнокровнымъ мужествомъ, свойственнымъ Русскимъ войскамъ. Между тѣмъ, генералъ Бруннеръ и Майдель, поддерживаемые артиллерійскимъ огнемъ, двинулись впередъ.

Баталіоны прославленнаго на Кавказѣ егерскаго князя Воронцова полка, пробѣжавъ чрезъ кустарники и болота, несмотря на картечные выстрѣлы и неумолкаемый батальный огонь, штыками отбросили непріятеля въ самую средину лагеря. Здѣсь подъ генераломъ Майделемъ убита лошадь;—пѣшій, впереди 1-го баталіона, въ жаркой рукопашной схваткѣ, генералъ преслѣдовалъ по пятамъ непріятеля. 7-я и 8-я егерскія роты, имѣя передъ фронтомъ командующаго 3-мъ баталіономъ, флигель-адъютанта Е. И. В. подполковника Бреверна 4-го, и своихъ ротныхъ командировъ, штабсъ-капитановъ: Полторац-

каго и Кутлера, заняли часть непріятельскаго лагеря и кинулись въ погоню за бѣгущими. Селимъ-паша, видя угрожающую ему гибель, выдвинулъ весь свой резервъ, и наступающіе егеря наши были встрѣчены картечью артиллеріи и бѣглымъ огнемъ турецкихъ баталіоновъ. Подъ этимъ адскимъ огнемъ егеря потерпѣли весьма значительный уронъ, и не видя шедшихъ за ними, 2-хъ баталіоновъ Литовскаго полка, принуждены были отступить... и отступили какъ храбрые, отстрѣливаясь и отбиваясь штыками. Нельзя было терять ни минуты. Генералъ-лейтенантъ князь Андронниковъ выдвинулъ впередъ 8-мь легкихъ орудій, стоявшихъ въ резервѣ, 2-й и 3-й баталіоны Брестскаго и 4-й Бѣлостокскаго пѣхотныхъ полковъ, два баталіона егерскаго князя Воронцова полка и всю кавалерію. Въ тоже время выдвинуты слѣва баталіоны 1-й Брестскій и 3-й Литовскій. Тогда все, что только было въ рядахъ нашихъ, напряглось въ одно общее стремленіе—въ одинъ общій порывъ: всё до послѣдняго бросились впередъ; по всему войску поднялся радостный крикъ: «Турки бѣгутъ!» и дѣйствительно, Турки, не ожидавшіе столь стремительнаго, такъ сказать, восторженнаго натиска силъ, внезапно сосредоточенныхъ и выдвинутыхъ впередъ, защищались недолго. Завязался послѣдній общій бой. Казаки съ громкимъ «ура», неслись съ двухъ сторонъ въ лагерь, рубили и топтали непріятеля. Здѣсь храбрый начальникъ, командиръ № 11-го полка, полковникъ Харитоновъ убитъ.

Между тѣмъ, конная дружина охотниковъ обскакала завалы, атаковала турецкій баталіонъ, врѣзалась въ средину онаго и взяла баталіонное знамя и три ротные гвардейскіе значка. Впереди неслись сотенные командиры,

прапорщикъ князь Андронниковъ (сынъ генералъ-лейтенанта князя Андронникова) и князь Вахваховъ, но получивъ нѣсколько ранъ — пали героями. Командиръ дружины подполковникъ князь Джандіеровъ, помощникъ его штабсъ-капитанъ князь Циціановъ—ранены, но не оставили поля битвы. Несмотря на то, что дружина потеряла уже до 120 человѣкъ убитыми, пѣшая Гурійская милиція, подъ предводительствомъ поручика князя Тавтхеридзе и Озургетскаго уѣзднаго начальника, титулярнаго совѣтника Мачаваріани, бросившись на лагерь, отбили у непріятеля одно горное орудіе и 3 значка.

Въ эту рѣшительную минуту весь отрядъ нашъ оказалъ рѣдкое одушевленіе.

Кромѣ главныхъ двухъ лагерей, Турки имѣли еще третій у Кокутскихъ высотъ, съ сильною батареею, но и тамъ они не могли удержаться противу натиска побѣдоноснаго Россійскаго войска: 1-й баталіонъ Брестскаго пѣхотнаго полка, подъ командою гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка подполковника князя Шаликова, поддерживаемый 3-мъ баталіономъ Литовскаго полка, подъ начальствомъ маіора Мокрица (раненаго при этомъ двумя пулями и картечью), бросился на батарею и овладѣлъ 4-мя орудіями.

Турки, опрокинутые на всѣхъ пунктахъ, обратились въ совершенное бѣгство. Тогда посланы нѣсколько отрядовъ нашихъ съ 4 горными орудіями, подъ начальствомъ генерала Бруннера, преслѣдовать непріятеля, бѣжавшаго къ Легвѣ. Для усиленія отрядовъ направлены два баталіона Брестскаго пѣхотнаго полка, съ 2 горными орудіями,

и Грузинская милиція, подъ командою полковника Корганова.

Дружина конныхъ Грузинскихъ охотниковъ, проскакавъ чрезъ непріятельскій лагерь, спустилась къ рѣкѣ и гнала непріятеля лощиною далеко за Легву. Бѣгущіе Турки, бросавшіеся въ лѣса и горы, были преслѣдуемы и истребляемы Гурійскою милиціею.

Генералъ-маіоръ Бруннеръ гналъ непріятеля за третій его лагерь къ Легвѣ, пока Турки совершенно не разсѣялись; послѣ чего остановивъ утомленныя войска, направился эшелонами къ мѣсту общаго сбора. По отправленіи раненыхъ и погребеніи убитыхъ, весь отрядъ нашъ отсюда возвратился уже къ ночи на прежнюю позицію въ Озургеты.

Турецкое войско, участвовавшее въ этомъ кровопролитномъ бою, состояло изъ 34,000 человѣкъ и заключалось: въ 12-ти баталіонахъ низама, 8-ми баталіоновъ редифа, 14-ти тысячахъ баши-бузукъ и нѣсколькихъ эскадронахъ кавалеріи, при 11-ти батарейныхъ и 2-хъ горныхъ орудіяхъ.

Потеря непріятеля простирается до 4,000 человѣкъ, поле сраженія и дорога отъ Чолока до Легвы усѣяны были тѣлами Турокъ. Вся его артиллерія, т. е., 13-ть орудій, весь лагерь, 36-ть знаменъ и значковъ, множество оружія остались у войска въ рукахъ и свидѣтельствуютъ о совершенномъ пораженіи Турецкаго корпуса. Вся Турецкая милиція разбѣжалась, распространяя повсюду вѣсть пораженія и ужасъ къ Русскому оружію и воинству.

Съ нашей стороны убито: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 8, нижнихъ чиновъ 240. Ранено: генералъ-маіоръ князь Гагаринъ, штабъ-офицеровъ 5, оберъ-офи-

церовъ 22, нижнихъ чиновъ 169. Въ милиціи убито: оберъ-офицеровъ 4, милиціонеровъ 52; ранено: штабъ-офицеровъ 1, оберъ-офицеровъ 9, милиціонеровъ 276; контужено: оберъ-офицеровъ 3, милиціонеровъ 64.

Битва на Чинглыльскихъ высотахъ 17-го іюля 1854 г.—Движеніе нашего отряда къ Баязету.—Расположеніе нашего отряда передъ битвой.—Переходъ чрезъ ущелье, пораженіе Турокъ и бѣгство ихъ.—Занятіе нашими войсками г. Баязета.

Начальникъ Эриванскаго отряда генералъ-лейтенантъ баронъ Врангель, признавая необходимымъ занять слѣдующимъ утромъ перевалъ черезъ горы по возможности ранѣе и прежде непріятеля, выступилъ изъ с. Игдыря, по Орговской дорогѣ на Баязетъ вечеромъ 16-го іюля. Отрядъ состоялъ изъ пяти баталіоновъ пѣхоты, четырехъ орудій батарейной № 5 батареи, восьми орудій легкой № 7-го батареи 21-й артиллерійской бригады, 7-ми сотень донскихъ казачьихъ № 4 и 23-го полковъ, шести сотень Мусульманскаго № 4-го полка, Бекской дружины и сотни Курдовъ. Но всю ночь шелъ дождь, дорога испортилась, крутой подъемъ на горы сдѣлался очень затруднителенъ, почему отрядъ и прибылъ туда только къ полудню.

Непріятель занималъ уже на перевалѣ, въ числѣ до 12-ти тысячъ пѣхоты и кавалеріи, сильную позицію. Поперегъ ущелья, имѣющаго здѣсь до 300 саженей ширины, были поставлены имъ 4 орудія, 5 баталіоновъ пѣхоты и за нею до 5-ти тысячъ кавалеріи; окрестныя высоты также были заняты пѣхотою. Баронъ Врангель далъ отдохнуть войскамъ около часу, и съ 4-мя баталіонами, не дожидаясь прибытія остальнаго пятаго баталіона и 4-хъ орудій, задержанныхъ худою дорогою, рѣшился атаковать непріятеля, потому что Турки, безпрестанно усиливаясь

болѣе и болѣе, открыли огонь изъ четырехъ орудій и начали обходить нашъ отрядъ съ обоихъ фланговъ по высотамъ, съ которыхъ они, скрываясь за камнями, сильно вредили отряду нашему мѣткими ружейными выстрѣлами. Баронъ Врангель приказалъ выдвинуть 8 орудій на самый ближайшій картечный выстрѣлъ и открыть огонь противъ центра непріятельской позиціи; пѣхоту поставилъ по флангамъ батареи, въ двѣ линіи; за пѣхотою—кавалерію (4 сотни казаковъ и 4 сотни милиціи), съ тѣмъ, чтобъ во время атаки пѣхоты, кавалерія прошла въ ея интервалахъ и съ фланговъ, и также атаковала непріятеля.

Послѣ самого непродолжительнаго, но сильнаго огня нашей артиллеріи и застрѣльщиковъ, баронъ Врангель повелъ войска въ атаку по ущелью, подъ сосредоточеннымъ перекрестнымъ огнемъ непріятеля, имѣя въ виду опрокинуть его центръ и отрѣзать части войскъ, находившіхся на высотахъ по флангамъ. Наступленіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Непріятель былъ атакованъ въ штыки пѣхотою съ крикомъ «ура,» и въ тоже время въ пики кавалеріею, центръ его былъ опрокинутъ, всѣ бывшія здѣсь войска непріятеля обратились въ бѣгство, 4 орудія взяты на мѣстѣ,—и этимъ самымъ войска непріятельскія, находившіяся на высотахъ по флангамъ, совершенно отрѣзаны. Пославъ кавалерію для преслѣдованія непріятеля, опрокинутаго въ центрѣ, баронъ Врангель направилъ пѣхоту въ ротныхъ колоннахъ атаковать, съ тылу и фланговъ, части, отрѣзанныя на высотахъ; здѣсь Турки засѣли между каменьями, ихъ надо было выбивать штыками; большая часть ихъ была переколота; не многіе взяты въ плѣнъ; ни одинъ человѣкъ не спасся. Кавалерія гнала бѣ-

гущихъ Турокъ до самаго Карабулаха и остановилась только отъ чрезвычайнаго изнуренія лошадей.

Первымъ слѣдствіемъ пораженія непріятеля было занятіе г. Баязета, который съ окрестными деревнями изъявилъ покорность Русскому правительству, и совершенно занятъ былъ отрядомъ нашимъ съ 18-го на 19-е іюля.

Пораженіе непріятеля было страшное: 15-ти тысячный корпусъ Турецкій былъ совершенно разстроенъ, взяты 4 орудія на полѣ битвы и 3 орудія, оставленныя въ Баязетѣ, 18-ть знаменъ, 3 значка, 370 плѣнныхъ, два лагеря въ Карабулахѣ и Арзабѣ, и большіе запасы продовольственные и артиллерійскіе, запасы оружія (до 1,800 ружей), присланнаго изъ Франціи и находившагося еще въ ящикахъ, медикаментовъ, одежды и проч. Болѣе 2-хъ тысячъ труповъ покрывало поле сраженія отъ высотъ Карабулаха; часть раненыхъ Турокъ бросилась въ болото и озеро, лежащее между Карабулахомъ и Баязетомъ и тамъ погибла. На значительномъ пространствѣ, по всѣмъ пустымъ дорогамъ и селеніямъ Баязетскаго санджака, были умершіе и раненые и встрѣчались бѣжавшіе съ поля сраженія; въ Баязетѣ, Карабулахѣ и Арзабѣ было брошено раненыхъ до 450 человѣкъ, въ Ванъ прибыло непріятелей только 2 тысячи въ величайшемъ разстройствѣ, 8-мь тысячъ Турокъ и Курдовъ разбѣжались.

Съ нашей стороны выбыло изъ строя до 430 человѣкъ. Въ томъ числѣ убито: оберъ-офицеровъ 1, нижнихъ чиновъ 105 человѣкъ, ранено: штабъ-офицеровъ 1, оберъ-офицеровъ 11-ть, нижнихъ чиновъ 230 человѣкъ и контужено: штабъ-офицеровъ 1, оберъ-офицеровъ 5-ть и нижнихъ чиновъ 51 человѣкъ.

Пораженіе Турокъ при Кюрукъ-Дара 24-го іюля 1854 года.—Ивѣстіе о движеніи Турокъ и распоряженія генералъ-лейтенанта князя Бебутова.—Расположеніе русскаго отряда и Турецкой арміи.—Мужественная атака нашими войсками праваго Турецкаго фланга и пораженіе Турокъ.—Атака на центръ непріятельской позиціи и пораженіе Турокъ.—Атака отрядомъ подъ предводительствомъ генералъ-лейтенанта князя Бебутова и бѣгство Турокъ.—Замѣчательные подвиги въ битвѣ при Кюрукъ-Дара.

Въ 18-ти верстахъ отъ крѣпости Карса, расположенъ былъ, въ концѣ іюля мѣсяца, при Хаджи-Вали сильный 60-ти тысячный Турецкій корпусъ, намѣревавшійся напасть на нашъ отрядъ, стоявшій въ тоже время при дер. Кюрукъ-Дара, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Бебутова.

23-го іюля, вечеромъ лазутчики дали знать князю Бебутову, что непріятель готовился къ движенію или на нашъ лагерь, или къ Карсу. Желая быть готовымъ на тотъ или на другой случай, т. е. встрѣтить ли непріятеля или ударить ему во флангъ, если бы онъ дѣйствительно потянулся къ Карсу,—князь Бебутовъ тотчасъ же приказалъ убрать лагерь и всѣ тяжести въ вагенбургъ. Для прикрытія вагенбурга оставилъ Кавказскій саперный баталіонъ, двѣ сотни Донскихъ казаковъ № 4-го полка при 10-ти орудіяхъ, а весь отрядъ, въ составѣ 18-ти баталіоновъ пѣхоты, 26-ти эскадроновъ Драгунъ, 44-хъ пѣшихъ и 20-ти конныхъ орудій и 26-ти сотенъ иррегулярной кавалеріи, всего менѣе 18-ти тысячъ человѣкъ, 24-го іюля, въ 3 часа утра направилъ по дорогѣ на Мешко въ двухъ колоннахъ, одна отъ другой, на разстояніи 200 шаговъ.

Наши передовыя цѣпи успѣли отойти не много болѣе 3-хъ верстъ отъ снятаго лагеря, какъ, съ первымъ утреннимъ свѣтомъ замѣтили, на волнистой равнинѣ, отдѣ-

лявшей нашъ отрядъ отъ Турецкаго лагеря, движущееся на встрѣчу нашему отряду непріятельское войско; въ тоже время, влѣво отъ нашего отряда на горѣ появились толпами пѣшіе и конные люди. Въ первыя минуты полагали, что Турки выслали впередъ баши-бузуковъ, чтобы прикрыть свое отступленіе къ Карсу. Но когда совершенно разсвѣло можно было уже разсмотрѣть длинныя колонны, тянувшіяся чрезъ поле на встрѣчу нашему отряду; передъ ними шли правильно разсыпанные фланкеры. Это происходило въ 5-мъ часу утра 24-го іюля.

Мѣстность, на которой отрядъ нашъ готовился принять сраженіе, была довольно ровная. На боевомъ полѣ не было ни одного куста и никакого жилья, и ни для нашего отряда, ни для непріятеля не было опорныхъ пунктовъ, кромѣ горы Караяла, на которой по крутости ея склоновъ, можно было стоять, но не маневрировать. Нашъ отрядъ занималъ сѣверную окраину ложбины, Турки—южную и все протяженіе горы. Естественныя выгоды расположенія нашего отряда состояли въ томъ, что войска, занимая выпуклую дугу, могли подкрѣпить всякій пунктъ и передвигаться гораздо быстрѣе, чѣмъ непріятель, который каждое движеніе долженъ былъ совершать по наружной сторонѣ большаго круга. Растяженіе Турецкой арміи по огромной дугѣ, которая потомъ, когда ихъ лѣвый флангъ сталъ въ линію, было не менѣе 8-ми верстъ.

Во время передвиженія нашихъ войскъ, артиллерійскій огонь въ центрѣ непріятеля, открытый въ $5^{1}/_{4}$ часовъ утра, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, замолкъ. Разстояніе было слишкомъ велико и непріятель поджидалъ еще свои резервы. Чрезъ нѣсколько времени, около 6-ти ча-

совъ, Турки взявъ орудія на передки, подвинули всю линію впередъ. Канонада загорѣлась съ обѣихъ сторонъ.

Хотя Турецкая армія занимала гораздо большее протяженіе, чѣмъ наша, но, при чрезвычайномъ ея численномъ превосходствѣ, всѣ части линій были сильны. Правый Турецкій флангъ занималъ вершину горы 2-мя баталіонами при 4-хъ горныхъ орудіяхъ; далѣе на скатахъ, толпились баши-бузуки. Отъ горы, дугообразно примыкая къ центру, стояли въ двѣ линіи отъ 9 до 10-ти баталіоновъ, съ двумя батареями, одна въ 12-ть, другая въ 6-ть орудій; за горой были скрыты нѣсколько полковъ регулярной кавалеріи. Въ Турецкомъ центрѣ отъ 18-ти до 20-ти баталіоновъ, были поставлены въ 3 линіи съ 3-мя батареями, изъ которыхъ одна, расположенная ближе къ лѣвой его оконечности, имѣла 18-ть орудій; за пѣхотой находился резервъ ихъ кавалеріи. Наконецъ, лѣвый флангъ непріятеля, круто загибаясь къ центру, состоялъ изъ 14-ти или 16-ти баталіоновъ, нѣсколькихъ кавалерійскихъ полковъ, 3-хъ батарей и большей части иррегулярной кавалеріи. Всего въ Турецкой арміи было 48 баталіоновъ пѣхоты (изъ нихъ 6-ть баталіоновъ штуцерныхъ), 16-ть полковъ регулярной кавалеріи, 84 орудія и около 14-ти тысячъ баши-бузуковъ, Бедуиновъ и Куртинъ всего, числомъ до 60-ти тысячъ, кромѣ небольшаго резерва, оставленнаго въ лагерѣ.

Генералъ-лейтенантъ князь Бебутовъ приказалъ генераламъ Бѣлявскому и Багговуту, управлявшимъ движеніемъ, не обращая вниманія на гору, отбить только войска, стоявшіе у подошвы ея; что и было исполнено съ совершеннымъ успѣхомъ.

Какъ только выдвинута была пѣхота, генералъ Багго-

вутъ сейчасъ же приказалъ драгунскому Его Императорскаго Высочества Николая Николаевича полку атаковать главную батарею праваго непріятельскаго фланга, причинявшую нашему отряду чрезвычайно большія потери. Впереди этого полка были: командиръ сводной драгунской бригады храбрый графъ Randomized Нирoдъ и командиръ полка опытный и рѣшительный воинъ, полковникъ Куколевскій. Драгуны кинулись впереди молча, безъ «ура», равняясь какъ на парадѣ, подъ картечью двухъ батарей, бившихъ ихъ съ фронта и съ флангу; только строй мѣдныхъ касокъ ихъ сверкалъ посреди пыли. Турки не выдержали этой безмолвной атаки: баталіоны, прикрывавшіе ихъ батарею, были отброшены, артиллерійская прислуга изрублена и драгуны были на орудіяхъ. Въ это время масса регулярной Турецкой кавалеріи вылетѣла на нихъ изъ задней линіи, и оправившіеся Турецкіе баталіоны бѣглымъ шагомъ двинулись также на поддержку своей кавалеріи. Тогда командиръ полка, полковникъ Куколевскій, крикнулъ своимъ: «ребята, дѣло не въ орудіяхъ, а въ побѣдѣ, стройся и впередъ!» Дружнымъ натискомъ драгуны сломили несшуюся на нихъ кавалерію. Но они были за версту впереди своихъ, посреди непріятельскихъ линій, обратившихъ на нихъ весь свой огонь; цѣль атаки была достигнута. Графъ Нироդъ отвелъ полкъ съ 4-мя Турецкими орудіями подъ огнемъ двухъ линій, обхватившихъ его съ фронта и тыла и выстроилъ его за драгунами наслѣднаго принца Виртембергскаго полка. Главная батарея праваго фланга непріятеля приведена была въ совершенное бездѣйствіе.

Видя стремительную атаку драгунъ, Турки хотѣли отвлечь ее натискомъ съ своей стороны на сосѣднемъ

пунктѣ. Осыпавъ своими снарядами Бѣлевскія колонны, они двинули на нихъ три штуцерные баталіона съ артиллеріей, а правѣе, у подошвы горы — уланъ. Бѣлевцы стояли твердо, подъ начальствомъ своего временно-командующаго полкомъ, извѣстнаго на Кавказѣ офицера, полковника Ольшевскаго. Наши стрѣлки, сомкнутые въ кучки полковникомъ Лузановымъ, остановили уланъ съ-разу. Но генералъ Бѣлявскій, атакованный одновременно пѣхотою и кавалеріею, осыпаемый картечью, долженъ былъ принять бой оборонительный. Турецкіе штуцерные баталіоны, поддержанные всею линіею, шли впередъ съ рѣдкою отвагою; стрѣлковая цѣпь ихъ сыпала коническія пули въ наши колонны. Одна минута только, можетъ быть, была сомнительна. Но тутъ стоялъ непобѣдимый драгунскій полкъ наслѣднаго принца Виртембергскаго. Жертвуя въ минуту необходимости всѣми правилами тактики, онъ, въ 6-ти эскадронномъ составѣ, безъ артиллеріи, ринулся на линію непріятельскихъ штуцерныхъ баталіоновъ и осадилъ ее съ-разу. Полковникъ Тихоцкій ударилъ съ пикинерами съ лѣва, полковникъ князь Дондуковъ-Корсаковъ съ 2-мя дивизіонами справа. Переднія шеренги Турокъ повалились отъ удара одна на другую; но баталіоны не подались. Непріятельскіе штуцерные стояли какъ львы. Смыкаясь на тѣлахъ товарищей, они рѣзались штыками и отбивались. Турецкая кавалерія, вылетая поминутно впередъ, поддерживала ихъ. Полковникъ Долотинъ, дѣйствовавшій съ 7-ю донскою батареею гораздо правѣе за лѣвой оконечностію нашего центра, увидѣвъ эту свалку, сейчасъ же послалъ туда дивизіонъ конной артиллеріи. Есаулъ Кульгачевъ, промчавшись мимо драгунъ, снялся съ передковъ передъ среднимъ непріятельскимъ баталіо-

номъ и ударилъ на него картечью. Турки не колыхнулись, но батальный огонь ихъ почти разомъ положилъ большую часть прислуги и трехъ лошадей нашего дивизіона. Среднія орудія остались только при трехъ раненыхъ номерахъ. Не имѣя людей, чтобы взять на передки и только по двѣ раненыхъ лошади въ упряжи, есаулъ Кульгачевъ отвезъ два крайнія орудія, менѣе пострадавшія, и передки отъ подбитыхъ; оставшіеся три номера выстрѣлили еще разъ и тутъ же погибли. Турки стали на орудіяхъ; это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Оставшіяся два орудія, налетѣвъ снова, продолжали бить въ упоръ. Драгуны рубились почти на мѣстѣ, не отходя далѣе 100 шаговъ, подъ сыпавшимся штуцернымъ огнемъ. Изъ 33-хъ офицеровъ этого полка, выѣхавшихъ въ дѣло, 23 выбыли изъ фронта. Полковой командиръ, генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе, стоя впереди всѣхъ, указывалъ шашкою своимъ людямъ пункты, куда должно броситься; и поэтому нѣмому призыву взводы въ 15-ть и 20-ть человѣкъ, смыкаясь, часто безъ офицеровъ, врѣзывались въ непріятельскую пѣхоту, умирали или оставались побѣдителями. Штуцерные Турецкіе баталіоны не подались ни шагу и всѣ легли на мѣстѣ. Баталіонъ, захватившій наши орудія, былъ переколотъ нашими штыками до послѣдняго человѣка. Драгунскій Е. И. В. Николая Николаевича полкъ, устроившись послѣ своей блестящей атаки, вышелъ снова на правый флангъ Виртембергцевъ; но и ему много было дѣла противъ безпрестанныхъ натисковъ кавалеріи, возобновлявшей свои атаки чрезвычайно скоро.

Еще кавалерійское дѣло было во всемъ разгарѣ, когда постепенно усилившійся напоръ на нашъ правый флангъ и постоянно прибывавшія массы непріятеля, заставили

г.-л. князя Бебутова вызвать съ лѣваго фланга генерала Багговута и поручить ему правый флангъ. Генералъ Багговутъ повелъ съ собою дивизіонъ В. К. Николая Николаевича полка, три сотни донскаго № 20-го полка и конно-ракетныя команды.

Между тѣмъ генералъ Бѣлявскій обратилъ весь свой огонь противъ Турецкихъ уланъ, постоянно насѣдавшихъ на него изъ-за подошвы горы. Ему трудно было двинуться, подставляя свой флангъ кавалеріи. Не обращая вниманія на огонь, сыпавшійся сверху, онъ обратилъ все дѣйствіе своей артиллеріи и стрѣлковъ на Турецкихъ уланъ, и когда, наконецъ, они скрылись за горою, 3-й Бѣлевскій, 1-й Тульскій баталіонъ и стрѣлки, предводительствуемые генераломъ Бѣлявскимъ и полковникомъ Ольшевскимъ, двинулись безъ выстрѣла въ штыки на непріятельскую пѣхоту. Турки заколебались и поспѣшно стали отвозить орудія. Драгуны наслѣднаго принца Виртембергскаго полка бросились въ послѣдній разъ, смяли разстроенную линію и захватили оставшіяся еще на позиціи 2 наши и 4 Турецкія орудія. Турки отступили на всемъ своемъ правомъ флангѣ въ 8 часовъ утра.

Въ то время какъ генералъ Бѣлявскій началъ дѣло на лѣвомъ крылѣ и драгуны понеслись въ атаку, г. л. князь Бебутовъ двинулъ впередъ центръ, подъ начальствомъ ген.-лейт. Бриммера. Въ 7-мь часовъ карабинеры и гренадеры, составлявшіе съ 3-мя батарейными батареями боевыя линіи, подъ начальствомъ генерала Бриммера, сошли въ лощину и стали на позицію въ 450-ти саженяхъ отъ непріятеля, занимавшаго противоположную окраину. Турки обратили на нихъ свои 3 батареи со всего центра и другія съ ближайшихъ къ нему пунктовъ лѣваго крыла.

Дугообразное расположенiе Турецкой армiи позволило ей обстрѣливать выдавшiяся противъ средины ея войска близкимъ перекрестнымъ огнемъ. Не смотря на то наши батареи дѣйствовали съ хладнокровiемъ и вѣрностiю, выше всякихъ похвалъ.

Послѣ канонады, продолжавшейся около получаса, наши линiи двинулись; батареи впереди на рысяхъ, пѣхота тихо и мѣрно, чтобы не утомить людей. Наши колонны были еще далеко, когда нѣсколько непрiятельскихъ баталiоновъ сбѣжали уже къ подошвѣ высоты и залегли на ней, чтобы встрѣтить нашъ отрядъ батальнымъ огнемъ. Все, что было у Турокъ орудiй и штуцерныхъ въ центрѣ и на примыкавшихъ къ нему крылахъ, оставя всякое дѣло, обратились на наступающую бригаду. Она шла подъ настоящею тучею изъ чугуна и свинца. Въ 250-ти саженяхъ отъ непрiятеля наша линiя остановилась; батареи снялись съ передковъ. Мѣсто, выбранное на полугорѣ опытнымъ генераломъ Бриммеромъ, значительно сохранило наши войска: большая часть непрiятельскихъ снарядовъ и пуль переносилась черезъ головы, между тѣмъ, какъ наши ядра и гранаты на такомъ близкомъ разстоянiи поражали самую средину Турецкихъ баталiоновъ; они колебались, но стояли, увѣренные въ побѣдѣ своимъ численнымъ превосходствомъ.

Но вскорѣ Турки начали отступать на своемъ правомъ крылѣ. Оно было далеко отброшено въ поле. Дожидавшiеся только этой минуты, генералъ-адъютантъ князь Барятинскiй и генералъ-лейтенантъ Бриммеръ двинули центръ на проломъ. Гренадеры и карабинеры шли какъ каменная стѣна. Однакожъ Турецкiя массы были такъ огромны, такъ тѣсно сплочены, представляли такую не-

проницаемую стѣну штыковъ и орудій, что въ эти минуты, когда двѣ стороны, наконецъ сходились, сомнѣніе могло запасть въ душу каждаго; 7-мъ нашихъ баталіоновъ должны были сломить 20-ть Турецкихъ... Атакующая линія наша, стройно и не ускоряя движенія, подошла къ непріятелю на 60-тъ саженъ. Наши батареи въ мгновеніе снялись съ передковъ и картечью своею привели стоявшіе противъ нихъ Турецкіе баталіоны въ совершенное разстройство; Турки непоколебимо выдержали этотъ смертоносный огонь и вдругъ вся масса ихъ, съ гикомъ, огласившимъ боевое поле, ринулась къ высотамъ на нашихъ. Наши успѣли дать только одинъ залпъ картечью и гренадерская бригада, встрѣчая каждымъ баталіономъ цѣлый полкъ, скрестила съ Турками штыки.— 1-й баталіонъ карабинеръ пошелъ на встрѣчу 4-мъ баталіонамъ аравійскаго полка и съ перваго удара отбросилъ ихъ назадъ. Но за нимъ стояла 2-я линія. Генералъ Кишинскій, уже ослабѣвшій отъ потери крови и едва двигавшійся, повелъ на подмогу 1-му карабинерному двѣ роты 4-го гренадерскаго, и съ этими $1^1/_2$ баталіонами прорѣзался штыками сквозь всѣ турецкія линіи. Другой Аравійскій полкъ съ примѣрною храбростію пошелъ противъ интервала 1-й и 2-й батарей. — 2-й гренадерскій баталіонъ, въ первыя минуты былъ оттѣсненъ превосходными силами непріятеля къ нашимъ батареямъ. Но генералъ Бриммеръ двинулъ къ нему 3-й карабинерный и 3-й гренадерскій баталіоны, между тѣмъ какъ 2-й гренадерскій, уступившій только физической силѣ, снова врѣзался въ напиравшую на него массу непріятелей. Обойденная нашими баталіонами, она была опрокинута въ мигъ. Двѣ роты 1-го эриванскаго баталіона забѣжали

ей въ тылъ. Храбрые Аравійцы почти всѣ легли на русскихъ штыкахъ. Наши баталіоны врѣзались въ сбившіяся въ одну массу непріятельскія колонны и не давая имъ вздохнуть, заставили ихъ пятиться шагъ за шагомъ и обратиться, наконецъ, въ совершенное бѣгство. Преслѣдованіе продолжалось до тѣхъ поръ, покуда руки нашихъ солдатъ не устали колоть непріятеля. Итакъ 7-мъ нашихъ баталіоновъ, не имѣя при себѣ ни одного всадника, сломили здѣсь 20-ть лучшихъ Турецкихъ баталіоновъ, поддерживаемыхъ 40 орудіями и многочисленною кавалеріею. Въ 9-ть часовъ утра былъ нанесенъ рѣшительный ударъ непріятелю въ центрѣ. Но преслѣдованіе центра не могло продолжаться долго. У нашего отряда не было здѣсь кавалеріи и лѣвое непріятельское крыло, равное числомъ всему корпусу, стояло еще въ грозномъ порядкѣ, готовое ринуться на нашъ отрядъ.

Уже дѣло было во всемъ разгарѣ на нашемъ лѣвомъ флангѣ и центръ двигался впередъ, когда направлявшіяся на нашъ правый флангъ колонны стали подходить и становиться на позицію. До конца 8-го часа лѣвый флангъ Турокъ былъ занятъ многочисленными массами иррегулярной кавалеріи, двумя полками уланъ и нѣсколькими орудіями. Къ 8-ми часамъ чрезвычайно многочисленная иррегулярная кавалерія двинулась уже въ обходъ оконечности нашего праваго фланга; двѣ сильныя Турецкія батареи громили фронтъ нашей кавалеріи съ двухъ сторонъ; пѣхота Турецкая стояла въ нѣсколько линій на близкій пушечный выстрѣлъ; огромныя толпы баши-бузуковъ и Бедуиновъ, поддерживаемые регулярной кавалеріей, полкомъ пѣхоты и батареей, и сзади еще пѣхотой, обходили и тѣснили уже оконечность нашего праваго фланга. Но

смѣлый князь Андронниковъ, командовавшій милиціей нашей, умѣлъ удержать ее въ рядахъ: не смотря на сыпавшійся въ нее артиллерійскій огонь, и, все заходя вправо, противъ обходнаго движенія непріятеля, хотя съ большимъ трудомъ, но сдерживалъ его напоръ. Лѣвѣе, три сотни линейцевъ полковника Скобелева, не смотря на рѣшительность своего начальника и на самое стойкое мужество казаковъ, не могли сдѣлать шагу впередъ противъ непріятеля, вдесятеро многочисленнѣйшаго.

Непріятель подвелъ свои массы для того, чтобы сбить нашъ правый флангъ и обойти съ тыла. Нельзя было терять времени ни минуты. 6-ть ротъ Ряжцевъ были поставлены въ двухъ мѣстахъ позади нашей иррегулярной конницы, какъ опорные пункты; — сводно-линейный баталіонъ придвинутъ къ 3-мъ сотнямъ. Чтобы сколько нибудь отбить непріятеля и дать себѣ просторъ, генералъ Багговутъ выдвинулъ впередъ конно-ракетныя команды подъ прикрытіемъ 3-хъ донскихъ сотенъ. Ракеты, взвиваясь между лошадьми огненными змѣями, сразу навели ужасъ на баши-бузуковъ; — они отхлынули. Пользуясь этой минутой, генералъ Багговутъ обратился къ своимъ войскамъ: «ребята, сказалъ онъ, лѣвый флангъ и центръ побѣдили; очередь за одними вами;—ура Царю нашему!» «Ура!» грянуло по полю. Три сотни Скобелева, за нимъ полкъ Камкова, 3 сотни донцовъ и конно-мусульманская бригада, поддержанные дивизіономъ драгунъ, ринулись впередъ. Наши казаки врѣзались стремительно въ толпы Турокъ, между тѣмъ какъ мусульманскіе всадники облетѣли ихъ справа. Вся масса непріятельской иррегулярной конницы, обходившая нашъ флангъ, была опрокинута съ-разу и бѣжала въ разсыпную. Сотни Скобелева,

съ частію донскаго № 20-го полка, сейчасъ же заворотили правымъ плечомъ на поддерживавшій баши-бузуковъ дивизіонъ конной артиллеріи, прикрываемой регулярною кавалерію, и, изрубивъ прислугу, выхватили у непріятеля 3 орудія. Уланскій Турецкій полкъ, пытавшійся удержать преслѣдованіе, былъ мгновенно атакованъ съ фронта сотнями Скобелева донцами и дивизіономъ Е. И. В. Николая Николаевича полка, а съ фланга линейцами полковника Камкова, и тутъ опрокинутъ и почти весь истребленъ. Разскакавшіеся линейцы пролетѣли вслѣдъ за нимъ интервалы Турецкихъ баталіоновъ. Пѣхотный Турецкій полкъ, поддерживавшій обходившую нашъ отрядъ кавалерію, стоялъ однакоже крѣпко. Нѣсколько ротъ Ряжцевъ, храбро двинувшихся на столь превосходныя силы непріятеля, были удержаны батальнымъ огнемъ и Турецкіе баталіоны сами пошли на нихъ въ штыки. Въ это мгновеніе дивизіонъ В. К. Николая Николаевича полка налетѣлъ на нихъ, не далъ имъ даже остановиться и далеко отбросилъ назадъ. Ряжцы немедленно возобновили наступленіе. Эскадронъ фельдмаршальскаго полка, пикинерный дивизіонъ того же полка, казаки, дивизіонъ 6-й донской батареи и дивизіонъ линейный бросились тогда на Турецкій полкъ. Рѣдѣя отъ картечи, атакуемый поминутно, полкъ этотъ оказалъ однакоже такое сопротивленіе, какое могутъ оказать только храбрые.

Когда правый флангъ непріятеля былъ отброшенъ и бой въ центрѣ принялъ рѣшительный оборотъ, генералъ-лейтенантъ князь Бебутовъ, принявъ подъ свое начальство Тульскіе баталіоны, предводимые храбрымъ и опытнымъ командиромъ генералъ-маіоромъ Фетисовымъ, 1-ю легкую батарею и два дивизіона съ дивизіономъ 6-й дон-

ской батареи, ударилъ на лѣвое крыло непріятеля. 1-й и 2-й дивизіоны драгунъ фельдмаршалскаго полка, и дворянскія дружины также стремительно бросились на непріятеля. Атака была ужасная и рѣшительная. Турки пробовали защищаться, но не устояли. Драгуны опрокинули все па своемъ пути, захватили 4 орудія, и покрыли непріятельскими трупами скатъ горы. Все лѣвое Турецкое крыло разсыпалось. Драгуны, казаки, мусульманскіе всадники, охотники полковника Лорисъ-Меликова и Грузинская дружина топтали и рубили эти толпы. Только въ первомъ часу прекратилось преслѣдованіе по изнеможенію людей и лошадей.

Войску на всѣхъ пунктахъ былъ данъ привалъ. Нѣкоторыя части дрались не менѣе семи часовъ; люди, изнемогшіе въ этомъ кровавомъ бою, должны были отдыхать на совершенно безводномъ полѣ. Нужно было пополнить снаряды, убрать около двухъ тысячъ раненыхъ, и собрать въ одно мѣсто большое число взятыхъ нами плѣнныхъ. До непріятельскаго лагеря оставалось еще не менѣе 10-ти верстъ. Поэтому князь Бебутовъ остановилъ преслѣдованіе. Притомъ разбитую армію и некуда было преслѣдовать; такъ какъ наши удары были не одновременны, то часть ея разсѣялась по всѣмъ направленіямъ. Къ концу вездѣ видны были только отдѣльно бѣгущія толпы.

Послѣдствія побѣды были самые рѣшительные. Въ рукахъ войска нашего остались 15-ть орудій съ 16-ю зарядными ящиками, 2 знамени, 4 штандарта, 20-ть значковъ, множество оружія, барабановъ, музыкальныхъ инструментовъ и 2,018 плѣнныхъ, изъ которыхъ: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 84, нижнихъ чиновъ

1,932, всѣ регулярной пѣхоты—низама. На полѣ сраженія въ первыя минуты послѣ боя было насчитано 2,232 тѣла, и по вѣрнымъ извѣстіямъ, Турки успѣли, во время сраженія, унести болѣе 1,000 своихъ труповъ. Впослѣдствіи штабъ-офицеры, посылаемые пять дней сряду съ колоннами, для зарытія Турецкихъ труповъ, доста́вили свѣдѣніе, что ими зарыто 2,825 тѣлъ; но трудно было отыскать всѣ трупы, отдѣльно разбросанные по пути отступленія непріятеля. Лазутчики дали знать, что потеря Турокъ простирается до 10,000 человѣкъ, и кромѣ того 12,000 баши-бузуковъ разбѣжались. Часть арміи поспѣшно отступила, другая обратилась въ самое безпорядочное бѣгство и только 40 тысячъ укрылись въ крѣпости Карсъ, изъ 60-ти тычячъ сражавшихся противъ нашего отряда состоявшаго только изъ 18-ти тысячъ.

Потеря наша состояла изъ убитыхъ: штабъ-офицеровъ 4, оберъ офицеровъ 17, нижнихъ чиновъ и милиціонеровъ 578; раненыхъ: штабъ-офицеровъ 9, оберъ-офицеровъ 70, нижнихъ чиновъ 1,879; контуженыхъ: генералъ-маіора Чавчавадзе, штабъ-офицеровъ 9, оберъ-офицеровъ 29, нижнихъ чиновъ 457; а всего 3,054 человѣка. Изъ этого числа около 600 остались въ рядахъ.

Въ кровопролитномъ бою при Кюрукъ-Дара весь отрядъ нашъ отъ офицеровъ до послѣдняго рядоваго выказалъ необыкновенные подвиги мужества, храбрости и хладнокровія. Но изъ отдѣльныхъ подвиговъ наиболѣе замѣчательны слѣдующіе:

Батарейная № 1-го батарея, Кавказской бригады, ослабивъ непріятеля огнемъ своимъ на разстояніи пушечнаго выстрѣла, вынеслась впередъ и, снявшись отъ непріятельской позиціи въ 250-ти саженяхъ, снова открыла

огонь. Турки начали усиливать свои батареи и поражать нашу артиллерію перекрестными выстрѣлами: тогда начальникъ артиллеріи кавказскаго корпуса, генералъ-лейтенантъ Бриммеръ, приказалъ этой батареѣ вынестись впередъ на самый ближній картечный выстрѣлъ. Батарея наша, не смотря на сосредоточенный огонь непріятельскій, начала наступательное движеніе и, когда была саженяхъ въ 120-ти отъ непріятеля, то командиръ оной, старый кавказецъ, полковникъ Ладога, подъѣхавъ къ генералу Бриммеру сказалъ: «Ваше превосходительство, хорошій картечный выстрѣлъ; не прикажете-ли сняться?» — «Рано» — было ему отвѣтомъ — и дѣйствительно батарея открыла огонь лишь въ 70-ти саженяхъ отъ Турецкой позиціи.

Командиръ 1-го баталіона эриванскаго карабинернаго Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича полка, князь Торхановъ, верхомъ на лошади, съ шашкой въ рукѣ, бросился на Турецкаго знаменщика, но былъ встрѣченъ нѣсколькими штыками. Увидѣвъ это, фельдфебель Шефской роты бросился на выручку своего баталіоннаго командира, выстрѣломъ въ упоръ убивъ одного Турка, штыкомъ закололъ знаменщика и овладѣлъ знаменемъ.

Драгунскаго Е. И. В. Николая Николаевича полка полковникъ Спицынъ, при атакѣ съ командуемымъ имъ дивизіономъ противъ Турецкой кавалеріи, получилъ двѣ раны и подъ нимъ убита лошадь. Унтеръ-офицеръ его дивизіона немедленно соскочилъ съ своей лошади и, подведя ее къ полковнику Спицыну, сказалъ: «Садитесь, ваше высокоблагородіе, вы нужнѣе меня.» — Великодушный воинъ пережилъ своего начальника; ибо послѣдній, несогласившись даже перевязать своихъ ранъ, снова бросился съ

своимъ дивизіономъ въ атаку противъ Турецкой пѣхоты и былъ убитъ 12-ю пулями.

Когда нашъ центръ, въ которомъ отличились Гренадеры и Эриванцы, сошелся съ Турками, наши и Турецкіе баталіоны остановились на мгновеніе другъ предъ другомъ, готовые обмѣняться смертельными ударами.... Вдругъ одинъ Эриванецъ схватываетъ съ себя шапку и бросаетъ Турку въ глаза, всадивъ ему въ тоже мгновеніе штыкъ въ грудь. Примѣру храбреца послѣдовали его товарищи и началась отчаянная рукопашная битва, окончившаяся извѣстнымъ разбитіемъ Турецкаго корпуса.

Рядовой 3-й фузелерной роты Гренадерскаго полка Тимофей Велигузъ, раненый въ ногу, сидѣлъ на землѣ; въ двухъ шагахъ отъ него лежалъ въ изнеможеніи раненый Турокъ. Замѣтно было, что еще не давно между ними была жестокая борьба на смерть; теперь они, казалось, забыли о томъ. Велигузъ, доставъ изъ сумки сухарь, усердно грызъ его, тогда раненый Турокъ весьма понятными жестами выразилъ, что чувствуетъ голодъ. «А!» сказалъ Велигузъ, «проголодался, бѣдный, ладно, позавтракаемъ», и далъ ему сухарей.

Рядовой 9-й фузелерной роты Гренадерскаго же полка Нахриновъ, раненый пулею въ лобъ, наклонивъ голову внизъ, засунулъ руку въ карманъ. — «Что ты, братъ, пули ищешь что-ли?» спросилъ его рядовой Толстыхъ, «ударили въ лобъ, а въ карманѣ ее ищешь!» «Пулю-то я нашелъ», отвѣчалъ Нахриновъ, «а въ карманѣ ищу бинтъ и тряпицы перевязать рану, а то кровь льется по глазамъ и мѣшаетъ враговъ различить, какъ бы, въ торопяхъ, въ иного Турка лишній разъ не пырнуть штыкомъ.» — «Правда,» замѣтилъ рядовой Лудниковъ, «да-

вай завяжемъ,—тутъ столько натолпилось враговъ, что не надо одного колоть два раза, а наровить какъ бы заразъ двухъ задѣть. Только проклятые разбрелись по всей степи, никакъ ихъ въ кучу не загонишь». И перевязавъ на скоро рану, три гренадера побѣжали преслѣдовать бѣгущаго врага.

Рядовой 4-й фузелерной роты, того же полка, Петръ Прокофьевъ, въ жару боя не слыхалъ, какъ его ранили пулею въ плечо; онъ стоялъ и торопливо заряжалъ ружье, когда командиръ той роты, увидѣвъ, что у него изъ плеча льется кровь, приказалъ ему идти на перевязочный пунктъ. «Слушаю, ваше благородіе,» отвѣчалъ Прокофьевъ, только позвольте разрядить на Туркѣ штуцеръ,» и побѣжавъ впередъ, выстрѣлилъ въ непріятельскаго офицера, который палъ мертвый на землю. «Ну, теперь можно идти на перевязку», сказалъ спокойно Прокофьевъ.

Рядовой Его Высочества роты Николай Нищевъ былъ сильно раненъ ядромъ въ правую ногу, ниже колѣна; вся кость была раздроблена. Страдая отъ ужасной раны, Нищевъ лежалъ на землѣ. Послѣ рукопашнаго боя Турки были опрокинуты. Въ это время мимо раненаго проходили той же роты унтеръ-офицеръ Володинъ и рядовой Скуловъ. Нищевъ, приставъ на колѣни, закричалъ имъ: «братцы! скажите пожалуста чья беретъ? «Вставай, братъ», отвѣчалъ Володинъ, «наши погнали Турокъ по затылку въ Карсъ.» — «Эхъ! жаль, братцы, что я безъ ноги,» сказалъ грустно Нищевъ, «не могу гнать съ товарищами Турокъ; спасибо вамъ, что порадовали меня хорошею вѣстью; за это я при концѣ жизни моей закричу, въ послѣдній разъ для Батюшки Царя три раза ура!» Нищевъ дѣйствительно изо всѣхъ силъ три раза крикнулъ

ура, но ослабѣвъ отъ напряженія, безъ чувствъ упалъ на землю. Его перенесли на перевязочный пунктъ.

Во время рукопашной битвы 2-го баталіона Гренадеръ съ непріятельскими баталіонами, Турецкій офицеръ бросился было верхомъ къ баталіоному знамени; но стоявшіе въ знаменныхъ рядахъ, фельдфебель Гренадерской роты Антипъ Ефимовъ и унтеръ-офицеръ Ѳедосѣй Черницкій закричали ему: «ну, любезный Турка, недожить тебѣ до этого! не слѣдъ тебѣ на святой крестъ тянуться», и Гренадеры штыками сняли дерзкаго съ лошади.

Рядовому 3-й фузелерной роты Потапу Пакуну ядро пробило ногу; стоявшій въ то время около него рядовой Ларіонъ Данилюкъ, желая его утѣшить, сказалъ: «ничего, братъ, это только контузія.» — «Да, контузія,» отвѣчалъ раненый, «а какая же, по твоему, бываетъ рана?» — «Да вотъ, напримѣръ, оторвутъ кому голову,» отвѣчалъ послѣдній усмѣхнувшись. Въ это мгновеніе ядро размозжило Данилюку голову. Пакунъ приподнялся, съ состраданіемъ посмотрѣлъ на убитаго, и проговорилъ: «правда, что у меня контузія, а вотъ его такъ ужъ точно ранили».

ОСАДА КАРСА, 6 ІЮНЯ ПО 16 НОЯБРЯ 1855 ГОДА.—Движеніе Кавказской арміи къ Карсу и обложеніе Карса.—Бѣдственное положеніе гарнизона въ Карсѣ.—Штурмъ Карса 17-го сентября.—Голодъ въ крѣпости.—Сдача Карса.—Приказъ главнокомандующаго генералъ-адъютанта Муравьева по Отдѣльному Кавказскому корпусу.

Неудачи потерпѣнныя Турками въ битвахъ на закавказско-турецкой границѣ до того ослабили силы ихъ, что, со времени пораженія при Кюрукъ-Дара, 24-го іюля 1854 года, наступательныхъ дѣйствій къ границамъ нашимъ они не предпринимали; тѣмъ болѣе, что въ это же

время они вынуждены были часть своихъ войскъ и средствъ отдѣлить къ Севастополю, гдѣ участвовали въ осадѣ Севастополя вмѣстѣ съ англійскими и французскими войсками.

Между тѣмъ побѣдоносная кавказская армія, отразивъ всѣ наступательныя дѣйствія Турокъ, предприняла движеніе за турецкую границу. Въ продолженіе времени съ 24-го мая по 6-е іюня 1855 года, главныя силы кавказской арміи придвинулись къ сильной турецкой крѣпости Карсъ на 7-ми верстное разстояніе, и 6-го іюня произведена была усиленная рекогносцировка непріятельскихъ укрѣпленій подъ личнымъ начальствомъ командовавшаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, генералъ-адъютанта Н. Н. Муравьева. Къ 18-му іюля крѣпость Карсъ была совершенно обложена нашими войсками. Всѣ пути сообщенія непріятеля съ окрестными селеніями и деревнями отрѣзаны и заняты нашими отрядами, для предупрежденія подвоза продовольственныхъ запасовъ въ крѣпость; такъ что слѣдовавшіе въ крѣпость транспорты и обозы съ довольствіемъ для турецкаго гарнизона, были постоянно захватываемы на всѣхъ дорогахъ нашими летучими отрядами.

Такимъ образомъ турецкій гарнизонъ, состоявшій изъ 30,000 человѣкъ, былъ совершенно запертъ въ крѣпости и ему предложено было сдаться военноплѣннымъ, но Турки не согласились; поддерживаемые Англійскимъ генераломъ Вильямсомъ, находившимся въ крѣпости и руководившимъ всѣми работами, Турки рѣшились упорно защищаться, до послѣдней крайности, и возводили укрѣпленія и батареи. Въ незначительныхъ стычкахъ Турокъ съ нашими разъѣздами, посылавшимися съ цѣлію выманить Турокъ

изъ крѣпости, не мало было ихъ убито и захвачено въ плѣнъ.

Въ началѣ обложенія Карса у непріятеля заготовлено было провіянта три мечети, и потому онъ разсчитывалъ, что довольствія хватитъ гарнизону на долго, тѣмъ болѣе, что надѣялся еще на скорую помощь своихъ и неприступность крѣпости. Но время шло, запасы истреблялись, а помощи осажденнымъ ни откуда не было.

Наши же войска, обезпеченные продовольствіемъ, расположились вокругъ крѣпости бивуакомъ съ возможнымъ удобствомъ. Главнокомандующій, генералъ - адъютантъ Муравьевъ, объявилъ, что, во избѣжаніе кровопролитія, онъ намѣренъ принудить Турокъ къ сдачѣ голодомъ и въ тоже время принялъ рѣшительныя мѣры, дабы другіе турецкіе отряды не могли подать помощи Карскому гарнизону.

Блокада длилась уже около четырехъ мѣсяцевъ. Потери непріятеля увеличивались съ каждымъ днемъ; множество Турокъ было побито во время нашихъ разъѣздовъ, посылавшихся почти ежедневно, не мало и бѣжало изъ крѣпости недовольныхъ, голодныхъ, оборванныхъ, грязныхъ, худыхъ, отчасти къ намъ, гдѣ ихъ принимали ласково, кормили и поили хорошею здоровою пищею; многіе же изъ бѣжавшихъ изъ крѣпости Турокъ, разбрелись по окрестностнымъ деревенямъ и селеніямъ. Не смотря на то гарнизонъ Турецкій, все еще надѣялся на помощь своихъ, все еще держался.

21-го августа командиръ 6-го эскадрона, штабсъ-капитанъ Андреевъ, будучи въ разъѣздѣ, захватилъ партію, вышедшихъ изъ Карса торговцевъ до 60-ти человѣкъ. Отъ нихъ получены были свѣдѣнія, что изъ трехъ мече-

тей, наполненныхъ провіантомъ, остается его уже только полъ-мечети, и что такъ какъ турецкіе солдаты получаютъ всего по 52 драхмы (около $1^1/_4$ фунта) въ сутки, то продовольствія этого можетъ достать не болѣе какъ на два мѣсяца; что изъ 30,000 человѣкъ гарнизона, вслѣдствіе постоянныхъ побѣговъ, потерь въ дѣлахъ и болѣзней, въ особенности холеры, осталось только 22,000. Фуража совсѣмъ нѣтъ; изнуренныя лошади перестрѣляны, часть кавалеріи обращена въ пѣхоту, а остальную, до 2,500 человѣкъ, рѣшено отпустить въ Арзерумъ, въ слѣдующую же ночь.

По доведеніи объ этомъ до свѣдѣнія главнокомандующаго, приказано было въ ночь съ 22-го на 23-е августа перехватить Турокъ во время перехода ихъ изъ Карса въ Арзерумъ, что и было исполнено своднымъ дивизіономъ (4-мъ и 5-мъ эскадронами) подъ начальствомъ маіора Кишинскаго. Изъ 2,500 человѣкъ взято въ плѣнъ 400 и 13-ть штабъ и оберъ-офицеровъ, со множествомъ оружія и лошадей. Остальные всѣ были переловлены полковникомъ Шульцемъ, находившимся съ отрядомъ по дорогѣ въ Арзерумъ, куда слѣдовали Турки.

Блокада крѣпости продолжалась и разъѣзды съ каждымъ днемъ усиливались и постоянно приводили плѣнныхъ Турокъ; перебѣжчики являлись каждодневно по нѣскольку человѣкъ и доставляли свѣдѣнія о бѣдственномъ положеніи гарнизона въ крѣпости, высказывая неудовольство на распоряженія англійскаго генерала Вильямса, который убѣждалъ не сдаваться и постоянно обнадеживалъ скорымъ прибытіемъ войскъ въ подкрѣпленіе гарнизону.

Дѣйствительно, въ началѣ сентября и въ нашихъ войскахъ получено было извѣстіе о движеніи непріятеля, но

куда, объ этомъ, сначала не было вѣрныхъ свѣдѣній. Около 17-го сентября, главнокомандующій кавказскою арміею былъ извѣщенъ, что Турки усиливаются въ окрестностяхъ Батума и имѣютъ намѣреніе произвести одновременное движеніе въ Гурію и къ Ахалцыху, и съ другой стороны отъ Эрзерума по направленію къ Карсу.

Главнокомандующій, генералъ-адъютантъ Н. Н. Муравьевъ рѣшился воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ Карсскаго гарнизона до прибытія къ крѣпости подкрѣпленія отъ Эрзерума и, съ этою цѣлію, 15-го сентября собралъ военный совѣтъ, на которомъ всѣ единогласно порѣшили: атаковать крѣпость и штурмовать Шорахскія высоты, какъ наиболѣе слабѣйшія, а между тѣмъ господствующія надъ прочими; надѣялись, что съ занятіемъ ихъ падетъ и Карсъ.

День штурма назначенъ былъ на 17-е сентября.

Войска, назначенныя на штурмъ, были раздѣлены на четыре колонны:

Первая колонна, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Ковалевскаго, вторая, подъ начальствомъ генералъ-маіора Майделя, третья, подъ командою генералъ-маіора графа Нирода и четвертая колонна (резервъ), подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Бриммера; кромѣ того, отдѣльный отрядъ, подъ командою генералъ-маіора Базина, дѣйствовавшій по особому распоряженію.

Колонны двинулись на штурмъ въ 4 часа утра съ величайшимъ мужествомъ и въ примѣрномъ порядкѣ. Атака отряда генералъ-маіора Базина была успѣшна, но къ прискорбію, почти при началѣ штурма, многіе изъ главныхъ и частныхъ начальниковъ войскъ были или ранены или убиты. Отъ сего общая связь дѣйствій разстроилась и

самыя отчаянныя усилія въ кровопролитной битвѣ, продолжавшейся нѣсколько часовъ, не были успѣшны. Генералъ-адъютантъ Муравьевъ, замѣтя неуспѣхъ штурма, выдвинулъ резервъ и приказалъ, подъ прикрытіемъ его, штурмующимъ колоннамъ отступить. Упорство, съ которымъ войска наши сражались, превосходитъ всякую похвалу. Начальники частей, настаивая на исполненіи даннаго имъ приказанія держаться до послѣдней крайности въ занятыхъ укрѣпленіяхъ и овладѣть редутами, собирали и устроивали людей подъ убійственнымъ огнемъ, воодушевляли подчиненныхъ своихъ примѣромъ неустрашимости и самоотверженія, сами водили ихъ то противъ Турецкихъ войскъ, выбивавшихъ наши войска изъ укрѣпленій, то противъ редутовъ. Ободряемые примѣромъ, неустрашимые Кавказцы часто на штыкахъ выносили цѣлыя колонны турецкія, рубили и кололи Турокъ до тѣхъ поръ, пока не были сжаты массами Турецкихъ силъ и некуда было двинуться... Тогда артиллерія, своимъ успѣшнымъ дѣйствіемъ, рѣдила толпы непріятеля и освобождала наши войска отъ напора его.

Перечислить всѣ частные подвиги истиннаго мужества и самоотверженія, выказанные въ день штурма войсками было бы невозможно.

Уронъ нашъ въ этомъ кровопролитномъ штурмѣ, выбывшими изъ строя, ранеными, убитыми и контуженными, состоитъ изъ 6,517 человѣкъ, въ томъ числѣ генераловъ 4 (генералъ Ковалевскій умеръ), штабъ-офицеровъ 33 и оберъ-офицеровъ 220. Изъ числа выбывшихъ изъ строя многіе уже къ 1-му октября, поправившись, возвратились въ ряды войскъ.

Уронъ непріятеля, во время отбитія штурма, также зна-

чителенъ; не смотря на то, что Турки находились въ укрѣпленной позиціи, потеря ихъ простирается до 4,000 человѣкъ, большею частію побитыхъ холоднымъ оружіемъ. Изъ числа 23-хъ орудій, отбитыхъ у непріятеля, привезено 4, остальные или заклепаны или испорчены; кромѣ того отбито 14 разныхъ знаменъ и значковъ турецкихъ.

Въ тотъ же день войска снова размѣстились по своимъ прежнимъ мѣстамъ, и блокада Карса, возстановлена въ прежнемъ порядкѣ; отряды наши и разъѣзды вновь, ежедневно, приводили плѣнныхъ Турокъ, выбѣгавшихъ изъ крѣпости, нападали на непріятельскихъ фуражировъ и отдѣльныя партіи и захватывали ихъ. Перебѣжчики являлись постоянно и въ октябрѣ мѣсяцѣ число ихъ увеличилось. По доставленнымъ ими свѣдѣніямъ, крѣпость не могла держаться долго; бѣдствія въ городѣ усиливались; въ войскѣ турецкомъ чувствовался уже недостатокъ пищи и теплой одежды, болѣзни сильно развивались; жители волновались. Недостатокъ въ провіантѣ до того увеличился, что Турки неохотно даже соглашались на размѣнъ плѣнныхъ. Такъ, когда отправили въ Карсъ 11 рядовыхъ и 1 турецкаго офицера, взятыхъ нашими разъѣздами въ разное время, то выѣхавшій изъ крѣпости офицеръ съ нашими 11-тью плѣнными былъ удивленъ и недоволенъ размѣномъ; сначала, онъ даже не хотѣлъ принимать своихъ раненыхъ, тогда какъ нашихъ раненыхъ онъ возвратилъ съ видимымъ удовольствіемъ, радуясь, что гарнизонъ избавился отъ лишнихъ людей, требующихъ ухода и пищи. Плѣнные Турки, высказывали крайнее неудовольствіе, когда имъ объявили, что возвратятъ ихъ въ Карсъ для размѣна на нашихъ плѣнныхъ; бѣднякамъ хорошо

было въ нашихъ отрядахъ, гдѣ они пользовались всѣми удобствами и хорошею пищею.

Къ половинѣ ноября мѣсяца побѣги Турокъ изъ Карса усилились и, по разсказамъ перебѣжчиковъ, войска наши имѣли свѣдѣнія о каждомъ почти баталіонѣ и о каждомъ полкѣ Карсскаго гарнизона. Приходившіе Турки большею частію всѣ были истощены на видъ и хотя приходили на допросъ уже не голодные, но многимъ, отъ изнеможенія, дѣлалось дурно; другіе засыпали во время распросовъ. Голодъ, тяжкая служба осажденныхъ, недостатокъ теплой одежды и помѣщеній и, наконецъ, строгое блокадное положеніе, были причиною столь сильныхъ ихъ побѣговъ изъ крѣпости. «Я ушелъ,» отвѣчалъ одинъ на допросѣ, «потому что насъ кормятъ худо, одѣваютъ худо, и не вижу я ничего хорошаго впереди.»—«Я не бѣглецъ,» говорилъ другой, «я вышелъ съ ружьемъ своимъ; я много работалъ и хорошо сражался, но не можемъ мы дольше жить такъ, какъ живемъ теперь.» Большая часть выходцевъ изъ Карса пробиралась, если была въ состояніи идти, или къ себѣ домой въ разные города Анатоліи и Сиріи, или въ нашъ лагерь. Лазы уходили цѣлыми партіями съ оружіемъ; прочіе бѣжали по одиночкѣ или тоже по нѣскольку человѣкъ вдругъ; въ особенности побѣги усилились изъ редифа, или ополченія, уже прослужившаго срокъ своей службы. Кавалеріи въ Карсѣ давно уже не существовало: часть ея захвачена въ ночномъ дѣлѣ 22 и 23 августа, часть погибла отъ недостатка фуража лошадямъ; много коней было зарѣзано и съѣдено. Въ Карсѣ было особенное конское кладбище, гдѣ зарыто было до 2,400 зарѣзанныхъ лошадей. Верховыхъ лошадей имѣли

только Англичане, паши, командиры полковъ и нѣкоторые изъ баталіонныхъ.

Бѣдствія турецкой арміи ежечасно увеличивались; по разсказамъ перебѣжчиковъ, раздача мяса была уже давно прекращена; суточная порція солдата была: небольшой хлѣбикъ изъ черной пшеничной муки, вѣсомъ отъ $1/2$—$3/4$ фунта, и горсточка риса, изъ чего они варили себѣ супъ шурбу; тогда какъ работы въ крѣпости усиленно продолжались, отъ уменьшенія числа людей, служба становилась часъ отъ часу тяжелѣе; солдаты падали въ строю отъ изнуренія, случалось что они умирали на мѣстѣ мгновенно; госпитали были завалены больными. Часто турецкіе офицеры проѣзжая ночью мимо часоваго, который окликалъ ихъ, они спрашивали пороль, и чрезъ полчаса возвратясь къ нему, находили его уже мертвымъ отъ изнуренія и голода. Паши и Вильямсъ постоянно обѣщали скорое освобожденіе, но имъ уже не вѣрили больше и духъ войска до того ослабѣлъ, что въ рядахъ турецкаго войска говорилось уже о необходимости сдачи крѣпости.

Всѣ эти свѣдѣнія весьма радовали наше войско, которое, наскуча бездѣйствіемъ, рвалось въ бой или желало отдыха болѣе покойнаго. Нетерпѣливо ожидали войска наши непріятельскихъ парламентеровъ, для заключенія условій о сдачѣ. Дѣйствительно 12-го ноября передовые казацкіе пикеты замѣтили, что изъ крѣпости выѣхало къ нашему лагерю 5 человѣкъ парламентеровъ. Немедленно посланъ былъ изъ нашего лагеря офицеръ, чтобы принять и проводить ихъ въ лагерь. О прибытіи парламентеровъ доложено было главнокомандующему, который и принялъ ихъ въ своемъ домикѣ. Одинъ изъ парламентеровъ маіоръ

Тиздель, адъютантъ генерала Вильямса, представилъ главнокомандующему отъ Вильямса письмо, въ которомъ тотъ просилъ назначить ему завтра свиданіе, но за чѣмъ—было неизвѣстно. Получивъ согласіе главнокомандующаго, парламентеры уѣхали обратно въ Карсъ.

Вѣсть о прибытіи на завтра Вильямса въ нашъ лагерь быстро пронеслась по всѣмъ войскамъ и почти въ одинъ голосъ порѣшили всѣ въ рядахъ нашихъ: «Карсъ сдается.» Радость нашихъ войскъ, столь долго и томительно ожидавшихъ сдачи Карса, была весьма понятна, но тѣмъ не менѣе на всѣхъ напало какое-то сомнѣніе: что-то будетъ завтра.

На другой день 13-го ноября 1855 г. въ 11 часовъ утра посланы были два офицера съ 10-ю казаками, для встрѣчи Вильямса, который вскорѣ выѣхалъ изъ Карса, на бѣлой лошади: и былъ сопровождаемъ къ домику главнокомандующаго.

Вильямсъ, представляясь главнокомандующему, сказалъ ему, что считаетъ нынѣ своею обязанностію, по чувству человѣколюбія, сдать крѣпость русскимъ на капитуляцію; что съ своей стороны онъ исполнилъ долгъ чести и защищалъ Карсъ до послѣдней возможности, пока надѣялся на успѣхъ своего дѣла; но что теперь турецкая армія изнемогла, въ день умираетъ до 150 человѣкъ отъ изнуренія; хлѣбъ и припасы истощились; жители города бѣдствуютъ и гибнутъ отъ голода и болѣзней, и ни отъ кого, ни откуда, не видитъ онъ помощи и не ждетъ освобожденія. Провіанта осталось лишь на нѣсколько дней. Объяснивъ положеніе Карса, Вильямсъ просилъ назначить общія условія сдачи Карса. Вскорѣ условія сдачи крѣпости были опредѣлены, а именно: 1) отпустить нѣ-

сколько Венгерцевъ и другихъ иностранцевъ, бывшихъ въ рядахъ Карсской арміи, 2) отдать арміи военную честь и 3) офицерамъ сохранить шпаги; и кромѣ того отпустить редифъ по домамъ. Главнокомандующій въ условіяхъ, изъявилъ согласіе на эти условія, приказавъ тоже включить, что Турецкая армія сдается военноплѣнною и крѣпость Карсъ должна быть сдана Русскимъ со всѣмъ вооруженіемъ и имуществомъ. Подписавъ съ обѣихъ сторонъ условія эти, Вильямсъ возвратился въ крѣпость.

15 ноября Вильямсъ вновь пріѣхалъ самъ въ нашъ лагерь; объясненія и словесные переговоры были окончены. Турецкихъ войскъ въ Карсѣ оказалось только 16,000 человѣкъ съ больными въ госпиталяхъ и съ редифомъ. На 16 ноября назначено было выступленіе изъ крѣпости отпускаемыхъ войскъ и сдача крѣпости со всѣмъ имуществомъ. Радость нашихъ войскъ по объявленіи объ этомъ была торжественна; всѣ поздравляли другъ друга.

16 ноября, съ утра войска наши построились на равнинѣ за Карсъ-чаемъ; солдаты были въ тулупчикахъ; офицеры въ сюртукахъ. Свита собралась около домика главнокомандующаго. Въ часъ прибыли въ нашъ лагерь Англичане и Муширъ Васифъ-паша, главнокомандующій Анатолійскою арміею. Его и Вильямса провели въ кабинетъ главнокомандующаго Муравьева, который ласково привѣтствовалъ Мушира по-Турецки и разговаривалъ съ нимъ.

Вильямсъ и офицеръ его выразили желаніе не присутствовать при сдачѣ. Главнокомандующій разрѣшилъ имъ и они остались на верху въ нашемъ лагерѣ. Наконецъ все было готово къ сдачѣ: турецкая армія стала на рав-

нинѣ передъ русскою. Главнокомандующій съ Муширомъ вышли изъ домика и, держась подъ руку, спустились пѣшкомъ внизъ къ мосту; за ними вся свита, тоже пѣшкомъ; перейдя мостъ всѣ сѣли на коней. Объѣхавъ ряды нашихъ полковъ, при громкихъ крикахъ солдатъ, главнокомандующій приблизился къ турецкимъ войскамъ. На встрѣчу ему выѣхалъ Керимъ—паша, который долженъ былъ поднесть главнокомандующему ключи отъ города; но онъ выѣхалъ съ пустыми руками, а на вопросъ: « гдѣ же ключи?» отвѣчалъ, что ихъ вовсе нѣтъ. Сдача была исполнена. « Это все ваше, говорили турецкіе начальники; и войско, и оружіе въ Карсѣ, и запасы, и жители и городъ. Списковъ, описей у насъ нѣтъ. Берите все, и сами считайте.»

Изъ рядовъ войска турецкаго выступили тогда, одни за другими, 12-ть полковыхъ знаменъ; ихъ несли турецкіе офицеры, всѣ молодцы на подборъ; между ними были и черные Африканцы. Знамена новыя, исписанныя турецкими надписями, и богато-украшенныя кистями. Знаменщики приблизились въ безмолвіи, и остановились передъ самимъ главнокомандующимъ. Отъ нашего войска выступили унтеръ-офицеры ближайшаго баталіона и стали ассистентами у турецкихъ знаменъ, у каждаго по два. Потомъ знамена заколыхались снова и двинулись къ нашему лагерю. Уважая мужество непріятеля, нашъ главнокомандующій не хотѣлъ, чтобы кричали ура; но оно невольно вырвалось, отъ сознанія столь блистательнаго торжества Русскаго оружія. Музыка также заиграла, когда прибыли знамена. Нѣкоторые турецкіе полковые командиры съ большимъ сожалѣніемъ разставались съ своими знаменами, плакали и цѣловали ихъ, объясняя

солдатамъ, что не они виновны въ гибели своей, а паши и Англичане.

Послѣ этого мимо нашего главнокомандующаго и турецкаго Мушира потянулся редифъ по направленію къ Салангулу. Въ головѣ его шелъ Стамбульскій гвардейскій баталіонъ, передъ которымъ ѣхалъ командиръ его Абдеррахманъ—Паша. Редифъ проходилъ узкою лентою, сначала довольно стройно, но чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, подъ конецъ повалилъ въ безпорядкѣ. Лица солдатъ изобличали сильное изнуреніе и равнодушіе; они шли вяло, безъ бодрости и безъ словъ, вынося на себѣ свое имущество: тряпье, котелки, и т. п. офицеры несли оружіе, сабли и пистолеты.

Пропустивъ мимо себя редифъ, главнокомандующій подъѣхалъ со свитой къ депутаціи города. Почетные изъ жителей на жестяной тарелочкѣ поднесли ему *лавашъ съ солью* (*). Главнокомандующій сказалъ имъ, чтобъ они вели себя хорошо и тогда имъ не будетъ обиды. Дальше стояли Турецкія войска, раздѣленныя по полкамъ и баталіонамъ, но въ безпорядкѣ, толпами. Н. Н. Муравьевъ объѣхалъ ряды ихъ; онъ въѣзжалъ въ самую средину ихъ и говорилъ съ нѣкоторыми начальниками по-турецки. Тутъ были и стрѣлки, и Арабистанцы, и Анатолійцы, и Сувори, спѣшенные кавалеристы и артиллеристы съ ихъ офицерами и пашами. Орудія нашихъ батарей на всякій случай были заряжены картечью и фитили горѣли, но все обошлось спокойно, и главнокомандующій приказалъ допустить Турецкихъ солдатъ къ приготовленному заранѣе для нихъ обѣду, состоявшему изъ щей

(*) Лавашъ, сухая, тонкая, прѣсная лепешка изъ пшеничной муки.

съ говядиной и каши, наваренныхъ въ огромномъ количествѣ, въ котлахъ, на берегу Карсъ-чая.

Турки пошли къ котламъ толпами, но съ достоинствомъ и покорные тѣмъ, кто велъ ихъ. Вообще они держали себя хорошо. Пока продолжалось это угощеніе, главнокомандующій, въ присутствіи Мушира, сдѣлалъ смотръ конной батареѣ Есакова, и потомъ драгунамъ графа Нирода. Батарея выѣзжала на позицію маршъ-маршемъ, снималась съ передковъ; стрѣлять было нельзя, потому что орудія были заряжены.

На другой день рано утромъ въ цитадели поднятъ былъ флагъ: его раскинуло порывомъ вѣтра, и онъ заколыхался надъ цитаделью, и торжественно грянулъ первый нашъ выстрѣлъ въ Карсѣ. Въ этомъ выстрѣлѣ было много отраднаго для всѣхъ русскихъ воиновъ. Внизу, въ крѣпости, гдѣ стояла наша артиллерія, тоже началась пальба; выстрѣлы послышались и на Шорахскихъ высотахъ, и вездѣ, на верху и внизу, гдѣ были наши войска, отовсюду звучало, гремѣло «ура.» Вскорѣ и флагъ, и орудія, и цитадель, все одѣлось дымомъ, но выстрѣлы долго еще слѣдовали одинъ за другимъ.

Главнокомандующій, генералъ - адъютантъ Н. Н. Муравьевъ, въ день сдачи Карса, отдалъ слѣдующій приказъ по отдѣльному кавказскому корпусу: «Поздравляю васъ, сотрудники мои. Какъ намѣстникъ Царскій, благодарю васъ. Кровью вашею и трудами повержены къ стопамъ Государя Императора твердыни Малой Азіи. Русскій флагъ развѣвается на стѣнахъ Карса; въ немъ является торжество Креста Спасителя. Изчезла, какъ прахъ, вся 30-ти тысячная Анатолійская армія. Въ плѣну главнокомандующій ея со всѣми пашами (всего 8 па-

шей), офицерами и англійскимъ генераломъ, управлявшимъ обороною, съ своимъ штабомъ. Тысячи плѣнныхъ Турокъ отправляются на родину нашу свидѣтельствовать о подвигахъ вашихъ. Несочтены еще пріобрѣтенные нами большіе запасы оружія и казеннаго имущества, оставшіеся въ Карсѣ; но, кромѣ отбитыхъ вами въ теченіи компаніи орудій и знаменъ, еще 130 пушекъ обогатятъ арсеналы наши. Множество знаменъ украсятъ святые соборы Россіи, на память постоянныхъ доблестей вашихъ. Вторично поздравляю — отъ большаго до меньшаго — сотрудники мои. Вторично благодарю васъ и отъ себя лично, почтенные сослуживцы. Вамъ обязанъ я счастіемъ обрадовать сердце Царя. Вы довершили въ нынѣшнемъ году, совершенное вами въ теченіи прошедшихъ двухъ лѣтъ.

И такъ, возблагодарите, вмѣстѣ со мною, Господа силъ, въ неисповѣдимыхъ судьбахъ своихъ даровавшаго намъ нынѣ торжество въ самомъ испытаніи, чрезъ которое еще въ недавнемъ времени прошли мы.

Вѣра въ Святое Провидѣніе Божіе соблюдаетъ у васъ духъ воиновъ и удвоиваетъ бодрыя силы ваши. Съ надеждою на покровительство Всевышняго, приступимъ къ новымъ трудамъ.»

Такъ твердыня Малой Азіи — Карсъ — пала 16-го ноября 1855 г. и послѣ того военныя дѣйствія на закавказско-турецкой границѣ не возобновлялись.

Видъ Севастополя въ 1854 году, до начатія военныхъ дѣйствій.

ГЛАВА IX.

Краткій очеркъ Крыма до начала военныхъ дѣйствій въ 1854 году.

Населеніе Крыма. — Жилища и занятія жителей.— Географическое описаніе города Севастополя. — Севастопольская бухта. — Окрестности Севастополя. — Укрѣпленія Севастополя отъ его основанія до высадки непріятельскихъ войскъ на Крымскомъ полуостровѣ. — Число орудій, снарядовъ и прислуги на всѣхъ батареяхъ къ осени 1853 года.— Дальнѣйшія распоряженія и работы по укрѣпленію Севастополя.— Общее число войскъ, находившихся на Крымскомъ полуостровѣ къ 1-му сентября 1854 года. — Числительность флота.— Закладка храма св. Владимира и рѣчь архіепископа Иннокентія.

Полуостровъ Крымъ имѣетъ видъ неправильнаго четырехъугольника и соединенъ съ южными предѣлами Имперіи узкимъ перешейкомъ. Наибольшее протяженіе Крыма отъ запада на востокъ около 316 верстъ, а съ сѣвера на югъ около 200 верстъ, вся же поверхность полуострова заключаетъ въ себѣ вообще 26,000 квадр. верстъ.

Крымъ, — прежнее Крымское ханство, — подвластно было Турціи. Въ 1774 году князь Потемкинъ-Таврическій, завоевалъ Крымъ, а черезъ десять лѣтъ послѣ того, т. е. въ 1784 году, въ царствованіе императрицы Екатерины Алексѣевны II Великой, Крымъ присоединенъ навсегда къ Россіи.

Окруженный со всѣхъ сторонъ водами Чернаго моря, Крымскій полуостровъ сѣверо-восточною частію своею примыкаетъ къ Азовскому морю и къ озеру Сивашу, или Гнилому морю.

Одна часть полуострова (южная) гористая, другая, большая (сѣверная), представляетъ обширную степь. Самая высокая изъ крымскихъ горъ—гора Чатырдагъ; бо-

лѣе значительная рѣка на полуостровѣ—Салгиръ; затѣмъ слѣдуютъ: Черная, Бельбекъ, Кача и Альма. Ни одна изъ этихъ рѣкъ не судоходна, и нѣкоторыя изъ нихъ лѣтомъ вовсе пересыхаютъ.

Климатъ весьма различенъ. Въ горной части полуострова онъ самый благорастворенный: лѣтомъ жара умѣренная, и зимою почти не бываетъ морозовъ; напротивъ того, въ степной части лѣто знойное, весной и осенью сильные вѣтры, а зимой бываютъ изрядные морозы.

Населеніе полуострова до войны было свыше 430 тыс. человѣкъ обоего пола. Главное населеніе составляли татары. Жители Крыма раздѣляются по мѣстности на горныхъ и степныхъ, которые по наружности, по образу жизни, промышленности и торговлѣ во многомъ различаются другъ отъ друга.

Селенія (аулы) какъ горныхъ, такъ и степныхъ татаръ, имѣютъ неправильный видъ, и какъ жилые дома, такъ и хозяйственныя постройки расположены безъ всякаго порядка. Жилища по большей части состоятъ изъ небольшихъ мазанокъ или землянокъ съ плоскими черепичными крышами. Жители татарскаго происхожденія отличались вообще трудолюбіемъ, честностью и покорностью.

Главнымъ предметомъ промышленности, въ степной части полуострова—скотоводство, такъ какъ сильные жары и порывистые вѣтры препятствуютъ успѣху хлѣбопашества. Въ горной же части полуострова вся дѣятельность мѣстнаго населенія обращена на садоводство, огородничество и винодѣліе; кромѣ того, горная часть богата лѣсами.

Главная дорога, такъ называемая военная, ведетъ отъ

Херсона на Севастополь, черезъ Перекопъ, Симферополь и Бахчисарай. Когда подъѣзжаешь къ Крымскому полуострову, то послѣ утомительныхъ своимъ однообразіемъ Херсонскихъ степей, невольно становится отраднѣй. Первый по дорогѣ городъ будетъ Перекопъ; за нимъ начинаются многочисленныя татарскія селенія; нерѣдко дорога идетъ по живописнымъ долинамъ, украшеннымъ зеленью, и доходитъ наконецъ до Симферополя.

Симферополь, главный городъ Таврической губерніи; весьма красивый, опрятный городокъ, въ тридцати верстахъ отъ него расположенъ городъ Бахчисарай, бывшая столица хановъ, прежнихъ владѣльцевъ Крыма. Бахчисарай расположенъ на днѣ глубокаго ущелья, наружный видъ его совершенно азіятскій. Изъ замѣчательностей Бахчисарая можно указать на бывшій дворецъ хановъ, ханское кладбище и на находящійся въ двухъ верстахъ отъ города, высѣченный въ скалѣ, православный монастырь во имя Успенія Пресвятой Богородицы. Преданіе говоритъ, что въ то время, когда татары преслѣдовали православныхъ, православные, твердые въ вѣрѣ своей, въ скалахъ устроивали церкви и убѣжища для себя. Въ трехъ верстахъ отъ монастыря Успенія, раскинутъ на безплодномъ утесѣ городокъ Чуфуръ-Кале; онъ заселенъ караимами (евреями). Неподалеку отъ Чуфуръ Кале, между утесами, небольшая долина, осѣненная вѣковыми дубами. Караимы называли это мѣсто Іосафатовой долиной и избрали его для себя мѣстомъ вѣчнаго успокоенія.

Отъ Бахчисарая до Севастополя всего тридцать верстъ. На этомъ разстояніи дорога пересѣкаетъ сначала долину рѣчки Качи, а потомъ Бельбекскую долину. По обѣимъ сторонамъ дороги мѣстность чрезвычайно красива, далѣе

дорога ведетъ на Инкерманскія высоты, съ которыхъ открывается видъ на море и Севастополь.

Севастополь расположенъ на возвышенной мѣстности при обширной и удобной бухтѣ. За нѣсколько вѣковъ до осады Севастополя, на той же самой мѣстности совершилось великое для Россіи дѣло: на этомъ мѣстѣ Великій Князь Владиміръ, взявъ съ бою городъ Херсонесъ (по древнему Корсунь), принялъ въ немъ христіанство.

Севастополь (по гречески значитъ *знаменитый городъ*) основанъ въ 1784 году по повелѣнію Императрицы Екатерины Великой. Строителемъ его былъ контръ-адмиралъ *Мекензи*. Севастополь со времени своего основанія, былъ главнымъ портомъ Черноморскаго флота, который имѣлъ въ его бухтѣ превосходнѣйшую въ мірѣ стоянку.

Севастопольская бухта имѣетъ до 6-ти верстъ длины, на всемъ этомъ протяженіи ея нѣтъ мелей, и она никогда не замерзаетъ.

Входъ въ бухту широкій (400 саженъ). Сѣверный и южный берега бухты, образуемые уступами горъ, высоки, большею частію скалисты, обрывисты и постепенно понижаются къ морю. Сѣверный берегъ образуетъ нѣсколько выдающихся мысовъ и малыхъ побочныхъ бухтъ, въ которыя впадаютъ короткія и не глубокія балки. Южный образуетъ три большія бухты, глубоко вдающіяся въ материкъ:—*Киленъ балочную или Киленъ бухту, южную и артиллерійскую*; кромѣ того, южная бухта въ сѣверной своей части образуетъ *корабельную бухту*.

Севастополь расположенъ по обѣимъ сторонамъ Большой бухты, раздѣляясь ею на двѣ части: *сѣверную и южную стороны*; южная сторона, въ свою очередь, раздѣлялась южной бухтой также на двѣ части: *на го-*

родскую сторону и корабельную; сообщеніе между обѣими сторонами производилось окольной дорогой, пролегающей по такъ называемой *пересыпи*.

Городъ расположенъ амфитеатромъ по скатамъ горы. Двѣ главныя городскія улицы — *Екатерининская* и *Морская*—выходили съ одной стороны на Театральную, а съ другой на Николаевскую площади; остальныя улицы узки и проложены были по крутизнамъ; городъ вообще имѣлъ весьма живописный видъ. Въ городѣ было очень много казенныхъ зданій, прекрасно устроенныхъ. Общее число городскихъ жителей доходило до 42 тыс. Мѣстность, окружающая Севастополь, изрѣзана многими балками и оврагами; съ южной стороны, въ окружностяхъ его, находятся: Херсонесскій полуостровъ съ Сопунъ-горою и развалинами древняго Херсонеса; прославленный при оборонѣ Севастополя, и геройской защитой пріобрѣвшій всемірную извѣстность—Малаховъ курганъ, Рудольфова гора, Мекензіевы высоты, Черная рѣчка, близъ которой находятся развалины древняго города Инкермана, и Инкерманскія высоты; съ сѣверной стороны: долина Бельбека; съ юговосточной: Балаклавскія горы и Федюхины высоты.

Во время лѣтнихъ жаровъ окрестности Севастополя выгораютъ и представляютъ мертвый видъ: послѣ же дождей, осенью и зимой, почва сильно растворяется, въ особенности въ балкахъ и затрудняетъ всякое движеніе. Одновременно съ основаніемъ Севастополя было обращено вниманіе на укрѣпленіе города, для защиты его отъ непріятелей. Еще въ 1794 году на обоихъ берегахъ бухты были возведены пять земляныхъ батарей; позже, въ 1834 году, сдѣлано было распоряженіе и приступлено къ рабо-

тамъ по укрѣпленію южной стороны съ сухаго пути и усиленію обороны рейда; но при производствѣ построекъ главное вниманіе было обращено на береговую оборону, представлявшую болѣе важности, и къ 1852 году всѣ предположенныя работы по береговой оборонѣ, состоящія изъ пяти каменныхъ и трехъ земляныхъ, весьма сильныхъ баттарей, были окончены. Изъ этихъ восьми баттарей, 5 находились на южной и 3 на сѣверной сторонѣ города.

При личномъ обозрѣніи въ 1837 году Севастополя, Императоръ Николай Павловичъ приказалъ для сухопутной обороны города возвести 8 бастіоновъ, изъ числа которыхъ 4 на корабельной сторонѣ и 4 на городской.

Къ сожалѣнію, вслѣдствіе усиленныхъ работъ по устройству береговыхъ баттарей, работы по устройству сухопутной обороны замедлились, такъ что къ началу войны изъ всѣхъ предположенныхъ укрѣпленій были построены только 3 оборонительныя казармы, оборонительныя стѣнки между тремя бастіонами и бастіонъ № 7-й. Къ постройкѣ же прочихъ бастіоновъ еще не приступали; на сѣверной же сторонѣ было только одно старинное сѣверное укрѣпленіе.

Такимъ образомъ бухта со стороны моря была сильно укрѣплена; съ сухопутной же стороны Севастополь былъ почти совершенно открытъ. Къ осени 1853 года на всѣхъ береговыхъ баттареяхъ Севастополя находилось 533 орудія. Для всѣхъ орудій, по Высочайшему повелѣнію, опредѣлено было имѣть по 160 боевыхъ зарядовъ, въ томъ числѣ 10 картечныхъ, т. е. вдвое болѣе того числа зарядовъ, которое имѣли орудія на корабляхъ. Въ тоже время сдѣлано было распоряженіе о назначеніи командировъ

и прислуги на береговыхъ баттареяхъ, изъ коихъ передовыя были оставлены въ вѣдѣніи сухопутнаго вѣдомства, а рейдовыя баттареи переданы въ вѣдѣніе морскаго вѣдомства. Общее число прислуги на всѣхъ береговыхъ баттареяхъ было 2,708 человѣкъ.

Враждебныя дѣйствія Французовъ и Англичанъ, заставлявшія ожидать въ скоромъ времени открытой войны, побудили князя Меншикова усилить еще болѣе оборону рейда. Вслѣдствіе этого къ январю 1854 года были построены и вооружены три земляныя баттареи, получившія наименованія по названію тѣхъ кораблей, команды съ которыхъ ихъ строили, а именно Двѣнадцати-Апостольская, Парижская и Святославская. Двѣ первыя изъ этихъ баттарей были возведены на сѣверномъ берегу бухты, а третья на южномъ. Послѣ устройства этихъ баттарей, число всѣхъ орудій увеличилось до 592.

Утромъ 6-го января, въ день Богоявленія Господня, вновь возведенныя баттареи были освящены и салютовали въ первый разъ изъ всѣхъ своихъ орудій. Для того, чтобы непріятельскія суда не заняли якорныя мѣста, находящіяся позади Константиновской баттареи, въ недальнемъ разстояніи отъ берега, съ котораго они могли бы поражать въ тылъ эту баттарею и бомбардировать городъ и флотъ, построена была еще баттарея, названная по имени строителя ея, *Карташевскою*. Одновременно съ постройкой этой баттареи и для той же цѣли, была построена, на средства отставнаго поручика Вилохова, каменная 2-хъ ярусная башня, названная *Вилоховой*. Число орудій съ постройкой этихъ укрѣпленій возрасло до 610; это число и сохранилось на береговыхъ баттареяхъ до дня высадки непріятеля. Въ то же время, когда

производилась постройка береговыхъ баттарей, приняты были мѣры къ обезпеченію Севастополя со стороны сухаго пути. Еще зимою заложенъ былъ маленькій люнетъ, лѣвѣе предполагавшагося 5-го бастіона, получившій впослѣдствіи названіе редута Шварца (№ 1); затѣмъ приступили къ насыпкѣ 6-го бастіона, и поставили между 5-мъ и 7-мъ бастіонами, на настильныхъ платформахъ, 14 орудій.

Съ наступленіемъ весны 1854 г., когда война была уже объявлена, сдѣлано было распоряженіе объ усиленіи работъ къ устройству сухопутныхъ укрѣпленій южной стороны. По недостаточности въ то время въ Севастополѣ пѣхотныхъ войскъ, работа по устройству сухопутныхъ укрѣпленій производилась частію моряками. Ко 2-му сентября 1854 г., т. е. ко дню высадки непріятеля, сухопутныя укрѣпленія Севастополя были, какъ мы сказали, еще весьма слабы. Поэтому главнокомандующій, Князь Меншиковъ, обратилъ особенное вниманіе на сухопутную оборону, и вслѣдъ за тѣмъ начались усиленныя постройки баттарей и бастіоновъ и вооруженіе ихъ по мѣрѣ изготовленія; въ то же время, между прочимъ, и на Малаховомъ курганѣ была построена, на пожертвованія купечества, малая башня, названная Малаховою; она имѣла два закрытыхъ яруса, примѣненныхъ къ ружейной оборонѣ, и открытую баттарею.

Ко дню высадки непріятеля на всемъ, болѣе чѣмъ шестиверстномъ, протяженіи оборонительной линіи южной стороны Севастополя, находилось 145 орудій, въ сѣверномъ же укрѣпленіи было 47 орудій. На каждое изъ орудій сухопутнаго вооруженія имѣлось въ готовности по 40 зарядовъ, въ томъ числѣ 10 съ картечью. Вся оборо-

нительная линія южной стороны была раздѣлена на три дистанціи.

Общее число всѣхъ сухопутныхъ войскъ, бывшихъ къ 1-му сентября 1854 года въ Крыму, простиралось до 51 т. человѣкъ. Войска эти были распредѣлены по всему Крымскому полуострову, такъ что при появленіи непріятеля въ окрестностяхъ Севастополя можно было сосредоточить не болѣе 30 т. человѣкъ. Кромѣ сухопутныхъ войскъ, въ распоряженіи главнокомандующаго, Князя Меншикова, находилось до 18,500 чиновъ Черноморскаго флота, бывшаго въ то время въ Севастополѣ; но изъ общаго числа этихъ чиновъ только 1,800 человѣкъ предназначались для сухопутной обороны; изъ нихъ были сформированы 4 десантныхъ баталіона, которые, до тревоги, находились на мѣстахъ при своихъ судахъ, и только въ случаѣ тревоги сходили на берегъ. Сверхъ сухопутныхъ силъ, ко дню высадки непріятеля на Севастопольскомъ рейдѣ, состоялъ флотъ изъ 14 кораблей, 7 фрегатовъ, 1 корвета, 2 бриговъ и 11 пароходовъ.

Въ то время, когда въ Севастополѣ готовились къ мужественной оборонѣ, сердца всѣхъ пылали желаніемъ отразить и уничтожить враговъ, и храбрыя войска наши готовились принять крещеніе огнемъ и свинцомъ за Царя и отечество, — въ это самое время, 15-го іюля 1854 г., въ виду непріятеля, стоявшаго близъ Севастополя, торжественно совершена была закладка соборнаго храма во имя Св. Равноапостольнаго и Великаго князя Владиміра, высокопреосвященнымъ Иннокентіемъ, при многочисленномъ стеченіи народа и въ присутствіи всѣхъ начальствующихъ лицъ. По совершеніи обычнаго обряда освященія воды, съ пѣніемъ тропаря: «Спаси, Господи, люди

твоя», высокопреосвященный Иннокентій окропилъ святою водою фундаментъ, камни и кирпичъ, назначенные для закладки; потомъ, по прочтеніи положенной, по церковному чину, молитвы и при пѣніи клира, принесены были серебряныя монеты, металлическая доска и часть строительныхъ матеріаловъ, которые Его Высокопреосвященство окропилъ святою водою, и вложилъ въ нарочно изсѣченномъ для этого квадратномъ углубленіи, въ мраморный камень; затѣмъ всѣ присутствовавшія начальствовавшія лица, по очереди, закладывали по одному кирпичу. На доскѣ начертана была слѣдующая надпись: «Повелѣніемъ Императора Николая Перваго, заложенъ сей храмъ во имя Св. Равноапостольнаго и Великаго Князя Владиміра, лѣта 1854 г., іюля въ 15-й день».

По окончаніи обряда, высокопреосвященный Иннокентій произнесъ соотвѣтственную дню и случаю рѣчь, въ коей ясно выразилъ великое значеніе этого дня и храма, и указалъ на особенную знаменательность событія, что закладка вновь сооруженнаго собора совершалась въ виду непріятельскаго флота, наканунѣ подходившаго къ Севастополю, что развалины древняго Херсонеса Таврическаго, гдѣ, въ 988 году, Святой Владиміръ, Великій Князь Кіевскій и всея Россіи, принялъ въ стѣнахъ его святое крещеніе, принадлежитъ къ священнѣйшимъ мѣстамъ въ Россіи, и что изъ сего завѣтнаго мѣста возсіялъ первый лучъ Православія въ Россіи.

Вотъ вкратцѣ подлинныя слова изъ рѣчи высокопреосвященнаго Иннокентія:

«Основаніе храма сего и во всякое другое время было бы событіемъ не Севастопольскимъ токмо, но Всероссійскимъ, ибо кѣмъ созидается этотъ храмъ? Не здѣшнимъ

токмо градомъ, и даже не одною нашею страною, а всею Россіею. По какому побужденію созидается онъ? Въ память крещенія и просвѣщенія Вѣрою Христовою, близъ града сего Великаго Князя Владиміра, т. е., почти тоже, что въ память обращенія въ христіанство земли Русской: ибо въ лицѣ князя своего крестилась тогда здѣсь и просвѣтилась Вѣрою, можно сказать, вся Россія.

«Въ настоящихъ обстоятельствахъ возлюбленнаго отечества нашего, заложеніе сего храма получаетъ еще большее и обширнѣйшее значеніе. Кто не знаетъ, что у враговъ нашихъ одно изъ самыхъ задушевныхъ желаній теперь состоитъ въ томъ, чтобы какимъ-бы то ни было образомъ отторгнуть здѣшнюю страну отъ состава Россіи!—А мы—въ это самое время,—какъ бы въ отвѣтъ на ихъ дерзость, полагаемъ нынѣ здѣсь основаніе храму во имя Святаго Владиміра.... Симъ самымъ, сильнѣе и внятнѣе всякихъ словъ, мы говоримъ врагамъ нашимъ какъ бы такъ: непростительно грубо ошибаетесь вы, воображая, что полуостровъ Таврическій составляетъ для Россіи только недавнюю добычу меча и плодъ побѣдъ: нѣтъ, это древнее и родовое достояніе наше; это наслѣдіе еще Св. Владиміра!.... Здѣсь купель нашего крещенія, здѣсь начало нашей священной исторіи и народныхъ преданій. Уступить послѣ сего страну эту кому бы то ни было, значило бы для Россіи отказаться отъ купели своего крещенія, измѣнить памяти Св. Владиміра... Возможно ли это? Скорѣе не останется во всѣхъ горахъ здѣшнихъ камня на камнѣ, нежели Луна заступитъ здѣсь мѣсто Креста Христова?.. Такова сила и таковъ смыслъ нынѣшняго нашего священнодѣйствія по отношенію къ врагамъ нашимъ! И надобно же было имъ вчера явиться въ такомъ множествѣ предъ

лицемъ сего града; какъ бы нарочно для присутствія при заложеніи сего храма и для выслушанія урока, въ немъ заключающагося!

«И такъ, не унывай, Богоспасаемый градъ Севастополь, отъ множества и злобы враговъ, тебя обышедшихъ, памятуя, что ты преемникъ и наслѣдникъ не Ахтіара мусульманскаго, а православнаго Херсонеса Таврическаго. Созданное въ защиту твою руками человѣческими еще можетъ уступить силѣ и искусству человѣческому, но что дано и положено свыше, того не можетъ измѣнить никто и ничто. Поелику же страна сія вставлена въ составъ Россіи, въ лицѣ Св. Владиміра, рукою самого Провидѣнія, то нѣтъ врага могущаго ее отторгнуть: *яже Богъ сочета, человѣкъ не разлучаетъ!* Въ такомъ случаѣ, если бы для отраженія враговъ не достало земныхъ защитниковъ, явятся небесные: возстанетъ изъ гроба, или паче сойдетъ съ неба самъ Витязь Равноапостольный; сойдетъ и приведетъ съ собою противу враговъ весь сонмъ священномучениковъ Херсонскихъ, кои купили сію землю у Самаго Владыки вселенныя, не златомъ и сребромъ, а слезами и кровію своею.

«Радуюсь посему духомъ за градъ сей и благочестивомудрыхъ правителей его, кои, не смотря на множество, облежащихъ ихъ теперь, заботъ, нашли возможность, предъ лицемъ самихъ враговъ положить нынѣ основаніе храму сему! Такимъ образомъ къ твердынямъ вещественнымъ въ защиту града сего они присоединили новое, несокрушимое укрѣпленіе—духовное. Радуюсь за все Православное Отечество, которое изъ настоящаго священнодѣйствія нашего съ особеннымъ утѣшеніемъ увидитъ, что

мы бодро стоимъ здѣсь противъ враговъ нашихъ, стоимъ не съ однимъ оружіемъ плотскимъ, но и съ непобѣдимою силою животворящаго Креста Христова!...

ГЛАВА X.

Военныя дѣйствія въ Крыму, осада Севастополя и геройская его защита.

I.

Высадка непріятеля на Крымскомъ полуостровѣ. — Сосредоточеніе войскъ на р. Альмѣ.—Расположеніе ихъ на Альминской позиціи.—Движеніе непріятеля отъ Евпаторіи къ Альмѣ. — Бивуакъ наканунѣ битвы. — Утро 8 сентября. — Альминское сраженіе.—Отступленіе нашихъ войскъ къ Бельбеку.

1-го сентября 1854 года, въ десятомъ часу утра, изъ Севастополя увидѣли на горизонтѣ 2 непріятельскихъ корабля, а за ними густой дымъ отъ большаго числа пароходовъ; около полудня было получено съ телеграфа извѣстіе о появленіи значительнаго числа непріятельскихъ судовъ, и къ вечеру ихъ насчитывали уже болѣе ста.

До этого дня въ Севастополѣ всѣ вообще были твердо увѣрены, что въ 1854 году непріятель не предприметъ никакихъ дѣйствій противу города; тѣмъ менѣе ожидали нападенія въ это время, когда наступала уже осень; но внезапное появленіе флота въ такомъ огромномъ составѣ, ясно показало, что врагъ затѣваетъ недоброе, и намѣревается, во что бы то ни стало, высадиться на берегъ Крымскаго полуострова.

Начальникъ Главнаго морскаго штаба, Его Императорскаго Величества Генералъ-Адъютантъ, Адмиралъ, Свѣтлѣйшій князь,

Александръ Сергѣевичъ

МЕНЬШИКОВЪ.

Первымъ дѣломъ слѣдовало помѣшать непріятелю произвести высадку на нашъ берегъ, но для этого прежде всего надо было узнать мѣсто высадки, а узнать это не такъ легко, какъ, можетъ быть, кажется съ перваго взгляда. Непріятель имѣлъ полную возможность, фальшивой высадкой, отвлечь наше вниманіе на одинъ какой-нибудь пунктъ полуострова, заставилъ бы насъ направить туда всѣ войска наши, а вслѣдъ затѣмъ произвелъ бы уже настоящую высадку въ другомъ мѣстѣ, и могъ бы утвердиться на немъ прежде, нежели бы наши войска туда подоспѣли.

Непріятель высадился у гор. Евпаторіи. Получивъ объ этомъ положительное свѣдѣніе, главнокомандующій Князь Меншиковъ поручилъ оборону Севастополя резервнымъ баталіонамъ 13-й пѣхотной дивизіи и морякамъ, а всѣ остальныя войска началъ стягивать къ рѣкѣ Альмѣ, на Альминскую позицію.

Къ 8-му числу сентября на этой позиціи были собраны слѣдующія войска:

ПѢХОТНЫХЪ ДИВИЗІЙ:

13-й пѣх. див. 5-й и 6-й резервные баталіоны Брянскаго и Бѣлостокскаго пѣхотныхъ полковъ.

14-й пѣх. див. Волынскій и Минскій пѣхотные полки.

16-й пѣх. див. Владимірскій, Суздальскій и Углицкій пѣхотные полки и Егерскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полкъ.

17-ой пѣх. див. Московскій (*) и Бородинскій Его

(*) Московскій полкъ прибылъ на Альминскую позицію форсированнымъ маршемъ безъ дневокъ, и сдѣлалъ такимъ образомъ въ 5 дней 250 верстъ.

Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полки.

ОТДѢЛЬНЫЕ БАТАЛІОНЫ:

6-й стрѣлковый, 6-й саперный и Сводный морской.

Два гусарскихъ полка 6-й легкой кавалерійской дивизіи: Его Императорскаго Высочества Князя Николая Максимиліановича и Саксенъ-Веймарскій.

АРТИЛЛЕРІЙСКІЯ ЧАСТИ:

Легкія № 3-й и 4-й баттареи 14-й артиллерійской бригады (каждая по 8 орудій).

Баттарейная № 1-го и легкія № 1-го и 2-го баттареи 16-й артиллерійской бригады (каждая по 12 орудій).

Легкія № 4-го и 5-го баттареи 17-й артиллерійской бригады (по 10 орудій каждая).

Легкая конная № 12-го баттарея 6-й конно-артиллерійской бригады (8 орудій).

КАЗАЧЬИ ВОЙСКА:

Донскіе Казачьи № 57-й и № 60-й полки; Донская баттарейная № 3-го и легкая резервная № 4-го баттареи (каждая по 8 орудій).

Всего 42$^{1}/_{2}$ баталіона, 26 эскадроновъ, 11 сотенъ и 96 орудій.

Общее число всѣхъ этихъ войскъ доходило до 33,600 человѣкъ. Общее же число союзныхъ войскъ, высадившихся въ Крыму, было 62.223 человѣка при 167 орудіяхъ; а непріятельской флотъ, собранный для перевозки этихъ войскъ, состоялъ изъ 34-хъ линейныхъ кораблей, 55 фрегатовъ и другихъ военныхъ судовъ и 300 большихъ купеческихъ транспортовъ.

7-го числа утромъ, высадившійся наканунѣ у Евпаторіи, непріятель двинулся къ Севастополю, держась правымъ флангомъ морскаго берега, вдоль котораго слѣдовалъ и флотъ его. Сдѣлавъ переходъ въ 15 верстъ, союзники остановились въ виду Альминской позиціи, въ шести верстахъ отъ нея расположились бивуаками на лѣвомъ берегу рѣчки Булганока, и въ такомъ положеніи на этомъ самомъ мѣстѣ провели ночь съ 7-го на 8-е сентября. Ночь была темная и холодная; среди мрака мелькали огни, и ближайшая часть моря была покрыта ярко освѣщенными судами. На нашей позиціи все было тихо, и только по временамъ передавались приказанія.

Враждебныя арміи покоились въ виду другъ друга. Передъ разсвѣтомъ, съ Французскаго адмиральскаго корабля раздался выстрѣлъ заревой пушки; вскорѣ затѣмъ во французской арміи послышался бой зари, вслѣдъ за нею въ англійской, а потомъ раздалась и наша русская, съ гимномъ: «Коль славенъ».

Въ войскахъ нашихъ началось молебствіе по полкамъ, и священники обошли ряды съ крестомъ и святою водою.

Позиція, избранная для боя, находилась на лѣвой сторонѣ рѣки Альмы; на ней, для встрѣчи непріятеля, войска наши были расположены слѣдующимъ порядкомъ:

У деревни Аклезъ, въ разстояніи около версты отъ морскаго берега былъ поставленъ 2-й баталіонъ Московскаго полка; правѣе и впереди его были расположены 4 резервные баталіона Бѣлостокскаго и Брянскаго полковъ; баталіоны эти были поставлены на скатахъ въ ротныхъ колоннахъ; за ними, во второй линіи, расположенъ былъ въ колоннахъ къ атакѣ Тарутинскій, а въ резервѣ за нимъ Московскій полкъ съ одною баттареею артиллеріи; въ

центрѣ позиціи двѣ баттареи обстрѣливали продольную дорогу; позади ихъ поставленъ былъ, построенный въ двѣ линіи колоннъ къ атакѣ, Бородинскій полкъ. Егерскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полкъ стоялъ правѣе Евпаторійской дороги, а правѣе этого полка былъ расположенъ Суздальскій полкъ, построенный частію въ ротныхъ колоннахъ, а частію въ колоннахъ къ атакѣ; впереди его были выдвинуты двѣ баттареи 14-ой артиллерійской бригады. Во второй линіи, за полкомъ Великаго Князя Михаила Николаевича, стоялъ Владимірскій полкъ, и за нимъ Донская баттарея, а за Суздальскимъ полкомъ — Углицкій.

Главный резервъ, въ составѣ Волынскаго и частію Минскаго пѣхотныхъ полковъ, съ баттареей артиллеріи, — гусарской бригады съ ея артиллеріею, былъ помѣщенъ за центромъ позиціи у большой Евпаторійской дороги. Казачьи полки высланы были на правый берегъ Альмы для наблюденія за непріятелемъ, и на томъ же берегу были разсыпаны въ цѣпи отдѣльные баталіоны: 6-й стрѣлковый, 6-й саперный и Морской сводный. Командующими были назначены: центромъ и правымъ флангомъ генералъ отъ инфантеріи князь Горчаковъ, лѣвымъ—генералъ-лейтенантъ Кирьяковъ.

8 сентября, около полудня, непріятельскія войска двинулись къ рѣкѣ Альмѣ и рѣшительно аттаковали нашу позицію. Правое крыло составляли французы, лѣвое англичане.

Непріятель наступалъ развернутыми дивизіями, подъ прикрытіемъ штуцерныхъ стрѣлковъ, стройно и смѣло. Первыми вступили въ дѣло французы; англичане двинулись впередъ и вошли въ линію огня спустя часа два

послѣ начала боя. Первый огонь на позиціи съ нашей стороны былъ открытъ 2-мъ баталіономъ Минскаго пѣхотнаго полка. Наши стрѣлки встрѣтили непріятеля мѣткимъ огнемъ, и вскорѣ на всемъ протяженіи боевыхъ линій завязалась жаркая перестрѣлка. Съ самаго начала боя, дѣйствіе многочисленныхъ непріятельскихъ стрѣлковъ, вооруженныхъ штуцерами, которые били мѣтко на 1200 шаговъ, тогда какъ наши гладкоствольныя ружья дѣйствовали едва на 300 шаговъ, произвели въ нашихъ рядахъ сильное опустошеніе. Не смотря однако на все это, войска наши стояли твердо. Жестокій непріятельскій огонь, густой стрѣлковой цѣпи, въ короткое время лишилъ наши войска большей части старшихъ начальниковъ и строевыхъ офицеровъ. Всѣ окружавшіе князя Горчакова были перебиты; подъ нимъ самимъ была убита лошадь, а его шинель была пробита 6-ю пулями.

Громадныя потери въ начальникахъ неизбѣжно имѣли вредное вліяніе на весь ходъ сраженія.

Занявъ виноградники праваго берега Альмы, непріятельскіе баталіоны свернулись въ колонны, перешли черезъ рѣчку и снова развернулись на лѣвомъ берегу ея, не смотря на безпрерывное дѣйствіе нашихъ баттарей. Князь Меншиковъ приказалъ первой линіи встрѣтить противниковъ штыками, чтобы отбросить его снова къ рѣкѣ. Баталіоны наши нѣсколько разъ брали ружье на руку и бросались впередъ, вслѣдъ за храбрыми своими начальниками,—но каждый разъ, встрѣчаемые жестокимъ батальнымъ огнемъ развернутаго строя, или густою цѣпью штуцерныхъ, отражаемы были съ большою потерею. Непріятельская пѣхота стойко и непоколебимо выдерживала отличное дѣйствіе нашей артиллеріи: развернутые бата-

ліоны ложились на землю и скрывались за мѣстностію, пока стрѣлки поражали артиллеристовъ. Въ одномъ изъ нашихъ дивизіоновъ вся прислуга и лошади были вскорѣ перебиты.

Между тѣмъ какъ упорный этотъ бой происходилъ въ центрѣ позиціи и на правомъ нашемъ крылѣ, лѣвый флангъ, не смотря на отдаленность свою отъ морскаго берега, поражаемъ былъ выстрѣлами непріятельскаго флота. Подъ покровительствомъ этого огня морской артиллеріи, одна французская колонна, имѣя въ головѣ африканскія войска (такъ называемыхъ Зуавовъ), перешла близъ морскаго берега черезъ долину рѣки Альмы, и по едва замѣтной тропинкѣ, вдоль узкаго оврага, быстро взобралась на возвышенія. Появленіе этихъ войскъ на флангѣ нашемъ и даже почти въ тылу, заставило выдвинуть изъ резерва Московскій и Минскій пѣхотные полки, съ нѣсколькими эскадронами гусаръ; но французы успѣли уже выставить на высотахъ батарею, которая встрѣтила наши резервы сильнымъ огнемъ. Оба названные полка принуждены были отступить.

Тогда князь Меншиковъ, видя, что лѣвый флангъ обойденъ, что центръ и правый флангъ, послѣ понесеннаго ими тяжкаго урона, также не въ силахъ уже держаться, началъ отводить всѣ войска къ рѣкѣ Качѣ. Для прикрытія ихъ отступленія, онъ выдвинулъ гусарскую бригаду; эта мѣра, а можетъ быть и значительная потеря, которую долженъ былъ претерпѣть непріятель, остановили его преслѣдованіе. Онъ остался на рѣкѣ Альмѣ, а наши войска уже послѣ полуночи, перешли за р. Качу.

Въ этомъ кровопролитномъ бою, обѣ стороны сильно пострадали. У насъ убито 1762 чел., ранено 2315, кон-

тужено 405. Въ числѣ убитыхъ было 45 штабъ и оберъ-офицеровъ; въ числѣ раненыхъ: 4 генерала (начальникъ 16-й дивизіи, генералъ-лейтенантъ Квицинскій; бригадный командиръ той-же дивизіи, генералъ-маіоръ Шелкановъ; бригадный командиръ 17-й дивизіи, генералъ-маіоръ Голиковъ и командиръ Московскаго пѣхотнаго полка, генералъ-маіоръ Куртьяновъ) и 96 штабъ и оберъ-офицеровъ.

Потеря непріятеля доходила до 3500 человѣкъ выбывшими изъ строя, изъ нихъ: англичанъ до 2000, и французовъ до 1500 человѣкъ.

Причины, по которымъ непріятель не преслѣдовалъ насъ долѣе, состояли во первыхъ въ томъ, что войска его были утомлены геройскимъ сопротивленіемъ русскихъ; во вторыхъ у него не было достаточно кавалеріи; въ третьихъ онъ не былъ увѣренъ въ томъ, что мы не остановимся за р. Качею, которая представляла тѣже выгоды для боя, какъ и Альма, и наконецъ въ четвертыхъ, болѣзнь французскаго главнокомандующаго маршала Сентъ-Арно. И такъ первая встрѣча наша съ врагами была хотя и не вполнѣ удачна, и стоила намъ большихъ потерь, но за то показала, что русская армія, удерживавшая въ теченіи четырехъ часовъ гораздо сильнѣйшаго и лучше вооруженнаго непріятеля, воодушевлена воинственнымъ духомъ, а по храбрости, самоотверженію и сознанію своего долга не уступаетъ первѣйшимъ арміямъ въ мірѣ. Послѣ альминскаго сраженія, войска наши въ тотъ же день вечеромъ сосредоточились на р. Качѣ и расположились здѣсь бивуакомъ; а на слѣдующій день, 9-го сентября, подъ прикрытіемъ аррьергарда, продолжали отступленіе далѣе къ Бельбеку. Обозы, для облегченія войскъ, были отправлены назадъ еще ночью. Отступленіе было

произведено въ полномъ порядкѣ, не смотря на значительный транспортъ раненыхъ, стѣснявшихъ движеніе войскъ. По мѣрѣ того, какъ войска наши отступали, жители деревень, лежащихъ на пути отступленія, оставляли свои жилища и уходили вслѣдъ за войсками; только самое малое число ихъ осталось на своихъ мѣстахъ.

Около полудня войска подошли къ Бельбеку и, перейдя по каменному мосту на лѣвый берегъ рѣки, расположились здѣсь на привалѣ, который былъ необходимъ для людей, утомленныхъ и жаркимъ боемъ наканунѣ, и знойнымъ утромъ во время перехода.

II.

Севастопольскій гарнизонъ во время высадки непріятеля и Альминскаго дѣла. — Затопленіе судовъ на рейдѣ. — Работы въ сѣверкомъ укрѣпленіи. — Движеніе Князя Меньшикова къ Бахчисараю. — Движеніе непріятеля къ Бельбеку.—Ожиданіе нападенія на Сѣверную сторону и состояніе ея укрѣпленій.— Движеніе непріятеля на Южную сторону. — Укрѣпленіе Южной стороны.—Численность войскъ. — Мѣры, принятыя къ отраженію непріятеля. — Приказъ Нахимова.—Занятіе непріятелемъ Балаклавы.— Смерть маршала Сентъ-Арно.— Наши работы и дѣйствія непріятеля съ 15 по 18 сентября. — Занятіе непріятелемъ Камышевой бухты. — Прибытіе князя Меньшикова въ Севастополь. — Усиленіе гарнизона.— Назначеніе Корнилова начальникомъ штаба Севастопольскаго гарнизона. — Прибытіе новыхъ подкрѣпленій. — Первыя работы непріятеля. — Вылазки. — Заложеніе французами траншеи. — Вылазки и дѣйствія наши 29 и 30 сентября. — Заложеніе французами батареи на Херсонской высотѣ. — Ожиданіе штурма.

Въ то время, когда князь Меньшиковъ стягивалъ войска къ Альминской позиціи, чтобы сразиться съ непріятелемъ,—въ самомъ Севастополѣ шла дружная и дѣятельная работа по укрѣпленію города, и принимались всѣ мѣры, чтобы воспрепятствовать врагу съ его громаднымъ флотомъ, ворваться въ Севастопольскую бухту. Работы производились и ночью, подъ главнымъ наблюденіемъ и

по указаніямъ инженеръ полковника *Тотлебена* (*). Въ Севастополѣ оставлены были Княземъ Меньшиковымъ только восемь баталіоновъ резервной бригады 13 пѣхотной дивизіи для занятія городовыхъ карауловъ, морскія команды, изъ которыхъ были, распоряженіемъ генералъ-адъютанта Корнилова, сформированы баталіоны, и 6-й саперный баталіонъ — всего 16,569 человѣкъ.

Командованіе всѣми войсками, расположенными въ Севастополѣ и его окрестностяхъ, поручено было генералъ-лейтенанту Моллеру; начальство надъ сѣвернымъ укрѣпленіемъ и оборону всей сѣверной стороны князь Меньшиковъ, удаляясь изъ Севастополя, возложилъ на генералъ-адъютанта *Корнилова*, а завѣдываніе морскими командами, расположенными на оборонительной линіи южной стороны, на вице-адмирала *Нахимова*; начальствованіе же войсками въ случаѣ тревоги было поручено на южной сторонѣ контръ-адмиралу *Панфилову*, а на сѣверной контръ-адмиралу *Истомину*.

Обративъ особенное вниманіе на оборону самаго Севастополя, князь Меньшиковъ приказалъ генералъ-адъютанту Корнилову:

1) Загородить входъ въ рейдъ, затопивъ для того старые корабли и фрегаты, а экипажъ затопленныхъ судовъ употребить для усиленія сухопутныхъ войскъ.

и 2) Оборону Сѣверной стороны возложить на моряковъ, и усилить сформированныя уже прежде для сухопутныхъ дѣйствій морскія войска, нѣкоторыми экипажа-

---

(*) Нынѣ генералъ-адъютантъ, инженеръ-генералъ, товарищъ Его Имторскаго Высочества генералъ инспектора по инженерной части.

Генералъ-Адъютантъ

Владимiръ Алексѣевичъ

КОРНИЛОВЪ.

ми флота, взявъ ихъ съ судовъ, предназначенныхъ для обороны рейда.

Получивъ такое приказаніе, генералъ-адъютантъ Корниловъ собралъ 9 сентября военный совѣтъ, и объявилъ, что князь Меньшиковъ, вслѣдствіе многочисленности врага отошелъ съ войсками съ альминской позиціи къ рѣкѣ Качѣ, а что онъ, Корниловъ, предлагаетъ рѣшиться на весьма опасный подвигъ — выйти со всѣмъ флотомъ въ море и сразиться съ громаднѣйшимъ флотомъ непріятеля. Исполненное геройской отваги предложеніе Корнилова не встрѣтило однако одобренія въ совѣтѣ: немногіе лишь выразили согласіе на это отважное, но весьма опасное дѣло, потому что, въ случаѣ неудачи, мы могли потерять весь флотъ нашъ, и при отступленіи, на своихъ плечахъ, ввести непріятельскіе корабли на рейдъ, а Севастополь тогда погибъ бы неминуемо.

Неохотно согласился Корниловъ съ мнѣніемъ большинства, но, получивъ вторичное приказаніе князя Меньшикова о затопленіи судовъ, приступилъ къ тяжкому для всего черноморскаго флота дѣлу—своими собственными руками затопить родные корабли въ водахъ роднаго порта.

Но обстоятельства этого требовали, и генералъ-адъютантъ Корниловъ отдалъ приказъ затопить на фарватерѣ старые, сослужившіе уже свою службу корабли: *Три Святителя*; *Уріилъ*, *Селафаилъ*, *Варна* и *Силистрія* и фрегаты: *Флора* и *Сизополь*.

Съ разсвѣтомъ 11 сентября, на мѣстѣ, занятомъ наканунѣ *Сизополемъ*, *Варною* и *Силистріею*, плавали обломки рангоута; *Уріилъ* и *Селафаилъ* были затоплены вслѣдъ за ними; около 8 часовъ волны поглотили *Флору*, но *Три Святителя* еще долго былъ виденъ надъ водою,

Вода лилась въ отверстія, прорубленныя въ подводной части корабля, но ему какъ бы не хотѣлось разстаться съ жизнію; онъ погружался такъ медленно, что пароходу *Громоносецъ* велѣно было бросить нѣсколько ядеръ въ подводную часть несчастнаго корабля, и тѣмъ ускорить его погруженіе; наконецъ 3/4 1 часа *Три Святителя* зашатался, волны разступились и запѣнились надъ нимъ.

Болѣзненно дрогнули сердца моряковъ подъ выстрѣлы *Громоносца*, и Корниловъ обратился къ нимъ со слѣдующею теплою рѣчью. (*)

«Товарищи! Войска наши, послѣ кровавой битвы съ «превосходнымъ непріятелемъ, отошли къ Севастополю, «чтобы грудью защищать его.

«Вы пробовали непріятельскіе пароходы и видѣли ко«рабли его, не нуждающіеся въ парусахъ? Онъ привелъ «двойное число такихъ, чтобы наступить на насъ съ моря. «Намъ надо отказаться отъ любимой мысли—разразить «врага на водѣ! Къ тому же мы нужны для защиты го«рода, гдѣ наши домы и у многихъ семейства.

«Главнокомандующій рѣшилъ затопить 5 старыхъ ко«раблей на фарватерѣ: они временно преградятъ входъ «на рейдъ и вмѣстѣ съ тѣмъ свободныя команды усилятъ «войска.

«Грустно уничтожить свой трудъ! Много было употреб«лено нами усилій, чтобы держать корабли, обреченные «на жертву, въ завидномъ свѣту порядкѣ. Но надо поко«риться необходимости.

«Москва горѣла, а Русь отъ этого не погибла! Напро-

(*) Объявлено по Севастополю при приказѣ Командира порта 11 сентября № 1071.

«тивъ, встала сильнѣе. Богъ милостивъ! Конечно, Онъ «и теперь готовитъ вѣрному Ему народу Русскому такую «же участь.

«Итакъ, помолимся Господу, и не допустимъ врага «сильнаго покорить себя! Онъ цѣлый годъ набиралъ союз-«никовъ, и теперь окружилъ царство Русское со всѣхъ «сторонъ. Зависть коварна! Но Царь шлетъ уже свѣжую «армію, и если мы не дрогнемъ, то скоро дерзость будетъ «наказана, и врагъ будетъ въ тискахъ!»

Укрѣпленіе сѣверной стороны быстро подвигалось къ окончанію, подъ руководствомъ контръ-адмирала Истомина и подполковника Тотлебена. На этихъ укрѣпленіяхъ работало 1,200 матросовъ съ флота, кромѣ саперъ и гарнизона сѣвернаго укрѣпленія, который состоялъ изъ 1-го рекрутскаго баталіона, усиленнаго командою Двѣнадцати-апостольской батареи и изъ 5-го баталіона Литовскаго егерскаго полка.

Благодаря неутомимымъ трудамъ начальниковъ и нижнихъ чиновъ, Севастополь съ каждымъ днемъ постепенно укрѣплялся. Князь Меншиковъ разрѣшилъ, по ходатайству генералъ-адъютанта Корнилова, выдавать по двѣ чарки водки въ день, для поддержанія здоровья, всѣмъ нижнимъ чинамъ, работающимъ на укрѣпленіяхъ.

Не имѣя возможности послѣ альминскаго дѣла остановиться на Бельбекѣ, Князь Меншиковъ предположилъ занять фланговую позицію, расположивъ войска на пространствѣ между Бельбекомъ и долиной Черной рѣчки.

Но вся мѣстность здѣсь была чрезвычайно пересѣченная и покрытая густо-поросшимъ дубнякомъ. Для дѣйствія войскъ она не представляла ни одной выгодной обо-

ронительной позиціи; наступленіе массами по густому кустарнику, холмамъ и ямамъ было почти невозможно.

Видя, что и на этомъ пространствѣ нѣтъ такой позиціи, на которой войска наши могли бы встрѣтить непріятеля съ надеждою на успѣхъ, и не были бы поставлены въ крайне-опасное положеніе въ случаѣ неудачи, князь Меншиковъ, по необходимости, долженъ былъ отказаться отъ встрѣчи непріятеля по сѣверную сторону рейда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая необходимость устроить войска, пополнить боевые и продовольственные запасы, подкрѣпить севастопольскій гарнизонъ и сдѣлать необходимыя для обороны распоряженія, князь Меншиковъ рѣшился двинуться на южную сторону Севастополя.

Войска, снявшись съ привала на Бельбекѣ, спустились въ долину Черной рѣчки и, перейдя ее по инкерманской гати, поднялись на Сапунъ-гору. Къ вечеру 9-го (21-го) сентября наша армія прибыла къ Севастополю. Тарутинскій егерскій полкъ занялъ сѣверное укрѣпленіе; 4 баталіона резервной бригады (*) поступили въ составъ гарнизона, а остальныя затѣмъ войска расположились бивуакомъ въ виду Севастополя, на Куликовомъ полѣ, между Карантинною и Сарандинакиною балками. Два эскадрона гусарскаго Николая Максимиліановича полка расположились у монастыря Св. Георгія.

Между тѣмъ непріятель 12-го (24-го) числа подошелъ уже къ Бельбеку и бивуакъ его виднѣлся съ сѣвернаго укрѣпленія. Малочисленный гарнизонъ теперь ежеминутно ожидалъ нападенія сильнаго врага на слабыя укрѣпленія, и положеніе его было весьма затруднительно.

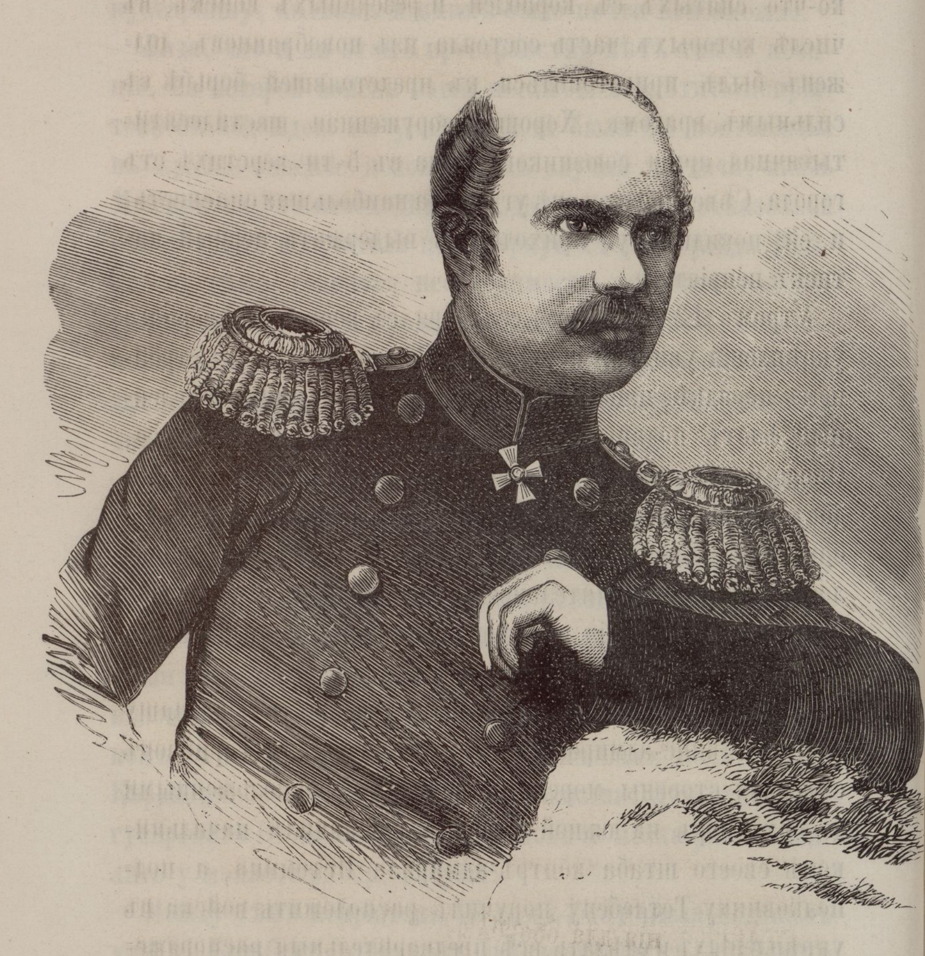
(*) 5-й и 6-й баталіоны Брестскаго и Бѣлостокскаго пѣхотныхъ полковъ.

Севастополь, предоставленный защитѣ моряковъ, только-что снятыхъ съ кораблей, и резервныхъ войскъ, въ числѣ которыхъ часть состояла изъ новобранцевъ, долженъ былъ приготовиться къ предстоявшей борьбѣ съ сильнымъ врагомъ. Хорошо вооруженная шестидесятитысячная армія союзниковъ была въ 5-ти верстахъ отъ города. Сѣверной сторонѣ угрожала наибольшая опасность, и ей, повидимому, приходилось выдержать первый натискъ непріятеля.

Утромъ 12-го (24-го) сентября съ верковъ сѣвернаго укрѣпленія увидѣли непріятеля. Союзная армія, въ стройномъ порядкѣ, приближалась къ Бельбеку, а многочисленный флотъ подвигался къ югу, вдоль морскаго берега. Около 6-ти часовъ вечера шесть непріятельскихъ пароходовъ, приблизясь къ берегу, открыли огонь по Волоховой башнѣ и Константиновской батареѣ. Дѣло это кончилось однако незначительною перестрѣлкой, и къ вечеру непріятельская армія расположилась бивуаками на Бельбекѣ.

Ожидая на слѣдующій день атаки непріятеля на нашу позицію, вице-адмиралъ Корниловъ усилилъ гарнизонъ сѣверной стороны морскими войсками, расположенными до тѣхъ поръ на южной сторонѣ, назначилъ начальникомъ своего штаба контръ-адмирала Истомина, а подполковнику Тотлебену поручилъ расположить войска въ укрѣпленіяхъ и сдѣлать всѣ предварительныя распоряженія для обороны.

Гарнизонъ сѣверной стороны, раздѣленный на боевыя линіи и резервъ, былъ расположенъ 13-го (25-го) сентября въ укрѣпленіяхъ и въ позади лежащихъ балкахъ и закрытіяхъ.

КОНТРЪ-АДМИРАЛЪ

В. И. ИСТОМИНЪ.

Начальникъ 4-го Отдѣленія Севастопольской оборонительной линіи, т. е. 1-го и 2-го баталіоновъ и Корниловскаго кургана.

Общая численность всего гарнизона сѣверной стороны доходила до 11,350 человѣкъ строевыхъ нижнихъ чиновъ.

Вмѣстѣ съ этими распоряженіями о защитѣ, приняты были мѣры и на случай отступленія. Восемь пароходовъ въ бухтѣ, были назначены для перевозки войскъ чрезъ рейдъ. Въ тоже время десять кораблей, расположенныхъ вдоль южнаго берега рейда, должны были огнемъ своей артиллеріи способствовать отступленію, обстрѣливая крутой скатъ сѣвернаго берега рейда.

На случай очищенія сѣвернаго форта, предположено было батареи Михаиловскую и № 4-го взорвать, а орудія, которыя могли дѣйствовать на южную сторону и по южной бухтѣ, были заклепаны; часть же ихъ была даже сброшена въ море.

Однако, не смотря на неутомимую дѣятельность 1500 человѣкъ, работавшихъ, и днемъ и ночью, въ теченіе времени со 2-го по 13-е (14-го по 25-е) сентября, не взирая на мужество, отвагу и геройскій духъ гарнизона, рѣшившагося до послѣдняго человѣка защищать сѣверную позицію, положеніе обороняющихся было безнадежное.

Утромъ 14-го (26-го) числа, гарнизонъ, съ напряженнымъ вниманіемъ ежеминутно ожидавшій нападенія непріятеля, съ удивленіемъ узналъ, что союзная армія двинулась къ востоку, по направленію къ хутору Мекензи.

Въ это время укрѣпленія южной стороны, раскинутыя на обширномъ пространствѣ, до 7-ми верстъ, были почти также слабы, какъ и ко дню высадки, потому что

Флигель-Адъютантъ Его Императорскаго Величества, полковникъ

Едуардъ Ивановичъ

ТОТЛЕБЕНЪ.

послѣ высадки всѣ усилія были исключительно сосредоточены на обезпеченіе сѣверной стороны.

Гарнизонъ южной стороны со стоялъ только изъ 6 резервныхъ баталіоновъ 13-й пѣхотной дивизіи и 44-го флотскаго баталіона, въ составѣ не болѣе 5 тысячъ штыковъ.

Считая невозможнымъ, съ этими ничтожными силами отстоять южную сторону, Нахимовъ принялъ мѣры для затопленія судовъ его эскадры, чтобы не предать ихъ въ руки непріятеля, если-бы онъ овладѣлъ Севастополемъ, и отдалъ 14-го (26-го) сентября слѣдующій достопамятный приказъ.

«Непріятель подступаетъ къ городу, въ которомъ «весьма мало гарнизона: я въ необходимости нахожусь «затопить суда ввѣренной мнѣ эскадры, а оставшіяся «на нихъ команды, съ абордажнымъ оружіемъ, присоединить къ гарнизону. Я увѣренъ въ командирахъ, офи«церахъ и командахъ, что каждый изъ нихъ будетъ «драться какъ герой: насъ соберется до трехъ тысячъ; «сборный пунктъ на Театральной площади. О чемъ по «эскадрѣ объявляю.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сформировалъ 2 новыхъ сводныхъ баталіона изъ матросовъ, свезенныхъ съ кораблей его эскадры.

Убѣдившись въ намѣреніи непріятеля обойти Севастополь съ юга, Корниловъ, въ свою очередь, немедленно распорядился о переводѣ съ сѣверной стороны на южную 11-ти флотскихъ и 2-хъ морскихъ баталіоновъ съ 2-мя морскими подвижными батареями, и самъ, съ своимъ штабомъ переѣхалъ туда же 14 (26) числа, поручивъ сѣверную сторону капитану 1-го ранга Бартеневу.

Видъ Балаклавы.

Еще наканунѣ, генералъ Моллеръ объявилъ Севастополь состоящимъ въ осадномъ положеніи. Зная энергію и необыкновенныя дарованія Корнилова, всѣ старшіе начальники въ Севастополѣ единодушно предложили ему принять на себя главныя распоряженія по приготовленію города къ оборонѣ.

Вечеромъ 14-го (26-го) числа получено было въ городѣ извѣстіе, что непріятель отбилъ часть обоза нашей арміи и отрѣзалъ ее отъ Севастополя. Трудно изобразить общее безпокойство, происходившее въ это время на южной сторонѣ, почти открытой и лишенной войскъ.

Ночью по всему городу распространилась тревога, по случаю вступленія 3-го баталіона Тарутинскаго полка, который былъ принятъ за непріятеля. На другой день получено было извѣстіе о взятіи непріятелемъ Балаклавы, и вмѣстѣ съ тѣмъ показались непріятельскіе аванпосты на высотахъ, окружающихъ южную сторону.

Послѣ всего этого не оставалось никакого сомнѣнія о переходѣ непріятеля на Херсонесскій полуостровъ и о намѣреніи его атаковать южную сторону.

Скажемъ нѣсколько словъ о взятіи непріятелемъ Балаклавы.

Балаклава городъ, картинно расположенный у подошвы высокихъ и скалистыхъ горъ, окаймляющихъ небольшую гавань. Когда этимъ городомъ владѣли еще генуэзцы, онъ былъ укрѣпленъ, и остатки построенныхъ ими укрѣпленій видны еще по настоящее время. На возвышенной горѣ, по лѣвую сторону рейда, до сихъ поръ виднѣются еще обломки башень и стѣнъ, когда-то обширнаго замка. Балаклава, не считавшаяся нашимъ военнымъ портомъ, въ новѣйшее время не укрѣплялась, и при вы-

садкѣ непріятеля въ Крымъ вовсе не имѣла укрѣпленій.

Въ то время какъ англичане подходили къ Балаклавѣ, въ древнихъ развалинахъ замка засѣлъ командиръ балаклавскаго греческаго баталіона, полковникъ Манто, съ одной ротой своего баталіона, въ числѣ 80-ти человѣкъ строевыхъ и 30-ти отставныхъ солдатъ. При нихъ были 4 мѣдныя $^{1}/_{2}$ пудовыя мортирки, подъ командою поручика Маркова.

Непріятельскій авангардъ, занявъ деревню Кадыкіой и подойдя къ Балаклавѣ, неожиданно былъ встрѣченъ огнемъ греческихъ стрѣлковъ и гранатами мортирной батарейки. Черезъ часъ англичане построились въ боевой порядокъ, и, выдвинувъ свою артиллерію, открыли по городу сильную канонаду. Въ тоже время до 20-ти непріятельскихъ судовъ приблизились къ берегу и начали стрѣлять по древнимъ развалинамъ. Но, не смотря на то, командовавшій батареею поручикъ Марковъ продолжалъ пальбу изъ мортиръ, и прекратилъ огонь тогда только, когда у него не осталось уже ни одного заряда.

При занятіи Балаклавы, непріятель потерялъ до 100 человѣкъ убитыхъ и болѣе 100 человѣкъ раненыхъ. Когда перестрѣлка затихла и Балаклавцы возвратились въ свой домъ, то застали тамъ непріятелей, которые хозяйничали кто какъ хотѣлъ. Платье и цѣнныя вещи разбирали по рукамъ, мебель ломали, а лучшую брали на пароходы; срывали обои, пороли матрасы, отыскивая въ нихъ цѣнныя вещи. Что не нравилось, выбрасывали во дворъ. На просьбы не раззорять, отвѣчали смѣясь: «Все это наше» или грозили оружіемъ. Все совершалось въ глазахъ ихъ начальниковъ, которые на упрекъ «Это-ли обѣщанная не-

прикосновенность имущества? говорили: «не безпокойтесь, что застали то ваше, больше ничего не возьмутъ. Стоитъ ли хлопотать о такомъ хламѣ и лачужкахъ? Возьмемъ Севастополь, а тамъ, по выбору вашему, дадимъ вамъ дворцы и кареты.» Вечеромъ весь Балаклавскій скотъ, воротившійся съ поля, былъ взятъ на порціи англійскихъ солдатъ. Въ ближайшихъ къ Балаклавѣ деревняхъ: Кадыковѣ, Комарахъ и другихъ, непріятель производилъ такія же опустошенія и не щадилъ даже и святыни.

Непріятель, видя, что батарея прекратила огонь, бросился въ городъ и съ крикомъ «ура,» въ 2 часа пополудни, водрузилъ на немъ свое знамя.

Изъ ничтожнаго гарнизона, сопротивлявшагося до послѣдней возможности непріятельской арміи, были взяты въ плѣнъ: раненый полковникъ Манто, 6 офицеровъ и до 60-ти израненныхъ солдатъ. Одному офицеру и двумъ солдатамъ удалось спастись отъ плѣна.

Командовавшій ротою, капитанъ Стамати на вопросъ союзныхъ генераловъ: неужели онъ надѣялся съ горстью своихъ солдатъ остановить цѣлую армію? отвѣчалъ: «безусловною сдачею я навлекъ бы на себя и гнѣвъ моего «начальства, и ваше презрѣніе; теперь же совѣсть моя «спокойна, потому что я исполнилъ свой долгъ.»

Въ ночь съ 13 на 14 (25 на 26) сентября болѣзнь, которою страдалъ маршалъ Сентъ-Арно по прибытіи въ Крымъ, значительно усилилась: онъ сдалъ 14 (26) числа начальство надъ войсками Конроберу, и чрезъ три дня послѣ этого, т. е. 17 (29) сентября, умеръ.

Утромъ 15 (27) сентября гарнизонъ южной стороны состоялъ изъ 23-хъ баталіоновъ и 3$^1/_2$ ротъ, въ составѣ

до 16,000 штыковъ и 32-хъ полковыхъ и десантныхъ орудій.

Затѣмъ на сѣверной сторонѣ оставлены были только 5 баталіоновъ и одинъ взводъ 6 сапернаго баталіона— всего $3^1/_2$ тысячи штыковъ. Войска эти были необходимы для обороны сѣверныхъ укрѣпленій противъ десанта, который непріятель могъ произвести на Качѣ, или Бельбекѣ, или позади Константиновской батареи. На судахъ же оставлено было около 3-хъ тысячъ человѣкъ. Для обороны южной стороны на эти войска нельзя было расчитывать.

При совершенной слабости укрѣпленій и гарнизона южной стороны, несмотря на самое мужественное сопротивленіе, нельзя было надѣяться отразить многочисленнаго непріятеля, силы котораго, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, мы считали до 60-ти тысячъ, тѣмъ болѣе, что семиверстная позиція, которую занимали наши войска, была раздѣлена южною бухтой на двѣ части, имѣвшія между собою сообщеніе только чрезъ Пересыпь, по тѣсной и неудобной окольной дорогѣ, спускающейся и поднимающейся по крутизнамъ горъ и выходящей на фронтъ позиціи. Очевидно, что при такомъ сообщеніи, въ случаѣ внезапнаго и быстраго штурма на одну изъ частей:—городскую или корабельную—нельзя было ожидать своевременныхъ подкрѣпленій съ другой стороны, не атакованной непріятелемъ. Такимъ образомъ и безъ того слабый гарнизонъ южной стороны Севастоля, раздѣлялся еще на двѣ части, изъ которыхъ каждая, въ случаѣ штурма, предоставлялась собственной отдѣльной оборонѣ, такъ что. атакуя городъ или корабельную слободку, непріятель имѣлъ бы противъ себя только половину всего гарнизона, т. е. не болѣе 8-ми тысячъ человѣкъ. Къ этому надо добавить, что даже сооб-

щенія между частями войскъ въ городѣ и на корабельной сторонѣ затруднялись глубокими оврагами, зданіями и оградами; въ особенности затруднительно было сообщеніе между 4-мъ и 5-мъ бастіонами. Наконецъ, войска оборонительной линіи почти нигдѣ не были предохранены отъ артиллерійскаго и штуцернаго огня, и въ случаѣ атаки должны были понести отъ него огромныя потери прежде, чѣмъ встрѣтить штурмовыя колонны штыкомъ.

Прислуга нашихъ орудій, большею частію стоявшихъ за каменными завалами или дѣйствовавшихъ чрезъ банкетъ, могла быть скоро перебита непріятельскими стрѣлками. Даже для резервовъ не имѣлось мѣстъ, скрытыхъ отъ выстрѣловъ непріятеля.

Рано утромъ, 15-го сентября, войска наши поставлены въ боевыя позиціи: нѣкоторые баталіоны раскинуты цѣпью по оборонительной стѣнѣ и заваламъ, другіе собраны въ ротныя колонны и колонны къ атакѣ. По распоряженію Владиміра Алексѣевича Корнилова, духовенство съ образами, хоругвями и крестами, совершило крестный ходъ по южной оборонительной линіи, на дистанціяхъ отслужили молебны и окропили войска святою водою. «Пусть прежде напомнятъ войскамъ слово Божіе,» сказалъ Корниловъ, «а потомъ я передамъ слово Царское.»

Одѣтый въ блестящую генералъ-адъютантскую форму, окруженный многочисленною свитою, Корниловъ осматривалъ войска, и говорилъ имъ: «Царь надѣется, что мы «отстоимъ Севастополь; да намъ и некуда отступать: по-«зади насъ море, впереди непріятель. Князь Меньшиковъ «обманулъ и обошелъ его, и когда непріятель насъ атаку-«етъ, то наша армія ударитъ на него съ тыла. Помни же: «невѣрь отступленію. Пусть музыканты забудутъ играть

ретираду—тотъ измѣнникъ, кто протрубитъ ретираду!... и если я самъ прикажу отступить—коли меня!...»

Повторяя эти достопамятныя слова каждому баталіону, Корниловъ армейскимъ баталіонамъ толковалъ: «Ваше «дѣло сначала строчить непріятеля изъ ружей, а если ему «вздумается забраться на батареи, такъ принимайте «его по русски; тутъ ужъ знакомое дѣло—штыковая ра-«бота.» Баталіону, состоявшему преимущественно изъ матросовъ, сказалъ, *что давно знаетъ ихъ за молодцевъ, а съ молодцами и говорить много нечего, какъ надо встрѣчать непріятеля*.

Понятно, какъ должны были принять такія слова русскіе воины предъ лицемъ непріятеля. Глядя на ихъ загорѣлыя лица, сіявшія отвагою, конечно, невозможно было равнодушно слышать восторженные клики, которыми войска изъявляли свою готовность умереть за родную землю. На Корнилова всѣ стали смотрѣть, какъ на вдохновеннаго человѣка, и, дѣйствительно, въ эти славные дни своей жизни, Корниловъ сдѣлался неизмѣримо выше обыкновеннаго.

15-го (27-го) сентября непріятельскіе аванпосты показались на Воронцовской и Саперной дорогахъ; вслѣдъ затѣмъ появились французы на горѣ надъ хуторомъ Сарандинаки. (*) Непріятельскіе пароходы осматривали бухты Камышевую, Казачью и Стрѣлецкую. На слѣдующій день союзники дѣлали рекогносцировки по Воронцовской и Балаклавской дорогамъ, внѣ самаго дальняго пушечнаго выстрѣла; вечеромъ непріятельскій отрядъ расположился на горѣ впереди 4-го бастіона, между Балаклавскою и

(*) Это были 3-я и 4-я дивизіи французовъ.

Георгіевскою дорогами, а пароходы союзнаго флота окончательно заняли Камышевую и Казачью бухты.

17-го (29-го) сентября непріятель снова дѣлалъ рекогносцировки. Между тѣмъ работы наши продолжались съ большимъ успѣхомъ: многія батареи уже были готовы и вооружены морскими орудіями большаго калибра.

18-го (30-го) сентября, около полудня, къ величайшей радости всего гарнизона, показались на Бельбекскихъ высотахъ наши войска; а въ 2 часа пополудни прибылъ на батарею № 4-го сѣверной стороны князь Меньшиковъ.

Въ этотъ день непріятель дѣлалъ рекогносцировку со стороны Малаховой башни, но на весьма дальнемъ разстояніи. На всѣхъ высотахъ, окружающихъ Севастополь, видно было движеніе непріятельскихъ войскъ. 19-го сентября (1-го октября) вступили въ составъ Севастопольскаго гарнизона полки Московскій и Бородинскій, 3-го баталіона Тарутинскаго полка, всего въ числѣ до 8,000 штыковъ, легкая № 5 батарея 17-й артиллерійской бригады и 1 сотня казаковъ № 67 полка.

Непріятельскіе отряды продолжали занимать позиціи на окружающихъ высотахъ. Въ тоже время непріятель производилъ рекогносцировки; съ оборонительной линіи дѣйствовали по немъ ядрами и бомбами и не допускали подходить близко къ оборонительной линіи.

Для подчиненія Корнилову сухопутныхъ войскъ, состоявшихъ въ гарнизонѣ, генералъ-лейтенантъ Моллеръ отдалъ 19-го сентября (1-го октября) приказъ о назначеніи Корнилова начальникомъ штаба Севастопольскаго гарнизона. Съ этого дня начали къ Севастополю подходить войска, такъ что къ 23-му сентября гарнизонъ юж-

ной стороны состоялъ изъ 42-хъ баталіоновъ пѣхотныхъ и флотскихъ и изъ 6-го сапернаго баталіона, всего въ составѣ около 28 тысячъ штыковъ и 28 полевыхъ орудій.

Корниловъ, объѣзжая съ своимъ штабомъ оборонительную линію, каждый день по крайней мѣрѣ одинъ разъ, наблюдалъ лично за ходомъ инженерныхъ работъ, за строгимъ исполненіемъ аванпостной службы, за порядкомъ въ размѣщеніи войскъ, а ночью, при малѣйшей тревогѣ или перестрѣлкѣ, немедленно являлся на линію. Онъ всегда говорилъ съ солдатами, стараясь поддержать въ нихъ отвагу и мысль о необходимости драться до послѣдней крайности.

Однажды, обратившись къ Московскому полку, онъ сказалъ: «Московцы, вы находитесь здѣсь на рубежѣ Рос-«сіи, вы защищаете дорогой уголокъ Русскаго царства. «На васъ смотритъ Царь и вся Россія. Если только вы «не исполните вполнѣ своего долга, то и Москва не при-«метъ васъ, какъ Московцевъ.»

Подобныя слова Корнилова производили глубокое впечатлѣніе на солдатъ, у которыхъ онъ своими распоряженіями уже успѣлъ заслужить большое довѣріе.

Утромъ 27-го сентября (9-го октября) замѣчено было, что Англичане возводили двѣ батареи. Между тѣмъ работы на южной сторонѣ быстро подвигались.

Въ ночь на 27-е сентября (9-го октября) была произведена съ 4-го бастіона небольшая вылазка, для истребленія лѣсныхъ складовъ, находившихся впереди его на Балаклавской дорогѣ, и которыми Французы легко могли воспользоваться. Предавъ ихъ огню, наши охотники возвратились безъ потери.

На другой день, въ 3 часа по полудни, съ 1-го отдѣ-

ленія снова была произведена вылазка къ хутору Рудольфа, съ цѣлью выбить французскихъ стрѣлковъ, которые не переставали дѣйствовать по нашимъ казачьимъ разъѣздамъ. Отрядъ нашъ, подъ начальствомъ командира 6-го Виленскаго баталіона, маіора Эйсмонта, подойдя на близкое разстояніе къ оградѣ хутора, былъ встрѣченъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ; артиллерія наша успѣла при этомъ сдѣлать по непріятелю нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ. Наступленіе трехъ французскихъ баталіоновъ вынудило нашъ отрядъ отступить къ 7-му бастіону, подъ покровительствомъ огня съ 5-го бастіона. При этой вылазкѣ мы имѣли 5 убитыхъ и 21 раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Усиленная дѣятельность и большое число людей, занятыхъ у насъ работами, ввели союзниковъ въ заблужденіе, заставивъ считать вновь устроенныя укрѣпленія и гарнизонъ нашъ гораздо сильнѣе, нежели они были въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, вслѣдствіе произведенныхъ рекогносцировокъ, непріятель рѣшилъ, что штурмовать Севастополь, безъ предварительнаго ослабленія огня батарей, невозможно, почему рѣшился устроить на высотахъ батареи и немедленно приступить къ выгрузкѣ осадной артиллеріи.

Союзники медлили, а всякое промедленіе со стороны непріятеля составляло тогда для Севастополя спасительный выигрышъ времени, которымъ можно было воспользоваться для усиленія укрѣпленій и вооруженія оборонительной линіи.

Ночь съ 27-го—28-е сентября (9-го—10-ое октября) была темная и пасмурная; пользуясь этимъ, Французы заложили на высотѣ хутора Рудольфа траншею, въ раз-

стояніи до 450-ти саженъ отъ 5-го бастіона. Работа была произведена совершенно скрытно отъ насъ, чему способствовалъ довольно свѣжій вѣтеръ, дувшій въ продолженіи всей ночи по направленію отъ города, такъ что работы атакующаго усмотрѣны были только на разсвѣтѣ. Понятно, какое радостное впечатлѣніе онѣ произвели на всѣхъ, знакомыхъ съ осадною войной.

Тогда стало ясно, что непріятель не рѣшился прямо идти на штурмъ и намѣренъ строить батареи, съ цѣлью сбить нашу артиллерію, и что такимъ образомъ можно выиграть еще нѣсколько дней.

Всѣ въ Севастополѣ поздравляли другъ друга съ этимъ событіемъ, всѣ видѣли въ немъ спасеніе города. Съ этого дня начались непріятельскія работы и постройка ихъ батарей.

29-го и 30-го сентября у насъ были слѣдующія, болѣе замѣчательныя, схватки и вылазки.

Чтобы противопоставить французскимъ батареямъ наибольшее число орудій, предположено устроить батарею у праваго фланга 4 баталіона, а для замедленія непріятельскихъ работъ, съ бастіоновъ: 5, 4, 3 Малаховой башни, парохода *Владиміръ* и нѣкоторыхъ батарей, весь день стрѣляли изрѣдка по траншеямъ союзниковъ; штуцерные 2-й и 4-й дистанцій были разсыпаны цѣлый день впереди 4-го бастіона и Малахова кургана; вообще они, видимо, вредили непріятелю, но унтеръ-офицеръ Бутырскаго пѣхотнаго полка Лапинъ выказалъ особенную удаль: ранивъ одного изъ англійскихъ стрѣлковъ, онъ бросился съ 4 солдатами въ ихъ засаду, обезоружилъ и привелъ на Малаховъ курганъ раненаго Англичанина. За это князь Александръ Сергѣевичъ пожаловалъ Лапину

знакъ отличія военнаго ордена. Первый Севастопольскій георгіевскій кавалеръ.

Второй баталіонъ Тарутинскаго егерскаго полка, посланный, подъ командою капитана Герева, съ 10-ю саперами и 24 штуцерными разрушить строеніе въ оврагѣ противъ 4 бастіона,—оттѣснилъ непріятельскихъ стрѣлковъ, разломалъ строеніе и возвратился на 9 дистанцію благополучно.

Другая экспедиція, подъ начальствомъ капитана 2-го ранга Скоробогатова (*), снаряжена была съ цѣлью разрушить бойню, лежавшую не далеко отъ англійскихъ траншей, на горѣ между Сарандинакиною и Лабораторною балками.

Работая на горѣ почти вмѣстѣ съ англичанами, отрядъ Скоробогатова окончилъ дѣло благополучно и возвратился около полуночи.

Въ часъ пополуночи, передовой секретъ, 45 флотскаго экипажа, подъ командою унтеръ офицера Петренко, замѣтилъ человѣкъ 30 Англичанъ въ Лабораторной банкѣ; подозвавъ къ себѣ другой секретъ, Петренко далъ непріятелю приблизиться, сдѣлалъ залпъ изъ своихъ 11 ружей, и съ крикомъ «ура» бросился въ штыки. Непріятель отвѣтилъ нѣсколькими выстрѣлами, и побѣжалъ въ разныя стороны; а Петренко подобралъ потерянныя врагами: офицерскую шинель и фуражку, 10 солдатскихъ шинелей и 6 фляжекъ съ водою,—и отступилъ къ цѣпи. Въ это время на 3 бастіонѣ ударили въ тревогу и отозвали цѣпь, а англичане — съ противоположной горы—

(*) Командиръ 36 экипажа и корабля *Ростиславъ*, бывшій помощникомъ начальника 4-й дистанціи.

открыли штуцерный огонь. Скоро дѣло объяснилось, англійскіе штуцерные разогнаны гранатами, и наша цѣпь снова разведена. Въ 2 часа ночи, тотъ же Петренко съ 10 матросами, открывъ на Симферопольской дорогѣ непріятельскій разъѣздъ, атаковалъ ѣхавшаго впереди кавалериста; всадникъ быстро повернулъ лошадь, и ускакалъ вмѣстѣ съ другими кавалеристами къ англійскому лагерю, оставивъ въ рукахъ Петренко свою мѣховую шапку.

1/13 октября Французы заложили батарею на Херсонесской высотѣ, въ разстояніи 800 саженъ отъ 6-го бастіона. Артиллерія наша дѣйствовала по непріятельскимъ работамъ рѣдкими выстрѣлами; для осмотра этихъ работъ и для встревоженія непріятельскихъ рабочихъ, посылались днемъ и ночью малыя команды охотниковъ. Непріятельскія работы медленно подвигались впередъ. Впрочемъ уже можно было ясно отличать возводившіяся въ нихъ батареи.

4/16 октября замѣчено было, что Французы въ предъидущую ночь продолжили свою траншею вправо по направленію къ капитали 4-го бастіона, и начали строить въ ней двѣ новыя батареи.

Съ приморскихъ батарей видно было, какъ непріятель, съ наступленіемъ сумерокъ, размѣщалъ буйки на взморьѣ, по направленію отъ Стрѣлецкой бухты къ Волоховой башнѣ. Это заставляло полагать, что онъ собирается также бомбардировать городъ съ флота.

Срокъ медлительности союзниковъ, повидимому, истекалъ; приближался день бомбардированія и штурма.

III.

Нравственное настроенiе духа защитниковъ Севастополя въ ожиданiи штурма.— Матросы на батареяхъ. — Приказы генералъ-адъютантовъ: Корнилова и князя Меньшикова. — Бомбардированiе 5-го октября. — Взрывъ пороховаго погреба на Рудольфовой горѣ. — Осмотръ батарей княземъ Меньшиковымъ. — Распоряженiя полковника Тотлебена. — Смерть Корнилова. — Бомбардированiе съ моря. — Взрывъ на 3-мъ бастiонѣ. — Подвиги мужества и самоотверженiя нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ въ день 5-го октября.

Со времени высадки непрiятеля, много дней прошло, много и жертвъ насчитывали уже въ рядахъ своихъ защитники Севастополя, но за то, съ каждымъ днемъ, Севастополь крѣпнулъ и становился неприступнѣе для врага. Мужественный гарнизонъ, свыкшiйся съ новою жизнью на бастiонахъ и ежеминутными опасностями, подсмѣивался даже надъ нерѣшительностью врага.

Матросы на батареяхъ установили всѣ судовые порядки и обычаи: тѣже вахты, тотъ же свистокъ боцмана, призывающiй къ работамъ, и даже къ обѣду и къ чаркѣ водки. Брустверы батарей съ ихъ орудiями замѣняли имъ корабельные борты, а темныя и тѣсныя землянки и устроенные впослѣдствiи блиндажи-кубрикъ судовъ. Вода на батареяхъ хранилась въ систернахъ, врытыхъ въ землю. Время считалось, по морскому положенiю, стклянками или песочными часами, и часовой возвѣщалъ каждые полчаса ударомъ въ колоколъ. При такой знакомой матросамъ обстановкѣ, они легко и весело привыкли къ службѣ на сухопутныхъ севастопольскихъ батареяхъ.

Ко дню 5-го октября — перваго бомбардированiя, — севастопольскiя укрѣпленiя, хотя и не были еще въ полномъ вооруженiи, но врагу былъ уже приготовленъ сильный отпоръ; воздвигнуты были сооруженiя, которыя возможно

было исполнить только при дружномъ общемъ усиліи защитниковъ отъ мала до велика, и при геройскомъ настроеніи всего гарнизона отъ старшаго генерала до новобранца-рекрута, и отъ главнаго командира до дѣтей, попавшихъ къ отцамъ на батареяхъ. Защитники готовились къ штурму, какъ на торжество; но непріятель медлилъ, неувѣренный въ своихъ силахъ; — устрашенный нашими громадными сооруженіями, онъ не рѣшился идти прямо на штурмъ, не обезсиливъ насъ, — не разрушивъ первоначально нашихъ укрѣпленій.

За два дня до бомбардированія, 3-го октября, герой— душа севастопольской обороны, генералъ-адъютантъ Корниловъ отдалъ слѣдующій приказъ:

«Съ перваго дня обложенія Севастополя превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ, войска, предназначенныя его защищать, выказывали рѣшительную готовность умереть, но не отдать города, завѣщаннаго намъ любимымъ Царемъ нашимъ и всею Русью Православной.»

«Въ продолженіи короткаго времени, неутомимою дѣятельностію всѣхъ, и офицеровъ и нижнихъ чиновъ, выросли изъ земли сильныя укрѣпленія, и пушки старыхъ кораблей разставлены на этихъ грозныхъ твердыняхъ.»

«Вскорѣ начались встрѣчи съ непріятельскими разъѣздами и партіями стрѣлковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ удалые подвиги нашихъ.

«Боцманъ 32-го экипажа Халюта закололъ штыкомъ пробиравшагося къ нашей цѣпи англійскаго солдата.»

«Разъѣздъ изъ двухъ казаковъ 67-го полка, осматривая положеніе непріятеля, за развалинами Херсонеса, взялъ въ плѣнъ французскаго артиллериста, у самыхъ аванпостовъ.»

«Разъѣздъ гусаръ, завидя французскихъ кавалеристовъ, атаковалъ ихъ. Непріятель разсыпался и бѣжалъ; цѣпь 34-го экипажа схватила заскакавшаго къ ней офицера, и привела его въ бастіонъ № 4-й.»

«Бутырскаго пѣхотнаго полка унтеръ-офицеръ Лапинъ ранилъ англійскаго стрѣлка, и несмотря на превосходство силъ и близость непріятеля, бросился на него и овладѣлъ раненымъ.»

«45-го экипажа унтеръ-офицеръ Петренко съ секретомъ 10 человѣкъ ударилъ въ штыки на непріятельскій пикетъ, много превосходившій его силами, что доказывается числомъ захваченныхъ имъ вещей; вслѣдъ за этимъ атаковалъ англійскій разъѣздъ, нерѣшившійся сразиться съ нимъ.»

«Минскаго пѣхотнаго полка унтеръ-офицеръ Никифоръ Петровъ, съ 8-ю человѣками, вызвался идти впередъ къ непріятельскому лагерю, смѣло вскочилъ на валъ, за которымъ производились работы, и доставилъ объ нихъ свѣдѣнія.»

Таковые ежедневные подвиги, видимо обезкуражили непріятеля и, вѣроятно, одинъ стыдъ удерживаетъ его отъ бѣгства.»

«Вчера былъ въ Севастополѣ флигель-адъютантъ Государя Императора, отправляющійся въ С.-Петербургъ. Царь нетерпѣливо желаетъ знать все о приступѣ враговъ къ дорогимъ для Него городу и флоту Черноморскому. Я поручилъ доложить Его Величеству, что войска рвутся сразиться и, на всякомъ шагу, выказываютъ свою удаль; что они, по примѣру отцовъ, не хотятъ и знать о числѣ непріятелей, а обѣщаютъ отстоять, довѣренное имъ Госу-

даремъ, сокровище. Да благословитъ насъ Русскій Богъ! ура!»

«Помни каждый, что для успѣха, надо думать не о себѣ, а о товарищѣ.»

«Генералъ-адъютантъ *Корниловъ*.»

4-го октября, наканунѣ бомбардированія, главнокомандующій князь Александръ Сергѣевичъ Меньшиковъ, получивъ рескриптъ отъ Государя Императора, сдѣлалъ извѣстнымъ объ этой Высочайшей милости, по Черноморскому флоту слѣдующимъ приказомъ:

«Удостоясь получить Всемилостивѣйшій Государя Императора рескриптъ, въ коемъ Его Императорское Величество изволилъ выразиться:

«Благодари всѣхъ за усердіе; скажи нашимъ молодцамъ морякамъ, что Я на нихъ надѣюсь на сушѣ, какъ на морѣ. Никому не унывать, надѣяться на милосердіе Божіе; помнить, что мы Русскіе, защищаемъ родимый край и Вѣру нашу, и предаться съ покорностію волѣ Божіей! Да сохранитъ васъ всѣхъ Господь; молитвы мои за васъ и наше правое дѣло, а душа Моя и всѣ мысли съ вами.»

«Объявляя о сихъ неизреченно милостивыхъ словахъ Его Императорскаго Величества по Черноморскому флоту, я вполнѣ увѣренъ, что слова эти глубоко западутъ въ душу каждаго изъ насъ, и что всѣ мы, вѣрноподданные, исполняя долгъ вѣрноподданныхъ, будемъ защищать до послѣдней капли крови нашъ родимый край и Вѣру нашу, и охотно умремъ за Царя и Русь святую.»

Приказъ этотъ объявленъ по Севастополю 5-го октября, при приказѣ командира Севастопольскаго порта за № 1148.

Пятаго октября, до седьмаго часу утра, стрѣльба съ

обѣихъ сторонъ шла, какъ и въ предшествовавшіе дни, но въ половинѣ седьмаго всѣ непріятельскія батареи вдругъ открыли жестокій огонь. У насъ ударили тревогу, встали въ ружье и подвели войска къ банкетамъ. Канонада съ обѣихъ сторонъ началась страшная; гремѣли 2,500 севастопольскихъ тяжелыхъ орудій. Свѣтъ померкъ отъ пороховаго дыма; громъ орудій и трескъ разрывавшихся бомбъ слились въ одинъ страшный гулъ, потрясавшій всю окрестность. Казалось, что Севастополь окруженъ двумя огненными линіями: то были выстрѣлы съ севастопольскихъ и съ осадныхъ, французскихъ батарей.

Едва раздались первые выстрѣлы, какъ Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ прибылъ уже на 4-й бастіонъ. Спокойно ходилъ онъ по бастіонамъ, разговаривая съ артиллеристами, указывая имъ куда цѣлить. Выраженіе лица его было спокойно и строго; онъ высоко держалъ голову; сухощавый и нѣсколько согнутый станъ его выпрямился... Корниловъ весь какъ будто сдѣлался выше ростомъ. Когда Корниловъ проѣзжалъ лощиною мимо баталіона Тарутинскаго полка, то всѣ солдаты, любуясь имъ, невольно, въ одинъ голосъ сказали: «вотъ такъ молодецъ!»

Съ 4-го бастіона Корниловъ отправился вдоль оборонительной линіи на 5 бастіонъ. Тамъ онъ встрѣтилъ Нахимова, уже готоваго, по своему обыкновенію, раздѣлить всѣ опасности съ своими сотоварищами-моряками. Уже раненый, съ окровавленнымъ лицомъ, Нахимовъ не щадилъ своей жизни и въ порывѣ геройскаго увлеченія самъ направлялъ орудія, становясь открыто въ амбразуры.

Нѣсколько разъ отдавалось приказаніе стрѣлять рѣже,

АДМИРАЛЪ

П. С. НАХИМОВЪ.

Начальникъ Севастопольскаго гарнизона, умершій отъ ранъ, полученныхъ при защитѣ Севастополя, 30 іюня 1855 года.

чтобы дать время дыму разсѣяться; но моряки, по привычкѣ, а частью и по увлеченію, продолжали весьма частую стрѣльбу. Бруствера нашихъ батарей оказывали недостаточное сопротивленіе непріятельскимъ выстрѣламъ. Насыпанные наскоро, изъ сухой хрящеватой земли, они не успѣвъ окрѣпнуть, легко разсыпались отъ снарядовъ. Амбразуры также не представляли достаточной прочности; нѣкоторыя изъ нихъ, по неимѣнію хвороста, были одѣты земляными мѣшками, досками или глиною, другія же вовсе не имѣли одеждъ. Глиняныя одежды, отъ дѣйствія пороховыхъ газовъ, обвалились большею частью тотчасъ же послѣ первыхъ выстрѣловъ; одежда же изъ земляныхъ мѣшковъ и досокъ загоралась и также обваливалась. Особенное вниманіе было обращено на батареяхъ на скорую расчистку амбразуръ, и эта работа производилась быстро, подъ самымъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, не смотря на значительныя потери въ людяхъ. Расчистка амбразуръ была необходима для того, чтобы имѣть возможность во всякое время встрѣтить штурмовыя колонны сильнымъ картечнымъ огнемъ.

Непріятель, дѣйствуя по нашимъ батареямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сильно поражалъ и войска, которыя, неся огромныя потери, съ своей стороны оставались въ совершенномъ бездѣйствіи. Наиболѣе гибло людей на 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ бастіонахъ, которые подвергались сосредоточенному огню непріятельскихъ батарей.

Болѣе трехъ часовъ продолжалась уже канонада съ одинаковою силою на всѣхъ пунктахъ, какъ въ $9^1/_2$ часовъ наша бомба взорвала пороховой погребъ на одной изъ французскихъ батарей на Рудольфовой горѣ. Взрывъ погреба сопровождался съ нашей стороны громкимъ крикомъ

русскаго ура. Чрезъ полчаса послѣ перваго взрыва послѣдовалъ другой. Послѣ этихъ двухъ взрывовъ огонь французовъ началъ постепенно слабѣть и наконецъ прекратился вовсе. Около половины одинадцатаго всѣ французскія батареи окончательно смолкли.

Но не такъ легко было справиться съ англійскими батареями, имѣвшими большое преимущество предъ нашими въ размѣрѣ орудій. Въ особенности страдалъ отъ англійскихъ батарей 3-й бастіонъ. Къ 12½ часамъ непріятельскія суда начали входить подъ выстрѣлы передовыхъ нашихъ приморскихъ батарей. Впереди шли французскіе корабли, а за ними турецкіе и англійскіе. На морѣ въ это время былъ мертвый штиль, такъ что послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ разстилавшійся по водѣ дымъ закрылъ непріятеля, и наблюдать за дальнѣйшими движеніями его судовъ было уже невозможно.

Корниловъ, осмотрѣвъ укрѣпленія городской стороны, возвратился въ десятомъ часу утра домой для необходимыхъ распоряженій и снабженія батарей боевыми припасами. Въ тоже время князь Меньшиковъ, осмотрѣвъ батареи корабельной стороны, переправился на городскую сторону, и выслушавъ донесеніе Корнилова о дѣйствіяхъ на 1-мъ и 2-мъ отдѣленіяхъ, возвратился на сѣверную сторону. Между тѣмъ полковникъ Тотлебенъ, объѣхавъ 1-е и 2-е отдѣленія, отправился на лѣвую половину оборонительной линіи. Онъ нашелъ 3-й бастіонъ въ ужасномъ положеніи: нѣсколько орудій на немъ были подбиты, а многія амбразуры засыпаны. Но и здѣсь, какъ вездѣ, матросы и саперы соперничали между собою въ усердіи и самоотверженіи. Не менѣе геройскимъ духомъ были одушевлены войска и на Малаховомъ курганѣ, гдѣ они

видѣли передъ собою примѣръ въ своемъ энергическомъ начальникѣ, контръ-адмиралѣ Истоминѣ. Повсюду исправленія производились немедленно, подъ самымъ сильнымъ огнемъ непріятеля. Объѣхавъ 3-е и 4-е отдѣленія и распорядившись дневными работами, а также, по возможности, безопаснымъ размѣщеніемъ войскъ, полковникъ Тотлебенъ встрѣтилъ на Пересыпи Корнилова и донесъ ему о дѣйствіи артиллеріи корабельной стороны, а также и о всѣхъ сдѣланныхъ распоряженіяхъ. Но желая самъ все видѣть и собственнымъ примѣромъ поддержать энергію войскъ, Корниловъ поѣхалъ на 3-й бастіонъ. Многіе офицеры упрашивали его не подвергать себя опасности и обѣщали исполнить свой долгъ по совѣсти. «*Хотя я совершенно убѣжденъ*», отвѣчалъ Корниловъ, «*что каждый изъ васъ исполнитъ свой долгъ, какъ* «*честь и обстоятелства требуютъ, но въ такой тор*«*жественный день я имѣю душевную потребность* «*видѣть нашихъ героевъ на полѣ ихъ отличія.*»

И не смотря на просьбы окружавшихъ его лицъ, Корниловъ поскакалъ далѣе, на Малаховъ курганъ, гдѣ вскорѣ былъ смертельно раненъ ядромъ въ лѣвую ногу.

Ну, господа, предоставлю вамъ отстаивать Се«*вастополь! Не отдавайте его!*» сказалъ собравшись съ силами, Корниловъ, обращаясь къ окружавшимъ его офицерамъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ лишился чувствъ и былъ перенесенъ въ морской госпиталь, гдѣ и умеръ послѣ двухъ часовъ сильныхъ страданій. Послѣднія слова его были: «*Скажите всѣмъ, какъ пріятно умирать, когда со*«*вѣсть спокойна! Благослови Господи Россію и Го*«*сударя; спаси Севастополь и флотъ!*» Вѣсть о смерти доблестнаго адмирала поразила скорбію мужествен-

ныхъ защитниковъ Севастополя, глубоко уважавшихъ и любившихъ Корнилова.

Вскорѣ непріятельскій флотъ занялъ позицію впереди рейда, на протяженіи отъ Херсонесской бухты до Волоховой башни. Въ началѣ втораго часа загремѣли первые залпы съ непріятельскаго флота. Ему тотчасъ же стали отвѣчать всѣ орудія, которыя могли быть направлены въ море съ батарей № 10, Александровской, Константиновской, Карташевскаго и Волоховой башни.

Между тѣмъ борьба съ англійскими батареями продолжалась съ большею настойчивостью. Особенно сильно вредила намъ англійская батарея, расположенная на Зеленой горѣ. Снаряды ея, рикошетируя по правой отлогости Городскаго оврага, поражали въ тылъ батареи Титова и Бурцова и площадку позади 3-го бастіона. Верхній ярусъ Малаховой башни былъ обращенъ въ развалины, при чемъ осколки камней сильно поражали въ тылъ прислугу при орудіяхъ на гласисѣ. Въ городѣ произведено было нѣсколько пожаровъ калеными ядрами, брошенными съ Зеленой горы; къ счастью, однако же, пожары были легко потушены.

Къ тремъ часамъ по полудни на этомъ бастіонѣ была уже сбита треть всего вооруженія, передъ остальными орудіями, амбразуры были совершенно разрушены, а потери въ людяхъ были до того значительны, что прислуга при многихъ орудіяхъ была уже замѣщена два раза. Но не смотря на явное превосходство непріятеля, артиллеристы 3-го бастіона, одушевленные примѣромъ своихъ храбрыхъ командировъ, капитана 1-го ранга Ергомышева и капитанъ-лейтенантовъ Лесли и Рачинскаго, и не желая уступить непріятелю, продолжали дѣйствовать энер-

гически. На бастіонѣ приняты были всѣ мѣры къ тому, чтобы настойчиво поддерживать огонь, несмотря ни на какія поврежденія; поэтому амбразуры расчищались немедленно, сами офицеры, подавая примѣръ, выходили на брустверъ и принимали участіе въ работѣ, а матросы ревностно помогали саперамъ. Но всѣ эти усилія были недостаточны, чтобы недопустить англійскую артиллерію взять рѣшительный перевѣсъ надъ нашею. Къ довершенію бѣдственнаго положенія 3-го бастіона, около трехъ часовъ по полудни непріятельскою бомбою былъ взорванъ пороховой погребъ, расположенный въ исходящемъ углѣ бастіона. Когда разсѣялся дымъ, то представилась ужасная картина послѣдствій этого взрыва: вся передняя половина бастіона была сброшена въ ровъ, орудія и станки были опрокинуты, вездѣ валялись обгорѣлые, обезображенные трупы, а вдали, сквозь гулъ и адскій грохотъ орудій, слышались крики торжествующаго непріятеля. При взрывѣ погибло болѣе 100 человѣкъ. Послѣ этого исчезла всякая возможность противодѣйствовать непріятельской артиллеріи; оборона на этомъ пунктѣ была совершенно уничтожена, и на Корабельной сторонѣ ожидали, что непріятель, пользуясь достигнутымъ имъ успѣхомъ, немедленно пойдетъ не штурмъ.

При всемъ томъ неудачи эти не поколебали храбрыхъ защитниковъ 3-го бастіона; потеря въ прислугѣ и офицерахъ быстро замѣщена была новыми людьми, которые тотчасъ же начали приводить въ порядокъ уцѣлѣвшія орудія. Для отвлеченія выстрѣловъ непріятеля отъ 3-го бастіона, батарея Будищева, съ громкими криками ура, открыла самый частый огонь. Въ тоже время была послана команда охотниковъ для подноски зарядовъ отъ

госпитальной пристани; охотникамъ приходилось идти подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ, почему многіе изъ нихъ погибли, какъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, такъ и отъ взрыва подносимыхъ ими зарядовъ. Съ корабля Ягудіилъ была свезена на 3-й бастіонъ команда изъ 75-ти человѣкъ; изъ нихъ на другой день вечеромъ возвратились на корабль только 25; остальные же были убиты или ранены.

Къ вечеру получено было извѣстіе о Константиновской батареѣ, потерпѣвшей значительныя поврежденія. Батарея эта, по невыгодному своему положенію, подвергалась сосредоточенному огню англійскихъ кораблей, изъ которыхъ одни поражали ее фронтально, а другіе, ставъ противъ сѣверо-западной оконечности ея, били во флангъ и въ тылъ орудій, осыпая прислугу осколками отъ каменнаго парапета. Вскорѣ почти всѣ орудія на ней были подбиты или приведены въ бездѣйствіе; на дворѣ батареи взорваны были три зарядныхъ ящика.

Прочія батареи дѣйствовали гораздо успѣшнѣе.

Къ 6-ти часамъ вечера непріятельскіе корабли начали сниматься съ якоря и постепенно выходить изъ линіи. Береговыя батареи провожали ихъ выстрѣлами. Такъ кончилась эта, продолжавшаяся около пяти часовъ битва флота, состоявшаго изъ 27-ми линейныхъ кораблей, съ береговыми нашими батареями.

Послѣ этого англійскія батареи продолжали еще дѣйствовать до позднихъ сумерокъ, преимущественно противъ 3-го бастіона. Изъ 22-хъ орудій этого бастіона сохранились только *два*; весь бастіонъ былъ разрушенъ, земляной бруствeръ его былъ почти срытъ, а платформы, орудія и тѣла убитыхъ валялись перемѣшанными; тишина на

бастіонѣ прерывалась только рѣдкими выстрѣлами и стонами раненыхъ. На всемъ бастіонѣ осталось только *5 человѣкъ прислуги, которые, не отходя отъ уцѣлѣвшихъ двухъ орудій, выпустили изъ нихъ послѣдніе заряды!*

Закончимъ описаніе этого боеваго дня словами поэта солдата:

Смерклось, день къ концу клонился,
Пальба затихла, смолкнулъ стонъ,
Кой гдѣ еще пожаръ дымился,
И осыпался бастіонъ.
И воздухъ, кровью напоенный,
Ужъ не дрожалъ;—утихнулъ гулъ,
И ангелъ смерти утомленный
Надъ Севастополемъ вздремнулъ!

Такъ окончился день 5-го октября, называемый первымъ бомбардированіемъ Севастополя.

Наступила ночь; мы осмотрѣлись и удостовѣрились, что наши укрѣпленія, одержавшія верхъ надъ непріятельскими осадными батареями, имѣли, за исключеніемъ 3-го бастіона, весьма незначительныя поврежденія. Ночью всѣ эти поврежденія были исправлены, кромѣ Константиновской батареи, на которой работа продолжалась и весь слѣдующій день.

Такъ побѣда осталась за нами; но Корнилова не стало, и защитники Севастополя, видимо скорбѣли о понесенной тяжкой утратѣ.

Государь Императоръ Николай Павловичъ, въ благоговѣйной памяти къ покойному генералъ-адъютанту Корнилову повелѣлъ, укрѣпленіе Малахова Кургана именовать Корниловскимъ бастіономъ.

Невозможно перечислить всѣ отдѣльные подвиги мужества, совершенные защитниками Севастополя въ день 5-го октября, когда всѣ, какъ одинъ, были проникнуты мыслею и долгомъ отстоять Богомъ, Царемъ и Россіей ввѣренный ихъ защитѣ городъ; всѣ другъ предъ другомъ искали великой чести умереть за святое дѣло.

Много великихъ и геройскихъ подвиговъ осталось незамѣченными среди общаго разгрома скрытыхъ тучами пороховаго дыма, славшагося на мѣстѣ смерти и славы!

За недостаткомъ полныхъ свѣдѣній, упомянемъ хотя о тѣхъ, которые стали извѣстны случайно, и память о которыхъ сохранилась въ разсказахъ или описаніяхъ очевидцевъ.

Въ самый разгаръ бомбардировки одна изъ множества бомбъ упала близъ толпы матросовъ 24-го флотскаго экипажа, прикрывавшаго батарею, устроенную между 4-мъ и 5-мъ бастіонами. Солдаты шарахнулись, кто куда могъ, нѣкоторые прилегли къ землѣ, нѣкоторые стояли неподвижно, ожидая вѣрной смерти; трубка догорала; въ это время матросъ *Трофимъ Александровъ* бросился къ бомбѣ. «Берегись», закричали товарищи: «*курится*»,—но Александровъ, не обращая вниманія на ихъ слова, схватилъ комъ грязи и залѣпилъ горѣвшую трубку: она погасла,—матросъ перекрестился, толкнулъ бомбу ногой и обратясь къ товарищамъ весело сказалъ: «эхъ, вы, солдатами зоветесь, а курицы боитесь». Всѣ захохотали. Въ казаматъ 5-го бастіона, въ которомъ было много народу, вкатилась бомба. Матросъ 43-го флотскаго экипажа Григорій *Палюкъ* не задумался, шапкой почерпнулъ воды и подскочилъ къ бомбѣ, чтобъ загасить ее, въ это время бомба лопнула. Пропалъ Палюкъ, думали всѣ. Но когда

дымъ разсѣялся, то увидали Палюка стоявшаго съ шапкой воды на томъ же самомъ мѣстѣ: «ишь, не успѣлъ, прахъ ее возьми», сказалъ онъ съ досадой, обращаясь къ толпѣ, смотрѣвшей на него съ удивленіемъ. 31-го флотскаго экипажа мичманъ *Батьяновъ* находился на 4-й дистанціи, когда попавшая въ пороховой погребъ бомба произвела въ немъ пожаръ. По приказанію контръ-адмирала Истомина, Батьяновъ бросился съ матросами въ погребъ и вскорѣ совершенно потушили пожаръ.

Саперы и главнымъ образомъ унтеръ-офицеры саперныхъ баталіоновъ подъ самымъ сильнымъ адскимъ огнемъ, осыпаемые непріятельскими снарядами, разчищали амбразуры, тушили пожары, исправляли погреба — словомъ, являлись вездѣ, гдѣ нужна была ихъ помощь, и гдѣ была опасность; изъ числа ихъ, къ сожалѣнію, мы можемъ назвать только имена весьма немногихъ, а именно 6-го сапернаго баталіона унт.-офицеры: *Федоръ Кузьминъ*, *Гаврило Кокуринъ*, *Афанасій Ивановъ*, *Федоръ Охотенко*, *Романъ Исаевъ*, *Григорій Злобинъ* и *Никита Лашмановъ* и рядовые: *Григорій Трусовъ* и *Іосифъ Гилевичъ*. Изъ нихъ Злобинъ, которому былъ порученъ присмотръ за пороховыми погребами 4-го бастіона, чрезъ два дня послѣ бомбардированія, а именно 7-го октября, замѣтивъ, что нѣсколько бомбъ попало на насыпь одного погреба, бросился туда съ нѣсколькими рабочими, влѣзъ наверхъ погреба и началъ работать; въ это время снова упала бомба на тотъ же погребъ,—*Злобинъ* потушилъ горѣвшую бомбовую трубку землею и этой неустрашимостью воодушевилъ рабочихъ: погребъ былъ исправленъ въ нѣсколько минутъ.

Всѣ названные саперы удостоились знака военнаго ор-

дена, а Злобинъ, сверхъ того, былъ представленъ въ офицеры.

На слѣдующій день 6-го октября въ 5½ часовъ вечера въ Михайловскомъ соборѣ совершено было отпѣваніе Владиміра Алексѣевича Корнилова. Канонада гремѣла вокругъ, но въ церкви была тишина мертвая. По окончаніи службы, присутствовавшіе простились съ усопшимъ начальникомъ, какъ дѣти прощаются съ любимымъ отцемъ.

Прахъ адмирала вынесли изъ церкви и понесли на рукахъ. Погребальное шествіе тронулось по Екатерининской улицѣ, картина была мрачная; среди тяжелаго грохота пушекъ, треска разрывающихся бомбъ и свиста ядеръ и пуль неслышно двигались за гробомъ два баталіона, четыре полевыхъ орудія и множество офицеровъ, бывшихъ подчиненныхъ рано погибшаго адмирала. Горе было на лицахъ всѣхъ. Тѣло Владиміра Алексѣевича, по его желанію, погребено въ томъ же склепѣ, гдѣ покоится прахъ незабвеннаго Михаила Петровича Лазарева, адмирала, на котораго почти четверть вѣка съ благоговѣніемъ взирали подчиненные, память о которомъ живетъ въ сердцахъ Черноморскихъ моряковъ, и имя котораго записано въ лѣтописяхъ Русскаго флота.

Изъ школы Лазарева вышли Корниловъ, Нахимовъ и Истоминъ. Рядомъ покоятся нынѣ учитель и его достойные ученики.

Миръ праху вашему доблестные, незабвенные герои!

IV.

Положеніе дѣлъ подъ Севастополемъ послѣ первой бомбардировки.—Балаклавское дѣло 13 октября. —Инкерманское дѣло 24 октября.— Приказъ генералъ-адъютанта князя Меншикова отъ 29-го октября.—Буря 2-го ноября.—Положеніе дѣлъ подъ Севастополемъ въ декабрѣ 1854 года.— Замѣчательнѣйшіе подвиги отдѣльныхъ лицъ съ октября по декабрь 1854 года.—Необходимость подземной войны въ Севастополѣ.—Начало нашихъ минныхъ работъ.—Успѣхъ нашихъ минныхъ работъ къ 25 декабря 1854 года.

Бомбардированіе Севастополя, произведено было всѣми артиллерійскими средствами непріятеля и ознаменовалось со стороны христолюбиваго русскаго воинства безпримѣрными подвигами мужества и самоотверженія. Бомбардированіе это выказало какъ силы, такъ и слабыя стороны враждующихъ сторонъ,— заставило приняться за новыя постройки оказавшіяся необходимыми,—вооружить пункты найденные слабыми и разоружить признанные безполезными. Поэтому какъ въ самомъ Севастополѣ, такъ и въ лагерѣ осаждавшихъ, главное вниманіе было обращено на усиленіе спѣшныхъ работъ, поэтому бомбардированіе производилось въ это время въ значительно меньшихъ размѣрахъ.

Съ нашей стороны, въ это же время почти каждую ночь дѣлались вылазки, съ цѣлью препятствовать работамъ непріятеля. Хотя эти вылазки и невсегда были вполнѣ удачны, тѣмъ не менѣе онѣ сильно вредили непріятелю. Непріятель вынужденъ былъ истомлять значительное количество людей ночнымъ бодрствованіемъ, и держать сильные резервы подъ огнемъ нашихъ батарей, чтобы всегда быть готовымъ дать отпоръ нашему покушенію, особенно если оно приметъ значительные размѣры. Но, къ сожалѣнію, наши вылазки не могли достигать такихъ

значительныхъ размѣровъ, какихъ бы должно было ожидать: число защитниковъ Севастополя было ограниченно, а дальное разстояніе отъ крѣпости до работъ непріятеля представляло также немаловажныя для вылазокъ препятствія. Успѣхъ вылазки обыкновенно зависѣлъ отъ нечаянности нападенія, малочисленности непріятельскаго отряда, на который нападеніе производилось, наконецъ отъ того, съ какою быстротой подоспѣвали непріятельскіе резервы на помощь угрожаемому отряду. Удачнѣе другихъ вылазокъ для насъ была извѣстная вылазка въ ночь на 9-е октября, когда изъ Севастополя высланы были отряды охотниковъ на непріятельскія батареи. Одинъ отрядъ, состоявшій изъ пяти офицеровъ и 27 нижнихъ чиновъ, бросился на французскія траншеи, заклепалъ 8-мь мортиръ и 11-ть пушекъ и, лишивъ тѣмъ самымъ батарею возможности дѣйствовать на другой день, возвратился въ городъ. Удачная эта вылазка, распространившая общую тревогу въ непріятельскомъ лагерѣ, совершена съ необыкновенною быстротой и стоила намъ лишь трехъ убитыхъ: двухъ офицеровъ и одного матроса.

Пока въ непріятельскомъ лагерѣ продолжались усиленныя работы, для исправленія поврежденій, отъ дѣйствія нашихъ орудій, къ русскому гарнизону въ Севастополѣ прибыли 5-го октября значительныя подкрѣпленія: полкъ Уральскихъ казаковъ, конная дивизія и 12-ая дивизія. Поэтому князь Меншиковъ счелъ возможнымъ начать наступательныя движенія, и 13-го октября генералъ-лейтенанту Липранди поручено было: съ ввѣренною ему дивизіею атаковать отдѣльный непріятельскій укрѣпленный лагерь, прикрывающій дорогу изъ Севастополя въ Балаклаву. Въ тотъ же день отрядъ подъ начальствомъ гене-

ралъ-лейтенанта Липранди атаковалъ непріятеля у Балаклавы, предъ которою были устроены двѣ линіи непріятельскихъ редутовъ; первая охранялась Турками (4-ре редута съ 11-тью орудіями), вторая—англичанами. Нападеніе произведено въ слѣдующемъ порядкѣ. На разсвѣтѣ, 13-го октября, полковникъ Скюдери съ полкомъ Одессцевъ, ротою стрѣлковъ 4-го баталіона и полубатареею артиллеріи пошелъ ущельемъ между Ѳедюхиными высотами. За нимъ слѣдовала бригада кавалеріи и Уральскіе казаки съ двумя конными батареями. Лѣвѣе Скюдери шла другая колонна генерала Левуцкаго — Украинскій полкъ съ другою ротою стрѣлковаго баталіона и десятью орудіями. За ними слѣдовалъ генералъ Семякинъ съ ротою стрѣлковъ, Азовскимъ полкомъ, баталіономъ Днѣпровцевъ и 10-тью орудіями. Еще лѣвѣе этихъ колоннъ генералъ Гриббе двигался на селеніе Комары, въ обходъ праваго непріятельскаго фланга, съ тремя баталіонами Днѣпровцевъ, ротою стрѣлковъ, своднымъ Уланскимъ полкомъ, сотнею казаковъ и десятью орудіями. Для обезпеченія же нашего отряда со стороны непріятеля, занимавшаго Сапунъ-гору, слѣдовалъ генералъ Жабокрицкій, правѣе колонны Скюдери, по ущелью, между Ѳедюхиными высотами.

Въ 6-ть часовъ утра генералъ Гриббе началъ артиллерійское дѣло; въ тоже время лѣвѣе его выстроилъ свою колонну генералъ Семякинъ и бросился съ нею на англо-турецкій редутъ № 1-ый, который и взялъ мгновенно въ то время, какъ Украинцы, также устремясь на штурмъ лежавшихъ передъ ними укрѣпленій, заняли редуты №№ 2-й и 3-й, а полковникъ Скюдери съ Одессцами редутъ № 4-й; бывшіе здѣсь Турки бѣжали опрометью, видя ги-

бель своихъ товарищей на первомъ редутѣ и неукротимую отвагу нашихъ солдатъ, бѣжавшихъ на приступъ. Въ нашихъ рукахъ осталось 11 орудій, артиллерійскіе запасы, турецкія палатки, оружіе, инструменты и тому подобное. Турки бросились въ самую Балаклаву, но тотчасъ же были оттуда прогнаны. Вообще подъ Балаклавой они показали себя не только нехрабрыми, но и до крайности безжалостными и недобросовѣстными: въ то время, какъ ихъ союзники — шотландскіе гвардейцы, исполняя долгъ мужества и чести, отчаянно сражались и сотнями гибли подъ мѣткими ударами и выстрѣлами русскихъ, Турки грабили англійскія же палатки и даже сдирали одежду съ убитыхъ!

Между тѣмъ, русскій побѣдоносный отрядъ, немедленно уничтоживъ слишкомъ выдвинувшійся впередъ изъ занятой ими позиціи редутъ № 4-ый, изрубивъ колеса и лафеты его артиллеріи, и заклепавъ орудія, расположился въ слѣдующемъ порядкѣ: полковникъ Скюдери съ своею колонною сталъ на мѣстѣ уничтоженнаго редута; Жабокрицкій—правѣе, на склонѣ Ѳедюхиныхъ горъ, Гриббе занялъ деревню Комары, Семякинъ—редутъ № 1-й, Левуцкій—редуты № 2-й и 3-й; а конница расположилась вся между колоннами Скюдери и Жабокрицкаго. Тревога немедленно распространилась въ лагерѣ союзниковъ, и Англичане спѣшили построиться, прикрывая собою Балаклаву; съ Сапунъ-горы скоро потянулись къ нимъ ре зервы. Генералъ Липранди приказалъ бригадѣ 6-й кавалерійской дивизіи атаковать англійскую драгунскую бригаду передъ Балаклавою, но эта атака, не смотря на всю ея стремительность, не имѣла успѣха: конница наша, встрѣченная съ фланга огнемъ непріятельскихъ штуцер-

ныхъ, а съ фронта англійскою кавалеріею, должна была отступить снова на правый флангъ общаго боеваго порядка. Едва только кавалерія наша успѣла построиться, какъ изъ-за высоты показалась англійская кавалерія въ числѣ болѣе 2,000 человѣкъ. Отчаянное нападеніе ея побудило генералъ-лейтенанта Рыжова отступить, и тогда, непріятель, увлеченный первымъ успѣхомъ, бросился на нашу кавалерію съ новымъ ожесточеніемъ и въ увлеченіи не замѣтилъ, что зашелъ уже слишкомъ далеко: наши батареи встрѣтили его картечью, и онъ тотчасъ же возвратился вспять. Но англійскій главнокомандующій желалъ, во что бы то ни стало, вернуть взятыя русскими войсками на редутахъ орудія, и потому, признавъ свою каваллерію достаточно сильною, чтобы отнять у насъ редуты, приказалъ повторить наступленіе. Три англійскихъ драгунскихъ и два гусарскихъ полка, построясь въ двѣ линіи, смѣло пошли отыскивать свои орудія. Они обскакали высоту, гдѣ стояли Одессцы, и не взирая на картечный и штуцерный огонь колоннъ Скюдери и Жабокрицкаго, бросились частію на нашу каваллерію, частію на донскую батарею. Завязалась кровопролитная свалка, и вся прислуга донской батареи была изрублена; но вдругъ три эскадрона своднаго уланскаго полка ударили во флангъ англичанъ, и тутъ то началась гибель непріятеля. Кто изъ Англичанъ остался живъ, бѣжалъ; но наша картечь, батальный огонь и уланскія пики многихъ еще положили въ нестройной массѣ бѣгущихъ. На мѣстѣ осталось до 400 тѣлъ, 60 раненыхъ и 22 плѣнныхъ. Пораженіе англійской конницы было полное.

Видя гибель союзниковъ, французскіе конно-егеря устремились на отрядъ Жабокрицкаго, чтобы прикрыть

Пріѣздъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича въ Севастополь.

(Октября 23 дня 1854 г.).

лѣвый флангъ отступающихъ Англичанъ. Наша стрѣлковая цѣпь не выдержала этого новаго натиска; конноегеря пронеслись сквозь нее и бросились на батарейную батарею Жабокрицкаго; но тутъ два баталіона Владимірскаго полка прибѣжали на выручку и штыками опрокинули африканскихъ егерей. Черноморскіе пластуны провожали бѣгущаго непріятеля мѣткими выстрѣлами; французы потеряли болѣе 10-ти человѣкъ убитыми, 3 человѣка кромѣ того взято въ плѣнъ. Послѣ этихъ пораженій, къ лѣвому флангу непріятеля стали подходить въ значительномъ количествѣ свѣжія подкрѣпленія, но уже не съ цѣлью предпринимать новыя нападенія, а единственно въ намѣреніи обезопасить себя отъ нападеній съ нашей стороны, такъ что въ четыре часа пополудни побѣжденный и обезсиленный непріятель совершенно прекратилъ канонаду. Само собою разумѣется, что блистательное дѣло подъ Балаклавой, въ которомъ наши родные герои овладѣли съ бою столь сильной позиціей, не могло обойтись и у насъ безъ значительныхъ потерь. Въ вѣдомости, приложенной при донесеніи генералъ-адъютанту князю Меншикову начальника 12-ой пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанта Липранди, отъ 14-го октября № 3,076, значится, что подъ Балаклавой 13-го октября мы потеряли: убитыми 238 человѣкъ, ранеными 311-ть. Бой ознаменовался какъ общимъ рвеніемъ воиновъ, отъ генерала до послѣдняго солдата, такъ и доблестями отдѣльныхъ лицъ.

Во время атаки редута № 4-го, штуцернику 5-ой егерской роты Одесскаго полка, Дементію Коммисарову оторвало осколкомъ гранаты концы средняго и указательнаго пальцевъ правой руки. Долго не оставлялъ онъ своего штуцера, стараясь все еще зарядить его; но лившаяся

изъ руки кровь смачивала патронъ и оружіе; выведенный изъ терпѣнія, Коммисаровъ обратился къ офицеру: «Ваше Благородіе, позвольте мнѣ сбѣгать завязать руку; а пока не угодно ли самимъ пострѣлять изъ моего штуцера: знатно попадаетъ; я же сейчасъ ворочусь.» И дѣйствительно, чрезъ нѣсколько минутъ Дементій Коммисаровъ явился опять между стрѣлками и, хотя съ перевязанною рукой, но не переставалъ стрѣлять изъ своего любимаго штуцера до конца сраженія.

Когда непріятельская кавалерія, разбитая на голову, въ безпорядкѣ и во весь опоръ мчалась назадъ, то лежавшій на землѣ, тяжело раненый въ ногу, штуцерной 4-ой карабинерской роты Одесскаго егерскаго полка Цвѣрковьскій, котораго не успѣли еще отнести на перевязку, увидѣлъ скакавшаго впереди на лихой лошади Англичанина; «Ахъ, батюшки,» сказалъ онъ: «не дайте ему выскочить! Онь словно напиралъ, пусть же хоть на отъѣздъ попробуетъ русскаго свинцу.» Съ этими словами Цвѣрковскій повернулся, приподнялся, прицѣлился, выстрѣлилъ — и славный англійскій наѣздникъ свалился съ коня. «Теперь хоть и на перевязку» сказалъ Цвѣрковскій.

Горнистъ 1-го баталіона того же полка Денега, принесенный на перевязочный пунктъ съ оторванною рукою, увидѣлъ тамъ англійскаго гусара, истекавшаго кровью и совершенно ослабѣвшаго отъ сабельныхъ ранъ. При видѣ этого несчастнаго, Денега забылъ о собственныхъ страданіяхъ и обратился къ полковому штабъ-лекарю съ просьбою: «Ваше высокоблагородіе! погодите еще смотрѣть меня, помогите вотъ этому прежде, а то онъ и пить попросить не можетъ. Пусть знаетъ, что мы христіане и люди добрые.»

Послѣ Балаклавской битвы непріятель продолжалъ бомбардированіе города, но значительно слабѣе, чѣмъ въ предъидущіе дни. Огонь съ англійскихъ батарей производился все рѣже и рѣже; французы же, заложившіе еще 12-го октября вторую параллель передъ 4-мъ бастіономъ, продолжали стрѣльбу довольно частую, но непричинявшую значительныхъ поврежденій; 20-го октября французы открыли изъ новоустроенной параллели сильный артиллерійскій огонь, и вслѣдъ за тѣмъ заложили третью параллель, въ 60-ти саженяхъ отъ 4-го бастіона. Это смѣлое движеніе непріятеля впередъ, къ нашимъ бастіонамъ, вынудило князя Меньшикова прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, и 24-го октября изъ Севастополя произведена была вылазка въ огромныхъ размѣрахъ, извѣстная подъ названіемъ Инкерманскаго сраженія. Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ сраженіи, скажемъ о многознаменательномъ событіи, произведшемъ необыкновенную радость во всемъ нашемъ храбромъ войскѣ. Какъ разъ накунѣ Инкерманской битвы, въ Севастополь прибыли Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи. Коляска ихъ ѣхала по дымящемуся городу, умощенному ядрами, бомбами и гранатами, посреди восторженной толпы, неумолкаемо привѣтствовавшей русскимъ задушевнымъ «ура!»

«Драться будемъ, ребята!» говорили великіе князья: «Государь Императоръ кланяться вамъ велѣлъ.» — «Ура! ура!» — раздавалось со всѣхъ сторонъ и, не смотря на глинистую грязь, солдаты бѣжали наровнѣ съ коляскою великихъ князей, — радость всѣхъ была такъ велика, что, кажется, если бы въ Севастополь пришелъ, на подкрѣпленіе изнуренныхъ защитниковъ многострадальнаго города, многотысячный отрядъ, то и онъ бы не произвелъ

такой радости. Великіе князья явились живыми свидѣтелями любви и довѣренности къ войску монарха; какъ же было русскому войску не обрадоваться имъ, какъ ангеламъ утѣшителямъ.

На слѣдующій день, 24-го октября 1854 года, произведена была изъ Севастополя вылазка со стороны 1-го бастіона, въ которой участвовали слѣдующія войска: 10-й пѣхотной дивизіи полки: Екатеринбургскій, Томскій и Колыванскій; 11-й пѣхотной дивизіи полки: Селенгинскій, Охотскій и Якутскій; 16-й пѣхотной дивизіи: Владимірскій, Суздальскій и Углицкій и 17-й пѣхотной дивизіи полки: Бутырскій, Бородинскій и Тарутинскій. Артиллеріи въ дѣлѣ участвовало столько, сколько при неудобствѣ въѣздовъ на инкерманскія высоты и Сапунъгору можно было употребить въ дѣло. Чтобы сбить враговъ съ занятыхъ ими позицій, предпринято было общее нападеніе на непріятельскія работы. Эта большая вылазка произведена была почти всѣмъ гарнизономъ Севастополя и великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи принимали дѣятельное участіе въ этой кровопролитной битвѣ.

Войска двинулись противъ непріятеля двумя колоннами: правая — подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Соймонова; еще до разсвѣта выстроилась въ боевой порядокъ и двинулась по лѣвому берегу оврага Киленъ-балки. Лѣвой колоннѣ, подъ командою генералъ-лейтенанта Павлова, предписано было: 12-ю баталіонами Охотскаго, Бородинскаго и Тарутинскаго егерскихъ полковъ, съ двумя ротами 4-го стрѣлковаго баталіона овладѣть, покрытыми густымъ кустарникомъ, ущельями за Черною рѣчкою. Непріятель встрѣтилъ правую колонну сильнымъ штуцер-

нымъ огнемъ, но ничто не могло остановить храбрыхъ защитниковъ Севастополя. Томскій и Колыванскій полки, разсыпавъ цѣпь штуцерныхъ, и построившись въ ротныя колонны, бросились на непріятеля, поддерживаемые сильнымъ огнемъ нашей артиллеріи. Егеря преслѣдовали непріятеля безостановочно. 2-й баталіонъ Томскаго и 1-й и 2-й баталіоны Колыванскаго полка бросились на непріятельскую батарею и заклепали два орудія. Вслѣдъ за ними бросились на непріятеля 1-й и 3-й баталіоны Екатеринбургскаго пѣхотнаго полка и взяли съ боя часть непріятельскаго лагеря, причемъ заклепали 4 орудія. Къ несчастію, въ это время были смертельно ранены: генералъ-лейтенантъ Соймоновъ, бригадный командиръ 2-й бригады 10-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіоръ Вильбоа, командиръ 10-й артиллерійской бригады полковникъ Загоскинъ и командиры полковъ: Екатеринбургскаго, Томскаго и Колыванскаго. Войска, потерявъ своихъ храбрыхъ начальниковъ, пріостановились въ наступленіи и принуждены были спуститься въ оврагъ, чтобъ укрыться отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Здѣсь завязалась упорная перестрѣлка, продолжавшаяся безостановочно до самаго конца битвы.

Почти одновременно съ наступленіемъ 10-й пѣхотной дивизіи вступили въ дѣло Тарутинскій и Бородинскій полки, построенные въ ротныхъ колоннахъ; когда же полки 10-й дивизіи спустились въ оврагъ, храбрые Тарутинцы также начали живую перестрѣлку съ непріятелемъ. Неоднократно непріятель былъ тѣснимъ и отбрасываемъ на правомъ своемъ флангѣ, но на смѣну разстроеннымъ французскимъ полкамъ приходили подкрѣпленія, тогда какъ русскіе полки не имѣли помощи и только къ 8 часамъ

утра подошли, къ нимъ послѣ крайне затруднительнаго перехода по крутымъ высотамъ, остальныя войска лѣвой колонны: Охотскій, Якутскій и Селенгинскій полки, съ сильною артиллеріею.

Охотскій полкъ стремительно двинулся на непріятеля и занялъ непріятельскій редутъ съ 8-ю орудіями. При этомъ славномъ подвигѣ раненъ былъ командиръ полка, полковникъ Бибиковъ, и большая часть офицеровъ. Непріятель, разстроенный дружнымъ наступленіемъ Охотцевъ, скоро однако оправился и, получивъ подкрѣпленія, принудилъ Охотскій полкъ къ отступленію. Якутскій полкъ также стремительно атаковалъ Англичанъ, тѣснившихъ Охотцевъ, и, опрокинувъ сперва съ большимъ успѣхомъ непріятеля, въ свою очередь принужденъ былъ уступить силѣ и оставилъ захваченную уже батарею.

Такъ какъ непріятель продолжалъ держаться съ особеннымъ упорствомъ и усиливался новыми войсками, то главнокомандующій приказалъ войскамъ отступить къ главной позиціи. Для прикрытія движенія войскъ по Инкерманской долинѣ направленъ былъ Владимірскій полкъ, который отважно исполнилъ это порученіе, причемъ былъ раненъ командиръ полка полковникъ баронъ Дельвигъ. Дальнѣйшее отступленіе къ городу совершилось безпрепятственно и безъ преслѣдованія со стороны непріятеля.

Въ славной Инкерманской битвѣ всѣ войска честно и доблестно исполнили долгъ свой. Отступленіе совершено было столь медленно и въ такомъ отличномъ порядкѣ, что не только забраны были всѣ наши раненые, но и нѣсколько непріятельскихъ раненыхъ, въ томъ числѣ два офицера.

Главнокомандующій, въ донесеніи своемъ Государю Им-

ператору, послѣ Инкерманской битвы, 24-го октября, свидѣтельствовалъ о доблестномъ мужествѣ Ихъ Императорскихъ Высочествъ въ этой славной битвѣ. Приводимъ подлинное донесеніе главнокомандующаго, князя Меньшикова.

«Въ донесеніи моемъ Вашему Императорскому Величеству, непосредственно послѣ дѣла 24-го числа,—большой вылазки изъ Севастополя, я имѣлъ уже счастіе свидѣтельствовать, что Ихъ Императорскіе Высочества Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ явили себя на полѣ битвы, подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ, не только вполнѣ достойными высокаго своего званія, встрѣчая храднокровно опасности, но и примѣромъ настоящей воинской доблести. Присутствіе ихъ посреди огня побуждало всѣхъ и каждаго къ исполненію священнаго долга царю и отечеству. Ввѣренное мнѣ войско это видѣло, и то мужество, которое показало оно въ столь упорномъ съ обѣихъ сторонъ дѣлѣ, конечно были плодомъ мысли, что дорогіе Царю и Россіи Дѣти посреди насъ, и что въ ихъ самоотверженіи каждый долженъ видѣть примѣръ для себя.

«Въ приказѣ моемъ, отъ 29-го числа, я счелъ моею обязанностью повторить предъ войскомъ о доблестяхъ Великихъ Князей, и осмѣлился выразиться, что подъ непріятельскимъ огнемъ, они были истинно русскими молодцами.

«Но я не исполнилъ бы священнѣйшаго и вѣрноподданнѣйшаго моего долга предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и предъ всею Россіею, если бы умолчалъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ тѣхъ опасностей, въ которыхъ находились Ихъ Высочества.

«Доказавъ уже на полѣ сраженія все мужество свое и хладнокровіе, Государи и Великіе Князья пожелали въ тотъ же день посѣтить бастіоны и батареи, чтобы устно, въ исполненіе Высочайшей воли Вашей, передать храбрымъ морякамъ «царское спасибо». Въ это время всѣ почти батареи дѣйствовали, и особенно на Малаховомъ курганѣ огонь былъ неумолкаемый, такъ что всю дорогу къ этому бастіону, громъ ядеръ и даже свистъ штуцерныхъ пуль провожали Великихъ Князей. На Малаховомъ курганѣ непріятель доставилъ отрадный случай защитникамъ Севастополя, свое испытанное мужество сочетать впервые съ испытаннымъ мужествомъ дорогихъ России Сыновей! Въ присутствіи Ихъ Высочествъ, почти къ ихъ ногамъ, упали два непріятельскія ядра въ брустверъ; третьимъ, ударившимъ въ мерлонъ, засыпало прислугу, и наконецъ, какъ бы въ довершеніе испытанія, бомба передъ ихъ ногами, разрушила зданіе въ то время, когда въ нѣсколькихъ шагахъ, Ихъ Высочества одушевляли команду милостивыми словами Вашего Величества.

«Лишне было бы говорить, что во всѣ эти минуты, которые могли бы быть роковыми, Государи Великіе Князья были, осмѣлюсь и здѣсь повторить,—истинно русскими молодцами!

«Ваше Императорское Величество осчастливите все ввѣренное мнѣ войско, опредѣливъ Ихъ Высочествамъ тотъ орденъ за воинскія доблести, который въ мысляхъ каждаго изъ насъ единодушно имъ присужденъ. Высочайшее удостоеніе ихъ кавалерами ордена св. Георгія 4-й степени за храбрость, по всей справедливости Ихъ Высочествамъ слѣдующаго, было бы знакомъ Монаршей, неизрѣченной милости и всѣмъ ввѣреннымъ мнѣ войскамъ,

свидѣтелямъ мужества и неустрашимости Великихъ Князей, которыми, какъ Ваше Императорское Величество, такъ и вся Россія, имѣютъ счастливое и полное право гордиться и утѣшаться.»

Столь лестный отзывъ главнокомандующаго о воинскихъ доблестяхъ, оказанныхъ въ виду всего войска юными Сыновьями царскими, доставилъ истинную отраду родительскому сердцу Государя Императора, который Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать Ихъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ Николаю Николаевичу и Михаилу Николаевичу орденъ св. Георгія 4-й степени.

Въ дѣлѣ подъ Инкерманомъ 24-го октября, жаркій бой до того раздражилъ нашихъ солдатъ, что они, даже отступая, не давали никому пощады, работая и огнемъ, и штыкомъ. Какъ же странно было видѣть, когда одинъ солдатъ принесъ на своихъ плечахъ въ крѣпость, убитаго французскаго офицера. На вопросъ, почему онъ принесъ убитаго, добрый солдатикъ отвѣчалъ: «я замѣтилъ въ сраженіи, что это храбрый офицеръ, который, уложивъ нѣсколькихъ изъ нашихъ, убилъ и моего сержанта. Послѣ того мнѣ удалось всадить ему штыкъ, но когда я увидѣлъ, что онъ, умирая, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, то удостовѣрился, что онъ былъ добрый христіанинъ, а потому и его слѣдуетъ похоронить съ нашими.» И дѣйствительно, на другой день, непріятельскій офицеръ былъ похороненъ Русскими съ воинскими почестями. И послѣ этого кичливые враги наши еще осмѣливались говорить о жестокосердіи русскаго солдата! Да во многихъ случаяхъ они выказывали сами именно то, въ чемъ насъ же обвиняли. Примѣръ недалекъ: извѣстно, что въ сраженіи 24-го октября, т. е. въ описываемомъ нами Инкерман-

скомъ дѣлѣ, англо-французскіе стрѣлки, не имѣя возможности устоять противъ напора нашихъ штыковъ, притворялись ранеными и, вѣроятно, зная великое правило русскаго народа «лежачаго не бьютъ,» бросались на землю; когда же потомъ наши храбрыя войска проходили впередъ, то эти стрѣлки приподнимались и посылали вслѣдъ снисходительнымъ героямъ пули!

Особенное вниманіе обратилъ на себя въ дѣлѣ подъ Инкерманомъ рядовой Тарутинскаго полка Ѳедоръ Нечаевъ. Онъ самъ на плечахъ своихъ вынесъ человѣкъ 15-ть раненыхъ отъ водопровода, за уголъ, гдѣ стояли наши резервы. Наконецъ, обратясь къ своему ближайшему начальнику, Нечаевъ сказалъ: «Ваше благородіе! позвольте мнѣ пойти за мостъ, тамъ, подъ скалою, остались два нашихъ раненыхъ солдатика, они, повидимому, совсѣмъ ослабѣли, такъ позвольте мнѣ помочь имъ перебраться на нашу позицію.

— Что ты, братъ? Развѣ не видишь какъ Французы строчатъ? Навѣрняка ранятъ и тебя, какъ пойдешь!

«Такъ тому и быть, ваше благородіе! Пропадать все равно; не здѣсь, такъ въ другомъ мѣстѣ пропадешь!

— Ну, ладно, братъ, да живѣй оборачивайся, а мы— такъ и быть—подождемъ.

Нечаевъ побѣжалъ, и минутъ через десять возвратился, пособляя идти двумъ раненымъ героямъ, истекавшимъ кровью, и неся кромѣ своего, ихъ два ружья. Пули такъ и ложились вокругъ него, потому что Французы, замѣтивъ эту кучку людей, хотѣли непремѣнно всю ее уложить. Но Господь Богъ видимо сохранилъ Нечаева и спасенныхъ имъ страдальцевъ, чтобы отважный поступокъ не остался безъ заслуженной награды.

Вообще состояніе духа защитниковъ многострадальнаго Севастополя въ это время, какъ и всегда, было бодрое, и всѣ они были исполнены геройской отваги, о которой лучше всего можно судить хоть бы и по слѣдующему примѣру. Послѣ перваго усиленнаго бомбардированія Севастополя, сдѣлано было общее по Севастопольскому гарнизону распоряженіе, чтобы прислуга на батареяхъ, составленная изъ флотскихъ экипажей, смѣнялась днемъ и ночью для отдыха. Когда объ этомъ объявлено было нижнимъ чинамъ флота, принадлежавшимъ къ 4-му бастіону, то всѣ они единодушно просили позволенія оставаться при своихъ орудіяхъ безсмѣнно, изъявляя готовность защищаться и умереть на своихъ мѣстахъ.

Послѣ дѣла подъ Инкерманомъ бодрость доблестныхъ защитниковъ Севастополя, а съ тѣмъ вмѣстѣ и защитниковъ вѣры, царя и благодарной Россіи, была еще болѣе увеличена присутствіемъ Великихъ Князей. Солдаты окружали ихъ съ восторгомъ и умиленіемъ: всякій изъ солдатъ, видѣлъ ли онъ или не видѣлъ этихъ юныхъ героевъ въ дыму и огнѣ 24-го октября, — всякій зналъ, что эти Августѣйшіе Дѣти Великаго Царя пили одну кровавую чашу, съ каждымъ изъ простыхъ солдатъ; что они въ теченіи цѣлаго дня ужасной борьбы дѣлили съ ними одну долю и ежеминутно готовы были предстать предъ престоломъ Того, предъ лицемъ котораго всѣ равны — и царь, и рабъ, предстать въ свѣтлой одеждѣ христовыхъ мучениковъ, съ одинаковымъ вѣнцомъ—на брани убіенныхъ. Великіе Князья щедрою рукою сыпали награды раненымъ, оставшимся во фронтѣ; велѣли своимъ адъютантамъ записывать всякій разсказъ, всякую подробность, всякое

замѣчательное событіе, которымъ ознаменовался кровавый инкерманскій бой.

Великіе Князья до такой степени сблизились съ солдатами, до того умѣли входить во всѣ ихъ нужды, что въ нѣсколько дней своего пребыванія въ крымской арміи совершенно заслужили данное имъ въ послѣдствіи имя ангеловъ-утѣшителей Севастопольскихъ воиновъ. Великіе Князья, въ высокой заботливости о несчастныхъ страдальцахъ раненыхъ, ежедневно посѣщали казармы, обращенные въ госпитали. Къ общему восторгу раненыхъ офицеровъ, Августѣйшіе Дѣти Императора Всероссійскаго два раза изволили посѣтить занятое ранеными офицерами помѣщеніе,—и съ какою нѣжностью, съ какимъ теплымъ, истинно сердечнымъ чувствомъ самаго живаго сочувствія, они разспрашивали каждаго раненаго о его нуждахъ, о его домашнихъ, о положеніи его ранъ... и какъ они во всемъ принимали участіе и старались для каждаго сдѣлать какое-либо одолженіе!...

Съ 25-го по 31-е октября непріятель продолжалъ осадныя работы противъ Севастополя и въ тоже время производилъ огонь преимущественно противъ бастіона № 4-го; но наши укрѣпленія были мало повреждаемы, и тѣ незначительныя поврежденія, которыя, при постоянномъ артиллерійскомъ огнѣ неизбѣжны, исправлялись гораздо скорѣе, чѣмъ наносились. Поэтому твердыни Севастополя не только не слабѣли, но даже укрѣплялись съ каждою ночью и дѣлались все недоступнѣе для врага.

Наши солдаты были одушевлены такою отвагой, что тѣхъ, которые мало мальски могли участвовать въ защитѣ, трудно было удерживать въ госпиталѣ. Въ вылазкахъ нерѣдко участвовали матросы, у которыхъ нога отнята,

и на костыляхъ. Одного матроса, раненаго въ бокъ осколкомъ бомбы и контуженнаго въ лобъ камнемъ, отнесли въ госпиталь; но онъ ни за что не хотѣлъ лечь, говоря, что чувствуетъ себя хорошо, и что ему нужно только день или два дня отдыха. Дѣйствительно, онъ тайкомъ ушелъ изъ госпиталя и отправился на свою батарею. Самоотверженіе никого не удивляло, оно было присуще всѣмъ Севастопольскимъ защитникамъ, и примѣровъ спокойнаго мужества, безъ всякаго самохвальства, было много: одинъ матросъ находился въ пороховомъ погребѣ въ ту минуту, когда туда упала бомба; онъ не замедлилъ оторвать отъ нея горящій фитиль и выбѣжалъ съ нимъ изъ погреба. Двое другихъ, увидѣвъ, что бомба упала на ихъ батарею, бросились на горящій фитиль и затушили его своимъ тѣломъ. Жители Севастополя также скоро свыклись со своимъ положеніемъ, и жизнь подъ смертоноснымъ огнемъ, при ревѣ канонады, стала имъ казаться обыкновенною жизнью. Впрочемъ, нѣкоторые изъ жителей стали предпринимать мѣры предосторожности: переселяться на Сѣверную сторону, или вовсе перебираться изъ Крыма. Многіе бѣдные люди, замѣтивъ, что днемъ канонада обыкновенно бываетъ сильнѣе, стали на день уходить изъ города, а на ночь возвращаться въ свои жилища, ночуя въ подвалахъ и погребахъ, и думая въ нихъ найти спасеніе отъ разрушительныхъ непріятельскихъ снарядовъ.

Между тѣмъ осень брала свое: начались проливные дожди, суровые, холодные вѣтры, а съ этимъ вмѣстѣ и въ нашемъ, и въ непріятельскомъ лагерѣ появились эпидемическія болѣзни—тифусъ, кровавый поносъ и другія. Болѣзни эти развивались съ неимовѣрною силою не только отъ вліянія непогодъ, но и отъ множества труповъ,

которыхъ не успѣвали зарывать съ достаточною осторожностью для того, чтобы вредныя отъ нихъ испаренія не заражали воздуха. Развитіе болѣзней происходило также и отъ значительнаго переполненія госпиталей ранеными. Послѣ каждой, болѣе или менѣе значительной, вылазки, вслѣдствіе убійственнаго дѣйствія непріятельской артиллеріи, раненыхъ въ лазаретахъ и на перевязочныхъ пунктахъ накоплялось столько, что, не смотря на огромный запасъ всевозможныхъ пособій, заготовленныхъ какъ заботливымъ правительствомъ, такъ и частной благотворительностью, помощь не всѣмъ страдальцамъ могла быть подана своевременно. Но если таково было состояніе здоровья въ русскихъ войскахъ, то въ непріятельскихъ оно было еще значительно хуже: турецкіе солдаты умирали, по выраженію одной иностранной газеты, какъ мухи, отъ кровянаго поносу, гнилыхъ горячекъ, тифуса и пр. У Турокъ не было не только лекарей, но даже фельдшеровъ, или настоящихъ госпиталей. Въ Балаклавѣ, лазаретомъ служилъ имъ жалкій сарай, и по дорогѣ къ нему, во всякое время дня и ночи, можно было встрѣтить длинныя вереницы людей, несущихъ на спинѣ больныхъ или умирающихъ. Рѣдкій изъ тѣхъ, кто разъ попадалъ въ зачумленный сарай, выходилъ оттуда живымъ. Домы въ Балаклавѣ наполнены были также больными и умирающими Турками, лишенными всякаго врачебнаго пособія и всякихъ средствъ. Состояніе англійской арміи было лишь немного утѣшительнѣе:

«Армія наша,» писалъ отъ 31 октября въ англійской газетѣ одинъ Англичанинъ изъ подъ Севастополя, «находится въ такомъ положеніи, что одни только значительныя и немедленныя подкрѣпленія могутъ спасти ее отъ

«совершеннаго истощенія и истребленія. Даже съ сильны-«ми подкрѣпленіями, ею полученными на этихъ дняхъ, «составъ ея не доходитъ и до 16,000 штыковъ, и люди «такъ утомлены работами и бдѣніемъ днемъ и ночью, «что не въ состояніи болѣе выдержать трудовъ зимней «компаніи. Гвардейская бригада, которая состояла, пе-«редъ отправленіемъ своимъ изъ Лондона, изъ 3,000 че-«ловѣкъ и возбуждала удивленіе Турецкой столицы нѣ-«сколько мѣсяцевъ назадъ, теперь сократилась до 800 «человѣкъ, слабыхъ и истощенныхъ, которыхъ непоколе-«бимая твердость духа одна поддерживаетъ въ непрестан-«ныхъ работахъ, ими исполняемыхъ. Траншейная и пикет-«ная служба ужасна для нашей слабой арміи, ежеминутно «подверженной столкновенію со всякой военной силой, «приходящей съ сѣвера, и утомленной постоянными тре-«вогами, призывающими къ оружію людей, которые слиш-«комъ мало отдыхаютъ послѣ двѣнадцатичасовыхъ тру-«довъ. Въ теченіи послѣднихъ двухъ недѣль, вѣтеръ, день «за днемъ дождь, густые туманы, холодные ливни не «прекращались, и здоровье солдатъ отъ этого сильно по-«страдало.»

Изъ свѣдѣній, доставляемыхъ лазутчиками, легко было заключить, что положеніе и Французовъ въ виду Севастополя было не лучше, чѣмъ положеніе Турокъ и Англичанъ. Не только бомбы и картечи наши уносили ежедневно сотни французскихъ воиновъ, но они умирали кромѣ того и отъ повальныхъ болѣзней, и все рѣже и рѣже становились ихъ густые ряды.

Въ довершеніе бѣдствія союзниковъ, 2-го ноября на Черномъ морѣ разразился настоящій ураганъ, который выбросилъ и разрушилъ множество непріятельскихъ тран-

спортныхъ судовъ, и тѣмъ самымъ воспрепятствовалъ перевозкѣ больныхъ и раненыхъ въ Константинополь.

Буря началась 2-го ноября, въ 7 часовъ утра, проливнымъ дождемъ, сопровождаемымъ жестокимъ снѣжнымъ вѣтромъ. Она быстро усилилась и превратилась въ ураганъ. Херсонесская губа, огражденная съ юга двумя рядами холмовъ, сильно волновалась и пѣнилась, какъ кипящій котелъ. Вѣтеръ срывалъ верхушки волнъ, разбрасывая ихъ на берегъ вихрями соляныхъ паровъ до того густыхъ, что корабли, стоявшіе въ глубинѣ бухты, невидимы были изъ за морской пѣны. Сквозь тучу видѣнъ былъ только лѣсъ наклонившихся мачтъ, разорванныя снасти и разлетающіеся со свистомъ лоскутья парусовъ въ воздухѣ. При столь неожиданномъ дѣйствіи бури, непріятельскіе матросы спѣшили принять всѣ необходимыя мѣры предосторожности, тогда какъ сухопутныя войска непріятеля, столпясь на берегу бухты, старались укрѣпить свои досчатые бараки и палатки. Но всѣ мѣры предосторожности оказались тщетными, когда вѣтеръ вдругъ направился къ западу съ ожесточенною силою и яростью; палатки, бараки, унесенные порывомъ вѣтра, перемѣшивались съ бочками, связками фуража и тюками, скачущими по скату холмовъ. Доски, кострюли, котлы летали въ воздухѣ, какъ сухіе листья. Опасность непріятельскимъ судамъ, даже и въ защищенной отъ вѣтровъ Севастопольской гавани, была значительна; смятеніе было общее. Масса кораблей, загнанная сначала вѣтромъ къ сѣверу, вдругъ, отъ дѣйствія урагана, быстро устремилась къ востоку, гдѣ ей угрожало совершенное разрушеніе. Корабли союзниковъ, сильно сталкиваясь между собою, сцѣплялись реями и снастями, нанося одинъ друго-

му значительныя повреждения. Нѣкоторыя суда опрокинулись и утонули, другія сѣли на мель, иныя разбились въ дребезги о подводные камни, иныя лишились всѣхъ мачтъ и, совершенно обломанные, выброшены на берегъ. Почти столько же пострадалъ и лагерь союзниковъ: онъ весь былъ разрушенъ, и несчастные его обитатели суетились, стараясь удержать уносимые вѣтромъ пожитки и платье, или торопились укрыться въ амбарахъ и конюшняхъ. Большая часть находившихся на коновязи непріятельскихъ лошадей сорвались съ привязи. Оружіе и вообще имущество лагерное были разбросаны по полю. Множество солдатъ погибло въ рядахъ союзниковъ отъ стужи, ибо съ 12-ти часовъ дня 2-го ноября ураганъ сопровождался градомъ и снѣгомъ!

Генералъ-адъютантъ князь Меньшиковъ, въ донесеніи своемъ отъ 6-го ноября, исчисляя убытки, нанесенные непріятельскому флоту этою бурею, говоритъ, что наиболѣе пострадали французскіе корабли. Между прочимъ, одинъ трехдечный корабль видѣнъ былъ безъ руля, управляемый весломъ, какъ рѣчная барка, но столь неудачно, что пароходъ, принявшій этотъ корабль на буксиръ, не могъ въ теченіи цѣлаго дня отвести его отъ флота. У Эвпаторіи и въ другихъ мѣстахъ выброшено на берегъ болѣе 25-ти судовъ, въ томъ числѣ два военныхъ фрегата. Съ высотъ господствующихъ надъ Балаклавой, замѣчено было также 2 непріятельскихъ фрегата, стоявшихъ на рейдѣ съ изломанными мачтами, и одинъ большой пароходъ буксировалъ четыре баркаса съ грузомъ и людьми, — снятыми съ разбившагося въ тоже время судна, близъ Балаклавы. Но самою тяжкою для союзниковъ потерею была гибель огромнаго винтоваго парохода *Принцъ*

въ 2,700 тоннъ, перевозившаго въ Балаклаву 46-й англійскій полкъ, запасъ для Скутарійскаго госпиталя, множество ядеръ и бомбъ, а главное—всю зимнюю одежду, припасенную для союзной арміи: 40,000 шинелей, шерстяныя фуфайки, носки, перчатки, и пр. За исключеніемъ 46-го полка, который кое какъ успѣли высадить у Балаклавы, все погибло, и отъ многочисленнаго экипажа *Принцъ* уцѣлѣло едва только шесть человѣкъ. Пароходъ *Принцъ* стоилъ 3,750,000 франковъ, а грузу на немъ было на сумму 12,000,000 франковъ!

Не смотря на такую грозную бурю, наши войска оставались въ совершенномъ порядкѣ и даже, подвергая самихъ себя крайней опасности, употребляли всѣ усилія, чтобъ спасти экипажъ, пассажировъ и грузъ съ непріятельскихъ судовъ. 3-го ноября, командиръ 2-го дивизіона уланскаго Ея Императорскаго Величества Великой Княгини Екатерины Михаиловны полка, маіоръ Жолынскій, съ нѣсколькими казаками и взводомъ уланъ, отправился для спасенія погибающихъ къ опрокинутому купеческому кораблю, на которомъ было до 60-ти человѣкъ пассажировъ. Непріятель замѣтивъ нашихъ солдатъ, началъ стрѣлять по нимъ ядрами и гранатами, и огонь былъ такъ силенъ, что команда должна была, не совершивъ человѣколюбиваго дѣла спасенія погибавшихъ, возвратиться, при чемъ Жолынскій контуженъ въ голову.

Верстахъ въ трехъ отъ означеннаго мѣста, стояла на мели итальянская купеческая шкуна съ товарами и 12-ю пассажирами. Уланы и казаки, хотя съ большими затрудненіями, успѣли спасти всѣхъ погибавшихъ, капитана шкуны, его жену и 10-ть человѣкъ матросовъ.

Въ тотъ же день, въ 8-мь часовъ утра, замѣченъ былъ

въ 300 саженяхъ къ югу отъ деревни Алрчи, выброшенный на мель непріятельскій купеческій транспортъ, подъ англійскимъ флагомъ. Къ этому пункту направлены были команды Ново-Архангельскаго уланскаго полка и взводы коннолегкихъ № 19 и 20 батарей, подъ начальствомъ полковника Рославлева. По прибытіи артиллеріи, съ нашей стороны былъ поднятъ бѣлый флагъ; на англійскомъ транспортѣ хотя и сдѣлано было тоже, но на немъ начали подымать шлюпки, бывшія до того времени на водѣ. Тогда наши батареи, пустивъ два ядра мимо борта транспорта, и не получивъ отвѣта на этотъ сигналъ, сдѣлали выстрѣлъ ядромъ въ самый корпусъ транспорта; это дѣйствіе имѣло желаемый успѣхъ: шлюпки снова были спущены, и экипажъ, состоявшій изъ капитана, двухъ его помощниковъ, 28-ми англійскихъ матросовъ и семи человѣкъ Турецкихъ кавалеристовъ, вышелъ на берегъ. Капитанъ судна объявилъ, что командуемый имъ купеческій транспортъ въ 726 тоннъ, съ 4-мя пушками, нанятъ англійскимъ правительствомъ для перевозки войскъ и военныхъ запасовъ; что на немъ находится болѣе 700 пудовъ пороху, до 30,000 ядеръ и 32 арабскихъ лошади, назначавшіяся для штаба турецкихъ войскъ въ Крыму; что, наконецъ, на транспортѣ осталось еще 25 нижнихъ чиновъ турецкой кавалеріи. На предложеніе перевезти ихъ на берегъ, капитанъ отвѣчалъ, что для спасенія Турокъ онъ не рѣшится подвергнуть опасности жизнь англійскихъ матросовъ.

Тогда полковникъ Жировъ, видя, что оставшіеся на фрегатѣ должны неминуемо погибнуть, вызвалъ изъ своего полка охотниковъ—сдѣлать доброе дѣло— спасти утопавшихъ. 28 человѣкъ удалыхъ Донцевъ тотчасъ

изъявили свое согласіе. Шлюпка, на которой прибыли Англичане, съ трудомъ была спущена въ море, и казаки, напутствуемые единодушнымъ желаніемъ счастливаго возврата, подъ начальствомъ войсковаго старшины Селиванова, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, пустились въ море. Страшный противный вѣтеръ и огромныя волны не остановили безстрашныхъ охотниковъ: шлюпка ихъ, какъ чайка, то исчезала въ волнахъ, то снова показывалась надъ поверхностью. Но вотъ вдругъ хлынулъ ужасный валъ, высоко поднялъ на вспѣненномъ хребтѣ своемъ охотниковъ, и, отхлынувши разомъ, какъ бы низвергнулъ ихъ въ пучину. Шлюпка ударилась о дно моря, и руль, разбитый въ дребезги, понесся по бурнымъ волнамъ. Всѣ стоявшіе на берегу невольно перекрестились и съ ужасомъ слѣдили за борьбою отважныхъ. Но войсковой старшина Селивановъ, не теряя присутствія духа, тотчасъ приказалъ замѣнить оторванный руль весломъ, и снова съ удвоенными усиліями гребя къ погибающему судну, Донцы уже почти достигали цѣли... Но весло, замѣнявшее руль, сломалось, шлюпка поворотилась бокомъ, страшный валъ ударилъ въ бортъ, обдалъ всѣхъ брызгами волнъ и до половины залилъ шлюпку водою... Настала рѣшительная минута, еще одно мгновеніе, одна волна, и шлюпка, опрокинувшись, покрыла бы всю команду; въ эту-то рѣшительную минуту Селивановъ явилъ себя истиннымъ героемъ. Вырвавъ весло у одного гребца, онъ передалъ его рулевому, а самъ фуражкой началъ отливать воду, убѣждая и команду исполнять тоже. Казаки, одушевленные примѣромъ своего командира, дружно принялись за работу, а рулевой, снова вооруженный весломъ, ловко повернулъ лодку но-

сомъ противъ волнъ и, послѣ долгихъ, неимовѣрныхъ усилій, охотники наши добрались наконецъ до транспорта. Со слезами восторга приняли ихъ оставленные Турки и, давъ отдохнуть выбившимся изъ силъ гребцамъ, пересѣли къ нимъ на шлюпку. Снова принялись Донцы за весла и, забывая опасность, съ побѣдными пѣснями пустились въ обратный путь. Попутный вѣтеръ благополучно домчалъ ихъ до берега. Велика была радость несчастныхъ Турокъ, когда они ступили на берегъ; поднявъ руки къ небу, они со слезами молились о своихъ спасителяхъ, бросались имъ въ ноги и обнимали ихъ колѣна. А казаки, сдѣлавъ доброе дѣло, и получивъ «спасибо» отъ своего командира, весело отправились къ своему лагерю. 8 георгіевскихъ крестовъ были наградою Донцевъ за этотъ подвигъ; кромѣ того, по распоряженію его высокопревосходительства наказнаго атамана войска Донскаго, семействамъ казаковъ выдано изъ войсковыхъ суммъ по 15 р. с. каждому.»

Послѣ бури 2 ноября, бомбардированіе Севастополя производилось въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. Переметчики единогласно утверждали, что наши штуцерники ежедневно наносятъ непріятелю значительный уронъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ буря произвела большія поврежденія въ осадныхъ работахъ союзниковъ и заставила ихъ день и ночь трудиться надъ исправленіемъ и возстановленіемъ совершенно почти размытыхъ батарей и очищать траншеи, наполнившіяся водою, или же занесенныя землею и грязью до того, что перестали быть защитою солдатъ. Въ то время, какъ союзники находились въ столь бѣдственномъ положеніи, вокругъ Севастополя воздвигались новыя укрѣпленія и къ осажденнымъ

подходили свѣжія войска и доставлялись всѣ необходимые припасы. Въ этомъ отношеніи армія наша особенно обязана была опытной распорядительности князя Горчакова.

По приглашенію князя Горчакова, Херсонскіе и Екатеринославскіе помѣщики постоянно заготовляли огромное количество сухарей и отправляли ихъ въ армію на сформированныхъ ими же самими подводахъ въ числѣ болѣе двухъ тысячъ. Заботливый патріотъ, свѣтлѣйшій Горчаковъ входилъ во всѣ нужды храбрыхъ защитниковъ Севастополя,— онъ позаботился даже объ шанцовомъ инструментѣ. Сообразивъ, что войска, по огромности земляныхъ работъ, производимыхъ въ Севастополѣ, и по отдаленности этого пункта отъ промышленныхъ мѣстъ, легко могутъ нуждаться въ инструментахъ, князь Горчаковъ прислалъ изъ Одессы подъ Севастополь болѣе десяти тысячъ штукъ лопатъ и кирекъ. Наша Крымская армія ни въ чемъ не нуждалась, но положеніе дѣла было все таки не рѣшительное. Союзники каждые сумерки открывали бомбардировку, на которую наши отвѣчали мѣткими пушечными выстрѣлами, и днемъ и ночью непріятельскія арміи стояли безъ бою, возводя въ виду другъ друга все новыя и все болѣе сближающіяся между собою укрѣпленія. Впрочемъ, съ нашей стороны по прежнему продолжались ночныя вылазки, которыя сильно тревожили непріятеля и наносили ему иногда чувствительный уронъ.

Такъ 20 ноября, передъ разсвѣтомъ, Волынскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Полевой, съ 5-ю унтеръ-офицерами и 66-ю рядовыми, смѣло взобрались на высоту передъ Южною бухтою, бросились въ штыки на непріятельскую траншею, перекололи тамъ многихъ Англичанъ,

Лука Греiцовъ и Макаръ Жульга,

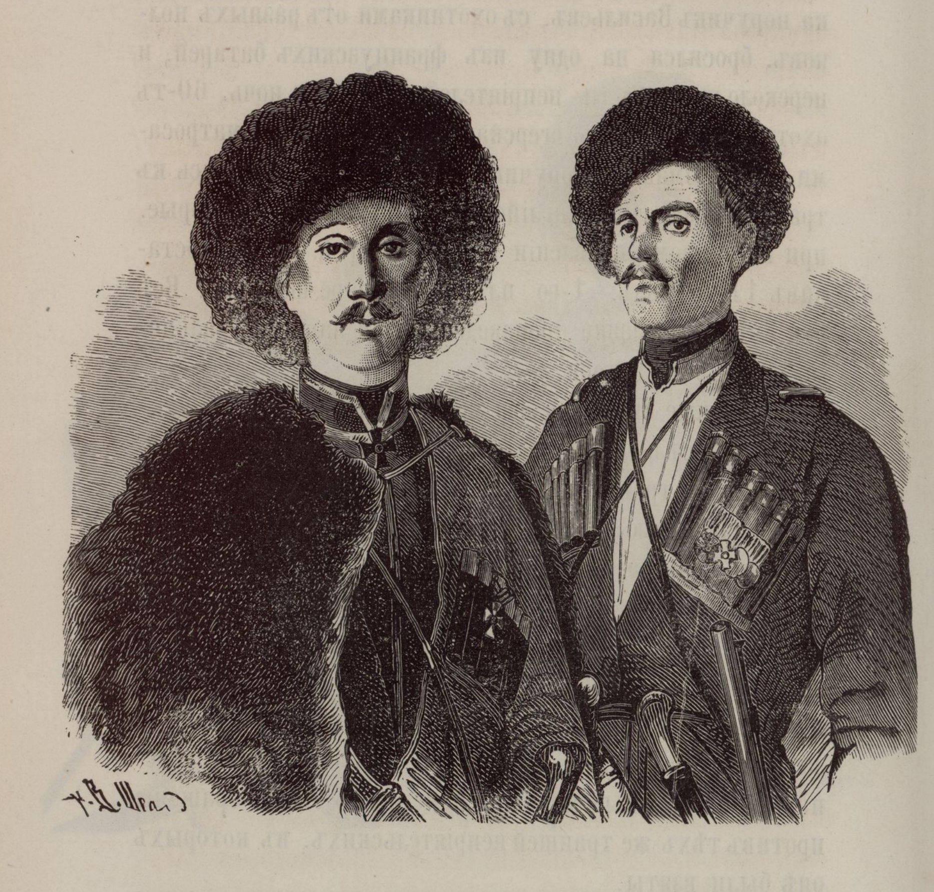
ЧЕРНОМОРСКIЕ ПЛАСТУНЫ,

отличившiеся при защитѣ Севастополя 1854—1855 г.

взяли трехъ въ плѣнъ и захватили 14-ть штуцеровъ. Въ слѣдующую ночь, съ 20-го на 21-ое ноября, того же полка поручикъ Васильевъ, съ охотниками отъ разныхъ полковъ, бросился на одну изъ французскихъ батарей, и перекололь до 30-ти непріятелей. Въ ту же ночь, 60-тъ охотниковъ Томскаго егерскаго полка, съ 4-мя матросами, подъ командою поручика Жаринова, подкрались къ траншеѣ, занятой англійскими штуцерными, которые, при внезапномъ появленіи нашихъ егерей бѣжали, оставивъ 11-ть тѣлъ, 1-го плѣннаго и 4-ре штуцера. Всѣ эти смѣлыя вылазки произведены были нашими удальцами почти безъ потери.

Извѣстные своею боевою жизнію Черноморскіе казаки-пластуны, въ ночныхъ вылазкахъ для нанесенія вреда непріятелю въ траншейныхъ его работахъ, неоднократно выказывали всю свою удаль, находчивость и отвагу. Такъ въ ночь на 29-е ноября 1854 года командиръ Черноморскаго казачьяго пѣшаго № 2-го баталіона, Войсковой Старшина подполковникъ Головинскій съ небольшимъ числомъ казаковъ-пластуновъ бросился на французскія траншеи, взялъ въ плѣнъ восемь французовъ и захватилъ три малыя мортиры, а большія орудія заклепалъ. Захваченныя мортиры немедленно были обращены противъ тѣхъ-же траншей непріятельскихъ, въ которыхъ онѣ были взяты.

Флотъ нашъ, также какъ и непріятельскій, по большей части бездѣйствовалъ, только 24-го ноября, два нашихъ парохода *Владиміръ* и *Херсонесъ* предприняли наступательное движеніе противъ непріятельскаго желѣзнаго винтоваго парохода, стоявшаго въ фарватерѣ противъ песочной бухты, вѣроятно для наблюденія за дви-

Командиръ 2-го баталіона подполковникъ **Головинскій** и Хорунжій **Даниленко**.

ЧЕРНОМОРСКІЕ ПЛАСТУНЫ,

отличившіеся при защитѣ Севастополя 1854—1856 гг.

женіями нашихъ судовъ на рейдѣ. Съ разрѣшенія генералъ-адъютанта князя Меншикова, по приказанію вице-адмирала Нахимова, командиръ парохода «Владиміръ» капитанъ 2-го ранга Бутаковъ, въ часъ по полудни, выйдя изъ за боновъ, запирающихъ входъ въ Севастополь, направилъ свое судно къ избранному противнику; за «Владиміромъ» слѣдовалъ «Херсонесъ». Они на пути сдѣлали нѣсколько мѣткихъ выстрѣловъ, какъ по непріятельскому лагерю, расположенному по восточному склону Стрѣлецкой бухты, такъ и по непріятельскимъ пароходамъ, въ ней находившимся. Замѣтивъ намѣреніе нашихъ пароходовъ, непріятельскій винтовой пароходъ сдѣлалъ сигналъ своему флоту и спѣшилъ развести пары. Бросивъ неудачно нѣсколько ядеръ по «Владиміру», непріятельскій винтовой пароходъ спѣшилъ укрыться подъ защиту кораблей, расположенныхъ въ Камышевой бухтѣ. «Владиміръ» преслѣдовалъ его за Песочную бухту, дѣйствуя по немъ двумя носовыми орудіями, но потомъ, видя безуспѣшность погони и находясь уже подъ выстрѣлами непріятельскихъ кораблей, повернулъ направо и продолжалъ огонь по бѣгущему непріятелю всѣми орудіями лѣваго борта, до тѣхъ поръ, пока выстрѣлы могли быть дѣйствительными. Наконецъ «Владиміръ» направленъ былъ къ Стрѣлецкой бухтѣ, противъ которой «Херсонесъ,» командуемый капитанъ-лейтенантомъ Рудневымъ, съ живостью и метко бросалъ бомбы по непріятельскому лагерю и флоту. Чтобы доставить «Владиміру» выгодное мѣсто, «Херсонесъ» поворотилъ и продолжалъ стрѣльбу съ правой своей стороны. Быстрый и удачный огонь нашихъ двухъ пароходовъ произвелъ между союзниками смятеніе какъ въ бухтѣ, такъ и на берегу; это-

Урядники: Иванъ Демяненко и Андрей Гильденко.

ЧЕРНОМОРСКІЕ ПЛАСТУНЫ,

отличившіеся при защитѣ Севастополя 1854—1856 гг.

му смятенію—вѣроятно—и слѣдуетъ приписать неудачу непріятельскихъ выстрѣловъ съ пароходовъ и полевыхъ орудій, выдвинутыхъ къ берегу. На одномъ изъ непріятельскихъ пароходовъ, стоявшихъ въ Стрѣлецкой бухтѣ, показался изъ подъ палубы паръ въ большомъ количествѣ: бомбы наши пробили на немъ паровой котелъ.

По первому сигналу удалявшагося винтоваго парохода, аттакованнаго нашими пароходами, всѣ паровыя суда непріятеля задымились и чрезъ нѣсколько времени четыре огромные парохода, въ томъ числѣ и французскій вице-адмиральскій, начали подвигаться къ Севастополю. Передовой англійскій пароходъ, приблизясь, открылъ огонь; но его ядра, ложась между нашими пароходами, не причиняли никакого вреда. «Владиміръ,» слѣдуя въ кильватерѣ за «Херсонесомъ» отстрѣливался кормовыми орудіями. Убитыхъ и раненыхъ на нашихъ пароходахъ не оказалось, хотя англійское ядро, попавшее въ фокъ-мачту парохода «Владиміръ» отбивъ шестую часть ея поперечника и перебило нѣсколько снастей.

Этими незначительными стычками и столь же незначительною канонадою и ограничивались военныя дѣйствія подъ Севастополемъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1854 года. Наконецъ настал декабрь, а съ нимъ постоянныя дожди, слякоть, мятели и глубокій снѣгъ. Невыгоднѣе и труднѣе становилось положеніе непріятеля; Англійская армія въ это время была доведена до такого положенія, что едва не умирала съ голоду. Она терпѣла ужасныя бѣдствія. Люди, обезсиленныя ночнымъ бдѣніемъ при отправленіи службы на вѣтру и въ проливномъ дождѣ, не имѣли даже достаточнаго продовольствія. Недостатокъ въ продовольствіи происходилъ преимущественно отъ то-

ЛЕЙТЕНАНТЪ

Л. Н. БЕРЮЛЕВЪ 1-й.

го, что сухопутные транспорты съ провіантомъ для непріятеля по большей части были отбиваемы русскими отрядами, или просто вязли въ глинистой почвѣ, растворившейся во многихъ мѣстахъ на полтора аршина, морскіе же транспорты сильно задерживались вѣтрами или потопляемы были бурями, столь обыкновенными въ декабрѣ, на Черномъ морѣ. На лошадей былъ такой падежъ, что кавалеріи грозила совершенная гибель. Къ этому присоединились бѣдствія отъ холеры. Англійскія газеты такъ описывали положеніе Англичанъ подъ Севастополемъ въ декабрѣ, 1854 года.

«Прибывающія подкрѣпленія служатъ намъ только для «увеличенія числа больныхъ. Несчастные пріѣзжаютъ къ «намъ въ проливные дожди и высаживаются въ глубокую «грязь. Это ведетъ ихъ въ госпиталь. Въ нѣкоторыхъ «госпиталяхъ нѣтъ медикаментовъ, врачей, перевязоч«ныхъ средствъ; 46-ой англійскій полкъ, который выса«дился 10 ноября, въ числѣ 706 человѣкъ, не бывъ еще «въ дѣлѣ, кромѣ траншейной службы, потерялъ уже 114 «человѣкъ и кромѣ того имѣетъ 257 больныхъ! Цинга «свирѣпствуетъ въ войскѣ съ значительною силой, по «причинѣ грязи, сырости и пищи, состоящей почти ис«ключительно изъ соленой свинины... Ни наступленіе, «ни отступленіе въ настоящее время невозможно. Солда«ты упали духомъ. Мы всѣ перемремъ здѣсь отъ поноса «и отъ неизбѣжныхъ слѣдствій нашего бѣдственнаго поло«женія. Третья часть арміи больна; дрова день ото дня «становятся рѣже; мы уже давно не знаемъ, что значитъ «свѣжая и свареная пища. Во всемъ недостатокъ; въ «пушкахъ, мортирахъ, ядрахъ, бомбахъ, топливѣ, мате«ріалѣ для постройки бараковъ—во всемъ, что необхо-

Аксеній Рыбаковъ. Иванъ Димченко.

Аѳанасій Елисѣевъ. Петръ Кошка. Ѳеодоръ Заика.

СЕВАСТОПОЛЬСКІЕ ГЕРОИ: МАТРОСЪ КОШКА и ЕГО ТОВАРИЩИ.

Генералъ-Лейтенантъ

Степанъ Александровичъ

Хрулевъ.

«димо для существованія, и потому армія уничтожается «и исчезаетъ безъ сраженій.»

Совершенно таково же было положеніе Французовъ и Турокъ. Въ рядахъ союзниковъ все чаще и чаще стали обнаруживаться неудовольствія и перебѣжчики все чаще приходили къ намъ просить о пріютѣ и пощадѣ. А въ нашей арміи въ это время господствовалъ полнѣйшій порядокъ: здоровье войскъ было удовлетворительно,—по особенному счастью холера не перешла къ намъ отъ непріятеля; солдаты были совершенно защищены отъ холода и непогодъ, отъ вѣтра и дождя, теплою одеждой и сохранившимися фортами и деревушками по рѣкѣ Черной. Кромѣ того русскій солдатъ отлично устраиваетъ себѣ землянки, поэтому и подъ стѣнами Севастополя вырыто было множество землянокъ, въ которыхъ въ каждой легко могло помѣщаться по сто человѣкъ. Такъ какъ вывозъ хлѣба изъ Крыма за границу былъ воспрещенъ, а годъ былъ очень урожайный, то мука и сухари доставались нашей арміи въ избыткѣ и по очень дешевой цѣнѣ, а мѣстные жители добровольно доставляли кромѣ того въ потребномъ количествѣ рогатый скотъ и овецъ. И вотъ, когда враги наши изнемогали отъ всякихъ лишеній и, не смотря на огромное превосходство силъ, не смѣли тревожить насъ, мы бодро стояли подъ воздвигнутыми нами громадными укрѣпленіями, и, по прежнему, часто выходили на вылазки, внося въ непріятельскіе ряды страхъ, смерть и удивленіе къ непоколебимости русскаго солдата.

Такъ въ ночь съ 8-го на 9-е декабря нашими сдѣланы были двѣ вылазки. На зеленую гору пошелъ лейтенантъ Берюлевъ съ 120-ю охотниками, имѣя въ резервѣ роту Селенгинскаго полка, поручика Вальцева, а на Воронцов-

скую высоту двинулся лейтенантъ Астановъ съ 150-ю охотниками, имѣя въ резервѣ 100 охотниковъ, подъ командою маіора Московскаго полка Попялковскаго. Отрядъ Астанова раздѣлился на двѣ части, которыя должны были атаковать англійскія траншеи, одновременно съ двухъ сторонъ. Для развлеченія вниманія непріятеля, отъ Пересыпи отправлены были противъ Англичанъ двѣ партіи штуцерниковъ, одна въ 30, другая въ 25 человѣкъ. Отряды выступили въ два часа ночи и, незамѣтно приблизясь къ непріятелю, бросились на него въ траншею, опрокинули его и захватили въ плѣнъ на Зеленой горѣ 2-хъ офицеровъ и 2-хъ нижнихъ чиновъ, на Воронцовской высотѣ 1 офицера и 14 нижнихъ чиновъ. На обратномъ пути, наши удальцы захватили 80 одѣялъ, 90 ружей, 36 штуцеровъ и значительное количество разныхъ офицерскихъ походныхъ вещей. Особенно любили вылазки моряки: у этихъ храбрецовъ даже не считалось подвигомъ напасть ночью на траншею, забраться ни вѣсть куда въ самую середину непріятеля, вырѣзать пикетъ, поднять на ноги непріятельскіе резервы, надѣлать зла врагу, какъ только и сколько возможно, и безъ потери возвратиться къ отряду. Все это у нихъ не болѣе, какъ простое удальство, молодечество. Въ этомъ отношеніи всегда особенно отличались матросъ Кошка и его неизмѣнные товарищи: Заика, Димченко, Елисѣевъ и Рыбаковъ. Кошка пускался на разныя штуки и дѣлалъ разныя продѣлки съ непріятелемъ. Былъ у него, напримѣръ, мѣшокъ съ дырами для глазъ: онъ его надѣнетъ, да и поползетъ—то остановится, полежитъ нѣкоторое время недвижимо, то опять пустится впередъ и, превосходно зная мѣстность, почти всегда достигнетъ или передовой непріятельской цѣпи,

или даже траншей. Тутъ, улучивъ минуту, высмотрѣвъ что нужно, Кошка вдругъ вскочитъ и бросится на часоваго и или убьетъ его, или штуцеръ у него выхватитъ. Иногда даже никто его и не замѣтитъ, а онъ возьметъ ружье у спящаго на часахъ Англичанина и въ тихомолку прокрадется назадъ. Въ ночь съ 8-го на 9-е декабря Кошка также ходилъ на вылазку, и притащивъ въ казармы Англичанина, угостилъ его, накормилъ, напоилъ и потомъ уложилъ плѣнника спать на свою постель. Однажды Англичане вытащили изъ колодца утонувшаго рядоваго Охотскаго егерскаго полка, который во время вылазки попалъ туда невзначай. Вмѣсто того, чтобы похоронить тѣло, они приставили его къ траншеѣ и подперли камнями. Штуцерные съ обѣихъ сторонъ наблюдали другъ за другомъ и выжидали удальца, который покусился бы взять трупъ, выставленный на поруганіе. Кошка немедленно отправился въ опасную экспедицію. Подъ прикрытіемъ нашихъ штуцерныхъ, Кошка благополучно подползъ къ трупу, снялъ его и отправился въ обратный путь. Но вскорѣ представилась мѣстность, на которой онъ вполнѣ открывался непріятельскимъ выстрѣламъ, а между тѣмъ наши стрѣлки должны были прекратить огонь, чтобы не убить своего храбраго товарища. Но смѣтливый матросъ уже отыскалъ у траншеи англійскія носилки, прорѣзалъ въ нихъ двѣ дыры, положилъ на носилки покойника, просунулъ его руки въ отверстія и, укрывшись подъ трупомъ и носилками, ухватилъ покойника за руки и невредимо приползъ съ нимъ на 3-й бастіонъ, хотя въ трупъ и попало, во время этого опаснаго пути, 6 непріятельскихъ пуль; но Кошка остался цѣлъ и невредимъ.

Читая офиціальныя донесенія генералъ-адъютанта князя

Меньшикова, можно съ достовѣрностью заключить, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ незначительныхъ вылазокъ съ нашей стороны и отдѣльныхъ подвиговъ мужества и самоотверженія нашихъ Севастопольскихъ героевъ, въ ноябрѣ и декабрѣ 1854 никакихъ перемѣнъ подъ Севастополемъ не произошло, и къ новому году положеніе дѣлъ, по выраженію нашихъ же враговъ, было слѣдующее:

«Четыре мѣсяца борьбы, начатой непріятелями побѣдой при Альмѣ ничего не рѣшили. Въ концѣ 1854 года меньше, чѣмъ въ самомъ началѣ экспедиціи, можно было предвидѣть исходъ компаніи. Союзники вдавались въ кровавый бой съ защитниками Севастополя; но городъ лежалъ передъ ними теперь несравненно сильнѣе, чѣмъ онъ былъ 5/17 октября. Оконченныя укрѣпленія не боятся штурма, и за своими сапами, протянутыми отъ Карантина до Корабельной, подъ защитой множества ложементовъ, защитники Севастополя ведутъ работу на встрѣчу осаждающимъ, не столько для того, чтобы разорвать цѣпь непріятельскихъ траншей, сколько для того, чтобы, шагъ за шагомъ, оттѣснять осаждающихъ отъ Севастополя въ глубину Херсонесской долины, на непривѣтливыя скалы между Балаклавой и Камышемъ. Восемь французскихъ дивизій считаютъ теперь въ своихъ рядахъ подъ Севастополемъ не болѣе 65,000 человѣкъ — число едва достаточное для защиты возведенныхъ непріятелемъ укрѣпленій; отъ англійской арміи осталась лишь незначительная горсть храбрецовъ, Турки же до того упали духомъ, что совершенно непригодны для защиты.»

Подземная война въ Севастополѣ ведена была одновременно съ другими осадными и оборонительными работами.

Нигдѣ до тоговремени, при осадахъ крѣпостей, минная-подземная война не была ведена въ такихъ обширныхъ размѣрахъ и ведена съ такимъ замѣчательнымъ искусствомъ съ обѣихъ сторонъ, какъ подъ Севастополемъ.

Когда французскіе осадные работы передъ нашимъ славнымъ 4-мъ бастіономъ, подвинулись настолько впередъ,— что не было непріятелю возможности продолжать подступать къ нашимъ укрѣпленіямъ открыто, тогда Французы вынуждены были приступить къ миннымъ работамъ. Въ началѣ французы весьма быстро вели свои подступы къ 4-му бастіону, такъ что менѣе нежели въ мѣсяцъ, именно 21 октября 1854 года, они заложили, въ разстояніи 65 сажень отъ контръ-эскарпа, паралель и отсюда хотѣли было вести атаку на 4-й бастіонъ, какъ главному пункту западной, оборонительной линіи Севастополя. Съ заложеніемъ непріятелемъ третьей паралели на разстояніи 65 саженей, артиллерійскій огонь нашего бастіона дѣйствовалъ противъ осадныхъ работъ непріятеля съ разрушительною вѣрностью. Всѣ усилія сбить и разстроить сооруженія 4-го бастіона, оказались напрасными. Непріятель долженъ былъ уступить передъ неутомимостью защитниковъ, несокрушимаго бастіона. Наши успѣвали не только возобновлять ежедневно повреждѐнія, нанесенныя въ теченіи дня, но еще имѣли время усилить оборонительныя средства до того, что осаждающій, располагая гораздо сильнѣйшими средствами нападенія, принужденъ былъ остановить свои работы.

Въ теченіи всего октября мѣсяца французскіе подступы не подвигались ни на шагъ впередъ; и непріятель не рѣшался на штурмъ, зная какъ дорого обошлась бы ему попытка овладѣть укрѣпленіемъ, становившимся съ каж-

дымъ днемъ сильнѣе и грознѣе. Защитниковъ 4-го бастіона, составлявшихъ его живыя несокрушимыя стѣны, можно сравнить со львами, которые становятся тѣмъ страшнѣе и отважнѣе, чѣмъ съ большими силами нападаютъ на нихъ.

Прекращеніе осадныхъ работъ во французскихъ подступахъ, ясно указывало на намѣреніе непріятеля попытаться облегчить себѣ приступъ на бастіонъ, инымъ, болѣе скрытымъ путемъ. Разумѣется, что для него не оставалось въ этомъ случаѣ другаго средства, какъ опуститься подъ землю и скрытно вести дѣло разрушенія. Но какъ знать было навѣрно: ведетъ ли непріятель свои подземныя работы и въ какомъ направленіи ведетъ онъ ихъ?

Еще въ половинѣ октября, до окончанія непріятелемъ третьей паралели, войска, находившіяся на бастіонѣ, слышали подземный стукъ, который можно было принять за работу непріятельскаго минера, намѣревающагося подкопаться подъ наши крѣпостныя работы съ цѣлью или взорвать ихъ на воздухъ, или же облегчить себѣ подступъ къ стѣнамъ бастіона усиленными взрывами горновъ, заложенныхъ въ минахъ. По этому рѣшено было начать съ нашей стороны контръ-минныя работы отъ 4-го бастіона, отъ редута Шварца (на сѣверо-западѣ отъ 4-го бастіона), и отъ Малахова Кургана.

Такъ какъ минная война ведена была исключительно противъ 4-го бастіона, а у редута Шварца и противъ Малахова кургана минныя работы только что были начаты ко времени окончанія Севастопольской осады, то все, описываемое нами относится къ подземной войнѣ исключительно только передъ 4-мъ бастіономъ.

Всѣ работы по устройству контръ-минной системы и

самое веденіе подземной войны были поручены инженеръ полковнику (нынѣ генералъ-адъютанту) Тотлебену; ему мы главнѣйшимъ образомъ обязаны защитѣ Севастополя, оборонительныя средства котораго были, такъ сказать, созданы Э. И. Тотлебенымъ, во время самой защиты Севастополя и по справедливости заслужили всемірную извѣстность. Завѣдыванье работами возложено было на сапернаго штабсъ-капитана Мельникова, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи 200 саперъ, 80 минеровъ, и сверхъ того, каждый день наряжалось 200 пѣхотныхъ солдатъ для усиленія работы. Такъ какъ суть подземной войны заключается въ томъ, чтобы, идя скрытно подъ землею на встрѣчу непріятеля, препятствовать его работамъ и разрушать ихъ взрывами, то для веденія минной войны назначаютъ двухъ родовъ рабочихъ: однихъ,—саперовъ и минеровъ проводящихъ галлереи, рукава, колодцы и трубы; а другихъ—рабочихъ, приготовляющихъ и производящихъ взрывы, для чего наряжена была изъ саперовъ особая, такъ называемая *гальваническая* команда. Эти саперы были какъ-бы артиллеристами подземной войны.

Вскорѣ получены были указанія, что непріятель началъ свои минныя работы изъ-за третьей паралели и ведетъ ихъ по направленію капитали 4 бастіона, съ цѣлью взорвать часть его. Если бы такая смѣлая попытка ему неудалась, то непріятель предполагалъ подвести тогда свои подземныя работы на самое близкое разстояніе къ фронту бастіона и, затѣмъ, усиленными взрывами привести въ замѣщательство обороняющихся, и пользуясь этимъ, броситься на штурмъ, такъ какъ открытымъ путемъ невозможно было овладѣть нашимъ бастіономъ.

Для противудѣйствія непріятелю, по плану полковника Тотлебена предположено было вывести подъ дномъ рва бастіона галлерею для того, чтобы пресѣчь непріятелю доступъ къ бастіону; а потомъ, изъ этой галлереи начать рыть такъ называемые слуховые рукава, изъ которыхъ выслушиваютъ подземныя непріятельскія работы и прекращаютъ ихъ посредствомъ взрывовъ. Для ускоренія работъ и для освѣженія воздуха въ подземныхъ ходахъ, назначено было вырыть колодцы, со дна галлереи, прикрывъ ихъ сверху блиндажами, для предохраненія ихъ отъ снѣга и дождя. Въ случаѣ же нападенія, минеры должны были защищаться въ этихъ колодцахъ и отступать къ бастіону подземнымъ ходомъ.

Приготовительныя работы къ веденію подземной войны съ нашей стороны, велись съ большою поспѣшностью, такъ какъ, по словамъ перебѣжчика, французы начали свои минныя работы еще 8 ноября, въ глинистомъ грунтѣ на глубинѣ до трехъ саженей. Подвигаясь ежедневно почти на сажень впередъ, непріятель долженъ былъ, при безпрепятственной работѣ, пройти пространство, отдѣлявшее его отъ бастіона въ 65 дней, такъ какъ паралель была заложена въ разстояніи 65 саженей отъ 4-го бастіона.

Къ 25-му декабря минеры наши опустились двадцатью двумя колодцами, со дна крѣпостнаго рва, причомъ пришлось пробивать на нѣсколько футовъ плотный извѣстковый камень, ниже котораго, на шестнадцать футовъ отъ поверхности земли, лежалъ слой глины, въ которомъ начали рыть слуховые рукава. Работа въ рукавахъ, имѣвшихъ первоначальную ширину въ $2^1/_2$ фута и вышину въ 3 фута, была весьма затруднительна, вслѣдствіе недостатка воздуха, такъ какъ на такой глубинѣ и при

отдаленномъ разстояніи отъ отверстія колодца, притокъ воздуха былъ весьма слабъ, поэтому воздухъ скоро портился, приходилось даже работать безъ свѣчей и часто для освѣженія и провѣтриванія выводить людей изъ рукавовъ. Во многихъ мѣстахъ успѣшному ходу работъ мѣшала грунтовая вода, мѣстами совершенно затоплявшая работы.

Не смотря на всѣ затрудненія и препятствія, подземныя работы подвигались весьма быстро и какъ саперы такъ и пѣхотинцы работали замѣчательно усердно. Но для правильнаго веденія этой борьбы, для того, чтобы играть, такъ сказать, на вѣрняка въ потемкахъ, необходимо было пріобрѣсти главнѣйшее качество, требуемое отъ хорошаго минера: это умѣнье по слуху опредѣлять разстояніе и направленіе непріятельскихъ работъ, различать свои работы отъ чужихъ и узнавать по разнымъ звукамъ: какія именно производитъ работы непріятель.

V.

1-ое января 1855 г. въ Севастополѣ.—Вылазка 2-го января.—Положеніе Турокъ въ союзномъ лагерѣ.—Вылазки 7-го и 19-го января.—Подвигъ матроса Шевченки.—Минныя работы подъ Севастополемъ.—Подвиги Донскихъ казаковъ.—Евпаторійское дѣло генералъ-лейтенанта Хрулева и геройство Донцовъ.—Закладка редута въ Киленъ-балкѣ и неудачная вылазка Французовъ въ ночь на 12-ое февраля.

Съ наступленіемъ новаго, 1855 года, положеніе дѣлъ въ Севастополѣ измѣнилось мало: непріятель продолжалъ слабую канонаду и все ближе подвигалъ къ Севастополю свои земляныя работы; съ нашей же стороны почти каждую ночь, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ производились вылазки, а на встрѣчу непріятельскимъ траншеямъ и другимъ землянымъ работамъ, воздвигались быстро

грозныя батареи и контръ-мины. Хотя бомбардированіе города продолжалось уже нѣсколько мѣсяцевъ, но городъ былъ еще не значительно поврежденъ. Главныя улицы, Екатерининская и Морская, пострадали менѣе прочихъ,— большая часть ихъ зданій оставалась еще вовсе нетронутыми непріятельскими снарядами; въ прочихъ же частяхъ города двѣ трети домовъ могли быть исправлены самыми малыми средствами. Примыкающія къ Севастополю слободки, Артиллерійская и Корабельная, потерпѣли значительно болѣе: въ этихъ слободкахъ къ новому году много домовъ и избъ было разрушено до основанія. Пожаровъ отъ снарядовъ брошенныхъ непріятелемъ въ городъ, произошло весьма немного, и всего-то сгорѣло домовъ пять. Число убитыхъ и раненыхъ по улицамъ города было весьма незначительно,—и если послѣ всего этого принять въ соображеніе, сколько десятковъ тысячъ ядеръ, каленыхъ и простыхъ, бомбъ, брандскугелей, конгревовыхъ ракетъ и картечи брошено непріятелемъ въ многострадальный городъ,—то не очевидно-ли, что Господь Богъ видимо хранилъ въ Севастополѣ неустрашимыхъ заступниковъ святаго Креста и Православія?

Новый годъ, храбрыя войска наши, встрѣтили подъ гуломъ непріятельскихъ ядеръ и бомбъ и среди восторженныхъ криковъ побѣды: въ ночь съ 31-го декабря на 1-е января произведена была съ нашей стороны весьма удачная вылазка. Партія охотниковъ, подъ командою подполковника 5-го стрѣлковаго баталіона Макарова и флота лейтенантовъ: Астапова и Берюлева, произвела въ англійскомъ лагерѣ большую тревогу, и дорого обошлась она надменному врагу! Вылазка была направлена противъ 3-го отдѣленія оборонительной линіи, съ цѣлью—

разумѣется—нанести непріятелю возможно большій вредъ, разсмотрѣть, какія работы предпринимаетъ врагъ противъ насъ, и встревожить станъ его.

Трудное, опасное предпріятіе это возложено было на двѣ колонны, шедшія впереди; остальныя части отряда, участвовавшаго въ вылазкѣ, служили только для развлеченія вниманія непріятеля и для резерва охотникамъ. Лѣвая колонна, состоявшая изъ трехъ сотъ охотниковъ, подъ командою лейтенанта Астапова, — скрытно поднялась на правую сторону Лабораторной балки, и стала подходить къ флангу передовыхъ англійскихъ траншей въ то время, какъ правая охотничья колонна, подъ начальствомъ лейтенанта Берюлева, состоявшая изъ двухъ сотъ человѣкъ, взобравшись на правую сторону Садовой балки, и обойдя французскіе секреты, цѣпь и пикеты,—двинулась противъ праваго фланга французскихъ траншей. Для того же, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля отъ того пункта, на который направленъ былъ дѣйствительный ударъ охотниковъ, посланы были изъ Лабораторной балки: прапорщикъ Голубовъ съ тридцатью охотниками Московскаго пѣхотнаго полка, а на правую сторону высоты отъ Садовой балки поднялся, также съ тридцатью охотниками, Охотскаго егерскаго полка прапорщикъ Цуруповъ. Мертвая тишина, проходимаго нашими охотниками пространства, изрѣдка прерывалась мѣстными выстрѣлами съ батарей, разрывомъ снаряда, или стономъ пролетавшаго надъ головами охотниковъ ядра, пущеннаго на удачу изъ очередной пушки. А ночь была темная,—на небѣ ни звѣздочки, въ двухъ шагахъ ничего не различишь! Но наши храбрые охотники, хорошо знавшіе мѣстность, не сбились съ дороги, — и вотъ, когда непріятель, изнемо-

женный, утомленный дневнымъ трудомъ, безпечно отдыхалъ, успокоенный мыслiею, что Русскiе пируютъ, встрѣчая новый годъ, а потому и не станутъ производить нападенiя,—наши молодцы бурей разразились надъ вражьимъ станомъ. Колонна Берюлева ворвалась въ траншею Французовъ; отрядъ Астапова бросился во флангъ англiйской траншеи, третья егерская рота Охотцевъ устремилась на фронтъ той же траншеи—и пошла рѣзня! Врагъ поздно догадался, въ чемъ дѣло, и когда загремѣли непрiятельскiя батареи, когда ракеты, бомбы и гранаты забороздили небо огненными искрами — во вражьемъ станѣ уже раздалось радостное и грозное «ура», и много недруговъ испустило послѣднiй вздохъ... Караулы союзниковъ, найденные и застигнутые въ расплохъ въ траншеяхъ, или бѣжали, или перебиты прежде, чѣмъ подоспѣли къ нимъ на помощь резервы съ ближайшихъ постовъ. Въ два часа ночи войска наши, ходившiя на вылазку, уже возвращались въ свои траншеи, и грохотъ всѣхъ батарей непрiятельскихъ и всей нашей оборонительной линiи словно поздравлялъ молодцовъ съ 1-ю побѣдою въ 1855 году. Потери, понесенныя въ эту ночь непрiятелемъ, въ точности неизвѣстны, но во всякомъ случаѣ значительны; съ нашей же стороны убито двое и шестнадцать ранено; кромѣ того, два человѣка утонули въ колодцѣ, незамѣченномъ за темнотою ночи. Наши молодцы захватили въ плѣнъ 14 Англичанъ и 4 Французовъ и принесли съ бою двадцать одинъ штуцеръ, нѣсколько ранцевъ, множество аммуницiи и байковыхъ одѣялъ.

На слѣдующую ночь, съ нашей стороны снова произведена вылазка подъ начальствомъ капитана Волынскаго пѣхотнаго полка Сыробоярова; вылазка эта, направлен-

ная противъ французскихъ траншей, была хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, но также увѣнчалась совершеннымъ успѣхомъ: наши герои перекололи значительное число непріятелей и взяли въ плѣнъ пять человѣкъ Французовъ. Находившійся при обѣихъ вылазкахъ адъютантъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, капитанъ-лейтенантъ Юшковъ, легко раненъ штыкомъ. Затѣмъ до 8-го января въ лагеряхъ противниковъ не произошло никакихъ перемѣнъ.

Въ то время, какъ князь Меньшиковъ, разузнавъ, что Французы намѣреваются вести свои траншеи, по невѣдѣнію, чрезъ чумное кладбище, великодушно предувѣдомилъ враговъ о могущей отъ того обнаружиться заразѣ и совѣтовалъ имъ измѣнить направленіе своихъ работъ.... враги наши въ это время вели себя недостойно; нуждаясь въ топливѣ, они не пощадили и карантиннаго дома, не уважили даже и святыни древняго Херсонесскаго храма,—сняли съ него крышу и куполъ, раззорили всю внутренность храма! Таковое варварское святотатство, совершонное съ цѣлью добыть топлива, мало помогло непріятелю защититься отъ наступившихъ морозовъ, и въ наши ряды ежедневно прибывало множество перебѣжчиковъ изъ непріятельскаго стана, особенно Арабовъ, для которыхъ русская зима наиболѣе чувствительна. По показанію этихъ Арабовъ, положеніе въ союзномъ лагерѣ Турокъ,—этихъ знаменитыхъ поклонниковъ луны и лжепророка, изъ за которыхъ и началась Восточная война,—было невыносимо. Союзники, вполнѣ убѣдившись въ неспособности этого азіатскаго племени къ упорной войнѣ, вовсе не употребляли ихъ для военныхъ дѣйствій, а смотрѣли на Турокъ, какъ на вьючныхъ животныхъ,

годныхъ только для того, чтобы переносить союзникамъ изъ Балаклавы снаряды, провизію и другія тяжести.

Въ ночь съ 7-го на 8-ое января, нашими охотниками произведена новая, весьма удачная вылазка, противъ лѣваго фланга и центра французскихъ траншей. При этомъ войска наши раздѣлены были на два отряда: правый состоялъ изъ 230 охотниковъ и 3-й гренадерской роты Минскаго пѣхотнаго полка, подъ командою маіора Рудановскаго, лѣвый—изъ пяти ротъ Тобольскаго пѣхотнаго полка, подъ начальствомъ капитана Ляпунова, и сотни матросовъ, предводимыхъ лейтенантами Титовымъ и Завалишинымъ.

Непріятель во время замѣтилъ эту вылазку, однако не могъ остановить стремительнаго нападенія нашихъ отрядовъ, и понесъ весьма значительную потерю. Кромѣ множества убитыхъ и раненыхъ, непріятель потерялъ плѣнными двухъ французскихъ офицеровъ и нѣсколько человѣкъ рядовыхъ. Съ нашей стороны тоже не обошлось безъ потерь: убито 18-ть человѣкъ и ранено 74-ре.

Но замѣчательнѣйшая изъ всѣхъ январскихъ вылазокъ произведена въ ночи съ 19-го на 20-е января. Отрядъ нашъ, въ числѣ 330 человѣкъ, подъ командою храбраго лейтенанта Берюлева, приблизился къ занятымъ непріятелемъ ложементамъ и смѣло ударилъ въ штыки. Ночь была лунная, свѣтлая; поэтому къ мѣсту неожиданнаго нападенія быстро подошли непріятельскія резервы на подкрѣпленіе, и завязался упорный бой. Отрядъ Берюлева не только занялъ ложементы, но шесть разъ взбирался на непріятельскія траншеи и нанесъ непріятелю столь тяжкія потери, что одна изъ его передовыхъ траншей была совершенно завалена тѣлами французовъ: при этомъ

взято въ плѣнъ три непріятельскихъ офицера и семь нижнихъ чиновъ. У насъ убито 4, въ томъ числѣ прапорщикъ Семенскій, и ранено 34-ре. Замѣчательно, что въ этой кровавой свалкѣ, наши охотники, не смотря на всю стремительность и ожесточенность боя, не оставили въ непріятельскихъ траншеяхъ ни одного нашего убитаго или раненаго—всѣхъ подобрали! Разсказываютъ, что когда Берюлевъ полагалъ дѣло уже поконченнымъ, такъ какъ непріятель былъ выгнанъ изъ ложемента и опрокинутъ въ траншеяхъ, то къ нему подбѣжалъ унтеръ-офицеръ и говоритъ: «не ладно, ваше благородіе! Кажись, кто-то изъ нашихъ остался въ непріятельской траншеѣ, слышно-по нашему ругается, выручить слѣдуетъ!»— Разумѣется, выручить!—отвѣчалъ Берюлевъ, и скомандовалъ:—по взводно стройся, на руку, маршъ!—еще разъ наши родные герои вскочили во вражьи траншеи и дѣйствительно выручили своего!

Нечего и говорить, что въ вылазкѣ этой всѣ охотники вели себя, какъ истые русскіе герои; но болѣе всѣхъ отличился подвигомъ самоотверженія, стоившаго ему даже жизни, матросъ 30-го флотскаго экипажа Игнатій Шевченко. Приводимъ приказъ главнокомандующаго военными силами въ Крыму, свидѣтельствующій о семъ подвигѣ.

«Товарищи! Каждый день вы являете себя искренно «храбрыми и стойкими русскими воинами; каждый день «поступки ваши заслуживаютъ и полнаго уваженія и «удивленія: говорить о каждомъ отдѣльно было бы не«возможно; но есть доблести, которыя должны навсегда «остаться въ памяти вашей, и съ этою цѣлію я объяв«ляю вамъ:

«30-го флотскаго экипажа, матросъ Игнатій Шевчен-«ко, находившійся во всѣхъ вылазкахъ лейтенанта Бе-«рюлева, явилъ особенный примѣръ храбрости и самоот-«верженія въ вылазкѣ, бывшей на 20-ое января.—Когда «молодцы наши штыками вытѣснили уже непріятеля изъ «траншей, пятнадцать человѣкъ французовъ, отступая, «прицѣлились въ лейтенанта Берюлева и его спутниковъ; «Шевченко первый замѣтилъ, какой опасности подвер-«гается его начальникъ,—перекрестясь, кинулся къ нему, «заслонилъ его и молодецкою своею грудью принялъ пулю, «которая неминуемо должна была поразить лейтенанта «Берюлева. Шевченко упалъ на мѣстѣ, какъ истинно «храбрый воинъ, какъ праведникъ».

«Сдѣлавъ распоряженіе объ отысканіи его семейства, «которое имѣетъ все право воспользоваться щедротами «Всемилостивѣйшаго Государя нашего, я спѣшу, мои лю-«безные товарищи, сообщить вамъ объ этомъ, и поздра-«вить васъ, что вы имѣли въ рядахъ своихъ товарища, «которымъ должны вполнѣ гордиться!»

Послѣднія числа января проведены были какъ нашей Севастопольской арміей, такъ и союзными войсками, въ устройствѣ минъ, контръ-минъ, камуфлетовъ и другихъ подкоповъ. И въ этихъ работахъ, также какъ вообще въ вылазкахъ, успѣхъ по большей части оставался на нашей сторонѣ до такой степени, что часто непріятельскія подземныя работы вредили самому же непріятелю. Такъ, напримѣръ, 21-го января въ 8½ часовъ вечера, послѣдовалъ весьма искусно произведенный подземный взрывъ въ нашей минѣ, предназначенный для поврежденія непріятельскихъ подкоповъ. Одинъ изъ нашихъ бастіоновъ былъ окруженъ 22-мя минными рука-

вами, не считая еще отраслей рукавовъ; а потому, когда французская мина приблизилась по направленію на капиталь бастіона, то работы въ ближайшихъ рукавахъ были прекращены и, между прочимъ, въ одномъ изъ нихъ заложенъ былъ зарядъ изъ 12-ти пудовъ пороха. Непріятель, слыша работу въ отдаленныхъ рукавахъ, шелъ своею миною, смѣло впередъ неподозрѣвая того, что русскіе минеры такъ близко. Давъ ему пройти впередъ на сажень отъ заряда, наши минеры произвели взрывъ, отъ котораго земля надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежалъ порохъ, поднялась аршина на три вверхъ и аршинъ на шесть въ поперечникѣ, и мгновенно опустилась. Раздался страшный подземный гулъ, и вслѣдъ затѣмъ изъ непріятельской траншеи показалось пламя... Трудно представить, какой ужасъ произвелъ въ непріятельскомъ станѣ этотъ въ высшей степени удачный маневръ русскихъ минеровъ!

Иногда, впрочемъ, и сами непріятели, вслѣдствіе неосторожности своихъ минеровъ, собственными камуфлетами разрушали свои же работы. 26-го января, въ 5-ть часовъ вечера, изъ одной французской траншеи показались 2 француза, сняли шапки и поклонились. Чрезъ нѣсколько времени, они зажгли свой камуфлетъ, положенный въ 12-ти саженяхъ отъ бывшаго нашего заряда. Но взрывъ, образовавъ сверху небольшую воронку, пошелъ назадъ,—и мгновенно изъ французскаго траншейнаго колодца показались дымъ и пламя... Стало быть, французы повредили сами же себѣ! Это зрѣлище вызвало громкій смѣхъ нашихъ минеровъ изо рва бастіона. Тотчасъ же французская воронка была занята нашими штуцерными и минерами. Къ ночи 27-го числа, наши мине-

ры успѣли уже расчистить тамъ колодезь и заложить зарядъ въ 9-ть пудовъ пороху. Утромъ, 28-го числа, зарядъ этотъ былъ взорванъ и вполнѣ достигъ своей цѣли: вся французская траншея была объята клубами густаго дыму и пламенемъ. «Ура! Пожаръ въ непріятельской траншеѣ!» весело закричали наши минеры, и съ побѣдною пѣснью возвратились къ своему бастіону.

30-го и 31-го января, минныя работы наши были снова пріостановлены, и снова вниманіе наше было обращено на вылазки, произведенныя лейтенантомъ Берюлевымъ и небольшимъ отрядомъ казаковъ Донскаго № 26 полка. Вылазка Берюлева и на этотъ разъ была также удачна, какъ и всѣ другія вылазки, произведенныя подъ начальствомъ этого юнаго героя. Потери Французовъ были огромны, тѣмъ болѣе, что по недоразумѣнію, одинъ Французскій отрядъ былъ принятъ своими же, за отрядъ русскій и встрѣченъ страшнымъ залпомъ. Въ эту ночь у Французовъ убито 6 офицеровъ, общее же число раненыхъ и убитыхъ весьма велико. Изъ убитыхъ офицеровъ своихъ, Французы особенно жалѣли о маіорѣ Сарлатъ, котораго всѣ уважали за необыкновенную храбрость и даже прозвали маленькимъ львомъ.

Вылазка Донскихъ казаковъ, произведенная въ весьма малыхъ размѣрахъ, ознаменована примѣромъ необыкновенной отваги. Урядникъ № 56 полка (Иловайской станицы) Калачовъ съ казаками: Гордѣевымъ, Воропаевымъ, Можаровымъ, Зрянинымъ и Мирошкинымъ, движимые духомъ молодечества, неоднократно пытались схватить непріятельскаго часоваго; но попытки эти, несмотря на всю казацкую смышленность, долгое время не удавались, потому что непріятельская ночная цѣпь была весьма бди-

тельна, и непріятельскіе часовые на валу стояли другъ отъ друга очень близко. Валъ этотъ вышиною во многихъ мѣстахъ почти въ три аршина, ограждалъ весь лагерь, стало быть, обмануть бдительность часоваго и воспользоваться его оплошностью было почти невозможно. Да такъ ужъ создана казацкая натура, что чѣмъ больше препятствій, тѣмъ больше въ ней желаніе одолѣть ихъ. Калачовъ съ товарищами пустились на хитрости: пика, неизмѣнная спутница казака въ бояхъ, послужила имъ на этотъ разъ лучшимъ оружіемъ къ достиженію цѣли: загнувъ остріе ея крючкомъ, удалые охотники наши рѣшились стащить непріятельскаго часоваго, во что бы ни стало, если не руками, такъ крючкомъ, и съ этимъ намѣреніемъ, въ ночь съ 29-го на 30-е января, отправились на розыски. Пройдя долину верстъ до пяти, Донцы подошли къ горѣ, гдѣ уже нужно было ползти, дабы не быть замѣченными. Припавъ къ землѣ, охотники наши тотчасъ раздѣлились на двѣ партіи, предполагая снять разомъ двухъ часовыхъ, и тихонько поползли къ непріятельскому лагерю. Казаки: Можаровъ, Зрянинъ и Мирошкинъ, встрѣчая на пути камни и кусты, по необходимости подвигались довольно медленно, опасаясь возбудить бдительность часоваго; а урядникъ Калачовъ, съ казаками Гордѣевымъ и Воропаевымъ, пользуясь ровностью мѣста, быстро подползли къ часовому въ ту самую минуту, какъ онъ смѣнилъ товарища. Опредѣливъ глазомѣромъ вышину вала, казаки рѣшили, что схватить этого часоваго можно и руками: исполненіе этого дѣла пало на долю казака Гордѣева. Выждавъ мгновеніе, когда часовой подошелъ къ нему весьма близко, Гордѣевъ вдругъ приподнялся, бросился на него, схватилъ и кинулъ на руки то-

варищей, чтобъ зажимали ему ротъ; Французъ, падая стремглавъ на руки казаковъ, успѣлъ однако же вскрикнуть, отчего часовой, стоявшій близъ него, быстро прибѣжалъ на крикъ и выстрѣлилъ, возбудивъ тѣмъ тревогу по всей цѣпи. Можаровъ съ товарищами, видя опасность Калачова, тотчасъ прибѣжали къ нему на помощь и ставъ въ прикрытіи, готовились встрѣтить пулями первыхъ преслѣдователей; но удостовѣрившись, что Калачовъ съ плѣннымъ Французомъ уже внѣ всякой опасности, они сбѣжали съ горы и благополучно прибыли въ лагерь. Барабанный бой и движенія войскъ слышны были въ непріятельскомъ лагерѣ до самаго разсвѣта.

Въ то время, какъ подъ Севастополемъ дѣлались вылазки и подводились обѣими сторонами разные подкопы, подъ Евпаторіей происходили болѣе значительныя движенія непріятельскихъ войскъ. Высаженныя въ Евпаторіи Турецкія войска предприняли оттуда 22-го января наступленіе вдоль морскаго берега къ деревнѣ Сакамъ, въ числѣ 12-ти эскадроновъ кавалеріи и до 10,000 пѣхоты. Наши передовые посты, несмотря на туманную погоду, своевременно извѣстили флигель-адъютанта, полковника графа Канкрина, о появленіи непріятеля, и потому цѣпь наша немедленно была подкрѣплена дивизіономъ драгунскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полка, при двухъ орудіяхъ. Въ тоже время, одинъ эскадронъ уланскаго Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Михаиловны полка высланъ былъ слѣдовать по берегу Гнилаго моря, чтобы, въ случаѣ дальнѣйшаго движенія противника, ударить ему во флангъ и отрѣзать его. Тогда турецкія передовыя войска начали быстро отступать, а затѣмъ и вся

Подвигъ іеромонаха Іоаникія Савинова.

колонна непріятельская поспѣшно возвратилась въ Евпаторію, потерявъ въ перестрѣлкѣ шесть человѣкъ убитыми; съ нашей же стороны, несмотря на огромное численное превосходство непріятеля, потеря состояла изъ одного убитаго и одного раненаго, ибо турки начали отступать послѣ первыхъ же нашихъ выстрѣловъ — такъ страшны были для нихъ Русскіе!

Высаженныя въ Евпаторіи Турецкія войска, значительно увеличили числительность въ этомъ городѣ непріятеля, и потому, чтобы обезопасить Севастополь отъ нападеній съ этой стороны, необходимо было предварительно узнать сколько именно въ Евпаторіи непріятельскихъ войскъ, а также сообразить, нельзя ли совершенно выбить непріятеля изъ Евпаторіи. Съ этою цѣлью, главнокомандующій, генералъ-адъютантъ князь Меньшиковъ, предписалъ генералъ-лейтенанту Хрулеву (*), съ частью войскъ, въ окрестностяхъ города расположенныхъ, произвести противъ Евпаторіи, 5-го февраля, усиленную рекогносцировку.

Дѣятельный и отважный генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, приблизивъ предназначенныя для рекогносцировки войска на разстояніе 250 саженей отъ города, открылъ по Евпаторіи сильнѣйшій перекрестный артиллерійскій огонь! Непріятель отвѣчалъ жестокою канонадой изъ укрѣпленій, окружающихъ городъ; но не смотря на градъ пуль, ядеръ, картечи и другихъ снарядовъ, летѣвшихъ изъ города, войска наши бодро подвигались впередъ, а дѣйствія нашей артиллеріи были столь удачны, что у непріятеля

(*) Генералъ-лейтенантъ Степанъ Александровичъ Хрулевъ скончался 22-го мая 1870 года, въ Петербургѣ.

въ короткое время взорвало пять зарядныхъ ящиковъ и подбито было нѣсколько орудій.

Увлеченные такимъ быстрымъ успѣхомъ, 3-й и 4-й баталіоны Азовскаго пѣхотнаго полка, баталіонъ греческихъ волонтеровъ и три сотни Донскаго № 61-го полка подошли къ самому городу и, пользуясь мѣстными закрытіями, завязали съ непріятелемъ живую перестрѣлку. Но генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, удостовѣрившись, что въ Евпаторіи находится до сорока тысячъ непріятельскаго войска при ста орудіяхъ, и что дальнѣйшія съ нашей стороны усилія не обѣщаютъ никакихъ важныхъ послѣдствій, напротивъ, могутъ повести къ значительной и совершенно безполезной тратѣ людей,—приказалъ войскамъ выйдти изъ-подъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Трудное это движеніе исполнено было нашими войсками въ примѣрномъ порядкѣ. Потеря наша въ дѣлѣ подъ Евпаторіею простиралась до пятисотъ человѣкъ убитыми и ранеными. Уронъ непріятеля былъ несравненно значительнѣе, ибо войска его, стѣсненныя въ узкихъ улицахъ, находились долгое время подъ жестокимъ огнемъ нашей артиллеріи, пронизывавшей весь городъ своими снарядами.

Много славныхъ подвиговъ совершено нашими доблестными воинами подъ Евпаторіей, и мы укажемъ хоть на слѣдующій. Когда командовавшій Евпаторійскимъ отрядомъ генералъ-лейтенантъ Хрулевъ отдалъ приказаніе идти на штурмъ, то казаки должны были спѣшиться и, подъ начальствомъ войсковаго старшины Селиванова, идти вмѣстѣ съ пѣхотою. Какъ ни трудно было для нашихъ удалыхъ Донцевъ дѣйствовать спѣшившись, но они не задумались доказать, что и пѣшіе они также молодецки умѣютъ дѣлать свое дѣло, какъ дѣлаютъ его въ боевыхъ

своихъ наѣздахъ. Спѣшившись, Донцы неустрашимо стали въ ряды пѣхоты греческихъ волонтеровъ и вмѣстѣ съ ними хладнокровно пошли на приступъ. Подойдя къ кладбищенской стѣнѣ, Донцы вмѣстѣ съ греками перелѣзли ее, и не смотря на убійственный огонь штуцерниковъ и артиллеріи непріятельскаго флота, мужественно прошли кладбище и залегли за памятниками, не болѣе какъ въ тридцати пяти шагахъ отъ городской стѣны. Здѣсь они отстрѣливались отъ непріятеля съ неустрашимымъ хладнокровіемъ въ продолженіе четырехъ часовъ, хотя непріятель направилъ на нихъ всѣ выстрѣлы, чтобы выбить ихъ изъ кладбища. Потомъ, когда приказано было отступить, казаки также хладнокровно, стройно и не спѣша, примкнули къ своей позиціи, въ числѣ послѣднихъ. Тысячи бомбъ и ядеръ, летѣвшихъ на нихъ съ флота и со стѣнъ города, казалось, нисколько не тревожили ихъ; казаки возвращались изъ подъ стѣнъ занятаго непріятелемъ города также спокойно, какъ возвращаются они изъ караула.

Когда вѣсть о дѣлѣ подъ Евпаторіей пришла въ Севастополь, то подъ Севастополемъ происходило также оживленное движеніе. Такъ какъ непріятельскія земляныя работы значительно приблизились къ Малахову кургану, то съ нашей стороны, для препятствованія имъ, заложенъ былъ въ ночь съ 9-го на 10-е число новый редутъ, впереди лѣваго фланга Севастопольскихъ укрѣпленій, на отлогости Сапунъ-горы, образующей правый берегъ Киленъ-балки. Работа пошла быстро, и къ разсвѣту наши солдаты на столько успѣли углубиться въ землю, что были уже порядочно защищены отъ непріятельскаго огня.

При сооруженіи этого редута намъ приходилось бороться

съ огромными трудностями: редутъ воздвигался на каменистомъ грунтѣ, едва покрытомъ тонкимъ слоемъ земли. Поэтому вся почти работа должна была производиться кирками; искры летѣли отъ усиленныхъ ударовъ о камень, а между тѣмъ надобно было дѣлать по нѣскольку такихъ ударовъ киркою, чтобы отколоть хоть небольшой кусокъ камня!

Ночь прошла благополучно. Наши войска ждали, что съ разсвѣтомъ непріятель, замѣтивъ наши работы употребитъ всѣ усилія, чтобы разрушить ихъ, но непріятель весь день ничего особеннаго не предпринялъ, такъ что 10-го февраля у насъ потери почти не было. Слѣдующая ночь прошла также спокойно, какъ и первая, и лишь въ ночь на 12-е февраля завязалось жаркое дѣло. Въ эту ужасную ночь, Французы, повидимому, задумали, во что бы то ни стало уничтожить русскій редутъ, выросшій чуть не въ ихъ собственныхъ траншеяхъ, и, можетъ быть, полагали даже утвердиться на избранномъ нами мѣстѣ.

Съ этою цѣлью посланъ былъ, подъ командою начальника 3-й французской дивизіи, генерала Майрана, и подъ личною командой генерала Монэ, сильный отрядъ отборнаго войска. Въ составъ этого отряда, по словамъ плѣнныхъ, вошли два баталіона зуавовъ подъ начальствомъ полковника Клера, баталіонъ 6-го линейнаго полка, баталіонъ моряковъ и девяносто человѣкъ охотниковъ, вызванныхъ изъ всей французской арміи. Въ резервѣ за этимъ отрядомъ находилась цѣлая дивизія Англичанъ съ полевою артиллеріею.

И такъ противъ нашего редута былъ высланъ самый цвѣтъ французской арміи, самая лучшая, самая отваж-

ная часть французскихъ силъ. Но дѣломъ Богъ располагаетъ, и не смотря на громадное численное превосходство, Французы потерпѣли полное пораженіе.

Пользуясь темнотою ночи, французскія войска въ глубокомъ безмолвіи подошли къ самой цѣпи нашихъ пластуновъ, пробѣжали мимо нашего секрета и стремительно ударили на цѣпь Волынцевъ, расположенную подлѣ редута. Волынцы не смѣшались, сильнымъ огнемъ встрѣтили нападающихъ и, сбѣжавшись въ кучи, начали мужественный бой. Командиръ Волынскаго полка, генералъ-маіоръ Хрущевъ, приказалъ зажечь фальшфейеръ, бывшій условнымъ знакомъ, что Французы нападаютъ, и что нашимъ батареямъ можно по нимъ стрѣлять, а самъ, не теряя времени, поспѣшилъ на помощь начавшимъ дѣло 10-й и 11-й мушкетерской ротѣ, съ 1-мъ и 2-мъ баталіонами своего полка. Безъ выстрѣла подбѣжало это подкрѣпленіе на помощь своимъ товарищамъ и прямо бросилось въ штыки. Закипѣлъ упорный бой, и огненными тучами понеслись ядра съ нашихъ батарей. Малаховъ курганъ, батареи №№ 1-й и 2-й, пароходы «Владиміръ», «Громоносецъ» и «Херсонесъ», орудія которыхъ еще съ вечера были направлены на пространство, по которому могъ наступать непріятель, посылали на непріятеля цѣлый градъ всевозможныхъ артиллерійскихъ снарядовъ.

Французы бодро шли впередъ, презирая смерть, отовсюду на нихъ летѣвшую, — баталіонъ за баталіономъ стремились на Волынцевъ, свернувшихся въ колонны; но твердо стояли и Волынцы, и всѣ усилія Французовъ разбить ихъ строй оказались тщетными: всѣ нападенія непріятеля отражаемы были нашими героями съ блестящимъ успѣхомъ, и врагъ отступалъ.

Между тѣмъ какъ генералъ Хрущевъ былъ вынужденъ возобновленными ударами Французовъ ввести въ дѣло весь свой полкъ, новая сильная непріятельская колонна, съ охотниками во главѣ, обогнула линію сражавшихся и бросилась прямо на редутъ. Тутъ врага встрѣтила горькая неожиданность: Французы полагали, что нашъ редутъ не болѣе, какъ слабое прикрытіе, а между тѣмъ они нашли ровъ, аршина въ два глубины, и шириною болѣе сажени. Пули изъ редута посыпались на непріятеля. Французы перелѣзли ровъ, подъ убійственнымъ огнемъ влѣзли на брустверъ и бросились въ редутъ. Изъ редута ни одинъ врагъ не вернулся уже къ своимъ войскамъ: кто не былъ убитъ, остался въ плѣну, или тяжело раненный, въ страданіяхъ ждалъ своей кончины...

На всѣхъ мѣстахъ боя, успѣхъ нашъ былъ очевиденъ, пораженіе непріятеля полное,—онъ бѣжалъ, и наши преслѣдовали Французовъ до линіи огня нашихъ батарей; а за тѣмъ дальнѣйшее преслѣдованіе, чтобъ не подвергаться дѣйствію своихъ же выстрѣловъ, предоставлено было искусству моряковъ—артиллеристовъ.

Когда разсвѣло, то на кровавомъ пространствѣ ночнаго побоища увидѣли много труповъ: на полѣ лежало болѣе ста непріятельскихъ тѣлъ и шестьдесятъ пять нашихъ. Раненые еще ночью отнесены были на перевязочный пунктъ. Мы взяли въ плѣнъ 24 человѣка, въ томъ числѣ и 5 офицеровъ, большею частью тяжело раненыхъ. Такъ блистательно для насъ кончилась большая вылазка Французовъ въ ночь съ 11-го на 12-е февраля.

VI.

Присутствіе Великихъ Князей въ рядахъ войскъ, отстаивавшихъ Селенгинскій редутъ.—Перемиріе.—Назначеніе главнокомандующимъ нашими войсками барона Остенъ-Сакена.—Ночь съ 21-го на 22-е февраля въ Севастополѣ.—Дѣло подъ Евпаторіей 21-го февраля.—Заложеніе нами новаго редута.—Канонада 26-го февраля.—Вѣсть о кончинѣ Государя Императора Николая I-го.—2-е марта подъ Евпаторіею и подъ Севастополемъ.—Нападенія непріятеля на наши ложементы съ 3-го по 7-е марта.—Смерть адмирала Истомина.

Нападеніе непріятеля на Селенгинскій редутъ показало союзникамъ, легко-ли имъ будетъ взять самый Севастополь, когда такъ трудно даются даже и неоконченные наши редуты и передовыя укрѣпленія. Если враги не могли одолѣть Селенгинскаго редута, еще не вооруженнаго артиллеріей, застигнутаго ими врасплохъ, во время работъ,—редута, удаленнаго отъ нашихъ резервовъ, то чего имъ будетъ стоить взятіе Севастополя, гдѣ противъ нихъ воздвигнуты столь сильныя укрѣпленія? И такъ, неосуществившаяся надежда непріятеля, овладѣть Селенгинскимъ редутомъ, уничтожила и надежду многихъ на легкое и скорое овладѣніе Севастополемъ,—а въ наши храбрыя войска влило новую бодрость, новое сознаніе своихъ силъ, особенно поддерживаемое присутствіемъ и поощреніемъ Ихъ Высочествъ, которыхъ очень порадовало отбитіе непріятеля отъ редута.

По окончаніи дѣла 12-го февраля, Великіе Князья изволили лично посѣтить храбрые полки, отличившіеся при оборонѣ редутовъ, за которыми они были расположены бивуаками, и отъ имени Государя благодарить за мужество, оказанное въ минувшую ночь. При этомъ Ихъ Высочества находились въ столь открытомъ для непріятельскихъ выстрѣловъ мѣстѣ, что въ нѣсколькихъ шагахъ

отъ нихъ контузило въ свитѣ Великихъ Князей двухъ штуцерными пулями.

Такъ какъ въ раіонѣ нашихъ выстрѣловъ осталось много непріятельскихъ тѣлъ, то съ нашей стороны предложено было непріятелю краткое перемиріе для того, чтобы онъ могъ подобрать своихъ убитыхъ. Непріятель конечно съ радостію согласился на таковое предложеніе;—въ 12 часовъ дня 15-го февраля, съ обѣихъ сторонъ были подняты бѣлые флаги, и вышедшіе изъ французскихъ траншей зуавы долго собирали по полю своихъ падшихъ въ бою товарищей...

Между тѣмъ состояніе здоровья главнокомандующаго нашими войсками, князя Меньшикова, въ послѣднее время было до такой степени разстроено, что 18-го февраля онъ вынужденъ былъ сдать свою должность генералъ-адъютанту Остенъ-Сакену. Хотя всѣ сознавали, что съ отсутствіемъ князя Меньшикова наша армія теряетъ доблестнаго вождя, но тѣмъ не менѣе и Остенъ-Сакенъ былъ уже хорошо извѣстенъ войскамъ, своимъ высокимъ пониманіемъ дѣла, такъ что могъ съ честью замѣнить своего предшественника. Назначеніе новаго главнокомандующаго словно пробудило враждующія стороны, и въ непріятельскихъ арміяхъ дѣла пошли рѣшительнѣе: Французы постепенно усиливали канонаду, такъ что въ ночь съ 21-го на 22-е февраля, съ непріятельскихъ батарей пущено было въ городъ, кромѣ множества разныхъ снарядовъ, до тридцати боевыхъ ракетъ. Дѣло началось съ того, что наши минеры, выслушавъ работу непріятельскихъ минеровъ, дали по непріятельскимъ минамъ два камуфлета. Оба взрыва произведены весьма удачно: Французы выскочили изъ траншеи, отчасти испуганные неожидан-

ностью, отчасти забывъ опасность, желали посмотрѣть, что произошло отъ взрывовъ. Наши воспользовались оплошностію: замѣтивъ порывъ непріятеля, батареи грянули картечью, и Французы сотнями посыпались въ ровъ. Тутъ пошла ужасная канонада. Французы сильно отвѣчали на наши выстрѣлы, и стали бросать ракеты, изъ которыхъ многія попали въ дома. Между прочимъ, одна ракета попала въ домъ, гдѣ тогда квартировалъ главнокомандующій баронъ Остенъ-Сакенъ; ворвавшись въ ординарческую комнату, въ которой, по счастію, никого не было, она зажгла полъ, но пожаръ вскорѣ былъ прекращенъ. Другая ракета попала въ кухню полковника Норденстренга, въ мѣшокъ съ угольемъ, оглушила деньщика, и сотрясеніемъ разбила въ домѣ 78 стеколъ. По видимому, непріятелю хотѣлось ракетами этими зажечь хоть одинъ нашъ корабль и вообще произвести какой-нибудь значительный вредъ, да не удавалось. Правда, одна ракета скользнула по палубѣ корабля «Великій Князь Константинъ,» двѣ попали въ «Ягудіила,» одна въ цейхгаузъ какого то морскаго экипажа; но вообще вредъ, произведенный ракетами былъ, можно сказать, незначительный, хотя по 22-е февраля пущено ихъ, по увѣренію французскихъ военноплѣнныхъ, болѣе чѣмъ на 500,000 франковъ!

Въ тотъ день, какъ непріятель у Севастополя производилъ усиленную блокаду, подъ Евпаторіей происходило также жаркое дѣло съ Турками. 21-го февраля, непріятель, въ числѣ шести эскадроновъ баши-бузуковъ, выйдя изъ Евпаторіи, стремительно атаковалъ центръ и лѣвый флангъ нашихъ аванпостовъ. Казаки, занимавшіе передовую цѣпь, желая завлечь непріятеля, отступили къ

главному караулу Новомиргородскаго уланскаго полка. Тогда начальникъ аванпостовъ, подполковникъ Никорица, немедленно разсыпалъ половину бывшаго въ главномъ караулѣ седьмаго эскадрона означеннаго полка и послалъ за осьмымъ эскадрономъ Новоархангельскаго уланскаго полка. Турки, подойдя къ нашимъ уланамъ, остановились и завязали перестрѣлку. Въ это время, командующій шестымъ эскадрономъ Новомиргородскаго полка, поручикъ Казюлькинъ, возвращавшійся по смѣнѣ съ аванпостовъ, на квартиры, услышавъ въ цѣпи выстрѣлы, тотчасъ повернулъ свой эскадронъ, и, пройдя скрытно по лощинѣ, вмѣстѣ съ казаками пятой сотни Донскаго №16-го, Жирова полка, внезапно атаковалъ правый флангъ турецкой кавалеріи. Одновременно съ этою атакою, подполковникъ Винингъ, увидавъ приближеніе осьмаго эскадрона Новоархангельскаго полка, ударилъ, вмѣстѣ съ седьмымъ Новомиргородскимъ эскадрономъ на непріятеля съ фронта, тогда какъ часть казаковъ 1-й, 3-й и 6-й сотень полка Жирова, подъ командою войсковаго старшины Селиванова атаковали непріятельскую конницу съ лѣваго фланга. Опрокинутый на всѣхъ пунктахъ этою дружною атакой, непріятель смѣшался и въ безпорядкѣ бѣжалъ къ Евпаторіи. Уланы и казаки стремительно преслѣдовали его на разстояніи болѣе трехъ верстъ.

Въ виду столь позорнаго бѣгства лучшей части турецкой кавалеріи, въ Евпаторіи произошла общая тревога; непріятельская пѣхота, въ большомъ числѣ, начала выходить и строиться внѣ города. Поэтому подполковникъ Никорица остановилъ преслѣдованіе, и приказалъ эскадронамъ возвратиться и занять аванпосты прежнимъ порядкомъ. Уже въ первыхъ порывахъ нашей атаки не-

пріятель потерялъ болѣе сорока человѣкъ убитыми, а во время бѣгства своего усѣялъ все поле битвы трупами; кромѣ того мы взяли въ плѣнъ восемь человѣкъ башибузуковъ, тогда какъ съ нашей стороны весь уронъ заключался въ одномъ убитомъ, одномъ тяжело раненомъ и четырехъ легко раненыхъ.

Причина столь блестящаго успѣха нашего въ дѣлѣ подъ Евпаторіей, 21-го февраля, заключалась въ быстротѣ и совокупности единовременной съ трехъ сторонъ атаки, а также въ неустрашимости, спокойствіи, распорядительности и находчивости подполковника Никорицы. Успѣху дѣла много способствовалъ также и поручикъ Казюлькинъ, прибывшій къ мѣсту боя съ своимъ эскадрономъ, безъ всякаго приказанія, по выстрѣламъ.

Вѣсть о славномъ дѣлѣ нашемъ подъ Евпаторіей произвела большую радость въ рядахъ Севастопольскаго гарнизона, особенно когда изъ показаній плѣнныхъ сдѣлалось извѣстно, какъ много нашими причинено урону непріятелю въ этомъ дѣлѣ и въ другихъ стычкахъ подъ Евпаторіей: въ одномъ дѣлѣ 5-го февраля, Турки потеряли болѣе тысячи человѣкъ убитыми и столько же ранеными.

23-го февраля, Французы, съ батареи, что по ту сторону Георгіевской балки, открыли сильнѣйшій артиллерійскій огонь съ цѣлью повредить нашимъ военнымъ судамъ, стоящимъ близъ ея вершины. Огонь Французовъ на этотъ разъ былъ такъ мѣтокъ и такъ вѣрно направленъ, преимущественно въ одинъ пароходъ, что почти всякій непріятельскій выстрѣлъ билъ или въ корпусъ парохода, или ложился ему подъ носъ, либо достигалъ его рикошетомъ. По несчастію, у этого нашего парохода не были разведены пары, и потому онъ потерпѣлъ весьма значи-

тельныя повреждения: въ пароходѣ оказалось много пробоинъ, такъ что онъ едва могъ отбуксироваться, въ безопасное мѣсто, при помощи двухъ шлюбокъ и подъ покровительствомъ учащеннаго огня нашихъ батарей; раненыхъ на пароходѣ было двое. Когда, мало по малу, всѣ наши корабли стали недоступны для непріятельскихъ выстрѣловъ, то непріятель обратилъ орудія снова къ городу и началъ усиленную канонаду, продолжавшуюся съ небольшими промежутками нѣсколько дней. Особенно сильна была канонада въ ночи на 26-е февраля: непріятель всю ночь бросалъ въ городъ разрывные снаряды.

Здѣсь не лишнее будетъ упомянуть о недостойномъ поступкѣ нашихъ враговъ, еще разъ доказавшемъ, что наши недруги, отстаивавшіе неправое дѣло, гораздо жестокосерднѣе насъ, защищавшихъ святую вѣру и родную землю. 24-го числа, непріятель, какъ бы желая показать свое великодушіе, предувѣдомилъ насъ, что будетъ производить канонаду противъ города и потому просилъ обозначить тѣ дома, въ коихъ помѣщаются наши военные госпитали. Кому же могло прійти на мысль, что непріятель позволитъ себѣ направить орудія противъ убѣжищъ раненыхъ или больныхъ героевъ? Поэтому наши и означили госпитали желтымъ флагомъ въ полной увѣренности, что тѣмъ самымъ обезопасятъ эти благодѣтельныя учрежденія,—вышло противное: на госпитали-то непріятель и направилъ прежде всего свои выстрѣлы, и въ этихъ огромныхъ зданіяхъ, въ церкви, въ сосѣднихъ домахъ, въ стѣнѣ, окружающей госпитальный дворъ, все было избито, испятнано всевозможными снарядами! Больныхъ и раненыхъ едва успѣли перетаскать на Сѣверную.

Пока Французы продолжали канонаду по городу, три

баталіона Якутскаго полка заложили новое укрѣпленіе въ трехстахъ саженяхъ отъ Корниловскаго бастіона (Малахова Кургана) впередъ, къ непріятельскимъ траншеямъ. Темная ночь способствовала успѣшной работѣ, такъ что непріятель, вѣроятно, не замѣтивъ этой работы, не сдѣлалъ по нашимъ рабочимъ ни одного выстрѣла. Лишь съ разсвѣтомъ, наши работы были обнаружены, и непріятель открылъ по нимъ сильнѣйшую канонаду, дѣйствуя перекрестнымъ огнемъ. Въ это время Якутскій полкъ замѣненъ уже былъ въ работѣ Камчатскимъ, и такъ какъ онъ впервые орошенъ кровью Камчатцевъ, то и названъ Камчатскимъ; нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы изъ Камчатскаго полка въ этотъ разъ много выбыло: убито 2 и ранено 15 человѣкъ. Такъ какъ люнетъ еще не былъ вооруженъ, то работы на немъ, не смотря на мѣткіе выстрѣлы съ непріятельскихъ батарей, продолжались и, благодаря общему усердію нашихъ рабочихъ, поспѣшно приведены были къ концу.

Замѣчательно, что заложеніемъ Камчатскаго люнета, Тотлебенъ предупредилъ исполненіе намѣренія Французовъ, которые, по единогласнымъ увѣреніямъ переметчиковъ, собирались со дня на день занять этотъ пунктъ и выстроить на немъ брешь - батарею противъ Малахова Кургана. Заложеніе Камчатскаго люнета доказываетъ необыкновенную распорядительность и бдительность Тотлебена тѣмъ болѣе, что и союзники торопились подвинуться со своими земляными работами къ этому же пункту, чтобы открыть бомбардировку по всей линіи атаки, и при этомъ ужасномъ огнѣ приблизить свои параллели къ самому подножію 4-го и Корниловскаго бастіоновъ, взять эти грозные бастіоны и немедленно идти на штурмъ

Севастополя. Построеніе Камчатскаго люнета разрушило всѣ эти мечты непріятеля, и потому союзники должны были отложить бомбардировку города, чтобы вести правильную атаку, посредствомъ подступовъ къ люнету и къ редутамъ Селенгинскому и Камчатскому.

28-го февраля, въ нашемъ лагерѣ стали ходить тревожные слухи о привезенныхъ будто бы изъ Петербурга вѣстяхъ, о какихъ то неожиданно печальныхъ событіяхъ въ столицѣ, и слухи эти заслуживали вѣроятія тѣмъ болѣе, что по всѣмъ частямъ арміи отдано было приказаніе: въ ночь на 1-е марта не производить работъ. Тихо и въ трепетномъ ожиданіи прошла эта длинная ночь тревожной неизвѣстности; какъ ни уставши были наши герои послѣ обычныхъ дневныхъ тревогъ и трудовъ, въ нашемъ станѣ никто почти не спалъ,—всѣ съ нетерпѣніемъ ждали наступленія утра, съ которымъ должно же наконецъ было разъясниться, въ чемъ именно дѣло.

1-го марта, въ 10-ть часовъ утра, велѣно было вывести войска, поставить ихъ, по возможности, въ скрытыхъ отъ непріятеля мѣстахъ и пригласить къ полкамъ и экипажамъ священниковъ. За чѣмъ сдѣлано было такое распоряженіе,—объ этомъ знали еще только начальствующія лица, вся же остальная армія по прежнему ждала разъясненія. Пробилъ назначенный часъ,—войска были всѣ въ сборѣ, съ открытыми знаменами, которыя предвѣщали что-то торжественное; но уныло смотрѣли наши герои, томимые тяжелымъ предчувствіемъ, и дѣйствительно, ихъ собрали теперь, чтобы сообщить имъ о великой для всего государства утратѣ—о смерти обожаемаго государя.

Казакъ привезъ манифестъ, въ которомъ объявлялось

о смерти государя императора Николая Павловича, послѣдовавшей 18-го февраля 1855 года. Солдаты, слушая печальный манифестъ, читали молитву и крестились; многіе стояли на колѣняхъ и клали земные поклоны, молясь за упокой души опочившаго на вѣки...всѣ плакали на взрыдъ!

Непріятель на этотъ разъ уважалъ и понималъ наше горе и нашу утрату, такъ что цѣлый день мало тревожилъ насъ своими выстрѣлами, и тѣмъ самымъ далъ нашей арміи время спокойно совершить заупокойныя моленія и принести присягу новому Монарху, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору Александру Николаевичу. За то же на слѣдующій день, нашимъ войскамъ, въ двухъ мѣстахъ полуострова пришлось разомъ доказать, что печаль не поколебала ихъ мужества; 2-го марта наши со славою дрались и въ Севастопольскихъ ложементахъ, и опять подъ Евпаторіею.

2-го марта, начальникъ Евпаторійскаго отряда генералъ-лейтенантъ баронъ Врангель, получилъ извѣстіе, что 8-мь эскадроновъ турецкихъ уланъ произвели нападеніе на аванпосты ввѣреннаго ему отряда; поэтому немедленно отправлены были къ мѣсту боя подкрѣпленія: начальствовавшій нашими аванпостами, подполковникъ уланскаго Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Михайловны полка Гудимъ, разсыпалъ казачьи резервы, и вслѣдъ за ними двинулъ два эскадрона уланскаго Новомиргородскаго полка съ двумя орудіями конно-легкой № 20 баттареи. По приближеніи къ непріятелю на 250 саженей, наши уланы раздались, а конная артиллерія открыла картечный огонь.

Турки были до того поражены такою неожиданностью,

что немедленно обратились въ совершенное бѣгство, которое было столь стремительно, что наши казаки и уланы не успѣвали ихъ преслѣдовать; только артиллерія, дѣйствуя ядрами и гранатами, вырывала изъ разстроенныхъ рядовъ непріятеля обильныя жертвы. На полѣ осталось непріятельскихъ тѣлъ 15, не считая множества раненыхъ; съ нашей же стороны потери почти не было, только контуженъ одинъ офицеръ.

Того же числа поздно вечеромъ въ Севастополѣ произошла большая тревога. Наши ложементы впереди Камчатскаго люнета сильно тревожили Французовъ, а потому они рѣшились овладѣть этими ложементами. Исполнить намѣреніе это было для непріятеля не трудно, такъ какъ наши ложементы представляли пункты разобщенные и взаимное ихъ подкрѣпленіе штыкомъ, было для насъ невозможно; поэтому то они и были заняты непріятелемъ безъ особаго труда. Къ счастію, суматоху у ложементовъ въ пору замѣтилъ командиръ 1-го Камчатскаго баталіона, маіоръ Китаевъ, и прибѣжавъ на мѣсто стычки, также скоро выбилъ изъ ложементовъ Французовъ, какъ скоро они выбили нашихъ. Утвердясь въ своихъ ложементахъ, Камчатцы принялись было исправлять произведенныя въ нихъ непріятелемъ поврежденія, но въ свою очередь также были выбиты Французами, и тогда то завязалась самая ожесточенная битва. Маіоръ Китаевъ, отошедшій было съ резервомъ, для охраненія его отъ сильнѣйшаго батальнаго огня, открытаго Французами по его колоннѣ, повернулъ ее, вновь ударилъ на ложементы и вторично выбилъ непріятеля. Едва маіоръ Китаевъ утвердился, какъ Французы въ третій разъ выбили нашихъ, но Китаевъ еще разъ ихъ выгналъ, и на этотъ

разъ съ такимъ урономъ для непріятеля, что тотъ не рѣшился уже повторять свои нападенія, хотя и видѣлъ, что Китаевъ снова отвелъ своихъ солдатъ до черты нашей ночной цѣпи, оставивъ ложементы незанятыми до утра. Ночью отважный юнкеръ Олендзскій, съ нѣсколькими охотниками, обошелъ дозоромъ всѣ наши ложементы и принесъ изъ нихъ трехъ нашихъ раненыхъ солдатъ и четырехъ Французовъ. Кромѣ того, утромъ въ ложементахъ найдено много Французскихъ ружей, пороху и аммуниціи.

При второй нашей атакѣ, съ цѣлью возвратить ложементы, внезапно былъ окруженъ нашими солдатами Французскій офицеръ; онъ упалъ и притворился мертвымъ, а наши солдаты не замѣтивъ его хитрой уловки, не тронули его и пробѣжали дальше. Когда, выбивъ Французовъ, Камчатцы стали отходить, шедшій сзади всѣхъ цирульникъ Трухницкій, лихая, отважная голова, съ ружьемъ въ рукѣ, не отстававшій въ бою отъ храбраго командира 1-ой роты поручика Ковалевскаго, видя лежащаго человѣка, наклонился посмотрѣть, не живъ ли онъ, чтобы, если еще возможно, подать ему нужную помощь; но этотъ, мнимый убитый, вскочилъ и занесъ уже саблю, съ намѣреніемъ разбить черепъ Трухницкому, къ счастію, Трухницкій подставилъ свое ружье удару такъ ловко, что остался невредимъ и затѣмъ схватясь за саблю непріятеля, сцѣпился съ нимъ, призывая товарищей на помощь. Все это было дѣломъ минуты. Француза немедленно обезоружили и притащили на Камчатскій люнетъ. И какъ же онъ, бѣдняга, былъ пораженъ и огорченъ своимъ плѣненіемъ! Онъ сначала даже плакалъ, но потомъ, когда наши его успокоили, разговорился и все хвасталъ, что на дняхъ Севастополь будетъ взятъ непре-

мѣнно. Ладно, братъ, думали про себя наши храбрецы,— пока возьмутъ нашъ Севастополь, много вашихъ мы еще уложимъ или также, какъ тебя, притащимъ на наши редутики!

Ложементы наши постоянно сильно вредили непріятелю, и потому онъ все еще не оставлялъ своего дерзкаго намѣренія занять ихъ. Едва забрезжился день 3-го марта, какъ Французы снова возобновили свои нападенія, но они встрѣтили опять вчерашняго противника, маіора Китаева, съ 3-ею егерскою ротою, который, ударивъ въ штыки, опрокинулъ непріятеля и взялъ у него въ плѣнъ двухъ офицеровъ. Когда Французы еще разъ бросились на наши ложементы, то на помощь Китаеву подоспѣло небольшое подкрѣпленіе отъ 2-й егерской роты, съ юнкеромъ Филиповымъ, и Французы прогнаны были окончательно, съ большимъ урономъ. Съ нашей стороны потеря также была значительна: маіоръ Китаевъ раненъ штуцерною пулею въ лѣвую лопатку, 7 нижнихъ чиновъ убито и 59 ранено.

Вечеромъ того же дня борьба за ложементы возобновилась и имѣла прежній исходъ,—Французы съ большимъ урономъ были опрокинуты и прогнаны, при чемъ и у насъ убито и ранено болѣе ста человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ штабъ-офицеръ и два оберъ-офицера. Въ ту же ночь, маіоръ Рудаковскій ворвался во Французскую траншею, нанесъ непріятелю большую потерю и достигъ бы еще болѣе значительныхъ результатовъ, если бы на помощь Французамъ не подоспѣли значительные отряды дивизій генерала Пате. Рудаковскій со славою возвратился къ 6-у бастіону, потерявъ 13-ть человѣкъ убитыми и 97 ранеными.

Вообще начало марта 1855 года ознаменовалось весьма частыми, и, по большей части, удачными для насъ, стычками съ непріятелемъ. Особенно замѣчательно было по упорству боя, при огромномъ неравенствѣ силъ, дѣло въ ночь съ 5-го на 6-е марта. 5-го марта, вскорѣ по наступленіи сумерекъ, открытъ былъ изъ непріятельскихъ траншей сильный огонь по нашимъ ложементамъ, впереди возведеннаго нами, предъ Корниловскимъ бастіономъ Камчатскаго, редута. Вскорѣ непріятель, прекративъ ружейный огонь, открылъ канонаду по редуту со всѣхъ своихъ ближайшихъ батарей. Въ то же время три колонны зуавовъ, предшествуемые застрѣльщиками, бросились въ промежутки между нашими передовыми ложементами, намѣреваясь овладѣть редутомъ.

Занимавшій этотъ редутъ, полковникъ Свищевскій вывелъ изъ укрѣпленія три роты Волынскаго пѣхотнаго полка, стремительно атаковалъ непріятеля, и штыками отбросилъ его къ ложементамъ, занятымъ стрѣлками Якутскаго полка, которые, пользуясь разстройствомъ непріятельскихъ колоннъ, ударили на нихъ съ тыла. Зуавы, поставленные между двумя рядами штыковъ, искали спасенія въ бѣгствѣ. Непріятель, подкрѣпивъ отброшенныя колонны, снова открылъ сильнѣйшій артиллерійскій огонь. Вслѣдъ затѣмъ, зуавы бросились вторично на ложементы, но встрѣченные предварительно выведенными изъ редута полковникомъ Бялымъ: баталіономъ Якутскаго пѣхотнаго и двумя ротами Томскаго егерскаго полка, были снова опрокинуты въ свои окопы. Преслѣдуя по пятамъ отбитаго непріятеля, удальцы наши ворвались въ его траншеи, гдѣ завязался кровопролитный рукопашный бой, въ которомъ Французы понесли снова значительный уронъ.

Послѣ того полковникъ Бялый отвелъ свои баталіоны и построилъ ихъ впереди ложементовъ. Непріятель прекратилъ перестрѣлку по всей линіи своихъ траншей и не возобновлялъ ее въ теченіе цѣлой ночи. Союзники, какъ оказалось, имѣли намѣреніе, во что бы то ни стало, овладѣть Камчатскимъ редутомъ, и потому производили нападеніе большими силами. По показаніямъ плѣнныхъ и перебѣжчиковъ, видно, что съ нами, между прочимъ, дрались: 3-й полкъ зуавовъ, 85-й линейный полкъ и 4-й стрѣлковый баталіонъ, всего же непріятельскихъ войскъ участвовало въ дѣлѣ до двѣнадцати тысячъ. Потеря непріятеля, судя по упорству боя, вообще должна была быть значительна, тѣмъ болѣе, что близъ одного редута оставлено имъ до пятидесяти тѣлъ! Кромѣ того мы взяли въ плѣнъ одного оберъ-офицера и девять нижнихъ чиновъ. Съ нашей стороны потерю можно считать незначительной, — она состояла изъ 15 убитыхъ и 88 раненыхъ.

7-го марта, намъ суждено было совершенно неожиданно понести прискорбную потерю: наша армія лишилась славнаго, доблестнаго контръ-адмирала Истомина, неусыпной дѣятельности котораго Малаховъ курганъ обязанъ своимъ устройствомъ и быстрымъ, столь страшнымъ для врага вооруженіемъ. На этомъ грозномъ укрѣпленіи, безъ личнаго надзора Истомина не брошено ни одной лопаты земли, а между тѣмъ, какія громадныя произведены тамъ работы! Можно положительно сказать, что Истоминъ создалъ изъ Малахова кургана отдѣльную крѣпость. И съ какимъ рвеніемъ, съ какимъ геройскимъ самоотверженіемъ онъ относился къ своему трудному дѣлу! Говорятъ, что Истоминъ не раздѣвался съ самаго начала осады, а если и ложился спать на нѣсколько часовъ, то единственно удов-

летворяя крайней потребности человѣческой природы. Въ послѣднее время его неутомимая бодрость и отвага возбуждали общее удивленіе, на которое Истоминъ отвѣчалъ обыкновенно слѣдующими замѣчательными словами: «удивляюсь, право, вашему удивленію! Я и такъ неза-«конно живу на свѣтѣ: мнѣ бы слѣдовало погибнуть еще «въ первую бомбардировку; слѣдовательно, я смѣло могу «играть тѣмъ, чѣмъ пользуюсь и безъ того долѣе срока».

Истоминъ убитъ при возвращеніи съ Камчатскаго люнета. По одну сторону его, шелъ капитанъ-лейтенантъ Сенявинъ, назначенный командиромъ укрѣпленія, по другую инженеръ Черкавскій. Истоминъ пошелъ не по траншеѣ, а по ея гребню. «Ваше Превосходительство,» сказалъ ему Сенявинъ, «сойдите въ траншею, тутъ очень опасно идти!»—Э, батюшка, отвѣчалъ Истоминъ,—отъ ядра, все равно, не спрячешься! И въ это мгновеніе ядро оторвало адмиралу голову, контузивъ Сенявина въ руку и Черкавскаго въ голову. Черкавскій, впрочемъ, контуженъ не ядромъ, а костями черепа адмирала. Ленточка Георгіевскаго креста осталась на тѣлѣ Истомина, крестъ разлетѣлся....

На слѣдующій день происходили похороны Истомина, баронъ Остенъ-Сакенъ и Нахимовъ несли его гробъ въ головахъ; другіе генералы и штабъ-офицеры несли съ ними, но на пути до могилы, перемѣнялись, одинъ только не уступалъ своего почетнаго мѣста другимъ — Нахимовъ. Съ спокойнымъ, но нѣсколько мрачнымъ выраженіемъ лица, онъ двигался мѣрнымъ шагомъ съ завѣтной ношей, отдавая послѣдній долгъ собрату, товарищу и другу, съ которымъ сроднился и въ морскихъ буряхъ, и подъ непріятельскимъ огнемъ!

Когда гробъ съ тѣломъ Истомина былъ поставленъ въ склепѣ, то Нахимовъ заглянулъ туда и сказалъ: «еще есть мѣсто для одного, хотя поперегъ склепа». Чувствовалъ, зналъ герой, что скоро и для него прійдетъ чередъ успокоиться въ этомъ склепѣ на вѣки....

VII.

Окончаніе вооруженія Камчатскаго люнета. — Вылазка въ ночь съ 10 го на 11-е марта, противъ Французовъ. — Вылазка того же числа, ночью, капитана Будищева и лейтенанта Берюлева. — Участіе Іеромонаха Савинова въ вылазкѣ. — Сигнальщикъ на баттареѣ. — Безстрашіе и самоотверженіе солдатъ при гашеніи бомбъ и гранатъ. — Перемиріе 12-го марта. — Празднованіе свѣтлаго Христова Воскресенія. — Второе общее бомбардированіе — Замѣчательные случаи присутствія духа раненыхъ. — Замѣчательная стойкость и отвага.

Послѣ удачныхъ нашихъ вылазокъ и отраженія непріятеля съ 3-го по 7-е марта, работы были усилены по Камчатскому люнету, и онъ былъ окончательно вооруженъ къ 9-му числу. 10-го марта можно было ожидать, что непріятель, напуганный огнемъ нашей артиллеріи и штуцерныхъ изъ люнета, докончитъ ночью свои траншеи и подвинется еще ближе. Поэтому было предложено затруднить движеніе непріятеля впередъ сапою, и назначено было произвести въ ночь, съ 10-го на 11-е марта, сильную вылазку противъ французскихъ траншей. Для этой цѣли отряжено было 11-ть баталіоновъ, (*) 44-й флотскій экипажъ и команды отъ 35-го экипажа, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Хрулева. Одновременно съ этимъ нападеніемъ, для отвлеченія непріятеля, должно было про-

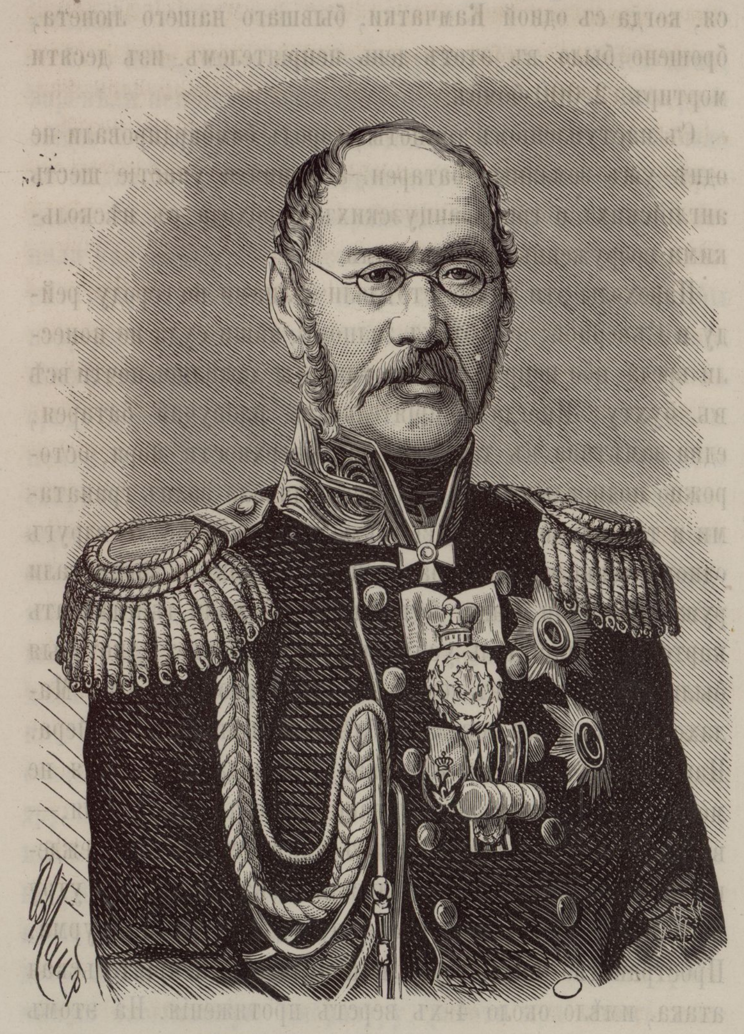
(*) Въ томъ числѣ находились 4 баталіона Камчатскаго и два баталіона Углицкаго Егерскихъ полковъ; 3 баталіона Днѣпровскаго и 2 Волынскаго пѣхотныхъ полковъ.

извести двѣ вылазки, лѣвѣе и правѣе Камчатскаго люнета. Первая вылазка поручена была капитану Будищеву, съ отрядомъ греческихъ волонтеровъ и моряками, а другая вылазка вышла подъ командою лейтенанта Берюлева съ охотниками отъ Охотскаго полка, резервнаго баталiона Волынскаго и отъ двухъ морскихъ экипажей. Эти двѣ вылазки направлялись на англiйскiя траншеи.

У генерала Хрулева, правымъ флангомъ пѣхоты командовалъ полковникъ Голевъ, а лѣвымъ флангомъ отряда командовалъ подполковникъ Радомскiй. Баталiоны, построенные въ ротныя колонны, смѣло двинулись впередъ. Вѣтеръ, бушевавшiй въ эту темную, страшную ночь, казалось, заглушалъ движенiе нашихъ войскъ. Но при всемъ томъ непрiятель своевременно замѣтилъ наше намѣренiе и сталъ тоже готовиться. Изъ ложементовъ Французы тотчасъ же отступили; по слѣдамъ ихъ, пошли наши, а впереди нашихъ поручикъ Ковалевскiй съ 1-ю егерскою ротою. Онъ успѣлъ подбѣжать къ траншеѣ, когда она еще молчала; но вдругъ крикнулъ рѣзкiй голосъ Француза, и ружейный залпъ цѣлаго баталiона зуавовъ встрѣтилъ нашу колонну почти въ упоръ.

Многiе изъ солдатъ Ковалевскаго тотчасъ были выбиты изъ строя, но онъ, контуженный самъ въ ногу, не остановился и первый, съ саблею въ рукѣ, вскочилъ въ траншею на непрiятеля.

Пошла ужасная рѣзня. Выстрѣлы почти замолкли; наши били Французовъ штыками, прикладами; потомъ стали заваливать ихъ въ траншеѣ камнями, турами, такъ что Французамъ, жутко пришлось. Они вскорѣ были выбиты изъ этой траншеи, бой перешелъ въ слѣдующую, а въ это время рабочая команда Камчатцевъ и моряковъ

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ, КНЯЗЬ

Михаилъ Дмитріевичъ

ГОРЧАКОВЪ 2-й.

успѣла срыть до основанія отнятую траншею. Тутъ подоспѣли къ непріятелю свѣжія силы, это заставило полковника Голева ввести въ дѣло четвертый баталіонъ Камчатскаго полка. Въ то же время 11-я и 12-я егерскія роты Камчатцевъ, на правомъ флангѣ боя прогнали непріятеля, бросились на шести-орудійную англійскую баттарею, овладѣли ею, перебили прислугу, опрокинули орудія и стали поражать Французовъ штуцернымъ огнемъ во флангъ и въ тылъ.

Бой зашелъ слишкомъ далеко, кровавая борьба была ожесточенная и число французскихъ войскъ ежеминутно прибывало, тогда генералъ Хрулевъ счелъ за лучшее отступить, но разгорячившіеся солдаты не слушали сигналовъ и не отходили, и продолжали перестрѣлку. Чтобъ прекратить бой генералъ Хрулевъ разослалъ всѣхъ своихъ ординарцевъ и адъютантовъ съ повтореніемъ приказанія объ отступленіи и послалъ даже іеромонаха Савинова вызвать людей изъ траншей. Нужно замѣтить, что отецъ Іоаникій Савиновъ во все время боя, съ крестомъ въ рукахъ, предшествовалъ нашимъ колоннамъ, воодушевлялъ войска и утѣшалъ раненыхъ. Его контузило ядромъ, и въ рукахъ снесло часть креста. Прошло болѣе часа, когда солдаты начали очищать траншею за траншеею; они, наконецъ, отступили, уводя въ плѣнъ 60-ть французскихъ солдатъ и 2-хъ офицеровъ, захвативъ множество непріятельскаго оружія и подобравъ всѣхъ своихъ раненыхъ товарищей.

Тѣмъ временемъ, Будищевъ и Берюлевъ пошли тоже на вылазку. Это было въ два часа по полуночи. Волонтеры Будищева ворвались въ непріятельскую траншею; Греки дрались, какъ львы, наводя ужасъ въ рядахъ не-

пріятельскихъ, они перекололи Англичанъ, которые находились въ траншейномъ караулѣ, заклепали двѣ мортиры, раззорили ложементы, и взяли въ плѣнъ командира и шесть рядовыхъ. Въ этомъ дѣлѣ тяжело былъ раненъ нашъ храбрый капитанъ Будищевъ. Берюлевъ со своими охотниками также ворвался въ Англійскія траншеи, нанесъ непріятелю большой уронъ, заклепали мортиру, раззорили строившуюся баттарею и увели въ плѣнъ шесть рядовыхъ и инженеръ-капитана англійской службы. Въ эту отважную вылазку болѣе тысячи человѣкъ выбыло изъ строя нашего храбраго Севастопольскаго гарнизона. А именно: убито 8 штабъ и оберъ-офицеровъ и 379 нижнихъ чиновъ; ранено 21 штабъ и оберъ-офицеровъ и 992 нижнихъ чиновъ. Потеря союзниковъ должна была быть гораздо значительнѣе нашей, потому что разбитыя французскія войска подвергались, при отступленіи, перекрестному огню нашихъ ближайшихъ баттарей.

Эта рѣшительная атака встревожила весь непріятельскій лагерь, и въ тоже время непріятель открылъ усиленную бомбардировку. Въ теченіи ночи непріятелемъ брошено до 2-хъ тысячъ бомбъ, которыя, къ счастію, не причинили большого вреда. Войско гарнизона оставалось подъ блиндажами.

Блиндажъ—это землянка, у которой потолокъ изъ толстыхъ брусьевъ, въ два ряда, одинъ вдоль, другой поперегъ, сверху еще фашинникъ и слой земли, а изнутри, для того, чтобъ потолокъ не обрушился, поставленъ рядъ подпоръ изъ самыхъ толстыхъ брусьевъ. Въ такой землянкѣ не опасно. Для предостереженія тѣхъ, кто на работѣ у орудій и заняты ноской снарядовъ, служитъ сигнальщикъ. Сигнальщикъ это молодецъ изъ молодцевъ: солдатъ

или матросъ, храбрый, тверды, не ротозѣй; изъ виду его не ускользнетъ ни одинъ выстрѣлъ. Сигнальщикъ стоитъ на банкетѣ и смотритъ, какой снарядъ пущенъ.

«*Пушка-а-а!*» кричитъ протяжно сигнальщикъ, значитъ летитъ ядро, и кому досугъ, тотъ прыгнетъ за сосѣдній траверзъ.

«*Мартела!*»... знай—пущена бомба, но она летитъ медленно, сигнальщикъ еще разъ повѣститъ о ней, солдатики знаютъ это и не трогаются съ мѣста. Днемъ по звуку, ночью по полету опредѣляетъ сигнальщикъ, куда направленъ ея полетъ; если на баттарею, кричитъ «бомба!» тогда люди ложатся, сторонясь отъ осколковъ. Часто, очень часто сигнальщикъ не доканчиваетъ слово «пушка!»—ядро вѣдь быстро летитъ.

Разъ, ночью, непріятель посылалъ выстрѣлъ за выстрѣломъ по Камчатскому люнету, онъ палилъ то съ фронта, то съ фланга, изъ за Киленъ-балки. Сигнальщикъ безсмѣнно стоялъ цѣлую ночь. Вдругъ взгрустнулось русской душѣ; онъ, опершися на брустверъ, затянулъ въ полголоса и тянулъ до разсвѣта родную пѣсню: «*Не бѣлы снѣги*»..., пѣлъ сигнальщикъ, сильно протягивая всякій слогъ, «*не бѣлы снѣги-то во полѣ...пушка-а-а! забѣлѣлися... Мартела!...бомба!...забѣлѣлися; эхъ, не бѣлы... мартела!... мимо!*»... И такъ цѣлую ночь. Къ разсвѣту, непріятель участилъ огонь, такъ что сигнальщикъ долженъ былъ безпрестанно кричать: «*бомба! пушка! берегись, граната!*» и пѣсня пресѣклась сама собой.

—Не части, Михѣичъ! кричали ему товарищи.

—Съ ноги собьешься!—смѣясь подхватывалъ другой.

Вообще отвага солдатъ дошла до удивленія. Не страшны имъ стали ни бомба, ни граната. «Отъ руки Божіей

не уйдешь!» говорили солдаты, и человѣкъ пять, шесть неслись смѣло взапуски, чтобъ вырвать трубку изъ упавшей бомбы, или катящейся гранаты.

На Камчатскомъ люнетѣ бомба ударила въ траверзъ, въ то время шелъ мимо, съ мѣшкомъ земли, рядовой Селенгинскаго пѣхотнаго полка Петръ Петровъ, онъ вскочилъ на траверзъ, высыпалъ землю на зарывшуюся бомбу и, безъ всякаго страха, притопталъ землю ногою... По необыкновенной милости Господней, отвага удалась Петрову,—бомба задохлась!

Въ темныя ночи, Французы бросали противъ Селенгинскаго редута брандскугели. Когда брандскугель падаетъ, то онъ своимъ пламенемъ ярко освѣщаетъ сосѣднія мѣста, и эти освѣщенныя мѣста непріятель осыпалъ градомъ пуль! Разъ ночью летитъ такой фонарь, упалъ и покатился вдоль нашихъ работъ, вблизи редута; Французы пошли *строчить!* Охъ, перебьютъ многихъ! Но бросился удалой рядовой Селенгинскаго пѣхотнаго полка, Макаръ Сидоренко, догналъ брандскугель и затушилъ мѣшкомъ земли!

Еще въ началѣ бомбардировки Севастополя одна бомба упала близъ толпы солдатъ флотскаго экипажа. Солдаты шарахнулись: кто догадался, тотъ припалъ къ землѣ, а нѣкоторые неподвижно ждали смерти.... мгновеніе было ужасно, бомбовая трубка догорала.... Матросъ Трофимъ Александровъ отважно бросается къ бомбѣ. «Берегись, берегись!» кричатъ ему товарищи: «курится, курится!» (*) Но Александровъ зналъ, что дѣлалъ; схватилъ

(*) То есть, дымится.

грязи и залѣпилъ горѣвшую трубку. Она погасла... матросъ перекрестился и, толкнувъ ногою бомбу, крикнулъ товарищамъ: «*Эхъ вы,—солдатами зоветесь, а курицы боитесь!*»

12-го марта, въ 12-ть часовъ, развернутые бѣлые флаги возвѣстили о перемиріи для уборки тѣлъ. Съ обѣихъ сторонъ солдаты вышли впередъ до выставленной цѣпи на линію непріятеля. Нѣсколько часовъ были они друзьями, но кончилось перемиріе, и опять закипѣла вражда и возобновились военныя дѣйствія.

Въ страстной четвертокъ, 24 марта, непріятель, какъ и въ прошломъ году подъ Одессой, не почтилъ дня страданія Господня. Тогда онъ говорилъ въ свое оправданіе, что страстная недѣля у нихъ уже миновала. Но теперь она совпала съ нашей, а между тѣмъ канонада еще съ утра была сильнѣе обыкновенной.

Вечеромъ, густой толпой шелъ народъ къ Владимірской церкви, чтобъ молиться и слушать двѣнадцать евангелій, въ которыхъ повѣтствуется о страданіяхъ Христа Спасителя. Ночь была темная и теплая. Свѣтъ отъ тысячи зажженныхъ свѣчей производилъ зарево на туманномъ небѣ. Непріятель воспользовался этимъ и направилъ свои выстрѣлы въ сторону освѣщенныхъ мѣстъ. Заревѣла канонада, а передъ 3-мъ бастіономъ открытъ былъ батальный огонь. Это Англичане напали на наши ложементы, но даже и послѣ повторенной атаки, они не могли ихъ взять. Послѣ того еще въ большемъ количествѣ направлены были бомбы въ сторону молившагося народа; но вниманіе молившихся было занято воспоминаніемъ о страданіяхъ Спасителя, и въ эти минуты каждый преисполнялся вѣры и

мужества, дабы всѣми своими силами защищать наше правое дѣло.

27-е марта, первый день свѣтлаго Христова Воскресенія, наши войска торжественно встрѣтили у заутрени. Непріятельская артиллерія молчала, кровопролитіе прекратилось, и можно было вполнѣ предаться празднику. Дѣйствительно, первый день праздника прошелъ для Севастопольцевъ довольно спокойно, пальбы почти не было слышно; всюду на лицахъ была радость, всѣ братски христосовались, вездѣ были пасхи, куличи, красныя яйца. Русское радушіе и щедрость высказались при разговѣніи. По русскому обычаю не обошли и плѣнныхъ; имъ нанесено было всего вдоволь, вышло полное угощеніе и вообще оказано было большое вниманіе. Не смотря на видимое спокойствіе въ непріятельскомъ лагерѣ, плѣнные передавали, что союзники готовятъ намъ страшный праздникъ: они хотятъ открыть общее бомбардированіе, а потомъ пойдутъ на штурмъ. Ожидали, что открытіе общаго огня будетъ на четвертый день праздника.

Ночью, ближе къ разсвѣту, на 28-е марта заревѣла буря, дождь хлесталъ при сильномъ завываніи вѣтра. Едва занялась заря, часовъ въ 5 утра, грянули раскаты грома, это были залпы со всѣхъ непріятельскихъ баттарей разомъ. Ядра прыгали по улицамъ, бомбы лопались; окна трещали; стекло въ домахъ разлеталось въ дребезги; штукатурка стѣнъ падала. При такомъ разрушеніи были пробуждены Севастопольцы; каждому приходило на мысль, что насталъ послѣдній его часъ. Наши орудія отвѣтили врагамъ и по всей оборонительной линіи началась неумолкаемая канонада. Ружейной пальбы не было слышно, только изрѣдка раздавался свистъ штуцерныхъ пуль.

Флотъ непріятельскій хотя и держался на всѣхъ парахъ, но, вѣроятно, сильный вѣтеръ мѣшалъ ему принимать участіе въ бомбардировкѣ. Къ ночи канонада стала значительно слабѣть. Особенно съ нашей стороны уменьшенъ былъ огонь,—мы *чинились*, какъ говорятъ солдаты. Непріятель, выпустивъ въ одинъ день до 30,000 снарядовъ, расчитывалъ срыть наши укрѣпленія; цѣль непріятельскихъ выстрѣловъ преимущественно была направлена на Малаховъ курганъ и Камчатскій люнетъ. Съ нашей стороны отвѣчали непріятелю не количествомъ, но мѣткостью нашихъ выстрѣловъ. Слѣдующее утро показало, что укрѣпленія наши также невредимы, какъ и прежде, и что мы съ той же силой можемъ противостать непріятелю. На пятый день праздника бомбардированіе усилилось. Наши поврежденія исправлялись постоянно ночью. Иногда непріятель показывался изъ траншей противъ Малахова кургана съ крикомъ «ура», но не рѣшался наступать.

6-го апрѣля бомбардированіе было прекращено. Хотя это восьми-дневное бомбардированіе и причинило намъ много вреда, но севастопольцы своимъ неустрашимымъ мужествомъ доказали всю безполезность непріятельскихъ усилій. Даже на восьмой день бомбардированія, у насъ дѣйствовало тоже количество орудій, что и въ первый.

Бодрость духа не оставляла севастопольцевъ и въ минуты близкой, почти вѣрной смерти и они среди всѣхъ опасностей всегда готовы были, при случаѣ и на шутку; такъ одинъ расчетливый солдатикъ изъ малороссовъ сберегъ водку отъ дневной порціи, вылилъ ее въ склянку и расчитывалъ выпить передъ ужиномъ. На ночь солдатику пришелъ чередъ идти на Камчатскій люнетъ, въ цѣпь;

пришелъ солдатикъ и расположился поужинать уже въ цѣпи: вотъ досталъ онъ сухари, головку луку, соль въ бумажкѣ, вытащилъ изъ кармана водку, поднесъ ко рту и только бы выпить... а тутъ откуда ни случись пуля и пузырекъ съ водкой, у самаго рта разлетѣлся въ дребезги. Разсердился солдатъ, покачалъ головой и говоритъ: «Чортъ возьми, по усамъ текло, а въ ротъ не попало!»

«Ребятушки, трубочку мою унесло съ ногою,—дайте затянуться передъ смертью!» такъ говорилъ солдатъ Селенгинскаго полка, когда ему оторвало ногу.

Товарищъ Архиповъ поднесъ ему трубку. Страдалецъ покурилъ и говоритъ: «Э, Архиповъ, гдѣ ты разжился такимъ табачкомъ?»

— Въ губерніи купилъ.

— «Славный табачина. Давно я не курилъ такого. Ну, теперь прощайте, братцы, не поминайте лихомъ!».— Послѣ того онъ перекрестился, кончилъ свою рѣчь и, царство ему небесное, мирно Богу душу отдалъ.

Замѣчательное присутствіе духа оказалъ и Василій Дмухарь, штуцерникъ, Селингинскаго полка. 9-го апрѣля, Дмухарь, сидѣлъ поглядывая на склонъ горы къ бухтѣ и увидѣлъ, что между каменьевъ пробирается нашъ солдатикъ. «Что ему тамъ нужно? дай, узнаю!» подумалъ Дмухарь и, ползкомъ добравшись къ дорогѣ, залегъ въ засадѣ. Когда подошелъ солдатикъ, Дмухарь къ нему, а тотъ бѣжать. Французы стали стрѣлять по обоимъ, но когда Дмухарь сталъ догонять бѣглеца, то вдругъ на него бросился зуавъ изъ французской траншеи. Дмухарь выстрѣлилъ и зуавъ остался на мѣстѣ, а бѣглецъ все таки былъ пойманъ и приведенъ на бастіонъ. На допросѣ оказалось, что дезертиръ былъ изъ татаръ.

VIII.

Заложеніе двухъ новыхъ траншей.—Углицкій полкъ въ ночной схваткѣ 19-го апрѣля.—Двѣ атаки противъ Англичанъ.—Русскіе стрѣлки.—Отвага стрѣлка.—Усовершенствованіе ружейныхъ пуль.—Дѣло Сакскаго авангарда 15-го мая.—Удаль и молодечество драгунъ и казаковъ.—Дѣйствія непріятельской эскадры въ Азовскомъ морѣ.—Непріятель въ Керчи, Бердянскѣ и Геническѣ.—Неудачная попытка непріятеля подъ Таганрогомъ.

Хотя ружейная пальба изъ нашихъ ложементовъ и огонь крѣпостной артиллеріи сильно препятствовали непріятелю вести впередъ его подступы, но чтобъ еще больше воспрепятствовать Французамъ, заложены были и устроены, впереди бастіона № 5-го, двѣ сильныя траншеи, съ особымъ сообщеніемъ. Для этого назначены были особыя команды, а къ самымъ работамъ приступили въ ночь съ 12-го на 13-е апрѣля. Въ прикрытіе назначены были три баталіона Екатеринбургскаго пѣхотнаго и два баталіона Алексопольскаго егерскаго полковъ, подъ общимъ начальствомъ командира 1-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи, храбраго генералъ-маіора Хрущева.

12-го апрѣля, часовъ въ 8 вечера, въ то время какъ, стали разставлять цѣпь и прикрытіе, раздалось нѣсколько ружейныхъ залповъ и непріятель повелъ сильную атаку. Наши передовыя войска были оттѣснены, и непріятельскія войска бросились разрушать ложементы.

Генералъ-маіоръ Хрущевъ приказалъ двинуться двумъ баталіонамъ Екатеринбургскаго пѣхотнаго полка. Раздался барабанный бой, и Екатеринобуржцы, съ крикомъ «ура», стремительно ударили въ штыки, и выгнали Французовъ. Къ 9-ти часамъ, непріятель вторично пытался атаковать, но и на этотъ разъ его встрѣтили сильнымъ

огнемъ и заставили уйти въ свои траншеи; полуразрушенные ложементы остались въ нашихъ рукахъ и къ утру ихъ исправили. Дальнѣйшія работы по устройству траншей шли довольно быстро и успѣшно, хотя не разъ приходилось отбивать непріятеля штыками.

На слѣдующій день, 18-го апрѣля, и въ ночь съ 18-го на 19-е произведено было нашими минерами нѣсколько удачныхъ подземныхъ взрывовъ.

Въ ночь съ 23-го на 24-е апрѣля, прапорщикъ Говинскій съ небольшою командою посланъ былъ въ лабораторную балку, чтобъ напасть на Англичанъ, когда они станутъ разводить ночную цѣпь. Въ резервъ прапорщику Говинскому назначенъ былъ отрядецъ въ 25 человѣкъ съ подпоручикомъ Каминскимъ; едва показался прапорщикъ со своимъ отрядомъ, какъ его тотчасъ же замѣтили Англичане. Терять время было опасно, наши ударили въ штыки,—Англичане были смяты и опрокинуты, а капитанъ ихъ былъ взятъ въ плѣнъ. Говинскій, за этотъ подвигъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ.

Въ концѣ апрѣля настали дожди и темныя ночи, и непріятель часто производилъ ложную тревогу. Не выходя изъ траншей, не высовывая даже головы, непріятель часто билъ наступленіе и кричалъ «ура,» будто вотъ цѣлыя тысячи бросаются на штурмъ; а то, вдругъ, открывалъ батальный огонь изъ траншей. Секреты наши при такой пальбѣ отступали, а цѣпь, ничего не видя за темнотой ночи, начинала стрѣлять; ее поддерживали баттареи, и начиналась уже сильная пальба, пока отъ свѣтящихся ядеръ мѣстность достаточно освѣщалась, и можно было разглядѣть, что тревога фальшивая.

Дабы отучить непріятеля отъ дальнѣйшихъ фальшивыхъ тревогъ, предположено было произвести сильную вылазку. Въ ночь съ 29-го на 30-е апрѣля двинулись охотники, преимущественно изъ Охотскаго полка, на «Зеленую гору». Въ этой вылазкѣ приняли участіе: пять офицеровъ, десять унтеръ-офицеровъ и сто шестьдесятъ пять рядовыхъ. Ночь выдалась темная, бушевалъ вѣтеръ и ливмя лилъ дождь. Прапорщикъ Говинскій долженъ былъ обойти непріятельскій секретъ и броситься на него съ тылу, а подпоручикъ Рытовъ съ сорока человѣками держался правѣе и ждалъ сигнала къ общему нападенію; но Говинскій заблудился, и вмѣсто секрета попалъ на всю непріятельскую цѣпь. Дѣлать было нечего, сдѣлали залпъ и съ крикомъ «ура» бросились на Англичанъ въ штыки!... Англичане не устояли и пустились бѣжать, наши преслѣдовали ихъ. Въ это же время Рытовъ былъ уже подъ амбразурами непріятельской англійской баттареи, гдѣ часовые въ капишонахъ предавались сладкой дремотѣ, подъ унылое завываніе вѣтра съ дождемъ. Когда Рытовъ услышалъ крикъ «ура», то былъ уже на баттареѣ и сдѣлался полнымъ ея хозяиномъ. Часовые, артиллерійская прислуга, спавшая подъ орудіями, офицеры, вылѣзавшіе изъ блиндажей съ револьверами въ рукахъ, всѣ были переколоты. Потомъ весь отрядъ бросился въ траншеи и сталъ безпощадно колоть Англичанъ. Сами солдатики разсказывали про Англичанъ, что съ ними гораздо легче справиться, чѣмъ съ Французами «*по грязи онъ уйти не можетъ; да и этотъ не то, что Французъ прыткій: у этого башмаки станутъ сваливаться, онъ запутается, присядетъ, ружье тебѣ*

свое въ руки суетъ, бормочетъ что-то, да дрожитъ, какъ листъ!»

Всѣ восемь орудій на баттареѣ были заклепаны, а нѣкоторыя свалены даже на бокъ. Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ показывались англійскіе резервы, поэтому наши заиграли отступленіе. Но солдатики говорили: «ишь лазаря поетъ! Надуешь, надуешь, держи карманъ шире!... Слышь, отступленіе играетъ! не могъ отъ насъ отбиться, такъ на штуку поднялся!» Дѣйствительно, не разъ было замѣчено, что непріятель, въ трудную для себя минуту борьбы, вдругъ заиграетъ нашъ сигналъ: «отступленіе».

«Ай, да Охотцы!» говорили имъ товарищи на другой день. И было чему удивляться: Англичане послѣ того долго еще не смѣли и носа показать въ свою баттарею.

Ночью съ 9-го на 10-е мая, была заложена впереди бастіона № 5, контръ-апрошная линія. Почва случилась каменистая, работы шли медленно, но непріятель не замѣчалъ этой работы, потому и не препятствовалъ ей. Къ разсвѣту, когда на мѣстѣ работъ оставался лишь только траншейный караулъ, непріятель открылъ жаркій огонь, продолжавшійся весь день. Чтобъ привести въ окончательный видъ начатую траншею, къ ночи опять были отряжены рабочія команды, подъ прикрытіемъ 11-ти баталіоновъ, (*) общее начальство было ввѣрено генералъ-лейтенанту Хрулеву.

Къ 9-ти часамъ вечера, непріятель, дождавшись начала работъ въ траншеяхъ, повелъ въ атаку сначала одинъ

(*) Въ томъ числѣ находились генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго и Подольскій полки и два баталіона Житомірскаго егерскаго полка.

баталіонъ, а по мѣрѣ того какъ бой становился упорнѣе, число непріятельскаго войска увеличивалось такъ, что въ дѣлѣ находилось до 12-ти тысячъ войска (при этомъ было 2 баталіона гвардіи, неучаствовавшіе еще въ войнѣ), кромѣ резерва. Борьба велась съ перемѣннымъ счастіемъ.

Нападавшихъ Французовъ нѣсколько разъ отбивали штыками, но окончательно побѣду рѣшили посланные въ дѣло баталіоны Минскаго пѣхотнаго и Углицкаго егерскаго полковъ. Ударъ этихъ баталіоновъ, не смотря на послѣднее усиліе Французовъ, былъ самый рѣшительный. Отбитый непріятель долженъ былъ отступить въ свои окопы.

Генералъ-адъютантъ князь Горчаковъ отозвался, что мужество нашихъ солдатъ во все время сраженія, когда Русскіе отбили и прогнали непріятеля вдвое сильнѣйшаго, дѣлаетъ величайшую честь нашей арміи. Въ этомъ дѣлѣ съ нашей стороны былъ убитъ храбрый генералъ-маіоръ Адлербергъ, командиръ 2-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи. У Французовъ раненъ генералъ Пате. Изъ строя выбыло у Русскихъ 77 офицеровъ и 2273 солдатъ, у непріятеля—101 офицеръ и 2098 солдатъ.

Часто, для узнанія истины, чрезвычайно полезно бываетъ узнать мнѣніе и противной стороны. Такъ какъ въ Крымскую войну не разъ слышался голосъ, что русскіе стрѣлки далеко уступаютъ въ мѣткости непріятельскимъ стрѣлкамъ; то, въ опроверженіе сего могутъ служить слова одного очевидца изъ непріятельскаго лагеря. Разсказъ этотъ былъ помѣщенъ въ одной французской газетѣ. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этого разсказа: «Русскіе стрѣлки самые искусные, какихъ я только видалъ;

лишь только кто покажется изъ за траншей, немедленно поражается пулями. Недавно врачь съ фрегата Карлъ-Альбертъ выпросился осмотрѣть траншеи и высунулъ голову, чтобъ посмотрѣть за траншеи: въ ту же минуту пуля попала ему въ лобъ, и положила его на мѣстѣ. Одному путешественнику, которому было дозволено осмотрѣть траншеи, совѣтовали держаться скрыто, и не дразнить Русскихъ стрѣлковъ, искусство которыхъ уже дознано. Но путешественникъ не послушалъ совѣтовъ и нарочно поднялъ свою шляпу и сталъ вертѣть ею; тотчасъ же пуля пробила шляпу его, и раздробила ему три пальца.—Также, вновь прибывшій Французскій унтеръ-офицеръ, пришедшій въ первый разъ въ траншейный караулъ не послушался своихъ осторожныхъ товарищей, и высунулся изъ за траншеи; пуля немедленно повергла и его мертвымъ.» Далѣе говорится въ этомъ разсказѣ, что можно было бы привести много примѣровъ искусства Русскихъ стрѣлковъ.

Но лучше оставимъ этотъ разсказъ и обратимся къ тому, что самимъ Севастопольцамъ было извѣстно о Русскихъ стрѣлкахъ.

12-го мая, въ ложементахъ, противъ англійской траншеи, засѣла команда штуцерныхъ Камчатскаго полка. «Смотри, смотри, закричалъ одинъ штуцерникъ, что-то катится мимо!»

— «Чего тебѣ катится? аль не видишь что-ли, что, заяцъ бѣжитъ!»

— «Кузнецовъ катай его, — на тебя онъ бѣжитъ!»

«Не тронь его, замѣтилъ четвертый солдатикъ, можетъ оборотень какой!»

Раздался выстрѣлъ, а стрѣлялъ Кузнецовъ. Заяцъ

убитъ на поваль какъ разъ на срединѣ между нашими и англійскими стрѣлками. Кузнецовъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ и схвативъ у товарища заряженный штуцеръ, бросился къ убитому зайцу. Изъ непріятельскаго ложемента, вмѣсто выстрѣловъ, раздался громкій смѣхъ, а потомъ единодушное «ура», и хлопаніе въ ладоши. А Кузнецовъ держалъ уже въ рукахъ зайца, а потомъ снялъ шапку, поклонился врагамъ, указывая на зайца и такъ-же скоро пустился обратно въ наши ложементы. За эту неурочную охоту, Кузнецовъ получилъ строгій выговоръ, а за доставленнаго зайца въ награду нѣсколько рублей. Самъ Кузнецовъ не находилъ въ своемъ поступкѣ особаго удальства, а скромно отозвался: «убилъ зайца, такъ извѣстное дѣло, не бросить же убитаго».

Такъ какъ въ началѣ Крымской войны у насъ дѣйствительно былъ недостатокъ въ штуцерахъ, а обыкновенное гладкоствольное ружье посылало пули не дальше какъ на 350, или 400 шаговъ; то вскорѣ придумано было переливать круглыя пули въ полукруглыя, съ нѣкоторой пустотой въ серединѣ съ тыльной стороны. Пули такой формы пущенныя изъ гладкоствольнаго ружья достигали разстоянія отъ 600 до 900 шаговъ и чрезвычайно мѣтко. Французы замѣтили эти пули и хорошо помнятъ, какой вредъ онѣ имъ наносили.

Турецкія войска, которыя были расположены въ Евпаторіи, подъ начальствомъ Омеръ-паши, ничего не предпринимали, вѣроятно, ожидая взятія Севастополя. Начальникъ нашего Евпаторійскаго отряда, генералъ отъ кавалеріи Шабельскій отдалъ приказъ по отряду, чтобъ вызвались охотники на ночную рекогносцировку противъ восточной стороны г. Евпаторіи, съ цѣлью «добыть язы-

ка». Охотниковъ на эту рекогносцировку вызвалось очень много. Начальникъ Сакскаго авангарда, флигель-адъютантъ, полковникъ графъ Канкринъ, сдѣлалъ предложеніе своему авангарду, и 60-тъ казаковъ тотчасъ-же изъявили готовность принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Въ 10-ть часовъ вечера, 14-го мая, всѣ охотники собрались за ауломъ Саками и ждали, что имъ прикажетъ ихъ полковникъ. Лица этихъ донцовъ были оживлены, и видно было, что всѣ они горятъ нетерпѣніемъ поскорѣй исполнить опасное дѣло. Вотъ вышелъ почтенный полковникъ Филинъ и, ласково принявъ привѣтствіе своихъ молодцевъ, онъ напомнилъ про обычную удаль, отвагу и молодечество старыхъ казаковъ, про то, какъ они хаживали подъ Азовъ на Турокъ, отнимали у нихъ корабли и проч. Донцы откликнулись: «постараемся и мы, ваше высокоблагородіе, по-казацки, обдѣлать дѣло». Сами охотники выбрали начальникомъ надъ собой удалаго сотника Калмыкова, который уже нѣсколько разъ доказывалъ свое молодечество въ подобныхъ предпріятіяхъ. Кромѣ Донцевъ, охотниками явились 44 человѣка драгунъ, начальство надъ которыми, по распоряженію графа Канкрина, поручено поручику Геллеру, а въ помощники ему былъ назначенъ прапорщикъ Хрущевъ. При томъ въ рядахъ драгунскаго взвода охотниковъ находилось пять юнкеровъ.

Городъ Евпаторія расположенъ на косѣ, а съ юго-запада находится море. Косой этой отдѣляется гнилое озеро отъ моря. На косѣ лежалъ выброшенный въ бурю 2-го ноября 70-ти пушечный Французскій корабль «Генрихъ IV»; корабль этотъ обращенъ былъ въ непріятельскую батарею. Позади баттареи находился редутъ о трехъ

орудіяхъ, и впереди редута на ночь располагалась непріятельская цѣпь, секреты, а по косѣ посылались разъѣзды.

Ночь настала темная, туманная, но такъ какъ мѣстность была хорошо знакома нашимъ удальцамъ, то они бодро двигались впередъ по косѣ отъ с. Сакъ къ Евпаторіи.

Начальникъ всей рекогносцировки, капитанъ Главнаго Штаба Питтеръ, отдѣлилъ изъ отряда 20 человѣкъ и подъ командою урядника Раздорова поручилъ имъ отправиться къ редуту. Къ полуночи, этотъ маленькій авангардъ былъ передъ редутомъ. На пути своемъ онъ не встрѣтилъ ни секретовъ, ни патрулей, и въ самомъ редутѣ царствовала мертвая тишина, ни одной души не было замѣчено. Казаки подошли къ самому редуту, и только тогда примѣтили нѣсколько головъ въ фескахъ; казаки дали залпъ, головы исчезли, но отвѣта не было; выстрѣлы повторили, но все-таки ничего не добились. Охотники недоразумѣвали, нѣкоторые изъ нихъ соскочили съ лошадей и припали ухомъ къ землѣ; можно было ясно различить какой-то неопредѣленный шумъ и конскій топотъ за редутомъ. Легко было предположить, что турки заманиваютъ нашихъ удальцовъ въ самый редутъ и хотятъ ихъ взять живыми, въ плѣнъ. Поэтому охотники стали совѣтоваться, желая опредѣлить причину молчанія турокъ. Послѣ краткаго совѣщанія, рѣшено было во что бы то ни стало вызвать на бой онѣмѣвшихъ турокъ. Охотники сдѣлали еще залпъ—молчаніе; они повторили залпъ,—и въ тотъ же моментъ позади редута раздался барабанный бой. А изъ-за редута показалось до 500 баши-бузуковъ, которые быстро развернулись длин-

ною цѣпью и очутились не только впереди, но съ фланговъ и даже нѣсколько съ тылу нашихъ безстрашныхъ удальцовъ. Хладнокровный и распорядительный Калмыковъ со своими товарищами еще заранѣе приготовились къ подобной атакѣ непріятеля. Башибузуковъ встрѣтили они дружнымъ огнемъ, а сами охотники стали медленно, шагъ за шагомъ, отступать, вызывая тѣмъ преслѣдованіе непріятеля. Никто не торопился отступленіемъ, даже тѣ, у которыхъ были ранены лошади не бросались назадъ, а отстрѣливались въ переднихъ рядахъ. Непріятель нѣсколько разъ пытался прорваться въ середину отступавшихъ, но всякій разъ встрѣчалъ пики казаковъ. Когда отступавшіе охотники были подкрѣплены драгунами и казаками, то они въ свою очередь бросались въ шашки на атакующихъ. На флангахъ происходили сильныя схватки, при чемъ удалые джигиты съ обѣихъ сторонъ выказывали свое молодечество. Джигитовка эта кончилась тѣмъ, что три Турецкихъ джигита были схвачены живьемъ и доставлены въ штабъ Сакскаго авангарда. Начинало свѣтать и туманъ сталъ подниматься, тогда можно было разсмотрѣть, что позади баши-бузуковъ находились массы непріятельскаго войска. Оказалось, что тамъ шло эскадроновъ 20-ть кавалеріи при двухъ батареяхъ, конной и пѣшей; а за кавалеріей тянулась въ двухъ колоннахъ пѣхота. Въ одной колоннѣ сосчитано было до 30, а въ другой до 24-хъ взводовъ. Капитанъ Реттеръ, подкрѣпленный 2-мъ эскадрономъ Драгунскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полка, со 2-мъ взводомъ Конной-Легкой № 23 батареи, нашелъ возможнымъ замѣнить отступленіе наступательнымъ положеніемъ. У насъ на правомъ флан-

гѣ, противъ баши-бузуковъ, находился сильный взводъ охотниковъ изъ драгунъ, а еще болѣе вправо, были Донцы, подъ командою сотника Калмыкова; резервъ состоялъ изъ 2-го эскадрона.

Баши-бузуки сильно тѣснили нашъ правый флангъ, но послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ картечью, баши-бузуки пришли въ смятеніе, а одновременная общая атака съ боку и съ фронта совершенно смяли и опрокинули баши-бузуковъ. Этотъ смѣлый маневръ изумилъ непріятеля, который, открывъ огонь изъ 10-ти орудій, медленно сталъ двигаться впередъ. Медленное наступленіе непріятелю дало возможность нашимъ войскамъ принять прибывавшее къ нимъ подкрѣпленіе. Хотя противъ нашихъ двухъ орудій дѣйствовало 10-ть непріятельскихъ, но вредъ наносимый ими былъ сравнительно ничтожный.

Къ мѣсту боя прибыли изъ селенія Сакъ и Тузлы 8 эскадроновъ драгунъ, часть Донскаго казачьяго № 56 Филина полка и 6-ть орудій конно-легкой № 23-го батареи, подъ начальствомъ графа Канкрина, который расположилъ войска правѣе большой дороги отъ с. Сакъ къ Евпаторіи въ боевомъ порядкѣ.

Непріятель замѣтивъ наши подкрѣпленія, пріостановилъ наступленіе и открылъ артиллерійскій огонь. Наша батарея отвѣчала гранатною картечью.

Артиллерійскій огонь продолжался полтора часа. Непріятель дѣйствовалъ слабо и нерѣшительно, поэтому графъ Канкринъ предполагалъ вести войска въ атаку. Слѣдовало атаковать лѣвый флангъ непріятеля, по направленію боевой линіи, а въ обходъ посланъ былъ Казачій Донской Филина полкъ. Такъ какъ мѣстность была совершенно ровная и открытая, то непріятель тотчасъ же

замѣтилъ передвиженія нашихъ войскъ и предупредилъ нашу атаку тѣмъ, что приказалъ отступить лѣвому флангу, а за нимъ и прочимъ боевымъ линіямъ къ морю, подъ прикрытіе большаго парохода и винтоваго корабля. Къ 8 часамъ утра, колонны непріятеля были уже за редутомъ, и наши войска должны были ограничиться наблюденіемъ.

Успѣхъ дѣла, несмотря на слабость первоначальнаго, сравнительно съ непріятелемъ, малаго отряда, произошелъ отъ нерѣшительности непріятеля, который далъ время подойти нашимъ подкрѣпленіямъ. При весьма незначительной потерѣ съ нашей стороны, у непріятеля взято три баши-бузука, а убитыхъ было человѣкъ 40. Всѣ отличившіеся были щедро награждены за храбрость и неустрашимость.

Въ дѣлѣ 15-го мая было нѣсколько случаевъ, въ которыхъ особенно выказалась находчивость, молодечество и удаль нѣсколькихъ кавалерійскихъ рядовыхъ и казаковъ. Рядовой 5-го эскадрона Драгунскаго полка, Иванъ Швецъ, находясь по близости къ рядовому Шеншину, подъ которымъ тяжко ранили лошадь, бросился въ толпу баши-бузуковъ, убилъ и сбросилъ съ сѣдла одного изъ нихъ, а задержанную лошадь передалъ Шеншину.

Когда подъ казакомъ Тарабаркинымъ убита была лошадь, то Турки мигомъ бросились на спѣшеннаго, но рядовой Сапожниковъ убилъ Турка, а лошадь передалъ казаку. Старшій вахмистръ Василій Ковалевъ изрубилъ двухъ Турокъ, снялъ съ одного феску, да и говоритъ: «ну, теперь вотъ и есть, что надѣвать по утрамъ». Въ этомъ же дѣлѣ рядовой Поповъ схватилъ Турка живымъ, но наскакавшій въ тоже время рядовой Тихоновъ изру-

билъ его саблей. Офицеръ сдѣлалъ замѣчаніе Тихонову, что лучше было бы взять этого Турка въ плѣнъ. «Виноватъ, ваше благородіе: сейчасъ притащу другаго», отвѣтилъ Тихоновъ, и черезъ нѣсколько времени доставилъ плѣннаго Турка.

Еще въ началѣ этого дѣла, когда темнота и туманъ мѣшали ясно различать предметы, къ казаку Денисову, которому было лѣтъ 17-ть, но который уже награжденъ былъ Георгіемъ за отличіе, несся всадникъ. Денисовъ принялъ его за товарища и окликнулъ его: «Это ты К.!» — Я!—отвѣтилъ всадникъ, но обманъ былъ замѣченъ; оказалось, что это былъ измѣнникъ татаринъ, который намѣревался бѣжать къ непріятелю. Денисовъ до того былъ раздраженъ обманомъ измѣнника, что бросился вмѣстѣ съ двумя другими удальцами въ толпу баши-бузуковъ и вернулся съ феской, говоря товарищамъ: «Въ другой разъ феска эта не назоветъ себя казакомъ!» Въ этой же схваткѣ храбрый сотникъ Калмыковъ отбивался противъ нѣсколькихъ баши-бузуковъ, ударомъ ятагана ему перерубили руку, тогда казакъ, его драбантъ, прикрылъ собою своего офицера, но тутъ же былъ убитъ. Калмыковъ, между тѣмъ, схватилъ ружье лѣвою рукою и прикладомъ сталъ поражать баши-бузуковъ.

Урядникъ Лазаревъ повалилъ съ лошади турецкаго офицера; спѣшенный, тотъ продолжалъ защищаться, а Лазаревъ спокойно подтягивалъ подпругу; казаки видя явную опасность, которой подвергался Лазаревъ, кричали ему: Лазаревъ! брось сѣдло, уходи; убьютъ. — Не смѣютъ! — замѣтилъ Лазаревъ, осѣдлалъ коня, сѣлъ и понесся невредимый впередъ.

Для полноты сообщенныхъ уже свѣдѣній о дѣйствіяхъ

въ Крыму, необходимо хоть бѣгло указать и на дѣйствія непріятельской эскадры въ Азовскомъ морѣ. Непріятель торжествовалъ при своемъ вступленіи въ это море, полагая, что тѣмъ флотъ его будетъ имѣть возможность воспрепятствовать нашимъ войскамъ, расположеннымъ въ Крыму, получать продовольствіе. Но князь Горчаковъ, давно предвидя возможность таковыхъ дѣйствій непріятеля, распорядился, чтобы припасы для снабженія нашихъ войскъ доставлялись сухимъ путемъ. Необходимость и польза этого распоряженія вскорѣ подтвердились, такъ какъ съ разсвѣтомъ 12-го мая, на высотѣ Керченскаго пролива, показалась эскадра, въ числѣ 75 вымпеловъ. Къ полудню, отдѣлилась отъ эскадры канонирская лодка и открыла огонь въ разстояніи 270 саженъ отъ Павловской баттареи; баттарея наша тоже не молчала. Дѣло это продолжалось не болѣе четверти часа; послѣ чего часть непріятельской эскадры отошла на юго-западъ отъ баттареи, и приблизилась къ мысу Камышъ-Бурунъ. Корабли непріятеля выстроились вдоль берега, открыли сильную канонаду и послали къ берегу десантъ изъ шести баталіоновъ пѣхоты. Одинъ баталіонъ былъ посланъ въ тылъ нашей баттареи.

Генералъ-лейтенантъ Врангель приказалъ командиру баттареи заклепать орудія, а пороховые погреба взорвать и затѣмъ, отступая, направиться по Ѳеодоссійской дорогѣ для присоединенія къ главному отряду. Тоже было сдѣлано и другими баттареями.

Къ двумъ часамъ пополудни, двѣ канонирскія лодки старались препятствовать выходу нашего парохода «Аргонавтъ» изъ Керченской бухты, тогда Еникольская баттарея нѣсколькими выстрѣлами заставила лодки отойти

назадъ, а сдѣланный съ «Аргонавта» залпъ былъ столь удаченъ, что въ одной лодкѣ повреждена была паровая машина. Такимъ образомъ «Аргонавтъ» могъ свободно выйти въ Азовское море. Канонада въ Керченскомъ проливѣ продолжалась до 9 часовъ вечера.

Суда частныхъ лицъ въ Керчи были сожжены, вмѣстѣ съ тѣмъ сгорѣлъ и ихъ грузъ. Нѣкоторыя суда съ транспортомъ были затоплены, а пароходы «Могучій», «Донецъ» и «Бердянскъ», были взорваны на воздухъ. Жители выѣхали изъ города, а утромъ 13-го мая, непріятель занялъ городъ Керчь; въ самомъ городѣ и окрестностяхъ его находилось около 16-ти тысячъ непріятельскаго войска. Въ этотъ же день непріятельская эскадра вступила въ Азовское море. Въ Бердянскѣ, 15-го мая, непріятель сжегъ два дома, каботажныя суда и большую часть складовъ пшеницы.

17-го мая 16-ть военныхъ судовъ появилось у Геническаго пролива. Генералъ-адъютантъ князь Горчаковъ отправилъ въ Геническъ флигель-адъютанта, полковника князя Лобанова-Ростовскаго, который занялъ городъ баталіономъ пѣхоты съ нѣсколькими орудіями. Геническій проливъ былъ загражденъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ, такъ что въ этотъ проливъ и въ Сивашъ было введено до 150 нашихъ судовъ разной величины. Непріятель выслалъ своего парламентера съ требованіемъ, чтобъ были выданы всѣ суда и казенные запасы хлѣба; но ему въ томъ было отказано, и онъ открылъ огонь, которымъ успѣлъ зажечь нѣкоторыя суда и бывшіе склады хлѣба на берегу. Князь Лобановъ-Ростовскій распорядился выставить у пролива два полевыхъ орудія; картечные выстрѣлы этихъ орудій

заставили непріятельскія шлюпки, зажигавшія суда, отплыть отъ берега.

18-го мая, непріятельская эскадра оставила воды Геническа и ушла въ открытое море. Можно было полагать, что непріятель шелъ искать новыхъ жертвъ, новыхъ случаевъ, гдѣ можно было-бы ему сжечь, разорять, грабить. Дѣйствительно, случай не заставилъ себя ждать. 20-го и 21-го мая, десять непріятельскихъ пароходовъ заняли Таганрогскій рейдъ на разстояніи 45-ти верстъ отъ берега. Одинъ пароходъ отдѣлился отъ эскадры и долго производилъ промѣры. Къ вечеру 21-го числа, появилась многочисленная флотилія изъ паровыхъ судовъ и канонирскихъ лодокъ и также присоединилась къ эскадрѣ. На слѣдующее утро, довольно рано, вся эскадра двинулась къ городу, а четыре парохода, буксируя до 50 канонирскихъ лодокъ и гребныхъ судовъ, приблизились къ городу на разстояніе не болѣе одной версты. Небольшая лодка и бѣлый флагъ на ней указывали, что сначала прійдется имѣть дѣло съ парламентерами. Когда лодка пристала къ Воронцовской пристани, то парламентеръ заявилъ требованіе, немедленно сдать Таганрогъ и вывести оттуда войска; къ этому надменному требованію, присоединена была и угроза, что если послѣдуетъ отказъ, то тотчасъ же будетъ отправленъ сильный десантъ для занятія города. Въ случаѣ добровольной сдачи города, непріятель обязывался не обижать мирныхъ гражданъ и щадить ихъ собственность, а казенные запасы будутъ ими истреблены.

Таганрогъ занятъ былъ тогда небольшимъ отрядомъ нашихъ войскъ, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Краснова. На требованія парламентера, генералъ-лейтенантъ Красновъ, по совѣщанію съ Таганрог-

скимъ военнымъ губернаторомъ, генералъ-маіоромъ Толстымъ, отвѣтилъ, что военная честь запрещаетъ ему безъ боя уступить городъ, ввѣренный его охраненію, да и войска наши готовы умереть за государя, и если непріятель дѣйствительно хочетъ доказать состраданіе къ жителямъ, то чтобъ онъ вышелъ съ войскомъ на берегъ и вступилъ въ бой не нанося вреда жителямъ бомбардированіемъ, дабы оружіе рѣшило, кому владѣть сегодня Таганрогомъ. Парламентеры ушли, а въ 9½ часовъ вечера все же открыта была канонада, и огонь непріятеля былъ направленъ даже на такія мѣста, гдѣ былъ выкинутъ госпитальный флагъ.

Для надлежащаго отпора непріятелю, генералъ-лейтенантъ Красновъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ у спуска поставленъ былъ Таганрогскій гарнизонный полубаталіонъ и 200 наскоро вооруженныхъ жителей, а охраненіе подъема отъ набережной на Греческую улицу было предоставлено въ особое наблюденіе графу Толстому. Непріятель впродолженіи 6½ часовъ производилъ усиленную канонаду со всѣхъ пароходовъ и пятидесяти разныхъ судовъ противъ лѣсной биржи; даже самыя огромныя непріятельскія суда, вооруженныя бомбическими орудіями и ракетными станками, бросали въ городъ разрывные снаряды. Вскорѣ въ городѣ вспыхнулъ пожаръ; горѣли биржа, Греческая улица и гостинный рядъ. Къ четыремъ часамъ непріятель послалъ десантъ въ 300 человѣкъ, которые направились на подъемъ у церкви Константина. Дессантъ, укрываясь за кустами, началъ пальбу изъ штуцеровъ, противъ которыхъ Графъ Толстой выслалъ одну роту Гарнизоннаго полубаталіона подъ командою отставного подполковника Македонскаго. Рота эта встрѣтила

непріятеля въ разсыпную, и столь частымъ и мѣткимъ огнемъ, что непріятельскіе стрѣлки вынуждены были отступить; дружное «ура» и ударъ въ штыки порѣшили все дѣло, непріятель бросился бѣжать къ своимъ лодкамъ. Послѣ того съ пароходовъ возобновили сильнѣйшую канонаду по городу, но всего только на четверть часа, вслѣдъ за тѣмъ непріятель удалился верстъ за 15-ть отъ города. 23-го мая эскадра непріятельская совершенно покинула Таганрогскій рейдъ и направилась къ Маріуполю — одному изъ значительныхъ, торговыхъ городовъ Азовскаго моря.

IX.

Третье общее бомбардированіе.—Взятіе Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ и Камчатскаго люнета.— Четвертое бомбардированіе.— Штурмъ 6-го іюня.— Праздникъ Брянцевъ.—Смерть Нахимова.—Нѣсколько случаевъ изъ жизни Нахимова.

25-го мая, въ три часа пополудни непріятель открылъ третье бомбардированіе Севастополя. Въ это время, на оборонительной линіи Севастополя было до 829 орудій, на приморскихъ баттареяхъ до 193-хъ орудій, въ гарнизонѣ насчитывалось до 42,000 штыковъ. Непріятель дѣйствовалъ по Севастополю 600-ми орудіями; особенно усиленно бомбардировалъ непріятель лѣвый флангъ нашей оборонительной линіи, почти не трогая праваго. 27-го мая, въ шесть часовъ вечера, непріятель прекратилъ огонь противъ лѣвой половины оборонительной линіи и въ тоже время Французы пошли на штурмъ Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ и Камчатскаго люнета. Одна колонна непріятеля успѣла пройти по берегу бухты и направилась въ тылъ Селенгинскаго редута. Ружейный

огонь не прекращался, но редуты не могли задержать Французовъ, не смотря на постоянный ихъ картечный и ружейный огонь. Французы послѣ отчаяннаго боя завладѣли редутами.

Французы разсыпнымъ строемъ, направились одновременно на нашу цѣпь въ Киленъ-Балку.

Наступленіе было столь стремительно, что сначала и картечь не могла задержать непріятеля, такъ что цѣпь наша должна была отойти на лѣвый берегъ Киленъ-Балки. Но когда подоспѣла на помощь баттарея № 5-й графа Тышкевича, то картечью съ близскаго растоянія опрокинула Французовъ. Мостикъ на киленбалочной бухтѣ семь разъ переходилъ изъ рукъ въ руки.

На Камчатскій люнетъ направлены были одновременно три французскія колонны и хотя гарнизонъ упорно защищался, но долженъ былъ отступить къ Малахову кургану. Французы быстро преслѣдовали нашихъ, тогда генералъ Хрулевъ съ шестью ротами Забалканцевъ не только остановилъ наступленіе непріятеля, но заставилъ его отступить, войска генерала Хрулева шли по пятамъ Французовъ, заняли Камчатскій люнетъ и очистили его отъ непріятеля. При этомъ взято у непріятеля много плѣнныхъ и два горныхъ орудія. Въ люнетѣ оставленъ былъ гарнизонъ изъ шести ротъ Забалканцевъ и баталіона Суздальцевъ. Союзники, желая овладѣть люнетомъ, начали вновь обстрѣливать его сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, который впрочемъ не причинялъ особаго вреда гарнизону и большая часть солдатъ были заняты: одни уводили раненныхъ, а другіе уборкой съ поля убитыхъ. Въ это время, непріятель вторично двинулъ сильные резервы на штурмъ люнета; гарнизонъ по прежнему храбро защи-

щался, но послѣ кровопролитнаго боя долженъ былъ также уступить силѣ. Между тѣмъ войска наши вытѣснивъ непріятеля изъ Киленъ-балки, заняли редуты, покинутые только что отступившими Французами. Редуты эти были вновь заняты непріятелемъ съ боя.

Послѣ этого, главнокомандующій не нашелъ полезнымъ занимать вновь редуты, такъ какъ они были совершенно уже разрушены, а Камчатскій люнетъ обратился въ груду развалинъ. На немъ были заклепаны орудія и произведенъ нашимъ же гарнизономъ взрывъ пороховаго погреба.

Долѣе удерживать за собой эти развалины были безполезно.

Наши солдатики поговаривали, что Французы шли на штурмъ пьяные; у каждаго почти Французскаго солдата было по фляжкѣ рома или коньяку и наше видѣли, какъ Французы идя на штурмъ, многіе приостанавливаясь потягивали изъ своихъ фляжекъ. Наши-же солдаты, идя въ бой, большею частію обращаются съ молитвой къ Господу. Этой предваритеной заботой о душѣ, прямо высказывается полная готовность русскаго войска предстать во всякое время, предъ лицемъ Царя царствующихъ.

Въ день 26-го мая, мы понесли значительныя жертвы. Уронъ доходилъ съ нашей стороны до 2500 убитыми и раненными, кромѣ того, Французами взято у насъ 73 орудія: на Камчатскомъ люнетѣ 31, на Селенгинскомъ редутѣ 23 и на Волынскомъ редутѣ 12 орудій и 8 мортиръ. У Французовъ въ этотъ день выбыло убитыми 69-ть офицеровъ и 628 нижнихъ чиновъ, ранено 203 офицера и 4160 нижнихъ чиновъ. Англичане, которые въ этотъ день вели атаку на наши ложементы и траншеи

лѣваго фланга, и имѣли дѣло съ храбрыми Камчатцами, потеряли 500 человѣкъ убитыми и раненными. Кромѣ того, взято въ плѣнъ 275 Французовъ, въ томъ числѣ и 7 офицеровъ; взято съ боя, два горныя французскія орудія.

На слѣдующій день французы усилено укрѣпляли занятые ими редуты и траншеи. Съ Камчатскаго люнета не умолкала штуцерная пальба по Малахову кургану. Наши солдаты и матросы тужили, что они не могли сбить врага и допустили его занять наши же траншеи, а теперь онъ стрѣляетъ изъ нихъ, точно траншеи были для него изготовлены. Опасность для жителей Севастополя съ этого времени много увеличилась; пули непріятеля и особенно артиллерійскіе снаряды стали залетать несравненно дальше прежняго, поэтому главнокомандующій приказалъ жителямъ выѣхать немедленно, съ Корабельной и изъ города, чтобъ не допустить ихъ до напрасной гибели.

3-го іюня стало извѣстно въ Севастополѣ, что непріятель готовится къ новому штурму. На всей Корабельной и во всемъ городѣ поэтому случаю увеличились хлопоты, усилилась дѣятельность. Съ Сѣверной была послана въ городъ 9-я дивизія, хотя до 5-го числа не произошло особенныхъ дѣйствій. Непріятель по ночамъ продолжалъ пускать ракеты, которыя не наносили намъ особеннаго вреда, нигдѣ не видно было пожаровъ, нигдѣ не слышно было о разрушеніяхъ. Въ это время ракетъ было выпущено непріятелемъ болѣе тысячи, но они падали или въ воду, или на улицы и площади. Съ нашей стороны, изрѣдко, бросали гранаты изъ мортиръ въ боченкѣ или мѣшкѣ. Солдаты когда бывало заслышатъ знакомый трескъ этихъ

лопающихся гранатъ, то говорятъ: «*капральство послали!*»

5-го іюня, въ четыре часа утра, едва занялся день, заревѣли непріятельскія баттареи, и началось четвертое общее бомбардированіе Севастополя. Оно впрочемъ небыло неожиданностью для Севастополя, такъ какъ заблаговременно было сдѣлано распоряженіе, чтобъ войска наши заняли указанныя имъ мѣста, такъ что, въ случаѣ внезапнаго штурма со стороны непріятеля, его можно было-бы вовремя отразить. Непріятельскія баттареи дѣйствовали почти непрерывнымъ залпомъ. Впродолженіи двухъ часовъ сряду Корабельная находилась подъ сильнымъ огнемъ и почти не было въ Севастополѣ мѣста, куда-бы не падали снаряды. Случалось, что снаряды достигали морскихъ казармъ и даже Павловскаго мыска. Но солдаты до того свыклись съ бомбардировкой, что ужъ не думали объ окружавшей ихъ опасности. Страшная бомбардировка не мѣшала дѣлать всякому свое дѣло; усталые солдаты отдыхали, другіе заряжали ружья, курили, чинили бѣлье, ѣли кашу. На баттареяхъ работы тоже велись безъ суеты: солдаты и матросы взамѣнъ подбитыхъ орудій, ставили другія, распѣвая пѣсни; словомъ, бодрость какъ на лицахъ солдатахъ, такъ и на лицахъ офицеровъ нисколько не уменьшилась. Солдаты купались, не смотря на падающія вокругъ ихъ бомбы и ядра; въ другомъ мѣстѣ солдаты и матросы работали подъ штуцернымъ огнемъ, расчищая засыпанную амбразуру, работа при этомъ шла нѣсколько быстрѣе обыкновеннаго; въ опредѣленное время разносили и горячую кашу въ ротныхъ котлахъ.

И такъ, видъ Корабельной былъ обычный, только въ этотъ день не было ужъ ея жителей. Всѣ они уѣхали,

ушли, скрылись, куда могли. И какъ было имъ оставаться, когда съ одной Камчатки, бывшаго нашего люнета, брошено было въ этотъ день непріятелемъ, изъ десяти мортиръ, 2,000 бомбъ.

Съ наступленіемъ темноты, городъ бомбардировали не однѣ ужъ земляныя батареи, а приняли участіе шесть англійскихъ и три французскихъ парохода съ нѣсколькими вооруженными шлюпками.

Пароходы эти также стрѣляли залпами по городу, рейду и Сѣверной; отъ этихъ залповъ, наши суда не понесли вреда, ибо непріятельскія снаряды ложились почти всѣ въ бухту. Иногда непріятельская пловучая батарея, едва замѣтная въ темнотѣ, на поверхности моря, осторожно подкрадывались къ берегу, давала залпъ гранатами и торопливо удалялась также незамѣченной. Но вдругъ одновременно замолкли батареи союзниковъ и засвистали ружейныя пули. Наши батареи продолжали дѣйствовать картечью, непріятель усилилъ пусканіе ракетъ, которыя были направлены въ городъ съ трехъ сторонъ, а на Малаховомъ курганѣ показался блѣдный огонъ фальшфейера. Начался штурмъ! Но жестокая канонада непріятеля не могла остановить храбрыхъ защитниковъ Севастополя,— въ дѣятельномъ исправленіи въ укрѣпленіяхъ поврежденій причиненныхъ непріятельскими снарядами. Къ утру 6-го іюня, все было приготовлено для встрѣчи штурма. Пространство на которое направлялась непріятельская атака, имѣло около 4-хъ верстъ протяженія. На этомъ разстояніи были расположены слѣдующія наши войска: Брянскій егерскій полкъ, баталіоны отъ Минскаго и Волынскаго пѣхотныхъ полковъ, Сѣвскій пѣхотный полкъ и еще Владимірскій Кременчугскій и генералъ-фельдмар-

Малаховъ курганъ въ Севастополѣ.

шала князя Варшавскаго егерскіе полки и первый баталіонъ Суздальскаго полка.

Почти въ 3 часа утра, 6-го іюня, едва стало свѣтать, какъ непріятель густою цѣпью бросился атаковать бастіоны №№ 1-й, 2-й, 3-й и Грибокъ, правѣе Пересыпи. Атаковавшій непріятель, поддерживаемый сильнымъ резервомъ, стремился прорваться въ какомъ либо мѣстѣ нашей оборонительной линіи.

Непріятелемъ было подано три сигнала къ штурму, въ которомъ принимали участіе и Англичане. Приблизившіеся къ берегу пароходы «Владиміръ», «Громоносецъ», «Херсонъ», «Крымъ», «Бессарабія» и «Одесса» дѣйствовали картечью въ тылъ и флангъ непріятеля, атаковавшаго наши бастіоны; сѣверная батарея № 15-й давала залпы гранатъ по резервамъ непріятеля въ окрестностяхъ Киленъ-балки. Когда совершенно разсвѣло и показалось уже солнце, тогда увидѣли, что атакующіе несли съ собой лѣстницы, фашины и шанцовый инструментъ. Не взирая на нашъ, гибельный для непріятеля, картечный и ружейный огонь, передовыя войска непріятеля добѣжали до рвовъ и лезли уже на укрѣпленія. Особенно сильный напоръ произведенъ былъ на Малаховъ курганъ; но второй баталіонъ Суздальцевъ, а также подоспѣвшіе баталіоны Селенгинскаго и Якутскаго полковъ, грудью и штыками смѣло встрѣтили врага и сбросили его въ ровъ. Стоны и вопли умиравшихъ и падавшихъ въ волчьи ямы, крикъ раненыхъ, оглушительный трескъ и громъ выстрѣловъ, свистъ пуль, стукъ оружія, — все слилось въ глухой, однообразный, но потрясающій ревъ и шумъ битвы, при чемъ явственно слышалась и исполнительная команда начальника, передаваемая сигнальной трубой и боемъ

барабана. Французы, преимущественно офицеры, вскочившіе на брустверъ укрѣпленій, опрокидывались въ ровъ, пораженные штыками или пулями. Другіе, будучи окружены нашими, сдавались, бросая оружіе.

Видя такой отпоръ, произведенный нашими штыками, Французы залегли въ яминахъ и стали дѣйствовать штуцернымъ огнемъ, направленнымъ противъ отважнѣйшихъ защитниковъ, показавшихся на гребнѣ бруствера. Тогда Якутскаго полка маіоръ Степановъ, крикнулъ: «ребята, камнями ихъ!» и укрывшіеся въ ямахъ, въ мигъ были задавлены множествомъ большихъ и малыхъ камней. Французы пробовали опять идти на приступъ, но также валились подъ тучей пуль и, наконецъ, отступили. Англичане не поддерживали уже Французовъ въ этой повторенной атакѣ, они еще раньше искали спасенія отъ преслѣдованія полковника Малевскаго, командовавшаго Охотскимъ егерскимъ полкомъ. Для штурма 3-го бастіона, Англичане устремились на него тремя колоннами: двѣ колонны изъ траншей пошли прямо на 3-й бастіонъ, а третья колонна, спустившись къ балкѣ, должна была двигаться по Воронцовской дорогѣ. Означенныя двѣ колонны добѣжали только до засѣки, устроенной передъ бастіономъ, и остановились. Это дало возможность встрѣтить ихъ мѣткимъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ; первые ряды Англичанъ были сбиты, а остальные смѣшались. Послѣ нѣкотораго колебанія, они вторично бросились на штурмъ, увлекаемые бѣжавшими впереди отважными офицерами, но и во второй разъ Англичане были отбиты и разбиты. Колонна, шедшая по Воронцовской дорогѣ, была нѣсколько счастливѣе, но когда начальникъ ея замѣтилъ, что остальныя двѣ ко-

лонны Англичанъ отбиты и прогнаны, то также поспѣшно отступилъ. Какъ видно, весь неуспѣхъ Англичанъ произошелъ отъ нашихъ засѣкъ, преградившихъ имъ дорогу и задержавшихъ ихъ подъ нашимъ огнемъ.

На «Пересыпкѣ» Англичане понесли еще большую неудачу: цѣлая бригада генерала Эйра была отбита, и солдаты, чтобъ спастись отъ нашихъ мѣткихъ пуль, засѣли въ домикахъ, садахъ и виноградникахъ. Дождавшись ночи, они бѣжали оттуда въ свои траншеи.

Очевидцы разсказывали, что когда одинъ Англійскій офицеръ хотѣлъ возстановить порядокъ въ своихъ разстроенныхъ рядахъ и еще разъ попытать счастія въ атакѣ, то усилія его были напрасны. Всѣ бѣжали, и офицеръ остался сзади. «Ребята!» крикнулъ полковникъ Малевскій,—«смотрите, офицеръ отсталъ!»—«Отсталъ, ваше Вы—діе!» отвѣтили радостно солдатики полковнику. «Какъ бы его подхватить:» Рядовой Гладиковъ отозвался на вызовъ, бросился въ амбразуру, догналъ Англичанина и нанесъ ему ударъ прикладомъ. Ударъ былъ сильный,—ошеломилъ Англичанина и далъ возможность Гладикову стащить его къ ближайшему ложементу. Въ это же время Гладиковъ былъ раненъ въ ногу, а англійскій офицеръ въ голову. Гладиковъ заговорилъ съ Англичаниномъ и сталъ знаками показывать, что хочетъ сдѣлать ему перевязку, снялъ для этаго съ него платокъ и перевязалъ ему голову, но перевязкой своихъ ранъ, Гладиковъ не спѣшилъ.—Когда же онъ сталъ выбираться изъ ложемента, держа одной рукой англичанина, то непріятельское ядро, ударивши въ стѣну ложемента, навалило на нихъ груду камней, сильно контузивъ Гладикова. Съ большимъ трудомъ притащилъ Гладиковъ из-

мученнаго, полуживаго англичанина къ командиру и доложилъ: «Вотъ онъ, ваше Вы—діе, подхватилъ!» При этомъ Гладиковъ заявилъ просьбу, чтобъ ему позволено было оправиться отъ ранъ при полку, и не ходить въ госпиталь, что ему и было дозволено. Гладиковъ, еще въ 1854-мъ году, обратилъ на себя вниманіе начальниковъ и товарищей своей молодецкой отвагой. Въ одной изъ прежнихъ вылазокъ, Гладиковъ наскочилъ въ непріятельской траншеѣ на одного Французскаго офицера, схватилъ его за полы сюртука и потащилъ за собой. На помощь офицеру явился другой Французъ, схватился въ рукопашную, но былъ убитъ Гладиковымъ. Первый французскій офицеръ вскорѣ оправился и принаравливался нанести Гладикову ударъ, но тотъ замахнулся на него штыкомъ; офицеръ изловчился и саблей перерубилъ стволъ ружья и разрубилъ Гладикову пальцы, чего тотъ съ горяча и не замѣтилъ. «Вижу, разсказывалъ потомъ Гладиковъ, что если оробѣю то пропаду; на такого дьявола наскочилъ!» Тутъ Гладиковъ бросился на Француза, да и ухватилъ его здоровой рукой за бороду, но у француза борода была жиденькая, и когда французъ рванулся, то борода и выскользнула изъ рукъ. Тогда Гладиковъ обхватилъ его, приподнялъ и бросилъ о землю точно богатырь. Французъ ошеломленный, живымъ былъ взятъ въ плѣнъ.

Когда первая атака на бастіонъ Корнилова была отбита, то непріятель рѣшился, выйдя изъ доковой балки, быстро атаковать баттарею Жерве. Гарнизонъ баттареи состоялъ изъ 1-го баталіона Полтавскаго пѣхотнаго полка, а нападали зуавы. Напоръ ихъ былъ сильный, стремительный, ихъ не могли задержать ни съ фронта картечь,

ни съ фланговъ огонь Малахова кургана и баттареи Будищева. Ихъ не остановилъ даже огонь застрѣльщиковъ Камчатскаго полка, ни штыки Полтавскаго баталіона. Французы довольно быстро обхватили баттарею Жерве со всѣхъ сторонъ, оттѣснили нашихъ къ докамъ и овладѣли баттареей. Все пространство, застроенное вокругъ, баттареи матроскими домиками, вплоть до подошвы западнаго ската Малахова кургана, вмѣстѣ съ баттареей Жерве, было занято напиравшими силами непріятеля; онъ пытался даже пробраться впередъ къ Доковой пристани и готовъ былъ прорѣзать нашу оборонительоую линію, угрожая съ тылу Малахова кургана.

Минута была рѣшительная. Наши баттареи дѣйствовали всѣми своими силами; надъ баттареею Жерве и окрестными домиками, занятыми непріятелемъ, разразилась цѣлая туча ядеръ и картечи. Тутъ дѣйствовала перекрестнымъ огнемъ полевая артиллерія съ фронта, а съ фланговъ, бастіонъ Корнилова, баттарея Будищева и Камчатскіе стрѣлки. Самъ Будищевъ, храбрѣйшій изъ храбрыхъ, съ отвагою управляя своей грозной баттареей, стоялъ на брустверѣ съ подзорной трубой: «Прорѣжь, молодецъ! Командовалъ онъ, и домикъ, въ которомъ засѣли Французы, чтобъ безопаснѣе дѣйствовать штуцерами, былъ снесенъ выпущенной бомбой. Будищевъ палъ, сраженный пулей въ минуту, когда онъ отдавалъ приказаніе.

Опытный и распорядительный генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, зорко слѣдилъ за ходомъ сраженія и появлялся тамъ, гдѣ наиболѣе угрожала опасность. Поэтому замѣтивъ отступленіе Полтавцевъ и схвативъ шедшую съ работъ 5-ю мушкатерскую роту Сѣвскаго пѣхотнаго полка,

онъ явился къ мѣсту боя. Устроивъ наскоро отступавшихъ Полтавцевъ, генералъ Хрулевъ вновь двинулъ ихъ, подкрѣпивъ 150-ю Сѣвцами. А чтобъ подкрѣпить храбрую роту Сѣвскаго полка, генералъ Хрулевъ приказалъ привести изъ резерва 6-ть ротъ Якутскаго полка. Между тѣмъ Сѣвцы, увлеченные своимъ ротнымъ командиромъ, Островскимъ, отбросили непріятеля штыками. У домиковъ и развалинъ, гдѣ засѣвшіе Французы храбро защищались, завязалась кровопролитная схватка, въ это же время подошли роты Якутскаго полка. Каждый домикъ, гдѣ Французы были защищены, какъ въ маленькомъ фортѣ, приходилось брать приступомъ, съ боя, тогда какъ изъ окрестныхъ домиковъ не умолкалъ ружейный огонь, направленный противъ нашихъ войскъ. Русскимъ представилось громадное затрудненіе, тѣмъ болѣе, что непріятель каждую минуту могъ усилить помощь свѣжими войсками.

Но отнять баттарею было необходимо, и это чувствовалъ и сознавалъ каждый, поэтому храбрость нашихъ солдатъ доходила до геройства.

«Что зѣвать, ребята!» «Впередъ!»... командовалъ штабсъ-капитанъ Островскій. И бросился онъ къ одному домику, солдаты за нимъ. Какъ ни *строчили* Французы, а домикъ былъ по щепкѣ разнесенъ, и Французовъ въ немъ перекололи всѣхъ до единаго. Герой Островскій былъ убитъ штуцерной пулей, пущенной изъ сосѣдняго домика. Солдаты разсыпались по разнымъ мѣстамъ; гдѣ взбирались на дома, разбирали крыши и обломками трубы, бревнами или камнями поражали засѣвшаго непріятеля; гдѣ вламывались въ двери, кололи и брали въ плѣнъ Французовъ. Къ нѣкоторымъ домамъ солдаты подбѣгали

съ зажженной соломой и кричали спрятавшемуся Французу: «сдавайся, не то сожжемъ!»—Французы не понимали словъ, но испугавшись огня, горѣвшаго домика, они бросали оружіе, отворяли заваленныя изнутри двери и отдавались въ плѣнъ.

Одинъ домикъ особенно сильно защищался, штуцерная пальба изъ него не умолкала, наши солдатики взлѣзли было на крышу, а она оказалась такой крѣпкой, что не было возможности ее разобрать съ такой же легкостью, какъ это было сдѣлано съ крышами другихъ домиковъ. Тогда унтеръ-офицеръ Якутскаго полка, Никонъ Косенко, съ нѣсколькими солдатами бросился къ двери домика, и двери, отъ напора плечъ Косенко и его помощниковъ, не устояли: Косенко со своими былъ въ избушкѣ.—«Проси пардонъ!» закричали вошедшіе: «крѣпость взята». Французы отвѣчали пулями, штыками, камнями! Э, такъ вы драться, да еще въ чужой хатѣ?.. Души ихъ!..» и черезъ нѣсколько минутъ всѣхъ защищавшихся Французовъ передушили, перекололи. Туго дѣло шло только вначалѣ, потомъ живо стали очищать домики. Французъ не успѣвалъ опомниться, побѣжитъ въ домикъ укрыться, а тутъ его и прикроютъ.

Наши прогнали Французовъ до баттареи, гдѣ Французы уже хозяйничали, разставляя пушки противъ нашихъ войскъ. Первымъ вскочилъ на баттарею Ищукъ, рядовой Сѣвскаго полка и бросился къ орудіямъ; онъ работалъ, билъ Французовъ штыкомъ, прикладомъ, но и штыкъ сломался и прикладъ по поламъ, тогда онъ взялся за пыжовникъ и ловко гналъ имъ нѣсколькихъ Французовъ; но какъ тѣ замѣтили, что наши бросились на баттарею съ трехъ сторонъ, то стали убѣгать въ амбразуры.

Ищукъ съ пыжовникомъ бѣжитъ за ними и кричитъ вслѣдъ: «*Погодите, куда же вы гости, гости?.. чтожъ, аль въ двери не попали, что въ окна уходите?!*» Солдаты отъ души хохотали. Увлеченные успѣхомъ, солдаты не слушали сигнала. «*Отберемъ Камчатку!*» кричали они »*бить саранчу проклятую на смерть! нечего отступать!* Но опасность была неминуемая, съ банкета батареи кричали: «*идутъ, идутъ, опять идутъ!*» И дѣйствительно опять послышался батальный огонь Французовъ. Въ это время два француза, видя неустойку своихъ, бросились къ амбразурѣ, но имъ загородилъ дорогу матросъ съ пальникомъ въ рукѣ. Началась борьба; Французы закололи нашего молодца, выхватили у него изъ рукъ дымившійся пальникъ и бросились поджигать пороховой погребъ. Къ счастью тутъ случился рядовой Якутскаго полка, Дорофей Музиченко. «Э, братцы, шалишь!» крикнулъ онъ: «сюда не суйся, пошолъ догоняй своихъ!» и тутъ же покончилъ съ французами. За этотъ подвигъ Музиченко награжденъ былъ знакомъ отличія военнаго ордена.

Такимъ образомъ батарея Жерве была возвращена и оставалась въ рукахъ нашихъ, не смотря на повторявшіяся атаки Французовъ. Наши гнали ихъ до самыхъ траншей и могли безъ всякаго усилія занять даже траншеи, но этого не сдѣлано, чтобъ не терять напрасно людей.

Еще въ первое отступленіе Французовъ отъ батареи Жерве, рядовой Камчатскаго полка, Леонъ Сивко замѣтилъ съ 3-го бастіона подстрѣленнаго французскаго офицера и бросился къ нему, чтобы взять его въ плѣнъ. Французъ сталъ звать своихъ на помощь, но пока помощь подоспѣла, Сивко выбилъ прикладомъ саблю изъ

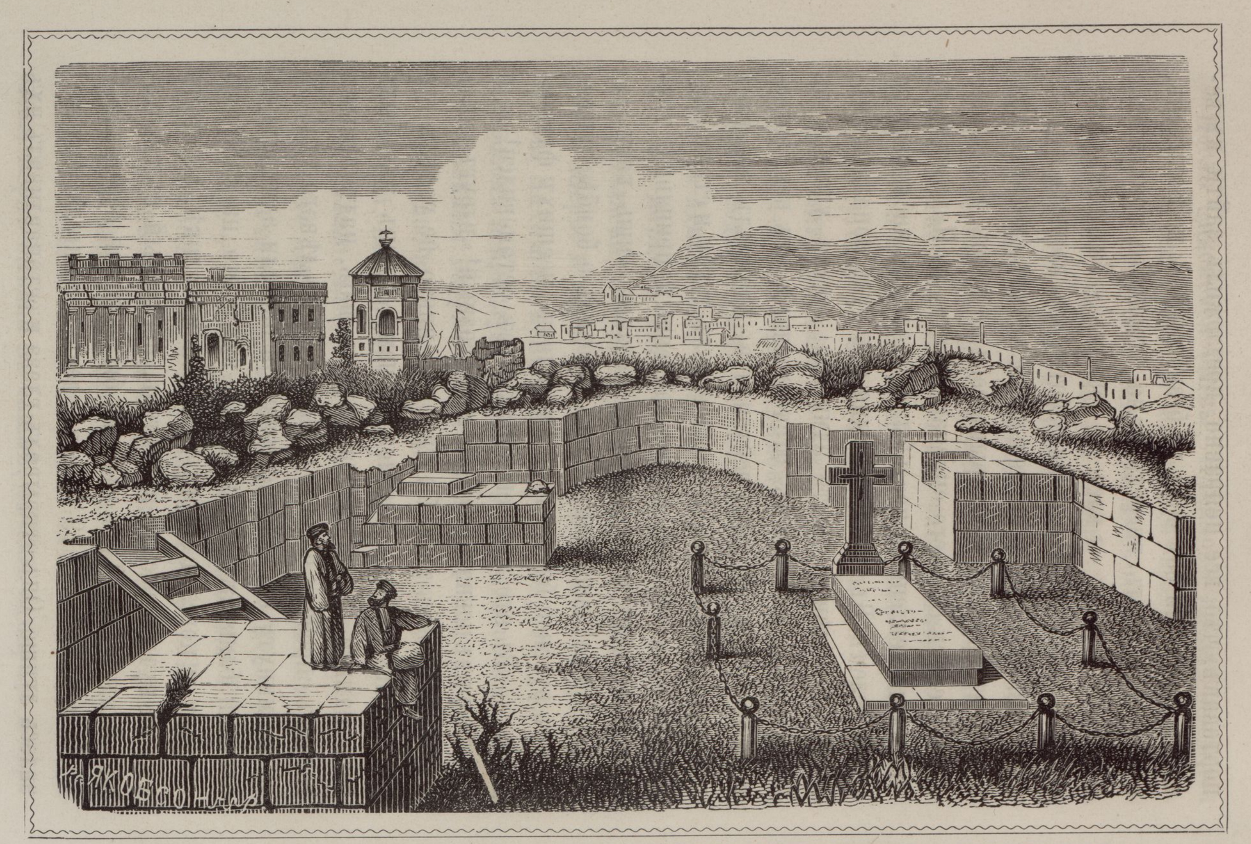
рукъ офицера и привелъ его къ командиру на бастіонъ. Когда французскій офицеръ нѣсколько оглядѣлся и успокоился, то онъ высказалъ удивленіе къ смѣлости Сивко, рѣшившагося броситься на вооруженнаго офицера.

Послѣ двухъ-часоваго боя, штурмъ былъ отбитъ на всѣхъ пунктахъ, и къ 8-ми часамъ утра все было кончено. Геройство и самоотверженіе, съ которомъ всѣ,—отъ генерала до солдата,—дѣйствовали съ одинаковой распорядительностью, превосходитъ всякую похвалу. Генералъ-адъютантъ князь Горчаковъ заявилъ, что честь дня 6-го іюня принадлежитъ Генералъ-лейтенанту Хрулеву, командовавшему всей атакованной линіей.

Потеря непріятеля была такъ значительна, что у Французовъ даже для уборки тѣлъ не доставало носилокъ. Весь уронъ непріятеля можно опредѣлить отъ 10-ти до 13-ти тысячъ человѣкъ, выбывшихъ изъ строя. Потеря съ нашей стороны сравнительно была незначительна.

За столь славное отраженіе, Государь Императоръ повелѣть соизволилъ, изъявить всѣмъ чинамъ севастопольскихъ войскъ, душевную Государя Императора благодарность за непоколебимую твердость, мужество и неустрашимость этихъ войскъ. Кромѣ того, всѣмъ нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ при отбитіи штурма, Государь пожаловалъ по 2 рубля серебромъ, а славному, храброму Брянскому полку Высочайше повелѣлъ именоваться Егерскимъ генералъ-адъютанта князя Горчакова полкомъ.

На слѣдующій день отраженія, т. е. 7-го іюня, союзные главнокомандующіе просили о перемиріи для уборки тѣлъ. Непріятель убиралъ своихъ убитыхъ до поздняго вечера, но не успѣлъ убрать всѣ тѣла, поэтому просилъ,

Могила адмираловъ: ЛАЗАРЕВА, КОРНИЛОВА, ИСТОМИНА и НАХИМОВА.

чтобъ тѣла, лежащія подлѣ нашихъ укрѣпленій, были погребены Русскими.

Замѣчательно, что Французы и Англичане, идя на штурмъ, были вполнѣ увѣрены въ успѣшномъ его окончаніи. Непріятель сдѣлалъ запасъ даже провизіи и взялъ съ собой на штурмъ кухонныя вещи, расчитывая обѣдать въ Севастополѣ. Такъ, одинъ французскій капралъ проскочивъ первымъ, нашу оборонительную линію, бросилъ ружье и пошелъ по Корабельной. Всѣ, кто видѣли его, полагали, что это плѣнный; когда же французъ дошелъ до церкви, то остановился затрудняясь въ выборѣ, куда ему идти далѣе, онъ заботливо поглядывалъ по сторонамъ. Мимо проходившій офицеръ обратилъ на него вниманіе, и тогда объяснилось, что французъ столь увѣренъ былъ въ скоромъ занятіи Севастополя, что заранѣе бросилъ свое ружье и поджидалъ своихъ. Убѣжденіе французовъ въ скоромъ занятіи Севастополя было такъ велико, что даже одинъ раненый французскій офицеръ, принесенный на перевязочный пунктъ, утверждалъ, что напрасно русскіе врачи дѣлаютъ ему перевязку, когда черезъ полчаса Севастополь будетъ занятъ французами, и помощь онъ получитъ отъ своихъ.

И какъ жестоко обманулись союзники! Послѣ столь неудачнаго своего штурма 6-го іюня; они даже временно перестали стрѣлять. «Небось, присмирѣлъ Французъ», говорили солдаты, «сбили видно спѣсь-то имъ! почаще бы его такъ угощать». Дѣйствительно, на всей оборонительной линіи, была тишина и спокойствіе, ни одного выстрѣла! Вѣроятно, непріятель былъ вынужденъ, до начала новыхъ дѣйствій, пополнить и привесть въ порядокъ войска, претерпѣвшія пораженіе. Такое бездѣйствіе не-

пріятеля продолжалось почти вплоть до пятаго бомбардированія, которое происходило 5-го августа. Въ продолженіи этого времени только 12-го іюня, ночью, случайно произошла тревога... Нашъ солдатикъ, стоя въ цѣпи, вздремнулъ и ему представилось, что будто его рѣжутъ Французы, онъ съ испугу и закричалъ, что было силы: «спасайте, спасайте: Французы!» Первый въ цѣпи выстрѣлилъ... Цѣпь отозвалась на выстрѣлъ, а артиллерія бастіона, предполагая, что непріятель сдѣлалъ нападеніе на нашу цѣпь, стала обсыпать картечью. Французы приняли наши выстрѣлы за нападеніе и тоже отвѣчали пушечной пальбой, пока не убѣдились, что это была фальшивая тревога.

25-го іюня, архіепископъ Херсонскій и Таврическій Иннокентій произнесъ слово къ собравшимся воинамъ въ севастопольской лагерной церкви: «По всему лицу земли Русской, нѣтъ ни одного сына Отечества, который въ настоящее время не обратился бы мысленно къ вамъ, мужественные защитники Севастополя, и который не скорбѣлъ бы вашими скорбями, не болѣзновалъ бы вашими ранами, равно какъ не радовался бы о вашихъ успѣхахъ, не хвалился бы вашею твердостію и мужествомъ. Вы слава Россіи, утѣшеніе ея Монарха, радость св. Церкви, предметъ удивленія для самихъ враговъ и всего свѣта.

«Какъ же намъ послѣ сего не радоваться о васъ духомъ? Какъ не благодарить за васъ Бога?.... Можно ли, при всемъ вашемъ мужествѣ не примѣтить съ благоговѣніемъ, знаменія надъ вами, Божіей благодати и благословенія свыше?.... Падемъ же, братіи мои, предъ симъ престоломъ благодати, и скажемъ словами Царя-Пророка; *не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь*

славу; ибо безъ Твоей всесильной помощи какъ возмогли бы мы совершить то, что совершенно доселѣ во славу пресвятаго имени Твоего и ко благу Россіи?

«Стойте же, возлюбленные, стойте непоколебимо на той святой высотѣ, на которую возвелъ и поставилъ васъ самъ Господь!...

«Помните, что за вами — Россія, предъ вами—потомство, надъ вами — Богъ и Его всесвятый Промыселъ! Не забывайте, что вами сдѣлано уже гораздо болѣе того, что остается сдѣлать...»

Рѣчь эта тронула всѣхъ слушавшихъ ее, каждый въ своемъ сердце уносилъ вѣру и упованіе на лучшее.

Замѣчательно было также и слово краткое, но сильное, сказанное высокопреосвященнымъ Иннокентіемъ, присутствовавшимъ на праздникѣ Брянцевъ:

— «Не поученія говорить вамъ мы прибыли сюда, нѣтъ, мы явились учиться у васъ, славные защитники града, учиться, какъ исполнять заповѣдь Христа Спасителя: *оставь отца*, *матерь твою*, *возьми крестъ и гряди по мнѣ!*»

26-го іюня, праздникъ Брянцевъ происходилъ на Сѣверной сторонѣ Севастопольской бухты, гдѣ были разбиты шатры и приготовлены столы для обѣда нижнихъ чиновъ Егерскаго генералъ-адъютанта князя Горчакова полка. Въ 11 часовъ утра полкъ, построенный въ колонны, встрѣтилъ главнокомандующаго, который шелъ на пиръ къ Брянцамъ, чтобъ объявить имъ Высочайшую милость Государя Императора. Князь Горчаковъ, привѣтствуя храбрыхъ егерей, между прочимъ сказалъ: — «Увѣренъ, что испытанные въ бояхъ, Брянцы, нося имя своего главнокомандующаго, будутъ служить примѣромъ для ар-

міи!... Защищая родной нашъ Севастополь, мы съумѣемъ побѣдить гордаго врага и сдѣлаемся достойными высокой чести, которою почтилъ меня Монархъ нашъ... Ребята—нашему Батюшкѣ Царю—ура!»

Тутъ Брянцы подхватили завѣтное Русское «ура» и, по приглашенію вождя, снявъ боевую аммуницію, пошли къ столамъ. Высокопреосвященный благословилъ трапезу, и первая чарка вина была выпита за здоровье Русскаго царя. На лицахъ егерей сіяла радость, хотя у многихъ можно было замѣтить перевязки на головѣ, щекахъ или рукѣ, тутъ были и съ костылями. Но бесѣда была оживленная, вспоминали о павшихъ и раненыхъ товарищахъ, объ атакѣ, о бастіонахъ, о службѣ, словомъ, было, что послушать.

По окончаніи праздника, на другой день, полкъ былъ переведенъ обратно на Южную сторону бухты.

28-го іюня разнеслась печальная вѣсть: адмиралъ Нахимовъ былъ убитъ. Это была новая, незамѣнимая потеря, новая жертва... Всѣ чувствовали, кого они потеряли въ лицѣ храбраго неустрашимаго батюшки отца Нахимова! Для моряковъ, онъ былъ морской Суворовъ, матросы безконечно его любили. Прежде чѣмъ разсказать послѣднія минуты жизни адмирала Нахимова, обратимся къ его молодымъ годамъ и ближе ознакомимся съ этимъ любимцемъ всѣхъ знавшихъ его моряковъ и всего гарнизона Севастополя.

Адмиралъ, Павелъ Степановичъ Нахимовъ родился въ 1800 году, Смоленской губерніи, Вяземскаго уѣзда, въ сельцѣ Городокъ. Отецъ его, Степанъ Михайловичъ, служилъ при Императрицѣ Екатеринѣ II, и былъ всѣми лю-

бимъ и уважаемъ. Павелъ Степановичъ воспитывался въ С.-Петербургѣ, въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ.

Еще во время пребыванія своего въ корпусѣ, Нахимовъ совершилъ практическія плаванія по Балтійскому морю, и посѣщалъ берега Даніи и Швеціи. Вскорѣ онъ былъ выпущенъ въ офицеры, и 15-ти лѣтъ вышелъ мичманомъ въ Балтійскій флотъ.

Въ 1821 году, Нахимовъ ѣздилъ сухимъ путемъ въ Архангельскъ, оттуда онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, съ переводомъ на 36-ти пушечный фрегатъ «Крейсеръ» и назначенъ вмѣстѣ съ 20-ти пушечнымъ шлюпомъ «Ладога», въ плаваніе кругомъ свѣта. Назначеніемъ этого плаванія была доставка груза въ Камчатку въ бывшую колонію Россійско-Американской Компаніи.

Впослѣдствіи, Нахимовъ участвовалъ въ морскомъ сраженіи при Наваринѣ, противъ Турецкой эскадры, которая была разбита; Нахимовъ оказалъ тогда примѣрное мужество.

Нахимовъ хорошо знакомъ былъ съ Чернымъ моремъ, съ его порывистыми вѣтрами, бурями и туманами. Онъ, такъ сказать сроднился съ морскою службою, корабль считалъ домомъ своимъ, моряки были его дѣти, друзья, семейство;—отъ товарища до подчиненнаго, всѣ любили Нахимова; матросы завидя его, говорили: «Вотъ идетъ отецъ матросовъ». Впрочемъ, по службѣ онъ былъ строгъ; выходя въ море, не любилъ заходить въ порты, все время проводилъ въ ученьи.

Въ 1853 году, когда вспыхнула война съ Турками, Нахимовъ, крейсируя въ Черномъ морѣ, настигъ, 18-го ноября, турецкій флотъ и уничтожилъ его въ славной битвѣ подъ Синопомъ.

Послѣ Синопской битвы, Нахимовъ вполнѣ предался оборонѣ Севастополя, и находился вездѣ, гдѣ признавалъ присутствіе свое наиболѣе необходимымъ.

28-го іюня, наканунѣ дня своего Ангела, Нахимовъ осматривалъ позицію непріятеля и посѣтилъ во время бомбардировки 3-е и 4-е отдѣленіе бастіоновъ. Послѣ того за обѣдомъ, въ первомъ часу, онъ предупредилъ своихъ адъютантовъ, чтобы они не расходились, потому что поѣдутъ съ нимъ. Послѣ обѣда, адмиралъ сказалъ: «господа, не угодно ли ѣхать со мной,—пальба усилилась.» —Адъютанты поѣхали съ приказаніями впередъ.—Прибывъ на 3-й бастіонъ, Нахимовъ осмотрѣлъ подробно всѣ батареи подъ самымъ усиленнымъ огнемъ; и простившись съ адмираломъ Панфиловымъ и прочими офицерами, онъ поѣхалъ далѣе на 4-е отдѣленіе подъ градомъ непріятельскихъ пуль, бомбъ и ядеръ. Подъѣхавъ къ батареѣ Жерве и видя, что огонь непріятельской артиллеріи слабъ, Нахимовъ приказалъ собрать вокругъ себя всѣхъ матросовъ и прислугу орудій. Онъ обратился къ нимъ съ нѣсколькими задушевными словами и благодарилъ ихъ за успѣшное выполненіе работъ.—Не только привѣтствіе Нахимова, но уже одно присутствіе его въ опасныя минуты, дѣлало матросовъ веселыми и смѣлыми; они любили своего адмирала, какъ дѣти отца, готоваго умереть съ ними, и сами готовы были для него броситься въ огонь и въ воду. —Отдавъ нѣкоторыя приказанія Г. Жерве, Нахимовъ отправился на Малаховъ курганъ. Въ это время въ башнѣ служили вечерню. Павелъ Степановичъ, осѣнивъ себя знаменіемъ креста, пошелъ далѣе, но едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ начальникъ 4-го отдѣленія Кернъ бывшій въ башнѣ, догналъ адмирала и отра-

портовавъ, что все исправно, предложилъ зайти къ вечернѣ, прося ни объ чемъ не безпокоиться; но Нахимовъ, не слушая, шелъ впередъ и на вторичное приглашеніе Керна отвѣчалъ: «я васъ не держусь!» Захотѣвъ осмотрѣть новыя непріятельскія работы, онъ взошелъ на банкетъ, взялъ трубу у сигнальщика и сталъ смотрѣть прямо черезъ брустверъ, открывъ себя по поясъ. Его уговаривали сойти съ этого опаснаго мѣста, но Нахимовъ, не взирая на усиленныя просьбы, продолжалъ наблюдать за непріятелемъ. Въ это время одна изъ пуль попала въ мѣшокъ около лѣваго локтя адмирала; другая, ударила въ брустверъ и камешкомъ, отскочившимъ отъ нея, разорвала козырекъ фуражки лейтенанта. Адмиралъ все таки продолжалъ смотрѣть. Потомъ отдалъ трубу и сталъ сходить съ банкета; какъ вдругъ вахтенный, принявшій трубу и приставившій ее къ глазу, сказалъ: «ишь, какъ ловко зацѣпила! вонъ какъ!» онъ говорилъ о бомбѣ, пущенной съ русской батареи въ Англичанъ, несшихъ фашинникъ. — Въ это мгновеніе Нахимовъ остановился!... и проговоривъ невнятно: «Боже милосердный!» вдругъ упалъ на правый бокъ такъ быстро, что никто не успѣлъ его поддержать. Кернъ бросился къ нему; но онъ уже былъ безъ памяти. Пуля попала ему въ лобъ, надъ лѣвымъ глазомъ, пробила черепъ и вышла около лѣваго уха! Въ ту же минуту сдѣлали перевязку и понесли адмирала въ ближній блиндажъ. Согласились везти его на сѣверную сторону и повезли сперва на вольномъ яликѣ, а потомъ уже на пути пересѣли въ катеръ, посланный съ парохода «Владиміръ.» Тутъ сдѣлана была другая перевязка.

На другой день, 29-го іюня, день его ангела, ему казалось лучше. Онъ открывалъ глаза и останавливалъ ихъ

Ратники ополченцы.

на входящихъ, но по видимому, безъ всякой мысли. Онъ всталъ съ постели, съ трудомъ при помощи другихъ; указалъ на сапоги — ему подали и онъ надѣлъ ихъ; показалъ на шею ему повязали галстукъ; показалъ на плечи — ему накинули шинель. — Послѣ того онъ немного посидѣлъ.

Казалось, онъ сталъ приходить въ сознаніе; не срывалъ повязку, какъ наканунѣ, и если трогалъ ее, то весьма осторожно: въ 6-мъ часу вечера, эти слѣды самосознанія исчезли; но больной спалъ и дышалъ спокойно. Когда онъ проснулся часъ спустя, ему дѣлали холодныя обливанія; но сознаніе болѣе не проявлялось.

30-го іюня утромъ, ему стало хуже, въ 10 часовъ дыханіе сдѣлалось затруднительнымъ; а въ 11-ть часовъ 5 минутъ Павелъ Степановичь Нахимовъ скончался.

Въ 2 часа по полудни, тѣло адмирала перевезено было на барказѣ на Графскую пристань. Адмиралъ Панфиловъ съ офицерами принялъ тѣло и отнесъ въ домъ, гдѣ отслужили панихиду.

Покойнаго покрыли флагомъ съ корабля «Императрица Марія,» на которомъ онъ находился въ битвѣ подъ Синопомъ. Флагъ былъ пробитъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ ядрами. Одинъ за другимъ, стали входить въ комнату матросы и солдаты, прощаться съ любимымъ начальникомъ.

Въ 6 часовъ вечера, 1-го іюля, тѣло, въ сопровожденіи главнокомандующаго съ штабомъ, вынесено было адъютантами покойнаго въ Михайловскій соборъ, между двумя баталіонами матросовъ и солдатъ, стоявшихъ вдоль улицы подъ ружьемъ. Толпы народа покрывали бульваръ и всѣ окрестные высоты.

Непріятель не стрѣлялъ. По окончаніи службы, ма-

тросы подходили прощаться по два въ рядъ. Потомъ тѣло понесли въ гору; тронулась артиллерія и пушки взъѣхали на крутой бугоръ.

Нахимова положили подлѣ адмираловъ: Лазарева, Корнилова и Истомина.

Нахимовъ былъ отецъ-командиръ, всегда и всѣмъ доступный. Въ битвахъ, онъ имѣлъ большое вліяніе на храбрыхъ матросовъ. Онъ пренебрегалъ личною безопасностію; въ продолженіе осады Севастополя, иначе не ходилъ, какъ въ эполетахъ и представлялъ тѣмъ болѣе легкую цѣль для непріятельскихъ выстрѣловъ. Въ Севастополѣ онъ никогда почти не ложился спать раздѣтый.

Таковъ былъ Нахимовъ. Потеря незабвеннаго Павла Степановича была чувствительна и незамѣнима для Севастополя.

X.

Битва при р. Черной 4-го августа. — Начало пятаго общаго бомбардированія.— Положеніе Севастопольскаго гарнизона во время бомбардированія. — Взрывъ передъ пятымъ бастіономъ.— Нѣсколько взрывовъ 13-го и 14-го августа. — Мостъ черезъ Бухту.— Вылазки нашихъ охотниковъ съ 18-го по 20-е августа.— Слухи объ оставленіи города. — Прибытіе въ Севастополь ополчанъ.

Со дня смерти Нахимова, Севастопольцы, какъ бы еще съ большимъ рвеніемъ, съ большимъ усердіемъ исполняли боевую службу, поражая мѣткимъ огнемъ непріятеля въ его траншеяхъ. Они мстили за смерть своего любимаго адмирала. Не смотря однако же на усиленный, сосредоточенный огонь нашъ, непріятель хотя медленно, но все таки постоянно подвигался къ Севастопольскимъ укрѣпленіямъ. Если непріятель замѣчалъ, что какая либо наша батарея слишкомъ вредитъ его работамъ, то на-

правлялъ на нее сильнѣйшій огонь, и пока на батареѣ исправлялись поврежденія, непріятель поспѣшно двигался подступами впередъ.

Къ 4-му августа непріятель подвелъ свои подступы такъ близко къ Севастополю, что невозможно было уже двигаться впередъ, не разрушивъ сперва Севастопольскія укрѣпленія.

Настало 4-е августа,—день упорной, кровопролитной битвы на рѣкѣ Черной.

Предпринимая въ этотъ день битву, главнокомандующій, князь Горчаковъ, имѣлъ намѣреніе осмотрѣть расположеніе непріятельскихъ войскъ, и если признано будетъ возможнымъ, то сбить ихъ съ позиціи подъ Севастополемъ. Въ темную ночь съ 3-го на 4-е августа войска выступили изъ Севастополя. Генералъ-Лейтенанту Липранди предписано было сбить непріятельскій авангардъ, находившійся на правомъ берегу рѣки Черной, а генералъ-адъютантъ Реадъ долженъ былъ въ то время остановиться въ виду непріятеля и быть готовымъ къ атакѣ, но не предпринимать нападенія безъ особаго на то приказанія главнокомандующаго.

Загудѣли пушечные выстрѣлы, раздалось русское ура, и закипѣла битва! Колонна генералъ-маіора Веселитскаго быстро двинулась въ атаку и сбила непріятеля съ передовыхъ высотъ. Въ эту же самую минуту послышались выстрѣлы и на правомъ флангѣ: войска генералъ-адъютанта Реада бросились въ атаку на Федюхины горы; 12-я пѣхотная дивизія, подъ командою генералъ-маіора Мартинау, быстро двинулась къ рѣкѣ Черной, перешла ее по накиднымъ мосткамъ, опрокинула непріятеля и овладѣла батареею. Въ тоже время 7-я пѣхотная дивизія,

подъ начальствомъ генералъ-лейт. Ушакова, сбила Французовъ съ праваго уступа Федюхиныхъ горъ. Непріятель спѣшилъ подкрѣпить свои атакованныя войска. Болѣе 50 тысячъ французскихъ войскъ были двинуты изъ резерва на Федюхины горы, и храбрые войска наши, отовсюду окруженныя непріятелемъ, должны были отступить. Вторичная атака на Федюхины горы, произведенная 5-ю пѣхотною дивизіею и тремя полками 17-й дивизіи, также осталась безуспѣшна. Въ это время убиты пушечнымъ ядромъ: начальникъ праваго фланга, генералъ-адъютантъ Реадъ, и начальникъ его штаба, генералъ-маіоръ Веймарнъ. Главнокомандующій арміею, князь Горчаковъ самъ принялъ начальство надъ атакующими войсками, и убѣдясь въ невозможности сбить непріятеля съ сильно укрѣпленной позиціи, приказалъ отступить за рѣку Черную. Цѣлый день оставались войска за этою рѣкою, ожидая нападенія непріятеля, и только къ вечеру возвратились въ осажденный Севастополь.

Ни пламенное желаніе сразиться съ врагомъ, ни мужество, ни отчаянная храбрость нашихъ войскъ, возбудившая удивленіе даже въ самихъ непріятеляхъ,—ничто не помогло! Атакованная мѣстность была слишкомъ неприступна!

Въ то время, какъ войска наши были на Черной, непріятелю удалось, въ тотъ же день 4-го августа, посредствомъ взрыва мины, произвести незначительное повреждніе въ одной изъ нашихъ подземныхъ галлерей.

Къ разсвѣту 5-го августа, едва только сняты были ночные секреты, какъ задрожала земля и застоналъ Севастополь подъ градомъ пуль и ядръ; это было начало пятаго и самаго сильнаго бомбардированія. Бомбарди-

ровка открылась залпами, потомъ послѣдовалъ батальный артиллерійскій огонь, который съ часу на часъ усиливался, продолжался до полудня и тогда онъ совершенно замолкъ. Батареи наши въ началѣ принимали слабое участіе въ обстрѣливаніи непріятельскихъ позицій; но когда разсвѣло вполнѣ и показалось солнце, когда береговой вѣтеръ погналъ клубы чернаго дыма къ морю и очистилъ все пространство надъ непріятельскими укрѣпленіями, то со всѣхъ фронтовъ Малахова кургана начались неумолкаемые залпы. Къ этой канонадѣ присоединились также залпы со всѣхъ бастіоновъ и батарей Сѣверной стороны, такъ что съ обѣихъ сторонъ поддерживался неутомимый огонь. Бомбардированіе это было самое опустошительное для защитниковъ Севастополя; но войска до того привыкли ко всѣмъ ужасамъ осады, что работы въ крѣпости и на бастіонахъ производились безостановочно. Когда къ полудню бомбардировка была прекращена непріятелемъ на нѣсколько часовъ, то наши войска хотя и поспѣшно, но съ полнымъ хладнокровіемъ и сознаніемъ своего долга, производили починки и исправленія въ поврежденныхъ частяхъ земляныхъ укрѣпленій, уносили раненныхъ на перевязочный пунктъ и убирали убитыхъ. Когда пули и ядра летали по Севастополю какъ пчелы вокругъ улья, солдаты,—несмотря на то, что вокругъ ихъ, со всѣхъ сторонъ, смерть уносила новыя и новыя жертвы, они съ самымъ невозмутимымъ хладнокровіемъ продолжали свои обычныя занятіи, сопровождаемыя неумолкаемымъ жужжаніемъ штуцерныхъ пуль, безпрестаннымъ паданіемъ ядеръ и разрывомъ бомбъ. Такое геройское мужество и выдержанная стойкость высказывались не отдѣльными только личностями, а цѣлы-

ми ротами, баталіонами, словомъ,—всѣми защитниками Севастополя. Крѣпость духа и совершенное равнодушіе, даже презрѣніе къ смерти, дошедшіе въ эту послѣднюю бомбардировку до невѣроятной степени, ни на минуту не покидали грозныхъ защитниковъ Севастополя.

Къ сожалѣнію, потеря наша простиралася въ первый день до 1500 человѣкъ. Да и не было возможности войскамъ, остававшимся постоянно въ Севастополѣ въ ожиданіи штурма, укрыться отъ смертоноснаго дѣйствія непріятельскаго огня. Особенно гибла артиллерійская прислуга и та часть гарнизона, которая не имѣя возможности постоянно находиться подъ защитой блиндажей, должна была вести работы по исправленію поврежденій оборонительной линіи. Преимущественно поражаема была непріятельскимъ артиллерійскимъ огнемъ корабельная слободка, противъ которой непріятель дѣйствовалъ прицѣльно и навѣсно въ теченіи двадцати сутокъ. Канонада эта съ дальнихъ непріятельскихъ батарей и съ батарей, воздвигнутыхъ на самомъ близкомъ растояніи отъ нашей оборонительной линіи, постоянно разрушительно дѣйствовала на наши верки. Мерлоны и траверзы, возобновляемые каждую ночь подъ градомъ пуль, ядеръ и бомбъ, на другой день бывали срыты и уничтожены до основанія, такъ-что приходилось возводить новыя укрѣпленія. Въ подобные дни бомбардировокъ, линейнымъ войскамъ нашимъ не представлялось особаго случая дѣйствовать прямо противъ непріятеля, имъ приходилось выжидать приступа осаждающихъ и тогда, выказывалась вся сила русскаго солдата: онъ незналъ усталости и отражалъ всякую попытку непріятеля занять какое либо изъ нашихъ укрѣпленій. Но и въ самомъ выжиданіи штурмовъ

видна была непобѣдимая сила мужества Севастопольскихъ защитниковъ. Теперь трудно представить даже, съ какимъ равнодушіемъ въ теченіи ночи производилось исправленіе поврежденій, совершенныхъ дневною канонадою. Если бы не безконечный ревъ и громъ выстрѣловъ, ежеминутно напоминавшихъ о смертельной борьбѣ, то, смотря на трудившихся и работавшихъ по возобновленію укрѣпленій, можно было подумать, что они работаютъ для самой мирной цѣли, столь веселый видъ имѣли защитники, точно кругомъ ихъ была полная безопасность. А между тѣмъ, смотришь, то того разорветъ на части, то другому оторветъ руку, третьему ногу,—а товарищи погибшихъ неумолкаютъ: все также громко ведутъ свою веселую рѣчь, перемѣшанную остротами надъ непріятелемъ и продолжаютъ свои работы, съ одинаковымъ рвеніемъ возстановляя полуразрушенныя или совершенно уничтоженныя укрѣпленія.

Послѣ полудня, 5-го августа, съ непріятельскихъ батарей снова раздались залпы; но въ этотъ разъ дѣйствовали не всѣ батареи, такъ какъ многія непріятельскія пушки были подбиты мѣткимъ огнемъ нашихъ орудій. Прицѣльные залпы и артиллерійскій батальный огонь, продолжались до самаго вечера; подъ конецъ, непріятель бросалъ въ насъ залпами невѣроятное количество бомбъ и гранатъ. Огонь продолжался и ночью, но не съ тѣхъ батарей, съ которыхъ дѣйствовали впродолженіи дня, такъ какъ въ нихъ необходимо было исправить поврежденія, произведенныя нашимъ мѣткимъ артиллерійскимъ огнемъ.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, 6-го августа, бомбардировка возобновилась съ обѣихъ сторонъ и съ той-же

силой, какъ и наканунѣ. Назначенный на 6-е августа полковой праздникъ Охотскаго полка, былъ отложенъ, не смотря на всѣ сдѣланныя къ тому приготовленія. Не было времени пировать, нужно было дѣйствовать. Въ то время Севастополь былъ уже не узнаваемъ: изъ прекраснаго и красиваго города онъ превратился въ груду развалинъ; весь городъ былъ одною громадною батареею, жителями которой была прислуга при орудіяхъ. Всякая торговля и промышленность прекратились; только въ Корабельной слободкѣ замѣтна была кое-какая промышленная жизнь; тамъ, у матросскихъ казармъ, подъ стѣнкою, двѣ старухи продавали квасъ, полупшеничный хлѣбъ; да у Графской пристани какой-то мѣщанинъ заваривалъ изъ громаднаго самовара чай, и нѣсколько торговокъ, къ общему удовольствію солдатъ и матросовъ, продавали съ лотковъ хлѣбъ, вареное мясо и фрукты.

Солдаты стали поговаривать между собою, что Французъ съ Англичаниномъ предположили бомбардировать Севастополь, пока онъ не сдастся, а въ противномъ случаѣ намѣрены взять его приступомъ. Дѣйствительно, этого можно было ожидать, такъ какъ во все время поддерживалась самая страшная канонада. Брустверы глыбами осѣдали въ ровъ, и работы, стоившія неимовѣрныхъ усилій и пожертвованій, снова уничтожались, такъ какъ насыпи изъ сухой и рыхлой земли уже не имѣли никакой связи. Особенно много страдалъ бастіонъ № 2-й, превращавшійся къ вечеру въ груду развалинъ, и ни одно орудіе не могло дѣйствовать свободно. Не менѣе страдали и батареи лѣваго фланга Малахова кургана и Корниловскаго бастіона, куда непріятель направилъ самый усиленный артиллерійскій огонь.

Въ продолженіи ночи непріятель производилъ залпы съ баттарей, преимущественно бомбами, такъ что изъ траншей вылетало за разъ по двѣнадцати и болѣе снарядовъ. Невидавши подобныхъ бомбардировокъ, трудно даже представить себѣ то разрушеніе и гибель, какое производили онѣ, осыпая наши укрѣпленія осколками, камнями, кусками желѣза и пулями.

Днемъ непріятель производилъ залпы ядрами; этого рода залпы сглаживали все на своемъ пути. Только одно мужество севастопольцевъ могло противустать этимъ страшнымъ ударамъ ядеръ. Союзники, чтобы производить въ рядахъ нашихъ наибольшее пораженіе, дѣйствовали и обманомъ.

Ночью, 6-го августа, часовъ въ одиннадцать, Англичане подали въ траншеяхъ сигналъ ракетой; вслѣдъ затѣмъ раздался крикъ наступающихъ и послѣдовала ужасная пальба противъ третьяго бастіона. За темнотою ночи, войска наши немогли различать находившихся впереди ихъ предметовъ; они приготовлялись встрѣтить непріятеля, и цѣпь наша была отозвана.

Англичане замѣтивъ отступленіе нашей цѣпи, подняли еще большій шумъ; крики раздавались еще громче, стрлѣьба усилилась; трубы и барабаны подавали сигналъ къ наступленію. Чтобъ встрѣтить во время непріятеля, солдаты наши были вызваны на банкетъ; этимъ воспользовались Англичане, и открыли по бастіону самый учащенный артиллерійскій огонь, а между тѣмъ сами они не выходили изъ траншей; такимъ образомъ вслѣдствіе этой фальшивой тревоги, пало въ нашихъ рядахъ много народу. При всемъ томъ, со стороны нашихъ войскъ, всегдашняя готовность встрѣтить неожиданное нападеніе

непріятеля была необходима, такъ какъ окопы союзниковъ, находились довольно близко уже отъ нашихъ укрѣпленій и ежеминутно можно было ожидать штурма. Служба солдатъ и офицеровъ была до чрезвычайности тяжела. Нѣкоторымъ полкамъ приходилось каждую ночь выходить въ цѣпь или на бастіонъ, такъ что они спали днемъ, а бодрствовали ночью.

Въ теченіи всего августа мѣсяца, Севастополь и его окрестности представляли невиданную до сихъ поръ картину. Борьба шла всюду: на землѣ, на водѣ и подъ землей. Съ 5-го по 11-е августа непріятель почти безостановочно производилъ бомбардировку обоихъ фланговъ Севастополя, начиная отъ Малахова кургана до 4-го бастіона. Не только бастіоны и наскоро возводимыя батареи разрушались подъ ударами непріятельскихъ снарядовъ, но самый городъ, все болѣе и болѣе обращался въ развалины. Православный народъ не находилъ даже свободнаго мѣста, гдѣ бы помолиться и провести хотя часъ вдали отъ смерти и разрушенія. Въ уцѣлѣвшій до сихъ поръ Михайловскій соборъ, во время самой обѣдни, упала бомба, пробила крышу, полъ, и разорвалась въ куски въ подвалѣ, гдѣ хранились церковныя свѣчи. Множество свѣчей выбросило разрывомъ бомбы изъ собора и размѣтало далеко по окрестностямъ; ударъ бомбы потрясъ весь соборъ, со стѣнъ попадали иконы нѣсколько человѣкъ было, болѣе или менѣе опасно, ранено. Необходимость заставила покинуть соборъ и перенести церковь въ болѣе безопасное мѣсто. Для этого избрана была Николаевская батарея гдѣ очистили два смѣжныхъ казамата, устроили алтарь, иконостасъ и, все необходимое для исправленія службы. Но эта временная церьковь была мала

и немогла вмѣтсить въ себѣ всѣхъ приходящихъ молиться. Николаевская батарея была единственнымъ на всей южной сторонѣ мѣстомъ, болѣе или менѣе безопаснымъ отъ бомбъ; тутъ иногда, чтобъ отдохнуть отъ нескончаемаго жужжанія тысячи снарядовъ, посылаемыхъ непріятелемъ, собирались въ особыхъ казематахъ офицеры и солдаты, тутъ нерѣдко раздавалось дружное пѣніе, и выпивалась чарка водки; въ минуты кратковременнаго отдыха, игралось даже на фортепіано и иныхъ инструментахъ.

Кромѣ Николаевской всѣ остальные батареи Севастополя были пронизаны по всѣмъ направленіямъ. Нѣкоторыя бомбы падая совершенно навѣсно на строенія, пробивали насквозь не только потолки и полы, но и подвалы, и тамъ разрывались съ страшною силою. Въ самомъ городѣ съ каждымъ днемъ становилось все невыносимѣе, опаснѣе; по нѣкоторымъ улицамъ не было рѣшительно ни какого прохода: бомбы и ядра неслись по нимъ какъ листья, гонимыя осеннимъ вѣтромъ. Въ нѣкоторыя Севастопольскія улицы нельзя было не только войти, но даже заглянуть; въ нихъ было опаснѣе нежели въ открытыхъ мѣстахъ, такъ какъ снаряды, ударяясь о мостовую и каменныя стѣны домовъ, осыпали проходящаго или проѣзжающаго, градомъ осколковъ и обломковъ.

Такъ какъ канонада съ непріятельскихъ линій съ каждымъ днемъ усиливалась все болѣе и болѣе и осадныя работы ихъ приблизились къ нашимъ укрѣпленіямъ на кратчайшее разстояніе, то и дальность обстрѣливанія нашихъ позицій съ каждымъ днемъ увеличивались сперва къ городу и Корабельной слободкѣ, а потомъ къ южной бухтѣ и къ рейду, а, наконецъ, и на Сѣверную сторону. До этого времени войска наши переправились на Сѣвер-

ную сторону при помощи пароходовъ, баркасовъ и другихъ судовъ, но къ половинѣ августа этотъ способъ переправы оказался въ высшей степени затруднительнымъ, такъ какъ непріятель, овладѣвшій Камчатскимъ редутомъ, началъ стрѣлять въ наши суда. Необходимо было обезпечить переправу нашихъ войскъ чемъ нибудь болѣе удобнымъ нежели суда, которые могли вмѣстѣ съ людьми погибать отъ одного удара ядра. Съ этою цѣлью въ іюнѣ сдѣланы были значительныя закупки на Днѣпрѣ мачтоваго лѣса и, въ теченіи мѣсяца около полуторы тысячи шестисаженныхъ бревенъ, были доставлены къ Севастополю на лошадяхъ и волахъ. Изъ этихъ громадныхъ бревенъ предполагалось построить пловучій мостъ въ бухтѣ между Николаевскимъ и Михайловскимъ фортами. Къ половинѣ августа мостъ былъ готовъ. Онъ состоялъ изъ восьмидесяти плотовъ, которые были собраны въ необыкновенно короткое время: въ какихъ нибудь десять дней, при работѣ ста человѣкъ, въ томъ числѣ только сорока саперъ. Длина моста равнялась четыремъ стамъ тридцати саженямъ; полотно было шириною около трехъ саженъ. Быстрота, съ которою былъ сооруженъ этотъ мостъ, длиною почти въ версту, привелъ въ удивленіе даже нашихъ искусныхъ враговъ, а главное, мостъ далъ намъ возможность получать всегда необходимыя подкрѣпленія съ Сѣверной стороны и располагать по мѣрѣ надобности значительными массами войска.

Такое важное для насъ значеніе моста, не укрылось отъ вниманія осаждающихъ и они всѣми силами старались воспрепятствовать наведенію плотовъ. Въ томъ направленіи, гдѣ наводили пловучій мостъ, посылалось съ непріятельскихъ баттарей въ день до пятисотъ ядеръ и, это длилось

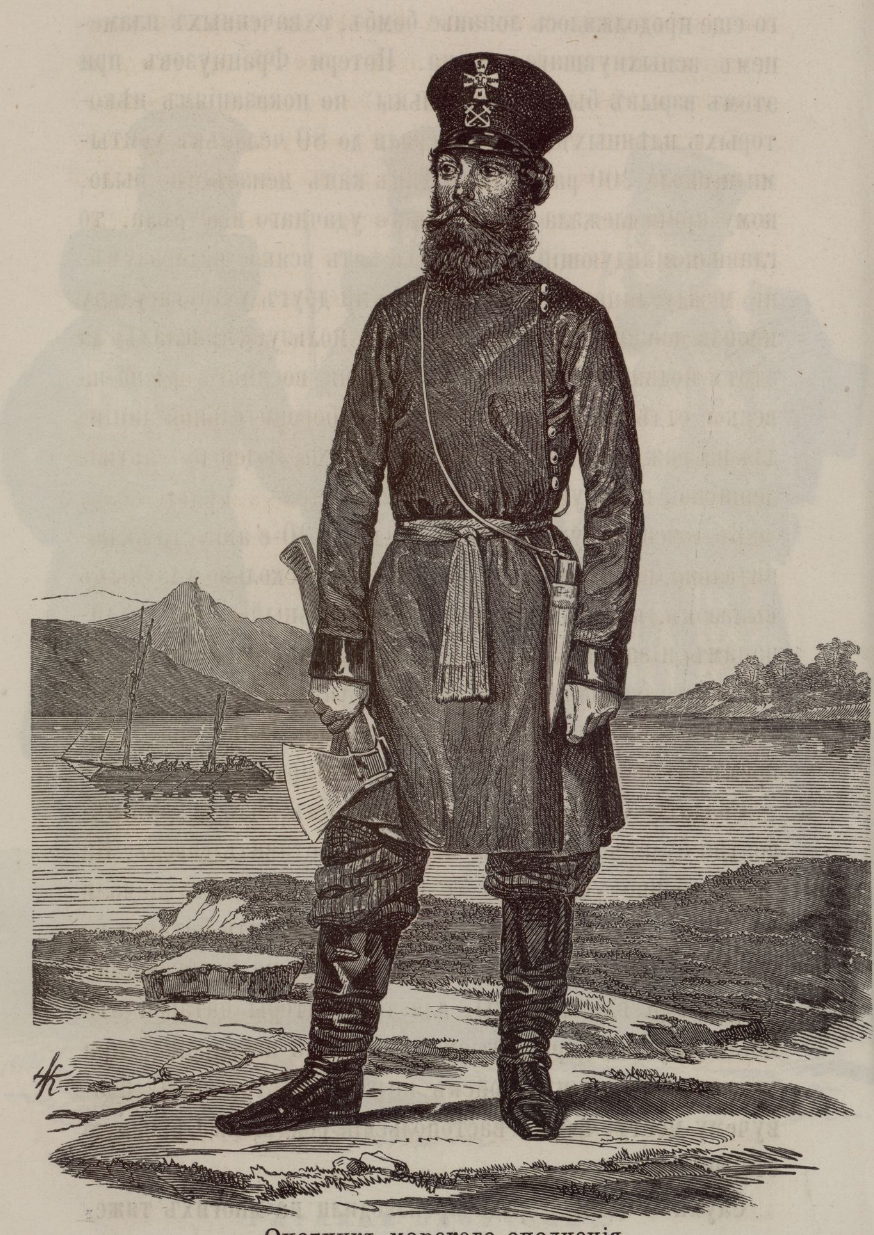
такъ до самаго послѣдняго дня приступа къ Малахову кургану. Но, къ немалой досадѣ непріятеля, изъ нѣсколькихъ тысячъ брошенныхъ въ мостъ ядеръ, попало въ него всего не болѣе ста, а во всемъ мосту не оказалось впослѣдствіи и тридцати пробоинъ. Этотъ то мостъ, который обезпечилъ цѣлость Севастопольскаго гарнизона, освященъ былъ 15-го августа, въ день Успѣнія Пресвятой Богородицы и, вслѣдъ за тѣмъ открытъ для движенія.

Одиннадцатаго августа, передъ пятымъ бастіономъ, на непріятельской мортирной батареѣ, былъ взорванъ брустверъ. Вся прислуга, непогибшая при взрывѣ, бросилась бѣжать, и пока пришла въ себя, наши молодцы успѣли уже снять и унести съ этой батареи двѣ мортирки—*собачки*, какъ называли ихъ въ Севастополѣ.

13-го и 14-го августа непріятель, кромѣ постоянной бомбардировки, произвелъ нѣсколько взрывовъ правѣе, лѣвѣе и впереди 4-го бастіона; хотя поврежденій отъ этихъ взрывовъ и не оказалось въ нашихъ подземныхъ галлереяхъ, тѣмъ не менѣе, успѣшное дѣйствіе нашей артиллеріи было нѣсколько замедлено, сосредоточеннымъ огнемъ непріятеля, противъ нашихъ укрѣпленій.

15-го числа произведены были взрывы съ нашей стороны, успѣхъ ихъ былъ полный, потому что они прекратили на неопредѣленное время работы непріятельскихъ минеровъ, впереди редута Шварца и предъ 4-мъ бастіономъ.

Съ 15-го на 17-е августа былъ произведенъ взрывъ непріятельскаго пороховаго погреба, который находился на бывшемъ Камчатскомъ редутѣ. Взрывъ былъ такъ силенъ, что всѣ стекла въ Николаевскомъ и Павловскомъ укрѣпленіяхъ разлетѣлись въ дребезги; послѣ взрыва дол-

Охотникъ морскаго ополченія.

го еще продолжалось лопанье бомбъ, охваченныхъ пламенемъ вспыхнувшаго пороха. Потери Французовъ при этомъ взрывѣ были значительны: по показаніямъ нѣкоторыхъ плѣнныхъ, они потеряли до 80 человѣкъ убитыми и около 200 ранеными. Такъ какъ неизвѣстно было, кому принадлежала честь такого удачнаго выстрѣла, то главнокомандующій, чтобы разсѣять всякое недоразумѣніе между лицами, оспаривающими другъ у друга удачу произведеннаго взрыва, въ свою пользу, прислалъ за этотъ подвигъ по два знака отличія военнаго ордена на всякое отдѣленіе лѣвой половины оборонительной линіи, для награжденія ими болѣе достойныхъ людей изъ артиллерійской прислуги.

Въ теченіи двухъ дней, съ 18-го по 20-е августа включительно, наши охотники произвели нѣсколько удачныхъ вылазокъ, которыя наносили значительный вредъ Англичанамъ и замедляли ихъ работы по укрѣпленіямъ противъ 4-го бастіона. Иногда сами Англичане дѣлали вылазки, удачно отражаемыя нашими войсками, при чемъ, кромѣ штыковъ, дѣйствовала и наша артиллерія.

Солдаты стали поговаривать о томъ, что вскорѣ вѣроятно будетъ сдѣлано распоряженіе оставить городъ. На это особенно указывало то обстоятельство, что начали уже укрѣплять Сѣверную сторону и возводить батареи не только подлѣ Константиновскаго форта, на морскомъ берегу, но и вдоль бухты, для того, чтобы батареи эти могли служить прикрытіемъ на случай переправы, при отступленіи нашихъ войскъ по вновь устроенному плавучему мосту, чрезъ севастопольскій рейдъ, на Сѣверную сторону.

Слухи о сдачѣ города производили на многихъ тяже-

Встрѣча Черноморскихъ матросовъ у Серпуховской заставы (въ Москвѣ).

лое впечатлѣніе, такъ какъ никому не хотѣлось допустить мысли о возможности этой сдачи. Между тѣмъ, на подмогу къ солдатамъ пришли въ Севастополь ополченцы.

Калужскому и Курскому ополченіямъ выпало на долю примкнуть къ числу защитниковъ Севастополя. «Родимые, родимые пришли!» радостно говорили солдаты, встрѣчая ополченцевъ.

Доблестно сослужили свою боевую службу ополченцы въ эту трудную, тяжкую годину Крымской войны. Пока ихъ собратья-солдаты бились съ врагами въ Турціи, Крыму, и въ Финляндіи, ополченцы занимали гарнизоны въ городахъ и дѣлили съ войсками въ Севастополѣ труды и лишенія осады, защищая честь Руси православной. Сформировано было также особое «морское ополченіе», охотники котораго принесли много пользы при защитѣ Петербурга и береговъ Балтійскаго моря.

Нѣкоторымъ дружинамъ приходилось нести такую же тяжелую службу, какъ и регулярнымъ войскамъ; особенно тяжелая работа выпала на долю Курскаго ополченія, пришедшаго прежде другихъ. Нѣкоторыя дружины были откомандированы на бастіоны для пополненія артиллерійской прислуги. Конечно, ополченцевъ берегли какъ новичковъ, непривыкшихъ еще ко всѣмъ требованіямъ военной боевой жизни; по этому-то ихъ не ставили лицомъ къ лицу въ открытыхъ мѣстахъ, съ хорошо вооруженнымъ непріятелемъ, тѣмъ болѣе, что у нашихъ ополченцевъ вмѣсто нарѣзныхъ ружей, были кремневыя. Кромѣ того, ратники не успѣли еще въ короткое время усвоить себѣ всѣхъ пріемовъ службы. За то въ крѣпости, и на баттареѣ, ратники были на своемъ мѣстѣ, — здѣсь они высказали всю свою бодрость и готовность умереть за крестъ

святой, осѣняющій ихъ. Подготовленіе ратниковъ къ боевой службѣ не легко имъ доставалось: незнакомые съ жизнью солдата, съ его обычаями и привычками, наши ратники въ Севастополѣ, не могли сразу свыкнуться съ тѣми лишеніями, которыя впрочемъ такъ обыкновенны въ военное время, и вслѣдствіе того заболѣвало въ началѣ много ратниковъ. Наружную выправку ополченцы скоро себѣ усвоили, хотя при встрѣчѣ съ начальствомъ они зачастую хватались рукой за шапку, забывая, что шапка съ крестомъ была тоже, что киверъ или каска у солдатъ. Когда соберутся бывало нѣсколько ополченцевъ, то между ними всегда можно было увидѣть солдата, который разсказывалъ имъ про дѣла Севастопольскихъ защитниковъ, объяснялъ Севастопольскіе порядки, указывалъ гдѣ стоятъ наши войска и для чего они поставлены именно тамъ; а также гдѣ и какъ расположены войска союзниковъ. Ратникамъ ко многому приходилось привыкать, начиная отъ зданій и развалинъ города и кончая бѣлымъ облачкомъ дыма, лопнувшей въ воздухѣ бомбы. Упадетъ ли ядро въ бухту, бурля воду, подниметъ ли ударившійся объ землю снарядъ черный столбъ пыли и дыма, — ратники сразу бросятся во всѣ стороны, думая, что снарядъ летитъ прямо на нихъ, а солдатъ-разсказчикъ хохочетъ, удивляясь трусости необстрѣленныхъ еще новичковъ. Въ свою очередь и ополченцы сами подсмѣивались другъ надъ другомъ, укоряя того, кто первый старался отстраниться отъ падающаго снаряда, или валился для того на землю. Вскорѣ ополченцы привыкли, война казалась имъ потѣхою, но только до тѣхъ поръ, пока они сами не побывали въ сраженіяхъ.

XI.

Приготовленіе союзниковъ къ приступу. — Трехдневное бомбардированіе Севастополя. — Пожаръ военныхъ судовъ. — Приступъ къ Малахову кургану. — Битвы на 2-мъ бастіонѣ, на редутахъ Шварца и Бѣлкина. — Послѣдняя борьба на Малаховомъ курганѣ. — Переправа нашихъ войскъ на Сѣверную сторону.

Послѣднимъ роковымъ приступомъ къ Севастополю, заключилась безпримѣрная защита этой твердыни русской, противъ соединенныхъ силъ его враговъ. Приближеніе рѣшительной минуты каждый чувствовалъ, и хотя Севастополь представлялъ уже однѣ только сплошныя развалины, но съ ними до того сжились безстрашные его защитники, для нихъ до того былъ дорогъ каждый вершокъ земли, орошенный потомъ и кровью русскою, что самая мысль объ оставленіи Севастополя стала имъ ужаснѣе смерти.

Заставивши враговъ бороться съ нами въ теченіи почти года, у стѣнъ одного и того же города, казалось мы должны были довести ихъ до убѣжденія въ невозможности сломить твердыню сильную, — защищаемую не искусными крѣпостными работами, не совершенствомъ оружія и массою войскъ, но необыкновенною стойкостью русскаго воина, сознаніемъ священнаго долга, равнодушіемъ къ смерти въ минуты самыхъ смѣлыхъ и безнадежныхъ предпріятій и неутомимостью въ работѣ, несмотря на всѣ лишенія. Но, при всѣхъ этихъ высокихъ качествахъ севастопольскихъ защитниковъ, духъ которыхъ присущь сердцамъ русскихъ воиновъ, судьба ввѣреннаго имъ Севастополя была начертана свыше.

Севастопольскіе герои — а ими были всѣ, и солдаты и офицеры, до высшихъ начальниковъ, — доказали и въ

этотъ разъ міру, какъ русскій человѣкъ умѣетъ отстаивать свою родную землю. До сихъ поръ, войска наши, или сами брали непріятельскія крѣпости, или же боролись съ непріятелемъ въ открытомъ полѣ, а въ Севастополѣ, въ первый разъ пришлось Русскимъ испытать силы свои при оборонѣ крѣпости, и вотъ, русскій воинъ показалъ изумленному міру, что можетъ онъ сдѣлать съ топоромъ, лопатой и киркой въ рукѣ; какъ онъ этими орудіями успѣлъ въ нѣсколько дней изъ земли, хвороста и дерюги нагромоздить твердыню, для сокрушенія которой четыре державы истощали всѣ свои средства.

Но, все таки твердынѣ этой суждено было пасть и не потому чтобы ослабѣла мощность духа ея защитниковъ, или чтобы въ нашихъ арсеналахъ и заводахъ не хватило средствъ къ продолженію борьбы до полнаго истощенія непріятельскихъ силъ. Нѣтъ, Севастополь палъ не потому, чтобы ослабѣли силы защитниковъ, а потому что та родная земля, изъ которой русскій воинъ строилъ свою защиту, превратилась въ прахъ. Пронизываемая ядрами, бомбами и разрывными бочками, ежедневно переворачиваемая лопатами и руками съ мѣста на мѣсто, для исправленія поврежденій предшествовавшаго дня, земля отказывалась служить защитникамъ Севастополя. Она потеряла всякую связность и осыпалась какъ песокъ, каждый разъ когда непріятельскій снарядъ попадалъ въ нее. Цѣлыя ночи безъустали проводили Севастопольцы въ исправленіи поврежденій, но все это было безполезно: на другой день земля становилась еще слабѣе и защитники изнемогали подъ тяжестью невѣроятной борьбы съ этою землею, которая какъ бы сама устала сопротивляться неутомимымъ усиліямъ сильнѣйшихъ союзниковъ.

Съ другой стороны, и непріятель, предвидя для себя страшный конецъ, въ случаѣ еслибы продлилась осада Севастополя, хотя бы на одинъ мѣсяцъ, напрягалъ всѣ свои силы, чтобы ускорить часъ паденія русской твердыни.

Можно сказать, что роковымъ днемъ для Севастополя былъ день 4 (16) августа, въ который происходило, памятное въ лѣтописяхъ Крымской войны, сраженіе при Черной рѣчкѣ. Главнокомандующій князь Горчаковъ имѣлъ въ виду, сраженіемъ этимъ отвлечь непріятельскія силы отъ осадныхъ работъ. Но имѣя гораздо слабѣйшую позицію, войска наши принуждены были ограничиться только незначительнымъ нападеніемъ на союзниковъ и, послѣ второй атаки на *Трактиръ*, отступить по дорогѣ къ Мекензи. Послѣ этого сраженія союзники увеличили съ восточной стороны Севастополя, свои обсерваціонныя линіи и, затѣмъ, приступили къ усиленной осадѣ.

Но наступали уже послѣдніе дни многострадальнаго Севастополя!

Съ 24-го августа началось общее усиленное бомбардированіе. Непріятель открывалъ огонь постепенно. Часа три или четыре гремѣла безпрерывная канонада, то залпами, то бѣглымъ огнемъ всѣхъ батарей; потомъ огонь непріятельскій совершенно прекращался на нѣсколько времени, но за то усиливался огонь штуцерныхъ изъ траншей.

Все дымилось, горѣло и разрушалось въ Севастополѣ, или, вѣрнѣе сказать: на мѣстѣ бывшаго когда-то Севастополя; по истинѣ, это была *купина огненная*, какъ выразился преосвященный Иннокентій, архіепископъ Хер-

сонскій и Таврическій, посѣтившій Севастополь въ послѣдніе дни его осады.

Земля дрожала, небо казалось багровымъ отъ огня выстрѣловъ, окрестности потрясались, и далеко по нимъ слышался грозный гулъ канонады.

Невозможно представить себѣ всего, что преодолѣли и перенесли защитники Севастополя до послѣдняго дня штурма. Въ одинъ день 24 августа непріятель бросилъ въ Севастополь 86,000 снарядовъ (70,000 ядеръ и 16,000 бомбъ и гранатъ). Не было уже ни какой возможности исправлять окопы и насыпи, и потому саперы ограничились только насыпкою земли на пороховые погреба. Брустверы, обрушиваясь, заваливали рвы; должно было безпрестанно разчищать амбразуры, при чемъ рабочіе и артиллерійская прислуга гибли во множествѣ, такъ что едва успѣвали замѣнять убитыхъ и выносить раненыхъ.

25 и 26 августа огонь непріятеля, не прекращавшійся по всей линіи, производился залпами, и только временно усиливался, то противъ праваго, то противъ лѣваго фланговъ севастопольской оборонительной линіи. Утромъ въ этотъ день непріятель сталъ также бросать на Малаховъ курганъ разрывныя бочки, или такъ называемыя *метательныя мины*. Снарядомъ этимъ предполагалось окончательно разрушить баттареи Севастополя. Метательныя мины состояли изъ боченка, скрѣпленнаго желѣзными обручами, и наполненнаго шестью пудами пороха. Огонь сообщался боченку посредствомъ пороховаго провода, пропущеннаго сквозь поддонъ и нижнее дно боченка. Метательныя мины дѣйствительно разрушили много насыпей на бастіонахъ и баттареяхъ Севастополя. Вечеромъ того же дня произошелъ страшный взрывъ на Графской при-

стани: непріятельская ракета ударила въ большой складъ пороха, (до 300 пудовъ) который готовились отправить въ Севастополь съ Сѣверной стороны. Въ теченіе ночи, огонь непріятеля былъ нѣсколько слабѣе, но возобновился съ прежнею силою утромъ 27-го августа.

Подъ прикрытіемъ усиленной трехдневной бомбардировки и при довольно сумрачной погодѣ, непріятель дѣятельно расширялъ свои траншеи и строилъ прикрытія для войскъ, готовившихся къ аттакѣ. Со стороны Малахова кургана, куда направлялись всѣ усилія союзниковъ, французскія баттареи подступили на сорокъ шаговъ; но не находили, также какъ и Англичане, ни какой возможности продолжать свои осадныя работы, подъ самыми жерлами пушекъ нашихъ бастіоновъ. Въ тоже время, имъ необходимо было во что бы то ни стало воспрепятствовать намъ кончить вторую линію укрѣпленій, позади Малахова кургана и бастіона № 2-й. Союзники, опасались также большаго развитія нашихъ работъ, противъ ихъ баттарей. Ко всему этому союзники нетерпѣливо ждали окончанія войны, которая въ противность ихъ расчетамъ, затянулась столь долго. А тутъ наступала осень; въ лагеряхъ союзниковъ, въ Крыму и Турціи (въ Варнѣ) открылись повальныя болѣзни и, наконецъ, между самыми союзниками могли бы возникнуть несогласія и тогда имъ пришлось бы испытать еще большія бѣдствія. Все это заставило ихъ рѣшиться взять Севастополь приступомъ, хотя они очень хорошо понимали, что завладѣть линіею бастіоновъ, вооруженныхъ полутора-тысячами орудій не легко.

27-го августа въ десять часовъ утра, дали знать, что въ передовыхъ непріятельскихъ траншеяхъ, передъ Ма-

лаховымъ курганомъ стягиваются войска. Ружейный огонь противъ Малахова кургана, 1, 2 и 3-го бастіоновъ въ тоже время совершенно затихъ, такъ что многіе воспользовались этимъ временемъ, и на-скоро исправили поврежденія на бастіонахъ.

Къ полудню канонада стихла на правомъ флангѣ непріятеля. Затѣмъ огонь совсѣмъ прекратился и надъ Севастополемъ воцарилась тишина, прерываемая движеніемъ войскъ, готовившихся сойтись лицемъ къ лицу въ послѣднемъ бою. Враги не заставили себя долго ждать. Союзныя войска, начали наступленіе по всей линіи: правый флангъ и центръ занимали Французы, лѣвый-Англичане. Наступленіе началось съ праваго фланга. Французы двинулись какъ стѣна, не смотря на встрѣчный вѣтеръ; въ сплошные ряды ихъ поминутно падали бомбы и вырывали изъ строя людей, но воодушевленные мужествомъ солдаты, не остановились передъ огнемъ нашихъ баттарей. Наконецъ Французы подступили къ Малахову кургану: саперы бросились съ лѣстницами впередъ и за тѣмъ началась общая свалка, въ которой за дымомъ и смѣшавшимися войсками, ничего нельзя было разобрать.

Невозможно изобразить съ точностью никакой битвы, а тѣмъ болѣе общаго приступа и при томъ такого, какой выдержали наши Севастопольцы. Поэтому, мы опишемъ отдѣльныя картины изъ приступа разныхъ частей нашей оборонительной линіи.

Въ 8 часовъ утра, начальнику лѣваго фланга генералъ-лейтенанту Хрулеву донесли о сильномъ движеніи въ непріятельскихъ траншеяхъ. Генералъ Хрулевъ немедленно потребовалъ изъ главной квартиры—подкрѣпленій. Въ 11 часовъ на Малаховомъ курганѣ раздался крикъ: «Фран-

цузы!»; едва успѣли протрубить тревогу, какъ три густыя колонны французовъ, начали приближаться къ флангу кургана. Съ кургана раздалось шесть выстрѣловъ изъ орудій.... это были послѣдніе выстрѣлы на Малаховомъ курганѣ.

Сильнѣйшія колонны Французовъ бросились на Малаховъ курганъ. Главная колонна непріятеля ворвалась въ бастіонъ такъ неожиданно, что полевыя орудія не успѣли даже дать залпъ картечью. Французы, взбѣжавъ на курганъ съ замѣчательною быстротой, тотчасъ же подняли на немъ свое трехъ-цвѣтное знамя.

Всѣ защитники Малахова кургана бросились къ брустверу, сталкиваясь въ попыхахъ съ непріятелемъ, лицемъ къ лицу. Орудія на курганѣ были почти всѣ подбиты; нѣкоторыя дали по выстрѣлу, но уже тогда, когда атакующіе были у самыхъ амбразуръ кургана. Чтобы приложить къ затравкѣ фитиль (орудія были еще заранѣе заряжены), надо было сперва пробиться сквозь толпу смѣльчаковъ, взлѣзавшихъ на орудія, и силившихся вырвать фитиль изъ рукъ артиллеристовъ. За то, когда удавалось во время выстрѣлить изъ орудія, то вся толпа непріятелей, заслонявшихъ амбразуру, пронизывалась насквозь картечью, падала и разбрасывалась въ стороны. Но на мѣсто убитыхъ, тотчасъ же становились новые стрѣлки и зуавы, такъ какъ мѣсто около выпалившаго орудія было уже безопаснымъ.

Французы, завидя на башнѣ Малахова кургана свое знамя, поползли какъ муравьи, и заняли всю верхнюю оконечность кургана, прорвались къ развалинамъ башни, и, засѣвъ тамъ, открыли частую ружейную пальбу по строившемуся гарнизону. Прагскій пѣхотный полкъ уда-

рилъ на враговъ въ штыки, со сводной командой изъ матросовъ и охотниковъ другихъ полковъ. Началась кровопролитная битва; цѣлыя толпы Русскихъ и Французовъ перемѣшались, поражая другъ друга штыками, камнями, прикладами, душили другъ друга за горло, царапались и кусались въ изступленіи. Въ этой отчаянной схваткѣ раненъ былъ командиръ полка, полковникъ Фрейндъ, и большая часть офицеровъ убита... А между тѣмъ, непріятельскія колонны все наступали впередъ, со всѣхъ сторонъ, взлѣзая по обсыпавшемуся брустверу. Тогда остатокъ гарнизона съ Малахова кургана, не имѣя возможности сопротивляться долѣе, отступилъ къ сосѣдней батареѣ Жерве, а частью за проходъ, ведущій къ Корабельной сторонѣ.

При первой вѣсти о штурмѣ, храбрый и неутомимый лейтенантъ Вульфертъ, находившійся на Малаховомъ курганѣ съ самаго начала осады, тотчасъ же послалъ сказать о томъ генералъ-лейтенанту Хрулеву. Но генералъ Хрулевъ уже зналъ о штурмѣ. Онъ и его свита, вскочили на лошадей, которыя постоянно держались осѣдланными, и первымъ дѣломъ Хрулева было взглянуть на Малаховъ курганъ, на которомъ, по условію, въ случаѣ неудачи, приказано было поднять синій флагъ; этотъ флагъ и былъ поднятъ, но его сбило непріятельскимъ ядромъ.

Не видя на курганѣ условнаго синяго флага, генералъ лейтенантъ Хрулевъ сказалъ спокойно: «ну Малаховъ еще держится», и затѣмъ поспѣшилъ ко 2-му бастіону. Онъ тотчасъ же двинулъ Шлиссельбургскій пѣхотный полкъ на выручку 2-го бастіона, но получивъ извѣстіе что непріятель уже отбитъ войсками генерала Сабашинска-

го, расположилъ полкъ по второй оборонительной линіи, между Малаховымъ курганомъ и 2-мъ бастіономъ.

Въ это время донесли генералу Хрулеву, что Малаховъ курганъ занятъ непріятелемъ; храбрый защитникъ Севастополя тотчасъ же поспѣшилъ въ самый разгаръ боя. Ладожскій пѣхотный полкъ, предводимый самимъ Хрулевымъ, молодецки ударилъ на враговъ, занимавшихъ Малаховъ курганъ.

Безстрашный генералъ Хрулевъ былъ впереди всѣхъ; онъ высоко поднялъ къ верху серебряный образъ, висѣвшій на его груди, и громко крикнулъ Ладожцамъ: «благодѣтели, за мной, впередъ!...» Въ это самое время непріятельская штуцерная пуля раздробила ему большой палецъ лѣвой руки.

Съ крикомъ «ура» бросились наши войска, направленныя своимъ любимымъ генераломъ, и вмигъ взобрались на Курганъ. Генералъ-лейтенантъ Хрулевъ хотя и былъ раненъ, но превозмогалъ себя еще нѣсколько минутъ, и не выходилъ изъ битвы; наконецъ, чувствуя, что силы его слабѣютъ, онъ обратился къ находившимся возлѣ него офицерамъ, и просилъ «поддержать его».

Хрулева отнесли на перевязочный пунктъ; между тѣмъ войска, введенныя имъ на Малаховъ курганъ и уже занявшія все пространство кургана, остановились и начали съ непріятелемъ живую перестрѣлку. Русскихъ стрѣлковъ отдѣляла отъ Французовъ одна только насыпь, въ 2 или 3 сажени шириною. Такъ храбрецы перестрѣливались нѣсколько минутъ, открытые по поясъ. Въ это время генералъ-маіоръ Лысенко былъ тяжело раненъ, генералъ-маіоръ Юферовъ убитъ, и вскорѣ былъ также тяжело раненъ генералъ-лейтенантъ Мартинау. Флигель-

адъютантъ Воейковъ, храбрый молодой офицеръ, въ пылу битвы, увѣщевая солдатъ отбить курганъ, вскочилъ на насыпь, и въ тотъ же мигъ упалъ, пораженный пулею.

Всю площадку бастіона занимала густая толпа непріятельскихъ стрѣлковъ, обстрѣливавшихъ узкіе проходы между насыпями бастіона. Русскіе стрѣлки также еще держались на курганѣ. Борьба продолжалась... Вдругъ воинскіе крики непріятеля раздались на правомъ флангѣ и въ тылу нашихъ войскъ: непріятель, занявъ баттарею, прилегающую къ кургану, бросился на брустверъ Малахова кургана, еще не совершенно занятый Французами. Войска наши, отовсюду поражаемыя непріятельскими пулями, вынуждены были отступить; между тѣмъ Французы напирали все сильнѣе и настойчивѣе, напрягая усилія для окончательнаго овладѣнія грознымъ Малаховымъ курганомъ.

По мѣрѣ отступленія нашихъ войскъ, Французы, опасаясь новой атаки, поспѣшно закладывали, чѣмъ попало, главный проходъ на Малаховъ курганъ, набрасывая въ него мѣшки съ землею, разбитые лафеты и даже трупы убитыхъ. Послѣ этого напрасны были всѣ усилія къ отбитію кургана, тѣмъ болѣе, что къ Французамъ безпрестанно прибывали новыя подкрѣпленія. Однако и послѣ того, инженеръ-подполковникъ Генерихъ, съ двумя ротами саперъ, успѣлъ пробиться въ укрѣпленіе, но уже держаться въ немъ не было возможности: храбрецы-саперы принуждены были отступить.

Не менѣе удачно защищались наши войска на редутѣ Шварца. Большая часть французскихъ саперовъ, несшихъ лѣстницы, была перебита впереди редута или во рву. Но гибель товарищей не остановила Французовъ;

они бросились на первый рядъ укрѣпленій и овладѣли ими. Войска наши укрылись за траверзами и когда французовъ набралось достаточно, они встрѣтили ихъ сильнымъ картечнымъ огнемъ. Оборонѣ редута, одновременно помогалъ сосѣдній редутъ Бѣлкина и полевая артиллерія, наскоро построившаяся въ баттареи. Французы въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ залегли у обрыва въ двѣнадцати саженяхъ отъ редута Бѣлкина и ждали удобной минуты, чтобы броситься на штурмъ. Но въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ собралась густая толпа, былъ заложенъ шестнадцати-пудовый фугасъ, зажженный еще въ началѣ штурма, но на него почти уже и не расчитывали. Вдругъ, раздается взрывъ и нѣсколько сотъ человѣкъ гибнетъ на мѣстѣ, другіе бросились въ ровъ, но здѣсь ихъ встрѣтилъ убійственный картечный огонь. Такимъ образомъ войска наши не только успѣли отбить усиленный приступъ на центръ и на правый флангъ нашихъ укрѣпленій, но даже нанести непріятелю значительный уронъ, такъ какъ, при нападеніи французовъ на редуты Шварца и Бѣлкина, убито и ранено нѣсколько сотъ Французскихъ солдатъ и офицеровъ и четыре генерала.

Войска наши и артиллерія вездѣ оказали непріятелю успѣшное сопротивленіе и нападенія на всѣ наши форты были отбиты. Одинъ только Малаховъ курганъ, и то не весь, находился въ рукахъ непріятеля. Сюда-то и направились всѣ усилія Севастопольцевъ, такъ какъ владѣющій Малаховымъ курганомъ — владѣетъ и городомъ.

Было уже четыре часа пополудни. Свѣжія французскія и сардинскія войска готовы были броситься на 4-й бастіонъ, противъ котораго велась усиленная надземная и подземная (минная) война; но французскій главноко-

мандующій Пелисье убѣдился, что аттаковать всю линію нашихъ укрѣпленій значитъ безполезно губить свои войска, поэтому, все вниманіе французовъ было сосредоточено на Малаховомъ курганѣ, на который послано было пятнадцати-тысячное подкрѣпленіе, такъ какъ знали очень хорошо, что русскія войска попытаются взять обратно этотъ курганъ и что овладѣть имъ тогда не такъ то будетъ легко.

Французы хорошо ознакомились со стойкостью русскихъ солдатъ и боялись упустить изъ своихъ рукъ дорого стоившее имъ укрѣпленіе. Въ то время, когда Французы, по свидѣтельству солдатъ, стоявшихъ на Малаховомъ курганѣ, вскочили на него, какъ векши, большая часть солдатъ Модлинскаго полка, занимавшихъ бастіоны, отступили и часть ихъ пала въ неравномъ бою съ непріятелемъ, 30-ть же человѣкъ, которымъ было поручено защищать башню, гдѣ хранились патроны и снаряды, не успѣли отступить вмѣстѣ съ остальными и принуждены были, среди нѣсколькихъ тысячъ Французовъ, запереться въ башнѣ и ждать тамъ смерти или плѣна. При командѣ находилось три офицера, имена которыхъ достойны сохраниться въ памяти потомства, имена ихъ слѣдующія: поручикъ Юній, и подпоручики: Данильченко и Богдзевичъ. Тридцать нашихъ храбрецовъ, при трехъ офицерахъ и двухъ кондукторахъ морской артиллеріи прикрылись въ одной изъ арокъ башни, впереди которой находилась яма. У выхода изъ арки, стояло нѣсколько солдатъ съ длинными пиками, концы которыхъ выглядывали изъ за стѣнки; остальные открыли пальбу по проходящимъ мимо ихъ войскамъ, и сдѣлались рѣшительно неприступными.

Въ первый моментъ Французы, овладѣвши Малахо-

вымъ курганомъ, не замѣчали въ пылу битвы, что изъ башни сыпятся на нихъ удары, и Французскіе солдаты падали, поражаемые пулями, пущенными въ нихъ изъ за потаеннаго прикрытія. Наконецъ зуавы открыли русскихъ засѣвшихъ въ башнѣ, и пытались было ворваться въ нее, но большая часть зуавовъ была перебита; на помощь къ нимъ подоспѣло орудіе и началась правильная осада башни. Модлинцы заперлись наглухо, оставивъ отверстіе для того, чтобы только просунуть ружье. Сотни французскихъ пуль не наносили никакого вреда осажденнымъ, разбиваясь о стѣны башни или отскакивая отъ нихъ. Генералъ Макъ-Магонъ, не зная какъ справиться съ упорными Модлинцами, приказалъ было обложить башню фашинникомъ и зажечь его, чтобы принудить нашихъ солдатъ сдаться, или же уничтожить ихъ огнемъ. Но догадываясь, что въ башнѣ хранится порохъ, онъ приказалъ потушить фашинникъ, такъ какъ взрывъ произвелъ бы опустошеніе въ рядахъ Французовъ и имъ пришлось бы бѣжать съ кургана. Тогда къ дверямъ подвезли орудіе и пустили изъ него гранатою; первую гранату осажденные успѣли залить водою; но за первою гранатою послѣдовала вторая, и ворвавшись въ башню, лопнула и переранила половину солдатъ. Поручикъ Юній, видя невозможность болѣе держаться, приказалъ выставить изъ бойницы парламентерскій флагъ изъ одной половины рубашки, насаженной на штыкъ, другая половина пошла на перевязку ранъ. Кондукторъ Венецкій отправленъ былъ парламентеромъ къ Французамъ и тридцать храбрецовъ солдатъ сдались плѣнными. Вслѣдъ за этимъ раздался взрывъ въ башнѣ и въ первую минуту Французы думали, что взрывъ этотъ сдѣланъ Модлинцами; озлобленные солдаты

хотѣли было броситься на Модлинцевъ, но офицеры удержали ихъ. Затѣмъ, плѣнныхъ отвели на Камчатскій редутъ, гдѣ они были втрѣчены съ уваженіемъ, котораго заслуживали своею твердостью и отчаянною защитою.

Главнокомандующій князь Горчаковъ видя, что Малаховъ курганъ уже занятъ Французами, и сознавая необходимость очистить городъ, рѣшился воспользоваться отбитіемъ приступа на всѣхъ прочихъ бастіонахъ и утомленіемъ аттакующаго, для выполненія своего труднаго плана. Генералъ-лейтенанту Шепелеву приказано было удерживать до ночи разрушенныя строенія на сѣверной покатости Малахова кургана, что и было исполнено, не смотря на всѣ усилія Французовъ выдвинуться впередъ изъ бастіона.

Около пяти часовъ по полудни было отдано приказаніе: съ сумерками начать отступленіе съ южной стороны Севастополя на Сѣверную сторону, черезъ бухту. Участь Севастополя окончательно была рѣшена.

Тяжело было храбрымъ русскимъ войскамъ предпринимать отступленіе изъ роднаго имъ Севастополя! Моряки, защитники бастіоновъ, передъ отступленіемъ старались все разрушить: приводили въ негодность орудія, рубили станки и устраивали приводы къ пороховымъ погребамъ, которые рѣшено было взорвать на воздухъ. Съ грустью на сердцѣ покидали герои-Севастопольцы свое боевое пепелище послѣ стольких жертвъ и усилій, послѣ 349-ти дней, исполненныхъ страданія, опасности, подвиговъ и изнуренія.

Вѣтеръ, бушевавшій съ утра, утихъ къ вечеру; но бухта все еще волновалась и наведенный мостъ сильно качало.

Переправа раненыхъ началась съ 4-хъ часовъ вечера, тотчасъ послѣ отдачи главно-командующимъ приказанія очищать южную сторону. Изъ Николаевской казармы и изъ другихъ мѣстъ приносили на пристань койки, на которыхъ лежали закутанные, раненные страдальцы. Отсюда, на пароходахъ и лодкахъ перевозили ихъ на сѣверную сторону.

Въ 6 часовъ пополудни сдѣлано было распоряженіе объ отступленіи; а чтобы непріятель не замѣтилъ нашего движенія, охотники и часть артиллерійской прислуги были оставлены на оборонительной линіи и поддерживали перестрѣлку вдоль бастіоновъ.

Внутри города устроенныя заранѣе баррикады, на правой половинѣ, заняты были полками: Тобольскимъ, Волынскимъ и Минскимъ, а на лѣвой—Азовскимъ и Одесскимъ полками.

Подъ прикрытіемъ сихъ передовыхъ частей, войска, позади оныхъ расположенныя, послѣдовательно стали стягиваться на Николаевскую площадь и оттуда переправлялись чрезъ мостъ; а войска съ Корабельной стороны садились на суда и пароходы, приготовленные распоряженіемъ вице-адмирала Новосильскаго.

Къ полуночи у переправы собрались войска, построенныя по ротамъ. Возы, телеги, фуры и всякіе экипажи столпились близъ моста. Наконецъ вся эта масса двинулась на ту сторону; солдаты шли тихо, даже лошади робко ступали по зыблющемуся мосту; сердце щемила глухая боль, жалость и тоска, и двигалась до 6 часовъ утра. Подъ тяжестью войска, мостъ гнулся и затоплялся водою до половины колѣнъ. Всевозможные суда сновали взадъ

и впередъ, перевозя войска, мѣстныхъ жителей, ихъ багажи лошадей и прочее.

Когда всѣ войска очистили Николаевскую площадь и Павловсвій мысокъ, а раненые, бывшіе на Николаевской и Павловской баттареяхъ, были перевезены на Сѣверную сторону, поданъ былъ сигналъ, по которому остальная артиллерійская прислуга, охотники и войска, занимавшіе баррикады, начали отходить къ пунктамъ переправы чрезъ бухту.

Наступила ночь—темная, безлунная; въ отдаленіи начали уже раздаваться взрывы—прощальные вздохи многострадальнаго Севастополя. Направо, на рейдѣ еще мелькали темныя громады линѣйныхъ кораблей, которые также приказано было затопить; пароходы шумно сновали въ бухтѣ по всѣмъ направленіямъ, раскидывая искры въ клубахъ густаго чернаго дыма. Между тѣмъ, бомбы и ядра летали надъ городомъ, небо пылало заревомъ горѣвшихъ домовъ Севастополя.

Вскорѣ на бастіонахъ Севастополя изъ конца въ конецъ замелькали, словно огненныя змѣйки: это были загорающіеся приводы къ пороховымъ погребамъ въ укрѣпленіяхъ; взрывы стали раздаваться все слышнѣе и ближе къ окраинѣ южной стороны; пожары, еще только начинавшіеся при отступленіи русскихъ войскъ черезъ бухту, разгорѣлись и вскорѣ слились въ одно море пламени.

Около 7 часовъ утра переправа кончилась. Пятьсотъ человѣкъ успѣли въ часъ развести громадный мостъ, котораго съ изумленіемъ непріятель искалъ на другой день. Они не только не могли помѣшать нашей ночной переправѣ, но даже не смѣли войти въ покинутый Севастополь, объятый со всѣхъ сторонъ пламенемъ. Среди чор-

ныхъ клубовъ дыма и зарева пожаровъ, безпрестанно раздавались взрывы пороховыхъ погребовъ, продолжавшiеся и на слѣдующiй день. Мы должны были покинуть Севастополь, но непрiятелю оставили однѣ только развалины, покрытые кровью и трупами!....

Какъ защитники Севастополя такъ и союзники одинаково храбро и неутомимо боролись изъ за обладанiя нашей черноморской твердыни, за то и жертвы, понесенныя обѣими сторонами въ послѣднiе дни были почти равносильны въ отношенiи потери людей, а именно: у союзниковъ выбыло изъ строя 10,000 человѣкъ, а у насъ— 11,000 тысячъ.

Такъ, послѣ столь упорной защиты города, укрѣпленнаго наскоро полевыми окопами въ виду сильнаго непрiятеля,—гарнизонъ свободно оставилъ городъ, а непрiятель, подъ влiянiемъ кровавыхъ отпоровъ, данныхъ ему еще накануне, не посмѣлъ даже преслѣдовать. Переходъ войскъ на Сѣверную сторону совершился съ потерею нѣсколькихъ только человѣкъ.

31-го августа 1855 г. отданъ былъ приказъ по южной армiи и военно-сухопутнымъ и морскимъ силамъ въ Крыму.

Храбрые товарищи! 12 сентября прошлаго 1854 г., сильная непрiятельская армiя подступила подъ Севастополь. Не взирая на числительное свое превосходство, ни на то, что городъ сей былъ лишонъ искусственныхъ преградъ, она не отважилась аттаковать его открытою силою, а предприняла правильную осаду.

Съ тѣхъ поръ, при всѣхъ огромныхъ средствахъ, коими располагали наши враги, безпрестанно подвозившiе, на многочисленныхъ своихъ судахъ подкрѣпленiя, артиллерiю и снаряды, всѣ усилiя ихъ преодолѣть ваше муже-

ство и постоянство, въ продолженіе одиннадцати съ половиною мѣсяцевъ, оставались тщетными, — событіе безпримѣрное въ военныхъ лѣтописяхъ: чтобы городъ, на скоро укрѣпленный въ виду непріятеля, могъ держаться столь долгое время противъ врага, коего осадныя средства превосходили всѣ принимавшіеся донынѣ въ соображеніе расчеты, въ подобныхъ случаяхъ.

И при такихъ то огромныхъ средствахъ, послѣ 9-тимѣсячнаго разрушительнаго дѣйствія артиллеріею громадныхъ размѣровъ, непріятель, неоднократно прибѣгавшій къ усиленному бомбардированію города, выпуская каждый разъ противъ онаго по нѣскольку сотъ тысячь снарядовъ, увидѣлъ безуспѣшность сей мѣры, и рѣшился наконецъ овладѣть Севастополемъ съ боя.

6 іюня 1855 г. онъ устремился на приступъ, съ нѣсколькихъ сторонъ, храбро ворвался въ городъ, но былъ встрѣченъ вами съ неустрашимостью и отбитъ на всѣхъ пунктахъ, самымъ блистательнымъ образомъ.

Неудача эта вынудила его обратиться по прежнему къ продолженію осадныхъ работъ, умножая свои баттареи и усугубляя дѣятельность въ веденіи траншейныхъ и минныхъ работъ.

Такимъ образомъ, со дня достославнаго отбитія вами штурма 6-го іюля, протекло еще болѣе двухъ съ половиною мѣсяцевъ въ продолженіе коихъ, одушевленные чувствомъ долга и любви къ Престолу и Отечеству, вы геройски оспаривали у непріятеля каждый аршинъ земли, заставляли его подвигаться впередъ не иначе какъ шагъ за шагомъ, платить потоками крови и неимовѣрною тратою снарядовъ за одну сажень пройденнаго пространства. При такой упорной защитѣ, мужество ваше не только не

ослабѣвало, но доходило до высшей степени самоотверженія.

При всемъ томъ, если неустрашимость и терпѣніе ваше безпредѣльны, то есть вещественные предѣлы возможности сопротивленія. По мѣрѣ приближенія непріятельскихъ подступовъ, баттареи ихъ также сближались одна къ другой; огненный кругъ, опоясывавшій Севастополь, съ каждымъ днемъ стѣснялся болѣе и болѣе, и все далѣе извергалъ въ городъ смерть и разрушеніе, поражая храбрыхъ защитниковъ его.

Пользуясь такимъ превосходствомъ огней на самомъ близкомъ разстояніи, непріятель послѣ усиленнаго дѣйствія артиллеріи въ продолженіе 20 дней, стоившаго ежедневно нашему гарнизону потери отъ 500 до 1000 человѣкъ, 24 августа началъ адское бомбардированіе изъ огромнаго числа орудій, небывалыхъ калибровъ, слѣдствіемъ коего было ежедневное разрушеніе нашихъ окоповъ, уже съ большимъ трудомъ, съ самыми чувствительными потерями возобновлявшихся по ночамъ, подъ безостановочнымъ огнемъ непріятеля. Въ особенности главнѣйшій изъ сихъ верковъ, редутъ Корнилова на Малаховомъ курганѣ, составлявшій ключь Севастополя, какъ пунктъ, господствующій надъ всѣмъ городомъ, претерпѣлъ значительныя, неисправимыя поврежденія.

Въ такихъ обстоятельствахъ, продолжать оборону, южной стороны значило бы подвергать ежедневно безполезному убійству войска наши, сохраненіе коихъ, нынѣ болѣе, чѣмъ когда либо, нужно для Государя и Россіи.

По этому, съ прискорбіемъ въ душѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что исполняю священный долгъ, я рѣшился очистить Севастополь и перевести вой-

ска на Сѣверную сторону, частію по устроенному заранѣе мосту черезъ бухту, частію на судахъ.

Между тѣмъ, 27-го августа, въ 10½ часовъ утра, непріятель, видя передъ собою полуразрушенные верки, а редутъ Корнилова съ засыпанными рвами, предпринялъ отчаянный приступъ одновременно на бастіоны: 2-й Корниловъ и 3-й, и около 3 часовъ спустя, на 5 бастіонъ и редуты Бѣлкина и Шварца.

Изъ этихъ шести аттакъ, пять отбиты со славою; нѣкоторые изъ аттакуемыхъ пунктовъ, какъ-то: 2-й бастіонъ, на который непріятель уже взвезъ было орудія по накинутымъ мостамъ, переходили по нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки и окончательно остались за нами, но редутъ Корниловъ, болѣе прочихъ укрѣпленій, разрушенный бомбардированіемъ, былъ занятъ французами, направившими на оный до 30,000 человѣкъ и, послѣ огромныхъ потерь, нами понесенныхъ съ начала боя, не могъ быть исторгнутъ изъ ихъ рукъ, ибо для сего намъ надлежало бы взбираться по крутой покатости кургана, между развалинами разбросанныхъ въ безпорядкѣ строеній и потомъ проходить по узкой плотинѣ, чрезъ неповрежденный глубокій ровъ задняго фаса, занятаго французами.

Такое предпріятіе могло бы не привести насъ къ желаемому успѣху и неминуемо стоило бы несмѣтныхъ потерь.

Сіе было тѣмъ менѣе нужно, что по вышеизложеннымъ причинамъ, я рѣшился во всякомъ случаѣ оставить городъ. Затѣмъ, такъ какъ успѣхъ непріятеля ограничивался исключительно занятіемъ редута Корнилова, я приказалъ, не предпринимая нападенія на этотъ редутъ, оставаться передъ онымъ, для воспротивленія непріятелю продолжать оттуда наступленіе въ городъ, что и было испол-

нено въ точности, не смотря на всѣ усилія французовъ двинуться впередъ изъ за горжи редута.

Съ наступленіемъ темноты, я приказалъ войскамъ отступать, по сдѣланной заранѣе диспозиціи.

Опыты мужества, оказанные вами въ сей день, поселили таковое уваженіе къ вамъ, храбрые товарищи, въ самомъ непріятелѣ, что онъ, хотя долженъ былъ замѣтить ваше отступленіе по взрывамъ нашихъ пороховыхъ погребовъ, дѣлаемыхъ войсками нашими по мѣрѣ оставленія ими различныхъ частей оборонительной линіи, не только не преслѣдовалъ ихъ колоннами, но даже почти вовсе не дѣйствовалъ своею артиллеріею по отступающимъ войскамъ, что могъ бы сдѣлать совершенно безнаказанно.

Храбрые товарищи, грустно и тяжело оставить врагамъ нашимъ Севастополь, но вспомните, какую жертву мы принесли на алтарь отечества въ 1812 году. Москва стоитъ Севастополя! мы ее оставили послѣ смертной битвы подъ Бородинымъ. Триста-сорока-девяти дневная оборона Севастополя превосходитъ Бородино!

Но не Москва, а груда каменьевъ и пепла достались непріятелю въ роковой 1812 годъ. Такъ точно и не Севастополь оставили мы нашимъ врагамъ, а однѣ пылающія развалины города, собственною нашею рукою зажженнаго, удержавъ за нами честь обороны, которую дѣти и внучата наши съ гордостію передадутъ отдаленному потомству.

Севастополь приковывалъ насъ къ своимъ стѣнамъ. Съ паденіемъ его, мы пріобрѣтаемъ подвижность, и начинается новая война, война полевая, свойственная духу русскаго солдата. Покажемъ Государю, покажемъ Россіи, что духъ этотъ все тотъ же, коимъ отличались предшественники наши въ незабвенную отечественную войну.

Гдѣ бы непріятель не показался, мы встрѣтимъ его грудью и будемъ отстаивать родную землю, какъ мы защищали ее въ 1812 году.

Храбрые воины сухопутныхъ и морскихъ силъ! Именемъ Государя Императора благодарю Васъ, за ваше безпримѣрное мужество, за вашу твердость и постоянство во время осады Севастополя.

Долгомъ почитаю принести въ особенности мою благодарность доблестнымъ вашимъ начальникамъ:

Гг. генералъ-адъютанту графу Остенъ-Сакену, начальствовавшему гарнизономъ въ продолженіи 9 мѣсяцевъ; генералъ-лейтенантамъ: Шепелеву, Хрулеву, Павлову, Семякину; вице-адмираламъ: Новосильскому и Панфилову; генералъ-маіорамъ: Мартинау, Пихельштейну, Лисенко 1-му, генералъ-адъютанту князю Урусову, Шульцу, Хрущеву, Голеву, Сабашинскому, Шейдеману, свиты Его Величества: князю Васильчикову и Тотлебену; полковникамъ: Козляниновому 2-му, Геннериху, Гарднеру; капитанамъ 1-го ранга: Зорину, Микрюкову, Перелѣшину 1-му, Перелѣшину 2-му, подполковнику Циммерману; капитанъ-лейтенантамъ: Ильинскому и Чебышеву, и всѣмъ гг. штабъ и оберъ-офицерамъ, учавствовавшимъ въ осадѣ.

Объемъ приказа не дозволяетъ мнѣ внести въ него имена многихъ другихъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, которымъ, въ большей или меньшей степени, принадлежитъ честь содѣйствія въ великомъ подвигѣ обороны Севастополя; но каждый изъ нихъ имѣетъ право на признательность Монарха и Отечества.

Между сими сотрудниками, я назову только главныхъ дѣятелей изъ числа лицъ, не находившихся въ составѣ гарнизона: начальникъ и чины Главнаго Штаба ввѣрен-

ныхъ мнѣ войскъ: генералъ-адъютантъ Коцебу, генералъ-лейтенанты: Сержпутовскій, Бухмейеръ, Ушаковъ, Бутурлинъ, генералъ-маіоръ Крыжановскій. Изъ нихъ инженеръ генералъ-лейтенантъ Бухмейеръ оказалъ важную заслугу устройствомъ превосходнаго плотоваго моста черезъ бухту, обезпечившаго отступленіе войскъ.

Воздавая заслуженную благодарность оставшимся въ живыхъ достойнымъ начальникамъ вашимъ—почтемъ, товарищи, память тѣхъ изъ нихъ, кои пали съ честію, за вѣру и отечество, на валахъ Севастополя. Вспомнимъ въ особенности незабвенныя имена: Нахимова, Корнилова, Истомина, и вознесемъ мольбы наши ко Всевышнему, да ниспошлетъ Онъ миръ и успокоеніе ихъ праху и увѣковѣчитъ память о нихъ, въ примѣръ грядущимъ поколѣніямъ россіянъ.

XII.

Видъ Севастополя по оставленіи его войсками.—Занятіе Севастополя союзниками.— Постройка новыхъ баттарей на сѣверномъ берегу бухты.—Обстрѣливаніе Бухты. — Рекогносцировка Евпаторіи.— Дальнѣйшія дѣйствія союзниковъ въ Крыму.—Бомбардированіе и занятіе непріятелемъ Кинбурна.—Пріѣздъ Государя Императора въ Крымъ.— Перемиріе 17-го февраля 1856 г.— Заключеніе мирнаго трактата 18-го марта 1856 г.— Высочайшій манифестъ 19-го марта 1856 г.— Приказъ Государственному подвижному ополченію.

Ужасенъ былъ видъ Севастополя на другой день послѣ перехода нашихъ войскъ на Сѣверную сторону. Среди развалинъ нѣкогда цвѣтущаго и оживленнаго приморскаго города, какимъ до тѣхъ поръ былъ Севастополь, пылали обезображенныя развалины. По временамъ на разныхъ пунктахъ южной стороны, въ Корабельной слободкѣ и на баттареяхъ раздавались взрывы пороховыхъ погребовъ, непозволявшіе союзникамъ вступить въ городъ, по-

чва котораго была для нихъ, въ первую минуту, также опасна, какъ дымящаяся вершина огнедышащей горы. По опустѣлымъ и разрушеннымъ улицамъ бродили одни только мародеры, грабившіе немногихъ больныхъ и раненыхъ, оставшихся въ городѣ; за мародерами охотились небольшіе отряды союзныхъ войскъ. Общая картина разрушенія, на другой день по выходѣ изъ Севастополя войскъ, увеличилась; послѣдовалъ взрывъ Александровскаго форта и пороховаго погреба въ Карантинной бухтѣ. Таже участь постигла черезъ два дня пароходы: «Владиміръ», «Крымъ», «Бессарабія», «Громоносецъ», «Эльбрусъ», «Дунай», «Турокъ», «Грозный»,—они были потоплены, такъ-какъ непріятелъ, изъ занятыхъ имъ позицій, началъ обстрѣливать Сѣверную балку, въ которой стоялъ этотъ остатокъ нашего, нѣкогда могущественнаго, Черноморскаго флота. Когда потопляли эти пароходы,—пароходъ «Херсонесъ» какимъ-то счастливымъ случаемъ избѣжалъ общей участи; онъ какъ бы не хотѣлъ пойти ко дну и, прибившись къ какому-то берегу, защищенному отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, уцѣлѣлъ. «Херсонесъ» и до сихъ поръ еще плаваетъ по Черному морю, напоминая собою геройскую севастопольскую борьбу.

Послѣ переправы собралось несмѣтное количество народа на Сѣверной сторонѣ, такъ-что только не многіе имѣли возможность найти себѣ пріютъ въ казармахъ, домахъ или палаткахъ; большинство принуждено было оставаться день и ночь подъ открытымъ небомъ. А въ это время Севастополь продолжалъ горѣть, и, среди пожара, слышались взрывы пороховыхъ погребовъ. Но вскорѣ пошли дожди и 30 августа не видно было больше зарева, освѣщавшаго по ночамъ эту огромную пустыню. Въ Сева-

стопольской бухтѣ, прежде оживленной множествомъ всякихъ судовъ, мостомъ, съ постоянно движущимися на немъ людьми и экипажами, теперь была невозмутимая, мертвая тишина, какъ на кладбищѣ, въ которое превратилась бухта, погребшая въ своей глубинѣ нашъ флотъ.

Какъ только союзникамъ представилась возможность занять всю южную сторону,—они устроили по берегу бухты новыя баттареи и начали бомбардировать Сѣверную сторону. Непріятель не засталъ насъ въ расплохъ. Несмотря на то, что оставленіе Севастополя и большое скопленіе войскъ по ту сторону бухты требовало много времени и усилій, чтобы удовлетворить новымъ нуждамъ и потребностямъ; не смотря на то, что Сѣверная сторона была весьма хорошо укрѣплена, такъ какъ въ ней находились баттареи «Константиновская и Михайловская, бастіоны № 1 и № 4 и огромное «Сѣверное укрѣпленіе», имѣющее форму звѣзды, —войска наши приступили къ сооруженію многихъ другихъ баттарей, чтобы имѣть возможность успѣшно отвѣчать на огонь непріятельскихъ баттарей, разбросанныхъ вдоль южнаго берега бухты.

Сверхъ того, баттареи наши были гораздо лучше расположены нежели баттареи союзниковъ, и потому наносили непріятелю огромный вредъ. Въ разныхъ мѣстахъ вдоль береговой линіи были разставлены съ нашей стороны стрѣлки, огонь которыхъ не разъ заставлялъ умолкать непріятельскія баттареи, такъ что непріятель принужденъ былъ устраивать крытые пути, чтобы подходить къ своимъ орудіямъ.

Въ теченіи всего сентября мѣсяца шла усиленная канонада съ обѣихъ сторонъ, и въ иныхъ мѣстахъ на Сѣверной сторонѣ рѣдко гдѣ можно было найти мѣсто, не-

усѣянное ядрами и осколками гранатъ. Въ это время Севастополь пострадалъ еще больше, такъ какъ бомбы и ядра съ Сѣверной стороны часто пападали въ городъ и довершали разрушеніе, начатое во время осады Севастополя.

Союзники начали готовиться къ зимовкѣ, но такъ какъ городъ не представлялъ ни какихъ удобствъ для помѣщенія войскъ, да къ тому же находился подъ выстрѣлами баттарей Сѣверной стороны, то онъ началъ строить бараки внѣ выстрѣловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ непріятель, опасаясь, чтобы войска наши, которымъ не предстояло особенной службы на Сѣверной сторонѣ, не двинулись бы на его правый флангъ, послалъ въ Байдарскую долину подкрѣпленія; такъ же точно были усилены имъ и линіи Инкерманская и Черной рѣчки. Все, по видимому, начало готовиться къ зимовкѣ, хотя 17 и 25 сентября союзники и произвели еще рекогносцировку въ окрестностяхъ Евпаторіи, гдѣ стоялъ семнадцати-тысячный турецко- египетскій гарнизонъ. Сверхъ того, англо-французскій флотъ бомбардировалъ крѣпость Кинбурнъ, защищающую входъ въ Днѣпровско- Бугскій лиманъ и, послѣ непродолжительной бомбардировки принудилъ къ сдачѣ полуторатысячный гарнизонъ. Съ занятіемъ Кинбурнской крѣпости союзными войсками, мы принуждены были взорвать на противуположной сторонѣ лимана, надъ Очаковымъ Николаевскую баттарею.

Занятіемъ Кинбурна непріятель хотѣлъ воспрепятствовать намъ подвозъ войска, провіанта и снарядовъ по Днѣпру и Бугу. Непріятельскія канонирскія лодки проникли было верстъ на десять въ устья обоихъ рѣкъ, но принуждены были возвратиться, встрѣтивши огонь на-

шихъ береговыхъ баттарей. Затѣмъ англо-французская эскадра ушла на зимовку въ Камышъ.

Въ концѣ октября Его Величество Государь Императоръ изволилъ прибыть въ Крымъ и осматривать мѣста расположенія нашихъ войскъ. Пріѣздъ Государя былъ самымъ счастливымъ событіемъ для нашихъ славныхъ защитниковъ,—это была для нихъ какъ бы общая награда за ихъ неутомимую службу въ теченіи почти годовой защиты Севастополя. Осмотрѣвъ разные отряды нашихъ войскъ, Государь Императоръ, въ сопровожденіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ князей: Николая и Михаила Николаевичей и Великаго герцога Мекленбургъ-Стрѣлицкаго, прибылъ на Инкерманскія высоты. Войска съ нетерпѣніемъ ожидали цріѣзда своего вѣнценоснаго Вождя. Едва Государь показался съ своею блестящею свитою впереди нашихъ войскъ, какъ неумолкаемое, восторженнное «ура» пронеслось по всѣмъ рядамъ и огласило окрестныя горы. Государь подъѣхалъ къ войскамъ: музыка и крики замолкли и Его Величество, съ гордостью смотря на своихъ храбрыхъ воиновъ, сказалъ имъ: «Благодарю, ребята, за службу! Благодарю именемъ покойнаго Государя, именемъ отца моего и вашего.» Продолжительное «ура» раздалось при послѣднихъ словахъ Государя. Въ этомъ «ура!» выразился великійво сторгъ русскаго воина, для котораго царская благодарность—высшая награда за всѣ заслуги. Когда смолкли крики, Его Величество продолжалъ: «я счастливъ, что имѣю возможность лично благодарить васъ за вашу геройскую службу; давно это было моимъ желаніемъ».

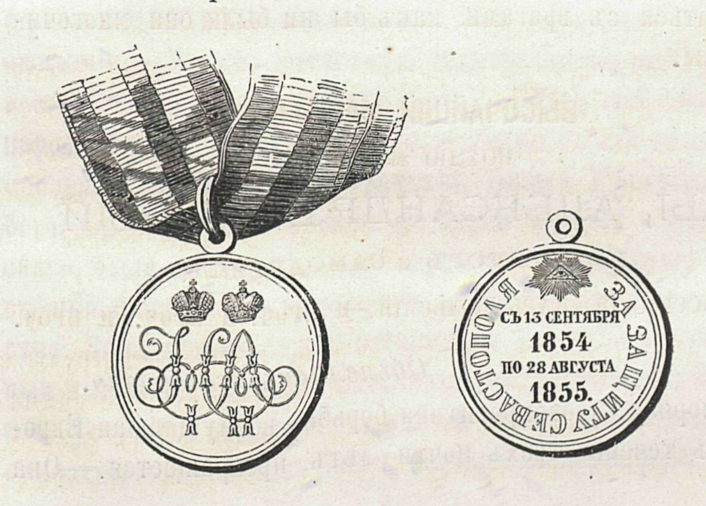
Сойдя съ лошади, Государь, въ сопровожденіи своей свиты, прошелъ по рядамъ войскъ, чтобы своимъ взо-

ромъ и ласковымъ словомъ, осчастливить многихъ достойныхъ защитниковъ Севастополя. Государь распрашивалъ Георгіевскихъ кавалеровъ въ какое время и за какой подвигъ удостоились они такого высокаго отличія. Съ милостивымъ участіемъ Государь распрашивалъ раненыхъ: при какихъ обстоятельствахъ они были ранены. Подойдя къ славному Камчатскому полку, находившемуся на смотру, въ составѣ одного только баталіона, (другой находился на аванпостахъ), Государь громко сказалъ: «Одинъ баталіонъ Камчатцевъ, да четырехъ стоитъ!» Не только Камчатцы но и вся дивизія радостно привѣтствовала эту высокую похвалу Августѣйшаго Монарха. Государъ Императоръ соизволилъ также обратить свое милостивое вниманіе на двухъ стоявшихъ подъ знаменемъ унтеръ-офицеровъ, украшенныхъ знакомъ военнаго ордена. У каждаго изъ нихъ вмѣсто тесака, были французскія сабли и пистолеты; это были волонтеры,— отецъ и сынъ, изъ Новгородскихъ военныхъ поселянъ, по фамиліи Михайловы. За отличное мужество они были произведены въ унтеръ-офицеры и получили въ награду: Георгіевскіе кресты и взятые у непріятеля сабли. Узнавши объ ихъ достойной службѣ и ревности къ защитѣ отечества и престола, Государь осчастливилъ ихъ достопамятными словами: «Спасибо вамъ, ребята, за хорошій примѣръ, спасибо вамъ; не забуду васъ; приходите ко мнѣ въ Петербургъ.

Послѣ церемоніальнаго марша, Государь созвалъ офицеровъ и благодарилъ ихъ за понесенные ими труды и за примѣрную ихъ службу. Особенно милостиваго вниманія удостоились раненные офицеры, бывшіе во фронтѣ. Подойдя къ начальнику дивизіи, генералъ-лейтенанту

Павлову, Государь Императоръ сказалъ ему: «благодарю тебя, за третій бастіонъ, благодарю—ты славно отдѣлалъ Англичанъ». Послѣ смотра, Его Величество удостоилъ принять приготовленный для него завтракъ въ домикѣ лѣснаго сторожа. Это убогое помѣщеніе офицеры и солдаты изукрасили, какъ могли, и Государь обратилъ свое вниманіе на искуство, съ которымъ была убрана комната, удостоенная высочайшимъ посѣщеніемъ. Въ заключеніе завтрака Его Величество изволилъ предложить здравицу за 11-ю пѣхотную дивизію и сердца всѣхъ присутствующихъ исполнились неописанною радостію, когда самъ Державный Царь провозгласилъ «ура!» Лучшею наградою нельзя было удостоить храбрыхъ Севастопольцевъ. И если въ теченіе года каждый русскій воинъ былъ проникнутъ благороднымъ желаніемъ—умерѣть за Царя и отечество, то, въ эту радостную минуту, каждый хотѣлъ жить для будущаго блага Россіи.

1-го ноября 1855 года, главнокомандующій получилъ Высочайшій приказъ Крымской арміи, въ которомъ Его

Величество, жалуя геройскимъ защитникамъ Севастополя, учрежденную въ память, почти годовой, осады сего города серебряную медаль для ношенія въ петлицѣ на Георгіевской лентѣ, Всемилостивѣйше удостоилъ повторить Крымской арміи чувства Высочайшаго Своего къ ней благоволенія и признательности.

Начало зимы положило конецъ непріязненнымъ дѣйствіямъ. 13 февраля 1856 года собрался въ Парижѣ конгресъ, первымъ дѣломъ котораго было заключеніе перемирія между воюющими сторонами; 17-го февраля уполномоченные обѣихъ воюющихъ сторонъ въ Крыму, имѣли первое свиданіе на р. Черной у Каменнаго моста, и условились прекратить военныя дѣйствія, о чемъ въ тотъ же день отданы въ нашей и непріятельской арміяхъ надлежащія приказанія. 18 марта подписанъ былъ мирный договоръ между Россіей съ одной стороны и Франціей, Англіей, Турціей, Сардиніей, Австріей и Пруссіей съ другой. Договоръ этотъ положилъ конецъ войнѣ, въ которой Россія доказала какими она обладаетъ силами, чтобы сражаться съ врагами, какъ бы ни были они многочисленны.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, И ПРОЧ. И ПРОЧ. И ПРОЧ.

Объявляемъ всенародно.

Упорная, кровопролитная борьба, возмущавшая Европу въ теченіи трехъ почти лѣтъ, прекращается.—Она

была возбуждена не Россiею и передъ началомъ ея, почивающiй нынѣ въ Бозѣ незабвенный Родитель НАШЪ объявилъ торжественно всѣмъ вѣрноподданнымъ Своимъ и всѣмъ державамъ иностраннымъ, что единственною цѣлiю ЕГО домогательствъ и желанiй было: охраненiе правъ, устраненiе притѣсненiя единовѣрцевъ Нашихъ на востокѣ. Чуждый всякихъ своекорыстныхъ видовъ, Онъ не могъ ожидать, что послѣдствiемъ справедливыхъ его требованiй будутъ бѣдствiя войны, и, взирая на нихъ съ чувствомъ прискорбiя, какъ христiанинъ и нѣжный Отецъ, ввѣренныхъ Ему Богомъ народовъ, не преставалъ изъявлять готовность Свою къ миру.—Но открытые не задолго до кончины Его переговоры, объ условiяхъ сего мира, для всѣхъ равно нужнаго, не имѣли успѣха.—Правительства, бывшiя въ непрiязненномъ противъ Насъ союзѣ, не останавливали своихъ вооруженiй и во время негоцiацiи; даже усиливали ихъ; война продолжалась и Мы вели ее съ твердымъ упованiемъ на милость Всевышняго, съ твердою увѣренностiю въ непоколебимомъ усердiи любезныхъ НАШИХЪ подданныхъ. Они оправдали НАШИ ожиданiя.—Въ сiю тягостную годину, испытанiй, какъ всегда, и вѣрныя, храбрыя войска НАШИ и всѣ сословiя народа Русскаго явили себя достойными своего великаго призванiя. На всемъ пространствѣ Нашей Имперiи, отъ береговъ Восточнаго океана до морей Чернаго и Балтiйскаго, была одна мысль, одно стремленiе,—не щадить достоянiя и жизни для исполненiя долга; для защиты отечества. Земледѣльцы, едва оставившiе плугъ и воздѣланныя ими поля, спѣшили ополчится на священную брань и не уступили опытнымъ воинамъ въ неустрашимости и самоотверженiя. Новые блистательные подвиги мужества

ознаменовали сіе послѣднее время борьбы Нашей съ сильными противниками.—Непріятель отраженъ отъ береговъ Сибири и Бѣлаго моря, отъ твердынь Свеаборга, и геройская одинадцати-мѣсячная оборона южныхъ укрѣпленій Севастополя, воздвигнутыхъ въ виду и подъ огнемъ осаждающихъ, будетъ жить въ памяти отдаленнѣйшаго потомства. — Въ Азіи, послѣ знаменитыхъ побѣдъ двухъ прошедшихъ кампаній, Карсъ долженъ былъ Намъ сдаться съ своимъ многочисленнымъ гарнизономъ, составлявшимъ почти всю Анатолійскую армію, и шедшія къ нему на помощь лучшія турецкія войска принуждены къ отступленію. Между тѣмъ Провидѣніе, въ неизъяснимыхъ, но всегда благостныхъ судьбахъ Своихъ, готовило событіе котораго столь усердно и единодушно желали и незабвенный Любезнѣйшій Родитель Нашъ, и Мы, и съ Нами вся Россія, которое было первою цѣлію войны. — Будущая участь и права всѣхъ христіанъ на Востокѣ обезпечены. Султанъ торжественно признаетъ ихъ, и, вслѣдствіе сего дѣйствія справедливости, Имперія Оттоманская вступаетъ въ общій союзъ государствъ Европейскихъ.—Россіяне! Труды ваши и жертвы были не напрасны.—Великое дѣло совершилось, хотя иными, непредвиденными путями, и Мы нынѣ можемъ съ спокойствіемъ въ совѣсти, положить конецъ симъ жертвамъ, и усиліямъ, возвративъ драгоцѣнный миръ любезному отечеству Нашему.— Чтобъ ускорить заключеніе мирныхъ условій и отвратить, даже въ будущемъ самую мысль о какихъ либо съ Нашей стороны видахъ честолюбія и завоеваній, Мы дали согласіе на установленіе нѣкоторыхъ особыхъ предосторожностей противъ столкновенія Нашихъ вооруженныхъ судовъ съ Турецкими въ Черномъ морѣ, и на прове-

деніе новой граничной черты въ южной ближайшей къ Дунаю части Бессарабіи. Сіи уступки не важны въ сравненіи съ тягостями продолжительной войны и съ выгодами, которыя обѣщаетъ успокоеніе Державы, отъ Бога намъ врученной.—Да будутъ сіи выгоды вполнѣ достигнуты совокупными стараніями нашими и всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ. При помощи Небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается по всюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ. Наконецъ, и сіе есть первое, живѣйшее желаніе Наше, свѣтъ спасительной вѣры, озаряя умы, укрѣпляя серца, да сохраняетъ и улучшаетъ болѣе и болѣе общественную нравственность, сей вѣрнѣйшій залогъ порядка и счастія.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 19 день марта, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ пятьдесятъ шестаго года, Царствованія же Нашего во второе.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

„*АЛЕКСАНДРЪ*“.

ПРИКАЗЪ

ГОСУДАРСТВЕННОМУ ПОДВИЖНОМУ ОПОЛЧЕНІЮ:

Ратники Государственнаго Ополченія!

Манифестомъ отъ 29 января 1855 года, въ Бозѣ почившій Родитель Нашъ призвалъ васъ, на усиленіе храб-

рыхъ войскъ нашихъ, для защиты роднаго края, и на сей голосъ Отца отозвались сердца дѣтей.

Вся Россія подвигалась, одушевленная чувствомъ любви и преданности безпредѣльной, и повсюду многочисленные сонмы вооружились за Вѣру, Царя и Отчизну.

Ратники Государственнаго Ополченія! Вы составили сіи доблестные сонмы.—Вы покинули домы и семейства свои, чтобы дѣлить съ испытанными въ битвахъ войсками, труды и лишенія, являя вмѣстѣ съ ними примѣръ терпѣнія, непоколебимаго мужества, повиновенія, готовности жертвовать всѣмъ за Насъ,—за любезную Намъ и вамъ Россію.

Многіе изъ среды вашей запечатлѣли сей обѣтъ своею кровью, вкусивъ славную смерть въ рядахъ храбрыхъ защитниковъ Севастополя. — Вы показали свѣту, какое могущество духа живетъ въ народѣ Русскомъ.

Нынѣ положенъ конецъ войнѣ, и Мы можемъ, благодаря васъ именемъ Отечества, за вашу вѣрную службу, сказать вамъ: идите съ миромъ ратники земли Русской, возвращайтесь къ домамъ, къ семействамъ вашимъ, къ прежнимъ занятіямъ и обязанностямъ, продолжая быть для сословій, изъ коихъ вы были призваны, примѣромъ того порядка и повиновенія, которыми вы отличались постоянно въ рядахъ Государственнаго Подвижнаго Ополченія.

Въ память же достохвальнаго служенія вашего Мы Всемилостивѣйше даруемъ вамъ, отъ генерала до ратника, право сохранить и, по увольненіи изъ Ополченія отличительный знакъ онаго, крестъ, съ соблюденіемъ правилъ,—изложенныхъ въ особомъ Положеніи, сего числа Нами утвержденномъ.

Крестъ этотъ, да будетъ почетнымъ отличіемъ, за усердіе ваше къ благу общему во время чрезвычайныхъ обстоятельствъ минувшей войны.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ".

Безпримѣрныя въ лѣтописяхъ осада и оборона Севастополя изумительны, какъ по матеріальнымъ средствамъ употребленнымъ воюющими, такъ и по тому духу мужества и самоотверженія, которыя проявили они въ безустальной борьбѣ въ продолженіи болѣе одинадцати мѣсяцевъ. Съ начала осады и до очищенія города орудія громаднаго размѣра, безпрерывно день и ночь дѣйствовали съ обѣихъ сторонъ; число орудій достигало наконецъ до двухъ тысячъ. — Съ открытія огня, т. е. съ 5 октября 1854 года по 27 августа 1855 г., выброшено изъ Севастополя 1,386,608 снарядовъ, вѣсомъ 1,405,249 пуд.— Пороху употреблено 205,810 пудовъ, и сверхъ того выпущено болѣе 25,000,000 боевыхъ патроновъ. — Числа громадныя!

Матеріальныя средства непріятеля постоянно превосходили наши. Такъ, напримѣръ, сверхъ 150,000 снарядовъ, брошенныхъ непріятельскимъ флотомъ 5 октября 1854 г., выпущено противъ города въ продолженіи осады, изъ баттарей аттаки, 1,600,000 снарядовъ.—Въ бомбардированіе 24 августа 1855 г. непріятель бросилъ въ городъ въ одни сутки до семидесяти тысячъ ядеръ и до шестнадцати тысячъ разрывныхъ снарядовъ.—15 іюля въ продолженіи двухъ съ половиною часовъ, на четвертый бастіонъ упало 1,300 разрывныхъ снарядовъ.— Съ 10 по 28 мая, солдатами и матросами подобрано на обо-

ронительной линіи 1,900 пудовъ свинца въ пуляхъ, т. е. отъ 800,000 ружейныхъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ въ 18 дней; но едва ли подобрана была и третья или пятая доля того, что было направлено въ городъ.

Въ исторіи нашего вѣка никто больше Россіи не заслужилъ названія несокрушимаго великана, который дважды стряхнулъ съ своихъ плечь иноземныя полчища, разъ,—пожертвовавъ Москвою, другой,—отдавши непріятелю Севастопольскія развалины. И какъ на пепелищѣ Москвы, такъ и на камняхъ Севастополя разцвѣла русская слава и свобода, подъ скипетромъ великихъ и благословенныхъ Государей Александра I и Александра II.

ГЛАВА XI.

Военныя кладбища въ Севастополѣ и церковь во имя Святителя Николая, воздвигнутая въ память воиновъ, павшихъ при защитѣ Севастополя.

Защитники Севастополя, ожидая безпрерывно штурма, вынуждены были имѣть въ сборѣ, въ городѣ, большіе резервы; они не могли имѣть достаточныхъ укрытій отъ артиллерійскаго огня, а потому выстрѣлы непріятеля, направленныя противъ Севастополя, производили ежедневно значительную убыль въ людяхъ Севастопольскаго гарнизона.—Во все время осады, въ продолженіе 249-ти суточной обороны Севастополя, въ немъ смерть поражала въ ужаснѣйшихъ своихъ видахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ,

мощность и величіе духа человѣческаго, проявлялись въ каждомъ воинѣ, въ примѣрахъ высокаго самоотверженія и сознанія священнаго долга защиты Отечества.

Каждый изъ защитниковъ Севастополя, отрѣшившись какъ бы отъ міра сего, исполнялъ только святой долгъ, которому посвятилъ себя, и служилъ тѣломъ и душею.

Каждый день, дѣлалось извѣстнымъ, что тотъ или другой изъ знакомыхъ и товарищей убитъ или смертельно раненъ; каждый день кого нибудь изъ достойнѣйшихъ офицеровъ, начальниковъ, вражья пуля отрывала отъ семейства и отечества.—Груды мертвыхъ тѣлъ ежедневно лежали на Павловскомъ Мыску и Николаевской баттареѣ для перевозки ихъ на баркасахъ къ кладбищамъ Сѣверной стороны. — И какой умилительный видъ! Каждый солдатъ, матросъ проходя мимо этихъ грудъ, творя крестное знаменіе, и произнося молитву, кладетъ на грудь убитаго,—однополчанинъ ли онъ, товарищъ ли, или вовсе незнакомый,—часто свой послѣдній грошъ на свѣчу и въ неподвижномъ воздухѣ теплились безтрепетно надъ тѣлами, восковыя свѣчи.

Ежедневно, отъ восхода до заката солнца, слышался томительный плачъ погребальнаго марша и уныло звучащій колоколъ. Съ южнаго берега отдалялись баркасы, осѣненные крестами и чорными хоругвьями; вокругъ открытыхъ гробовъ, стояли священики въ траурныхъ одеждахъ, и толпы офицеровъ, солдатъ и матросовъ съ обнаженными головами. И какія думы приклоняли головы окружавшихъ, надъ тѣлами усопшихъ? Черезъ часъ или черезъ сутки, быть можетъ, каждый изъ нихъ будетъ лежать на этомъ же мѣстѣ, и въ воображеніи каждаго невольно представлялся образъ плачущей матери, сестры,

жены или осиротѣлыхъ дѣтей, но съ тѣмъ вмѣстѣ въ памяти пробуждалось и росло воскрешающее духъ,—слово самоотверженія: «Не щади себя, когда того потребуетъ долгъ и совѣсть!» Такъ каждый, возвращаясь на постъ вѣрной гибели, не думалъ о мукахъ, отрѣшался отъ всѣхъ узъ, связывавшихъ его съ землею, и только помышлялъ о святомъ долгѣ служенія отечеству....

Печальная процессія медленно подвигалась по волнамъ бухты, подъ ядрами и бомбами, къ Сѣверному берегу, и тутъ, товарищи, принявъ гробы на плечи, несли ихъ до могилы... Шествія сопровождали не пышность тщеславія, не рыданія, разрывающія душу, не корыстныя расчеты наслѣдниковъ и лицемѣріе; а только братская, безкорыстная любовь товарищей, выражаемая безмолвною скорбью, уваженіемъ къ бреннымъ останкамъ почившаго героя, — мученика, павшаго со славою на полѣ чести.

Адмиралы: Нахимовъ, Корниловъ, Истоминъ погребены въ самомъ Севастополѣ, въ общемъ склепѣ (*) съ адмираломъ Лазаревымъ, подъ фундаментомъ заложеннаго Корниловымъ, Владимірскаго Собора. — Могилы всѣхъ прочихъ, павшихъ при защитѣ Севастополя, на Сѣверной сторонѣ, гдѣ три огромныя кладбища, одно на западной и два на восточной сторонѣ Сѣвернаго укрѣпленія, расширялись ежедневно грудами новыхъ насыпей, осѣняемыхъ крестами.—Впрочемъ, въ первое время осады, убитые были погребаемы и на южной сторонѣ Севастополя, и послѣ бомбардированія 5 октября 1854 г. зарывались даже почти на самомъ мѣстѣ смерти.

(*) Рисунокъ помѣщенъ на стр. 456-й.

На кладбищахъ Сѣверной стороны схоронена большая часть всѣхъ, убитыхъ и умершихъ отъ ранъ и болѣзней по 28-е августа 1855 г. Надъ каждою почти могилою обширныхъ кладбищъ можно разсказать исторію геройскаго подвига или примѣръ замѣчательной твердости духа и самоотверженія — то все могилы героевъ.

Каждое кладбище имѣетъ отдѣленія, на коихъ особо хоронились моряки, инженеры, артиллеристы и пѣхотинцы, по полкамъ. — Правый уголъ западнаго кладбища, находящагося между Волоховой башней и Сѣвернымъ укрѣпленіемъ, не отличается пышными памятниками: всѣ кресты дубовые; это рядъ могилъ моряковъ, павшихъ съ честію на своихъ бастіонахъ.

Здѣсь на нѣкоторыхъ могилахъ выложены кресты изъ непріятельскихъ гранатъ и бомбъ, брошенныхъ на Сѣверную сторону союзнымъ флотомъ 5 октября 1854 г. Пустые снаряды съ отверстіями, обращенными наружу, производятъ постоянно, при теченіи вѣтра, унылый гулъ, и тогда слышатся въ немъ отпѣваніе и жалобный плачъ родныхъ по убитымъ.

Первый такой крестъ изъ снарядовъ былъ сложенъ, по предложенію контръ-адмирала Истомина, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ палъ Корниловъ (*) Тамъ былъ поставленъ кіотъ съ образомъ и часто теплилась лампада.

На восточномъ кладбищѣ, въ отдѣленіи огороженномъ дорожкою, находятся могилы убитыхъ инженеровъ, искуству которыхъ дивились и враги.

Не высокая ограда окружаетъ все кладбище; ограда въ ширину занимаетъ около 130 саженей, въ длину около

(*) Какъ означенно на рисункѣ помѣщенномъ на стр. 448-й.

Встрѣча Черноморцевъ на Серпуховской площади (въ Москвѣ).

Въ основаніи пирамиды—широкій четыреугольникъ изъ гранита и обыкновеннаго камня; въ сторонахъ его по 9-ти сажень, вышина около 2-хъ сажень, но издали онъ почти не замѣтенъ. По срединѣ каждой изъ четырехъ сторонъ храма, пристроены высокіе выступы. По бокамъ выступовъ, на краяхъ пирамиды, помѣщены широкія доски изъ чернаго гранита; на нихъ цифрами изображены наши потери при осадѣ Севастополя. Надъ выступами, въ стѣнахъ самой пирамиды, съ каждой стороны имѣется по одному окну, а въ вершинѣ пирамиды — колокольня. Вышина всего храма (до креста) около 15 сажень. Наконецъ, на небольшой, плоской вершинѣ пирамиды воздвигнутъ гранитный крестъ, вѣсомъ болѣе 1000 пудовъ. Въ центрѣ перекрестья, съ обѣихъ сторонъ, утверждены вѣнки, и въ нихъ, съ запада, въ терновомъ вѣнкѣ—начертано имя «Іисусъ», а съ востока, въ лавровомъ вѣнкѣ греческое слово ніка (побѣждаетъ). Такова простая, но величавая внѣшность этого замѣчательнаго храма.

Девять каменныхъ ступень крыльца ведутъ въ церковь; всюду видны живопись, украшенія, позолота, такъ что не знаешь на что смотрѣть. Церковь воздвигнута въ память убитыхъ, и съ перваго же взгляда она напоминаетъ вамъ о нихъ: имена убитыхъ начертаны непрерывными длинными рядами, на черномъ мраморѣ, коимъ выложенъ низъ внутреннихъ стѣнъ храма. Такъ, стѣны храма представляютъ собою какъ-бы открытую поминальную книгу, по которой каждый приходящій можетъ молитвенно помянуть имена незабвенныхъ, почившихъ героевъ. Пріютивъ въ себѣ на вѣкъ имена ихъ, церковь какъ бы отдаетъ видимый материнскій почетъ ихъ славной смерти. Надъ этими же самыми печальными стра-

ницами, по обѣимъ сторонамъ, въ углубленіяхъ, помѣщены также и два знаменательныя изображенія: Іона, выходящаго изъ чрева китова и видѣніе Іезекіиля—т. е. поле, усѣянное костями. Пророкъ Іона изображенъ только что выброшеннымъ китомъ изъ своего чрева; морское чудовище еще не поворотило головы своей, еще не закрыло зіяющей пасти; пророкъ ухватился за прибрежный камень, и, какъ кажется, медлитъ выйти на берегъ и молитвой благодаритъ Господа Бога за свое избавленіе. Еще назидательнѣе вторая картина: св. пророкъ Іезекіиль представленъ въ ту минуту, когда онъ только что выслушалъ дивное слово, которое провѣщалъ ему духъ Божій: «*Сыне человѣчь, прорцы на кости сія, и речеши имъ: кости сухія, слышите слово Господне: се глаголетъ Адонаи Господь костемъ симъ: се Азъ введу въ васъ духъ животенъ, и дамъ на васъ жилы, и возведу на васъ плоть, и простру по вамъ кожу, и дамъ духъ мой въ васъ, и оживете, и увѣсте, яко Азъ есмь Господь*» (*). Стоя на возвышеніи, св. пророкъ простеръ поднятыя руки свои надъ полемъ, и по его слову кости движутся, слагаются, облекаются плотію, возстаютъ изъ мертвыхъ. Ожившіе еще какъ бы стоятъ неподвижно, въ ожиданіи... Предъ вами видимо совершается чудо воскресенія, и тотъ часъ же чувствуется близкое отношеніе этихъ изображеній къ мѣсту, на которомъ вы стоите. «Оживутъ кости сія, изыдутъ мертвыя изъ гробовъ», —какъ бы говорятъ вамъ эти ветхозавѣтные образы, символы воскресенія Спасителя.

Станемъ среди храма и поднимемъ взоры свои къ верху.

(*) Іезек. 37, 4—6.

Тамъ, въ куполѣ, въ далекой глубинѣ его, словно съ неба, видѣнъ колоссальный образъ Спасителя: выраженіе лица Его кроткое и вмѣстѣ величественно-внушающее; правая рука Его простерлась благословляя, лѣвая придерживаетъ евангеліе. Золотое сіяніе окружаетъ Его святой ликъ; отблескъ отъ вѣнца, лучезарно, отражается по всему церковному своду, всѣми радужными цвѣтами. Свѣтлымъ выпуклымъ, какъ будто витымъ валикомъ явственно отдѣляется это небесное видѣніе отъ остальной части купола. Вокругъ изображенія, едва замѣтною вязью вьется по бѣловатому полю разноцвѣтными буквами (*) (начиная съ западной стороны) слѣдующая надпись: «*Видите, видите, яко Азъ есмь и несть Богъ развѣ Мене: Азъ убію и жити сотворю, поражу и Азъ исцѣлю, и нѣсть иже изметъ отъ руку Моею* (**). Эта надпись говоритъ вамъ о всемогуществѣ Бога, и о былой судьбѣ здѣшняго мѣста. Далѣе, словно указывая путь къ Воскресенію, являются Ангелы. На каждомъ изъ четырехъ продолженій купола предстоятъ во весь ростъ по два Ангела, въ бѣлыхъ одеждахъ. Легкія изображенія безплотныхъ духовъ, кажется, бѣлѣютъ на голубомъ полѣ, словно въ далекой синевѣ неба. И чтобы не увлеклись чрезмѣрной грустью о томъ, что здѣшнія поля обагрены кровью, ознаменованы великими страданіями воиновъ, павшихъ за родину, небесные воины напоминаютъ вамъ о безпримѣрныхъ страданіяхъ Спасителя, понесенныхъ Имъ за все человѣчество. Въ рукахъ ангеловъ орудія Его страданій: — животворящій крестъ, гвозди, губа, терновый вѣнецъ, бичи у позорнаго столба, трости

(*) Черныя и красныя съ золотомъ. (**) Второзак. XXXII, 39.

копіе и трехъ-язычная надпись, положенная на крестѣ. Выраженіе взоровъ Ангельскихъ—у однихъ трогательно-грустное, у другихъ задумчиво-преклоненное, какъ бы предъ величіемъ воспоминанія. Между группами Ангеловъ, четыре окна освѣщаютъ храмъ на всѣ четыре стороны. Своды оконъ и ихъ окраины украшены яркими разноцвѣтными и золотыми украшеніями. Ниже оконъ и Ангеловъ на кругломъ поясѣ храма, вы читаете ясную надпись (*): «*Утвержденіе на Тя надѣющихся, утверди, Господи, Церковь, юже стяжалъ еси честною твоею кровію* (**)». Опять вы чувствуете что надпись подобрана кстати, что она говоритъ о недавнемъ быломъ времени, о судьбѣ Севастополя.

Небеснымъ міромъ оканчивается верхняя, круглая часть храма. Ниже, на стѣнахъ храма, священныя изображенія встрѣчаются чаще. Посредниками между Спасителемъ и человѣчествомъ являются здѣсь Евангелисты и апостолы, перенесшіе вѣсть воскресенія по всему міру. Св. Евангелисты изображены ниже пояса храма, на четырехъ углахъ; въ рукахъ благовѣстниковъ — св. евангелія, а по бокамъ—надписи, буква подъ буквой; изображенія св. евангелистовъ окружены разнообразнѣйшими украшеніями золотого, краснаго и синяго цвѣта. Подъ евангелистами, въ полукруглыхъ нишахъ, предстоятъ 12 Апостоловъ, по три въ каждой; они также расположены на всѣ четыре стороны храма, такъ какъ *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ*. Своды, примыкающіе съ боковъ къ центру храма, всѣ расписаны свѣтоблестящими

(*) По красному полю буквы: бѣлыя и черныя съ золотомъ. (**) Третья пѣснь 3-го гласа.

украшеніями: крестами, кругами, звѣздами съ разными многогранниками, по ярко-золотому полю. Хотя и много здѣсь украшеній, но глазъ не устаетъ любоваться ими: все это изящно, одно другаго лучше и на непривычный глазъ производитъ живое впечатлѣніе.

Въ ликахъ евангелистовъ и апостоловъ намъ напоминается все ученіе и жизнь Спасителя; важнѣйшія дѣянія Его изображены подъ сводами, въ полукруглыхъ нишахъ, къ востоку и западу; при этомъ событія взяты такія, которыя напоминаютъ намъ о воскресеніи мертвыхъ. Такъ слѣва, на западной сторонѣ помѣщенъ Входъ Господень въ Іерусалимъ, а напротивъ Его—Тайная Вечеря; на правомъ западномъ сводѣ—лобзаніе Іуды, а напротивъ—Распятіе Спасителя. Въ изображенной Тайной Вечери, замѣчательна рѣдко встрѣчаемая особенность: Спаситель возсталъ отъ трапезы и правою рукою поднялъ чашу, а лѣвой—указываетъ на преломленный хлѣбъ. Всѣ Апостолы тѣсно устремились къ Нему, съ выраженіемъ живѣйшаго вниманія къ Его слову и дѣйствію, а два крайніе апостола, съ каждой стороны, даже встали съ своихъ мѣстъ въ невольномъ порывѣ. Одинъ только Іуда не принялъ никакого участія въ общемъ движеніи: въ преступной думѣ онъ склонился головой, и видимо заботится, какъ бы поскорѣе уйти. Между изображеніями, на сѣверной и южной сторонахъ храма, помѣщены высокія трехсоставчатыя окна. Сквозь узорчатыя стекла, съ матовыми полосами, проникаетъ свѣтъ на изображенія въ нишахъ. Всѣ изображенія и окна обставлены колоннами подъ мраморъ, темнаго цвѣта.

Въ алтарѣ изображенъ вѣнецъ всѣхъ дѣяній Спасителя. На восточномъ полусводѣ алтаря, надъ горнимъ мѣстомъ,

помѣщено изображеніе воскресенія Спасителя. Воскресшій Господь только что возсталъ изъ гроба; съ побѣдной хоругвью и благословляющей рукою, Онъ готовъ вознестись къ Отцу; ясный ликъ Его спокоенъ и величественъ; предъ Нимъ съ обѣихъ сторонъ благоговѣйно склонились Ангелы, сидящіе на камняхъ. Скала и Ангелы озарены сіяніемъ отъ лика воскресшаго Господа. Слѣва видны муроносицы, робко идущія ко гробу, съ сосудами драгоцѣннаго мура. Вокругъ всей иконы воскресенія, по бѣлому полю, золотыми буквами начертаны слова: «*Яко же Отецъ имать животъ въ Себѣ, тако даде и Сынови животъ имѣти въ Себѣ* (*). На боковыхъ сторонахъ алтаря, въ углубленіяхъ, видна та же отрадная вѣсть воскресенія, но здѣсь чудо совершается надъ человѣчествомъ; предъ вами воскресеніе дочери Іаира и воскресеніе Лазаря. Какъ трогательно и величественно изображено воскресеніе друга Господа, св. праведнаго Лазаря. На ликахъ апостоловъ изображено трепетное изумленіе и состраданіе. Обѣ сестры—на колѣняхъ у ногъ Господа, но Марѳа смотритъ съ какимъ-то смутнымъ чувствомъ на выходящаго изъ гроба брата, она еще какъ-бы не вполнѣ убѣдилась въ его воскресеніи, а Марія, съ распростертыми руками, вся обратилась къ Спасителю; лице ея дышетъ благоговѣніемъ и невыразимою преданностію. Близъ самой скалы, одинъ изъ Іудеевъ въ ужасѣ, готовый отшатнуться, глядитъ на воскресшаго Лазаря, который, тѣсно обвитый саваномъ, изможденный, блѣдный, съ скрещенными на груди руками и поникшимъ взоромъ, тихо подвигается изъ узкаго отверстія гробовой скалы. Впечатлѣніе рази-

(*) Іоан. V, 26.

тельное! Спаситель изображенъ въ ту минуту, когда Онъ повелѣваетъ народу, указывая на Лазаря: «*разрѣшите его и оставите йдти*»(¹). Мѣсто событія—ущелье, наполненное учениками, народомъ, дѣтьми; вдали видны въ вечернемъ сумракѣ горы, причемъ вершины ихъ алѣютъ отъ лучей заходящаго солнца.

По обѣ стороны алтаря—мѣста для жертвенника и діаконника. Изображенія для нихъ избраны согласно указаніямъ священной древности. Надъ жертвенникомъ въ углубленіи помѣщенъ *Спаситель Эммануилъ*, какъ изображаетъ Его св. пророкъ Исаія. Въ сіяніи огромной лучистой звѣзды возсѣдаетъ юный, прекрасный Эммануилъ; на свиткѣ въ рукахъ Его вы читаете: *Духъ Господень на Мнѣ, его же ради помаза Мя, благовѣстити нищимъ посла Мя, исцѣлити сокрушенныя сердцемъ, проповѣдати плѣнникамъ отпущеніе*, *и слѣпымъ прозрѣніе, нарещи тѣло Господне пріятно* (²). Поверхъ изображенія надпись: *Азъ отъ Бога изыдохъ и пріидохъ: не о Себѣ бо пріидохъ, но Той Мя посла* ³). Въ южномъ отдѣленіи алтаря—діаконникъ; здѣсь изображенъ Спаситель, какъ *великаго совѣта Ангелъ*. Изъ стѣнъ жертвенника и діаконника, какъ будто изъ подземныхъ храмовъ, идутъ окна, постепенно съуживающіяся кверху; слабый свѣтъ проникаетъ въ оба эти отдѣленія. Въ алтарѣ оконъ нѣтъ, но онъ и безъ того свѣтелъ.

Какъ бы въ заключеніе всего видѣннаго, надъ входными дверями храма помѣщено послѣднее слово о воскресеніи: изображеніе страшнаго суда. Вокругъ всей картины начертаны слова: «*Грядетъ часъ, въ онъ же вси, сущіи*

(¹) Іоан. XI, 44. (²) Исаіи XI, 1. 2. (³) Іоанна VIII, 42.

во гробѣхъ, услышатъ гласъ Сына Божія; и изыдутъ сотворшіе благая въ воскрешеніе живота: а сотворшіе злая въ воскрешеніе суда (*). Но вы вѣруете, что этого суда нечего бояться тѣмъ павшимъ героямъ, которые безчисленнымъ сонмомъ покоятся невдалекѣ на кладбищѣ; вамъ приходятъ на память слова Спасителя: *больше сея любве никто же иматъ, аще кто душу свою положитъ за други своя* (**).

Въ наружной облицовкѣ храма на широкихъ доскахъ изъ чернаго гранита, находится длинный рядъ именъ тѣхъ полковъ и морскихъ командъ, которые грудью своею отстаивали Севастополь въ продолженіи его одиннадцати мѣсячной обороны. Здѣсь же обозначены и потери русской арміи. Таковъ этотъ храмъ, полный умилительнаго значенія. Не каждаго изъ насъ судьба приведетъ поклониться этой священной, родной для каждаго русскаго землѣ; но каждый можетъ мысленно помолиться этимъ завѣтнымъ гробамъ, принести милостыню за души почившихъ братій.

Закончивъ описаніе усыпательницъ героевъ, павшихъ при защитѣ Севастополя и воздвигнутой церкви надъ прахомъ ихъ, припомнимъ замѣчательную рѣчь Херсонскаго архимандрита Евгенія, сказанную имъ надъ могилою генерала Хрулева, на военномъ кладбище въ Севастополѣ, 29 іюня 1870 года.

«Пораздайтесь холмы погребальные, посмежите хребты свои. Потѣснитесь и вы, *благодѣтели* ратники,—вотъ *старатель* вашъ боевой пришелъ доказать вамъ любовь свою воинскую; дабы видѣли всѣ, что и въ славныхъ бо-

---

(*) Іоанна V, 28. 29. (**) Іоанна XV, 13.

яхъ, и въ могильныхъ рядахъ не отсталъ онъ отъ васъ. Рука объ руку вы ходили за нимъ собирать вѣнцы бранные; богатырскою грудью своею, по зову его, заслоняли вы каждый стягъ родной русской земли. И теперь, много лѣтъ спустя послѣ кровавой борьбы, бьетъ снова тревогу труба при гробѣ Хрулева. Сомкните же тѣсные ряды свои, храбрецы безпримѣрные, и героя Севастопольской битвы окружите дружнѣе въ семейной вашей могилѣ.

«Честные наслѣдники доблестной славы героевъ, живые защитники чести Россіи, благодѣтели-воины! Соберитесь и вы вокругъ этого гроба и вздохните надъ прахомъ Хрулева, которымъ гордится вся русская армія и отечество наше. Заунывную пѣснь разольютъ сейчасъ ваши трубы военные и застонетъ земля отъ грома орудій и приметъ въ нѣдра свои останки того, чье имя извѣстно народамъ, которые умѣютъ гордиться славой и честью оружія. Не умретъ въ памяти нашей имя генерала Хрулева, — *человѣка сердечнаго*, и не закроется великая книга исторіи: вѣка и потомство будутъ дивиться этимъ чудесамъ храбрости и этимъ спискамъ многочисленныхъ земляковъ его.

«Почивайте же съ миромъ, защитники Севастополя, до послѣдней трубы Архангела. Святая церковь, какъ матерь чадолюбивая, день и нощь молится о васъ, дабы сподобилъ всѣхъ васъ Господь, вѣнцовъ небесныхъ. Возлюбленный Августѣйшій нашъ Царь и все государство украшаютъ великую усыпальницу вашу достойнымъ памятникомъ; изъ рода въ родъ передаваться будутъ имена ваши славныя, и нѣтъ ни одного сына отечества, по всему лицу земли русской, который бы не сказалъ вамъ вѣчную память. Да утѣшается духъ вашъ при видѣ того, что все

воинство всероссійское идетъ и пойдетъ по торнымъ вашимъ путямъ; какъ одинъ человѣкъ станетъ грудью за Церковь и Вѣру, за Царя и Россію и, если затронетъ чья либо гордость народную честь, то не успокоится мечь въ ножнахъ своихъ, доколѣ хотя одинъ врагъ попирать будетъ русскую землю дерзкою стопою своею.

«Живой примѣръ показали вы на землѣ Севастополя, упоивъ ее кровію своею. Живая кровь и теперь кипитъ въ сердцахъ вашихъ товарищей по оружію, и дрогнутъ воинства чужеземныя, вспомнивъ рать Севастопольскую.

«Осѣнимъ же, братіе, всѣ мы себя крестнымъ знаменіемъ, поклонимся снова гробницамъ этихъ великихъ мужей, и изыдемъ отсюда, повторивъ громогласно обычный нашъ кличъ: готовы мы всѣ до единаго и жить, и всегда умереть за Вѣру, Царя и Отчизну».

ГЛАВА XII

Патріотизмъ Россіи.—Возстановленіе правъ Россіи на Черномъ морѣ, 19-го октября 1870 г.—Возрожденіе Севастополя и видъ его въ настоящее время.

Едва сдѣлалось извѣстнымъ въ 1853 году о вѣроломномъ поступкѣ Турокъ, напавшихъ до объявленія еще войны, на пограничный закавказскій постъ св. Николая (*), какъ вся русская земля встрепенулась... и по

(*) См. стр. 6.

зову царскому русскій народъ готовъ былъ, отъ мала и до велика, возстать за Вѣру, Царя и Отечество. Раздались голоса: «постоимъ за Вѣру, умремъ за Царя, защитимъ Отечество!»

Всеобщее одушевленіе, возникая изъ глубины народнаго чувства, такъ громко заговорило тогда по всей Россіи, что невольно выказало могучую силу характера русскаго человѣка, — тѣ высокія начала вѣры и любви, съ которыми народъ нашъ бодро переносилъ всѣ тяжелыя годины въ его жизни,—тѣ начала, которыя дѣлаютъ его великимъ народомъ, среди народовъ цѣлаго міра.

Въ то самое время, когда во всѣхъ концахъ Россіи раздался гласъ ея Самодержца, призывавшаго на брань своихъ вѣрныхъ сыновъ, русскій народъ отъ Бѣлаго и Балтійскаго моря до Чернаго и Каспійскаго, отъ Западной Двины и Нѣмана до стѣнъ Китая, явилъ полную готовность взяться за оружіе и идти «*стальной щетиною сверкая*» на сраженіе съ врагами отечества, чтобы вразумить, навести ихъ на путь истины и правды. Всѣ сословія, всѣ возрасты несли свои дары на жертвенникъ отечества. Никто не хотѣлъ отстать другъ отъ друга. Каждый желалъ, по мѣрѣ своихъ силъ, принять участіе во брани, на которую вызванъ былъ нашъ Великій Монархъ для освобожденія угнетенныхъ христіанъ, для славы, чести и благоденствія своихъ подданныхъ.

Крестьяне, собираясь на волостные сходы для разсужденій о дѣлахъ, касающихся волости, непремѣнно заводили рѣчь о военныхъ обстоятельствахъ и повсемѣстныхъ въ отечествѣ пожертвованіяхъ. Всѣ единодушно сознавали священную обязанность жертвовать, сколько кому укажетъ сердце, въ пользу раненыхъ храбраго вой-

ска Русскаго:—«не быть же намъ, раздавались на сходкахъ голоса, обсѣвкомъ въ полѣ!» И радостно несли всѣ, кто что могъ. Восторгъ, одушевлявшій жертвователей, былъ столь великъ, что даже малолѣтніе и женщины настоятельно требовали на сходкахъ допустить и ихъ къ участію въ общемъ дѣлѣ.

Въ праздничные дни крестьяне расходясь отъ церкви Божіей по домамъ, заходили къ священникамъ, расправшивали, съ кѣмъ и за что воюютъ, и, узнавали, что война идетъ «съ невѣрными мусульманами за христіанъ, нашихъ единовѣрцевъ, которыхъ тѣ угнетаютъ, грабятъ и убиваютъ, и за святыя мѣста, гдѣ Христосъ нашъ родился, страдалъ и умеръ, а мусульмане теперь тамъ безчинствуютъ, и нарушаютъ спокойствіе этого священнаго края». Крестьяне выслушавъ со скорбію объясненія священниковъ, благодарили ихъ, и изъ толпы возвращавшихся домой крестянъ, можно было отъ многихъ слышать: «я долженъ отдать одного сына по очереди въ солдаты, а теперь *пускай идутъ всѣ пятеро на доброе дѣло;* я съ своей старушкой какъ нибудь управлюсь въ домѣ, а придетъ пора и время, такъ и самъ пойду, хоть за больными ходить». Подобныя слова высказываемые изъ глубины души, быстро охватывали другихъ, и на сходкахъ честь и уваженіе отдавались болѣе другихъ тѣмъ, у которыхъ было болѣе сыновей въ возрастѣ, позволяющемъ идти на службу. Такая жертва выше и безцѣннѣе всякихъ сокровищъ! Иностранцы не полагали, чтобъ подъ сѣрымъ крестьянскимъ кафтаномъ скрывались такія высокія чувства къ отечеству. Но мы Русскіе знаемъ эти чувства: каждый изъ насъ при рожденіи наслѣдуетъ ихъ

отъ отца и матери, и познаетъ, что для него выше всего на свѣтѣ Вѣра, Государь и Отечество—Русь святая!

Такъ въ тяжкую для Россіи годину грознаго нашествія *двѣнадцати языковъ*, когда всѣ государства преклонялись предъ могущественнымъ завоевателемъ Наполеономъ І-мъ, одна Россія, сплотившись, около престола для защиты отечества, вышла изъ борьбы побѣдительницею. Возстановивъ миръ и тишину во всей Европѣ, она возвратила захваченные Наполеономъ государства, ихъ законнымъ владѣтелямъ, и все это не изъ корыстныхъ видовъ, а изъ любви къ миру, правдѣ и закону. Россія послѣ столь тяжкой войны много должна была трудиться, чтобы возстановить все раззоренное, начиная съ разграбленныхъ храмовъ сожженной Москвы. Но въ борьбѣ этой окрѣпъ духъ Русскій, готовый для блага отечества на всѣ пожертвованія; и вотъ, едва предстало новое испытаніе—Восточная война, какъ могучій духъ Русскій проявился со всею силою.

Въ доказательство того одушевленія, въ какомъ находился тогда весь народъ Русскій, изъ безчисленныхъ примѣровъ мы возьмемъ хотя одинъ. Рекрутская повинность въ Россіи есть искони установленный долгъ и она всегда исполнялась обычнымъ порядкомъ. Но никогда еще наборъ и отправленіе рекрутъ къ мѣстамъ ихъ назначенія не возбуждали въ мѣстныхъ жителяхъ столь пламеннаго участія, какъ въ послѣднюю Восточную войну. При взглядѣ на новобранцевъ, невольно являлась мысль о томъ, на какой великій подвигъ они тогда призывались. Въ глазахъ народа новобранцы были уже не только стражи благоденствія Россіи, но защитники, спасители всего, что только есть для насъ драгоцѣннаго и священнаго въ жизни.

Всѣ православные цѣлаго міра обращали свои взоры, полные надеждъ, на русскую армію. Начатая война, имѣя своимъ основаніемъ защиту вѣры, поставила дѣло нашей арміи—дѣломъ священнымъ. Она коснулась краеугольнаго камня нашей народности и откликнулась громкимъ сочувствіемъ въ сердцѣ каждаго Русскаго. Путь нашихъ войскъ представлялъ рядъ прекрасныхъ народныхъ празднествъ; каждый шагъ ихъ, можно сказать, запечатлѣвался примѣрами глубокаго сердечнаго участія народа къ высокому дѣлу Россіи. Вездѣ встрѣчали ихъ съ братскимъ радушіемъ,—провожали съ горячими пожеланіями полнаго успѣха. Войска вездѣ были встрѣчаемы мѣстными властями и радостными толпами народа, съ хлѣбомъ и солью. Въ городахъ и мѣстечкахъ выходило духовенство съ крестомъ и св. водою и благословляло христолюбивое воинство образами; въ священной пѣснѣ служителей алтарей: *спаси Господи люди твоя*, слышалась молитва цѣлаго народа. Жители разныхъ губерній, чрезъ которыя слѣдовали войска, являлись самыми радушными хозяевами. Каждый поселянинъ въ хатѣ своей, угощалъ дорогихъ гостей, Русскихъ воиновъ, всѣмъ, что только было у него лучшаго. Въ городахъ и въ мѣстечкахъ солдаты были угощаемы пирогами, булками, рыбою, и пр. Всѣ наперерывъ старались показать свое усердіе на дѣлѣ: одни сносили съѣстные припасы и жертвовали деньгами въ пользу нижнихъ чиновъ, другіе просили везти пушки на своихъ лошадяхъ, нѣкоторые выставляли столько подводъ, что артиллерійскія и подъемныя лошади могли быть побереgаемы. По дорогѣ, гдѣ были горы, жители добровольно выходили по нѣскольку сотъ человѣкъ, и не смотря на отличную дорогу, отпрягали изъ подъ тяжестей, лошадей

и собственными силами, всѣ тяжести въ одно мгновеніе взвозили на горы съ крикомъ *ура!* При слѣдованіи войскъ зимой, во время глубокихъ снѣговъ, стоило только сдѣлать одинъ намекъ о неудобствѣ слѣдованія по снѣгу, какъ поселяне съ готовностью являлись толпами, и въ нѣсколько дней, на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ, расчищали снѣгъ и проводили новую полосу дороги, по которой, совершенно удобно, на колесахъ могли проходить артиллерія и полковые обозы. Нужно было видѣть усердствующихъ, чтобъ сказать, какъ народъ Русскій любитъ свое отечество, и сколь дороги и близки его сердцу Русскіе солдатики! Между пѣснями и прибаутками, раздававшимися со всѣхъ сторонъ во время работы, слышалось часто отъ людей, бросавшихъ снѣгъ: «вотъ такъ наши солдатики будутъ кидать бусурманъ и всяку погань нечестивую». Когда кончался срокъ стоянки или привала войскъ въ какомъ либо городѣ или селеніи, нужно было видѣть, съ какою искреннею готовностью жители бросались по домамъ, и каждый несъ, что имѣлъ; вдругъ собиралось множество съѣстныхъ припасовъ, разнаго рода, на громадныя суммы, которыя и передавались по назначенію въ пользу солдатъ. При этомъ въ душѣ каждаго Русскаго, несшаго все защитникамъ отечества, глубоко лежало убѣжденіе въ неодолимой силѣ и могуществѣ Россіи. Такое невольное проявленіе высокихъ народныхъ чувствъ, и увѣренности въ силѣ государства, давало разумѣть, какъ проявился бы этотъ патріотизмъ въ минуту большаго бѣдствія. Народное чувство это проявлялось съ Евангельскою чистотою:—не новой славы желалъ народъ и безъ того славному отечеству, не новаго могущества и силы и безъ того могучей Россіи,—онъ съ христіанскимъ

братолюбіемъ протягивалъ руку помощи своимъ угнетеннымъ братьямъ единовѣрцамъ на Востокѣ.

Едва только возгорѣлась война, какъ Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елена Павловна, движимая чувствами любви и признательности къ воинамъ, сражающимся за Вѣру, Царя и Отечество, подала мысль составить общину сестеръ милосердія; русскій народъ откликнулся на это святое дѣло, и тотчасъ составилась Крестовоздвиженская община сестеръ милосердія для попеченія и ухода за больными и ранеными воинами. Русскій народъ не щадилъ ни денегъ, ни продовольственныхъ средствъ для своего роднаго войска, которое сражалось для освобожденія угнетаемыхъ христіанъ. Да и стоитъ того Русскій солдатъ за свою службу, за подвиги, чтобы для него всѣмъ жертвовать! Вѣренъ Богу, вѣренъ Царю и Отечеству, чистъ по сердцу, честенъ и твердъ по уму, добръ по душѣ, онъ преисполненъ высшихъ духовныхъ добродѣтелей! Покоренъ безъ ропоту своему долгу, бодро идетъ онъ на встрѣчу опасности и смерти, самоотверженъ, доволенъ всѣмъ и вездѣ, готовъ дѣлиться рубашкой съ ближнимъ, послѣднюю копѣйку отдаетъ въ Божію церковь, зла не помнитъ, а въ бою—все валитъ предъ собой! Шагаетъ чрезъ пропасти; грудью сокрушаетъ твердыни; скалы и утесы, огонь и вода—ему нипочемъ; не щадитъ живота своего, потому что послѣднюю каплю крови считаетъ не своею, а Государевою; всегда готовъ исполнить всякое приказаніе старшаго; нѣтъ у него невозможнаго ничего, велѣно,—такъ и дѣлаетъ... и подъ часъ дѣлаетъ чудеса! Почіетъ на немъ выну благодать Божія! Взятый отъ сохи, онъ перерождается весь, поцѣловавши Крестъ и Евангеліе на вѣрность Царю и отечеству; эта присяга

для него вторая купель; сдѣлавшись однажды солдатомъ, онъ уже цѣлый вѣкъ, по духу, солдатъ:—ни домовой отпускъ, ни отставка, ни старость, ни недугъ, ни родная семья, ничто не ослабляетъ въ немъ этой дивной силы духа, по которой онъ, во-истинну, непобѣдимъ!

Таковъ дѣйствительно солдатъ русскій!

Съ открытіемъ переговоровъ о мирѣ, войска наши начали выступать изъ Крыма и направляться къ своимъ зимнимъ квартирамъ. Въ числѣ другихъ войскъ, направленныхъ во внутрь Россіи, въ половинѣ февраля мѣсяца должны были прибыть, въ первопрестольную столицу и матросы погибшаго Черноморскаго флота, стяжавшіе безсмертную славу свою упорною защитою Севастополя. Этимъ доблестнымъ воинамъ Москва готовила достойную ихъ заслугѣ, встрѣчу.

17 февраля, у Серпуховской заставы показался отрядъ Черноморскихъ матросовъ, на груди которыхъ красовались георгіевскіе кресты и медали заслуженныя ими при достопамятной защитѣ Севастополя. На встрѣчу имъ выѣхали бывшіе ихъ командиры и вышла несмѣтная толпа народа. Едва только завидѣли первые ряды вступавшихъ въ Москву черноморцевъ, какъ народъ въ благоговѣйномъ восторгѣ снялъ шапки и огласилъ воздухъ громовымъ «ура!» Матросы прокричали свое звучное «ура!» которымъ они такъ часто встрѣчали непріятеля, и въ этомъ крикѣ было—что-то побѣдоносное и вмѣстѣ радостное. Каждый чувствовалъ, что эти люди шли теперь съ боя, увѣренные въ честно исполненномъ ими долгѣ, и съ сознаніемъ заслуженной ими награды. И награду эту приготовила имъ радушная Москва, въ лицѣ почетныхъ гражданъ Кокорева и Мамонтова: они вышли отъ имени

Пріѣздъ Севастопольцевъ къ Новотроицкому трактиру (въ Москвѣ).

московскаго народа на встрѣту черноморцамъ и поднесли на великолѣпномъ серебряномъ блюдѣ громаднаго размѣра, хлѣбъ—соль, величиною котораго Москвичи желали выказать радушное гостепріимство, предлагаемое ими славнымъ воинамъ. Хлѣбъ—соль поставили на барабанъ, Кокоревъ сказалъ матросамъ: «други и братья! благодаримъ васъ за всѣ ваши труды и подвиги, за пролитую кровь въ защиту родной земли. Примите русское спасибо и земной поклонъ.» Онъ поклонился до земли и за нимъ послѣдовали другіе,—народъ со слезами на глазахъ благодарилъ братьевъ своихъ солдатъ за то, что они сослужили вѣрную службу отечеству. Офицеры пошли по рядамъ матросовъ, здоровались съ ними и вспоминали про славныя дѣла Севастопольскія.

Наконецъ матросы двинулись въ путь. Впереди несли принятую черноморцами хлѣбъ—соль. На встѣчу нашимъ воинамъ прибылъ московскій комендантъ и поздравилъ ихъ съ благополучнымъ прибытіемъ въ Москву. Московское купечество, мѣщане и городскіе цехи поднесли также хлѣбъ—соль. Чѣмъ дальше шли моряки, тѣмъ болѣе и болѣе прибывало народа, горѣвшаго желаніемъ увидѣть славныхъ сыновъ Россіи. Мѣстами толпа была до того густая, что черноморцы съ трудомъ могли двигаться. Они шествовали среди нескончаемаго «ура»; въ воздухѣ летали шапки, народъ не могъ достаточно налюбоваться своими закаленными въ бою братьями.

Наконецъ они прибыли на Серпуховскую площадь и, здѣсь дорогимъ гостямъ предложено было угощеніе. Народу собралось видимо не видимо. Не только обширная площадь была усѣяна густою толпою, но окна, двери и крыши домовъ оживились людьми. Всѣ наперерывъ хотѣ-

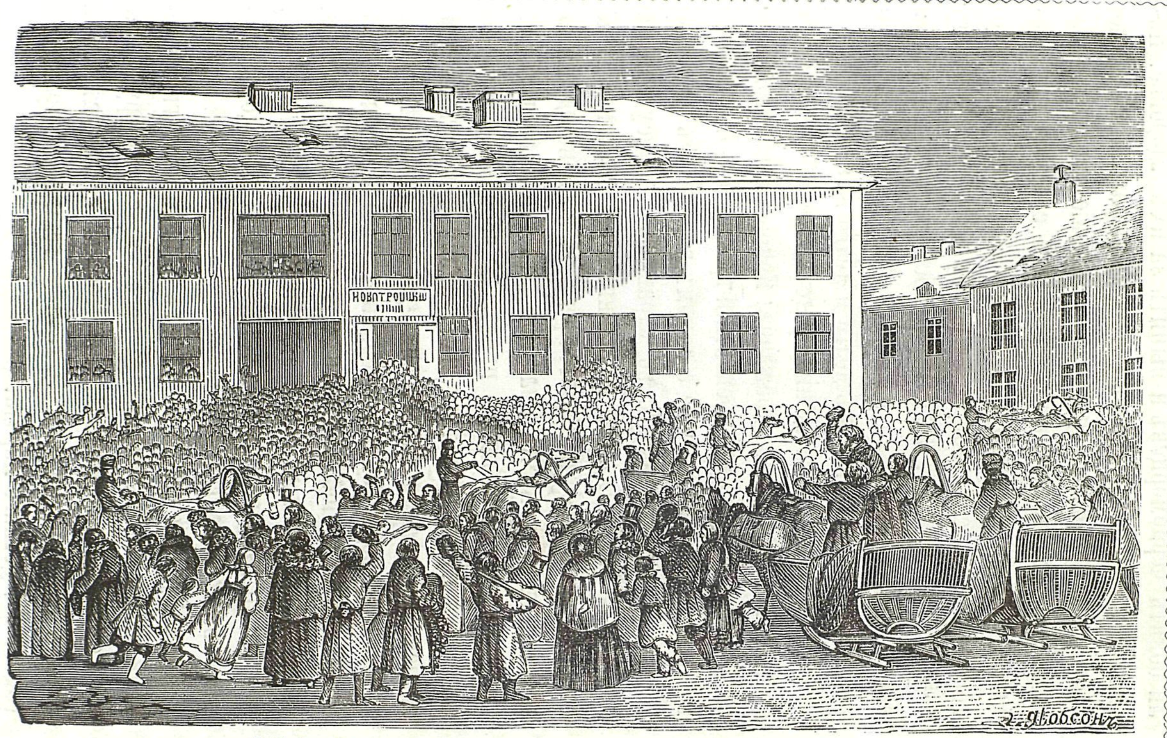
Памятникъ адмиралу Лазареву (въ Севастополѣ).

ли обнять черноморцевъ и выпить за ихъ здоровье. Когда кончилось угощеніе, въ которомъ выразились столько теплыхъ и братскихъ чувствъ, московскіе купцы предложили размѣстить матросовъ въ своихъ собственныхъ домахъ. Усердіе многихъ простиралось до того, что нѣкоторые домохозяева забирали къ себѣ на квартиру по сту человѣкъ и здѣсь, у себя дома, москвичи ухаживали за черноморцами, какъ за родными дѣтьми, пріѣздъ которыхъ съ поля битвы такъ долго и долго ждали.

Офицеры, по приглашенію представителей московскаго купечества, почотныхъ гражданъ: Кокорева и Мамонтова, отправились въ первый московскій трактиръ—Новотроицкій и тамъ, не говоря уже о самомъ радушномъ угощеніи было предложено множество здравицъ за Государя, за войско, за главныхъ его начальниковъ, и за всѣхъ севастопольскихъ героевъ. Въ это время площадь передъ Новотроицкимъ трактиромъ была покрыта такою густою толпою народа, что экипажи привезшіе черноморскихъ гостей, едва могли двигаться, и собравшійся народъ съ уваженіемъ привѣтствовалъ своихъ дорогихъ гостей.

Какъ проводы войскъ на брань, такъ и встрѣчи по возвращеніи ихъ послѣ тяжкихъ трудовъ боевой жизни, были по всей Россіи самыя задушевныя; войска по всюду встрѣчали какъ родныхъ, шествіе ихъ было рядомъ торжествъ, празднествъ.

Такъ Русскій человѣкъ умѣетъ цѣнить заслуги отечеству, такъ готовъ онъ жертвовать всѣмъ за Вѣру, Царя и Отечество, а бѣлокаменная Москва всегда стояла и стоитъ впереди всѣхъ и въ годину великихъ горестей и радостей Русскаго народа.

Пріѣздъ Севастопольцевъ къ Новотроицкому трактиру (въ Москвѣ).

Отмѣна Парижскаго трактата и возстановленіе верховнаго права Россіи на Черномъ морѣ 2-го марта 1871 года.

Въ отдѣльныхъ условіяхъ мирнаго парижскаго трактата 18 марта 1856 года, между прочимъ включено было тяжкое для Россіи обязательство,—ограниченіе верховныхъ правъ ея относительно содержанія морскихъ силъ на Черномъ морѣ.

Условія эти Россія свято соблюдала въ теченіе пятнадцати лѣтъ, оставляя не защищенными и открытыми для всякаго нападенія свои многолюдныя и богатыя прибрежья Чернаго моря. Между тѣмъ какъ прочія державы, въ продолженіе того же времени, явно стали уклоняться отъ исполненія принятыхъ ими на себя обязательствъ. Неоднократно и подъ разными предлогами проходъ черезъ проливъ въ Черномъ морѣ былъ открываемъ для иностранныхъ военныхъ судовъ, и въ Черное море были впускаемы цѣлыя эскадры, одно присутствіе которыхъ было уже посягательствомъ противъ присвоеннаго этимъ водамъ полнаго нейтралитета.

Государь Императоръ, имѣя въ виду безопасность и достоинство Своей Имперіи, оскорбленной столь явнымъ нарушеніемъ мирнаго парижскаго трактата, объявилъ 19-го октября 1870 года чрезъ государственнаго канцлера свѣтлѣйшаго князя Горчакова, представителямъ Россіи при Дворахъ Державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ, *что Онъ не можетъ долѣе считать Себя связаннымъ обязательствами трактата 18 (30) марта 1856 года,—на сколько они ограничиваютъ Его Верховныя права на Черномъ морѣ;*

что Его Императорское Величество считаетъ

Своею обязанностію заявить Его Величеству Султану о прекращеніи силы отдѣльныхъ дополнительныхъ условій къ трактату, опредѣляющихъ количество и разницу военныхъ судовъ, которыя обѣ Державы могутъ содержать на Черномъ морѣ;

что Государь Императоръ прямодушно увѣдомляетъ о томъ Державы, подписавшія трактатъ;

и что Его Императорское Величество возвращаетъ Его Величеству Султану права Его на Черномъ морѣ во всей полнотѣ, точно также какъ возстановляетъ Свои собственныя.

Воля Государя Императора, обнародованная въ Высочайшемъ повелѣніи 4 ноября, а также въ циркулярной депешѣ князя Горчакова, относительно возстановленія правъ Россіи на Черномъ морѣ и содержанія на немъ военнаго флота, принята была всѣми во всей Россіи съ восторгомъ, это памятно каждому изъ насъ. Со всѣхъ концовъ Россіи слѣдовали на Высочайшее имя адрессы, выражающіе радость, и глубокое патріотическое чувство, за твердое намѣреніе Государя возстановить права Россіи на Черномъ морѣ.

2 марта 1871 года столь важный для Россіи вопросъ рѣшонъ былъ окончательно въ ея пользу: уполномоченные Державы подписали трактатъ, уничтожающій ограничительныя статьи парижскаго трактата 1856 года, относящіяся до правъ Россіи на Черномъ морѣ.

Такимъ образомъ Россія пріобрѣла, послѣ пятнадцатилѣтнихъ мирныхъ условій, право не только устроить

вновь свой черноморскій флотъ въ прежнемъ его блестящемъ видѣ, но также и позаботиться о необходимой защитѣ береговъ Чернаго моря. Это тѣмъ болѣе было необходимо и своевременно, что какъ на Черномъ и на Азовскомъ моряхъ, такъ и на всемъ югѣ и востокѣ Россіи, торговля наша, земледѣліе и горнозаводское дѣло начинаютъ съ каждымъ годомъ принимать все большіе и большіе размѣры, вслѣдствіе развитія пароходства и желѣзныхъ дорогъ, въ Новороссійскомъ краѣ, а также и на Кавказѣ.

Не имѣя достаточнаго флота и сильныхъ крѣпостей въ этой богатѣйшей части нашего отечества, промышленность наша и торговля постоянно находились бы въ опасности отъ враждебныхъ замысловъ иностранцевъ, съ завистью смотрящихъ на развитіе богатства нашего Государства.

Убѣдивши Европейскія державы въ необходимости возстановить нарушенныя права Россіи на Черномъ морѣ, Правительство наше одержало тѣмъ великую мирную побѣду, для славы и процвѣтанія Россіи.

Возрожденіе Севастополя и видъ его въ настоящее время.

Севастополь видимо оживился. Ожиданіе желѣзной дороги, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развитія торговли, а также возвращенія этому «славному городу» прежняго военнаго значенія,—все это весьма важно для севастопольцевъ. Въ виду этихъ ожиданій, возникаютъ нѣкоторыя частныя зданія, устраиваются довольно обширныя гостинницы, раскупаются, по весьма возвысившейся цѣнѣ, мѣста и находящіяся въ нихъ развалины и груды камня.

Но, между тѣмъ, не смотря на возникающія частныя зданія, не смотря на выстроенныя въ послѣднее время общественныя зданія и церкви, Севастополь представляетъ въ массѣ пока еще однѣ развалины; въ особенности часть города на сторонѣ 5, 4 и 3 бастіоновъ, обширное пространство вокругъ бывшей церкви Петра и Павла (представляющее, въ настоящее время, видъ древнихъ развалинъ), вся Екатерининская улица, отъ бывшаго театра до собора; часть Корабельной позади Малахова кургана, морскія госпитали, казармы и проч.,—грустныя развалины: здѣсь на мѣстѣ громадныхъ зданій, стоятъ одинокія громадныя стѣны, продиравленныя снарядами и, какъ кажется, угрожающія паденіемъ.

Впереди ихъ, лицомъ къ бывшимъ докамъ и бухтамъ, на высокой площадкѣ, передъ развалинами прежняго госпиталя черноморскаго флота, поставленъ памятникъ адмиралу Лазареву, отцу черноморскаго флота. Онъ виденъ въ Севастополѣ отовсюду. Стоя между развалинами памятникъ имѣетъ весьма красивый видъ.

Большая часть улицъ Севастополя завалена обрушившимися камнями отъ разрушенныхъ зданій, обратилась въ тропинки, протоптанныя пѣшеходами; другія же, покрытыя густымъ слоемъ извѣстковой пыли и взрытыя снарядами, также мало похожи на городскія улицы. Лишь часть Екатерининской, Морской и весьма немногихъ другихъ улицъ находятся въ удовлетворительномъ состояніи. На мѣстѣ дома незабвеннаго Нахимова возникла довольно обширная гостинница Ветценъ. На мѣстѣ дома, который занималъ князь Васильчиковъ,—развалины; далѣе, домъ гдѣ жилъ Э. И. Тотлебенъ, пожертвованный имъ для «Севастопольскаго музея». Домъ этотъ въ настоящее

время великолѣпно устроенъ и украшенъ и представляетъ одно изъ лучшихъ зданій. Въ немъ и помѣщается «музей». Мысль о необходимости устройства музея, гдѣ бы соединены были всѣ вещественные памятники славной обороны севастопольской, возникла въ 1869 году, принята была весьма сочувственно и одобрена Государемъ Императоромъ. Его Величество осчастливилъ Севастопольскій Музей Своимъ милостивымъ вниманіемъ и въ нѣкоторой мѣрѣ обезпечилъ его пожалованными средствами.

Противъ зданія, въ которомъ помѣщается музей, недавно возобновленъ не большой храмъ, стоящій рядомъ съ соборомъ. Храмъ этотъ хотя и простъ по наружности, но очень изящно отдѣланъ внутри. Великолѣпные дома Красильникова, Читена и другихъ—въ развалинахъ. Собраніе представляетъ самый грустный видъ развалинъ; у одной изъ стѣнъ его пріютился жалкій деревяный балаганчикъ, въ которомъ находится «распивочно и на вынос». Вообще этого рода заведеній очень много размѣщено по Морской улицѣ, гдѣ въ началѣ возникло нѣсколько небольшихъ деревяныхъ зданій, какъ кажется построенныхъ изъ бараковъ, пріобрѣтенныхъ отъ непріятеля. Кромѣ того, здѣсь же находится нѣсколько небольшихъ лавочекъ для продажи сельтерской и содовой воды, въ которой такъ нуждается населеніе Севастополя, изнемогающее днемъ отъ зноя. Вообще, сколько можно судить по бѣглому обзору, наиболѣе обстроилась часть города, лежащая къ югу отъ Артиллерійской бухты. Но судя по приготовленному матеріалу, можно ожидать, что и въ другихъ частяхъ города будутъ постепенно возникать зданія.

Обширный храмъ св. Владиміра, построенный надъ

прахомъ «адмираловъ», почти совершенно оконченъ въ чернѣ, стѣны возведены до купола, а желѣзный остовъ купола стоитъ уже готовый подлѣ; онъ вскорѣ будетъ поднятъ на вершину храма. Заговоривъ о храмахъ, нельзя не упомянуть о другомъ строющемся храмѣ св. Владиміра—это на мѣстѣ древняго Херсонесскаго храма.

Дорога къ херсонсескимъ развалинамъ проходитъ мимо загороднаго кладбища, мѣстомъ бывшей борьбы между защитниками Севастополя и французскими войсками, вслѣдствіе этого, кладбище это сильно пострадало; но въ настоящее время оно приведено въ нѣкоторый порядокъ. При входѣ въ ворота херсонесскаго монастыря прежде всего обращаетъ вниманіе обширный домъ настоятеля; затѣмъ дорожка, обставленная по обѣимъ сторонамъ обломками бѣлаго мрамора, найденнаго на мѣстѣ древнихъ херсонскихъ храмовъ,—ведетъ къ возникающему новому храму св. Владиміра, который строится на мѣстѣ храма, въ стѣнахъ коего великій равноапостольный князь принялъ святое крещеніе. Въ настоящее время, выведено довольно обширное основаніе храма и первый этажъ, съ весьма красивыми окнами. Храмъ кругомъ обставленъ лѣсами. Онъ строится изъ бѣлаго инкерманскаго камня. На мѣстахъ другихъ здѣсь бывшихъ храмовъ поставлены деревяные кресты, уже нѣсколько обветшалые отъ времени.

Справа виднѣются приморскія окрестности Севастополя, затѣмъ самый городъ, лѣвѣе Южная бухта, и еще лѣвѣе Корабельная, увѣнчанная Малаховымъ курганомъ, и наконецъ высоты Сапунъ-горы, Инкерманскія горы, и вдали синеватые очерки Крымскихъ горъ.

Упомянувъ о Малаховомъ курганѣ,—считаемъ необхо-

димымъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Въ настоящее время этотъ курганъ, получившій наименованіе Корниловскаго бастіона, уже приведенъ въ нѣкоторый порядокъ. Хотя и весьма крутая, вовсе недоступная для экипажей, но исправная дорожка ведетъ къ вершинѣ кургана. На окраинѣ площадки вправо находится небольшой домикъ смотрителя, на лѣво—бѣлый мраморный памятникъ съ надписью: «въ память павшихъ защитниковъ;» памятникъ окруженъ каменною стѣнкою. Отъ него дорожка расчищена вдоль гребня смежнаго укрѣпленія, здѣсь помѣщавшагося; дорожка эта, проходящая къ вершинѣ массы взорванной глины и камней, по обѣимъ сторонамъ обсажена молодыми побѣгами деревьевъ; углы дорожки обозначены каменными столбиками. Остатки оборонительной башни приведены въ нѣкоторый порядокъ; чрезъ ровикъ, окружающій башню, перекинутъ деревяный мостикъ, ведущій на вершину развалины башни. Нижняя сохранившаяся часть башни, въ казематахъ которой нѣсколько храбрецовъ держались противъ массы французовъ, тогда занявшихъ Малаховъ курганъ, содержится въ порядкѣ; желѣзныя решотчатыя ворота закрываютъ входъ въ башню.

Что же касается до остальныхъ мѣстъ севастопольской оборонительной линіи, то они еще болѣе нуждаются въ приведеніи ихъ въ желаемый порядокъ.

Въ настоящее время, въ Севастополѣ все менѣе и менѣе остается лицъ, изъ числа очевидцевъ и участниковъ обороны. Мѣстные проводники уже начинаютъ путать и искажать событія и не вполнѣ вѣрно указывать на мѣста, прославленные русскою доблестью.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Глава I. Причины войны Россіи съ Турціей. (1853—1856 г.) 1

Нарушеніе Турціею трактата 1829 г.—Бѣдствія Христіанъ Православнаго исповѣданія—подданныхъ Турціи . . . . —

Глава II. Начало военныхъ дѣйствій Турокъ въ 1853 г. 6

Нападеніе Турокъ на постъ св. Николая.—Геройская защита его.—Манифестъ Императора Николая 1-го объ объявленіи войны Турціи . . . . —

Глава III. Военныя дѣйствія на Черномъ морѣ . . . 16

Движеніе парохода «Колхида» къ посту св. Николая. — Примѣрная защита парохода во время стоянки его на мели противъ поста . . . . —

Битва парохода «Владиміръ» съ турецко-египетскимъ пароходомъ «Первазъ Бахре». — Взятіе парохода «Первазъ-Бахре,» названнаго «Корниловъ» 20

Взятіе Турецкаго парохода «Меджари-Теджаретъ» Императорскимъ пароходомъ Бессарабія 26

Битва фрегата «Флора» съ тремя Турецкими пароходами. 27

Синопская битва. 29

Замѣчательно успѣшная перевозка 16-ти тысячнаго войска изъ Севастополя на восточный (кавказскій) берегъ Чернаго моря. 35

Бомбардированіе Одессы.—Щеголевская батарея . . . 35

Гибель англійскаго парохода «Тигръ» 58

Глава IV. Военныя дѣйствія на Дунаѣ 62

Начало непріязненныхъ дѣйствій Турокъ на Дунаѣ. . . —

Блистательный подвигъ пароходовъ «Прутъ» и «Ординарецъ» при Исакчи. 63

Расположеніе войскъ на Дунаѣ въ началѣ войны . . . 66

Стран.

Переправа Турокъ на островъ противъ крѣпости Туртукая. — Занятіе Турками лѣваго берега Дуная. — Геройское дѣло казаковъ № 34 полка.—Движеніе русскихъ войскъ къ Ольтеницѣ 67

Битва при Ольтеницкомъ карантинѣ 23 октября 1853 г.— Общее наступленіе всей линіи русскихъ войскъ.—Отступленіе Турокъ. — Замѣчательные подвиги храбрости въ битвѣ при Ольтеницѣ.—Заботливость жителей Бухареста объ участи раненыхъ.—Сооруженіе памятника на могилѣ воиновъ, павшихъ при Ольтеницѣ.—Высочайшія награды 75

Битва при Четати 25-го Декабря 1853 года.—Наступленіе турецкихъ войскъ.—Дѣйствія отряда полковника Баумгартена.—Примѣрное мужество Тобольскаго пѣхотнаго полка.— Дѣйствія отряда генерала Бельгардта для выручки Тобольцевъ.—Мужество Одесскаго егерскаго полка.—Отступленіе Баумгартена къ мѣстечку Добридворъ.—Подвиги храбрости и самоотверженія въ битвѣ при Четати 90

Битва при Каларашѣ 20 февраля 1854 г.—Дѣйствія генералъ-адъютанта Хрулева.—Затопленіе турецкихъ судовъ.— Замѣчательные подвиги мужества и храбрости въ битвѣ при Каларашѣ 101

Переправа войскъ черезъ Дунай (11 марта 1854 г.) . . 104

Осада Силистріи въ 1854 году. 117

Движеніе къ Силистріи отряда генералъ-адъютанта Шильдера и занятіе острововъ по Дунаю. — Открытіе огня по непріятельскимъ укрѣпленіямъ и движеніе отряда генералъ-адъютанта Лидерса.— Расположеніе отряда Лидерса лагеремъ противъ Силистріи.— Начатіе осадныхъ работъ. — Рекогносцировки 6-го и 9-го мая.—Расположеніе крѣпости Силистріи и вооруженіе ея.— Осадныя работы съ 15-го по 28-е мая.—Вылазка Турокъ съ 16-го на 17-е мая и движеніе отряда генерала Сельвана на приступъ къ Арабскому укрѣпленію.—Вылазка Турокъ 22-го мая.—Осадныя работы съ 28-го мая.— Генералъ-фельдмаршалъ контуженъ.— Генералъ Шильдеръ тяжело раненъ.—Приготовленіе войскъ къ штурму непріятельскихъ укрѣпленій.—Внезапное снятіе осады.—Обратное движеніе нашихъ войскъ отъ Силистріи за Дунай . . . . —

Дѣло при Журжѣ 23-го и 25-го іюня 1854 г. — Переправа Турокъ черезъ Дунай и распоряженія о движеніи нашихъ войскъ къ Журжѣ. — Сочувствіе Болгаръ къ Русскимъ. — Кровопролитное дѣло на островѣ Радоманѣ. Движеніе гене-

Стран.

ралъ-лейтенанта Соймонова къ Фратешти.—Замѣчательные подвиги воинскихъ чиновъ въ дѣлѣ при Журжѣ.—Прибытіе къ Журжѣ генералъ-адъютанта княза Горчакова.—Обратное движеніе Дунайской арміи къ границамъ Россіи 128

Глава V. Военныя дѣйствія на Балтійскомъ морѣ и Финскомъ заливѣ. (въ 1854 и 1855 годахъ) . 138

Появленіе Англо-французскаго флота въ Балтійскомъ морѣ.—Захватъ непріятелемъ Русскихъ купеческихъ судовъ.—Подвиги Финляндцевъ, Эстляндцевъ и Лифляндцевъ. — Подвигъ лоцмана Седерлинга. — Числительность союзнаго флота. — Нападенія непріятеля на прибрежные города. — Мужественное отраженіе непріятеля при Гамле-Карлебю. — Пребываніе Англо-французскаго флота предъ Кронштадтомъ. Бомбардированіе Аландскихъ укрѣпленій и овладѣніе ими съ 27-го по 4-е августа 1854 года. — Бомбардированіе Свеаборга съ 28—30 іюля 1855 г. — Отплытіе Англо-французскаго флота изъ Балтійскаго моря . . . . —

Глава VI. Военныя дѣйствія на Бѣломъ морѣ, (въ 1854 и 1855 годахъ) 165

Появленіе Англо-французской эскадры на Бѣломъ морѣ 5-го іюня 1854 г. — Грабежи Англичанами прибрежныхъ жителей и захваты судовъ.—Подвигъ крестьянина Чухчина.—Подвигъ государственныхъ крестьянъ села Пушлахты. — Давность основанія Соловецкаго монастыря.—Бомбардированіе Соловецкаго монастыря. — Колокольня и часовня, построенныя въ память бомбардированія св. обители. — Бомбардированіе г. Колы.—Дѣйствія Англо-французской эскадры въ Бѣломъ морѣ въ 1855 г. . . . . —

Глава VII. Военныя дѣйствія на Восточномъ или Тихомъ океанѣ. (въ 1854 и 1855 годахъ). 175

Дѣйствія эскадры Англо-французскаго флота у береговъ Камчатки.—Нападеніе на Петропавловскій портъ 20-го и 24-го августа 1854 года, и замѣчательное пораженіе непріятеля.—Дѣйствія эскадры у береговъ Сибири въ 1855 г. . —

Глава VIII. Военныя дѣйствія на Закавказской границѣ съ Турціею, (1853, 1854 и 1855 гг.) . . 187

Битва при Баяндурѣ 2 ноября 1853 г.—Вступленіе Турецкихъ войскъ изъ Карса.—Нападеніе Курдовъ и Турокъ на с. Баяндуръ и отраженіе ихъ. — Прибытіе генералъ-лейте-

Стран.

нанта князя Бебутова въ Александрополь и принятіе имъ главнаго начальства надъ войскомъ.—Движеніе отряда князя Орбеліана и открытіе Турецкихъ войскъ. — Упорная артиллерійская битва при с. Баяндурѣ. — Движеніе князя Бебутова къ мѣсту битвы.—Отступленіе Турокъ за Арпа-чай.— Подвигъ драгунскаго дивизіона. — Подвиги безстрашія нижнихъ чиновъ. . . . . —

Сраженія при с. Али-Кисили и подъ Ахцуромъ, 4-го и 6-го декабря 1853 года 194

Битва подъ Ахалцыхомъ 14 ноября 1853 г. — Прибытіе генералъ-лейтенанта князя Андроникова въ Ахалцыхъ.— Расположеніе непріятеля.—Наступленіе нашихъ войскъ. — Взятіе верхняго Суплиса, занятіе Суплисскихъ садовъ и аула и преслѣдованіе непріятеля. — Кавалерійское дѣло на высотахъ Посховъ-чай и прекращеніе боя. — Подвиги храбрости и мужества нашихъ войскъ 196

Битва при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ, 19 ноября 1853 года. — Извѣстіе о движеніи непріятеля. — Одушевленіе русскаго отряда, приготовленіе къ бою.—Переходъ нашего отряда черезъ р. Карсъ-чай.—Самонадѣянность турецкаго главнокомандующаго. — Построеніе нашего отряда въ боевую позицію и кровопролитный бой.—Мужество Куринскаго полка.— Князь Мурханскій воодушевляетъ отрядъ Эриванцевъ.—Мужество Эриванцевъ и семи ротъ гренадеръ. — Подвигъ подпрапорщика князя Андроникова. — Движеніе князя Бебутова и генерала Багговута.—Смятеніе и бѣгство Турокъ . 205

Битва при с. Нигоити 27-го мая 1854 г. — Движеніе Турокъ къ русскимъ границамъ и распоряженія князя Андроникова. — Наступленіе Турокъ къ с. Нигоити и пораженіе ихъ отрядомъ подполковника князя Эристова. — Мужество двухъ ротъ Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка и преслѣдованіе Турокъ 215

Пораженіе Турокъ при рѣкѣ Чолокѣ 4-го іюня 1854 года.— Движеніе нашихъ войскъ къ Озургетамъ.—Рекогносцировка князя Андроникова. — Приготовленіе къ бою и атаки непріятеля. — Мужество конной дружины охотниковъ. — Дѣйствія русскаго отряда на Кокутскихъ высотахъ. — Пораженіе и бѣгство Турокъ. 218

Битва на Чинглыльскихъ высотахъ 17-го іюля 1854 г. — Движеніе нашего отряда къ Баязету.—Расположеніе нашего отряда передъ битвой. — Переходъ чрезъ ущелье, пораже-

Стран.

ніе Турокъ и бѣгство ихъ. — Занятіе нашими войсками г. Баязета 224

Пораженіе турокъ при Кюрукъ-Дара 24-го іюля 1854 г.— Извѣстіе о движеніи Турокъ и распоряженія генералъ-лейтенанта князя Бебутова. — Расположеніе русскаго отряда и Турецкой арміи. — Мужественная атака нашими войсками праваго Турецкаго фланга и пораженіе Турокъ. — Атака на центръ непріятельской позиціи и пораженіе Турокъ.—Атака отрядомъ подъ предводительствомъ генералъ-лейтенанта князя Бебутова и бѣгство Турокъ. — Замѣчательные подвиги въ битвѣ при Кюрукъ-Дара 227

Осада Карса, 6 іюня по 16 ноября 1855 года. — Движеніе Кавказской арміи къ Карсу и обложеніе Карса. — Бѣдственное положеніе гарнизона въ Карсѣ. — Штурмъ Карса 17-го сентября. — Голодъ въ крѣпости. — Сдача Карса. — Приказъ главнокомандующаго генералъ-адъютанта Муравьева по отдѣльному Кавказскому корпусу 244

Глава IX. Краткій очеркъ Крыма до начала военныхъ дѣйствій въ 1854 году 261

Населеніе Крыма. — Жилища и занятія жителей. — Географическое описаніе города Севастополя. — Севастопольская бухта. — Окрестности Севастополя. — Укрѣпленія Севастополя отъ его основанія до высадки непріятельскихъ войскъ на Крымскомъ полуостровѣ. — Число орудій, снарядовъ и прислуги на всѣхъ батареяхъ къ осени 1853 года. — Дальнѣйшія распоряженія и работы по укрѣпленію Севастополя. — Общее число войскъ, находившихся на Крымскомъ полуостровѣ къ 1-му сентября 1854 года. — Числительность флота. — Закладка храма св. Владиміра и рѣчь архіепископа Иннокентія . . . . —

Глава X. Военныя дѣйствія въ Крыму, осада Севастополя и геройская его защита 273

I. Высадка непріятеля на Крымскомъ полуостровѣ. — Сосредоточеніе войскъ на р. Альмѣ. — Расположеніе ихъ на Альминской позиціи. — Движеніе непріятеля отъ Евпаторіи къ Альмѣ. — Бивуакъ наканунѣ битвы. — Утро 8-го сентября. — Альминское сраженіе. — Отступленіе нашихъ войскъ къ Бельбеку . . . . —

II. Севастопольскій гарнизонъ во время высадки непріятеля и Альминскаго дѣла. — Затопленіе судовъ на рейдѣ. — Работы въ сѣверномъ укрѣпленіи. — Движеніе князя Мень-

Стран.

шикова къ Бахчисараю. — Движеніе непріятеля къ Бельбеку.—Ожиданіе нападенія на сѣверную сторону и состояніе ея укрѣпленій. — Движеніе непріятеля на южную сторону. — Укрѣпленіе южной стороны. — Числительность войскъ. — Мѣры, принятыя къ отраженію непріятеля. — Приказъ Нахимова. — Занятіе непріятелемъ Балаклавы. — Смерть маршала Сентъ-Арно. — Наши работы и дѣйствія непріятеля съ 15 по 18 сентября. — Занятіе непріятелемъ Камышевой бухты. — Прибытіе князя Меньшикова въ Севастополь. — Усиленіе гарнизона. — Назначеніе Корнилова начальникомъ штаба Севастопольскаго гарнизона. — Прибытіе новыхъ подкрѣпленій. — Первыя работы непріятеля. — Вылазки. — Заложеніе французами траншеи. — Вылазки и дѣйствія наши 29 и 30 сентября. — Заложеніе французами батареи на Херсонской высотѣ. — Ожиданіе штурма 282

III. Нравственное настроеніе духа защитниковъ Севастополя въ ожиданіи штурма.— Матросы на батареяхъ.— Приказы генералъ-адъютантовъ: Корнилова и князя Меньшикова. — Бомбардированіе 5-го октября. — Взрывъ пороховаго погреба на Рудольфовой горѣ. — Осмотръ батарей княземъ Меньшиковымъ. — Распоряженія полковника Тотлебена. — Смерть Корнилова. — Бомбардированіе съ моря. — Взрывъ на 3-мъ бастіонѣ. — Подвиги мужества и самоотверженія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ въ день 5-го октября . 307

IV. Положеніе дѣлъ подъ Севастополемъ послѣ первой бомбардировки. — Балаклавское дѣло 13 октября. — Пріѣздъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича въ Севастополь, октября 23 дня 1854 года.— Инкерманское дѣло 24 октября. — Приказъ генералъ-адъютанта князя Меньшикова отъ 29-го октября. — Буря 2-го ноября. — Положеніе дѣлъ подъ Севастополемъ въ декабрѣ 1854 г. — Замѣчательнѣйшіе подвиги отдѣльныхъ лицъ съ октября по декабрь 1854 года. — Необходимость подземной войны въ Севастополѣ.— Начало нашихъ минныхъ работъ.—Успѣхъ нашихъ минныхъ работъ къ 25 декабря 1854 года. . . . 323

V. 1-е января 1855 года въ Севастополѣ. — Вылазка 2-го января. — Положеніе Турокъ въ союзномъ лагерѣ. — Вылазки 7-го и 19-го января. — Подвигъ матроса Шевченки.— Минныя работы подъ Севастополемъ. — Подвиги Донскихъ казаковъ. — Евпаторійское дѣло генералъ-лейтенанта Хрулева и геройство Донцовъ. — Закладка редута въ Киленъ-

Стран

балкѣ и неудачная вылазка Французовъ въ ночь на 12-е февраля 1854 г. 370

VI. Присутствіе Великихъ Князей въ рядахъ войскъ, оставившихъ Селенгинскій редутъ. — Перемиріе.—Назначеніе главнокомандующимъ нашими войсками барона Остенъ-Сакена.—Ночь съ 21-го на 22-е февраля въ Севастополѣ. — Дѣло подъ Евпаторіей 21-го февраля.—Заложеніе нами новаго редута.—Канонада 26-го февраля. — Вѣсть о кончинѣ Государя Императора Николая 1-го.—2-е марта подъ Евпаторіею и подъ Севастополемъ. — Нападенія непріятеля на наши ложементы съ 3-го по 7-е марта. — Смерть адмирала Истомина 389

VII. Окончаніе вооруженія Камчатскаго люнета.—Вылазка въ ночь съ 10-го на 11-е марта, противъ Французовъ.—Вылазка того-же числа, ночью, капитана Будищева и лейтенанта Бирюлева. — Участіе Іеромонаха Савинова въ вылазкѣ.—Сигнальщикъ на баттареѣ.—Безстрашіе и самоотверженіе солдатъ при гашеніи бомбъ и гранатъ.—Перемиріе 12-го марта.—Празднованіе свѣтлаго Христова Воскресенія.—Второе общее бомбардированіе.—Замѣчательные случаи присутствія духа раненыхъ.—Замѣчательная стойкость и отвага 404

VIII. Заложеніе двухъ новыхъ траншей.—Углицкій полкъ въ ночной схваткѣ 19-го апрѣля.—Двѣ атаки противъ Англичанъ.—Русскіе стрѣлки.—Отвага стрѣлка.—Усовершенствованіе ружейныхъ пуль.—Дѣло Сакскаго авангарда 15-го мая.—Удаль и молодечество драгунъ и казаковъ.—Дѣйствія непріятельской эскадры въ Азовскомъ морѣ. —Непріятель въ Керчи, Бердянскѣ и Геническѣ. — Неудачная попытка непріятеля подъ Таганрогомъ 415

IX. Третье общее бомбардированіе.—Взятіе Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ и Камчатскаго люнета.—Четвертое бомбардированіе. — Штурмъ 6-го іюня. — Праздникъ Брянцевъ.—Смерть Нахимова. — Нѣсколько случаевъ изъ жизни Нахимова 432

X. Битва при р. Черной 4-го августа. — Начало пятаго общаго бомбардированія. — Положеніе Севастопольскаго гарнизона во время бомбардированія.—Взрывъ передъ пятымъ бастіономъ. — Нѣсколько взрывовъ 13-го и 14-го августа.—Мостъ черезъ Бухту.—Вылазки нашихъ охотниковъ съ 18-го по 20-е августа. — Слухи объ оставленіи города.—Прибытіе въ Севастополь ополчанъ. 458

Стран.

XI. Приготовленіе союзниковъ къ приступу. — Трехдневное бомбардированіе Севастополя. — Пожаръ военныхъ судовъ. — Приступъ къ Малахову кургану. — Битвы на 2-мъ бастіонѣ, на редутахъ Шварца и Бѣлкина. — Послѣдняя борьба на Малаховомъ курганѣ. — Переправа нашихъ войскъ на Сѣверную сторону. 475

XII. Видъ Севастополя по оставленіи его войсками. — Занятіе Севастополя союзниками. — Постройка новыхъ баттарей на сѣверномъ берегу бухты. — Обстрѣливаніе Бухты. — Рекогносцировка Евпаторіи. — Дальнѣйшія дѣйствія союзниковъ въ Крыму. — Бомбардированіе и занятіе непріятелемъ Кинбурна. — Пріѣздъ Государя Императора въ Крымъ. — Перемиріе 17-го февраля 1856 г. — Высочайшій манифестъ 18-го марта 1856 г. — Приказъ Государственному подвижному ополченію. 497

Глава XI. Военныя кладбища въ Севастополѣ и церковь во имя Святителя Николая, воздвигнутая въ память воиновъ, павшихъ при защитѣ Севастополя 510

Глава XII. Патріотизмъ Россіи. 524

Отмѣна Парижскаго трактата и возстановленіе верховнаго права Россіи на Черномъ морѣ 2 марта 1871 г. 537

Возрожденіе Севастополя и видъ его въ настоящее время. 539

ОПЕЧАТКИ:

Стран.	Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
517	13	*несть*	*нѣсть*
—	15	*оти*	*отъ*
521	17	*тѣло*	*лѣто*
—	19	*ирiидохъ*	*прiидохъ*

ОПИСАНІЕ
ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЫ.
1853—1856 гг.

Посвящено Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу Александру Александровичу.

Въ замѣчательномъ воззваніи Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича къ бывшимъ защитникамъ Севастополя, между прочимъ, сказано:

„Распространеніе въ народѣ вѣрнаго пониманія славныхъ страницъ его исторіи, есть одна изъ важнѣйшихъ сторонъ его нравственнаго воспитанія.

„Распространеніе въ войскахъ знанія великихъ подвиговъ военной доблести, съ цѣлью сроднить съ ними каждаго солдата, есть важнѣйшая сторона военнаго образованія войска.

„Чѣмъ свѣжѣе память этихъ страницъ исторіи и этихъ подвиговъ военной доблести, тѣмъ яснѣе рисуются образы великихъ людей и славныхъ дѣлъ каждаго историческаго событія, тѣмъ сильнѣе слѣдовательно могутъ они быть двигателями нравственнаго вліянія“.

Сочувствуя вполнѣ глубокой мысли, высказанной Его Высочествомъ, о необходимости и пользѣ знакомить войско и народъ съ историческими собы-

тіями и совершонными славными подвигами военной и гражданской доблести, я полагалъ не безполезнымъ представить въ послѣдовательномъ цѣломъ, хотя краткое описаніе всей **„Восточной Войны“**, 1853—1856 гг., такъ какъ славные подвиги мужества и самоотверженія, достойные остаться въ памяти народа, совершались въ эту войну не только въ Севастополѣ, но одновременно и по всѣмъ окраинамъ обширнаго государства Русскаго.

Съ этою цѣлью, все относящееся до **„Восточной Войны“**, изложенное во многихъ статьяхъ, въ издаваемомъ мною журналѣ „Чтеніе для Солдатъ“, было мною вновь пересмотрѣно, измѣнено и значительно добавлено, согласно предположенному мною плану новаго изданія. Причемъ, источниками служили мнѣ слѣдующія изданія: „Описаніе обороны г. Севастополя“, генералъ-адъютанта Тотлебена.—„Матеріалы для описанія обороны Севастополя“, Жандра. — „Военно-историческіе очерки Крымской экспедиціи“, Аничкова.—„Описаніе экспедиціи Англо-Французовъ въ Крымъ въ 1854—1855 годахъ“. — „Сборникъ извѣстій, относящихся до войны 1853—1855 гг.“, Пушилова. — „Былины въ стихахъ“ В. Коссинскаго. — „Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя“—(два первыхъ выпуска), Н. Дубровина, и нѣкоторыя изъ иностранныхъ сочиненій о крымской войнѣ.

Въ описаніе **„Восточной Войны“** 1853—1856 гг., не смотря на значительный объемъ изданія, могло войти только наиболѣе замѣчательное, какъ относительно событій того времени, такъ и подвиговъ

военной и гражданской доблестей. Полагаю, что трудъ мой, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, можетъ принесть нѣкоторую пользу войску и народу вообще, знакомя съ достославнымъ прошедшимъ, память о которомъ должна передаваться изъ рода въ родъ, въ примѣръ и назиданіе будущимъ защитникамъ Отечества.

Описаніе **„Восточной Войны"** отпечатано въ 8-ю долю обыкновеннаго формата на 35-ти листахъ съ 62-мя портретами и рисунками.

Подписавшимся на пять и болѣе экземпляровъ журнала „Чтеніе для Солдатъ" 1872 года, разослано согласно условію, *безплатно* по *одному* экземпляру Описанія «Восточной Войны.»

Желающіе получить Описаніе «Восточной Войны» *на сатинированной бумагѣ*, въ бумажной обложкѣ, высылаютъ . . . . 1 р. 75 к.

На *сатинированной веленевой* бумагѣ съ фотографическими портретами Государя Императора Александра II-го и Императора Николая I-го; въ бумажной обложкѣ, высылаютъ . . . . 2 р. 20 к.

И на пересылку каждаго экземпляра. — » 25 к.

Съ требованіями можно обращаться въ контору редакціи журналовъ: „Чтеніе для Солдатъ" и народнаго „Мірской Вѣстникъ", въ С.-Петербургѣ, а также и во всѣ книжные магазины.

А. Ѳ. Гейротъ.

